Александр Асташов

Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность

Асташов А.Б.

Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность

МОСКВА новый хронограф 2014

УДК 355(091)(47+57)»191»
ББК 63.3(2)53-35
А91

Асташов, А. Б.
А91 Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А.Б. Асташов. – Москва : Новый хронограф, 2014. – 740 с. : ил. – (Серия «Российское общество. Современные исследования»). – ISBN 978-5-94881-182-6.

В книге на большом архивном материале в свете новейших исторических подходов анализируются особенности Русского фронта в годы Первой мировой войны в географическо-пространственном и хозяйственном отношениях, социальный состав армии, боевой опыт, фронтовая повседневность, тяготы военной службы, психопатология воюющего человека, пропаганда и религиозное обеспечение войны, дисциплинарные практики, преступность, вопросы личной жизни на фронте, моральный кризис и бунтарство в русской армии. Военный опыт русской армии рассматривается как важнейшее условие революции 1917 г. и последующей модернизации России.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в памяти ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Асташов А.Б., 2014
© Издательство «Новый Хронограф», 2014

Оглавление

Введение ... 5

Глава 1. Народ идет на войну ... 16
§1. Русская армия: мобилизация, состав и довоенный социальный опыт ... 16
§2. Пространство и ратный труд Русского фронта ... 64
§3. Мотивация борьбы на Русском фронте ... 113
§4. Солдат-крестьянин на современной войне ... 168

Глава 2. Человек перед лицом войны ... 224
§1. Тяготы войны на Русском фронте: тело против стали ... 224
§2. Русский солдат на Первой мировой. Психопатология войны: шелшок или культуральный шок? ... 340

Глава 3. Проблемы организации борьбы на Русском фронте ... 415
§1. Дисциплина в Русской армии: между повиновением и бунтом ... 415
1.1. Уход в плен и борьба с ним ... 416
1.2. Дезертирство ... 466
1.3. Членовредительство ... 495
1.4. Преступление и проступок ... 515
§2. Русский фронт в информационном поле современной войны ... 545

Глава 4. Рождение солдата-гражданина ... 597
§1. Солдат и родной дом ... 597
§2. Гендерные основания
морального кризиса русской армии ... 616
§3. Моральный кризис в русской армии ... 663
§4. Анатомия солдатского бунта ... 677

Заключение ... 714

Указатель имен ... 720

**Список воинских формирований и частей
и военно-общественных организаций** ... 730

Введение

Чем дальше время отделяет нас от начала XX века, тем пристальней становится взгляд на эпоху вхождения России в современность. Ее истоком стала Первая мировая война, а формой вхождения в новый этап развития – революция. Насилие военного конфликта обрекло на смерть старое общество и в то же время дало жизнь обществу новому. Нынешние поколения, потомки военных и революционных лет начала XX в., чья связь с ними все еще не разорвана, хотят знать условия своего рождения, язвы прошлого, генетику своего рода, чтобы попытаться по-другому, более успешно, с учетом трудностей прошлого века, выстроить вхождение в постсовременное общество.

В истории России существует неразрывная связь между войнами и модернизационными прорывами. В силу господства политического фактора, являющегося определяющим моментом типа развития страны и одновременно ставящего определенный предел для ее развития, именно внешний фактор, представляющий постоянный вызов истории, вызов современности, создает условия для новых витков модернизации российского социума. В результате такое развитие происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы. Отсюда дискретный характер обновлений – через потрясения и революции[1]. Особенно мощным влияние внешнего фактора на развитие России оказалось в начале XX в. Не случайно это время называют эпохой войн и революций. Как и раньше, после вооруженных конфликтов, в которых участвовала Россия, вслед за русско-японской войной в России разразился мощный революционный кризис. Однако наиболее серьезное влияние на последующее развитие России оказала Первая

[1] *Фонотов А.Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 85–87, 88, 97, 109; Власть и реформы. СПб., 1996. С. 49.

мировая война. Это влияние испытали все страны-участницы конфликта. Потребовавшаяся для ведения военных действий мобилизация общества завершила в этих странах их вхождение в современность. Для России же попытки мобилизации общества в ходе войны переросли в глобальную социальную модернизацию уже после войны. Таким образом, военный опыт России в значительной степени обусловил послевоенные процессы вплоть до следующего участия в масштабном противостоянии с внешним противником – в годы Великой Отечественной войны. Определение характера, объема, тенденций влияния этого военного опыта на последующее развитие страны является важным условием для характеристики всех последовавших за войной процессов в социальной, политической и других областях развития России.

Особенностью Первой мировой войны по отношению к России было то, что она подготовила не только распад старых структур (армии, политической системы) и образование новых – главным образом представленных в деятельности революционных сил, общественных групп, классов. Война оказывала глубокое влияние и на формирование самого материала, субъекта последующих преобразований, то есть конкретного человека. Во время войны люди, представители различных социальных групп, получали новый военный опыт и после войны пытались применить его в ходе социальных, политических и иных преобразований. Такой опыт смогли получить миллионы солдат – самая активная часть населения России. Опыт поведения человека на войне – как личная судьба накануне выдающегося броска российского общества в современность – является важной проблемой социально-политических изменений в России второго десятилетия XX века.

Тема человека на Первой мировой войне широко изучается на Западе. Именно на этой Великой войне сформировался характер человека нового времени, получил законченные формы (Gestalt, по Юнгеру) «солдата-гражданина». Дело не в том, что все работники, трудящиеся народного хозяйства, становятся рабочими «военной экономики», а в том, что связь фронта и тыла проявляется в

определенном контроле гражданских структур над каждым комбатантом, в присутствии этих структур в ратном труде. Именно этот контроль-связь и образует солдата-гражданина. Трансформация комбатанта в солдата-гражданина определяет интерес к войне, роли «человека с ружьем» в будущих преобразованиях, «социалистических» по форме, но глубоко социальных по содержанию. И форма этих преобразований, и их содержание имеют глубокие корни в Первой мировой войне. Неразрывность войны и революции, определившая рождение нового социально-политического образования, определяет интерес к военному опыту русского комбатанта.

Для России тема значения военного опыта определяется еще и вопросом роли комбатанта в революции 1917 года. Начать революцию означало – не просто выйти из войны, но и разрушить весь социальный, политический, государственный порядок во время его наивысшего этапа – мобилизации в ходе тотальной войны. Столь масштабное действие не могло произойти без участия миллионов человек, так или иначе встроенных в систему, отнюдь не казавшуюся бесперспективной. Истоки этой крупнейшей в истории катастрофы кроются в подрыве организационного, дисциплинарного, военно-хозяйственного механизма русской армии. Объяснить такого рода катаклизм последующими событиями было бы слишком упрощенным подходом. В этом смысле предполагаемое исследование ставит вопрос о механизме глубочайшей социальной деструкции в ходе Первой мировой войны в одной из воюющих стран на примере кризиса русской армии.

Несмотря на значимость именно для России проблемы человека на войне, как ни странно, военный опыт мало изучается именно в российской историографии – по сравнению с западной. Военный опыт комбатанта растворяется в политических и социально-экономических штудиях. Не случайно, что низвержение марксистско-ленинской трактовки событий начала XX века вдруг обнаружило пустоту в ответах на простые вопросы: почему же русский солдат отказался воевать, как большевики сумели захватить власть? Вновь и вновь приходится возвращаться к началу

истории XX века, так и не завершившейся в умах нынешнего поколения. Вот почему, утратив, исчерпав объяснительный потенциал политической или социально-экономической теории, пытаются возродить мифы о влиянии «мировой закулисы», роли чьих-либо денег, послуживших якобы главной причиной развала армии и прихода к власти большевизма.

Личностно-психологическая сторона формирования нового человека освещается чрезвычайно мало. Вопрос о психологических корнях революционных событий явно подчиняется политическим схемам истории России вплоть до нашего времени. Психология участников войны в объяснении причин революции служит неким этнографическим довеском к объяснению более важных причин, порожденных уже революцией, хотя очевидно, что и революция шла во время продолжавшейся войны, и военный опыт значительно превышал собственно революционный опыт. Да и сама революция в изображении историков как бы из самой себя рождает многоразличные свои формы: и в эстетике, и в морали, и в политической культуре. «Пропустив» исследование психологической составляющей в годы Первой мировой войны, занижают психологическую составляющую и во Второй мировой войне, зато неожиданно обнаруживая ее в конфликтах более позднего времени – прежде всего афганском, чеченском и других. Современный уровень мировой историографии позволяет поставить в целом вопрос о психологической обусловленности кардинальных событий в России, вызванных Первой мировой войной. Изучение психологии комбатанта на Восточном фронте Первой мировой войны должно вписать главу в общую проблему военного опыта человека в Великой войне начала XX столетия. Изучение этой проблемы позволит приблизиться к решению мало разработанной проблемы психологического состояния комбатанта и в годы Великой Отечественной войны, полнее раскрыть истоки Великой победы над фашизмом.

Особенно важна проблема влияния Первой мировой войны на революцию 1917 г. и последующие события, обусловившие старт наиболее грандиозных преобразований в

истории России. И прежде всего, важно определить место и значение армии, в которой была сосредоточена наиболее активная часть населения. Хотя нет недостатка в изучении событийной стороны «революционизирования» армии, однако остается неясной причина столь быстрого ее крушения, что явилось феноменом в мировой истории, не знавшей такого явления, как развал армии, массовый отказ воевать, крушение столь мощного и, казалось бы, отработанного механизма. Усилия властей по парализации негативных процессов в армии в отечественной литературе не рассматриваются. Речь, по существу, идет о состоятельности нации в деле обеспечения обороноспособности, ответственности, самодисциплины, проявляемой комбатантом массовой армии, и укрепления системы организационно-дисциплинарных мер со стороны военных и гражданских властей по управлению «нацией, идущей на войну». Чем именно определялась степень разложения армии и почему были недостаточны усилия властей по поддержанию в ней даже элементарного порядка, не говоря уже об обеспечении победы, – это серьезная проблема социальной истории русской армии в годы Первой мировой войны. Неясны и глубинные причины социальных переоценок в менталитете комбатанта русской армии, особенно в сравнении с комбатантами других воевавших стран. Неясна тенденция формирования социальных установок, их обусловленность войной. Именно здесь кроются причины крупного спора в историографии: чем явилась война – купелью революции или всего лишь источником дополнительных тягот в собственно гражданском конфликте?

Роль войны, военного опыта, практики противостояния социального организма на войне с противником в условиях глобального конфликта, влияние этого военного опыта на разрушение старого порядка и формирование стартовых условий для создания нового, современного, общества как среды для создания субъекта будущих преобразований – вот главная проблема исследования. В данной работе исследуется военный опыт солдата Восточного (Русского) фронта Первой мировой. Под Русским фрон-

том понимается в основном боевая позиция Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов, то есть района соприкосновения с европейским противником, ареал классической формы позиционной войны. Под Русским фронтом подразумевается зона смертельного боевого противостояния, а также зона военно-хозяйственных, дисциплинарных и иных практик по организации непосредственно военных сил на театре военных действий. Хронологически в работе рассматривается время с начала войны в 1914 г. и до Февральской революции, когда во внешний военный конфликт вмешался фактор внутренних, революционных перемен, в результате чего невозможно рассмотреть опыт собственно национального военного противостояния. Главными героями исследования являются воины (комбатанты) русской (сухопутной) армии – как солдаты, так и офицеры, испытывавшие тяготы фронтовой жизни, «стрессы смерти и жизни».

Человеческий фактор военных действий рассматривается в неразрывной связи с деятельностью организационных армейских структур по организации оборонительных усилий на фронте. Под военным опытом понимается индивидуальный опыт постижения трудностей современной войны (опыт как переживание), опыт преодоления трудностей современной войны (опыт как осмысление практики деятельности) и опыт как условие для создания «проекта» будущего общества. Это – военный опыт воина и армейских структур по организации военных действий в современной войне.

Главная цель исследования – выявить влияние военного опыта на формирование солдата-гражданина, участника будущих социальных преобразований. Для этого предполагается решить ряд исследовательских задач: охарактеризовать прошлый социальный опыт основных социальных групп русской армии в Первой мировой войне; выявить условия существования комбатанта в войне нового типа: позиции как хозяйственно-пространственного фактора боевой деятельности, материально-технического снабжения, условий и организации ратного труда комбатанта; проанализировать влияние тягот современной

войны на комбатанта и эффективность деятельности военного командования по поддержанию боеспособности и боевого духа, дисциплины: пропаганды, религиозно-идеологического обеспечения в боевом конфликте и фронтовой повседневности; охарактеризовать гендерные аспекты существования человека на войне нового типа; раскрыть трансформацию ментальности комбатанта для последующей социальной деятельности в качестве солдата-гражданина.

Для решения поставленных задач автор использовал междисциплинарный подход[1], ряд концепций и теорий в свете изучения трансформации традиционного общества в современное общество, теорию индустриального общества, дополненную описанием цивилизационных реалий российского социума на соответствующих этапах развития[2].

Для автора имеет принципиальное значение концепция Первой мировой войны как войны нового, современного типа[3]. Данная работа написана с позиций «новой

---

[1] *Поршнева О.С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

[2] *Геллнер Э.* Мифы класса и пришествие национализма // Путь. 1992. № 1. С. 10–20; *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991; *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. Под ред. акад. В.В. Алексеева. М., 2000; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006; *Фонотов А.Г.* Россия: инновации и развитие. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010; *Патрушев А.И.* Теории модернизации и их модернизация // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 3. // Труды исторического факультета МГУ. Под ред. С.П. Карпова. Информационно-аналитический бюллетень центра теоретических проблем исторической науки. М., 2000. С. 60–61; *Фонотов А.Г.* Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М., 1993 и др.

[3] *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 28; *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918гг.). М., 1990. С. 46–70; *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. — М.: Воениздат, 1974. С. 28–43; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010; *Horn John.* Introduction: mobilizing for «total war»,

социальной истории»[1], а также с применением теоретико-методологического багажа новых направлений историографии, изучающих человека в социальных связях. Так, идеи «новой локальной истории» используются при описании фронтовой полосы как условий пространственно-экономической деятельности комбатанта[2]. В работе широко применяется антропологический подход, изучение истории «снизу», от человека, в сочетании с изучением истории «сверху». Теоретические основания этого подхода изложены в работах Е.С. Сенявской, сборниках по военно-исторической антропологии[3]. При характеристике ратного труда и самого комбатанта в работе использовались положения «новой рабочей истории» (А. Людтке, Б.Н. Миронова). При описании социокультурных параметров «рабочего войны», его места в «социальной географии» использованы идеи Э. Юнгера, Н.Л. Пушкаревой[4]. В работе есть немало страниц, посвященных фронтовой повседневности, теоретическая часть концепта которой почерпнута из работ А. Людтке[5]. Ряд вопросов военного

1914–1918 // State, society and mobilisation in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 2.

[1] *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2, испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009.

[2] *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории (вступительная статья) // Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 8–22.

[3] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке как историко-теоретическая проблема // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. // Труды исторического факультета МГУ под ред. С.П. Карпова. 8. Информационно-аналитический бюллетень центра по теоретическим проблемам исторической науки. М., 1999. С. 75–92; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. актуальные проблемы изучения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

[4] *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб. : Наука, 2002.

[5] *Людтке А.* История повседневности в Германии : новые подходы к изучению труда, войны и власти. Пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона.

опыта рассматриваются в рамках теории гендерных отношений[1]. Теоретические начала вопроса кризиса армейских структур, всей фронтовой жизни, включая ее военно-гражданские аспекты, заимствованы из теории аномии общества (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон)[2]. Вопросы переживания военного опыта как страдания частично освещаются с позиции концепции «отчуждения» участников военных действий в войне нового типа[3]. При анализе психопатологического состояния армии применялись положения концепции стресса и дистресса, дезадаптации в психиатрическом измерении, а также культурального шока[4]. Концепции коллективного и индивидуального сознания применяются при анализе трансформации менталитета в результате нового военного опыта[5].

При анализе деятельности армейских структур применялись общенаучные методы исследования: эмпирический и теоретического исследования, историко-гене-

М., 2010; История повседневности. СПб., 2003; *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.

[1] Введение в гендерные исследования: В 3 ч. // Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.

[2] *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313; *Штомпка П.* Указ. соч.; *Дюркгейм Э.* Самоубийство, СПб., 1912 и др.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956.; Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» // Вопросы философии, 1967, № 7; *Фромм Э., Маркузе Г.* // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М: ООО «Издательство АСТ», 2002; *Leed E.J.* No Man's Land: Combat & Identity in World War 1. London: Cambridge, 1979.

[4] *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009; *Хелл Д.* Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетейа, 1999; *Юрьева Л.Н.* История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев: «Сфера», 2002 и др.

[5] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке как историко-теоретическая проблема // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. // Труды исторического факультета МГУ. Под ред.С.П. Карпова. 8. Информационно-аналитический бюллетень центра по теоретическим проблемам исторической науки. М., 1999. С. 75–92; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 23-30.

тический, сравнительный. При анализе писем и военно-цензурных отчетов применялся контент-анализ: подсчет упоминаний тех или иных «настроений» как в динамике в течение войны, так и в пространстве фронтов русской армии. Использовался также метод герменевтики: вскрытие намеков в тексте путем изучения исторических реалий, «вживание в текст», психологический анализ. При анализе социально-политических проектов использовался метод моделирования социальных явлений. При анализе социального опыта использовался ретроспективный метод.

Данная работа основана главным образом на архивных источниках (Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской федерации, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Отдела рукописей Государственного музея истории религии, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива литературы и искусства, Архива внешней политики Российской империи), в подавляющем большинстве впервые вводимых в научный оборот. Это – нормативные документы жизни русской армии, как опубликованные, так и неопубликованные, многочисленные секретные циркуляры, приказы, отчеты, доклады, к которым только недавно получен доступ. Использованы были также статистические материалы военного ведомства, как опубликованные, так и неопубликованные. Для анализа настроений солдатских масс широко использовались письма, как опубликованные, так и неопубликованные, сводки отчетов цензоров с приложением выдержек из писем. Для описания деятельности армейских структур по поддержанию морально-политической стойкости русской армии использовались судопроизводственные, следственные и дознавательные дела, а также армейская печать. Вопросы социальной жизни на фронте широко представлены в журналах и газетах ведомств и общественных организаций по вопросам военного строительства, тылового обеспечения, права, психологии, общей медицины, психиатрии, социального обеспечения, педагогики. В работе использовались также произ-

ведения фольклора, как опубликованные, так и неопубликованные. Для исследования привлекались воспоминания и дневники, опубликованные и неопубликованные, участников военных действий в Первую мировую войну.

Автор признателен работникам РГВИА, в том числе заведующей его читальным залом Т.Ю. Бурмистровой, ее заместителю М.С. Нешкину за помощь в доступе к материалам архива. Автор выражает благодарность коллегам – членам кафедры истории России нового времени РГГУ, а также В.П. Булдакову, Б.И. Колоницкому, В.А. Голубеву, С.В. Карпенко, С.Н. Нелиповичу, высказавшим ряд ценных замечаний по различным разделам книги. Особую благодарность автор выражает декану Факультета истории, политологии и права РГГУ А.П. Логунову за общую поддержку проекта, в том числе за благожелательную рецензию на рукопись и помощь в ее напечатании. Автор выражает искреннюю признательность доктору истории Полу Симмонсу за предоставление богатой библиотеки зарубежной литературы по теме книги, а также ряда архивных документов, и в целом – за оказанную помощь в процессе работы над книгой.

Глава 1
Народ идет на войну

§ 1. Русская армия: мобилизация, состав и довоенный социальный опыт

Вопрос о социальном составе русской армии на Восточном фронте, то есть собственно о качестве русского солдата, является важным для исследования социальной истории этой части мирового конфликта. В этом вопросе автор исходит из факта, что во время столь длительного конфликта мы имеем дело не вообще с русской армией, а с ее разными контингентами. Один контингент сражался в маневренной войне в 1914–1915 гг., другой контингент противостоял противнику в упорных позиционных, перемежавшихся с наступательными боях в конце 1915 – 1916 гг.; наконец, следующий контингент, в конце 1916 г., испытал тяжелый моральный кризис, переросший в 1917 г. в коллапс армейской машины. Привлечение этих разных контингентов в указанной последовательности было обусловлено громадными потерями в живой силе в течение войны, вытекало из механизма мобилизации, сложившегося задолго до начала войны. У каждого из вновь привлекаемого контингента был свой довоенный социальный опыт, на который и наложился военный опыт, подлежащий изучению.

Вопрос о составе армии, балансе поступлений и потерь решается в историографии в двух плоскостях: на уровне источников и на уровне расчетных данных с использованием опубликованных источников. Главными источниками является сводка данных материалов Ставки и ведомств Военного министерства, составленная военно-статистическим отделом ЦСУ в начале 20-х гг.[1] Ряд важных уточняющих данных по социологии русской армии, основан-

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

ных на материалах отчетов по Военному министерству за 1914–1917 гг., были опубликованы в 1942 г.[1]

Обобщение социологических данных по русской армии предпринималось несколько раз. Впервые это сделали авторы сборника «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 – 1920 гг.»[2], которые опирались на незаконченную к тому времени разработку статистических материалов царской армии. Наиболее масштабная разработка опубликованных указанных материалов была предпринята эмигрантским историком Н.Н. Головиным[3], использовавшим материалы, опубликованные в СССР, и дополнившим их собственными данными и расчетами. Еще более широко расчетные данные применял в вычислениях баланса русской армии известный статистик Б.Ц. Урланис[4], результаты работы которого также отличались от расчетов ЦСУ начала 20-х гг. Однако методы расчетной статистики были поддержаны далеко не всеми историками. Так, Л.Г. Бескровный в своем анализе потерь русской армии вернулся к официальным материалам царской статистики[5]. С другой стороны, А.И. Степанов пошел по пути исчисления средних величин данных по балансу русской армии[6]. Последние подсчеты баланса русской армии были сделаны коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева[7]. Они основаны на расчетах, интерполяциях и методах, которые предложил Урланис, и также вызывают возражения.

В настоящем очерке о социологии русской армии делается попытка расширить указанные данные на основе при-

---

[1] Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. (Сборник документов). Куйбышев: Издание куйбышевской военно-мед. академии Красной армии. 1942.

[2] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Пг. 1923. Вып. I.

[3] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1–2. Париж, 1939.

[4] *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 152, 381.

[5] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала (капитала). М.,1986. С. 15–17.

[6] *Степанов А.И.* Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. С. 474–484.

[7] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / *Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др.* М.: Вече, 2010. С. 89–93.

влечения материалов Ставки, ГУГШ, ряда армий. Кроме того, в работе ставятся вопросы социального происхождения, занятий, грамотности, а также проводится сопоставление некоторых из этих данных с данными о социальном составе армий других стран периода войны, царской армии до войны, Красной армии периода Гражданской войны, а в отдельных случаях и Советской армии периода Великой Отечественной войны.

Вопрос о мобилизации в годы Мировой войны связан с вопросом о количестве людей, испытавших военный опыт. Во время войны всеобщей мобилизации подлежали далеко не все лица мужского пола. Так, согласно справке Министерства земледелия запас рабочей силы в 50 губерниях Европейской России на сентябрь 1916 г. исчислялся следующим образом. Из населения европейской России в 128,8 млн лиц мужского пола насчитывалось 63,7 млн Однако при расчетах мобилизации сказалась особенность возрастной структуры населения России как страны демографического перехода: дети и подростки составляли 48% населения. С другой стороны, лиц старше 50 лет было 14%. Таким образом, можно было рассчитывать в деле мобилизации всего лишь на 38% мужского населения, что составляло 24,2 млн человек «полнорабочих» 20–50 лет. При этом из них в сельском хозяйстве работало 18 млн[1] Правда, в случае сокращения ценза для новобранцев, можно было рассчитывать на призыв 34,7 млн мужчин в возрасте 17–50 лет[2]. Из этой цифры следовало изъять мужчин вне европейской России: финнов, турок, курдов, калмыков, ногайцев и др. (7 млн), а также русское население крайнего Севера, Камчатки и Сахалина, которые были исключены из планов мобилизации[3]. Таким образом, подлежали призыву 26 млн (то есть военнообязанные 18–43 лет на 1916 г.) 26-ти возрастов. Однако и это количество оказалось невозможно превратить в военнослужащих: 2 млн человек оказались в западных областях, попавших под ок-

[1] Доклад по ГУГШ // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 1об.

[2] *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 13.

[3] *Протасов Л.Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. № 1. С. 35.

купацию, дезертировали еще в процессе мобилизации; 5 млн оказались негодны по физическому состоянию; 3 млн человек получили бронь. Таким образом, можно было рассчитывать приблизительно на 16 млн человек, которые и оказались призванными[1].

Цифры по количеству чинов действующей армии накануне войны несколько разнятся. Так, по списочному составу в действующей армии на 1 апреля 1914 г. было 1 284 155 человек: 40 590 офицеров, 10 827 классных чинов и духовенства и 1 232 738 нижних чинов[2]. Согласно справке дежурного генерала Ставки, направленной генерал-квартирмейстеру при ВГК от 7 октября 1917 г., ко дню мобилизации в армии состояло солдат 1 380 000[3]. Согласно же докладу по Военному министерству за 1914 г., к 18 июля 1914 г. в действующей армии состояло 1 423 тыс. человек[4] – цифра, принятая в литературе.

По смыслу всеобщей мобилизации должны были быть призваны 12 млн человек без отсрочек и 15 млн человек (от 20 до 43 лет) – с отсрочками. При этом запас составляли призывники 15 возрастов (1897–1911 гг призыва)– 3,5 млн чел. Предполагалось также набрать и ополчение: 1-го разряда (прошедших через армию с кратким военным обучением) 900 тыс. дружинников и для запасных батальонов второй очереди (то есть не проходивших службу в армии) 1 млн чел. Таким образом, отмобилизованная армия насчитывала бы 7 млн человек[5].

В литературе нет разногласий о количестве призванных, то есть отправленных на фронт. Эти цифры основываются на данных указанного сборника «Россия в мировой войне», согласно которым в течение 1914–1915 гг. кадровая армия (то есть действующая армия на начало войны и запасники) насчитывала 4 538 тыс. человек. Далее все призывы новобранцев дали 4 200 тыс. человек. Таким образом, в армии стало бы 8 738 тыс. человек, что считалось вполне

---

[1] РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 1об.

[2] Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 15об.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185.

[4] Россия в мировой войне (в цифрах). М., 1925. С. 17.

[5] *Добророльский С.А.* Мобилизация армии // Военный сборник. №. 1. Белград. 1921. С. 93–94.

достаточным. Однако громадные потери к концу 1915 г. в связи с фактическим поражением весной–летом 1915 г. потребовали набора новых пополнений. В результате мобилизации подлежали лица, которые в обычное время ее могли бы избежать. Это ратники ополчения 1-го (3 110 тыс. чел.) и 2-го (3 075 тыс. чел.) разрядов и даже белобилетники, вообще освобожденные ранее от военной службы (200 тыс. чел.). Таким образом, всего в ряды армии вместе с кадровиками (действующая армия и запасники) было призвано 15 123 тыс. чел.[1] Таким образом, русская армия оказалась самой большой из армий всех стран, воевавших в войне и мобилизовавших собственное население, то есть стран метрополий.

Из всех цифр о состоянии русской армии в Первой мировой войне наиболее запутанными являются данные о потерях. Здесь соединилось все: несовершенство военной статистики, нежелание командования частей указывать подлинные цифры попавших в плен и дезертиров, недостаток архивных исследований. Образовалась громадная величина в 2–2,5 млн чел. сверх указанных в официальных данных статистики царской армии. Эти потери и списывали или на героизм (подчеркивая количество убитых от 640 тыс. до 3 млн чел.), или на тяготы (количество раненых от 2,3 до 4,8 млн чел.), или на нежелание воевать (количество пленных от 2,4 до 3,9 млн чел.), или на недисциплинированность и даже революционность (количество дезертиров от 190 до 1800 тыс. чел.) армии.

Существуют разные цифры погибших военнослужащих в годы войны. По официальным данным царской статистики, в течение всей войны погибло и умерло от ран всего 643 614 чел.[2] Фактически те же данные указаны в издании «Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.»[3] Согласно же расчетным данным Головина, число погибших, включая умерших в госпиталях, на эвакуационных пунктах и т.п., составляло 1 300 000 человек[4].

---

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) М., 1925. С. 17.
[2] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30.
[3] Санитарная служба... С. 79, 92, 142.
[4] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 150–151.

Б.Ц. Урланис исчисляет количество погибших в 1 800 000 чел.[1] Вслед за ним Г.Ф. Кривошеев, также используя расчетные данные, доводит цифру боевых потерь до 1 890 369, а вместе с небоевыми (в плену, от несчастных случаев) до 2 254 369 чел.[2]. А.И. Степанов считает приемлемыми цифры погибших военнослужащих, опираясь на некоторые зарубежные издания, в 3 млн человек[3]. В последних публикациях на Западе настаивают на цифре в 1,45 млн погибших для русской армии, что составляет 1,15% к населению России. Это самая низкая цифра погибших из всех стран-участниц войны: во Франции она равняется 1,28% населения, в Германии 1,32%, в Австро-Венгрии – 1,56% и в Британии – 1,57 %. Согласно этому автору, Германия держала на Западном фронте вдвое больше войск, чем на восточном. Но при этом на Западном фронте было 1,214 млн погибших, а на Восточном в 3,8 раз меньше – 317 тысяч погибших или пропавших без вести. То есть германский солдат имел вдвое больше возможности выжить, чем на Западном фронте, и в пять раз больше, чем русский солдат на Восточном фронте[4].

Еще больше неясностей возникает при исчислении количества раненых и места их количества в общем балансе потерь. По статистике царской армии, количество раненых и больных, эвакуированных с фронта (без Кавказского фронта), исчислялось в 4 802 060 (2 498 380 раненых и 2 303 680 больных). Однако в другом месте число раненых, контуженных и отравленных газами оценивается в 2 754 202 чел[5], то есть без больных, что означает выбытие из общего баланса сразу 2,1 млн человек. Возможно, однако, речь идет о раненых, не вернувшихся в строй, погиб-

---

[1] *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 152, 381.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / *Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др.* М.: Вече, 2010. С. 90–91.

[3] *Степанов А.И.* Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. – М.: Наука 1998. С. 474–484.

[4] *Jukes G.* The First World War: The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13, Osprey Publishing, 2003. P. 91.

[5] Россия в мировой войне 1914–1918 года (В цифрах). М., 1925. С. 25, 30.

ших, получивших увечья или инвалидность. В самом деле, в сборнике «Санитарная служба» процент возвращаемости в строй в русской армии оценивался в 49% ко всем эвакуированным. Исходя из этого, количество раненых (то есть, изъятых из службы) к 1 январю 1917 г. определяется в 2 402 135 человек[1].

Особенно неясен вопрос о количестве пленных русской армии. Учет их в армии не был налажен. Только в марте 1915 г. при ГУГШ был образован специальный отдел, занимавшийся пленными, но – всего лишь с целью выяснения антигосударственных преступлений, совершенных ими при нахождении в плену. Для учета количества пленных пользовались данными, полученными от Красного креста на территории противника. Эта цифра определяется в 3 911 100 чел.[2] В сборнике «Россия в мировой войне (в цифрах)» она определяется (вместе с пропавшими без вести) в 3 638 271 чел.[3] Головин указывает цифру 2 417 000 человек[4], в работе «Санитарная служба в армии» указана цифра в 2 548 398 чел.[5] Бескровный вновь возвращается к цифре, указанной в трудах комиссии в 3 911 100[6], а Кривошеев насчитывает 2 384 000 пленных. Даже автор самой большой работы о пленных затрудняется указать точную цифру пленных, давая ее в промежутке от 2,5 до 3,5 млн чел.[7] В последних западных работах по истории Восточного фронта мировой войны цифра пленных указывается по сборнику «Россия в мировой войне (в цифрах)»: 3 409 433 захваченных в плен и 228 838 пропав-

---

[1] Санитарная служба... С. 8, 11, 79, 142–143.

[2] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Пг. 1923. Вып. I. С. 169–170.

[3] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 32.

[4] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т 1–2. Париж, 1939. Т. 1. С. 150.

[5] Санитарная служба... С. 7, 79, 92, 142.

[6] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала (капитала). М.: Наука, 1986. С. 17.

[7] *Нагорная О.С.* Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 535.; *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / *Нагорная О. С.* М.: Новый хронограф. 2010. С. 13.

ших без вести. Это означает, что на каждые 100 погибших в русской армии было 251 захваченных в плен или пропавших без вести по сравнению с 150 в Австро-Венгрии, 92 в Италии, 65 в Германии, 4 во Франции и 21 в Британии. То есть русский солдат чаще оказывался перед неизбежностью пленения и реже – перед возможностью выжить[1].

Автор этой работы опирается на данные официальной статистики, отложившиеся в материалах Ставки и Главного штаба за время самой войны. Согласно докладу по Военному министерству, в 1914 г. было убито и умерло от ран 53 607 чел., ранено и контужено 260 178, без вести пропали 131 177 и оказались в плену 60 832, всего – 496 377 чел.[2] В 1915 г., согласно докладу Военного министерства, было убито и умерло от ран 273 179 чел., ранено, контужено и отравлено газами 1 273 359, без вести пропали 383 114, оказались в плену 982 467, всего – 2 916 276 чел.[3]. Согласно краткому отчету о деятельности Военного министерства и докладу по Военному министерству за 1916 г., потери за этот год составили убитыми и умершими от ран 269 784, ранеными, контуженными и отравленными газами – 991 526, без вести пропавшими 730 и в плену 1 505 092, итого – 2 768 536 чел. Всего на 1 января 1917 г. потери составили 5 840 354 чел.[4] Согласно же указанным в литературе расчетным данным, при общей цифре боевых безвозвратных (то есть не вернувшихся в строй) потерь в 6 млн чел., цифры разнятся только в определении количества пленных и убитых. Баланс потерь армии можно определить следующими цифрами при общей мобилизации в 15 123 тыс. человек убитых и умерших было 640 000–1 450 000 человек, пленных – 2,4–3,9 млн, раненых – 2,4 млн чел. В действующей армии на апрель 1917 г. насчитывалось 9 050 924чел.[5] На осень 1917 г. насчитыва-

[1] *Jukes G.* The First World War: The Eastern Front 1914–1918. Essential Histories 13, Osprey Publishing, 2003. P. 90.

[2] Санитарная служба... С. 7, 92 (РГВИА. ф. 2000. Оп. 2. Д. 6. Л. 122, 130.)

[3] Санитарная служба... С. 8, 79.

[4] Санитарная служба... С. 142; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 13.

[5] *Сазонов Л.И.* Численность русской армии в войну 1914–1918 г. // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 г.г. Вып. первый. М., Петроград, 1923. С. 137.

лось ок. 8 534 511 человек[1], включая 1,8 млн запасных войск на фронте и внутренних округах[2].

Еще одним важным вопросом является действительный состав бойцов, или «штыков», из состава действующей армии, на который могло положиться командование в своих боевых планах. Согласно Н.Н. Головину, впервые поднявшему этот вопрос, в русской армии реальное количество «штыков» значительно, в несколько раз, было меньше состава действующих армий противников и союзников. Так, разница между числом людей, бывших на довольствии у интенданта армии на театре войны и в действующей армии, на осень 1916 г. составляла более 2 млн человек. На весну 1917 г. это превышение исчислялось уже в 2,2 млн чел. Однако и в самой действующей армии не все принимали участие в непосредственных боевых действиях. Так, в конце 1915 г. начальник штаба ВГК ген. М. В. Алексеев утверждал, что из 5,5– 6 млн стоявших на довольствии армии на фронте, не считая внутренних округов, набиралось около 2 000 000 бойцов. То есть получалось, что на одного бойца на передовой приходилось 3–4 бойца в тылу. Такого же рода данные приводились и в записке Особого совещания по обороне в ноябре 1916 г., согласно которой в России приходится на одного воюющего 2,25 человека в тылу, а во французской армии – только 0,5 чел., то есть в 4,5 раза меньше[3]. В архивных документах есть подтверждение подобным расчетам. Так, на февраль 1916 г. на фронтах числилось 6,2 млн человек, но реальных «штыков» и «сабель» – 1 563 362, что составляло около 27% состава армии (расчет сделан с интерполяцией на неуказанные данные по Кавказскому фронту)[4]. По данным же на 1 сентября 1917 г., согласно справке дежурного генерала, в действующей армии насчитывалось 4 758 795 чело-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142; Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185.

[2] *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 148; *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91.

[3] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 185, 194.

[4] Алексеев М.В – Иванову Н.И. 5 февраля 1916 г. Предложения о совещании в Ставке с союзниками // РГВИА. Ф 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 96.

век, но бойцов насчитывалось только 1 654 002 человека – 27,68%[1]. Указанные архивные документы подтверждают догадки Головина, согласно которым «живая сила армии» составляла постоянную величину в 27% от списочного состава на протяжении более 1,5 лет существования русской армии в период ее активных действий до 1917 г.

В литературе практически нет сведений о составе родов войск русской армии. В то же время различные рода войск находились совершенно в неодинаковых условиях, в течение войны между ними образовались сложные отношения, отражая и различия в социальных статусах, что сказалось на социальной истории армии в годы войны. До войны (на 1912 г.) соотношение родов войск было следующим: на пехоту приходилось около 70%, на артиллерию – около 15%, на кавалерию – около 8%, на инженерные части – около 4%[2]. В ходе пополнений за 1915–17 гг. в пехоту пришли 92,95%, от общего количества призванных, в кавалерию – 3,6%, в артиллерию – 1,95%, в инженерные части – 1,5%. Мы предполагаем, что в этой же пропорции происходили и пополнения запасных, новобранцев и ополченцев. В таком случае в целом за всю войну в пехоте было 13 945 190 человек (90,71%), в кавалерии – 724 573 (4,72%), в артиллерии – 367 535 (2,39%), в инженерных войсках – 272 682 (1,73%), и в остальных видах войск – 68 020 (0,45%) из 15 378 000 чел., призванных на войну. Такое соотношение родов войск подтверждается и цифрами убитых и раненых, где на пехоту приходилось 95,42%, на кавалерию (вместе с казаками) 1,01%, на артиллерию 1,44%, на инженерные

---

[1] Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 185–185 об.

[2] *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 146; *Манакин В.*. Организация и численность современной артиллерии (в связи с пехотой и конницей). «Известия императорской Николаевской военной академии», июнь 1914, № 54, стр. 994–995. Согласно военно-статистическому ежегоднику армии за 1912 г., в пехоте было 68,48%, в артиллерии – 15,8 %, в кавалерии (с казаками) – 6,77%, в инженерных войсках 4,17%. См.: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. Спб, 1914. С. 375. Однако в том же справочнике, согласно списочному составу армии, на пехоту приходилось 63,13%, на кавалерию – 11,36%, на артиллерию – 14,79% и на инженерные войска – 3,78% войск. См.: Там же. С. 26, 27, 54, 55.

войска (вместе с саперами) 0,25[1]. Эти данные показывают значительное отличие состава русской армии от состава армий других воевавших стран. Так, в Германии за время войны число пехотинцев уменьшилось с 60,6% в 1914 г. до 39,3% к ее концу, число кавалеристов – с 4,7 до 1,6%. В то же время значительно возросло число личного состава в технических войсках: в пулеметных – с 1,7 до 7,3%, в артиллерии – с 17 до 20,6%, в инженерных войсках – с 2,6 до 5,3%, в авиации – с 0,15 до 2,9%, в транспортных войсках – с 5,5 до 7,8%, в железнодорожных войсках – с 1,2 до 1,8%[2]. Подобные же изменения были и во французской армии, где число пехотинцев уменьшилось с 71,8 до 50,5% личного состава, конницы – с 4,8 до 4%. Зато личный состав технических войск резко увеличился: в артиллерии – с 18,1 до 35,7%, в инженерных войсках – с 4,9 до 6,9%, в воздушном флоте – с 0,4 до 3%[3]. Таким образом, во время войны соотношение родов войск в русской армии свидетельствовало об усилении ее несоответствия задачам современной, технической войны, в отличие от армий других стран, где такое соответствие, наоборот, нарастало.

Классическим вопросом военной социальной истории является вопрос о социальном составе русской армии в годы мировой войны. В отечественной литературе положение о крестьянском, в основном, составе русской армии, подменяется анализом ее «классового» характера. Согласно представителям этого подхода, основывающим свои расчеты на анализе данных о 2,2 миллионах новобранцев[4] с экстраполяцией полученных результатов на всю армию, солдаты-крестьяне составляли 66,16–66,52% ее состава[5]. Так, согласно Л.Г. Протасову, земледельцы со-

---

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 20, 34.

[2] Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М.,1931. С. 45.

[3] Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914-1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 46.

[4] См.: Отчеты по призыву новобранцев, по данным местных бригад за 1915–1917 гг. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676–2680.

[5] *Протасов Л.Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем. История СССР. 1977. № 1. С. 40; *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1981. С. 36–38.

ставляли 66,52% новобранцев, «пролетариат» же – 21%. При этом к «пролетариату» были отнесены, кроме фабрично-заводских рабочих (4,36%), рабочие мелкой промышленности (7,92%), строительные рабочие (4,21%) и чернорабочие (4,06%)[1]. В основу этих данных взяты сообщения самих солдат об их занятиях до войны. При этом занятия (а не специальности) строительные, чернорабочих, рабочих мелкой промышленности были отнесены к пролетарским. Далее, крестьяне делились в соответствии с марксистско-ленинской схемой на беднейших, средних и кулаков. Это деление основывалось на статье из «Исторической энциклопедии», в основе последней же был классовый анализ, данный В.И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России» (1899 г.) Согласно таким подсчетам, «главной социальной базой революционного движения в армии и на флоте являлся пролетариат», составлявший около 1/4 солдат и матросов». Полупролетариат же составлял 42%. А вместе пролетариат и беднейшие слои крестьянства образовывали почти 63% состава армии. Средние слои, согласно Гаркавенко, крестьяне-середняки, ремесленники-одиночки, мелкие торговцы и служащие (больше 17,3%) «испытывали колебания». Мелкие ремесленники мастерских, подрядчики, купечество, средние торговцы и купечество (13,24%) представляли наиболее консервативную часть. Но в целом именно наличие в составе армии почти 63% пролетариев и полупролетариев и порождало «широкую социальную почву для организации большевистской партией революционных рабочих для создания вооруженных сил революции»[2].

Практически те же данные о занятиях, которыми владели новобранцы, можно почерпнуть из официальных данных по новобранцам и до начала войны, достаточно репрезентативных, и главное – относящихся ко всей армии. Так, на 1912 год земледельцев-новобранцев насчитывалось из общего количества 61,17%, ремесленников и мастеровых – 16,07%, фабрично-заводских рабочих – 3,35%,

---

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 40.

[2] *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма// Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1981. С. 38.

чернорабочих – 10,51%, домашней прислуги – 1,28%, служащих – 1,94%, прочих занятий – 5,67%[1]. Проделывая те же действия с цифрами, как это сделали Д.А. Гаркавенко и Л.Г. Протасов, мы получили бы в армии 31,21% «пролетариев», включая ремесленников, мастеровых, чернорабочих и домашнюю прислугу.

Указанный «классовый» подход в анализе социального облика новобранцев вряд ли правилен по ряду причин. Прежде всего, новобранцы стремились сообщить о себе сведения, которые способствовали бы занятию ими лучшего положения в армии как раз с учетом специальности. Так, солдат 53-го пехотного Волынского полка писал: «Тоже выбирали слесарей то записались такие, что и напильника в руках не держали и поехали Петроград на обучение, то я думаю так и себе сделать, может так останусь живой»[2]. Другой солдат советовал товарищу: «Если тебя будут призывать войска и спросят чем занимаешься, то ты скажешь что был плотником или столяром или же слесарем, тогда попадешь в инженерные войска и сохранишь жизнь, а если попадешь в пехоту то будешь жить один день»[3]. Трудно согласиться и с методом экстраполяции, то есть перенесения данных о новобранцах на всю армию. Будущие новобранцы, молодые люди, которые были исключены из семейных льгот, занимали особое положение в деревне. Они в меньшей степени привлекались к ведению сельского хозяйства и чаще, чем обычные крестьяне, шли в отход, то есть занимались как раз «неземледельческими занятиями». Надо также иметь в виду, что многие носители «пролетарских» специальностей были вполне «крестьянскими»: деревообделочники, плотники, столяры, печники и др. Заявлениями о знании специальности не доказывается их, новобранцев, принадлежность к рабочему классу, где данная специальность является главным источником существования. Необходимо учи-

[1] Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 288.

[2] Сводка и выборка писем ВЦО Одесского военного округа от 10–20 августа 1916 г. // РГВИА Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 342.

[3] Сводка писем Житомирского ВЦО от 5 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 75; см. подобные высказывания: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 364об.–365.

тывать и возраст новобранцев, за который они вряд ли могли стать специалистами в названных профессиях. Если же к рабочим специальностям отнести занятость в крупном производстве, где сам технологический цикл не терпит сезонности, а также занятие данной профессией в виде основного источника дохода, то, даже основываясь на данных Протасова и Гаркавенко, можно прийти к другим выводам. К рабочим специальностям можно отнести всего лишь рабочих фабрично-заводской и мелкой промышленности, которые, как минимум, не связаны с сельскохозяйственным трудом. Среди новобранцев такими специальностями, согласно Протасову, владели всего 12,3%, а согласно Гаркавенко – 13,6% новобранцев. Остальные же специальности новобранцев, занятых в промышленных занятиях, можно скорее отнести к занятиям крестьян на отходничестве. Это совпадает с числом крестьян на конец XIX в., то есть на период экономического подъема, когда только в 11,1% всех уездов Европейской России 30–55% крестьян получали главные жизненные средства от неземледельческих занятий. В следующей группе, 16,8% уездов, таких крестьян было 20–29%. В остальной же части уездов только 10–19% и меньше крестьян имели в качестве основного неземледельческий доход[1].

С другой стороны, ремесленников или даже рабочих в мелких мастерских трудно отнести к «рабочему классу». Для мелкотоварных сообществ характерны многие черты традиционного хозяйства: патриархальность, недостаток инновационных технологий, локализм, зависимость от традиций семьи и корпорации (ремесленных цехов и т.п.)[2]. Таким образом, можно говорить о представительстве в армии членов крестьянского и мелкотоварного традиционалистского хозяйства, даже исходя из приведенных Протасовым и Гаркавенко данных, в 84–88% ее состава. В общем, крестьянско-традиционалистский характер русский армии соответствовал структуре населения России

[1] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Издательство: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 307.

[2] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 116–117; *Кошман. Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 225–228.

перед войной: 85% населения жили в деревне[1]. Эти цифры подтверждаются также данными о 91,5% пайков семьям призванных, приходившихся на село[2].

Указанные архивные материалы дают представление и о различии регионов России, которые представляли социальные группы в армии. Как правило, это было деление на промышленные и сельскохозяйственные губернии, дававшие, соответственно, больше рабочих или крестьян. В целом промышленные северные губернии давали мало новобранцев-земледельцев: по Костромской губернии – 31% новобранцев, по Петроградской губернии – 32,5%, по Московской губернии – 23,5%, по Владимирской губернии – 29,85%[3]. И наоборот, южные и восточные, как правило сельскохозяйственные, губернии давали больший процент новобранцев, занимавшихся земледелием: по Уфимской губернии – 87%, по Харьковской – 67%, по Курской губернии – 59%, по Кубанской губернии – 57%[4].

В целом крестьянско-традиционалистский состав армии оставался таким же и после революции. Так, до революции постоянный состав армии состоял из 69,3% крестьян при 15,1% рабочих и 16,6% «прочих». А во время Гражданской войны, когда, казалось бы, «пролетарскость» Красной армии должна была возрасти, ее крестьянский характер, наоборот, усилился: крестьяне составляли 77% состава армии, а рабочие – 14,8%[5]. И позднее, уже в 20-х гг., крестьянский состав Красной армии фактически был таким же, как и до революции, составляя 71,3% состава армии, а рабочие (надо полагать, что к ним продолжали от-

---

[1] Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 16.

[2] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 87.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 61об.–62об., 257, 281, 291, 296об.

[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 114об., 138, 151.

[5] X лет Красной армии. Альбом диаграмм. М.: Издательство «Военный вестник», 1928. С. 30. По данным переписи Красной армии от 28 августа, земледелием занимались 77,26% красноармейцев, а рабочих среди них было – 14,05%, из которых 6,19% работали в самом сельском хозяйстве и вряд ли могут быть причислены к «пролетариям». Собственно фабрично-заводские рабочие составляли всего 5,5% красноармейцев: См.: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2). С. 143–144 // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 72–72об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 105. Л. 143–144.

носить, кроме фабрично-заводских рабочих и ремесленников, мастеровых, чернорабочих, даже домашнюю прислугу) – 18,1%[1]. Наконец, даже в годы Великой отечественной войны доля крестьян в армии составляла 75–80%[2].

Важным признаком для анализа менталитета, умонастроений, поведения солдатской массы являлась грамотность солдат. До войны при поступлении на военную службу в армии было грамотных – 48%, малограмотных – 24%, и неграмотных – 28%[3]. Таким образом, более половины солдат при поступлении в армию были неграмотны или малограмотны[4].

До войны почти все солдаты во время службы обучались грамоте, хотя какая-то часть оставалась малограмотной. Однако совершенно другой была ситуация именно во время войны. Обучение грамоте (часто повторное – для забывших грамоту молодых людей после обучения в возрасте 8–11 лет) многочисленных ополченцев, большая часть которых были неграмотными и малограмотными, невозможно было осуществить в несколько месяцев подготовки бывших крестьян к боевым действиям. Значительная же часть действующей армии, поголовно грамотной, погибла. Да и новобранцы уже порядком могли подзабыть азбуку. Особенно это касалось крестьян: чем меньше было земледельцев среди новобранцев от данной губернии, тем выше там была грамотность, и наоборот. Так, по Ярославской губернии земледельцев было 20%, а грамотных – 94% новобранцев; по Московской губернии – 23,5% земледельцев, а грамотных – 89%; по Владимирской губернии – 30% земледельцев, а грамотных – 92%; по Костромской гу-

[1] X лет Красной армии. Альбом диаграмм. М.: Издательство «Военный вестник», 1928. С. 30. Согласно Ст. Ивановичу (Талину В.И.) (Красная армия. Париж, 1931. С. 65), цитируемому Рожковым (Указ. соч. Т. 2. С. 17), процент крестьян в Красной армии с 1924 по 1927 г. даже нарастал: с 81,7 до 83,1%.

[2] *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Ярославль, 1998. С. 11, 29, 125, 144. Особенности «индустриализированного крестьянства» этого периода автор оставляет без внимания.

[3] Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 288.

[4] Л.Г. Протасов утверждает, что русская армия на 1916 год была на 73,7% грамотной, не указывая среди них количество малограмотных, что, очевидно, снизило бы впечатление от «пролетарского», по его мнению, в своей основе состава армии: *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 45.

бернии – 31% земледельцев, а грамотных – 87%. Там, где земледельцев было больше, там грамотность была ниже. Так, по Кубанской области земледельцев было 57%, а грамотность составляла 70%; по Курской губернии это соотношение равнялось 59–77%; по Харьковской губернии – 67–73%; по Уфимской губернии – 87–37%[1]. Естественно, что среди ополченцев, которые составляли почти половину армии на 1916 г., грамотность была значительно ниже, что понижает средний уровень грамотности во всей армии приблизительно до 40–45% армии. Такой низкий уровень грамотности и являлся условием широкого распространения в армии различного рода представлений, характерных для отсталых слоев населения: тревожности, невероятных слухов и т.п. По грамотности русская армия периода Первой мировой войны значительно отличалась от армий других воевавших стран, в которых население было полностью грамотным[2], а также и от Красной армии периода Гражданской войны, где на 1920 г. неграмотных насчитывалось 17%, а малограмотных – 3,3% при остальной массе грамотных солдат[3].

Проблема возраста в русской армии периода Первой мировой войны имеет важное значение для социальной истории. Так, кадровая действующая армия имела в своем составе солдат возрастов 20–22 лет, то есть в среднем

---

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676. Л. 61об.–62об., 114об., 138, 151, 291, 296об.

[2] В расчет принимается состав армии на 1916 г. из ополченцев и новобранцев, а также существовавшая в России неграмотность среди мужчин в 46%, и тот факт, что понятие грамотности для России означало только умение читать, то есть, в сущности, – малограмотность: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 386.

[3] Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года: Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2. С. 78–79 // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 39об.–40. Следует, однако, подчеркнуть, что Красная армия состояла в значительной степени из молодых людей (54% состава). РГАЭ. Ф. 1562. оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4; Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918-1923. За пять лет работы центрального статистического управления (Труды ЦСУ. Том XVII). М., 1924. С. 92; *Павлюченков С.Л.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 107–108). К тому же в Красной армии особенно сильно было представлено население северных промышленных губерний, как правило, имевших образование около 80–90%. Не следует забывать и активную образовательную политику, проводившуюся в Красной армии с самых первых месяцев ее существования.

21,5 год. Добавка запасников 15 возрастов значительно увеличила средний возраст военного контингента. А добавка ополченцев сделала средний возраст еще больше. Однако как раз молодые возраста как действующей армии, так и запасников были подвержены выбытию в ходе военных действий в наибольшей степени, и, казалось бы, армия должна была бы еще больше повзрослеть. Однако громадная часть среди боевых потерь пленными ставит вопрос: какова их возрастная структура? Не шли ли, допустим, именно взрослые солдаты в плен? Казалось бы, в плен пойдут скорее те солдаты, которые не обременены семьями. Однако и это является вопросом, учитывая кризис патриархальной семьи как раз в два первых десятилетия XX в., в результате которого в плен шли чаще семейные военнослужащие[1]. Наконец, самым важным вопросом является, какая именно армия подверглась моральному кризису, перешедшему в нежелание воевать и просто в поддержку революции, и какого возраста были эти люди.

К сожалению, в этой части социологического анализа источники не позволяют прямо ответить на все заданные вопросы. Так, известны крайне общие цифры возрастного состава воинского контингента, призванного в ряды русской армии в годы мировой войны. Итак, в армию на конец 1917 г. было призвано ок. 15,5 млн чел. 18–45 лет[2]. Согласно расчетным данным Н.Н. Головина, в армии в возрасте 18–19 лет состояло 2,5 млн человек, или 16% призванных; в возрасте 20–29 лет – 7,6 млн человек, или 49%, в возрасте 30–39 лет – 4,6 млн человек, или 30%, и в возрасте 40 лет и больше – 800 тыс. человек, или 5%[3]. Средний возраст призванных в армию из приводимых Головиным данных определяется в 27,6 лет. Надо полагать, что именно такая армия и вынесла основные тяготы войны в 1914–1915 гг. Можно выделить три контингента армии по возрасту: это в целом молодой состав первоначальной кадро-

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 39.

[2] *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Истощение резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 154; *Хрящева А.* Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. Оттиск из Вестника Статистики. 1920. № 9–12. М., 1921. С. 12.

[3] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Том 1. С. 85.

вой армии, от 20 до 25 лет в первый год войны. С осени 1915 г. в связи с призывом в армию ратников 2-го разряда, в основном людей старшего возраста, армия значительно повзрослела. Так, например, в октябре 1915 г. в 432-м пехотном Валдайском полку на 545 чел. кадрового состава (20–25 лет) приходилось 1607 чел. ратников в возрасте 20–44 лет. В 431-м пехотном Тихвинском полку эти разряды составляли 562–2051 чел., в 429-м пехотном Рижском полку – 1293–1883 чел.; в 430-м пехотном Валкском полку – 1157–2175 чел.; в 433-м пехотном Новгородском полку – 1055–2299 чел.; в 434-м пехотном Череповецком полку – 1110–2202. Примерно та же возрастная картина была и в остальных частях 6-й армии[1]. С осени 1916 г. в связи с призывом новобранцев 18–19 лет состав армии помолодел. Указанные перемены возрастного состава армии можно проследить по данным потерь по значительному количеству полков с росписью места рождения и семейного состояния военнослужащих. Последнее можно трактовать как указание на возраст (весьма приблизительно), учитывая, что именно в составе молодежи меньше женатых военнослужащих. На 1912 г., то есть в возрасте 20–22 лет, среди солдат действующей армии было 34,85% женатых и 64,69% холостых[2]. Таким образом, почти двукратное превышение холостых над женатыми будет означать условно молодой состав армии. Эмпирические данные по анализу потерь нескольких из полков (были взяты полки, где потери были самыми большими и самыми частыми за время войны) показывают в целом увеличение к 1916 г. количества холостых, и, следовательно, молодых солдат в полках. Так, например, по 155-му пехотному Кубинскому полку в ноябре 1914 г. среди убитых, без вести пропавших и раненых холостых было 21%, в декабре 1914 – январе 1915 г. – 36%., летом 1915 г. – 38%[3]. По 412-му пехотному Славянскому полку летом 1915 г. потери составляли 9% холостых и 58% женатых при 32% неизвестных, осенью 1915 г. – 29% холостых и 71% женатых, зимой 1916 г. – 46% холостых и 50%

[1] РГВИА. Ф. 2126. Оп. 6. Д. 66. Л. 631–688.

[2] Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 288.

[3] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 307. Л. 57–95, 102–114.

женатых, летом 1916 г. – 43% холостых и 42% женатых, осенью 1916 г. – 38% холостых и 38% женатых[1]. На осень 1916 г. холостых из раненых было 42%, а в боях августа 1917 г. холостых было 47%, а женатых 37%[2].

Специфическими характеристиками обладал контингент военнослужащих русской армии и в отношении внешнего облика. Так, длина тела солдат в довоенной армии (на 1912 г.) была 166,17 см[3]. Кадровая армия, если исходить из средней величины роста на 1893–1891 гг., также была близка к этим цифрам – 166,62 см[4]. В Германии, где индустриализация началась раньше на 2 десятилетия, улучшение биологического статуса населения выразилось в большей длине тела как раз запасников, в среднем по сопоставимым данным по 15 возрастам – 166,03 см, при росте в кадровой армии до 166,51 см[5]. Для расчета роста военнослужащих русской армии во время самой войны следует учесть тот факт, что в России выбытию подверглась именно кадровая действующая армия, то есть военнослужащие последних возрастов, имевших наибольшую длину тела, а стал преобладать как раз контингент с более низким ростом. Надо полагать, что состав ополчения был еще ниже ростом, чем контингент запасников. Во всяком случае, в письмах встречаются мнения о противнике, имеющем физические преимущества, например, о немцах как

---

[1] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 555. Л. 13–18; Л. 33–38, 108–121, 128–161, 191–242.

[2] РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 556. Л. 301–378, 409–500.

[3] Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 289.

[4] *Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // *Куршакова Ю.С. и др.* Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 64–71. Данные цифры, однако, в литературе считаются завышенными, поскольку они относятся только к жителям городов центральной России, к тому же получены спустя несколько десятилетий после достижения контингентом указанных ростов: См. *М. Эллман.* Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 11. М., 2005. С. 159–165 (Постраничные примечания).

[5] *Twarog S.* Heights and living standards in Germany, 1850–1939: the case of Wurtemberg // Richard Steckel and Roderick Floud, editors, Health and Welfare during Industrialization. National Bureau of Economic Research Policy Report. Chicago: University of Chicago Press, 1997. S. 296.

о «здоровых чертях»[1]. Наконец, врачи насчитывали в армии значительное количество физически слабых воинов, процент которых повысился именно к окончанию войны[2]. Уступали по длине тела солдаты русской армии и другим армиям: в английской армии рост новобранцев к периоду Первой мировой войны был в среднем 168 см[3], в американской армии – 67,7 дюймов (171,958 см)[4].

Разные контингенты русской армии имели довоенный опыт. Кадровая армия (действующая армия и запасники) испытали влияние наиболее модернизированного армейского института; ополченцы 1-го и 2-го разрядов, не проходивших воинской службы, несли значительный груз традиционализма, характерный для России; наконец, новобранцы испытали воздействие процессов борьбы традиционных и современных тенденций в российском обществе после революции 1905–1907 гг.

В какой мере каждая из этих групп имела социальный опыт, близкий к требованиям современного общества? В какой степени комбатант каждой из названных групп отвечал требованиям современной войны? Ближе всего, надо полагать, были к ним солдаты действующей армии. Эти солдаты, хотя и были в основном крестьянами, испытали опыт в модернизационном институте, которым представлялась армия, как раз в возрасте 20–22 лет, когда, по теории Э. Эриксона, формируется личностная идентичность[5]. Однако действительно ли русская армия представляла модернизационный институт – у ряда историков это вызывает вопрос. Так, американский историк И. Башнел отмечал, что формально крестьянин, попадая в армию, модернизировался, поскольку сама «армия распространяет новый дух identity». Это видно, по мнению автора, на примере различных армий: турецкой, французской и т.п. По

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 79.

[2] Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995.С. 289; *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 13–14.

[3] Height, Health and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750-1980 L.: Hardcover, 2006. P. 142–149.

[4] Body Composition and Physical Performance: Applications for the Military Services Publisher: National Academies Press, 1992. P. 32.

[5] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 14–15.

смыслу милютинских реформ, армия также должна была внедрять такие модернизационные начала, как «привычку к дисциплине и однообразному порядку, чувство абстрактного порядка, открытость к переменам, ориентация на будущее и все то, что мы связываем с модернизацией». Служба в армии должна была бы стать новым экспериментом для крестьян, даже вопреки их желаниям. Армия являлась модернизирующим институтом «с ее формальной иерархией, абстрактными правилами, образцовым строем мыслей, pattern behavior, что в целом подрывало традиционный менталитет солдат-крестьян». В определенном смысле, армия стала преимущественно городским институтом, она расквартировывалась в собственных казармах, а не в избах и деревнях, что ранее способствовало ее растворению в крестьянском мире. Но и сама система обучения втягивала солдат в модернизацию, поскольку предлагала иной ритм деятельности: военную точность распорядка дня, сложную военную иерархию, заставляла солдат заучивать новые абстрактные ценности. Сила новизны армии проявлялась в чрезвычайной дезориентации, депрессии, тоске по дому солдата-новобранца, представителя крестьянского мира. Это было лишь проявлением модернизирующей силы армии, имевшей целью вырвать с корнем психологию традиционализма. С другой стороны, отмечал Башнел, в деятельности самой армии был ряд процессов, не вписывавшихся в модернизационную модель этого института. После Милютина образование солдат фактически прекратилось, исключая простое обучение грамоте. Армия сама себя обслуживала посредством многочисленных мастерских, в результате около 40% и больше человек воинской части выполняли работу, не связанную с их солдатским долгом. Автор указывал, что времени на обучение военному делу фактически не было. В сущности, качество солдата даже ухудшалось в военном отношении. Сама работа полка напоминала работу в поместье. Мало того, летом солдат даже отпускали на вольные работы – для самообеспечения. Учебная деятельность совпадала с сельскохозяйственным циклом. Учения начинались с мая, а полевые занятия заканчивались в июле –

начале августа. К этому времени солдат отпускали, в том числе домой. Учения возобновлялись в середине октября и шли до середины ноября. Хозяйственная деятельность полка определяла и специфические отношения между офицерами и солдатами. Офицеры рассматривали солдат как солдат-крестьян, а полковые и вольные работы зависели от офицеров и превращали их в глазах солдат в помещиков. К тому же солдаты использовались и для работы на офицеров. Эта зависимость от определенных офицеров создавала особую привязанность к ним солдат, определяла специфическую устойчивую иерархию. Отношения офицеров и солдат, можно сказать, были семейными. Солдат был готов все терпеть, даже побои, от своих офицеров, но не от чужого. В отношениях между офицерами и солдатами господствовали представления об «огромном счастье» («добре»), а не собственно интересы военной службы. Это совпадало с общим образом «ограниченного добра», которое было характерно для крестьян. Для характеристики трудовых отношений на военной службе лучше подходит понятие «моральной экономики», когда крестьяне трудятся не для выгоды, а для поддержания принятых традиций. Офицеры солдатами не занимались, передавая солдат сверхсрочникам сержантам, унтер-офицерам. Вообще, солдаты-крестьяне чувствовали себя артелью на отходничестве. В целом, считает Башнелл, в армии происходило возрождение привычных крестьянских порядков, а сам армейский институт походил на крестьянское общество. Армия как социокультурный институт соответствовала социокультурной сущности самого крестьянства. Влияние армии на крестьян было не большим, если не меньшим, чем влияние отходничества, которое, по мнению Башнелла, было незначительным. Это определило и другие аспекты царского армейского опыта. Так, мятежи в армии соответствовали крестьянским волнениям. И те, и другие имели общую динамику: как они начинались и как они заканчивались. Они вызывались подобными же внешними причинами, с той же частотой и той же продолжительностью, имели те же самые конечные цели. Это соответствовало и поведению солдат в бою. Военная часть

была связана только до тех пор, пока офицеры были налицо, а с потерей офицеров часть теряла связь с внешним миром, дезориентировалась, проявляла нестойкость. Все сказанное соответствовало и поведению офицерского корпуса, которое дополняло солдатское общество. Генералы были разобщены на группировки, среди них было соперничество, что сыграло роль в поражении России в войне с Японией. Поэтому Башнелл в своих работах настаивал, что не крестьяне превращались в солдат-граждан, а наоборот, армия «окрестьянивалась»[1]. Русская армия куда меньше способствовала превращению крестьянина в русского, чем французская армия – во француза, делает вывод другой специалист по русскому крестьянству Д. Мун[2].

Другой опыт имели запасники, но главное – ополченцы, не проходившие службу. И те, и другие вполне испытали действие опыта гражданской жизни. Только для первых он имел некоторое корректирующее значение усвоенных современных взглядов и привычек, а для вторых – основополагающее, определяющее значение для формирования их идентичности на протяжении всего возрастного отрезка до мировой войны. Вопрос о солдате-крестьянине в годы Первой мировой войны в последнее время приобрел важное значение в свете другой обширной проблемы: насколько крестьяне чувствовали себя русскими гражданами в качестве членов национального политического сообщества в поздней имперской России? Этот вопрос, в свою очередь, является важным в разрешении ключевой проблемы истории России периода поздней империи: насколько была успешной модернизация в России во второй половине XIX – начале XX в.? В литературе этот вопрос в значительной степени решается под влиянием и в рамках проблемы, поставленной по отношению к крестьянам Франции Эженом Вебером. Его также интересовал вопрос, в какой степени французские крестьяне превратились в граждан Франции. Свой анализ он делал по параметрам модерни-

[1] *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // Journal of social history. Summer. 1980. V. 13. № 4. P. 566–572.

[2] *Moon D.* Late Imperial peasants // Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean. Ian D. Thatcher: Bonus... Manchester University Press, September 2005. P. 121.

зации в виде результата развития транспортной системы, урбанизации, школьного образования, политического участия и военной службы по всеобщему призыву. Он же пришел к выводу, что все указанные факторы превратили французских крестьян во французов как раз к 1914 г.[1]

В отношении России историки ставили проблему места культурного контакта, возможно, параллельного сосуществования крестьянского общества и национального государства[2]. При этом, как указывает Мун, историки, применившие подход Вебера по отношению к русскому крестьянству, пришли к противоречивым результатам. Американские историки в работах 70–80-х гг. XX в. полагали, что крестьяне, может быть, и не сильно изменились, однако были «национализированы» под напором внешних влияний и играли активную роль в различных аспектах своего общества, экономики и культуры, пытаясь их приспособить к меняющемуся миру. Однако другая группа исследователей, наоборот, полагала, что крестьяне сумели приспособить, «окрестьянить» некоторые институты модернизации. Некоторые из историков категоричны в утверждении провала попыток сделать из русских крестьян «русских» накануне Первой мировой войны[3]. Д. Мун попытался рассмотреть аргументы этой последней группы в свете последних работ таких исследователей, как Д. Санборн, настаивающих на значительном успехе модернизации русского крестьянства[4].

Историки связывают процессы модернизации в крестьянской среде с развитием сельского хозяйства, с выходом его на рынок, что сделало возможным более активный обмен товарами и привело крестьян в города, увеличив

---

[1] *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, CA, 1976; *Moon D.* Op. cit. P. 121.

[2] *Lehning J. R.* Peasant and French: Cultural Contact in Rural France during the Nineteenth Century. Cambridge, 1995.

[3] *Lincoln W. B.* Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914-1918. N.Y., 1986. P. 47–48; *Seregny S. J.* Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I Author(s) // Slavic Review, Vol. 59, No. 2. Summer, 2000. P. 290–291.

[4] *Moon D.* Op. cit. P. 122; *Sanborn J. A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925. Northern Illinois University Press, 2003.

контакт между крестьянами и горожанами. Хотя здесь процесс был неравномерным. Выделялись опять же районы промышленного севера, в отличие от черноземной области, где крестьяне больше работали на себя. Ольга Семенова, изучившая рязанскую провинцию, пишет, что крестьяне возвращались из Москвы с новыми привычками, курили сигареты, а не махорку, носили ботинки, а не лапти. То же писали американские историки 70–80-х гг.[1] Однако та же Семенова, а также А. Неттинг утверждают, что крестьяне и новое пытались приспособить к старым привычкам. Эти авторы вообще больше подчеркивают непрерывность традиций, нежели изменения. Р. Джонсон поставил вопрос, кем были мигранты в большей степени: крестьянами или пролетариями. Автор сделал вывод, что они питались двумя мирами, были привязаны одновременно и к деревне, и к городу. Дело в том, что город никогда не предполагает разрыва. Сама его технология не предполагает перерыва в производстве, а вот деревенский труд, сельскохозяйственный, это допускает – исторически это смена занятий по сезонам. Летом крестьянин – земледелец, а зимой он – мастеровой, но никогда не пролетарий. Рабочий же этого себе никогда не может позволить: времени нет. Автор считал, что крестьяне и выезжали в город, чтобы подзаработать, а затем жить в деревне[2]. Это положение поддерживает и Башнелл, полагающий, что труд крестьянина был краткосрочным городским трудом, который не менял характера собственно крестьянского труда[3]. А.П. Корелин и Б.Н. Миронов вообще подчеркивают низкий уровень миграции крестьян в города[4].

[1] *Moon D.* Op. cit. P. 123.

[2] *Johnson R. E.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. Leicester, 1979. P. 56–61 по *Moon D.* Op. cit. P. 123.

[3] *Bushnell Y.* Peasant Economy and Peasant Revolution at the Turn of the Century: Neither Immigration nor Autonomy // Russian Review, 46. 1987. P. 82; *Johnson R.* Peasant and Proletarian; *J. H. Bater,* Transience, Residential Persistence, and Mobility in Moscow and St Petersburg, 1900–1914 // Slavic Review. 39. 1980. P. 239–254; *Moon D.* Op. cit. P. 123–124.

[4] *Korelin A.P. The* Social Problem in Russia, 1906–1914: Stolypin's Agrarian Reform // T. Taranovski (ed.). Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge, 1995. P. 143,158; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Издательство: «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. С. 247.

Слабую пролетаризацию и классовую сознательность большинства индустриализирующихся районов России, включая Москву и другие центральные районы (исключая, Петербург), отмечает историк И.Г. Икономэйкис. Скорее наблюдалось «окрестьянивание» железных дорог и городов. Да и самих железных дорог, как и городов, в России было значительно меньше, чем на западе, и даже в Восточной Европе[1]. Р. Кин и Б.Н. Миронов даже усиливают тезис об «окрестьянивании» русских городов. В городах пришлое население, составлявшее от двух третей до трех четвертей населения города, фактически не смешивалось с собственно городским, являясь субкультурой. Это касалось даже крупнейших городов – как Петербург и Москва. Только небольшая часть крестьянского населения принимала специфические аспекты городской культуры, такие как моды, привычки, манеры, что превращало их в чужаков для сельских жителей, но не делало своими для горожан[2].

Особое внимание в вопросе о модернизации русского крестьянина привлекают не изменения в привычках, а изменения в характере труда. Ритм и организация труда, дисциплина и технология, ритм отдыха и организация свободного времени имеют не меньшее значение для модернизации, чем культура. Примеры не только стойкости традиционных представлений крестьян, но и влияния крестьянского менталитета на другие слои населения, ставшие продуктом индустриальной модернизации, дает поведение русских рабочих. Анализируя роль трудовой морали в обществе для экономического прогресса, роста производительности труда и благосостояния населения, Б.Н. Миронов поставил вопрос о влиянии традиционализма на трудовую этику и определенное ею поведение значительных масс крестьянства, проходивших первую школу индустриализации и модернизации на производстве. Второй такой школой и станет война. Какой из двух иде-

[1] *Moon D.* Op. cit. P. 127; *Economakis E. G.* From Peasant to Petersburger. London, 1998.

[2] *McKean R.B.* St. Petersburg Between the Revolutions L. 1990. P. 16; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1985. P. 4.; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 340–345 ; *Moon D.* Op. cit. P. 127

альных типов трудовой этики преобладал в российском производстве – потребительский, традиционный, то есть минималистский, или современный, буржуазный, то есть максималистский? Согласно принципам традиционной трудовой морали, следует работать для удовлетворения скромных по своему составу потребностей семьи в питании, одежде и жилище, весь доход тратить на потребление и не стремиться к накоплению. Современная же трудовая этика, напротив, ориентирует человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, получение максимально возможного дохода, превышающего потребление, а предпринимателя – на максимальную прибыль в рамках существующих законов[1]. По мнению Миронова, трудовая мораль российского крестьянства XIX – начала XX вв. представляла собой классический образец традиционной трудовой этики. Крестьянин работал для удовлетворения скромных нужд семьи, не стремился к накоплению и весь годовой доход потреблял. Автор, анализируя труд бывших крестьян на заводах, выделяет характерную особенность трудовой этики рабочих в конце XIX – начале XX вв.: ограничение рабочих дней в зависимости от праздников. Таким образом, переход от ручного производства к машинному вследствие производственной и экономической целесообразности привел к повышению непрерывности труда в промышленности из-за роста числа рабочих дней и перехода к двух- или трехсменной работе. Рабочим это не нравилось: нарушался привычный ритм жизни, увеличивалась интенсивность труда, затруднялся отход в деревню. Рабочие протестовали, а администрация в ответ применяла штрафы. Миронов отмечает три основных вида нарушений: неисправная работа, прогулы (неявка на работу не менее половины рабочего дня). Эти нарушения были основными вплоть до 1917 г.[2]

---

[1] *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 243; *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 70–96, 184–207; *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 12–20; *Маркович Д.* Социология труда. М., 1988. С. 502–551.

[2] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 244, 249, 250, 251, 253.

Отмечает автор и особенности нарушения порядка на заводах в различных регионах. Так, в Московском, Варшавском и Петербургском всегда преобладала неисправная работа, а в Харьковском, Поволжском и Киевском – прогулы. «Чувство законности вообще у наших рабочих развито чрезвычайно слабо», «законы для них не существовали», – свидетельствовали мастера. Перед лицом массовых нарушений трудового распорядка предприниматели были вынуждены снижать критерии наказаний: меньше, чем на Западе, штрафовали, вообще проявляли пассивность в борьбе с неповиновением и распущенностью рабочих, взывая к власти. С низкой производственной дисциплиной связан был и высокий уровень травматизма в промышленности[1].

Миронов отмечает в принципе медленную трансформацию трудовой этики рабочих России. По мнению современников, две главные причины определяли отношение рабочих к труду: низкий уровень культуры и крестьянское происхождение. Представители делового мира подчеркивали большое влияние «некультурности рабочего» на производственный травматизм, простои и производственный брак. Современники считали, что поскольку деревня давала рабочих не только для сельского хозяйства, но и для промышленности, то рабочие, занятые на фабриках, заводах, в горных промыслах, на транспорте, отличались теми же качествами, что и крестьяне и сельские рабочие: они не умели качественно и производительно работать. Как бы там ни было, увеличивалась или уменьшалась доля кадровых рабочих, их крестьянское происхождение обнаруживалось во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т.д. Таким образом, менталитет рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений, естественно, и представлений о труде[2].

[1] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 254–255, 258, 260–262.
[2] Там же. С. 264-269.

Поднимает Миронов и вопрос о социальных общностях рабочих на мелких и крупных предприятиях, где коллективы принципиально различались. На небольшом предприятии формировался коллектив, приближавшийся по типу межличностных отношений к малой социальной группе, где все не просто знали друг друга, а имели контакт лицом к лицу, друг друга неформально контролировали и друг от друга зависели, причем не только в психологическом отношении, но и в чисто производственном: мелкое предприятие нередко функционировало как мануфактура или ремесленная мастерская. На таком предприятии контроль со стороны коллектива и хозяина был всеобъемлющим, и скрыться от него было невозможно, всякое нарушение становилось известным. Поэтому на мелких предприятиях нарушить дисциплину незаметно для остальных было трудно, и в качестве наказания применялся не формальный штраф, а неформальные санкции – насмешки, издевательства, физическое насилие. Небольшое предприятие напоминало большую семью во главе с большаком или рабочую артель во главе со старостой-подрядчиком, где отношения имели патриархальный характер. Рабочий коллектив на крупном предприятии представлял из себя большую социальную группу, с анонимными, формальными или полуформальными отношениями между его членами. Здесь и скрыться от контроля было легче, и обмануть администрацию или совершить мелкую кражу не только не считалось между рабочими большим грехом, а часто рассматривалось как молодечество. В подобных условиях и нарушения дисциплины случались чаще, и наказывались они чисто формально – штрафом или увольнением. Формальный контроль был практически единственным средством поддержания порядка[1].

В целом автор утверждает, что трудовая этика рабочих в пореформенное время в основном оставалась традиционной, минималистской и весьма медленно трансформировалась в современную, максималистскую. Рабочие работали так же, как и крестьяне, – «только по понуждению голода и холода». Российские работники, будь то крестьяне или ра-

[1] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 272.

бочие, работали умеренно и любили праздники не потому, что они были ленивыми или глупыми, а потому, что в их системе ценностей труд не занимал столь высокого места, как в системе ценностей работника, воспитанного в протестантской культуре. «Этика праздности», характерная для всех традиционных обществ, больше соответствовала представлениям российского работника о хорошей жизни, чем этика напряженного труда. Традиционный характер трудовой этики был характерен для большинства рабочих начала XX в. Исключение делает автор для «сознательных рабочих», или «рабочей интеллигенции», весьма немногочисленной прослойки среди трудящихся. Ломка стереотипов в массовом сознании рабочих создавала огромное социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию[1]. Надо полагать, что нечто подобное грозило бы бывшим крестьянам при усвоении ими военного опыта индустриальной, современной войны.

Немало трудностей на пути к модернизации крестьян оказалось и в деле их образования. Для характеристики успехов образования в деле модернизации необходимо иметь в виду общий охват системой образования детей школьного возраста. Дети школьного возраста от 8 лет составляли всего по стране 35–40 млн чел., а в Европейской части России их было около 25 млн Из них учащихся было (по 51 губ.) 8,5 млн человек. В низших школах, предназначенных для деревенских детей, училось 7 млн (83% всех учащихся), в средних учебных заведениях – 0,5 млн (6% всех учащихся), в специальных средних учебных заведениях – 0,27 млн (3% всех учащихся), в частных средних учебных заведениях – 0,6 млн (7% всех учащихся). Часть детей в возрасте 17–18 лет учились в высших учебных заведениях, в которых насчитывалось всего 0,07 млн человек (1% всех учащихся)[2]. Еще меньше училось в начальной школе в 1897 г. (время окончания обучения значительной части солдат) – всего 3,8 млн человек на 5,9 млн школьников этого возраста[3]. В подавляющем большинстве крестьяне (а следовательно, и солдаты) уже через несколько

[1] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 278–282.
[2] Для народного учителя. 1916. № 19. С. 2.
[3] Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 409.

лет утрачивали школьные навыки, поскольку далее, после начального образования, обучение прекращалось для более чем 90% детей этого возраста[1]. Это особенно важно по сравнению с другими странами запада, где всеобщее начальное образование существовало уже несколько десятилетий и охватывало почти 100% населения[2].

Существовавшая система образования весьма мало способствовала утверждению начал современности среди крестьян. Б. Эклоф делает вывод, что не образование изменяло крестьян, но крестьяне «окрестьянивали» образование, школу. Сами крестьяне ограничивали пребывание детей в школе постижением начал грамотности. Эклоф заключал, что педагоги хотели цивилизовать крестьянских детей, но крестьяне хотели в детях воспроизвести самих себя. И крестьяне первенствовали в этом соперничестве с педагогами. Провинциальные земства вместе с министерством образования постепенно стали рассматривать национальную школу как источник военного воспитания, национальной интеграции, экономической продуктивности, рабочей дисциплины и политической стабильности. Но в то же время власти опасались, что национальное единство русских, образованное посредством всеобщего образования, поставит вопрос об отношении к ним нерусской части населения, в частности украинцев[3]. С другой стороны, деятели общественной педагогики выступали против «милитаризации» образования как системы дегуманизации и монархического воспитаний детей[4]. В целом учителя крестьянских школ не стали агентами влияния модернизации, внедрения начал национальной идентичности, то есть роли, которую приписывал французским учителям Э. Вебер[5]. В этих выводах Эклофа поддержи-

[1] Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. 1 отдел. Территория и население. С. 108, 126.

[2] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Издательство: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 386.

[3] *Eklof B.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914 (Berkeley, CA, 1986), esp. pp. 70–119,471–482 по: *Moon D.* Op. cit. P. 127.

[4] *Иорданский Н.* Дети около войны // Для народного учителя. М. 1916. № 3. С. 19–26.

[5] *Eklof B.* Russian Peasant Schools. Berkeley, 1986. P. 70–119, 471–82 по: Op. cit. P. 127.

вает и Семенова. В целом школе не удалось поколебать у крестьян их знания о мире за границами крестьянского пространства, – подводит черту под этими дебатами Мун[1]. Другой исследователь влияния сельских учителей на крестьянское сознание Скот Серени, утверждает, что учителя принимали небольшое участие в революционных событиях 1905– 07 гг. Относительно же их роли в годы Первой мировой войны в формировании в крестьянах патриотического сознания автор полагает, что крестьяне не трансформировались в граждан[2]. В какой степени в школах России прививали представление о национальном единстве, также составляет открытый вопрос в литературе, заключает Мун[3].

Еще одним средством модернизации крестьян было их приобщение к политике. Трудно сопоставить русских крестьян с французскими, уже с 1848 г. имевшими избирательные права и таким образом приобщавшимися к политическому целому нации. Русские крестьяне, в сущности, были под опекой, имели свою сословную администрацию, свой суд вплоть до конца царского периода. Правда, были некоторые инструменты, с помощью которых крестьян пытались ввести в национальное целое. Этим инструментом был и волостной суд, откуда крестьяне могли взывать к высоким инстанциям. При этом ряд исследователей видят в таком обращении проявление чуть ли не национального сознания[4], хотя другие делают менее оптимистические выводы[5]. Также в земстве крестьяне учились отстаивать свои

---

[1] *Moon D.* Op. cit. P. 126–127.

[2] *Moon D.* Op. cit. P. 128; *Seregny S J.* Russian Teachers and Peasant Revolution: Hie Politics of Education in 1905. Bloomington, IN, 1989; *Seregny S. J.* Zemstvos, Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // Slavic Review. 59. 2000. P. 313–14.

[3] *Moon D.* Op. cit. P. 128.

[4] *Popkins G.* Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process, 1891–1917 // Slavonic and East European Review. 2000. P. 113–14; *Burbank J.* A Question of Dignity: Peasant legal Culture in Late Imperial Russia // Continuity and Change. 10, 1995, P. 391–404 по: *Moon D.* Op. cit. P. 129–131.

[5] *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: Монография. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000; Op. cit. P. 130.

интересы. Дэвид Маки утверждал, что крестьяне не обладали доброй волей, но зависели от обычая и культуры. Сергей Витте также ставил вопрос об инкорпорации крестьян в национальную политическую жизнь. Сами власти не рассматривали крестьян длительное время в качестве равноправных, поскольку те были связаны выкупными платежами. Отсюда консервация общины, ограничения в передвижении. Не было достигнуто политической интеграции и после революции 1905–1907 гг. В результате куриальной системы крестьяне рассматривались в избирательном процессе как граждане второго сорта. Мун подчеркивает, что чиновники опасались натиска крестьянского мира, который мог уничтожить гражданскую культуру, представлявшую в России только лишь зачатки. По этой причине чиновники были ограничены в призывах к массовой политике, уже стоявшей на повестке дня в европейских странах. В этом и заключается парадокс Столыпина, посвятившего много сил социальной и политической реконструкции деспотической России и вынужденного сдерживать проведение реформ[1].

Вчисло приписывал отказ правительства от попыток преобразовать аграрную Россию двум факторам. Во-первых, конфликту между реформами, нацеленными на продвижение ценностей гражданской культуры в сельскую общественную жизнь, и политической культурой автократии и общества. Во-вторых, реформы провалились в результате сопротивления верных традиционализму защитников государственного правопорядка и консервативных провинциальных дворян, которые сохранили партикуляристскую перспективу и желали сохранить свое место в социальном и политическом укладе. В недавней монографии Джудит Паллот указывает, что крестьяне объединялись, но – чтобы воспрепятствовать проведению столыпинской реформы[2].

---

[1] *Moon D.* Op. cit. P. 130–133.

[2] *Wcislo F.W.* Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855-1914 (Princeton, NJ, 1990), .P. 306–7.; *Pallot J.* Land Reform in Russia 1906-1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999. Quotation from P. 247; *McKean R.B.* Introduction // R. B. McKean (ed.), New Perspectives in Modern Russian History. Basingstoke, 1992. P. 8–10 по: *Moon D.* Op. cit. P. 134.

Социальный опыт русских крестьян, причем всех его групп, был в значительной степени связан с пребыванием в крестьянской общине, испытывавшей значительные пертурбации в последние годы перед Первой мировой войной. Россия – единственная страна, в которой в общенациональном масштабе сохранилась община. С одной стороны, она являлась историческим пережитком, а с другой – связана с жизнью широких народных масс, которые отстаивали ее в борьбе с царскими реформаторами. Она даже частично трансформировалась применительно к задачам экономики и новым взглядам на жизнь. Как замечает исследователь крестьянской жизни в этот период П.Н. Зырянов, «организационные основы крестьянского движения и его идеология были тесно связаны с общиной, с общинными по духу представлениями крестьян о праве трудиться на земле, о роли своего сословия в жизни государства, о своих крестьянских правах и обязанностях»[1]. Именно в общине заключались пережитки средневековья, традиционализма: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства, раздробленность крестьянства, его экономическая и политическая разобщенность и изолированность. По мнению Эйни, в общине господствовала власть соседей, грубая и деспотичная. У крестьян превалировали исключительно практические, а не абстрактные целей, тем более – «классовых интересов». Община игнорировала любые общественные интересы[2].

Перед войной община вошла в стадию глубокого кризиса. Против разделов были старики, а молодые шли в волостной суд, который улаживал дело в пользу разделов. Распадение больших семей подрывало влияние патриархальных старцев на сходах. Это особенно было заметно в Нечерноземной полосе, где отход, внеземледельческие заработки ставили молодежь в более независимое положе-

[1] *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. С. 3–4.

[2] *Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930. London, 1982. P. 6–9, 168–170, 172, 173, 182, 561 по: *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. С. 19.

ние. Правда, отсутствие молодых домохозяев, ушедших на заработки, повышало на сходах роль пожилых крестьян, оставшихся в деревне. Мало того, совет стариков даже усиливался. Кроме того, от распадения ускользали в основном семьи зажиточные и богатые. Старики-домохозяева были очень активны. Именно в совете стариков стала группироваться зажиточная часть крестьянства. В общинах с советами стариков ограничивался допуск женщин на сходы, задерживались переделы. После первой русской революции в крестьянском обществе даже оживились консервативные настроения[1].

Со времени столыпинской реформы резко обострилась ситуация в деревне между общинниками и властями, поддерживавшими собственников в деревне. В целом на Севере, Северо-востоке, в Центрально-промышленном регионе, ряде поволжских и черноземной областях реформа лишь слегка затронула толщу общинного крестьянства. Зырянов отмечает непрочность столыпинских реформ, против которых общинная деревня активно выступала, что советская историография называла проявлением «революционного движения» на селе[2]. В западной литературе некоторые исследователи пытались трактовать результаты столыпинской политики как попытки разрушения крестьянского сословия, изолированного от остальной массы населения. Конечно, так поставленный вопрос имел однозначно отрицательный ответ: нет, крестьянство ни политически, ни социально не было (или было недостаточно) интегрировано в общественное целое России[3]. В отечественной историографии подчеркивается, что у Столыпина не было прямой цели интеграции крестьян в политически сознательную группу[4].

В целом же вопрос о том, начался ли процесс приобщения крестьян к национальному сообществу, остается в ли-

---

[1] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 32, 246.

[2] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 102–104, 124, 140–143.

[3] *McKean R.B.* Constitutional Russia // «*Revolutionary Russia*». 9. 1996, P. 33–42; *Moon D.* Op. cit. P. 120–121. During the 1905–7; *Frank Stephen P.* Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 307.

[4] Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. Спб.: «Дмитрий Буланин», 1996. С. 611–612.

тературе открытым. В народном хозяйстве крестьянство было подавляющим по численности, что отражалось на всех сторонах жизни общества: в комплектовании армии, в рабочей силе, то есть именно там, где и существовали основные направления модернизации. Все они постоянно «окрестьянивались», потому что само крестьянство не поддавалось модернизации. Крестьянство, крестьянский характер, крестьянский мир неуклонно воспроизводил себя во всех тех институтах, которые были призваны его, это крестьянство, модернизировать. Дело было в наличии общины, традиций внутри крестьянства, на которые власти стали покушаться только в самом конце имперского периода, и попытки эти были далеко не успешными. Во всяком случае, они не привели к необходимым результатам. Значение крестьянского мира в истории страны куда больше, чем роль определенных групп крестьян, стоявших на позициях традиционализма. Власти сами способствовали сохранению этого слоя, постоянно подпитывающего основы крестьянского мира и препятствовавшего модернизационным сдвигам[1].

Вопрос о борьбе традиций и современности в русском крестьянстве приобрел решающее значение именно в годы Первой мировой войны, поскольку основной контингент армии был представлен крестьянством. Роль крестьянства в русской армии в годы Первой мировой войны даже еще более возросла, чему способствовали особенности призывной системы, уходившей корнями в специфику милютинской военной реформы комплектования. В ее основу была положена преемственность Устава о воинской повинности 1874 г. с Рекрутским уставом 1831 г., главной целью которого было оберегание эффективности крестьянского хозяйства. Формальной целью военной реформы было создание огромного запаса для быстрого призыва, что и составляло бы «вооруженный народ»[2]. Да и война становится народной в смысле завоеваний ради жизненных интересов народа, полагали реформаторы. Н.Н. Головин, опираясь главным образом на работу А.Ф. Редигера, по-

[1] *Moon D.* Op. cit. P. 127.

[2] *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПБ., 1900. С. 131.

ставил вопрос о крестьянском характере армии в зависимости от способа ее комплектования. Речь шла о значении крестьянского хозяйства в расчетах мобилизации в случае предполагаемой войны и в комплектовании постоянной армии. Автор исходил из утверждения, сделанного Д.И. Менделеевым, о небольшом количестве «кормильцев», участвовавших в производительной хозяйственной работе страны и обеспечивающих существование своих семей в России. Хотя в России на конец XIX в. насчитывалось 128 млн населения, однако реальных «кормильцев» было 34 млн, или всего 26,5% ко всему населению. На каждое крестьянское хозяйство приходилось 5,5 человек, где рабочих кормильцев-мужчин было всего 14,5%: 3 человека взрослых кормильцев на 8 остальных[1]. Это было следствием демографического перехода, характерного для России именно во второй половине XIX – начале XX вв., когда прирост населения достиг огромной цифры в 1,54% в 1867–1897 гг. и 1,94% в 1897–1914 гг.[2] В результате в возрастной структуре населения дети и молодежь, не достигшая призывного возраста, составляли на 1897 г. 48,63%[3]. При расчете ежегодного пополнения армии власти предполагали, что на семью должно было приходиться не менее 2 взрослых мужчин. Но если принять во внимание среднюю численность крестьянского двора в 5,8 (1897 г.) – 6,2 чел. (1917 г.)[4], то нетрудно подсчитать, что мужская его часть составляет 3 человека, из которой половина приходится на допризывной возраст. Именно это обстоятельство и было принято властями в расчет при проведении реформы комплектования армии 1874 г. Условием реформы было положено «возможно менее расстраивать благосостояние семьи и всей крестьянской общины»[5], «защитить интересы хозяйства крестьян, которые могли остаться без работников». Сделано это было посредством введения «льгот по семейному положению». Их суть состояла в том, что значительная часть призывников освобождалась от призыва

[1] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 29–30.
[2] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 23.
[3] Подсчитано по: Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 90–91.
[4] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 221.
[5] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 32.

в действующую армию и сразу зачислялась в запас. Такие льготы существовали и в Германии, и в Австрии. Однако ими пользовались только семьи, действительно нуждавшиеся в поддержке общества. В России же под льготы попадали вообще все семьи, где призыв мог оставить менее двух рабочих на крестьянскую семью. В результате в России освобождались 48% призывников – по сравнению с 37% в Италии, 33% в Австро-Венгрии, 2% в Германии и 0% во Франции. Кроме того, выбраковке, то есть непринятию на военную службу по физическому состоянию, подвергались 17%, по другим причинам освобождались еще 3% и 3% не являлись на действительную службу. В результате в России проходили призывную службу из лиц, предназначенных к ней, всего 29%. Впрочем, этот процент был выше, если принимать во внимание всех лиц мужского пола, поскольку от службы освобождались около 10% мужского населения страны «инородцев». По сравнению с реально служившими в действующей армии 29% от подлежащих призыву в России – такую службу проходили в Италии 33%, в Австро-Венгрии – 40%, в Германии – 51%, а во Франции – 78%. При этом в русской армии были вынуждены значительно занизить порог выбраковки по физическому составу. В результате и действующая армия мирного времени была крайне слаба по физическому состоянию[1]. Правда, накануне Мировой войны появились опасения по поводу недостаточности запасного контингента в случае широкого призыва. Однако измененный закон о воинской повинности 1912 г. не отменил главный порок системы призыва – льготы по семейному признаку[2]. Следует, впрочем, здесь добавить, что если бы даже этот закон и был отменен в этом году, это мало что изменило бы, поскольку было упущено время на подготовку состава армии для всенародной войны.

Головин постоянно подчеркивает, что устав о воинской повинности 1874 г. явился жертвой уступки крестьянскому хозяйству. Особенно это было вредным в случае всеобщего призыва, что сказалось только в годы Мировой вой-

[1] *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПБ., 1900. С. 92, 136–139; *Иванов В. В.* Указ. соч. С. 13–14.

[2] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 37–38

ны. Главную ошибку призывной системы Головин видел в том, что она являлась устарелой системой использования людского запаса, поскольку была приспособлена к мирному времени, а не к войне. Заметим, однако, что подготовка к современной войне и происходит в период мирного времени. Не мобилизационная система была устарелой, а государство, общество не были в достаточной степени модернизированы, чтобы обеспечить наличие и подготовку необходимого людского запаса для современной войны. Отсрочкам и сокращенным видам военной службы подлежали и все имевшие высшее и среднее образование. Головин полагал, что тем самым создаются два важных обстоятельства, мешающих реализации принципа всеобщей повинности. Во-первых, такие льготы получили фактически имевшие возможность такое образование получить, то есть привилегированные классы. С другой стороны, эти группы населения не получали необходимого военного образования, чем сокращались ресурсы для пополнения армии командным составом в военное время[1].

При проведении реформы службе подлежали всего 960 тыс. из 108 млн, то есть 0,9%, что казалось вполне достаточным по сравнению с постоянными армиями соседних государств в 400–600 тыс. чел.[2] К тому же формально льготники зачислялись в ополчение 1-го и 2-го разряда. Однако реально очередь до них в каких-либо войнах не доходила. Даже во время русско-японской войны обошлись частичной мобилизацией ближайших к Дальнему Востоку военных округов[3]. Для России Первая мировая война и была первой войной с всеобщим призывом и всеобщей мобилизацией. В этом смысле Первая мировая война была первым экспериментом по вовлечению страны в войну народную, войну нового типа. Реально это означало включение миллионов необученных солдат-крестьян в армию для ведения современной войны.

Особенности призывной системы, недостаток усилий общества по модернизации контингентов, призываемых

---

[1] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. 36, 44–45

[2] *Редигер А.* Указ. соч. С. 96.

[3] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военного экономического потенциала (капитала). М.,1986. С. 11.

на военную службу, ощущался в войну задолго до перемен в составе армии. Уже запасные, призванные в самом начале войны, то есть в августе–сентябре 1914 г., стали вызывать нарекания командования относительно своей низкой боеспособности. «Мое мнение относительно запасных такое: сколько их ни учи, ни наставляй, а они все будут проделывать свое. Офицеры мало понимают психологию запасного человека. Может ли 43-летний мужик, обросший семьей, относиться с пылом, с жаром к службе? Конечно, нет», – писал один из офицеров в письме[1]. Кадровое офицерство было настроено жестко в отношении запасных, которых «приходится заставлять, бить чуть ли не за каждый пройденный шаг». «Наши солдаты в бою молодцы, но вне строя – субъекты, нуждающиеся в нагайке», – писал в письме другой офицер в начале октября 1914 г.[2] При этом речь шла не об отдельных солдатах, а о целых соединениях, состоявших из запасных. «...Это такое зло... 61-ая дивизия, кажется, прекратила существование, оставшиеся предаются полевому суду. 38-я то же самое. Было бы лучше, если не будет этой серой скотины – запасных. Эти мерзавцы всегда делают панику, первыми бросаясь бежать», – писал другой офицер о своем опыте командования запасными[3]. Стихийность, значительное количество подобного элемента, которому трудно было противопоставить определенные меры, обнаружилась в самом начале войны. «Недисциплинированные, распущенные солдаты, среди которых масса буквально мерзавцев, грабителей. Мирное население от них сильно страдает, и удержать, обуздать их нет сил. Пугают только военно-полевым судом, но пока не было случаев приведения этих угроз в исполнение, они не помогают», – писал в письме комендант ст. Холм. В письмах с фронта сообщалось о низком моральном духе запасных, отсутствии «подъема духа», «вздорном страхе», «панике», желании мира «с нетерпением» и т.п.[4]

Особенно сильные жалобы на ухудшение качества солдат начались со второй половины 1915 г. Прежде всего

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 124.
[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 454.
[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 153.
[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 155, 450

это касалось ополченцев, то есть вообще не проходивших службу в действующей армии. Офицеры жаловались на их трусость, непригодность к войне, необученность, желание сдаться в плен. Есть люди, впервые вообще видящие винтовку, сообщал в своих письмах-отчетах журналист Снессарев[1]. «Того подъема, какой был раньше, в войсках нет, да и воины-то дрянные, лишь подумывают о том, как бы поскорей попасть в плен, да о мире на каких угодно условиях,» – указывалось в выдержках из писем, задержанных цензурой летом 1915 г. «Пришли на пополнение сволочь страшная, абсолютно ничего не знает и никак не дисциплинирована. Одного унтер-офицера за строгое отношение чуть не закололи. Вот с такой сволочью пожалуйста в атаку», – писал корреспондент в декабре 1915 г.[2] Именно с этого времени и высшее начальство стало жаловаться на армейский контингент «совершенно скверномилиционного характера», на малое количество в рядах войск кадровых офицеров и солдат[3]. Жалобы на состав армии из ополченцев продолжались и весь 1916 год, поскольку единственным резервом пополнений армии были ополченцы и новобранцы. «Вот в полк пригнали синебилетников – маменькиных сынков... и вот на следующий вечер австрияк послал нам кутью, и все они разбежались, что нельзя было найти. Пропали мы все и наша родина с этим солдатом... сейчас что-нибудь и они руки кверху и пошел... у Воробьевки побросали ружья и камешками дрались», – сообщалось в цензурной выдержке в одном из писем начала 1916 г.[4] «Нам прислали синебилетников в окопы, а они утекают в плен, а наши старые солдаты их стреляют», – писали солдаты в письмах и в феврале 1916 г.[5] Такого же рода сообщения были о солдатах-ополченцах и осенью 1916 г. «Пригнали на позицию этих что брали в маю месяце 1916 г., а они как услыхали выстрелы, то как маленькие ребята плачут и как посмотришь на них, то аж серце вяне, что не солдаты, а даже в пастухи не способны,

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 5, 341об.
[3] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М: Олма-Пресс; Звездный мир, 2004. С. 124.
[4] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 166.
[5] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 267.

не то воевать, а как услышать аэропланы летают, а наши стреляют по ним, а они и помрут спереляку»[1]. В целом состав ополченцев характеризовали как солдат в большинстве неопытных, семейных крестьян[2]. К этому времени не то что части, а даже целые армии теряли боеспособность, констатировал ситуацию в 12-й армии Брусилов летом 1916 г.[3]

Социальный опыт последней группы солдат-новобранцев связан с гражданским опытом молодежи в общине в виде так называемой проблемы «хулиганства». Немотивированное преступление, озорство, безобразие, неприличие, бесчинство стали широко распространяться в деревне после и вследствие столыпинских реформ. Основным ареалом его распространения являлись центральные великорусские губернии, а в их пределах – крупные торгово-промышленные села, а также деревни с большим числом отходников. Исследователи этого явления отмечают, что в движении принимали участие все слои деревни, но особенно активно – молодежь. Жертвами хулиганства чаще всего были помещики, духовенство, чиновники, богатые крестьяне, а также, и чаще остальных, – хуторяне[4]. Однако было главное, характерное именно для молодежи в этом явлении – отвержение традиционной власти деревенских старейшин и общины, а также дворян и чиновников, в целом традиционных порядков. В самой деревне хулиганов окружала атмосфера терпимости и сочувствия. Даже сельские старосты, волостные старшины и члены волостных судов проявляли необычайную вялость в подавлении хулиганства, а в некоторых случаях явно сотрудничали с правонарушителями, отмечает П.Н. Зырянов. Американский исследователь «хулиганства» Н. Вайсман полагал, что его суть в разрушительном влиянии городских отношений, городского стиля поведения на деревенское общество[5]. Однако Зырянов под-

[1] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 72.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 312.
[3] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 124.
[4] *Frank Stephen P.* Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856-1914 (Berkeley: University of California Press, 1999). P. 286, 290.
[5] *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. 1978. 37. P. 228–40.

черкивал, что в русской деревне никогда не признавалось право частной собственности на землю, не было почтения к установленным властям, была вражда к дворянам, чиновникам и другим чужакам, каковыми и воспринимались и те, и другие. Мало этого, полагает Зырянов, хулиганство было даже усилено элементами традиционного общества, хотя и направлено в целом против него. Особую ненависть вызывали попытки властей укрепить элементы частной собственности в деревне в самой крестьянской семье. Власти в своем стремлении образовать собственников в деревне, сделали ставку на дворохозяев, то есть старших в крестьянском семейном хозяйстве, где младшие его члены становились париями. Историки связывают хулиганское движение с крестьянским движением во время первой русской революции, где также отмечалось значительное влияние молодежи. При этом в той мере, в какой крестьянское движение ослабевало после революции, усиливалось хулиганское движение. Хулиганство называли арьергардным стражем крестьянского восстания, отмечает Зырянов. Правда, были и различия между хулиганством и революционными выступлениями: последние готовились, а хулиганство проявлялось стихийно. Зато в хулиганстве участвовали с самых малых лет вплоть до возраста отправки в армию. Связь хулиганства с крестьянскими волнениями имела и технический аспект. Дело в том, что власти перестроили борьбу против крестьянских волнений, создав мобильные отряды деревенских стражников. Отсюда и перестройка деятельности крестьян: мелкие акты, вредительство, диверсии, направленные против помещичьей собственности, что было названо «аграрным террором». Одновременно вместе с крестьянским движением в годы первой русской революции развернулось и антиклерикальное движение крестьян. Его причиной была борьба против церкви, как правило, поддерживавшей власти. Но и после революции антиклерикальное движение продолжалось в виде снижения платы за требоисправления, и вообще нарастали конфликты между причтом и прихожанами в деревенской России. Во время же хулиганского движения антиклерикальные настроения вызывались об-

щей позицией церкви, поддерживавшей власть, старших и традиционные порядки в целом[1].

Исследователи поднимают вопрос о смещении борьбы традиционализма и новых веяний в плоскость борьбы поколений в русской деревне. Если в середине XIX в. не было конфликта отцов и детей, поскольку и те, и другие имели почти одинаковый или очень схожий социальный опыт, то в начале XX в. такой конфликт существовал[2]. «Материальную» базу для развития конфликта поколений давал рост участия молодежи в крестьянском хозяйстве, особенно в северных промышленных губерниях. Отсюда омоложение сходов, что вызывало постоянные трения. Порою на сход являлись 2–3 человека от хозяйства. Стариков раздражала манера молодежи решать дела, а молодежь – весь комплекс традиционалистских отношений: являться к барину, когда он наезжал в деревню, снимать шапки при появлении земского начальника и другие формы традиционалистского этикета. Накопился протест против терпения, который разрешился в крестьянских волнениях периода первой русской революции, а затем продолжился в виде «хулиганства». Важным был также и протест против патриархальных порядков между членами малой семьи, как правило к тому же бедной, и большой семьей, где верховодили старшие члены семьи. Последние же являлись главными хранителями традиций в деревне, с чем не могла согласиться молодежь[3]. Историки обращают внимание на разгоравшийся конфликт поколений в крестьянстве, на его наложение на социальные и экономические конфликты деревни. Пик конфликта поколений пришелся на предвоенные годы[4]. Таким образом, надо

---

[1] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 244–246, 249.

[2] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 249–250; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. СПб., 1999. С. 245–250.

[3] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 248–250; *Щекин М.В.* Как жить по-новому. Кострома, 25. С. 15–16; *Внуков Р.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 29. С. 4–5, 17–18.

[4] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 249–250; *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 249–251; *Frank Stephen P.* Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 303–304; *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. 1978. 37. P. 240; *Neuberger J.*

полагать, что новобранцы, пришедшие в армию, были в значительной мере носителями социального опыта в виде гражданских конфликтов в деревне. Этот опыт не мог не сказаться на усвоении ими нового военного опыта.

Уже в самом начале войны командование было озабочено качеством пополнений из новобранцев. Командир одной из команд писал в сентябре 1914 г. в письме: «Здесь немало и хулиганов»[1]. Конечно, не все контингенты демонстрировали низкую боеготовность и слабый воинский дух. Так, хорошо отзывались о молодом пополнении в начале и в середине войны: «Не порицают начальство, даже большинство хвалит». Отмечались «чувство долга, патриотизма, чего совсем не было в русско-японскую войну», – сообщалось в цензурных отчетах. Хорошо отзывались офицеры всех частей о молодом солдате, его выносливости, мужестве, терпеливости, храбрости, неудержимом порыве в наступлении», – сообщалось в докладной записке по 5-й армии[2]. Действия таких солдат, новой армии России поздней империи могли производить впечатление на современников, например, на 18-летнего будущего писателя В. Катаева, согласно его мемуарам, запечатлевшим события 60-летней давности, что и послужило предлогом для переноса такого восхищения одной из частей на всю армию – даже в научной литературе[3]. Правда, большей частью эти сведения касались весны 1916 года, то есть в канун ожидавшегося наступления, к тому же от солдат, не принимавших участия в тяжелых летних боях 1915 г. и не испытавших тягот позиционного стояния в окопах осени 1915 – зимы 1916 гг. Главным, однако, является смена армейских контингентов, когда даже отлично организованные, по меркам России, части в 1916 г. стали убывать, растворяться в массе ополченцев, никогда не проходивших

Hooliganism: crime, culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, CA, 1993.

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 279.

[2] Докладная по ВЦО 5-й армии за март 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11, 13, 76.

[3] *Нарский И.В.* «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 376–377, 497–498.

школу модернизации в армии, или новобранцев, впервые в армии оказавшихся.

Указанные процессы в армии, вызванные различным социальным опытом и особенностью призывной системы, обусловили и специфику взаимодействия между тремя контингентами разных возрастов и разного социального опыта. Все более уменьшавшейся была группа старых кадровиков, задетых процессами модернизации во время службы в действующей армии мирного времени. Самой значительной была группа ополченцев, не служивших в армии, не прошедших школу стандартизации, не принимавших современную войну как таковую. Следующей по величине была группа новобранцев. Они также были настроены против современной войны, поскольку еще не прошли необходимую школу стандартизации. Но самым главным для них был специфический социальный опыт. Взятые из деревни военного периода, они ощутили на себе преимущества, которые давала молодежи война. Они имели и ранее социальный опыт противоборства с патриархальной семьей, борьбы против традиций, что выразилось в феномене «хулиганства». Для армии это была самая возбудимая часть – при поддержке ратников, не прошедших военную службу, и при ослабевающем сопротивлении кадровой части армии, а также ее унтер-офицерского состава.

Особенности социального крестьянского опыта различных групп оказывали свое влияние и в армии. Так, еще при прохождении военной службы в деревне возникала социальная несправедливость: в то время, когда 40-летний многосемейный запасный призывался жертвовать всем, включая и собственную жизнь, — здоровый, холостой 21-летний парень оказывался «забронированным» в тылу на основании семейных льгот. Эта несправедливость усугублялась тем обстоятельством, что главная причина (семейное положение), которая обуславливала судьбу молодых людей призывного возраста, по достижении ими 30–40-летнего возраста, как правило, отпадала[1]. Эта социальная несправедливость, отмеченная Головиным, вырас-

[1] *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 33.

тала до размеров социальной розни еще в деревне. Дело в том, что, как правило, такие льготы получали младшие сыновья, в отличие от старших, ушедших на действительную службу. А известны симпатии отцов по отношению к младшим, «любимым» сыновьям, которым, как правило, отцы и намеревались передавать наследство по ведению двора. Рано став хозяином, которому не угрожала военная служба даже во время военных действий, такой льготник становился «домовитым» хозяином. Во время же войны он даже еще более обогащался за счет роста цен на зерно. Даже на личном, семейном фронте у него были преимущества: как только становилось известно, что такой молодой человек пользуется семейной льготой по отсрочке от военной службы, именно на него обращались взоры деревенских девушек. С другой стороны, отслуживший в армии крестьянин трудно переносил обстановку крестьянского двора, в котором за годы его службы сумел занять доминирующее положение его младший брат, преуспевший и в хозяйстве, и в личной жизни. Порою он рассматривался как неудачник, поступал в услужение к брату и отцу, или подавался в отход, или вовсе забрасывал хозяйство. Причиной своих неудач он считал своего брата. Таким образом, соперничество между братьями приобретало социальный характер: младший брат, льготник по призыву на службу, имел более высокий статус в деревне, в социальном плане был более обеспеченным. Это и приводило к социальной вражде между братьями. В годы Гражданской войны это давало почву для проведения границы между «красными» и «белыми» в самой крестьянской семье, когда «брат вставал на брата». При этом отметим: и на отца, поскольку младший брат рассматривался как союзник отца, имевшего такие же льготы. Он обогащался от ведения войны. Старший же брат полагал, что семья, отец, мать, сестры, младший брат просто наживаются на его несчастьях, желают, чтобы он как можно дольше служил в армии, а война чтобы продолжалась как можно дольше. Это и образовывало тот сложный узел отношений между различными представителями контингентов русской армии, который создавал в армии крайне сложную ситуа-

цию. В сущности, армия превратилась в арену разрешения социальных противоречий в деревне, особенно в крестьянской семье. Фронтовики-запасники стремились вернуться в деревню и обрести новые привилегии в качестве фронтовиков; молодежь была настроена активно, чтобы отстоять свой семейный статус; ополченцы-льготники вообще не желали войны и стремились назад, домой, чтобы защитить свой выгодный семейный статус. Все эти группы использовали военный опыт защиты своих прав с оружием, чтобы пересмотреть свой статус в деревне. Все они стремились к прекращению войны, чтобы начать борьбу за свой статус.

§ 2. Пространство и ратный труд Русского фронта

Военный опыт русских солдат-комбатантов проходил в особой пространственной среде, в которой комбатанты занимали определенное положение, действовали в соответствии с определенной технологией, ритмом. Рассмотрение этих важнейших условий ратной деятельности в данной работе производится с позиции новой локальной истории и социальной географии.

В новой локальной истории внимание привлечено к регионам, являющимся не «составной», а возможно, основной частью истории страны. В таких больших географических пространственных образованиях, как Россия, США и другие страны, «история» часто делается не собственно в центре, хотя его роль никто не отрицает, но в значительной степени на окраинах[1]. Фронтиры сыграли неоценимую роль в истории США и России. Фронтиры создают нового человека, активно перестраивающего социальное пространство страны. Но сам этот человек явля-

[1] *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории// Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. Ставрополь, 2003. С. 15–16; *Маловичко С.И.* «Пространственный поворот» в историографии и новая локальная история // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Часть II. М., 2008. С. 439–442.

ется порождением определенного географического, социально насыщенного пространственного поля.

В литературе, посвященной истории фронтира, взаимовлиянию фронтира и «центра», речь идет о постоянных географических, хотя и вновь осваиваемых образованиях: Сибирь, Дальний восток[1]. XX век, породивший феномен мировых войн, создал также и фронтиры временного образования. Сформировавшийся человек военного фронтира впоследствии оказывал значительное влияние на социально-политическую историю страны. Для исследования влияния военного опыта на формирование солдата-гражданина (soldier-citizen) следует рассмотреть особенности фронтира XX века как особой хозяйственно-трудовой среды в условиях военного конфликта. Особенности трудовых практик и обуславливающих их пространственной среды, «строительной площадки», по выражению Э. Юнгера, ритма, артефактов позволят по-другому взглянуть на проблему формирования «рабочего войны». Для раскрытия позиционного фактора военного опыта предполагается проанализировать тенденции развития оборонительной полосы, дать ее основные характеристики (протяженность, устройство, соотношение географических и искусственно созданных компонентов позиции, обустройство ее техникой, вооружением, снаряжением), обрисовать конкретную работу, деятельность войск на позиции, в чем, собственно, и заключался «ратный труд».

Борьба и жизнь рабочего войны на Восточном фронте протекала в оборонительной полосе – как центральной части театра военных действий. Сама же оборонительная полоса выстраивалась в соответствии с неминуемыми законами позиционной войны. Позиционный характер войны проявлялся в паритете средств обороны и наступления и определялся объективным противоречием между малой подвижностью атакующих дивизий в зоне прорыва и огромной подвижностью резервных дивизий, перебрасываемых

[1] *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков. М., 2004. С. 206–290; *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 285–365.

посредством железнодорожного маневра. Выходом из него являлась принятая в странах Антанты стратегия «размена» численных и материальных ресурсов[1]. Позиционная война с точки зрения тактики – это борьба на близких расстояниях за укрепленные позиции. Главным в такой войне является отсутствие крупных маневренных операций, медленное продвижение по местности противников, значительное присутствие технических, инженерных, вооруженных средств[2]. На русском фронте позиционная война велась главным образом с осени 1915 года, особенно широко на позициях Северного фронта[3].

В литературе или вообще мало говорится о позиционном строительстве на Русском фронте, как будто маневренная война не прекращалась до 1918 г. (см., напр., описание военных событий у А.А. Керсновского), или этот вопрос трактуется крайне упрощенно, на основании существовавших нормативных инструкций по укреплению боевой позиции. В целом авторы правильно указывают на постоянное увеличение количества и глубины оборонительных позиций, а также глубины межпозиционного пространства, возрастание объема инженерных работ, повышение плотности и упрочение полевых фортификационных сооружений[4]. Но фронтовая позиция на Русском фронте имела свою историю, отличную от истории позиционной полосы, существовавшей на Западе.

---

[1] *Фрунзе. М.В.* Избр. произв. М., 1965. С. 69; *Переслегин С.Б.* Приложение к книге Б. Г. Лиддел-Гарта «Стратегия» // *Лиддел-Гарт Б.Г.* Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.; СПб: АСТ, Терра Фантастика, 2003. С. 475–479; Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк. М., 2002. С. 142; *Снитко Н.* Несколько дополнений и замечаний к прочитанному // Война и революция. 1929. Книга. 8. С. 68–71.

[2] *Яковлев В.В.* Позиционная война и краткие сведения о крепостях и их атаке и обороне. Пг., 1916. С. 1, 3; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Позиционная война. Пг., 1917. С. 2.

[3] *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 2. Эпизодически такая война велась на Юго-Западном фронте в октябре 1914 г., в январе – апреле 1915 г. и с сентября 1915 г.; на Северо-Западном фронте – в декабре 1914 – июне 1915 г.

[4] *Гордеев Ю.Н.* Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999. С. 16; *Цабель С.А.* Фронт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. «Энциклопедический словарь». Т. XXXVIa. СПб., 1902. Стб. 816–817.

До 1914 г. преданные идее маневренной войны войсковые инженеры русской армии соответствующим образом представляли и оборонительные позиции. Их мыслили как «пассивную оборону», состоявшую из ряда местных предметов с достаточными между ними промежутками для возможного движения вперед[1]. С началом войны при успехах армии войска не только не выстраивали линий от врага, но даже пренебрегали фортификационным закреплением за собой занятого ими пространства. Но неудачи заставили начать в этом направлении работы. При этом военные выступали против сомкнутых укреплений, опасаясь, что в сомкнутом укреплении «люди чувствуют себя как в ловушке». Иногда делали на некоторых важных направлениях опорные пункты в виде подковообразных окопов, но не огораживали их. Больше всего были распространены «группы окопов», приспособленные к обороне вокруг «местных предметов»: кладбищ, прочных зданий, леса[2].

Концепция группового устройства позиции господствовала вплоть до середины 1915 г. Это было закреплено в приказах ряда фронтов, несмотря на то, что уже весной 1915 г. война приняла на некоторых направлениях позиционный характер[3]. В приказах предписывалось придавать окопам исключительно групповой характер с промежутками, простреливаемыми перекрестно-ружейным огнем. Сами группы состояли бы из двух рот или батальона. Межгрупповые промежутки составляли бы 300–800 шагов. Считалось, что перекрестный огонь групп, даже на расстоянии 1–1,5 верст между ними, не позволит прорваться противнику. Правда, сторонники группового расположения осознавали слабость такого построения обороны, опасались прорыва в дрогнувшей группе и указывали, что их оборона требует особой стойкости войск, хладнокровия начальников, большой сплоченности, выдержки,

[1] *Цабель С.А.* Указ. соч. Там же. Стб. 816–817.

[2] *Яковлев В.В.* Укрепление полевых позиций и конструкция фортификационных построек (по данным, полученным с фронта). Пг., 1915. С. 12–15.

[3] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 161; Военно-инженерный сборник (далее – ВИС). Материалы по истории войны 1914 – 1918 гг. Книга вторая. М., 1919. С. 258–259.

выучки и способности к маневрированию малыми и большими частями[1]. Но и в мае 1915 г., когда стал очевидным полный прорыв существовавших позиций, военные продолжали держаться за концепцию групповой обороны[2].

Вариант полупозиционной, или полуманевренной, войны продержался вплоть до лета 1915 г., когда встал вопрос о новой концепции оборонительных сооружений в долговременной, как оказалось, позиционной войне. После поражений от австро-германских армий стала нарастать критика группового метода, неприятия оборонительных работ вследствие постоянного стремления к наступлению и нежелания «излишне» обременять солдата фортификационными работами. «За это игнорирование закрепления за пространством инженерным совершенствованием позиций впоследствии расплачивались кровью», – указывалось в одном из инженерных отчетов. Среди ведущих инженеров развернулась полемика о характере оборонительных позиций для недопущения прорыва противника. При этом мнения разделились. Большинство инженеров продолжало настаивать на необходимости сохранения группового принципа позиционного строительства. По их мнению, с одной стороны, это вызывалось экономией средств на громадном участке фронта; с другой – подчеркивалась необходимость значительного количества материалов, самих работ для возведения сплошных позиций[3]. Многие командиры проявляли даже опасения, что защищенность солдат в окопах будет служить потере их активности[4]. Сторонников единой сплошной линии обороны обвиняли в трусости, нежелании идти вперед, а саму концепцию сплошных линий считали вредной[5]. Одной из причин, выставлявшейся войсковым начальством в оправ-

[1] *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 5–7.

[2] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 162; ВИС. Кн. 2. С. 164, 259–260; Отчет об укреплении позиций Юго-Западного фронта с 18 июля 1914 г. до 1 апреля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 162. Л. 745; «Краткие указания, на что обращать внимание при осмотрах укрепленных позиций, согласно приказам фронта № 171, 668, 761» // Там же. Л. 1–16.

[3] Отчет об укреплении позиций Юго-Западного фронта с 18.07.14 до 1.04.16. // РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 74–75, 176.

[4] *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 20; Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 174; 228 об.

[5] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 8а., 175об.

дание слабого укрепления войсками своих позиций, являлось постоянное стремление действовать активно, ожидание с минуты на минуту приказа о переходе в наступление[1].

С 1 августа 1915 г. поступили требования о линейном укреплении позиции, а не группами, с промежутками между окопами не более 150 шагов и сплошной полосой проволочных заграждений перед первой линией. Войсковым инженерам теперь предписывалось также строительство второй и даже последующих полос, отстоящих от первой на десятки верст[2]. С этого времени начал возрастать объем инженерных работ, повышалась плотность и прочность полевых фортификационных сооружений. Но какую-либо концепцию в этих работах трудно обнаружить. Даже зимой 1915–16 гг. осознания того, что позиция должна быть укреплена надолго, не было. Военные продолжали мыслить категориями маневренной войны, строя грандиозные стратегические замыслы, которые, конечно, не могли способствовать осмысленному позиционному строительству. Да и сторонники группового принципа все еще не сдавались, настаивая на трудности возведения оборонительных линий. На некоторых участках вплоть до конца 1915 г. оставались еще групповые укрепления[3].

Важнейшим этапом в формировании окончательной концепции оборонительной позиции явился провал наступления на Северном и Западном фронтах в декабре 1915 – марте 1916 г., и как следствие – требование перехода к «активной обороне» на важнейшем участке фронта – Рижском направлении[4]. На военное командование также произвела большое впечатление сама укрепленная линия немцев, не позволившая русским войскам добиться какого-либо успеха[5]. Подвижки в понимании концепции позиции содержались в мнении главнокомандующего армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверта, высказанном зимой 1916 г. Эверт полагал, что опыт войны выдвинул

[1] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 164; *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 7–8.
[2] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 75 об.
[3] Там же. Л. 174, 181 об., 182, 228об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 56; *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 20.
[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 320–321, 397об.
[5] Там же. Л. 331–331об.

новые требования к формам оборонительных сооружений в полевой армии, совершенно иной ритм ведения военных действий: сначала сохранение живой силы (в случае нападения противника), максимальное его ослабление во время атаки, и только как отдельная операция – организация атаки. Если в прошлой войне боролись как бы накопленным оружием, средствами, которые одновременно и отражали атаку, и контратаковали, то в позиционной войне линия обороны носила сложный характер сбережения сил, истребления сил противника, умения распорядиться резервами, полагал генерал[1]. В таком видении позиции обрисовывалась ее новая концепция как сложной, постоянной оборонительной линии, готовой к длительному противостоянию в позиционной войне. Именно в это время было решено составить сводные указания по укрепленной позиции на Северном и Западном фронтах. Эту задачу взял на себя штаб 5-й армии, а конкретное составление указаний было осуществлено офицером Главного Штаба подполковником В. Замбржицким[2].

Проект Замбржицкого по устройству оборонительной позиции, практически списанный с указаний по ведению оборонительных позиций во Франции и Германии, послужил главным указанием для строительства позиций, просуществовавших вплоть до зимы 1917–1918 гг. В основу такой позиции бралось устройство нескольких, не менее двух, укрепленных полос с расстоянием между первой и последней в 5–8 верст. Задача укрепленной площади такой глубины состояла в том, чтобы вызвать для ее разрушения и прорыва полное истощение как материальных (снарядов, людей), так и моральных сил противника. Эта глубина должна была дать возможность с малыми силами оборонять укрепленную площадь и выиграть необходимое время для выяснения обстановки, сосредоточения к угрожаемому пункту резервов и перехода в контратаку[3].

[1] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 22–23об.

[2] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 300.

[3] Наставление по укреплению позиций войскам армий Западного фронта. 9 января 1916 г. Секр. // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 64; Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 3–8.

Предполагалось, что в случае прорыва первой полосы неприятель должен был прибегнуть к полной перегруппировке своей артиллерии, то есть, в сущности, вести новую атаку, что делало невозможным прорыв с ходу всей линии фронта. В позиции устанавливалось четкое деление на полосы и линии. Главной признавалась 1-я полоса, глубиной около одной версты, остальные были запасными и резервными. По смыслу в каждой из полос предусматривалось построение трех линий обороны, собственно окопов и траншей. Первая стрелковая линия – боевая, или линия охраняющих частей, – состояла из немногих войск. Вторая линия устанавливалась в 150–200 шагах от первой и потому была главной; она являлась бы основой всей обороны участка. Здесь находились части поддержки первой линии, почему эта линия называлась также линией поддержки (ротных, частью батальонных резервов)[1]. Третья линия, в 400–1000 шагах от второй, представляла групповые опорные пункты, находящиеся во взаимной огневой связи и являлась средством обороны в случае прорыва первых двух линий. В ней находились участковые, преимущественно батальонные, а частью полковые резервы[2]. Перед первой линией была также сеть наблюдательных пунктов, полевые караулы, секреты, иногда отдельные заставы[3]. Кроме трех линий, некоторыми инструкциями предусматривалось строительство исходных окопов впереди своих проволочных заграждений. Они даже строились именно перед атакой[4].

Устройство первой полосы исходило из «идейной связи линий». Эта связь достигалась расположением окопов таким образом, чтобы задние линии оказывали огневую поддержку передним окопам, по возможности обстреливая их внутренность (в случае захвата ее противником), и чтобы все три линии окопов, прочно связанные между

---

[1] *Замбржицкий В.* Наставление для борьбы за укрепленные полосы. Часть I. Типо-литография Штаба Особой армии, 1917. С. 9.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 35об.; *Замбрижцкий В.* Указ. соч. С. 8–9.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 27об.

[4] Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 8.

собой ходами сообщений, образовывали в соответствии с конфигурацией местности ряд узлов (отсеков)[1].

Сами стрелковые линии представляли собой ряд расположенных в шахматном порядке опорных пунктов в виде траншей и окопов, обнесенных 2–3 полосами искусственных препятствий, связанных между собой и приспособленных к обороне ходами сообщений с находящимися рядом надежными убежищами[2]. Окопные линии на передовой состояли из окопов разной «профили»: полной (в полный рост), для стрельбы с колена (то есть приблизительно в аршин глубиной), наконец для стрельбы лежа, то есть совсем неглубокие[3]. Окоп же служил ходом сообщения между гнездами и располагался позади них. Его ширина поверху должна была составлять 1–1,5 шага, а по дну не менее шага для свободного прохода носилок, подноса патронов и прохода ближайших начальников. Окопы состояли из гнезд, их делали на 3–10 человек в каждом. Между гнездами делали траверсы – для прикрытия стрелков от продольного огня и разлета осколков при фронтальном огне, толщиной не менее 4 шагов. Для прикрытия наблюдателей от шрапнельных пуль, а также и от ненастья, гнезда часто перекрывали козырьками[4].

Для выходов из окопов делали широкие ступени с расчетом движения по ним не менее 2 чел. в ряд. В особых тупиках устраивали отхожие ровики и мусорные ямы[5]. В расстоянии большем 100 саженей от исходного окопа люди располагались в блиндажах на полу – на отдыхе, то есть сидя, или на полном отдыхе, то есть лежа. По мере приближения к исходным окопам ходы сообщения постепенно увеличивались, становясь вместе с этим и более узкими. Ходам сообщения вообще придавалось большое значение. Так, при их строительстве предусматривалась возможность движения двух колонн, где пути пересекаются, движение – только по правилам и только в одном направлении. Предписывалось также иметь два специ-

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 27об.–28.
[2] *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 9.
[3] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 55. Л. 8, 61, 62.
[4] *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 15, 48.
[5] Там же. С. 18, 20.

альных хода сообщения на полк для эвакуации раненых[1]. Также предусматривалось давать названия участкам позиций. В районе участка должны были кругом быть вывески и указатели наблюдательных и опорных пунктов, центров сопротивления, батарей, складов патронов и ружейных гранат, телефонных станций, перевязочных пунктов, офицерских блиндажей, окопов и ходов сообщений[2].

Задачам позиционной войны подчинялась линия расположения артиллерийских расчетов. Главным в войне считалось поражение противника в глубину, начиная от первой позиции противника. Однако такой глубиной могла стать и линия собственной позиции в случае занятия ее противником. В этом случае первая линия собственной обороны попадала под контроль артиллерии. Такие задачи артиллерии диктовали и соответствующее построение артиллерийских расчетов: они должны были стоять близко к линии, но не настолько, чтобы огонь по артиллерии со стороны противника затрагивал саму линию. Обычно легкие батареи располагались не далее 2 верст, а тяжелые – в 15–20 верстах от 1-й стрелковой линии. Расчеты легкой артиллерии располагались по линии или в шахматном порядке, а тяжелой артиллерии – в затылок. Для артиллерии особенное значение имело наблюдательные пункты, вообще связь[3].

Указанная концепция позиции должна была обеспечить главную цель ратного труда – подготовку к наступлению. Но фактически этот труд означал массу видов боевой работы. Важной частью подготовки к последующим боевым действиям являлось ведение разведки. Фронтовая разведка, которую вели, как правило, штабы крупных формирований (начиная с дивизий), включала много видов. Это и аэроразведка, и радиотелеграфная – через специальных агентов, и агентурная – через агентов-ходоков. Непосредственно войска вели также разведку – посылкой разведпартий, дозорами, малыми «поисками», непрерывным наблюдением с наблюдательных пунктов в каждом

[1] Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 11–13.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 40–40 об.

[3] *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 49–50; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 10–11.

пехотном полку и батарее. Одновременно проводилась и артиллерийская и минная разведка.

Кроме разведки, на фронте имели место постоянные стычки с противником, так называемые «поиски». Эта фронтовая повседневность носит название «малой войны». Цель поисков – частная: овладение каким-либо местным предметом (командная горка, брошенный старый окоп, воронка от взрыва фугаса), или неприятельской позицией (фланкирующий выступ, наблюдательный пункт), или взятие языка (как часть разведывательной операции). В сущности, «поиски» есть составная часть подготовки к наступлению. Однако никогда «поиски» не переходили во всеобщее наступление, а всегда совершались по заранее намеченному плану[1].

Значительное место для подготовки атаки занимала артподготовка. Она длилась от нескольких часов до 1–1,5 суток – далее это становилось бессмысленно. Целью артиллерийской подготовки было пробитие проходов (в среднем 3–4 прохода на роту в 2–3 сажени шириной), разрушение фланкирующих построек и, по возможности, – окопов, убежищ, подбитие или обезвреживание пулеметов, траншейных орудий, блиндажей. Артиллерийская подготовка проводилась всеми видами артиллерии, но против сильно укрепленных позиций, резервов в тылу и батарей противника – тяжелой артиллерией. Артподготовка имела также целью деморализацию противника. Иногда во время артиллерийской подготовки были небольшие перерывы в огне, его напряжение менялось или по окопам велся комбинированный фугасный и шрапнельный огонь. Артиллерийская подготовка имела также целью изолирование участка от остальной укрепленной полосы и тыла завесным, заградным огнем. Активно обстреливались дороги и подступы к позиции, огнем разрушались мосты, искусственные сооружения. Особенно важна была атака артиллерии противника, часто – химснарядами. Важно было также нанести удар по наблюдательным пунктам противника, чтобы он не сумел провести информирование о начале атаки. На артилле-

[1] *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ соч. С. 2, 17–18, 45–46.

рию вообще выпадала задача терроризирования тыла, что достигалось обстрелом штабов, складов, станций и важнейших путей. Наконец, только артиллерия могла вести борьбу с воздушным врагом, чтобы помешать ему вести разведку и корректировку стрельбы.

Работа артиллерии имела три этапа: сначала собственно артподготовка – образование проходов в препятствиях, разрушение блиндажей, фланкирующих построек, борьба с воздушным флотом. Затем делались перерывы, чтобы улеглась пыль и рассеялся дым, давая, таким образом, разведке выяснить степень разрушения проволочных заграждений и определить оставшиеся у противника средства обороны. Затем наступал завершающий период артподготовки. Непосредственно же перед атакой артиллерийский огонь доводили до высшей степени. Затем его переводили в тыл, образуя мощную огневую завесу[1].

Атака составляла смысл военных действий и заключалась в вынуждении противника очистить всю полосу и тем вернуть себе свободу маневрирования. Для прорыва выбирался участок фронта в 2–4 версты, но такой, от занятия которого зависело удержание противником всей укрепленной полосы. Общая ширина фронта атакуемого участка должна была захватывать 10–15–20 верст, то есть приблизительно зону действий от дивизии до корпуса[2]. Формально атака совершалась через проходы, проделанные артиллерией. Проходы должны были расширять специальные команды гренадеров с ручными гранатами и рабочих под руководством саперов – с ножницами, топорами, гранатами, или преодолевать их с помощью перекрытий из мостков, плетней, брезента, одеял[3]. Далее предполагалась атака двумя линиями пехотинцев, в каждой по 4 ряда, батальонными резервами.

Атака требовала сочетания всех ее составляющих по времени, четкую слаженность каждой из групп участников (атакующих линий и резервов), их взаимовыручку, согласованность, умение отреагировать на нестандартную

---

[1] То же. С. 17, 33, 37.

[2] *Замбржицкий В.* Указ соч. С. 59, 65.

[3] Там же. С. 71–72, 133, 135; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 36.

ситуацию. Например, расчет времени для артподготовки с целью прорыва корпуса исходил всего из 2,5–3 часов. На взятие 1-й линии окопов давалось 0,5 часа; далее, пристрелка и стрельба на поражение 2-й линии – 1,5 часа, и новая атака – 0,5 часа. Столько же времени уделялось для атаки третьей линии. Согласно наставлениям, где не жалели слов типа «стремительный натиск», «волны» атакующих, действуя после прорыва линий вперед, вправо и влево, ручными бомбами выгоняли противника из окопов, проникали в его ходы сообщения для захвата пулеметов внутренней обороны, осуществляли закрепление, установление связи с задними рядами, осмотр, разведку, высылку артиллерийских наблюдателей, саперов и т.д. При этом даже и в случае успешного наступления существовала серьезная возможность нарушения руководства и взаимодействия войск. Во время наступления порядок на каждом из участков нарушался, войска часто перемешивались, что требовало приучить людей становиться под команду своих и чужих младших начальников, а последних – устанавливать связь с ближайшими начальниками – хотя бы и не своей части[1]. Иногда имели место ночные атаки. Они были выгодны (скрытность, внезапность, уменьшение действия огня, трудность ориентации противника в количестве войск), но требовали отлично обученных и дисциплинированных войск[2]. Организация атаки требовала также сложной подготовки в инженерном отношении. Надо было создать выгодные условия для атаки; дать возможность войскам из исходных прикрытий быстро и в порядке двинуться на штурм; обеспечить скрытый подход свежих сил на усиление атакующих частей; иметь батареи с пороховыми погребами и убежищами, обеспечить возможность пополнения боевых запасов и т.д.[3]

Несмотря на важность подготовки к атаке, большая часть времени на позиции уходила на оборону, даже скорее охранение. В него входили: непрерывное наблюдение

[1] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47, 61, 70; *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 140–141.

[2] *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 36–43.

[3] Указания по инженерной подготовке атаки неприятельской позиции. (Устройство инженерного плацдарма). Штаб Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 5–6.

за противником, препятствие разведке противника и отражение его мелких частей, охрана своих оборонительных построек и рабочих, когда последние находятся впереди своей линии окопов, мешая производству таковых же работ противника. В случае наступления крупных сил неприятеля сторожевое охранение должно было сдержать их первоначальный натиск, предупреждать о газовых атаках и т.п.[1]

Считалось, что войска проводили на передовой позиции лишь часть времени, находясь остальное время в резервах на второй позиции. Но смена войск не была точно определена. Указывалось лишь, что войска «при продолжительной стоянке... сменяются для отдыха и для ведения правильных регулярных занятий по подготовке». Назывались и другие основания для смены позиции: по санитарным причинам, а также по боевым, для восполнения потерь и для отдыха. Смена позиции являлась довольно сложным мероприятием, требовала строгого, четкого порядка. Считалось, что главное –это немедленно исполнить боевую задачу, заступив на позицию, чтобы ни на минуту не понизить боевую готовность данного участка. Смена производилась только в течение одной ночи, чтобы отход не мог быть обнаружен. Во время смены происходила передача позиции другим подразделениям[2].

И строительство оборонительных линий, и реальная оборонительная полоса, и боевая работа войск значительно отличались от обозначенных выше предначертаний командования. Кратко историю позиционного строительства можно представить в следующем виде. Осенью 1914 г. строительство окопов имело место в Галиции и на р. Висле. Окопы были чисто полевого характера, без закрытий против снарядов[3]. Да и во всей Польше в 1914 – начале 1915 г. в связи с продолжавшимися боями не думали о серьезных оборонительных позициях. По воспоминаниям А.А Брусилова, войска спешно окапывались

---

[1] *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 147; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 43, 47.

[2] *Замбржицкий В.* Указ. соч. С. 173; *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 12–15.

[3] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 33. Л. 43.

лишь по прибытии на места. Окопы (южнее Перемышля) были весьма примитивного свойства[1]. Лишь на отдельных участках были устроены основательные оборонительные позиции по рекам Висле, Бзуре, Равке, Нареву и Пилице, а также у Пултуска – всего на протяжении около 200 верст[2].

С зимы 1915 г. начались более активные оборонительные работы на правом берегу Вислы и в районе Ивангорода. Стоимость версты увеличилась в 2 раза, до 20 тыс. руб., по сравнению с Галицией, а убежища стали строиться более солидной конструкции[3]. Была организована постройка мостов на Висле, а также – предмостных укреплений; велись оборонительные работы по защите устья Сана[4]. Ряд работ по укреплению позиций были произведены и в районе будущего наступления австро-германцев перед Горлице[5]. Однако все эти укрепления не создавали непрерывной цепи, имели всего лишь фланговый характер, что было недостаточно для предотвращения наступления австро-германских войск.

Летом 1915 г. проведение оборонительных работ диктовалось стремлением остановить прорыв противника, прежде всего в Галиции. Командование пыталось укрепить рубежи сзади передовых линий до Могилева (Подольского) и другие позиции на многие десятки километров позади передовых линий, что привело к громадному разбросу рабочей силы[6]. Однако наиболее мощные оборонительные работы были предприняты на Северном фронте, особенно после стремительного натиска немцев на подходы к столице империи. В этой ситуации Ставка, лично Николай II, требовали удержания в особенности Рижских позиций всеми силами[7]. Именно с зимы 1915–1916 гг. стали проясняться очертания постоянных позиций, на которых русская армия оставалась вплоть до зимы 1917–1918 гг.

[1] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 124.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 733. Л. 47–50, 57.

[3] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 33. Л. 43.

[4] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 501. Л. 198об.

[5] *Роткирх Фон-Трак.* Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы–Тарнова в 1915 г. Пб., 1921. С. 33.

[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 733. Л. 94–95, 105, 131; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 39. Л. 39, 41, 89, 148об.

[7] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 81.

Особенно важной считалась Якобштадтская позиция, находившаяся на стыке 12-й и 5-й армий. Следующим пунктом оборонительной позиции стал участок Двины между Рижским и Якобштадским плацдармами, включая небольшой, но чрезвычайно важный в стратегическом отношении плацдарм у Икскюля. Опасаясь прорыва немцев к Петрограду, военное командование развернуло ряд оборонительных работ в Финляндии, где стояла 6-я армия. Ей была поставлена задача прикрытия пути к Петрограду по обе стороны Финского залива в случае высадки противника в Финляндии и на Рижском побережье[1]. Одновременно зимой 1916 г. развернулись работы в Лифляндии, где строились 4 линии обороны. Работы по укреплению позиций шли и в тылу 12-й и 1-й армий (Венденская позиция). Работы шли также на Режицких и Вольмарских позициях (по линии оз. Псковское – Изборск – Остров) и далее на позиции между Рижским заливом и Чудским озером[2].

На Западном фронте работы велись также с большим размахом. Они делились на три вида: на передовой позиции и ближайшей к ней линии работали сами войска – по распоряжению корпусного командования; на второй полосе работы велись по распоряжению армейского начальства, корпусных инженеров, частично при помощи войск, частично вольнонаемными рабочими и армейскими организациями; на тыловых позициях, в десятках километров от передовой, работали тыловые организации по распоряжению штаба фронта – при помощи вольнонаемных рабочих, ополченских дружин и добровольных инженерных дружин. Кроме собственно войсковых позиций, работы на Западном фронте велись на протяжении 2697 в., из них армиями – на протяжении 1385 в., а остальные – в тылу на протяжении 1412 в.[3]

Ряд значительных работ велись и на Юго-Западном фронте. Еще в сентябре 1914 г. встал вопрос об укреплении Ивангорода, затем вообще левого берега Вислы и Вепржа. Работы предполагалось проводить со значительным размахом, в основном используя вольнонаемный труд. Но

[1] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 83. Л. 1–3об.
[2] Там же. Л. 4; Ф. 2006. Оп. 1. Д. 12. Л. 89–91.
[3] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 138.

население, боясь боев, разбежалось, а собрать вольнонаемных рабочих в достаточном числе оказалось невозможным. Заставить же работать население опасались, чтобы не создать «врага из местных жителей». Все это вызвало значительную задержку работ[1].

Работы на Юго-Западном фронте в 1915 г. отличались от работ на других фронтах. Так, окопы возводились сразу неглубокие, всего лишь для стрельбы с колена. Расчистка же леса затруднялась твердыми породами деревьев. В результате сближение с противником втянуло войска местами в минную войну. На Юго-Западном фронте бытовало желание беречь солдат от работ, поэтому производилось строительство нешироких искусственных препятствий, ближе 30 шагов, что позволяло противнику бросать ручные гранаты прямо в окопы; к тому же светомаскировка была недостаточной или даже отсутствовала. Здесь войсковое начальство продолжало настаивать на групповом методе построения позиций; в окопах было мало козырьков, блиндажей, убежищ, траверсов, даже отхожих мест. Только с мая начали строить позиции глубоко в тылу, при этом они были отнесены на десятки километров от передовых линий (вплоть до линии Житомира): боялись повторения Горлицкого прорыва. А это означало огромный разброс в производстве работ – многие позиции так и не были востребованы, а средства были затрачены[2]. Зимой 1915–1916 гг. проводились работы по укреплению Днепра на протяжении 420 в. – в мерзлом грунте, при обильном выпадении снега, в безлесной и сильно пересеченной, холмистой местности[3]. Несмотря на громадные размеры работ (4140 в. позиций, кроме крепостных, при стоимости 92 млн руб., только до апреля 1916 г.[4]), позиции на Юго-Западном фронте значительно уступали по обороноспособности позициям на Западном и особенно на Северном фронтах, что признавал Брусилов[5].

---

[1] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 69об.–70об.
[2] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 74–76.
[3] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 33. Л. 219–219об.
[4] Там же. Д. 28. Л. 77 об.
[5] См.: *Брусилов А.А.* Указ соч. С. 148.

После вступления Румынии в войну на стороне Антанты 28 августа 1916 г. и разгрома ее армий к декабрю 1916 г. позиционный характер военных действий затронул и этот участок Русского фронта. Россия вела здесь значительные оборонительные работы. Крупнейшие линии проходили по рекам Молдаве, Тесле и Серету (350 в.), от Фольтичени до Бухуши (122 в.), от Бухуши до Каюцы (94 в.), от Каюцы до Сурайа (89 в.) и около Браилова (32 в.). Однако работы шли очень слабо из-за недостатка рабочих, которых пытались даже снять (безуспешно) с Северного фронта. В декабре 1916 г. командарм 9-й армии доносил, что боевые позиции армии укреплены в общем слабо. Причина была в отсутствии инженерного имущества, особенно шанцевого инструмента, малого количества рабочих, подвод, даже продуктов для тех же рабочих[1]. Кроме позиций на Румынском фронте, намечались большие работы на Бессарабском театре и в Приднестровском районе для исправления дорог (1921 в.), а также устройство 9 переправ через Днестр, исправление грунтовых дорог (4 тыс. верст), укрепление гатей и исправление низких заболоченных мест (2 тыс. в.), исправление полотна железной дороги (1 тыс. в.)[2].

При описании позиционной войны в 1914–18 гг. обычно забывают о Кавказском фронте. Создается впечатление, что на Кавказе вообще отсутствовали оборонительные сооружения, сидение в окопах и т.п. На самом деле оборонительные позиции и общая инженерная работа на Кавказском фронте были значительными. Так, на январь 1917 г. только позиции 2-го Туркестанского армейского корпуса составляли 52 в., 2-го Кавказского армейского корпуса – 193 в., 6-го Кавказского – 30 в. Еще больший размах был на дорожных работах. Так, в районе 5-го Кавказского корпуса работы велись на участке в 480 верст, 2-го Туркестанского армейского корпуса – в 300 в., 1-го армейского корпуса – в 385 в., 6-го Кавказского – в 90 в., 4-го Кавказского – в 870 в., 2-го Кавказского – в 785 в., 1-го Кавказского – в 180 в. А всего в корпусных районах на Кавказе было проложено 3950 в. дорог и тропинок.

[1] Там же. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 38. 15, 123, 133, 135, 154, 273, 275.
[2] Там же. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 523. Л. 17–20об.

Оборонительные работы на Кавказе не прекращались и в течение всего 1917 г.[1]

Кроме искусственных препятствий, на фронте довольно широко применялись специфические русские системы защиты в виде заболачивания местности или даже затопления важных в стратегическом отношении пространств. По существу, такие методы защиты были аналогичны выжиганию урожая, уводу всего населения, разрушению важнейших стратегических проходов, мостов и т.д., столь широко применявшимся во время «великого отступления» летом 1915 г. Работы по заболачиванию проводились по железной дороге Сарны – Киев, на участке Сарны – Коростень. После эвакуации железных дорог (которая ожидалась в связи с возможным падением Киева) предполагалось начать такие же работы вдоль всех рек и ручьев в районе Припяти. Реальные работы по заболачиванию имели место в южной части Полесья, где было возведено до 1200 перемычек и 120 глухих запруд[2]. Поскольку при заболачивании и затоплении низин Припяти возникла угроза прорыва и затопления прифронтовых дорог, то параллельно шли работы по предохранению этих районов. В целом в тылу размах гидротехнических работ все более расширялся вплоть до 1918 года[3]. Именно на эти работы в массовом порядке привлекалось местное население, особенно женщины и дети-подростки.

Общие пространства оборонительных позиций Русского фронта в Первой мировой войне постоянно увеличивались. В 1914 г. протяженность позиций на фронте Ковно – Олита – Августов – Ломжа – Варшава – Люблин – Холм – Луцк – Кременец составляла 1030 в. К концу отхода в 1915 г. фронт армии по линии Рига – Двинск – Сморгонь – Барановичи – Пинск – Луцк – Кременец – Новоселицы составлял 1120 в. Согласно докладу Ставки от 20 января 1917 г., протяженность всего Русского фронта, кроме Кавказского, составляла 1740 в. При этом протяженность позиций Северного фронта

[1] Там же. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 16. Л. 7, 16–17, 23, 41–41 об., 50–50об.

[2] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 240; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 522. Л. 30, 52, 57, 60.

[3] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 35. Л. 236.

от Рижского залива по Двине и далее до оз. Нарочь составляла 390 в. Позиции Западного фронта тянулись от оз. Нарочь до железной дороги Ковель – Сарны и имели протяженностью 480 в. На Юго-Западном фронте позиции протяженностью 470 в. тянулись от железной дороги Ковель–Сарны до г. Ботошаны. На Румынском фронте позиции шли от г. Ботошаны до оз. Катлабух, северо-восточнее Измаила, и были протяженностью 400 в.[1] При этом предполагалось, что протяженность фронта при обороне в условиях позиционной войны должна соответствовать по фронту для роты – 300–500 шагам, для батальона – 1 версте, для полка – 2 верстам и для дивизии – 8 верстам[2]. Реальная картина на фронте была несколько иная, на полк иногда приходилось до 5 верст[3].

На всем фронте проводились масштабные работы по укреплению оборонительных позиций и в глубину. На лето 1916 г. такие работы велись на Северном фронте на протяжении 2500 в., на Западном – 2300 в., на Юго-западном – 2500 в. Размаху этих работ, однако, не соответствовали наличные рабочие силы, которых уже летом 1916 г. стало остро не хватать. Была также нехватка военных инженеров, технического персонала, технических средств. Не было возможности одновременного развития работ на всем намеченном протяжении позиции. Хотя предполагалось, что полосы в целом составят 9–10 верст в глубину[4], однако, как это было указано, не на всех фронтах это было достигнуто.

При всей грандиозности позиций Русского фронта они имели серьезные недостатки в инженерном отношении. Указанные выше правила построения оборонительной позиции далеко не соблюдались. Уже в начале 1916 г. Государственная дума подняла вопрос о слабости русских позиций[5]. Важнейшей особенностью позиций на Русском фронте было недостаточно определенное их построение.

---

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. д. 63. 290, 297 об.–298об.

[2] *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 50–51; *Замбржицкий В.* Указ соч. С. 168.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 8–8об.

[4] Там же. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 10. Л. 34, 125об.

[5] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л.121об., 446–446об., 475–475об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 266.

Собственно, еще при начале массированного строительства постоянных позиций весной 1916 г. на одних участках возводили 2 полосы, в то время как рядом – только одну[1]. И далее, вопреки первоначальному плану позиции, была путаница в определении, какая из трех полос является главной. В январе 1916 г. начальство обратило внимание, что войска держатся за первую полосу в ущерб укреплению второй, основной. Главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт требовал разъяснить войскам, что потеря первой полосы не есть потеря боя, а только его начало, что не надо наполнять первую полосу войсками, но развивать позицию в глубину фронта. И позже, в октябре 1916 г., например в 11-й армии, наблюдалась путаница по вопросу, что же считать главной полосой: первую или вторую. Вновь и вновь начальство напоминало уже ставшие азбучными принципы построения полос в позиции. Даже глубокой осенью в 1916 году на многих участках Западного фронта не было установлено, какая же из полос является основной[2].

Чем южнее был фронт, тем в большей мере проявлялась путаница в определении основной полосы. Так, в декабре 1916 г. командующий Особой армией ген. П.С. Балуев указывал, что «вопрос об основной линии обороны, на которой войска должны принять бой главными силами, остается открытым». Это приводило к путанице в инженерных работах, совершавшихся непроизводительно с точки зрения общего плана. Военные власти требовали от армейского начальства возведения как минимум двух линий в первой полосе и хотя бы одной линии во второй полосе. Но это вызвало даже еще большую полемику армейского и фронтового командования. Командование той же Особой армии протестовало против трехполосного укрепления, утверждая, что армия с этим справиться «совершенно не в силах». Общая причина выстраивания позиции именно на первой полосе была в нехватке рабочей силы. Попытки фронтового командования заставить одновременно усиливать и первую, и вторую полосы сопровождались непре-

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 7.

[2] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 35–35об., 506–506об.; Д. 217. Л. 182.

менными и, как правило, безрезультатными требованиями присылки для оборонительных работ вольных рабочих, набранных принудительно, и военнопленных. В результате в Особой армии средства по укреплению полос оказались распылены, работы велись кусками и в войсковой полосе, и в тыловой. Командарм даже просил пересмотреть директиву № 11 000, называя ее «уже не вполне соответствующей современной обстановке» и подчеркивая неспособность армейскими средствами справиться с предписаниями фронтового начальства. Таким образом, экономия в проведении работ (на войсках) определяла и тактику, и, в конечном счете, стратегию борьбы на Русском фронте[1]. Нагромождение войск в первой полосе приводило к тяжелым бытовым условиям жизни войск, а попытки заставить эти войска работать на позиции в тылу для строительства второй полосы еще более ухудшали эти условия[2].

Вопрос о характере оборонительной полосы сыграл особую роль в стратегических соображениях в военной кампании 1916 г. Еще в феврале командующий 8-ой армией Брусилов отмечал особенности реального расположения оборонительных позиций на Юго-Западном фронте – в отличие от «теоретически» устроенной позиции. На всем фронте 8-й армии именно в первой полосе были заняты основные боевые части. Причиной такой ситуации Брусилов называл отсутствие достаточного числа пулеметов и достаточно сильной артиллерии, допускающей возможность сократить живую силу, а также – достаточного количества проволоки, пороха, пироксилина и т.д. Впрочем, Брусилов вообще считал нереальным устройство трех полос, как это было на Западном фронте Мировой войны, где было достаточное количество артиллерии, огнеприпасов, технических средств, самолетов. «Все эти причины, в совокупности, ставят нас при оборонительной войне в весьма невыгодное положение», – подчеркивал Брусилов. Он считал, что у союзников при

[1] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 140, 200–202, 218, 219об., 220–223, 233–234.

[2] См., например, описание позиций 223-го пехотного Одоевского полка: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8. Не случайно, что именно в этом полку произошли одни из самых крупных беспорядков до начала революции.

изобилии всяких технических средств не хватает людского материала. Их фронт очень короткий и за 1,5 года ими укреплен «до невероятных размеров». Русская же армия находилась как раз в обратном положении: людской материал в изобилии, а в технических средствах, «как бы мы ни старались, с противником не сравняемся». Русская армия, по мнению Брусилова, была не способна одновременно укреплять и передовые позиции, и тыловые, а также решать вопросы устройства инфраструктуры, путей сообщения, землянок для житья, бань, прачечных и т.п.[1] Мнение Брусилова, в сущности, разделяло и командование фронта. Главную причину такого состояния позиции инженерное начальство видело в недостатке рабочих, подвод и материалов. Дело было также и в том, что частые наступательные бои на Юго-Западном фронте и большая работа по подготовке плацдармов для атаки не давали возможности выделить достаточное количество нижних чинов для работ. Кроме того, переходя с рубежа на рубеж при продвижении вперед, войска поневоле бросали прежние окопы незаконченными[2]. Подчеркивалось также, что противник располагает большими средствами, например, применяет рельсы, бетон, а в русской армии нет достаточного количества даже проволоки. Хотя работы по возведению трех линий велись довольно энергично, но, опять-таки, у противника подобные работы шли скорее, так как он, среди прочего, насильственно, жестокими мерами, привлекал к ним местное население, в т.ч. и женщин, даже под огнем артиллерии противника...[3]

Ставка, осознавая пренебрежение инженерным строительством, даже обвиняла фронтовое руководство в составлении стратегических планов в отрыве от позиции и без самого тесного и непосредственного участия инженеров, артиллеристов, войсковых железнодорожников. Начальник штаба Ставки ген. М.В. Алексеев отмечал в январе 1917 г., что стратегическое положение армии зависит не только от позиционной, но часто от самой упорной крепостной войны и что свободное, открытое манев-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 157. Л. 276–284.
[2] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 54. Л. 135–136об.
[3] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 264.

рирование войсковых масс без взаимодействия сложных, тяжелых инженерных и артиллерийских средств почти невозможно. Чем дальше, тем меньше представлялось возможностей для прорывов, подобных Брусиловскому в мае 1916 г. Поэтому сами стратегические планы должны составляться на основе соображений снизу, иначе работа высшего штаба не будет иметь под собой почвы. Для этого нужно, чтобы составление планов шло «снизу кверху, а не наоборот». Смешно говорить о стратегическом значении участка, если мы не будем в состоянии пробить укрепленную позицию противника; именно «тактика владеет стратегией», а не наоборот, – так понимали в Ставке требования позиционной войны[1]. В целом Ставка настаивала и добивалась, особенно на Северном фронте, правильно организованной в инженерном отношении позиции, чем даже вызывала недовольство со стороны некоторых войсковых частей, особенно «партизанских отрядов», склонных к маневренным действиям.

На состоянии фронтовой позиции сказывалось и вообще пренебрежение к роли инженерного ведомства в организации обороны. Так, в Положении о полевом управлении войск сама должность начальника инженерных снабжений была недостаточно прописана, занимала всего 5 строк[2]. Только по приказу Наштаверха № 168 от февраля 1916 г. были исправлены недочеты Положения, началась реорганизация управлений по инженерному оборудованию фронтов. С другой стороны, рост требований к инженерному строительству привел к тому, что в армии недолюбливали деятельность инженерного руководства, от которого только ожидали новых требований по укреплению боевых и тыловых участков. Генерал К.А. Кондратович, инспектировавший зимой 1916 г. войска Западного фронта, отмечал «разнообразие взглядов» начальства на роль корпусного инженера. На него смотрели не как на техника, руководящего работами, а как на лицо, лишь снабжающее войска инженерным имуществом и строительными материалами[3]. Отношение к инженерам приводило к потере опыта пози-

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. д. 63. Л. 210об.–211об., 323–325об.
[2] Там же. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 68.
[3] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 18. Л. 38об.

ционной войны – как собственного, так и союзников и противников. В этом высшее командование упрекало штабную работу целых фронтов, в частности Северного, где штаб порою не продумывал и не подготавливал операции, не разрабатывал план каждого разветвления этой операции, план, основанный на изучении положения, сил противника, развития им позиций и обеспеченный соответствующими соображениями об устройстве тыла[1]. С другой стороны, недостаточный опыт или полномочия самих корпусных инженеров приводили к распылению в оборонительных действиях. Так, например, в 39-м корпусе очень долго боролись с болотом на восточном берегу Стохода, чтобы создать в первую очередь убежища для гарнизона и ходы сообщения в тылу. Это отнимало рабочие руки и внимание начальников от укрепления основной позиции, на которой было решено принять оборонительный бой главными силами. В результате болота победить не удалось, громадные усилия и груды материала, столь ценного при трудности подвоза, затрачены были без пользы, а главная позиция так и не была готова к весенней кампании[2].

Пренебрежение инженерным обеспечением позиционной борьбы на Русском фронте приводило к множеству недостатков в оборудовании позиций в течение всей войны. Так, в августе 1915 г. отмечалось недостаточное внимание на надлежащее укрепление позиции в 12-й армии, что при ведении на них боя вело к напрасным жертвам людьми и к облегчению овладения противнику нашими позициями. Главнокомандующий армиями Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин при объезде фронта в феврале 1916 г. отмечал, что участки позиций недостаточно оборудованы для обстрела впереди лежащей местности, не всюду имели достаточный активный характер, а устроенные убежища не защищали от огня тяжелой артиллерии, начиная от 6-дюймовых, проволочные заграждения слабы, в окопах снег и т.д. Отсутствие необходимых убежищ, недостаточное количество фланкирующих позиций наблюдалось и в 11-й армии осенью и зимой 1916 г. Отмечались слабость или даже отсутствие заграждений, слабое развитие убежищ, в том

[1] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 176об.
[2] Там же. Ф 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 51об.

числе для пулеметов, в районе Особой армии[1]. Порою командование вообще констатировало «отсутствие кордона» с противником[2]. Главнокомандующий армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузский в октябре 1916 г. считал, что позиции фронта еще далеко не закончены, и приказывал «удвоить энергию к скорейшему достижению более реальных результатов по усовершенствованию наших позиций путем отказа от многих тыловых работ». Также незаконченными считались и позиции на Западном фронте, что признавал главнокомандующий армиями фронта ген. А.Е. Эверт. Он полагал, что войска не смогут вообще сдержать напор значительных сил противника, что не давало свободы маневрирования армий для предстоящих активных действий[3].

Но и бытовые условия нахождения войск на фронте также зависели от инженерных решений позиции. Так, вплоть до конца войны не могли решить проблемы ограждения окопов от воды. Осенью она заливала окопы, а зимой подтаявшая вода замерзала, и тогда глубина окопа уменьшалась до того, что в нем можно было только сидеть или даже лежать. Это отличалось от ситуации на немецких позициях, где ежедневно была слышна работа машин, качающих воду, причем эта вода стекала в сторону позиций русской армии. В результате в некоторых частях на Западном фронте для сообщения между окопами пришлось проложить жерди[4]. А в других частях для сообщения между участками позиции во время половодья построили лодки. Так, в полках 11-й Сибирской стрелковой дивизии в марте 1916 г. было до 50 лодок на полк[5]. К бытовым недостаткам позиции следует также отнести фактическое отсутствие света в убежищах, землянках, порою даже для офицеров. Причиной было отсутствие осветительных припасов: керосина и свечей, невозможность купить их в прифронтовом районе[6]. В частях оборонительной полосы

---

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. ф. 2003. Л. 1–2, 3, 36об., 46, 54, 57– 57об., 79.

[2] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 82. Л. 14.

[3] Там же. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–5; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 58, 61–61об., 381–382об.

[4] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 60об.

[5] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 24об.

[6] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.

существовали большие проблемы с обеспечением теплом[1]. И в целом в армии существовали громадные нехватки самых простых вещей или продуктов, которые бы сделали хотя бы сносным пребывание миллионов солдат на позиции в разное время года. Из них основными вплоть до конца войны являлись нехватка сапог, теплой одежды, разнообразной пищи и т.д.[2]

Русские укрепленные линии особенно проигрывали неприятельским позициям, что выявилось еще весной 1915 г. Во время наступления на Северном фронте в феврале–марте 1916 г. неприятельские позиции оказались более основательно укрепленными, окруженными широкими полосами проволочных заграждений, перерезаемых труднее, чем это ожидалось. Работа разведки немцев оказалась на более высоком уровне, на атакуемых участках артиллерия противника оказалась превосходящей по количеству и калибрам. Силу немецких позиций пришлось испытать русских войскам также и в марте 1916 года[3].

Значение немецких позиций подчеркивалось и летом 1916 года, когда встал вопрос о поддержке Западным и особенно Северным фронтами Брусиловского прорыва[4]. Слабость русских позиций, еще больше выявившаяся после попыток штурма укрепленных позиций в Рижском районе, повлияла на саму концепцию будущих военных действий на Северном фронте. Командующий армией 12-й армией ген. Р.Д. Радко-Дмитриев летом 1916 г. утверждал, что методическое наступление, фронтальные атаки не по силам русской армии, предлагал отказаться от стратегических демонстраций и перейти к системе неожиданных бросков по фронту[5]. Германский «кордон» отличался также и удобствами немецких позиций. Это прямо признавал Брусилов в своих воспоминаниях, подчеркивая при этом, что русское командование «совершенно не гналось» за этими усовершенствованиями[6].

---

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 36об.
[2] Там же. Ф. 2048. оп. 1. Д. 38. Л. Л. 163.
[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 17; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 39–39об.
[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 133–134.
[5] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. 181–181об.
[6] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 148.

Недостатки русских позиций сыграли негативную роль в боях зимой 1916–17 гг. В это время немцы изменили тактику борьбы, ведя усиленную «малую войну», так называемые «поиски», совершавшиеся небольшими силами пехоты под прикрытием заградительного огня и приводившие неизменно к значительным потерям со стороны оборонявшихся. Недостатки позиций, несоблюдение соответствующих инструкций по обороне обеспечивали легкость доступа противника в окопы, чему оборонявшиеся не в состоянии были должным образом противостоять. Эти недостатки заключались в слабости проволочных заграждений, неудовлетворительном несении сторожевой службы и службы наблюдения и разведки, в отсутствии плана обороны по участкам, прочной связи пехоты с артиллерией и в общей слабости второй линии[1].

Оборонительная позиция на Западном фронте Первой мировой также значительно отличалась от позиции на Восточном (русском) театре войны. Она была почти в 2 раза меньше (700 верст) и представляла с декабря 1914 г. сплошную укрепленную полосу глубиной в 8–9 км. с общей длиной различного рода оборонительных линий свыше 40 тыс. км с обеих сторон[2]. «Неисчерпаемому терпению» (inexhaustible docility), по выражению Гэтрелла, комбатантов на Западном фронте способствовало то, что эта огромная позиция была полностью оборудована убежищами, как правило, электрифицирована, снабжена ходами снабжения вглубь на 5–7 км. Особенно сильное впечатление на русских офицеров производила организованная смена на боевой и резервной позиции. В среднем французский солдат из 24 дней нес тяжелую службу в передовых окопах только 4 дня. Отсюда «веселый», «щегольской» вид французских и английских солдат. Такой резерв времени позволял проводить длительные тренировки солдат перед атакой, укрепляя в них психологический настрой[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 31об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 64; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 404, 405; Д. 156. Л. 176–176об.

[2] *Gatrell P.* A whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Indiana University Press, Bloomington, Indiana. 1999. P. 1.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 496–503об., 580, 588.

Ряд недостатков русской оборонительной полосы имел объективные причины. Так, крайне невыгодные позиции русской армии фактически были навязаны противником чуть ли не на всем протяжении фронта в ходе летнего наступления 1915 г. Особенно это было заметно на Западном и Северном фронтах, где в целом позиция не только осталась слабой вплоть до конца войны, но даже и ухудшилась. Часто передовые позиции были открыты для просмотра противнику, еще чаще была открыта местность за первой линией, что фактически отрезало передовые позиции от тыла. На некоторых участках Западного фронта обзор русских позиций со стороны немцев распространялся на 5–6 верст в глубину, в то время как даже ближайший тыл противника был скрыт от взоров русской армии. В результате множество работ на русских позициях велось только ночью, что крайне изнуряло войска. Значительная часть боевой работы была затрачена просто на перемещение войск на виду у неприятеля для занятия более выгодных позиций[1]. То же касалось и большинства участков Северного фронта. Порою командование не в состоянии было даже приблизительно определить глубину инженерного пространства обороны противника[2]. С другой стороны, войска, окопавшиеся на передовой линии, затратив на это массу времени, не стремились занять более выгодные позиции в тылу, поскольку тем самым брали бы на себя новый груз оборонительных работ[3]. Инициатива же с мест по изменению боевых участков наталкивалась на противодействие или соседних участков, или более высокого командования, опасавшегося перекройки позиции на большем участке[4]. Проверяющие наблюдали часто отсутствие заинтересованности в работах со стороны офицеров, контроля со стороны начальства[5]. Кроме объективных причин отхода от принятых инструкций по возведению укреплений, были и субъективные, как рецидив боязни позиций, а также опасения утратить контроль над стрелками. Так,

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 95–97, 100–100об.; Д. 217. Л. 97.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 81. 18–18об., 242.
[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 59об., 60об.
[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8об.
[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 84.

командующий Особой армией ген. П.С. Балуев самым решительным образом выступал против гнездовых окопов на 3 стрелка, настаивая на окопах для целого отделения – в 7–8 чел. под начальством и на глазах своего отделенного начальника[1].

Для Восточного фронта мировой войны ее позиционный характер означал иногда буквальное бездействие войск. Но и здесь следует выделять разные районы на Русском фронте, имевшие различные особенности в позиционной войне. Так, из 40 месяцев на активные наступательные действия Северного и Северо-Западного фронтов против германских войск пришлось только 6% времени, на оборонительные – 18%, а на бездействие – 76%. На Юго-Западном фронте на активные действия пришлось 27%, на оборону – 18% и остальное – на бездействие[2]. Чем же занималась русская армия, когда она «бездействовала»? Огромную часть времени после собственно боевой службы занимала работа по инженерному усовершенствованию позиций. Эта работа только частично выполнялась гражданским населением. Количество видов работ в течение войны постоянно увеличивалось, и касались они как собственно передовых позиций, так и следующих за передовой позицией укрепленных полос; наконец, это были работы по созданию позиций глубоко в тылу на направлениях вероятного наступления противника. На всех этих направлениях была постоянная нехватка рабочей силы – и это при постоянном увеличении количества людей, привлеченных к окопным работам. Согласно общему плану работ на фронте, все инженерные работы на фронтах распределялись между главными начальниками снабжения, то есть тылами армий (10% работ), главным начальником военных сообщений (35% работ) и начальниками инженеров армий фронта (55% работ). Для этих работ требовалось около 1 млн человек. В них использовались старики, подростки, женщины, а также военнопленные (40% от этой цифры, т.е. 400 тыс.). Остальную часть рабочих предполагалось сформировать в рамках постоянного кадра военно-рабочих в количестве до 400 тыс., а также за счет

[1] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 58–58об.

[2] *Гордеев Ю.Н.* Указ. соч. С. 3–4.

привлечения беженцев, иноземных рабочих и инородцев[1]. Позднее на совещании 9 и 10 июля 1916 г. выяснилась минимальная цифра рабочих в 740 тыс. чел., из которых 500 тыс. предполагалось набрать из принудительно набранных рабочих, а 140 тыс. – из военнообязанных[2].

При этом следует отметить, что работы для войск менее всего были определены, хотя задачи по укреплению позиций ставились широко. При постепенном продвижении армий вперед от своих укрепленных стратегических рубежей, войска должны были сами закреплять новые рубежи тактического и временного характера в зависимости от требований обстановки. Для выполнения этого рода работ рабочих не требуется, полагало начальство. Например, командир 43-го армейского корпуса ген. А.А. Гулевич указывал, что с 1 января по ноябрь 1916 г. корпус бессменно стоял на позициях, занимаясь все время оборонительными работами. Позиции менялись из-за выдвижения частей корпуса вперед на сближение с противником, увеличиваясь по фронту и по количеству необходимых работ. При этом, даже числясь в резерве, полки корпуса продолжали заниматься окопными работами, а также работами по прокладке или исправлению проложенных путей. Работы велись также на соседних участках. В результате, сообщал командир корпуса, невозможно было организовать не только полноценный отдых, но и иметь время для тактического и строевого обучения. В ответ на это командующий 12-й армией ген. Радко-Дмитриев отвечал, что «везде идут такие работы», и подчеркивал, что «ссылка на чрезмерность работ и тяжесть условий боевой службы не должна служить основанием для ослабления веры в боевую мощь своих частей». Он приводил в пример... противника, который тоже уже в течение 14 месяцев «также сидит и работает в болотах». «При этих условиях нет и не должно быть места пессимизму, а нужно с уверенностью смотреть и на настоящее, и на будущее», – заключал генерал[3].

---

[1] Журнал заседания 24, 25, 26 апреля 1916 г. комиссии, созванной на основании доклада, утвержденного Начальником штаба ВГК 13 апреля 1916 г. по вопросу об организации планомерного обслуживания нужд армии технической и рабочей силой // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–14, 236.

[2] РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 18. Л. 314.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 133–135.

Военачальники признавали «огромность работ», проведенных на фронте. Особенно это касалось Северного фронта. Впечатляет, например, недельная норма работы в период стояния на передовой до смены на боевом участке 168-го пехотного Миргородского полка на правом боевом участке 42-й пехотной дивизии с 19 по 26 января 1917 г. За эту неделю были сделаны забивка проволочных заграждений на трех участках (150 кольев в ночь), обивка ходов сообщений (20 саженей в ночь), постановка рогаток (15 саженей в ночь), забора (20 шагов в ночь), восстановление хода сообщения (20 шагов в ночь), заготовка мешков (2 тыс.), «одежда» (обивка досками) второй линии (20 шагов в ночь), постройка пулеметных капониров (12 рам в сутки), постройка противоштурмового капонира, исправление мостов на р. Щаре, постройка второго моста на пристани, заготовка плотничьего материала, начало строительства 4 лисьих нор кроме строящихся двух (по 6 рам в сутки)[1].

Существенными особенностями отличались ближайшие к передовым позициям оборонительные зоны и сами театры военных действий. Фронты занимали значительную часть территории России. Границы районов фронтов располагались между путями сообщений района театра войны, тыловых районов и границ между отделами путей сообщения фронтов. Границы между фронтами, а следовательно, и отделами путей сообщений, шли через станции между Петроградским узлом и Северным фронтом – через Семрино и Гатчину; между Северным и Западным фронтами – через Полоцк, Вязьму и Витебск; между Западным и Юго-Западным фронтами – через Сарны, Бахмач и Калинковичи; между Юго-Западным и Румынским фронтами – через Окницу, Слободку, Помощную, Знаменку и Користовку[2].

Не только по протяженности, но и по глубине позиции Русский фронт имел значительные отличия от других фронтов Мировой войны. В целом в течение войны значительно увеличилась глубина позиций корпуса, дивизии

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 87.

[2] Пути сообщения на театре войны 1914–1918 г. Краткий отчет Управления путей сообщения при штабе Верховного Главнокомандующего. Ч.1. М., 1919. Прил. Карта 1.

и полка. До войны она составляла соответственно 3–4 в., 1,5–2 в. и неопределенное количество верст. К 1917 г. глубина позиций составляла соответственно 10–12 в., 7–8 в., 2–3 в.[1] При этом реально на каждый корпус приходилось приблизительно 1 тыс. кв. в. боевого района, то есть площадь непосредственно боевых позиций и ближайшие тылы, войсковой район. Следовательно, всего на каждый корпус приходилось чуть свыше 40 в. глубины при средней протяженности фронта на корпус в 24 в. На весь же театр военных действий, включавший три полосы укрепленных позиций, приходилось более 70 тыс. кв. в. в глубину, что составляло почти половину всего театра военных действий, включая тылы на Западном фронте со стороны Франции[2].

Однако и тыл фронтов работал в России совсем по-другому. Дело было в снабжении фронта. Так, во Франции благодаря наличию хорошо организованного снабжения и путей сообщения все запасы для армии располагались внутри страны и регулярно подвозились в действующую армию. Это означало отсутствие глубокого тыла как территории хозяйственного снабжения. А в России из-за слабо развитой железнодорожной сети, а также слабой организации снабжения в целом приходилось держать значительные запасы на самом театре военных действий, в тылу. Большие запасы можно было расположить только на большой территории, что означало увеличение глубины русского театра военных действий в 3–4 раза по сравнению с другими театрами военных действий Мировой войны. В результате командование в значительной степени было обременено хозяйственными задачами, от чего командование на Западе, как во Франции, так и в Германии, было избавлено, поскольку центр тяжести материального обеспечения полевой армии перекладывался на центральные военные органы. Если на Западе группы армий и фронты имели только оперативное значение, то на Русском фронте они выполняли и хозяйственные функции. Это же было и причиной постоянного вмешательства русской армии в экономику, стремления расширить вообще театр военных

[1] *Гордеев Ю.Н.* Указ. соч. С. 15.
[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 68.

действий на соседние с театром военных действий губернии внутренней России[1].

Если боевую полосу представлять как производственный цех, то надо поставить вопрос о насыщенности этой рабочей площадки соответствующими техникой, инструментами, сырьем и т.д. Больше всего на фронте отмечался недостаток снарядов: до середины 1916 г. – для легкой артиллерии, а до конца войны – для тяжелой артиллерии[2]. Если в армиях союзников и противников количество тяжелых снарядов составляло 25–50% от их общего количества, то в России всего 3%[3]. Правда, Ставка, а затем и ряд советских авторов, вышедших из недр ведомств, обеспечивавших снабжение царской армии, отмечали наличие в целом достаточного количества снарядов для каждой отдельной операции[4]. Но войсковое начальство подчеркивало, что дело было в отсутствии неограниченности снарядов, как это было у немцев[5]. Н. Сулейман, также исследовавший этот вопрос, считал, что на самом деле проблема была в правильном снабжении, а не в обязательном снабжении каждой армии минимумом, т.е. «возимыми снарядами». Главное было в неспособности ближайшего тыла подавать снаряды оперативно в нужный момент[6]. «Снарядный голод» серьезно фигурировал в расчетах на операцию на Северном фронте в поддержку Брусиловского прорыва. Немцы знали об отсутствии у русских снарядов для тяжелой артиллерии и спокойно перебрасывали войска в нужном направлении, не реагируя на действия противника, применявшего для «демонстраций» только легкую артил-

---

[1] Глубина французского театра военных действий составляла 150 км и редко доходила до 300, а в России в среднем доходила до 800 км. Общая площадь театра военных действий достигала на Русском фронте почти 1,400 млн в., что составляло почти 3 территории всей Франции. См.: *Сулейман Н.* Тыл и снабжение действующей армии. Часть вторая. Фронт и армия. М.; Л., 1927. С. 18–19, 104, 115, 211, 215.

[2] *Брусилов А.А.* Указ соч. С. 114, 115, 125; *Гордеев Ю.Н.* Указ соч. С. 11.

[3] Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 101, 109, 111; *Сулейман Н.* Указ соч. С. 479.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 5; *Сулейман Н.* Указ соч. С. 117.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 157. Л. 184.

[6] *Сулейман Н.* Указ соч. 117–123.

лерию[1]. Недостаток тяжелой артиллерии сказывался и в конце 1916 г. на Румынском фронте[2].

Вплоть до февраля 1917 г. недостаток снабжения тяжелыми снарядами влиял на ведение операций, тактику и со всей тяжестью ложился на личный состав, который буквально кровью оплачивал эту проблему. Например, при наступлении немцев на окопы у д. Пелелине всего лишь по одному участку, защищавшемуся полутора взводами, было выпущено с 11 до 16 часов до 5 тыс. снарядов, из которых 4500 были химическими. Всего стреляли около 7 батарей. Им отвечали 10 батарей, выпустившие всего 409 бомб и 284 шрапнелей. В результате русские окопы на атакованном участке на 75% были разрушены, «сплошь оказались срытыми минами и снарядами»[3]. Кроме нехватки снарядов, следует отметить и слабую артиллерийскую подготовку русской артиллерии, на что неоднократно обращало внимание командование[4].

Русское командование вынуждено было «уравновешивать» превосходство противника в тяжелой артиллерии превосходством в живой силе. Так, согласно докладу Ставки от 20 января 1917 г., в начале 1917 г. на Северном фронте соотношение сил русской армии и противника было следующим: по пехотным батальонам – 483 к 230, по эскадронам – 91 к 96, по легкой артиллерии – 1209 к 750, по гаубицам – 164 к 430, по тяжелой артиллерии – 464 к 590. В целом на Северном фронте наблюдалось превосходство живой силы и легкой артиллерии, но при этом недостаток инженерных сооружений, тяжелой артиллерии и снарядов. То же соотношение было и на других фронтах. На Западном фронте указанное соотношение войск составляло по пехотным батальонам – 613 к 340, по эскадронам – 166 к 96, по легкой артиллерии – 1283 к 1000, по гаубицам – 159 к 280, по тяжелой артиллерии – 261 к 390. На Юго-Западном фронте указанное соотношение составляло: по пехотным батальонам – 913 к 531, по эскадро-

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 45–46, 85.
[2] РГВИА. 2067. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 67.
[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 108. Л. 38–39.
[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 13об., 199; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 85.

нам – 198 к 66, по легкой артиллерии – 1950 к 1210, по гаубицам – 185 к 670, по тяжелой артиллерии – 252 к 490. На Румынском фронте указанное соотношение составляло: по пехотным батальонам – 715 к 393, по эскадронам – 192 к 210, по легкой артиллерии – 1472 к 1270, по гаубицам – 243 к 390, по тяжелой артиллерии – 176 к 250[1].

Россия значительно уступала в насыщении боевой полосы военным имуществом, которого насчитывалось 8 видов: инженерное, техническое, автомобильное, связи, броневое, авиационно-воздухоплавательное, имущество полевых железных дорог и метеорологическое[2]. Русская армия значительно уступала союзникам и противникам в развитии авиации в годы войны. Так, за время войны количество боевых самолетов возросло во Франции с 569 до 7000, в Германии с 300 до 4000, а в России всего с 150 до 1000[3]. При этом были недостатки – как в использовании самолетов, так и в их снабжении. Русские самолеты вплоть до середины 1915 г. не были приспособлены для разведывательных целей путем фотографирования объектов противника[4]. Существовали проблемы со снабжением самолетов бомбами для сжигания посевов в ходе отступления 1915 г.: вместо отсутствовавших зажигательных снарядов пользовались сначала пивными, а потом водочными бутылками...[5] В целом авиация не стала элементом современной войны на Русском фронте, что не исключает, однако, героизма русских летчиков[6].

Россия не в полной мере использовала и химическое оружие, лишь эпизодически (например, во время Брусиловского прорыва и летнего, 1917 г., наступления) применяя химические снаряды. Множество проблем было и с организацией противогазовой обороны: не было универсальных противогазов для разных отравляющих ве-

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. д. 63. 290, 297 об.–298 об.

[2] *Сулейман Н.* Указ. соч. С. 530, 532–533.

[3] Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 31.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2899. Л. 3, 108, 114–114.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2897. Л. 36; 344–345; Л. 2899. Л. 346, 355, 359.

[6] *Нешкин М.С., Шабанов В.М.* (сост.) Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М.: РОССПЭН, 2006.

ществ, существовали сложности в организации действий, иногда полная неразбериха при газовых атаках даже осенью 1916 г.[1] Имело место недоверие солдат к противогазам, вследствие чего солдаты их не держали при себе, теряли[2]. Немногих успехов добились в русской армии при попытке организовать ответную химическую войну. Хотя и были созданы химические команды на всех фронтах на важнейших пунктах обороны от немцев, однако трудности начались при организации службы метеоданных, без чего химическая атака была невозможна. Приборы для метеонаблюдений военные были вынуждены выпрашивать в столичных и даже провинциальных учреждениях: Московском университете, Географическом обществе, Тульско-Калужском управлении земледелием и государственными имуществами[3]. Военным удалось организовать всего несколько химических атак против немцев на Северном фронте в ноябре 1916 г., имевших незначительный результат[4].

Одним из самых необходимых видов технического имущества в современной позиционной войне, наряду с железными дорогами и шанцевым инструментом, являлись проволочные заграждения. И здесь у русской армии также существовали большие проблемы в деле снабжения. Довоенные запасы быстро были истрачены, в то время как после оставления позиций в Галиции и Польше потребовалось огромное количество колючей проволоки[5]. Собственные заводы не справлялись с заказами, и проволоку пришлось везти из Америки[6]. Русская армия отставала от развития сетей в техническом отношении. Фактически не было взрывных и электризованных заграждений. Собственные попытки электризации сетей на

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 375. Л. 10.Л. 400–401об., 410–413.

[2] *Михеев С.* Военно-исторические примеры. М.; Л., 1928. Л. 153.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 167, 170, 483.

[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 375. Л. 16, 242, 247, 375, 769–772об.

[5] *Захаров М.* Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну// Война и революция. 1931. Кн. 1. С. 52; *Фельдт В.* Искусственные препятствия. Заграждения–сети из колючей проволоки. Новая конструкция экономических переносных сетей. Пг., 1916 // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 482–489.

[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 733. Л. 80; *Захаров М.* Указ соч. С. 53.

русском фронте были редки и малоуспешны[1]. Если свои проволочные заграждения были ненадежны, то, наоборот, для русских атакующих колонн проволочные заграждения противника представляли серьезное препятствие. Расстрел снарядами проволочных заграждений был чрезвычайно дорог и, как правило, неэффективен. С другой стороны, уничтожение заграждений войсками вручную наталкивалось на элементарную нехватку ножниц для резки проволоки. Когда же доставили ножницы, то немцы увеличили диаметр проволоки до 8–10 мм, что вновь сделало проблематичным преодоление препятствий противника[2].

Позиционная война в значительной степени велась лопатой и ломом. В течение войны существовала значительная необеспеченность русской армии шанцевым инструментом. Особенно это относилось ко времени осени 1915–весны 1916 г., то есть начала строительства массированных оборонительных позиций. И если количество малого шанцевого инструмента было постепенно удовлетворено к 1917 г., то тяжелого шанцевого инструмента (тяжелых топоров, кирко-мотыг), необходимого для работы в трудных породах, а также в холодное время года, не хватало вплоть до конца войны. Попытка изготовить особый экскаватор Скалона на Путиловском заводе не была реализована[3]. Но и полученными механическими средствами армия не сумела (или не захотела) распорядиться[4]. Впрочем, проблемы существовали даже с наличием мешков для переноски земли...[5]

Одним из важных вопросов обеспечения современной позиционной войны являлись средства индивидуальной защиты. В русской армии для этого использовали щиты разных конструкций, но их основной проблемой была громоздкость: крепостной щит весил более 1 пуда, а поле-

---

[1] *Гордеев Ю.Н.* Указ соч. С. 20; РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 185, 629об., 633об.; Ф. 2006. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

[2] *Захаров М.* Указ соч. С. 53.

[3] То же. С. 53, 55.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 501. Л. 195.

[5] *Захаров М.* Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну // Война и революция. Орган ЦС ОСОАВИАХИМА. 1931. Книга. 1. С. 54.

вые – около 26 фунтов. Проблема была еще и в том, что их было трудно, да и нежелательно возить, хранить, доставлять на позицию, от чего войска всячески уклонялись. В результате в период отступления 1915 г. много щитов осталось противнику. Вопрос о щитах имел и финансовую сторону: не хватало валюты, а свои щиты были ненадежны, пробивались пулями даже на большом расстоянии. Но проблема оставалась. Замену щитам, казалось, нашли в изобретенных капитаном Бобровским «щите-лопате» или «щите-топоре», служивших и шанцевым инструментом, и средством защиты головы стрелка от пуль. Однако военное руководство не спешило с внедрением этого средства обеспечения безопасности бойца, поскольку считало, что защита сделает его боязливым[1]. Вероятно, такие же опасения сказались в вопросе обеспечения войск касками. Дело о снабжении касками русской армии было поднято в докладе русского военного агента во Франции А.А. Игнатьева. Пока шла доставка опытной партии, командование получило очень благоприятные сведения об опытах применения касок во французской армии. Из доклада следовало, что процент попадания в голову в результате применения касок был снижен с 60 до 15%. Каска давала особенно эффективную защиту от попадающих в нее по касательной ружейных пуль, осколков бомб, ручных гранат и шрапнельных пуль. Во время обвалов камней и т.п. отделывались временными оглушениями[2]. Но именно это заключение по личному распоряжению Николая II послужило весной 1916 г. обоснованием для неожиданного прекращения и опытов, и закупок касок для всей армии. Когда же летом 1916 г. разрешение для заказов касок все же было получено, то их доставка растянулась до весны 1917 г.[3] Опыты же по производству касок в самой России или не дали желательного результата, или не привели к их массовому изготовлением[4]. В результате всю войну русская армия воевала без касок.

---

[1] РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 32. Л. 40, 55об., 62–62об., 63.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2291. Л. 1–5, 26, 36–41.

[3] Там же. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 3. Л. 38, 43–43об., 109, 159, 183; Д. 36. Л. 19; Ф. 499. Оп. 13. Д. 1187. Л. 15.

[4] РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1075. Л. 362.

Одним из важнейших, если не центральных условий современной войны считались железные дороги. В России при ее пространствах это было крайне острой проблемой. Россия уступала своим противникам по густоте железнодорожных линий почти в 10 раз[1]. Русский фронт сразу, исходно находился в стесненных транспортных условиях. В начале единственная меридиональная железная дорога Петроград – Витебск – Жлобин – Шепетовка не была еще закончена и была однопутной. Далее на восток вообще не было рокадных дорог[2]. При этом фактически на всех линиях существовали скрещения в узлах в одном уровне. После «великого отступления» русская армия вообще лишилась рокадных дорог, переброска войск шла через тыловые железнодорожные узлы, не оборудованные скрещениями и разъездами[3]. После 1915 г. Россия также потеряла развитые шоссе восточнее линии Ковно – Белосток – Ковель. Грунтовые дороги западной России, то есть театра военных действий, за редким исключением имели характер местный, для большого движения были не приспособлены, и даже обычная езда по ним была возможна только в сухое время. Количество и направление дорог не соответствовали требованиям военного времени, их было недостаточно, а переправы на них отсутствовали. Водные пути имели местное значение и не были развиты, включая единственный водный путь по Днепру[4].

Проблемы железнодорожного и вообще транспортного сообщения крайне негативно отражались и на стратегии, и на тактике, и на самом ритме жизни войск. Например, при планировании операций на Северном фронте командование всегда учитывало нехватку железнодорожных сообщений, опасаясь, что при передвижке фронта он будет удаляться от главной линии. Еще больше сказыва-

---

[1] *Сулейман Н.* Указ. соч. С. 16.

[2] Пути сообщения на театре войны 1914–1918 г. Часть 1. Краткий отчет Управления путей сообщения при штабе Верховного Главнокомандующего. М., 1919. Л. 7.

[3] *Сулейман Н.* Указ соч. С. 15, 473; Статистический сборник за 1913–17 гг. ЦСУ, 1922. Вып. 2. С. 142–148.

[4] Пути сообщения на театре войны 1914–1918 г. Часть 1. Краткий отчет Управления путей сообщения при штабе Верховного Главнокомандующего. М., 1919. С. 7–8.

лась также нехватка паровозов и подвижного состава[1]. Командование вынуждено было всегда также учитывать скорость переброски войск в условиях слабости рокадных дорог и встречного движения по подвозу интендантских и продовольственных грузов. Учитывая, что на переброску одного корпуса нужно было до 13 суток, на относительно коротких расстояниях быстрее было доставлять войска пешком. Даже при скорости передвижения частей пешком 20 верст в день перевозки по железным дорогам занимали в 2–3 раза больше времени[2]. Не меньшие проблемы существовали и с доставкой продовольствия и фуража (последний составлял 50% от поставок продовольствия)[3]. Нетрудно понять, что издержки железнодорожного сообщения ложились всей тяжестью на солдат-пехотинцев, недоедавших, не получавших достаточного обмундирования, вынужденных после тяжелых оборонительных работ совершать стремительные марш-броски по 100–200 км и сразу же идти в бой.

Необеспеченность транспортом сдерживала развитие новых средств вооружений на железных дорогах – бронепоездов. Опыты применения бронепоездов на Западном фронте выявили его всецелую зависимость от состояния рельсового пути. Правда, на местах силами железнодорожных батальонов строились бронепоезда, но при их строительстве не удавалось преодолеть самодел: разные калибры пушек и т.п.[4] Была еще одна причина сдерживания строительства бронепоездов. Они, в сущности, представляли собой самостоятельные воинские образования, стремившиеся к отдельным операциям, что противоречило правилам организации военных действий в позиционной войне. К лету 1917 г. и далее, уже в 1918 г., элементы «технической партизанщины» стали все более очевидными, в частности на Юго-Западном фронте, с чем командование не желало мириться[5]. Впоследствии бронепоезда, наравне с партизанскими отрядами, займут важное место

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146об.
[2] Там же. Д. 87. Л. 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 156. Л. 97–98об.
[3] *Сулейман Н.* Указ. Соч. С. 475.
[4] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 4. Д. 27. Л. 79–80, 104–108.
[5] Там же. Д. 28. Л. 147–147об.

в Гражданской войне – как антиподе мировой войны позиционного типа.

В русской армии недостаточно использовались такие средства передвижения, как автомобили. Несмотря на то, что к весне 1916 г. на фронте числилось 17 авторот, ряд автокоманд; автомобили а также и мотоциклы использовались в основном для связи штабов армий, корпусов и дивизий[1]. В целом по автосредствам Россия далеко уступала и союзникам, и противнику. На осень 1917 г. в войсках насчитывалось 8500 автосредств, 6 тыс. мотоциклов и 6 тыс. самокатов (велосипедов). При этом 30% из них были в ремонте или не эксплуатировались. Это было меньше, чем во Франции, где только в 1917 г. было поставлено в армию 30 тыс. автомобилей[2].

Одной из важнейших составляющих войны является связь. Еще Наполеон говорил, что тайна войны – тайна сообщения. Естественно, управление частями во время боя значительно усовершенствовалось во время современной войны. На Русском фронте использовалось большинство из таких видов сообщений, как телеграф, телефон, радиотелеграф, живая, оптическая (флагами, осветительными ракетами) связь, голубиная почта. Крупнейшим видом связи являлись телеграф и телефон. На фронте появились многопроводные магистрали и линии постоянного типа[3]. Телеграфно-телефонное имущество резко возросло за годы войны, как при помощи отечественной промышленности, так и заграничных заказов. Только телефонная связь на фронте составляла почти 70% от протяженности проводов и приблизительно 40% телефонных аппаратов всей довоенной России. Густота связи на театре военных действий приближалась к густоте связи Англии, приблизительно 11 км проводов на 1 кв. км, а в прифронтовой полосе около

---

[1] *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926. С. 13.

[2] Статистический сборник за 1913–17 гг. ЦСУ, 1922. Вып. 2. С. 226; *Сулейман Н.* Указ соч. С. 472; Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Выпуск 1-й. М., 1931. С. 128.

[3] *Абаканович Н.В.* Исторический обзор организации и устройства проволочной связи во 2-й армии в войну 1914 – 1918 г. // Военно-инженерный сборник. Кн. 1. М., 1918. С. 254, 291–292.

13–17 км проводов на 1 кв. км[1]. И все же расчеты военных связистов требовали значительно большего количества телефонно-телеграфного имущества. Существовали очень большие проблемы в устройстве телефонной связи: она была еще далеко не упорядочена в организационном и техническом отношениях. Материальные и людские средства, устройство и взаимоотношения органов связи – как руководящих связью, так и снабжающих – далеко не соответствовали размерам сети, требованиям технического надзора и управления. Из-за этой неорганизованности русская армия была бессильна перед прослушиванием телефонных разговоров, а сама такую службу не могла организовать из-за отсутствия необходимых кабелей (порою провода лопались от взрывов снарядов даже вдали, и связь с наблюдателями нарушалась[2]) и чувствительных слуховых аппаратов. Недостатки телефонного сообщения сами по себе резко усугублялись во время боя, когда провода телефонных сообщений часто рвались, в результате чего армия оставалась без связи. Живую связь далеко не везде удавалось организовать. Оптическая связь флагами также не везде была надлежаще организована. Плохо использовались и осветительные ракеты для ночного или дневного боя зимой в темное время суток. Например, применялись ракеты только белые, в то время как требовались цветные и их сложная комбинация, что исключало бы возможные ошибки во время боя[3]. Впрочем, и существовавшие светящиеся ракеты были настолько плохи, что стрелки избегали их употреблять, чтобы не вызывать смеха в германских окопах[4]. С другой стороны, сигнализации флажками и фонарями уделялось мало внимания[5]. Доходило и до курьезов: в одном из боев летом 1916 г. на Северном фронте в районе Рижского залива командир 56-го Сибирского стрелкового полка Фукин для экономии телефонного провода распорядился организовать живую цепь из телефо-

[1] *Захаров М.* Указ соч. С. 57; Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 150.

[2] Показания ген. Бобровского Б.П. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7965. Л. 179.

[3] *Абаканович Н.В.* Указ соч. С. 274, 280, 288–292.

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 19об.–20.

[5] *Абаканович Н.В.* Указ. соч. Л. 289.

нистов для передачи сообщений о корректировке артиллерийского огня. Затея, напоминавшая буквальный «испорченный телефон» с ложными сообщениями на выходе, была пресечена обстрелом со стороны немцев, услышавших в лесу невообразимый шум[1]. Существовали и сложности в радиосообщении между фронтами. Так, согласно положению о радиотелеграфе в действующих армиях, штабу фронта положено было иметь одну авторадиостанцию дальностью до 350 верст, но в наличии были только станции на 250 в.[2], которых не хватало для связи между фронтами с расстояниями между фронтовыми штабами около 400 в.

Центральной в атаке являлась проблема уничтожения проволочных заграждений и захват окопов противника. И здесь бойцы русской армии ощущали серьезную нехватку соответствующих технических средств. Сначала командование полагалось в основном на артиллерийский и минометный огонь для уничтожения проволочных заграждений[3]. «Ничтожные остатки» заграждений должны были уничтожаться ручными ножницами и топорами[4]. Однако скоро, уже с зимних боев 1915–1916 гг., выявилась неэффективность артиллерийского огня в деле разрушения заграждений противников[5]. Войсковое начальство оказалось заражено психологической боязнью перед атаками. Войска видели решение вопроса в усилении подачи снарядов, а командование упрекало непосредственное начальство в неспособности организовать наступление[6]. Многочисленные опыты дали лишь посредственные или противоречивые результаты по разрушению препятствий противника[7]. В результате в командовании считали необходимым применять комбинированные средства разрушения в сочетании пехоты, легкой и тяжелой артиллерии, а на скрытых участках – зарядами и минами Семенова,

---

[1] *Черепанов А. И.* Поле ратное мое. М.: Воениздат, 1984. С. 8–9.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 714. Л. 364.
[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 69–74.
[4] РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 14, 124.
[5] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 82. Л. 322–322об.
[6] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 173, 301–304об.
[7] Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 1–12, 15об., 20об., 28об., 31, 34, 35об., 38, 46, 53–53об.; *Замбржицкий В.* Указ соч. С. 70.

пулеметным огнем, ножницами, топорами, а также перекрытиями – мостками, плетнями, брезентом, одеялами и т.п.[1] В реальности это означало лишь усиление давления на непосредственное окопное начальство, которое за счет живой силы должно было обеспечить взятие окопов[2]. Результатом этого было понижение эффективности контратак со стороны русских войск к концу активных боевых действий[3]. Так, если при контратаках в 1914 г. соотношение ограниченных или безрезультатных контратак, остановки противника и восстановления положения до атаки в процентах к их общему числу случаев было соответственно 5, 60 и 35, то в 1915 г. оно равнялось 20, 55 и 24, а в 1916 г. уже 70, 20 и 10[4]. Следует подчеркнуть, что неудачи контратак означали для войск все возраставшую боевую работу. В сочетании с продолжавшим нарастать объемом оборонительных работ в целом ратный труд к 1917 г. становился трудно выносимым.

Особенностью современной войны является не только борьба людей, но и «противостояние площадей, определенным образом технически насыщенных и подчиняющихся организованному ритму действия[5]. Но это требовало особого порядка распределения потоков, динамики снабжения, что тяжелой ношей ложилось и на структуры армии, и на ее состав. Представляя временную инфраструктуру, заменившую собой полноценную структуру экономики самой войны (или дублировавшую ее), русская армия со всей силой испытала недостаток материальных условий современной войны, от чего были избавлены армии союзников и противников. В боевой полосе русской армии на менее квалифицированный состав пришлась более трудная организация современного производства, с чем армия в целом не в состоянии была справиться – по сравнению с армиями других стран-участниц войны[6].

---

[1] *Замбржицкий В.* Указ соч. С. 72; Указания по преодолению искусственных препятствий при атаке укреппозиции // РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 47. Л. 38–40об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 66.

[3] Пример такой атаки см.: *Черепанов А. И.* Указ. соч. С. 14–15.

[4] *Гордеев Ю.Н.* Указ. соч. С. 27.

[5] *Пасыпкин Е.А., Калишевский В.А.* Указ. соч. С. 3.

[6] *Сулейман Н.* Указ соч. С. 4, 5, 8, 103, 208.

Конструкция передовой полосы на русском фронте, ее техническая насыщенность определили и стратегию в решающие 1916–17 гг., и в значительном смысле боевую работу всей русской армии, и феномен кризиса армии, его формы на разных частях фронта. Для всего Русского фронта было характерно превосходство живой силы над противником при нехватке оборонительных сооружений и, главное, вооружений и техники. Это привело к смещению всех оборонительных усилий именно на театр военных действий, что уже создавало серьезную напряженность и потерю темпа в обеспечении боевой полосы вооружением и техникой. Но нехватка техники на столь огромных пространствах, недостаточность инженерного обеспечения боевой позиции приводили к смещению боевых порядков в первую полосу, а не во вторую, предназначенную для резервов. В сущности, находясь под постоянным огнем, войска вынуждены были вести бесконечные оборонительные работы на самой позиции и в тылу и при этом оставались неустроенными в бытовом отношении, что не позволяло полностью восстановить силы для боевой работы. В результате происходил сбой самого ритма деятельности войск как в ходе атак, так и в повседневной ратной службе. Если сравнить боевую деятельность, ратный труд русского комбатанта с производственной, промышленной работой в цеху, то следует констатировать аналогию с нахождением «рабочей силы» в крайне необорудованных «цехах», плохо снабжаемых «сырьем», «рабочим инструментом», но при этом находящейся в условиях крайне напряженного, задаваемого извне трудового ритма. Надо полагать, именно этот фактор сыграл важнейшую роль в усталости, накопившейся к 1917 г.

Подчеркнем и резкое различие оборонительной полосы на различных фронтах в русской армии. Это было вызвано необходимостью защиты в первую очередь Петроградского района; центр и юг были менее защищены: возможно, полагались на опасение противника вторгаться глубоко в российские пространства, ставшие могилой для многих завоевателей. Но это потребовало чрезвычайных усилий именно на Западном и особенно Северном фрон-

тах. Здесь противником была навязана русским позиционная война в наиболее тяжелой (а по сути – в настоящей, «правильной») ее форме: постоянные оборонительные работы, сопровождающиеся методичным натиском противника при невозможности сколько-нибудь серьезно поколебать его позиции. Таким образом, именно деятельность Северного и за ним Западного фронтов по обеспечению защиты важнейших центров страны и привела к той изнурительной работе войск, комбатанта, к которой он не был готов. В этом и причина наибольшего революционизирования именно Северного фронта по сравнению с другими фронтами.

Система оборонительных мероприятий определила и характерные только для северной части русского фронта формы нарушения дисциплины. Условия множества работ на Северном фронте, вбиравшем и тыл фронта, включая столичный регион, создавали ситуацию полного прикрепления войск к территории, что привело к феномену «бродяжничества» – то есть «законного» нарушения дисциплины солдатами, в отличие от прямого дезертирства на Юго-Западном фронте. Условия труда на Северном фронте поставили комбатанта в равные условия с основной массой населения, а «ползучее», «легальное» нарушение дисциплины обусловило «незаметное» для властей соединение солдатского и рабочего протеста (особенно в Петроградском районе). На Русском фронте было воспроизведено различие в способах нарушения трудовой дисциплины, существовавшее между регионами России. Так, если в Московском, Варшавском и Петербургском (что сравнимо с Северным и Западным фронтами войны) среди рабочих всегда преобладала неисправная работа (сравнимо с «бродяжничеством»), то в Харьковском, Поволжском и Киевском (сравнимо с Юго-Западным фронтом войны) – прогулы (сравнимо с побегами с фронта)[1].

Особенности инженерного оборудования на разных фронтах привели и к особенностям стратегических расчетов, а следовательно, и просчетов в ходе боевых действий

[1] *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 258.

в 1916–17 гг. Громадные работы по укреплению, предпринятые на Западном и особенно на Северном фронтах, делали чрезвычайно опасным любое наступление на немцев: в случае поражения можно было просто потерять линию обороны, столь дорого доставшуюся, или, еще хуже, – открыть противнику дорогу на Петроград. Легче было пытаться ее укреплять. Это обрекало войска этих фронтов на пассивность, на невозможность оказания помощи с их стороны другим фронтам, особенно Юго-Западному, как это произошло во время Брусиловского прорыва. С другой стороны, недостаточное оборудование в инженерном отношении Юго-Западного фронта открывало для его армий возможность наступления, а не обороны. Следовательно, дело было не в приверженности командования Северного и Западного фронтов школе «куропаткинцев»[1], а в их понимании особенностей современной войны, где главное – укрепленная полоса. А это уже само по себе отвергало крайне опасные, неподготовленные в инженерном отношении действия этих фронтов. Командование Юго-Западного фронта не было отягощено этими соображениями и довольно легко шло на наступление, что, правда, позволял и более слабый противник.

Некоторые историки видят главную особенность русского фронта в сочетании его территориального охвата с более выраженными элементами маневренной войны. На Восточном фронте, утверждает И.В. Нарский со ссылкой на Д. Шумана, война была в гораздо большей степени маневренной, меньше ограничивавшей активность солдат и придававшей большее значение индивидуальному использованию оружия, чем на Западном фронте. «Собственноручное убийство и нанесение ран, а также представление о центральном военном значении этого, то есть в первую очередь активное, а не пассивное участие в событиях... вело к развитию жестокости в солдатах», что и определило всплеск насилия в 1917 г. и потом в Гражданской войне[2]. Прежде всего отметим, что манев-

[1] См. примечания С.Г. Нелиповича в кн.: *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 155, 182, 230.

[2] *Нарский И.В.* «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «гер-

ренный период войны испытали только часть солдат на русском фронте, участвовавших в боях в 1914–1915 гг., и частично – в 1916 г. Многие из них погибли, попали в плен, и сложно утверждать, что именно они участвовали в революции и Гражданской войне. Вопрос об ожесточенности сражений «лицом к лицу» также требует доказательств: в течение всего 1917 г. фактически не было маневренных действий. С другой стороны, позиционная война отнюдь не исключает ожесточенности и встреч с противником лицом к лицу. Наконец, согласно тому же Д. Шуману, нет прямой взаимосвязи между ожесточенностью войны и проявлением послевоенного насилия. Западный фронт был единым для Франции, Англии и Германии, однако «старые нации», отмечает Шуман, сумели избежать послевоенного насилия – по сравнению с Германией[1]. На самом деле позиционность войны все более нарастала на всем Русском фронте. Всплески традиционной войны были вызваны проблемой столкновения армии традиционного типа, тяготевшей к маневренной войне, и реалиями войны нового типа, все более исключавшими старые методы военных действий. Это видно из истории партизанских отрядов, отстаивавших именно такие методы, которые резко отвергало фронтовое начальство, особенно на местах. Эта обстановка тотальной упорядоченности их угнетала, превращала в «маленьких людей»[2]. Не случайно многие из них ушли в партизаны, добровольческие отряды Белой армии.

Особенности оборонительной полосы на Русском фронте позволяют сделать несколько замечаний о значении фронтира как временного географического образования, о его несопоставимости с фронтом в современной войне. Фронтир – свободное социальное образование, имеющее целью отвоевание пространства путем противопоставле-

манской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 493; *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuitaet der Gewalt // Journal of Modern European History. 1. 2003. S. 32.

[1] *Schumann, Dirk.* Political violence in the Weimar Republic, 1918–1933: fight for the streets and fear of civil war. New York : Berghahn Books, 2009. P. XVI.

[2] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 66об.

ния новой культуры – культуре старой. Свобода социального творчества вольных поселенцев Америки образовала важнейший инструмент эффективного хозяйственного и в целом культурного освоения колонизуемого пространства. Эта свобода не только закрепляла новые практики на данной местности, но и позволяла данную территорию сделать центром притяжения для метрополии во всех смыслах: политическом, хозяйственном, духовном. Организация фронта приводит к другим практикам и влиянию. Фронт является несвободным образованием, насаждаемым извне, то есть противоборствующей стороной, другой культурой, которая в условиях войны становится общей культурой индустриального общества. Отсюда общие методы организации боевой полосы, модели поведения комбатанта: противопоставление фронта – тылу, братание, господство фронтового братства и т.п. Взаимозависимость противоборствующих сторон, обязательность копирования приемов военных действий, организации боевых порядков, даже ритма ратного труда исключают свободу социального творчества на самом пространстве фронта. Однако военный опыт, полученный в армейском, тотальном институте, порождает реакцию личности, которая стремится произвести разного рода социальные преобразования, но не в зоне фронтовой полосы, а вовне, в тылу, в метрополии. Что и имело место в таких странах, как Германия, и особенно – Россия. Вопрос был только в степени востребованности политического насилия, вообще военного опыта – в зависимости от политической культуры населения.

§3. Мотивация борьбы на Русском фронте

Проблема эффективности русской армии в Первой мировой войне может строиться в нескольких измерениях: как «патриотическая» (героическая), и следовательно, «преданная» (царем, военачальниками, «политиками» и т.п.) история; как история неудач и тягот, выпавших на долю армии и комбатанта; как история становления «солдата-гражданина», сформировавшегося во время войны. В

настоящей работе предполагается, что русская армия и ее комбатант прошел все эти три этапа борьбы. Это совпадало в целом с вовлечением в военные действия на Русском фронте фактически трех «армий»: кадровой (действующая и состоявшая из запасников первой очереди, т.е. резервистов); армии, оставшейся после «великого отступления» и пополненной запасниками второй очереди (не проходившими службы в действующей армии); армии, пережившей Брусиловский прорыв и пополненной новобранцами. При этом часть истории каждой из «армий» продолжалась в историях «армий» последующих.

Вопреки сложившейся в отечественной (в основном советской) историографической традиции русской армии, как якобы чуть ли не сразу не желавшей воевать, существует немало источников «героической» и «патриотической» истории участия русской армии в Первой мировой войне. Главным из этих источников являются цензурные отчеты о настроениях русской армии. Эта цензурная источниковая база весьма обширна и представлена почти 500 отчетами и докладами различного уровня, от Петроградской цензурной комиссии до местных почтово-полевых контор за почти весь период действия русской армии на всем протяжении Русского фронта. Сама постановка дела цензуры стала правильной только с лета 1915 года, но и оказавшиеся в поле зрения автора материалы цензуры в целом отражают настроения армии как за указанный период, так и по географическому охвату. Так, за 1914 год существует только один отчет по Северному фронту, но он охватывает события октября 1914 – января 1915 г. За весь 1915 год (кроме февраля) существует 93 отчета: 3 по Северному фронту, 9 по Западному и 81 по Юго-Западному. За весь 1916 год просмотрено 306 отчетов: 73 по Северному фронту, 84 по Западному и 149 по Юго-Западному. Наконец, за 1917 год за период до сентября использовано 78 отчетов: 17 по Северному фронту, 1 по Западному и 60 по Юго-Западному. Как видно, больше всего цензурных материалов представлено отчетами по Юго-Западному фронту. Однако и по остальным фронтам достаточно материала, чтобы обрисовать в целом настроение русской армии.

Ниже представлена динамика настроений в русской армии по цензурным отчетам. В течение октября 1914 г. – января 1915 г. отмечалось, что в войсках 9-й армии на Юго-Западном фронте «дух армии надежен», в письмах видна «уверенность в окончательной победе». Так же, как «бодрое и вполне надежное», характеризовалось настроение 9-й армии и в марте–апреле 1915 г., даже несмотря на поражение под Горлицей. Правда, отмечалось некоторое снижение «патриотических» писем после апреля с 25 до 10–15%. И все же и в мае, и июне по 9-й армии, несмотря на тяжелые условия, жалобы, падение уверенности в победе и т.п., цензура делала вывод, что «патриотическое настроение преобладает». Подобные же патриотические настроения преобладали и в 11-й армии, несмотря на констатацию роста мирных тенденций (30%). И далее, в июле, отмечались в целом «патриотически воодушевленный» характер писем, нарастание ненависти к противнику даже на фоне подавляющего числа писем с пожеланием об окончании войны. С августа 1915 г. в отчетах фигурировала характеристика настроения как «спокойного, с оттенком уверенности в нашем конечном успехе», «бодро-уверенного» [1].

Один из всплесков бодрого настроения приходится на конец лета – осень 1915 г., когда было прекращено отступление Русской армии, фронт стабилизировался, а с другой стороны, в армию стало прибывать пополнение, не испытавшее тягот «Великого отступления». Повысилось настроение даже в тыловых учреждениях войск. С августа по армиям Юго-Западного фронта констатировалось настроение «в высшей степени бодрое и с патриотическим подъемом», «в основном патриотическое». Хуже была ситуация на Северном фронте, где в большинстве писем присутствовал безразличный или угнетенный настрой. В сентябре на Северном фронте на 8 панических приходилось 1–2 «хороших» письма[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 114; Ф. 2139. Оп. 1. 1670. Л. 83–83об.; Д. 1671. Л. 4об.–5об., 13–14об., 16, 22, 31–33об., 38–39, 46, 64, 73об., 76об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 146.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 21; 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 41об., 52; Ф. 2139. Оп. 1. Д .1671. Л. 182, 190.

В сентябре – октябре 1915 г. на Юго-Западном фронте цензоры констатировали при наличии в основном «мирных» настроений – «патриотическое настроение» и даже «приподнятость настроения» в некоторых корпусах. Также бодрым (36,4% писем против 0,7%) настроением характеризовались письма в 4-й Армии на Западном фронте в октябре[1].

По Юго-Западному фронту в октябре 1915 г. цензоры насчитывали 49% бодрых писем при 30% «мирных». По 8-й армии бодрых писем в конце октября – начале ноября насчитывалось 41,5% (при 18% за мир). А к ноябрю цензура характеризовала настроение в армиях Юго-Западного фронта как «бодрое» или «сдержанное». При этом отмечалось: «Хотя пожелание мира встречается в значительном количестве писем, но большинство сознает невозможность этого в данное время»[2].

Именно с глубокой осени 1915 г. в цензуре прочно установился взгляд на неизменно «бодрое» настроение в русской армии, несмотря на наличие значительного числа «мирных» или «угнетенных» писем в различные периоды. Интересны лишь вариации «бодрого» настроения: «приподнятое», «в основном с тоном сдержанным», «спокойное», «устойчивое», «бодрое, спокойное и патриотическое» и т.п.[3]

В декабре 1915 г. на Северном и Западном фронтах отмечалось, что «дух солдата бодр», хотя и «нет желательного воинского задора». В армиях Западного фронта в декабре 1915 г. количество бодрых писем достигало 21,5% (3-я армия) при 2,5% «угнетенных» и 39% бодрых при 2,5% «угнетенных» в 4-й армии. Как «бодрое, уверенное» оценивали настроение цензоры на Юго-Западном фронте в декабре. Также как «бодрое» констатировали настроение и нефронтовые цензоры: Казатина, Бердичевской полевой почтовой конторы, птк № 105, Новогеоргиевской птк.[4]

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 96, 134; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 238.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 154, 175, 177–177об; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 241об.

[3] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248, 269об., 273об., 289; Ф. 2067. Оп 1. Д. 3845. Л. 262.

[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 15; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43, 49об.–50, 53; Ф. 2067. Оп 1. Д. 3845. Л. 218, 257, 295, 301, 312, 326, 342, 358, 364, 368–368 об., 385; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1643. Л.14.

И в январе 1916 г. настроение характеризовалось как удовлетворительное или бодрое в 1-й армии. Количество бодрых писем здесь оценивалось в 29,4% (по сравнению с 1,9% угнетенных), а по некоторым корпусам до 50% против 23% «угнетенных». Также как бодрое оценивалось настроение в январе на Юго-Западном фронте. Как еще более бодрое оценивалось настроение в феврале 1916 г. на Северном фронте. На Западном настроение оценивалось как бодрое до 66,7% при 4% «угнетенных». При этом в 1-й армии было 16,1% бодрых и 1,3% «угнетенных» писем, в 3-й армии – 22% бодрых на 12% «угнетенных», в 10-й армии – 94,4% бодрых на 1,6% «угнетенных». Всего по Западному фронту в феврале количество бодрых составляло 37,6% по сравнению с 49,28% в январе. Как бодрое оценивалось настроение и в феврале на Юго-Западном фронте[1].

Всю весну 1916 г., вплоть до Брусиловского прорыва, нарастали бодрые настроения в армии. На Северном фронте процент бодрых был, правда, невысок – 10–20%. А в апреле на некоторых участках были даже случаи отказа идти в бой. И все же в целом настроение трактовалось как бодрое, а в 6-й армии расценивалось как «чрезвычайно бодрое». В мае настроение оценивалось на Северном фронте уже как «безусловно хорошее» (1-я армия)[2].

На Западном фронте весной, в марте, настроение поднялось до 49,2% по сравнению с 37,6% в феврале. И в апреле писем с бодрым настроением насчитывалось 47,8%, а по 10-й армии таковых насчитывалось даже 92% по сравнению с 61% и 1,3% негативных в 4-й армии и 12,5% против 1,6% «угнетенных» в войсках гвардии. И далее, в мае, процент бодрых писем подымается в 10-й армии до 94%[3].

В мае 1916 г. на Юго-Западном фронте бодрое настроение преобладало над проявлениями «негативных» на-

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 64; Д. 1181. Л. 40–42об.; Д. 1205. Л. 203; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 73об., 83об., 84, 88об., 97, 100, 106об., 107, 116, 113об; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 95–95об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 118, 309.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 77об., 95, 122–122об., 135, 146, 164, 186, 200–206об.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 144, 161, 172, 175об.–176, 180об., 182об., 186.

строений. По 3-й армии соотношение бодрых писем к «угнетенным» было 13,6% к 4,9%, а в 8-й армии настроение характеризовалось как «очень повышенное, патриотичное и уверенное». В это же время как в «целом бодрое» называлось настроение среди войск гвардии[1].

Также как бодрое, «на той же непоколебимой высоте», оценивалось настроение межфронтовой цензурой. Бердичевская цензура констатировала в апреле, что «большинство привыкли к войне». В Житомирской цензуре оценивали настроение войск как «выше всяких норм». И только Казатинская военно-цензурная комиссия отмечала утомление от войны[2].

Наиболее бодрым за все время войны на Восточном фронте настроение было, конечно, во время Брусиловского прорыва в конце мая – начале июня 1916 г. Так, по сводкам цензуры 1-й армии Северного фронта, 60% писем «заключали в себе выражение морального подъема», «крайне приподнятое». В 5-й армии настроение было «великолепное», «по-прежнему бодрое и твердое». В 6-й армии цензоры рапортовали, что из-за Брусиловского прорыва «грустных и печальных писем с фронта совсем не получено», что «дух приподнят и полон надежды и веры в будущую победу». Несколько менее бодрым (3–25% писем) характеризовалось настроение в 12-й армии[3].

Те же бодрые настроения отмечались и на Западном фронте в июне: во 2-й армии – 42,4% «бодрых» писем, в 4-й армии – 48,63%, а в 10-й армии даже 97,2%. В общем, считалось «бодрым» настроение и в войсках гвардии. Бодрым называли цензоры настроение в армиях Западного фронта и в июле: во 2-й армии – 72%, в 10-й армии – 88,7%. Также в целом бодрым называлось настроение войск Гвардии[4].

Что касается войск Юго-Западного фронта, то цензоры не жалели красок для изображения настроения: «на-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 21об., 36об.; Д. 3856. Л. 114об.; Д. 2934. Л. 13, 45.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп 1. Д. 3845. Л. 118–118об., 135–136об.; Д. 3856. Л. 17, 25–26об., 48–48об., 62, 22, 146–149.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 212, 231, 254, 261, 271, 298, 302, 337, 355, 393, 412.

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 184, 200об., 204об., 206об., 220об., 224, 226, 228–232.

строение в войсках отличное», «войска стремятся вперед». «Бодрое настроение в армии закрепилось окончательно», – сообщали из 8-й армии. «В каждом письме выражается восторг по поводу разгрома австрийских армий, каждое письмо дышит радостью и упоением победы», – сообщалось в сводке отчетов по фронту в июне. Как «высокое» и «очень высокое» характеризовали настроение армий Юго-Западного фронта цензоры межфронтовой цензуры. Цензура Одесского военного округа передавала, что настроение «грозное и восторженное». А во время тяжелейших боев под Ковелем сообщалось, что «настроение все больше и больше закаляется». «Подъем патриотического чувства», энтузиазм, «бодрое и радостное» и «блестящее» настроение наблюдала и межфронтовая цензура, а также цензура военных округов[1].

Начиная с августа 1916 г., цензура отмечала уменьшение бодрых писем солдат, однако в целом оценивала настроение как бодрое. Так, в 12-й армии наблюдалось сокращение количества бодрых писем с 13% в июле и августе, до 7–10% в сентябре и менее 5% в октябре. При этом, по данным цензуры, продолжало оставаться высоким настроение на Западном фронте: в августе оно составляло 63,5%. По Юго-Западному фронту настроение также характеризовалось в целом как бодрое при увеличении писем с упадком духа[2].

С сентября 1916 г. и вплоть до Февральской революции цензура отмечала в целом падение бодрости. На некоторых фронтах это падение было весьма существенным. При этом цензура наряду с уменьшением бодрых писем подчеркивала увеличение писем негативного характера. Особенно уменьшение бодрости регистрировалось в армиях Северного фронта. Однако, например, в войсках 5-й армии настроение расценивалось в общем как «прекрасное» и даже «уверенное и бодрое». В войсках 12-й армии настроение понижалось в течение осени–зимы 1916 г., да-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. Д. 1349. Л. 6; Д. 2934. Л. 46, 58, 99, 108об., 109, 110, 262, 271, 381, 411, 446, 480; Д. 3845. Л. 92; Д. 2935. Л. 52, 268об.; Д. 3856. Л. 261–261об., 286об.; Д. 3863. Л. 254.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 605–606об.; Д. 1184. Л. 352, 389, 409, 430; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 273; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 170, 202, 300об., 318, 356; Д. 2935. Л. 263, 449.

вая по 5–7% в октябре, по 4–6% в ноябре и в декабре с повышением до 6–8% в январе 1917 г. По некоторым частям цензоры даже ввели рубрику как «сравнительно бодрое»: 4,2% в октябре, 4,8% в ноябре, 5,7% в декабре. «Некоторый упадок духа» отмечался на протяжении сентября и октября в войсках 6-й армии. Порою цензура рисовала настроение 6-й армии в октябре–ноябре в весьма мрачных красках, и все же окончательный вывод гласил: «Тем не менее настроение армии в массе остается довольно бодрым, хотя, к сожалению, писем угнетенного характера все больше и больше». И в 1-й армии, несмотря на постоянные указания на «безразлично-апатичные настроения войск», делался вывод, что, «в общем, настроение частей по-прежнему остается хорошим». То же касалось и 5-й армии: при констатации понижения настроения оно в целом характеризовалось как «уверенно-бодрое». Более резко оценивала настроение в армии Петроградская военно-цензурная комиссия, отмечая «некоторый упадок духа», но оценивала в целом настроение как «все еще бодрое». В ноябре цензура Северного фронта отмечала «подъем бодрости духа». Также улучшение настроения отмечала и Петроградская военно-цензурная комиссия. Даже констатируя тревожное увеличение «угнетенных» писем с 2% в августе до 15% в декабре, военно-цензурный отдел 42-го армейского корпуса все же полагал, что «пока еще в армии, слава богу, дух сильный и значительно превышает дух слабый»[1].

И в январе 1917 г. цензура отмечала уменьшение количества «угнетенных» писем на Северном фронте, в целом их бодрый характер при наличии мрачного настроения из-за дороговизны. И далее, в феврале 1917 г., положение в некоторых армиях Северного фронта оценивалось как бодрое, например в 1-й армии. Правда, по 12-й армии отмечалось накануне революции резкое падение числа «бодрых». К 1 марта 1917 г. не было ни одного полка, в котором «бодрых» было бы 10% (а в январе 1917 г. количество бодрых писем доходило до 25%), в 3-й сибирской стрелковой дивизии бодрых было 18%, а стало – 5%, в 14-й Сибирской

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 25–25об., 54; Д. 1184. Л. 428–428об., 473, 477, 509, 512–514об., 516, 530, 534, 541–543, 545, 574–575об., 578, 608об.–609.

стрелковой дивизии было 13%, стало 3%. Однако следует отметить, что такой анализ писем является корректировкой отчета, сделанного уже после революции. Зато цензура Двинского военного округа насчитывала 31,6% бодрых писем, хотя и подчеркивала, что это не отражает реальных настроений армии, так как все идет мимо цензуры. Даже накануне Февральской революции военная цензура хотя и отмечала увеличение «недовольных» писем до 19% в 12-й армии, но в целом считала настроение бодрым. По данным же цензуры Двинского военного округа, бодрых писем и накануне революции было 29,12%. Также как бодрое в это время оценивала настроения в армии и Петроградская военно-цензурная комиссия[1].

На Западном фронте осенью 1916 г. цензоры оценивали настроение как «достаточно бодрое», хотя и отмечалось уменьшение бодрых писем. В сентябре во 2-й армии насчитывали до 28,1% бодрых писем, в 3-й армии – 18,8%, в 4-й армии – 49,14%, а в 10-й армии даже 91%. В октябре в 4-й армии было 30,9% бодрых писем, а в 10-й армии все еще насчитывали таких 92,7%. В ноябре на Западном фронте даже отмечалось увеличение бодрых писем во 2-й армии до 52,6%. Правда, в 3-й армии таких писем насчитывалось всего 8,1%, зато в 10-й армии – 59,1%, а в Гвардии – 26,56%. Согласно же Отчету минских военно-окружных управлений, в ноябре насчитывалось 19,6% бодрых писем. В декабре продолжалось некоторое увеличение бодрых писем, например во 2-й армии, по сравнению с ноябрем, дойдя до 23,5%. В 10-й армии количество бодрых писем за декабрь составляло 69,5%. Согласно же данным цензуры Минского военного округа, в армии на Западном фронте было «по-прежнему настроение бодрое, уверенное в победе». Согласно старшему военному цензору при главной полевой почтовой конторе в Минске, в армии бодрых писем было 97,9%[2].

Особый интерес вызывает характеристика настроения армий Юго-Западного фронта, испытавшего наибольшие

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 42, 150, 150об., 161, 171, 193об., 215; Д. 1184. Л. 204, 635–635об.; Д. 1232. Л. 65об.–66, 89об.–90.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 285об.–287, 292, 294, 300, 310об., 312об., 319, 321об.–322, 326об., 333, 337об., 339об.–340, 349, 357, 362об.

трудности за всю мировую войну летом–осенью 1916 г. В сентябре 1916 г. цензура констатировала «высокопатриотическое» настроение в 8-й армии. В октябре в 7-й армии бодрых писем насчитывалось 71,5%. И в ноябре в 8-й армии настроение характеризовалось как «в достаточной мере бодрое, патриотическое и воинственное». Такие настроения в армии сохранялись и в декабре. В сущности, бодрым называлось в ноябре и настроение в войсках 9-й армии: «письма офицеров и нижних чинов все так же полны бодростью, спокойствием и безграничной верой в окончательную победу», – сообщала цензура. Во 2-м армейском корпусе в ноябре и начале декабря настроение в целом характеризовалось как «спокойное и уверенное», хотя и отмечался «солидный процент» писем о мире. В декабре 1916 г. – январе 1917 г., согласно сводке отчетов по Юго-Западному фронту, настроение «по сравнению с предыдущим периодом стало бодрее, крепче». Также бодрым, «полным затаенного подъема» представлялось настроение по армиям. Цензоры 8-й армии отмечали и «утомление войной», и «пессимистические настроения», но все же, в общем, считали что настроение «бодрое». В 9-й армии в декабре настроение считалось «лучше, чем в ноябре». В сводке отчетов по 11-й армии ушли от однозначного определения настроения армии, отметив, что армия «в общем, за мир, но почетный». Даже в Особой армии, где в декабре–январе прошли серьезные волнения, цензура настаивала на «наличии бодрых надежд» и «уверенности войск в том, что 1917-й год должен привести к достижению заветных целей войны». Диссонансом выглядела сводка Военного губернатора оккупированных территорий Австро-Венгрии, в которой отмечалось «очень незначительное количество бодрых» настроений, понижение духа в 66% писем и подчеркивалось, что «существенных перемен в настроении не произошло». Межфронтовая цензура на Юго-Западном фронте также настаивала на бодром характере писем в конце 1916 г. и в январе–феврале 1917 г. Цензура отмечала, что ««настроение бодрое, хорошее, но хочется домой», не видя в такой характеристике двусмысленности. Таким же бодрым представлялось на-

строение и по армиям. Согласно цензуре занятых областей Австро-Венгрии, «бодрых писем в несколько раз больше, чем пессимистических». Бодрым называла цензура и настроение в Особой армии, хотя именно в январе там имели место крупные солдатские волнения. Как бодрое оценивала настроение солдат и цензура Киевского военного округа, так же как и межфронтовая цензура[1].

Казалось бы, после революции должен был начаться перелом в настроении солдат. Но не только в предфевральские дни, но и в последовавшие дни и месяцы, почти до самого окончания существования цензуры, настроение в армии оценивалось все еще как «бодрое», хотя для этого назывались и другие причины, нежели в дореволюционное время. В послефевральских отчетах цензоры писали, что «настроение стало бодрым» на Северном фронте в частях 12-й армии. 32,58% «бодрых» писем насчитывали в солдатской корреспонденции цензоры Двинского военного округа в марте 1917 г. Также и в апреле в частях Северного фронта бодрых писем регистрировалось не меньше, чем до революции. Например, в 5-й армии в 48-м армейском корпусе таковых насчитывалось 12,5%. Также бодрым после революции считалось настроение в войсках Юго-Западного фронта, например, в 11-й армии в марте. О бодром настроении духа армии сообщали и цензоры занятых областей Австро-Венгрии. «Уверенным в своих силах, полным надежды на светлое будущее и на скорую непременную победу над врагом» представало настроение в цензуре в марте–апреле. Цензор обзора настроения 7-й армии за март–апрель прибег к специфическому языку, заставлявшему, однако, думать о настроении в целом в армии как бодром: «Настроение армии за истекший месяц рисуется резко необычным. С одной стороны, чисто современные острые переживания, перенесенные во фронтовую обстановку, дают взрыв давно накоплявшихся дум на социальные темы и сводят почти на нет еще недавно быв-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1673. Л. 309; Д. 3845. Л. 378; Ф. 3863. Л. 2. 142, 159об., 169, 183, 183об., 185, 197об.–198, 203, 224, 242, 260об., 261, 269, 278–279, 282об., 287, 309, 330, 333, 340, 458; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 129, 308, 367об., 388; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 719, 755, 816, 881; Д. 1674. Л. 7.

шие жгучие заботы о довольствии, доставке писем и т.п. С другой стороны, подавляющее большинство пишущих подчиняет свое личное понимание событий чисто массовому подъему, и потому противоположная сторона жизни армии остается мало оттененной: характерные эпизоды проскальзывают редко». О «повышенном настроении» в марте сообщала и цензура 9-й и Особой армий. В докладе за апрель по Особой армии настроение характеризовалось как «скорее бодрое, чем угнетенное».

Только с апреля цензура стала признавать «уменьшение писем, выражающих крепость духа», и даже его падение. И все же во многих отчетах настроение продолжало характеризоваться как «в общем бодрое, но единым, цельным оно охарактеризовано быть не может». Лишь в некоторых отчетах признавалось, что «общее впечатление о духе армии неблагоприятное», однако однозначных выводов о настроении как «угнетенном» в целом и т.п. не делалось. В мае и июне 1917 г. настроение в войсках Юго-Западного фронта оценивалось как «неопределенное», «выжидательное». Мало того, в это же время цензура фиксировала «процесс постепенного оздоровления армии»: прекращение братаний, беспорядков, а цензура занятых областей Австро-Венгрии даже отмечала, что «с дезертирством покончено... появились "корниловцы"»[1].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Настроение в армии всегда оценивалось военной цензурой в целом как бодрое, даже несмотря на имевшиеся очевидные спады в восприятии своего положения солдатами летом 1915 г. и осенью 1916 – зимой 1917 г. Так, «бодрость» в отчетах цензуры указывается даже в моменты, когда имеются явные основания в этом сомневаться. Например, бодрые настроения усматривались и во время «большого отступления» 1915 г., и во время эпидемии братания на пасху 1916 г., или в конце 1916 г., когда наблюдалось чуть ли не поголовное стремление к окончанию войны. Наконец, бодрыми настроения характеризу-

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205, 228, 247, 330; Д. 1232. Л. 122–123; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 375, 392, 411, 421, 431, 440, 468об., 481, 537, 566об., 583, 589, 600об., 654, 670, 677, 684, 703, 704, 712–716, 724, 727.

ются даже в марте–апреле 1917 г., и это при общем упадке дисциплины. В цифрах о настроении армии проглядывает явная несообразность: то количество «бодрых» оценивается как 20%, то даже до 80%, причем в армиях, находящихся в одно и то же время и в одинаковых условиях. Такое несоответствие характеристики солдатских настроений с развитием не только «негативных», но прямо антивоенных и даже революционных, бунтарских настроений армии в 1917 г., ставит вопрос о репрезентативности взглядов самих цензоров, а также о ценности и смысле даваемых ими характеристик.

Цензура все же фиксировала собственно патриотические настроения. Среди них можно выделить рационалистические, то есть ясно сознаваемые настроения с мотивацией борьбы; настроения, навеянные пропагандой; настроения, отразившие в передаче цензуры миф о русском солдате. На практике в отчетах цензуры крайне трудно отделить действительно осознаваемые солдатом ценности, во имя которых он воюет, от пропагандистских штампов, воспроизводимых солдатами в письмах и выдаваемых солдатами за свои собственные, или даже от мифов, которые воспроизводила сама цензура, основываясь на толковании тех или иных высказываний солдат. Для выяснения солдатской мотивации борьбы, основанной на сознании защищаемых ценностей, или привнесенной пропагандой, или воспроизводящей миф, мы будем использовать фиксацию частоты этих высказываний на протяжении исследуемого периода.

Место сознательной, личной мотивации борьбы на фронте отмечали как корреспонденты, свидетели таких настроений у других солдат, так и само цензурное ведомство. Так, корреспонденты замечали уже в начале войны, как «пробудилось чувство долга, ответственности, чувство нравственной дисциплины» у солдат. Новые проблески «сознания величия совершающихся событий и страстного желания проникнуть в будущее и найти в нем ликующую Россию» усматривали в переписке солдат военные цензоры в период летних боев 1916 г. Полагали, что сознательность в этом отношении влечет и сознательность в других

направлениях: в отношении к долгу службы, необходимость поступиться личными интересами. Последние попытки увидеть «сознательное отношение к целям войны» «в толще армии и народа» наблюдались в декабре 1916 г.[1] Однако такая сознательная мотивация крайне редко фиксируется, представляет неразвернутый концепт, не завершается постановкой цели, не определяет все поведение солдата, а главное – является, в сущности, кратковременной, сменяясь другими мотивационными установками.

Постоянным штампом в официальной мотивации борьбы, довольно часто присутствующим в солдатских письмах, является стремление служить «царю православному» «верой-правдою». Порою такая служба представляется как наказ родителей, которым солдат и отдаст отчет, придя с фронта с победой: «И скажу тогда с веселостью: Слава богу, я служил царю». Данная мотивация представляется как активная, добровольная: «Я иду служить с охотой», «клянусь по доброй совести» и т.п.[2]

Еще чаще в рациональной мотивации борьбы отмечается защита пространства и веры («Руси родной, веры во Христа»). В мотивации борьбы русского комбатанта выделяются темы защиты конкретной земли, например Кубани в песне кубанских казаков. Здесь же и защита «отцовского дома», и «дань земле», и мотив борьбы «за славу старую» и т.п. Иногда мотивация защиты родины сопровождается демонстрацией воинственности к врагу, которому обещают, что он «узнает мощь России, / Силу русского штыка, / Воевать вперед с Россией / Он отвыкнет навсегда»[3].

Наряду с такими рациональными объяснениями мотивации борьбы встречаются и проявления молодечества, демонстрации воинственности, желания «проучить врага», показать «всю силу могучего строя», показать врагу «мощь России». Воевать нужно «до тех пор, пока не погибнут враги наши, пока не сознают они наше превосходство над собою», – такие призывы печатались в про-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 204; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252, 356.

[2] *Симаков В.И.* Новейший военный песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 8–9.

[3] *Преображенский И.В.* Душевная красота и доблесть русского солдата. Пг., 1916. С. 8, 43, 44, 46.

пагандистских брошюрах. Куда менее была представлена сознательная, рациональная мотивация борьбы в песнях военного времени (народное авторство которых следует, впрочем, поставить под вопрос). В них война также объяснялась необходимостью воевать «за правое дело», «за правду»[1]. Однако в чем же это «правое дело» и «правда» заключаются, не говорится ни в одной из песен, в отличие от пропагандистских брошюр.

Иногда встречается в качестве мотивации борьбы так называемая «братская любовь» – прежде всего к товарищам по оружию. Кроме того, в качестве патриотического мотива выдвигается борьба «за честь и свободу обиженных стран, за славу народа, за братьев славян», в том числе и в песнях военного времени. Иногда в русской печати использовался мотив борьбы, заимствованный скорее из западной пропаганды, – о необходмости защиты жителей Бельгии и Эльзаса и т.п.[2] Таковы основные рациональные, то есть сознательные мотивы борьбы русского солдата.

Наряду с этим мотивацию борьбы объясняют особыми, не проговариваемыми свойствами русского солдата, которые, однако, находят в его поведении во время войны. Большое значение в этих характеристиках имели место мифы о «русском солдате», сложившиеся еще в русской литературе, в военной пропаганде, полковом песенном творчестве и т.п. Согласно этим мифам, мотивация борьбы русского комбатанта вытекает не из идеологии, а из его нравственных качеств. Качества же русского воина – яркое, наиболее законченное выражение психологических свойств вообще русского народа. Психологически тип русского воина – представитель народа[3]. Для русского комбатанта свойственно знание «нравственного закона и справедливости», что внешне представляется в виде покорности судьбе, в фатализме. Однако этот фатализм «не тупой,

---

[1] *Преображенский И.В.* Указ. соч. С. 44, 46; *Симаков В.И.* Новейший песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 4, 49, 101; *Андрианов П.* Клятвенное обещание. Одесса. 1915. С. 16.

[2] *Преображенский И.В.* Указ. соч. С. 14, 43; *Симаков В.И.* Новейший песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 101.

[3] *Попелишев В.Е.* Душа русского воина (историко-психологический очерк). Посвящается русскому юношеству. Пг., 1917. С. 5–12,17–19, 22-24.

безотрадный, а жизнерадостный». Его суть в подчинении, самопожертвовании, в сознании коллективных обязанностей, в подчинении частных интересов общему. Это есть «добровольное признание социальной дисциплины». Этот жизнерадостный фатализм является и опорой для русского офицерства, уверенного в безоговорочной преданности военному руководству. Этот фатализм не только ставит комбатанта перед реальным фактом войны, но и делает ненужным постигать ее смысл, цели, значение. Как видно, русский комбатант наделялся социальными потребностями, уже данными, которые не следовало увеличивать.

Качествами русского воина объясняется и его мотивация к участию в войне. Она заключается в «спасении Родины, борьбы за веру, в заступничестве за единоверцев, защите слабого от угнетений сильного». Абстрактная мотивация борьбы для русского солдата – это защита «правого дела». Под этим понимается защита православия, родимой земли от «засилья немецкого». Иногда синонимом «правого дела» является борьба за «свободу», которая опять-таки ассоциируется с защитой целостности России.

Согласно таким представлениям, война для русского солдата – проявление «сокровенной правды», а «победа над врагом – божья месть». Русские не искали войны, но если она пришла, то воевать хорошо, «потому что это – путь к достижению мира». В соответствии с типичным фаталистическим пониманием, русский комбатант, по версии М.И. Драгомирова, хотя и понимает, что война – бедствие, однако считает, что «результаты этого бедствия благодетельны». Не пытается русский воин, согласно патриотической мифологии, и ставить вопросы к богу о причинах господства зла – войны; не обнаруживает он и никаких пацифистских размышлений. Но с другой стороны, он и не поэтизирует войну, тем более не «склоняется перед насилием, попирающим добро и самый разум».

Даже организация службы в русской армии является продолжением особенных качеств русского солдата. Так, дисциплина здесь зиждется не на условиях строгой формальной требовательности, а на «братском единстве» между воинами. Это братство солдат вытекает из «свойствен-

ных русскому человеку доброты и сердечности, привычки делать общее дело дружно, "всем миром"», что столь характерно для русских крестьян. «Мирское дело» на войне и делается часто земляками, работающими на общее дело. Для организации отношений в армии особое значение имеет отношение солдата к офицерам. И здесь оно являются продолжением его, русского комбатанта, особых качеств: солдаты ждут и ценят отеческое отношение со стороны офицеров, уважают их за умственные способности и военные таланты и ожидают с их стороны проявления тоже «нравственных» качеств: «любви к ним, солдатам, понимания их солдатской души». Эта простота и сердечность в отношениях между офицерами и солдатами в русской армии противопоставляются порядкам у немцев «с их хваленой военной дисциплиной».

В соответствии со своими нравственными ценностями русский солдат переносит военные тягости, которые представляются не только жертвой настоящего поколения на благо грядущим, а долгом, «выполнением предначертаний судьбы русского народа, сильнейшего в славянской семье». Несение тягот тем более легко для русского воина, что, по его мнению, такая борьба в глазах народа – «священная война» за «святое дело», привычное для русского народа в течение его истории.

Согласно мифологии о свойствах русского солдата, для него характерны и в бою особенные качества, в основе которых лежит «религиозное чувство покорности Божьей воле», вера в соединении с патриотизмом. Русского солдата страшит не смерть, а возможность остаться в живых после поражения. Названные качества обеспечивают стойкость, «нравственную упругость», уверенность в конечной победе. Пропаганда рисовала солдата как бесстрашного перед лицом боев, в окопах, где «жизнь кипуча и ясна, словно дома». Пропагандисты призывали солдат воевать «до тех пор, пока не погибнут враги наши, пока не сознают они наше превосходство над собою»[1].

Качества русского солдата обеспечивают и его превосходство над врагом-немцем, лишенным человеческих

[1] *Попелишев В.Е.* Указ. соч. С. 45; *Андрианов П.* Указ. соч. С. 16.

качеств, представляющимся как служебное, вспомогательное при машине существо. Однако русский комбатант – человек, не машина, хотя у него вовремя и проявляются и ожесточение, и твердость. Качества русского воина в изображении внутренней пропаганды диктуют и выбор или склонность к определенному виду оружия – личного, обеспечивающего борьбу с врагом лицом к лицу. Объясняется это нежеланием «целить издали», в чем якобы проявляется стремление русского комбатанта сохранить «благородные приемы войны»: «Бой, так бой, – рассуждает он. – Надо схватиться с врагом и биться начисто, а там посмотреть, чья возьмет, кому Бог поможет». В этой войне русский солдат, этот нравственный человек с ружьем, воюет, но не грешит и вообще «не умеет ненавидеть», – утверждает автор одной из пропагандистских брошюр, ссылаясь на отсутствие воинственных песен в русской армии. В конкретных боевых действиях русский солдат проявляет «скромность геройства», жалость к слабым. «Чувство справедливости, присущее русскому солдату, не позволяет ему не видеть хороших сторон даже и у врагов», он стремится, чтобы убитых немцев похоронили по обряду. Безгрешность русского солдата проявляется в его отношении к мирному населению. Русский солдат не сжигает домов, из которых ведется огонь: «там малые дети»; спасает из огня немецкого младенца; приютил немецкую девочку, которая к тому же приносит счастье в следующем бою («немцев вздули ловко»). «Безгрешность» русского солдата освобождает его от вины даже в случае, когда все-таки приходится стрелять по детям, которыми прикрывается противник в атаке: «дети убиты не нами. Слава богу! Не наш грех»[1]. Довершает мифологический портрет русского комбатанта свойственная ему душевная бодрость, проявляющаяся в здоровом и безобидном юморе[2].

Далеко не всегда поведение русской армии соответствовало мифу, нарисованному пропагандой. В цензуре неоднократно указывались случаи хулиганства, насилия, совершаемого проходящими частями над мирными жителями, включая и женщин, грабежи лавок, избиения

[1] *Преображенский И.В.* Указ. соч. С. 2, 13,14, 16–18, 20, 21, 25, 26.
[2] *Попелишев В.Е.* Указ. соч. С. 26–27.

и даже убийства мимо идущих будочников и стрелочников. Имели место и случаи вандализма, поломки деревьев, уничтожения посевов, порчи огородов, а также грабежи имущества или приведение его в негодность. Особенно печальные проявления вандализма были в отношении освобождаемых галичан, которые считали русских нахальными, грубыми, грабителями. «В общем, русские солдаты плохо влияют на население, портят народ», – делал заключение из писем цензор Юго-Западного фронта. Даже среди православного духовенства вновь занятой в 1916 г. территории Буковины поведение русской армии вызывало осуждение. Неряшливости и загрязнению городов со стороны русской армии духовенство противопоставляло образцовую чистоту при прохождении через Буковину австрийских частей[1].

Редким являлся даже мотив борьбы «за царя» – он встречается только в солдатских песнях. Например, в одной из них солдаты шли в бой «За царя, за кров, за родину», чтобы служить «царю православному»[2] всецело. Как правило, мотив борьбы «за царя» являлся неразрывным с другим мотивом – борьбы «за матушку Русь», означал проявление территориальной идентичности, территориальной целостности. В одной из солдатских песен это выражено вполне ясно:

Николай наш царь-отец.
Помереть мы рады
За все милости его,
За его награды.
А за матушку за Русь
Умереть и я не трус.
Пусть так знает лютый враг,
Что за Русь всяк смерти рад[3].

В цензурных сообщениях мотив борьбы за царя есть только лишь в аналитических, итоговых выводах о настро-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 535–535об.; Д. 2935. Л. 174об., 624. об.

[2] *Симаков. В.И.* Новейший военный песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 4, 6, 9.

[3] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 288.

ениях войск. Отмечалось, что «в войсках полная готовность исполнить свой долг перед государем и Родиной»[1], или: «войска... воодушевлены одной целью – крепко постоять за царя и Родину». Конкретных же высказываний самих солдат о борьбе за царя вообще не приводится. Правда, порою как мотивация борьбы приводится стремление солдат быть на смотре при посещении части царем. В этом причина взрыва «патриотических» чувств в армии при ее посещении царем[2].

Редкими также являются свидетельства мотивации борьбы за родину. Особенно это было заметно по сравнению с газетными публикациями, совершенно несовместимыми с ощущениями фронтовой обыденности, не оставлявшей место героизму. Также «за дело Родины» звали в бой и солдатские песни. Однако самих высказываний солдат было обнаружено всего несколько. «Надо родину защитить», «надо родине послужить», – писали иногда солдаты в письмах. Но чаще такие высказывания были во время Брусиловского прорыва: солдаты были готовы «сломить и победить нашего врага на благополучие и славу Родине». В целом такие высказывания, правда, были очень редки, и порой они подменялись выводами самой цензуры о том, что войска «воодушевлены одной целью – крепко постоять за царя и Родину». Высказывания о необходимости защиты родины оставались единичными вплоть до февраля 1917 г.[3]

Другой популярный патриотический мотив – борьба за «честь и свободу обиженных стран, за славу народа, за братьев славян». Однако среди десятков тысяч выдержек, приводимых цензорами, количество высказываний самих солдат о причине войны как борьбы за «правое дело», крайне незначительно. Так, если и упоминалось «горячее желание» оказать помощь Сербии, то на фоне осуждения предательницы славянского дела Болгарии. Еще несколь-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 354об. –355, 485.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об.; Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1486. Л. 12а.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 67об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 325, 485; Д. 3863. Л. 335; *Симаков В.И.* Новейший военный песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 45; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 18–19.

ко высказываний на «славянскую тему» относились к периоду Брусиловского наступления, что, возможно, было актуальным именно для этого периода военных действий. Так, солдаты желали «большой выгоды» для всех славянских народов, либо... «нет возврата русскому солдату без побед»; приветствовали «тусклый рассвет новой эпохи, новой жизни народов»; готовы были, если придется, «умереть за свободу славян»[1].

Тесно примыкающим к мотиву защиты родины являлся мотив необходимости вернуть территории, захваченные противником в 1915 г. Однако даже такой естественный мотив был очень мало распространен в высказываниях солдат, отмеченных военной цензурой. Первые упоминания о необходимости «отмстить германцам и вернуть утерянные земли» появились зимой 1916 г. Настроения с верой в победу, о необходимости отнять все, что «он забрал», были и весной 1916 г. Высказывания «напрячь все силы, разбить врага во что бы то ни стало, изгнать его из пределов дорогой родины и продиктовать немцам условия мира на "костях Вильгельма"» встречались в цензуре и в конце 1916 г. Впоследствии этот мотив фактически утратил свою силу, хотя изнутри России раздавались требования по отношению к сыновьям: «Чести вам не будет среди стариков, если не выгоните врага, не надо нам чужого, но свое нужно забрать»[2]. В 1917 г. этот мотив вообще не фигурировал в переписке солдат: вернуть свое теперь предполагалось у собственных граждан – «буржуев».

Среди рациональных мотивов, в основном в песенном солдатском репертуаре, упоминается необходимость биться «за правое дело»: солдаты, «за правду бойцы», шли «за правое дело – скорым шагом вперед» и т.д.[3] В письмах, судя по военной цензуре, подобные патриотические мотивы полностью отсутствовали. Крайне редки среди солдат русской армии мотивы борьбы за веру. Подробнее этот вопрос будет разобран в главе о религии на войне.

---

[1] *Симаков. В.И.* Указ. соч. С. 101; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 206, 252; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 82; 124об., 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2об., 142; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 136об.

[3] *Симаков. В.И.* Указ. соч. С. 4, 49, 101.

Встречается в патриотической мотивации и такой мотив, как защита «священных прав человека». Однако среди солдат подобных утверждений нет, в отличие от призывов к самим солдатам со стороны таких организаций, как московское общество купеческих приказчиков. Также изнутри России раздавались призывы к армии бороться, проявлять героизм по примеру Дм. Донского, Минина и Пожарского, патриарха Гермогена. Иногда корреспонденты в письмах в армию сравнивали мировую войну с войной 1812 года[1]. Однако в письмах самих солдат подобные мотивы борьбы с противником совершенно не упоминаются.

Некоторый патриотический подъем произошел в армии сразу после Февральской революции[2]. Однако сами солдаты никак, судя по цензуре, не связывали происходившие изменения именно с необходимостью усилить борьбу с противником, а «бодрость», постоянно отмечавшаяся цензурой, объяснялась тем, что солдаты ожидали конца войны.

Несмотря на то, что в солдатских письмах присутствуют патриотические высказывания, однако большинство таких высказываний окрашено страдательной интонацией, ставящей под сомнение личную осознанность мотивов этой борьбы.

Да, в письмах присутствуют все известные мотивы борьбы комбатанта – православие, царь, и родина, встречается и упоминание последних слов перед смертью: «умираю за Царя и всех» и т.п.[3] Например, господствует представление о том, что «суждено» оказаться на военной службе, «надо» защищать свою родину и Царя-Батюшку, не дать, чтобы враг взял нашу родную землю и владел православной Родиной[4]. Другой солдат сообщает, «что «пришлось» «защищать нашего царя-Батюшку и нашу дорогую Веру и Родину»[5]. Таковы и другие объяснения мотивов борьбы: «Судьба наша защищать Отца Государя Батюшку

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 39–39об., 247, 362.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 326.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 40.
[4] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 603об.
[5] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 490.

и родимую Россию Матушку»; «Надо родине послужить»[1]; «Надо царю послужить»[2] и т.п. Впрочем, страдательное «надо» попало даже в солдатские песни[3]. Встречается еще более сложное объяснение мотивов, практически исключавшее личную волю комбатанта в борьбе с противником. Многие солдаты объясняли защиту царя, родины и веры тем, что «так угодно господу, что пришлось мне защищать нашего царя-Батюшку, нашу дорогую веру и родину»[4]. Так же страдательно трактуется и само появление солдата на фронте: «Господу богу было угодно мне воевать»[5].

Пассивность же в отношении своего патриотического долга объясняется «судьбой», которая, опять-таки, подразумевает весь набор «патриотических» мотивов. «От судьбы никуда не убежишь, приходится все переносить в защиту нашей дорогой родины и в защиту наших угнетенных братьев-славян»[6], – сетовали солдаты[7]. Сама необходимость воевать объясняется угодностью богу [8]: хоть и «трудно на войне», но «видно так Богу угодно»[9]. С упованием на бога ждут боя: «Но если будет бой то воля Божья Бог всем судья... Но что делать на то и война, а Родину защищать надо»[10]. Судьбою объясняется и неизбежность «пропасть на горах и на степях»[11]. Тот же страдательный мотив представлен и в сообщениях на родину о смерти солдат «Вы сами знаете хорошо что наша такая жизнь и участь складывать голову на поле сражения. Мы на это идем умереть за Царя, родину, за Святую Правду»[12].

Пассивный компонент, в котором еще больше размывается личная мотивация борьбы, представлен у солдат в таких понятиях, как долг, повинность, служба кому-либо,

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 18, 583.
[2] Царская армия... С. 20.
[3] *Симаков. В.И.* Указ. соч. С. 9.
[4] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 545; Д. 1673. Л. 490.
[5] Царская армия... С. 18-19.
[6] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 490.
[7] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 603об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 545.
[8] Царская армия... С. 18–19.
[9] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 888–889.
[10] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 193.
[11] РГВИА.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 578.
[12] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 444.

«надо» и т.п. Эти понятия присутствуют и в песнях[1]. Хоть и «постыла война», но «ничего не поделаешь врага нужно сломить» – писали солдаты[2]. Цензура указывала, что «армия сознает своей долг перед Царем и Родиной и готова на все жертвы», – даже накануне Февральской революции[3]. Представления о долге требовали «отдать свою жизнь за Веру, Царя и Отечество, защищать свою Родину, грудью стоять за Родину и драться с врагом, как лев нападает на добычу»[4]. «Лишь долг и глубокая вера в лучшее будущее» назывались солдатами в качестве мотивов борьбы в период тяжелых боев на Юго-Западном фронте в августе 1916 г.[5] Представления о долге должны были также подкрепляться «сознанием необходимости исполнить» его[6]. Иногда конструкция долга должна была еще подтверждаться верой в него, наравне с верой в Бога и судьбу, что было условием продолжения борьбы. Как неисполнение долга трактовалось солдатами уклонение от военной службы[7]. Иногда этот «долг» объясняется вполне конкретно, буквально, приземленно, как личный долг, который необходимо отработать. Так, воевать надо было в качестве возмещения благодеяний, данных царем: «Царь дал нам землю и кормимся мы с ней значит и должны царю-батюшке послужить верой и правдой и оправдать хозяйство»[8]. Часто долг перед царем ассоциировался или заменялся долгом «перед родиной и народом». Конструкция долга требовала привлечения страдательных форм его выражения: «Надо родине послужить», «Надо царю послужить» и т.п.[9]

При знакомстве с проявлениями мотивации борьбы у комбатанта бросается в глаза абсурдность исходных начал: ценности, во имя которых комбатант находится на войне, нивелируются обстоятельствами, в которых приходится их защищать. Солдат пишет, что «нам скучно

[1] *Симаков. В.И.* Указ. соч. С. 9.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 30.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 258об.
[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 29.
[5] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 22об.
[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 196.
[7] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 332–332об.
[8] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Д. 542.
[9] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 801; Царская армия... С. 18, 20; *Симаков В.И.* Указ. соч. С. 9.

и грустно, что нас проклятый враг созвал к себе, много наших братьев ложат молодую жизнь за Царя и родину святую». Цензор указывает на «бодрое» или «вполне бодрое» состояние солдат и тут же утверждает, что «большинство желают вернуться домой в круг своих близких победителями», когда «главными темами всех корреспондентов были чисто личные переживания и домашние интересы». Утверждение, что «дух войск снова окреп и необходимость вести борьбу до победного конца сознается большинством», соседствует с констатацией, что «заметно большое тяготение к миру». Но и в самих солдатских высказываниях сквозит уверенность в победе на фоне сообщения, что «каждому солдату война очень надоела». Цензура утверждает, что «боевой дух армии высокий», и тут же сообщает о «настроении грустном, о тоске по родным местам». Сами солдаты говорили, что настроение хорошее, подчеркивая, что «ждем скоро мира», или что «настроение – бодрое, хорошее – но хочется домой», что «все хорошо, только все в отпуск хотят», и т.п. Солдаты характеризовали свою жизнь «как ад», но при этом не падали духом, проявляли готовность «страдать до конца», «лишь бы нам победить врага», и это требует объяснения. Даже громадное отступление 1915 г., самое крупное фактическое поражение на тот момент в мировой войне, не поколебало настроения солдат русской армии, выражавшей «общую уверенность в окончательной победе над врагом». Мало того, отступление даже и не осознавалось как крупное поражение, а объяснялось причинами стратегического характера, дабы улучшить свое положение и дать передышку войскам[1]. Ситуация, при которой очевидное страдание не рефлексируется, не приводит к моральному кризису, а «бодрое настроение» не учитывает наличия страдания, требует объяснения характера ресурсов, которыми обладал русский комбатант в годы Первой мировой войны.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 894–894об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 318об., 318; Д. 2935. Л. 863; Ф. 2139. Оп. 1 . Д. 1671. Л. 554об., 545об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 264; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22, 39об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 307, 344; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л.16.

Одним из условий терпения являлось «упование на Бога». Солдат сообщал, что он «тут в неволе и страдае по всем», «только меня Бог спасае и... вот даст Бог победу над врагом...» Ждали перемен в своем положении солдаты «как самого бога», обещали «уповать на бога как бог не поможет то на нас нечего надеется бо мы все в божиих руках бог нас наказал за наши грехи бог нас и помилует но неясно когда милостивый господь пошлет свою великую милость». Упование на бога проявлялось не только в страдании, но и в уверенности, что надо «драться до последнего солдата» и победы – при уповании на «Господа нашиво заступника». Бог, «который умеет помогать и спасать», должен был, по мнению солдат, обеспечить храбрость, пример товарищам, оправдать риск в бою, вообще освободить «думать». От Бога ждали не только спасения в войне, но и победы, и самой войны прекращения[1].

Важнейшим мотивом, позволявшим солдатам не только находиться в тяжелых фронтовых условиях, но и показывать пример боевого упорства и даже героизма, представляется терпение. Терпение представлялось вообще национальной чертой русских: «Что же делать раз мы русские люди и любим свое отечество и Батюшку Царя, то должны забыть обо всем». Это отражено в десятках высказываний, зафиксированных цензурой. Сам факт войны представлялся временем проявления выносливости каждым солдатом: «Вы знаете, что война и надо мириться со всем, терпеть и переносить все трудности и лишения», – писал солдат в деревню. Родственники солдат сравнивали мировую войну с войной 1812 года и призывали к терпению в надежде, что «враг будет скоро разбит». Солдаты, в свою очередь, успокаивали своих родных, призывая терпеть, поскольку настало «такое тяжелое трудное время, как для нас военных людей, так и для частных лиц». Такую готовность терпеливо переносить невзгоды войны выражали в письмах солдатам из России и беженцы: «Утеряно насиженное гнездо из-за врага, погиб старший

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 82; Д. 2937. Л. 94об.; Д. 2935. Л. 311об.; Д. 2934. Л. 8; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 113; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 888–889; Д. 2934. Л. 208об.

сын, но с этим примирилась, лишь бы только был враг побит»[1].

Несмотря на трудности, солдаты высказывали «готовность безропотно переносить всякие невзгоды и лишения до тех пор, пока враги отечества не будут достойно наказаны». Хоть и «все надоело», солдаты в ноябре 1916 г. соглашались переносить, «ждать радостного дня, когда скажут мир». Солдат 170-го Молодеченского пехотного полка писал, что хоть и «страдаем третий год», «но все же мы не должны роптать, мы должны помнить одно, что умираем за веру православную»[2].

Само слово «мир» иногда трактовалось как необходимость мириться, «терпеть и переносить все трудности и лишения». В этой же плоскости воспринималась необходимость «мириться с Царем-батюшкой». «Надоело все. Но надо мириться, на то и война», – писал солдат-артиллерист. Солдаты сознавали необходимость «примириться» на походе, где трудно найти все удобства. Они «примирялись с создавшимися условиями», выражали готовность «мирится с этой язвительной жизней», надеясь, что даст «Бог всему этому скорейший конец...» Это давало цензуре возможность заключить, что авторы писем не склонны возмущаться всем вообще, а жалуются лишь на условия своего быта в сравнительно небольшом кругу, не обобщая своих личных переживаний[3].

Терпение представлялось хоть и дорогой, но оправданной ценой победы: «а что дорого, так терпеть». Впрочем, иногда терпение представлялось как философия послушания начальству, обеспечивающая успех по службе. Терпение солдата подкреплялось верой. Она или его терпение укрепляла («Имейте веру – все победите», – так писала и утешала мать своего сына-солдата), или эта вера и терпение являлись воздаянием Господу, который «спасет

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 369; Д. 2935. Л. 583; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 247; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 199об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 88.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 776–776об.; Д. 2937. Л. 200об.; Д. 3863. Л. 355об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 583; Д. 3863. Л. 162; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 404–404об.; Д. 2935. Л. 817; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47.

нас защитников родины и наградит по заслугам героев». В терпении солдат проскакивали, однако, и мотивы безысходности, обреченности «вечно страдать и мучиться по Господней воле», не верилось, что «это страдное время всего народа когда-либо кончится», и делали вывод: «Приходится терпеть до конца». Терпение рассматривалось и как «послание Господа», поэтому «мы должны переносить все и терпеть до время – может господь возвеселит нас», – полагали солдаты и желали такого же терпения своим родным и близким в тылу. Терпение предполагало, правда, некоторый срок, до которого «надо переждать», и, следовательно, полагало предел этому ресурсу мотивации борьбы. Кроме того, в каждый момент необходимости проявлять терпение казалось, что хуже уже не будет: «Уже столько не придет сколько прошло»[1].

Цензура же признаки и призывы к терпению рассматривала как наличие «бодрого духа», поскольку все невзгоды военного времени переносятся терпеливо и безропотно. Цензура и военное начальство прямо рассматривали терпение, выносливость как важнейшую отличительную черту русского комбатанта, как громадный, возможно главный, ресурс, недоступный противнику, поскольку враг, немец или австриец, «является народом более изнеженным, а потому и менее терпеливым к переживаемым лишениям». Выносливость и терпеливость и делали русского солдата, по мнению начальства, непобедимым. Сами солдаты также считали терпение одним из качеств русского солдата: «Что же делать раз мы русские люди и любим свое отечество и Батюшку Царя, то должны забыть обо всем», – говорилось в одном из писем. Солдаты рассматривали ресурс выносливости и терпения достаточным, чтобы победить врага. Немцев даже приглашали наступать – «так как непрерывно теряют живую силу», истощаются и т.п. Армия, показавшая пример терпения и выносливости, призывала тыл следовать за ней: «Крепитесь и бодритесь, несите тягости и жертвы, не подымайте бучи в тылу армии и России». Даже накануне ре-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 264; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 168; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 204; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 215, 3об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 883об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 51.

волюции солдаты готовились «страдать до конца... лишь бы нам победить врага»[1].

В целом власти высоко ценили способность к терпению, выносливости русских солдат, отказывая в таких качествах противнику. Это укладывается в концепции, широко распространенные перед началом и в начале войны, согласно которым в войне индустриального типа выиграют не высокоиндустриальные страны и армии, а наоборот, те, где инфраструктура слабее, а дух, терпение, простота выше.

Представления о предстоящей войне отражали традиционный характер российского общества. В них учитывался прежде всего опыт русско-японской войны и современные концепции будущей войны. Последние, хотя и учитывали масштабность военных действий, «народный» характер предстоящей войны, именно из этого выводили ее кратковременный характер. Военные теоретики и практики, а также некоторые общественные деятели (И.С. Блиох, А.А. Гулевич, А.Н. Куропаткин, Н.П. Михневич, П.Б. Струве и др.) считали, что в будущей войне, крайне разрушительной по своим последствиям, при затягивании конфликта больше пострадают высокоорганизованные страны, а земледельческие, вроде России, будут подвержены в самой малой степени экономическому истощению. Считалось, что участники войны вообще не выдержат напряжения и быстро, до года, закончат войну. В предстоящей войне, таким образом, основное внимание уделялось накопленным запасам. Эти же взгляды всерьез распространялись даже через Огенквар (Отдел генерал-квартирмейстера), то есть пропагандистское ведомство ГУГШ (Главное управление генерального штаба), представлявшего точку зрения военных русским газетам.

И сами солдаты, и военное начальство осознавали небезграничность ресурса терпения. Констатируя накануне Февраля, что «солдат мрачно смотрит вперед», цензура отмечала лишь единичные письма с выражением «крепкой старой веры в Бога и Его провидение», где пример терпения должен был являть «наш Господь Бог». «Так и

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 53, 344; Д. 2937. Л. 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 296.

нам приходится терпеть голод и холод, и что бы нас ни постигло в нашей жизни, надо все переносить беспрекословно», – подбадривал отец, вероятно, уже отчаявшегося солдата накануне Февраля. В другом письме казака необходимость «немца бить» также диктовалась примером Христа, который «за нас всех страдал», «не это терпел, да и нам велел» и т.п. Цензура видела в готовности солдат «терпеть по примеру Христа» также «бодрое и религиозное настроение духа войск»[1].

Среди моральных резервов, позволявших переносить тяготы войны, была и элементарная привычка. Правда, об этом могли поведать только выжившие и вообще оставшиеся на фронте. Привычка была предлогом для бравирования перед снарядами, к которым привыкли, не боялись их и даже не обращали на них внимания. Привычка позволяла переносить и просто затянувшуюся войну, давала шанс на ожидание победы. Привычка даже удерживала от возможности дезертировать, поскольку «сильно привязан и не так легко вырваться». Привычка же в глазах цензуры создавала представление о «духе солдата твердом, уверенном»[2].

Поддерживать боевой тонус на фронте помогало стремление отвлечься от тяжелых будней, ежедневные занятия, труды и заботы военной жизни, мечты вернуться домой со славой, отдохнуть после войны и т.п. Солдаты объясняли привычкой готовность терпеть тяготы войны даже в те моменты, когда становилось ясно, что война явно затягивается, хотя и «ничего не радует, измотался, изнервничался, не могу спокойно работать». Выносливость, невероятное терпение со стороны солдат, в сущности, примиряло их с неизбежностью воевать еще год, который, как они надеялись, станет окончательным. Но и такое настроение цензоры называли «чрезвычайно бодрым», видели в этом, что «сознание своей силы и веры в успех» крепнет. Подкрепляемая долгом перед родиной, эта часть армии, по словам цензора, имеет «бо-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 583; Д. 3863. Л. 362об; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 357об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257об., 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 386об.; Д. 3863. Л. 203, 224об.

дрое, веселое, устойчивое настроение духа». На просьбы родственников писать о том, страшно на войне или нет, встречались обыкновенно ответы: «Бывало страшно первое время, но когда немного сжился, то оказалось ничего страшного нет». Поддерживали терпение и надежда на лучшее, вера, что «кошмар войны не продлится долго». И в этом цензура также видела признаки «здорового настроения»[1].

Некоторые солдаты даже считали свое положение не столь тягостным по сравнению с тем, каким оно являлось, или представлялось, в обычной службе. Так, солдат Дорогобужского батальона писал односельчанам: «Слава богу живу хорошо, не горюю, пешком не хожу, хлеба не покупаю, имею пару лошадей, на которых езжу. Заботится царь батюшка за своих деток солдатиков»[2]. Военные же трудности казались преодолимыми или выпадавшими случайно, и их вполне можно было избежать. Сами опасности не казались столь очевидными, поскольку «не так страшен, как его малюют». Случайность или вмешательство «Господа» могли избавить от самых неизбежных превратностей воинской судьбы[3]. Цензура отмечала у солдат «философское спокойствие», до которого они дошли от жизни в окопах. Один солдат описывал свою окопную жизнь как «без радости и без горя»: «лежу в окопе и плюю в потолок. Иногда случается, что вода заливает, тогда вылажу из берлоги, выливаю воду и снова ложусь... 30 января немцы нарушили мою мирную спячку, в 2 часа ночи перешли в наступление и выбили одну нашу роту из окопов. На рассвете мы перешли в контратаку, штыками выковыряли их из своих окопов и снова принялись за свои занятия». «Тон повествования поистине эпический», – делал вывод цензор[4]. В определенном смысле настроение виделось как «здоровое» даже в таком совете, который давали солдаты друг другу на слу-

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257об., 263, 287об., 288. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 9, 386об.; Д. 3863. Л. 320об.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 19об.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 335об.
[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105.

чай опасности: «...Даю я Вам тайный совет. Если только когда придется попасть, тогда прямо беги и ни на кого не смотри и тогда может быть останешься живой»[1].

Для характеристики, определения глубины пассивной мотивации надо принять во внимание ее колебание в различное время боевых действий. Так, переоценка трудностей, удовлетворение после остановки отступления летом 1915 г., а также возможность отдохнуть повышали настроение духа, терпение, казалось, было вознаграждено, то есть трудности представлялись временными, их надо было просто перетерпеть. Ценность терпения возрастала со сменой командования, с приливом свежих сил, с успехами на соседних фронтах или у союзников, и даже от погоды, с началом нового года, который воспринимался как последний год войны, и т.п. Иногда настроение в армии характеризовалось как бодрое по сравнению с периодом упадка накануне. Так, в Особой армии подчеркивали благоприятную перемену настроения в декабре 1916 – январе 1917 г. по сравнению с ноябрем, когда в армии царило «некоторое охлаждение» настроения – эвфемизм морального кризиса. Цензура полагала, что на это повлиял ряд факторов: улучшение пищи, снабжение в достаточной мере теплыми вещами, заботливость начальства (устройство в частях различных развлечений и игр), выступление Америки на стороне союзников, предложение мира немцами, отчасти наступивший мороз, сковавший болотистые места, благодаря чему в окопах не стало грязи... Терпение являлось важным ресурсом даже накануне Февральской революции, когда казалось, что «германцы, видимо, ослабели и прежней силы уже не имеют», и т.п.[2]

Порою, однако, бодрость, невозмутимость были откровенного каратаевского свойства, когда не обращают никакого внимания на любые трудности, доходят «до философского спокойствия».Иногда причина этой невозмутимости заключалась в обыденных, ежедневных занятиях,

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 720.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 3; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 720; Д. 3863. Л. 278, 287, 335об.

трудах и заботах военной жизни, которые отвлекали от тяжелых мыслей[1].

Особенно много бодрых настроений, окрашенных в пассивно-страдательные тона, связано с осознанием необходимости войны до конца. Это осознание влияло и на понимание неизбежности продления войны на третий год, «как последней ступени к окончательной победе». Если же срок окончания войны казался слишком долгим, то уходили в мечты о послевоенной жизни, что позволяло скрашивать будни войны и делало опять такие настроения в глазах цензуры «бодрым». Другим замещением бодрости в случае затягивания войны были мечты об отдыхе после нее. Придавала бодрости и уверенность, что каждый следующий год будет «фатальным для Германии и ее союзников» – будет последним годом войны. Однако, в сущности, встает вопрос вообще о конце войны. Уверенность, что «кошмар войны не продлится долго» и скоро «Россия вернется к лучшей жизни, право на которую она получила, принеся столько жертв, защищая существование Европы против варваров германцев», ставит, по сути, вопрос о пределах терпения, чего цензура не замечала, продолжая настаивать на «здоровом» настроении армии[2].

Для характеристики мотивации необходимо учесть и авторов высказываний, хотя провести качественный анализ здесь непросто: слишком мало данных, низка репрезентативность. И все же чаще проявляли сознательную, активную мотивацию офицеры или представители технических частей: артиллеристы, пулеметчики, разведчики, а также горожане. Пассивной же мотивации придерживались, как правило, рядовые пехотинцы – жители деревень и сел[3].

Наряду с проявлениями сознательной, активной, а также и пассивной мотивации, имели место и проявления маскулинности, т.е. характера или настроений, свойственных молодым людям, оказавшимся в ситуации испытания. Это должно было проявиться в таких качествах, как агрес-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 320об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 263, 287об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 144; Д. 3863. Л. 320об. 287.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 20.

сивность, состязательность. Наиболее ярко эти черты проявлялись в желании наступления. Такие высказывания были зафиксированы цензурой уже зимой 1915–1916 гг. Возможно, это было связано с желанием реванша за понесенное летнее поражение. Цензоры отмечали широкое распространение «бодрого духа и твердой уверенности» в конечной победе. Пришло и осознание «серьезности», «упорности» врага. Появились призывы «сбить спесь, а то больно зазнался... Щупальцы распустил... На чужое добро зарится...» и т.п. То есть агрессивность вызвала необходимость сознательной мотивации. Эта агрессивность к тому же пришла на смену ожиданиям мира, распространенным в армии осенью 1915 г. Теперь стали писать: «Мира не ждите. Это у нас болтали. О мире и разговору теперь нет. Тогда будет мир, когда всех их побьем»[1].

Уверенности в своих силах добавляло прибытие больших пополнений, хорошо одетых и снаряженных, большого числа прибывших офицеров, громадного подвоза снарядов, подвоза новых винтовок, организации гренадерских взводов и т.п. «Теперь никакие силы Германии нам не страшны», – писали солдаты. В результате в войсках стало распространяться желание скорого перехода в наступление. На Западном фронте стали даже называть даты наступления – 18 декабря 1915 г. Начались, как это и водилось, просьбы родителям помолиться за них, благословить и т.п.[2]

Всю зиму и весну нарастало в армии желание наступления. В январе 1916 г. цензура фиксировала частые пожелания скорейшего наступления, даже опасения, как бы не опоздать с этим. Очевидной являлась жажда реванша, жажда сделать наступление столь же успешным, как немцы в прошлом году. Результатом такого наступления считали «полную победу и возвращение на родину». Наступательные настроения на Западном фронте подпитывались успехами в небольших стычках, а также тем, что войска посетил император. А еще наступлением тепла. В феврале желание наступления усилилось. «Мы

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87, 89. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 20.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 39–39об., 48, 68.

здесь ожидаем приказа двинуться с могучим "Ура" и разве остановиться лишь только в Берлине», – писали солдаты Западного фронта. В письмах русские воины демонстрировали полную уверенность в победе: «Мы устали телом, но сильны духом, и это наше сильнейшее оружие, которым мы сокрушим врага»; «скоро, скоро разразится гроза, и будет гром и молния от воинского оружия, но мы верим, что Бог поможет нашему православному, доблестному воинству одолеть врага – коварного немца», и т.п.[1]

Весной 1916 г. настроение в пользу наступления еще шире распространилось на Западном фронте. В марте солдаты были уверены в победе: «Скоро пойдем в наступление и погоним дерзкого врага». Солдаты считали, что противник ослаб: «Немец уже не тот, какой был в начале войны; если бы не проволока, то мы бы ему задали». Появились выражения воинского задора перед лицом противника: «Не так страшен черт, как его малюют, потому снаряды есть, пошли в атаку, а он и руки поднял и кричит не бей русь, ну что тут бить-то». В некоторых частях даже были случаи отказа ехать в отпуск в ожидании наступления, причем не только среди офицеров. Солдаты рвались идти вперед, «бить и уничтожать презренного немца за его варварства». Приободряли и приходившие сведения о пополнения вооружений, а также неудачи немцев под Верденом и успехи Кавказской армии. На фронте царила уверенность в своих силах и вера в окончательную победу. Солдаты говорили: «Страшно надоело это сидение на одном месте, и хотелось бы скорее пойти вперед, раздавить своего заклятого врага-немца». Во всех этих письмах сквозило желание перейти в общее наступление, чтобы изгнать врага с временно занятой им русской земли. В одном корпусе было даже недовольство тем, что их заставляют сидеть в окопах, когда они рвутся вперед: «Стоим и чего-то ждем, а чего – никто не знает». На фронте царила уверенность в необходимости решительного, окончательного наступления: «Не может быть, чтобы к началу лета мы не нанесли решительного поражения врагу, которое решило бы дальнейший ход событий... скоро, скоро все-таки будет решительный удар

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74, 74 об., 109, 113, 160об.

по врагу, из которого он поймет неисчерпаемую мощь русского народа», – писал вольноопределяющийся одного из полков, студент Московского университета. В целом, полагала цензура, «армия ждет грядущего без боязни и спокойно». Наступательные настроения на Западном фронте царили и в мае вплоть до начала Брусиловского прорыва, а с началом наступления такое настроение «прогрессировало с каждым днем». Порою радость в связи с наступлением переходила границы дозволенного: о предполагаемом дне наступления солдаты иногда открыто, иногда намеками, а иногда подчеркивая соответствующие буквы, сообщали в письмах родственникам. Летом 1916 года наступательные настроения широко распространились среди солдат Западного фронта. Солдаты были чрезвычайно рады успехам Юго-Западного фронта, видя в этом «начало конца». Со стороны казалось, что «немцы упали духом, находятся в каком-то унынии и страшно боятся нашего артиллерийского огня». Эти настроения обеспечили необходимым задором войска во время удара под Барановичами, который был понят офицерами и солдатами как помощь генералу Брусилову – чтобы «не дать живую и техническую силу неприятельской армии»[1].

Но особенную бодрость все-таки испытывали войска Юго-Западного фронта. Производило впечатление все, что связано с началом большого наступления: «Грозная серая масса бодро идущих под звуки родных маршей, идущих на смерть с веселыми, живыми лицами». Ожидали, «когда снова оружьем на солнце сверкая, под звуки лихих трубачей» будет проходить по улицам Львова полк Нежинских «гусар-усачей». Солдаты проявляли полную уверенность в снабжении армии снарядами («хоть океан пруди») и т.п. Порою воинственное настроение доходило до «полного энтузиазма». В период же самого Брусиловского наступления армию захлестнул «неостывающий подъем духа», пьянящая гордость перед лицом убегающего противника, который «без оглядки утикае так что он оставил свои окопы с лектричеством кроватями одеялами все побросали и поутекали». Эта гордость позволяла «головой не доро-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л., 105об., 134, 138, 151, 157об., 160, 171, 174 189об., 202об.–203, 219, 221.

жить». На «неостывающий подъем духа» оказывали впечатление быстрые передвижения в результате первых боев прорыва. Некоторые корреспонденты писали о приходе «счастья войны», о всеобщем убеждении в окончательной победе над врагом[1].

И далее, даже в августе 1916 г., в период тяжелых боев под Луцком и Ковелем, наступательные настроения не покидали и войска Западного фронта. «Теперь ждем нашей очереди, если только она придет, то раздайся плечо, во мгновение ока опрокинем противного немца нам всем намозолил глаза, здесь он пока ежится, а если собьем, то держись. Когда мы отступали, то спали, ели и уходили нехотя, но ему придется в одну ночь уходить верст по 40. Немец же бросается во все стороны». Тон подобных воинственных настроений совпал с известием о вступлении в войну Румынии. Подкреплялся такой подъем и ожиданием «близкого конца войны и близкого светлого будущего». Важной причиной сохранения наступательных настроений на Западном фронте было представление у солдат о превосходстве над противником в области вооружений, в частности – в артиллерии и снарядах. В отсутствии наступления обвиняли начальство: «Напрасно наше начальство медлит и не наступает, ведь я сам знаю, что против нас немца совсем мало и только захоти начальство мы бы взяли и Барановичи и гнали немца без конца». «Мы ждем такого приказа и смело пойдем вперед, потому что теперь мы очень сильны»[2]. На самом деле немцы просто берегли тяжелые снаряды, в то время как русским именно для наступления не хватало тяжелых снарядов.

Еще одна волна воинственных, наступательных настроений, как это ни странно, поднялась в конце 1916 – начале 1917 г. Правда, она коснулась в основном опять-таки Западного фронта, весьма мало принимавшего участие в боях лета 1916 года. Отмена же наступления в октябре 1916 г. даже вызвала у многих солдат этого фронта разочарование и неудовольствие. Наступательные настроения коснулись в начале 1917 г. и некоторых частей Юго-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 21об., 189об., 274об., 278, 297, 308–308об., 411, 501.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 251–252, 254, 255, 318.

Западного фронта. Несмотря на то, что войска в этот период переживали, может быть, одни из самых тяжелых моментов своей жизни в эту войну, когда осенняя непогода, некоторое расстройство подвоза и неудача Румынии настраивали на минорный лад, «сознание долга перед Царем, желание жертвовать собой за будущее благополучие своей Родины и уверенность в окончательной победе не оставили армию», – констатировала цензура. «И ныне 8-я армия, как и перед весной прошлого года, будучи бодра духом и крепка телом, подчеркивает в своих письмах, что ей живется в общем уж не так плохо, как кажется, что о мире она мыслит лишь как о результате ее победы над врагом». Солдаты жаловались в письмах: «Сидим в окопах, скучаем и ругаемся на чем свет стоит, что не пускают нас вперед: хочется поскорей и получше вздуть немцев», вообще «скучали от безделья», так как «уже порядочно как не дрались и подъем духа такой хоть отбавляй». Подобные настроения соседствовали с сообщениями, что «настроение скверное»[1].

Сохранились и представления о «высокой доблести Русского Солдата», с которого можно было взять пример: «Я ни о чем не думаю; все для меня пустяки; я не страшусь ни холода, ни голода; знай нас Сандомирских кавалеристов – никогда не унываем – на то мы и солдаты». Порою эта бодрость вызывалась у некоторых бойцов прямой бесчувственностью к страданиям противника и к собственной опасности, когда «на кровь, на убитых и все окружающее смотришь, как на какие-то увеселительные картины». У подобного рода комбатантов (весьма редких, судя по цензурным сообщениям) убийства «толстопузых немцев» стало «великим удовлетворением». При отсутствии же острых кровавых ощущений просто «сходили с ума». Наступления бойцы ждали, «как какой-нибудь Пасхи». Одновременно, однако, со столь бодрым настроением и полным веры в несомненную и скорую победу над упорным и злым врагом весьма часто раздавался клич к скорейшему заключению мира, так как «война страшно насолила нам всем и до невозможности надоела»[2].

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 159об., 187об., 344.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 328, 330, 340.

В целом наступательные настроения начала 1917 г. были похожи на настроения начала 1916 г., с той только разницей, что ожидание, будто «весна и лето принесут союзникам победу», соседствовало теперь с диссонансом в настроении в тылу России. «Бодрость» же настроений диктовалась не столько их воинственностью, сколько стремлением положить конец тяготам войны: «И когда конец будет всем этим мукам надеемся, что уже столько страдать не будем. Дай Бог только скорей весна и тогда покажем проклятому врагу – разобьем его в пух и прах и тогда вернемся домой»[1]. Но в целом воинственные настроения чаще поднимались в периоды наступления: солдатам казалось, что именно данное наступление принесет долгожданный мир.

Важным ресурсом длительного сопротивления русских солдат, их высокой боеспособности, проявлением маскулинности являлись удаль, ухарство, в отдельных случаях даже хвастовство, свойственные молодым людям. Для некоторых солдат на войне вообще было «весело». «Мы ничего не признаем. Пуля летит германская, мы говорим – пчела летит, снаряд летит, рвется, мы говорим – гром гремит. Прошу не беспокоиться обо мне, жив буду вернусь, а убьют – не поминай лихом», – писал в Оренбург солдат лейб-гвардии Петроградского полка. В таком бодром настроении «даже не подумаешь, что тебя убьют или ранят», – объясняли свою отвагу солдаты. Некоторые солдаты выражали желание попасть в «поиск», чтобы «быть героем»: «Лучше положить голову на поле брани, или вернуться, чтобы говорили: “Вот пошел молодчина”. Сам знаешь, что наша жизнь копейка». Порою такие настроения облекались в стихи, особенно часто распространявшиеся в конце 1916 – начале 1917 гг., например:

Мы веселые молодцы,
Идем на германца бодро и весело и с криком ура.
И берем германцев в штыки,
А германцы потыкаются,
Искоса оглядываются,
Как наши пули и снаряды сверкают.
У германцев в окопах загорается.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 258об., 354.

А мы веселые молодцы идем вперед,
Чтоб последних германцев разогнать,
А то и в плен забрать[1].

Характерны для таких настроений и насмешки над противниками: «Немцы и австрийцы хитрые як лисица да забияки и трусливы как собаки как начинаем мы все дружно штыками напирать то они давай Бог ноги удирать». Трусливому противнику противопоставлялось молодеческое ухарство: «Наши в поле не робеют и на печке не дрожат»; «Будем надеяться, что скоро будем читать, что русские войска вошли в Константинополь, Вену и Берлин, а Софию разгромили, не оставив камня на камне» – и т.п. Впрочем, порою «ухарские», маскулинные качества подкреплялись понятиями нравственности (чаще подобные настроения были характерны для горожан: «Здесь холод, мучения и смерть, но зато здесь сила, смелость и уверенность в победе; здесь нет малодушия тыла и нет его грязи душевной...» Иногда военная работа, долг представлялись своеобразной инициацией, через которую необходимо было пройти молодежи: «Каждого молодого человека долг заставляет идти и жертвовать собой за Родину, Царя и Веру и вместе с тем за наших сестер и любимых женщин. Надо разбить немчуру и тогда с чистой совестью явиться к Вам». Весь этот комплекс патриотических стихов[2] заметно отличается от общего унылого содержания цензурных отчетов, что заставляет предположить или намеренную пропаганду в стихах по частям, или наличие таких настроений только среди новобранцев.

Правда, некоторые корреспонденты видели в этом «военном ухарстве» только «тупую и бессмысленную муштру», «разврат бесчеловечности и безнравственности», характерный для «мира военных». «Веселое», «несознательное отношение» к войне отмечалось и порою осуждалось цензорами[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 71, 193, 344, 369об.; Царская армия... С. 17.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 282; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 8об.–9, 15, 19, 21 71, 89, 178,718; Д. 3863. Л. 46; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 632–632об.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 40–40об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 652–653.

В некоторых случаях, например во время Брусиловского наступления, для ряда частей весомым аргументом в их упорных наступательных боях была охватывавшая их своеобразная «спортивная злость». Солдаты писали: «Мы пробовали наступать уже более 5 раз, но нельзя никак проклятого немца с места сорвать очень закрепился, он запутался проволочными заграждениями как паук, но мы все свои силы положим, но как дойдем к нему, то будет знать что значит русский солдат»[1].

Ряд высказываний солдат представляет военную службу интересной, поскольку идет полевая война, а не позиционная, «которая всем так наскучила». Для других солдат война была источником определенного воодушевления, которого, возможно, не хватало в обычной жизни: «Да хотя здесь и много ужаса, но жить хорошо, много разнообразия и опасности». Некоторые солдаты видели в военной службе на войне «закалку характера». Для таких солдат «помышлять о конце войны грех»[2].

Питало бодрость солдат и воспитание в полковых традициях. Некоторые солдаты гордились самой принадлежностью к определенным полкам. Солдат сводного гренадерского полка писал: «Наш полк – шефский, Герман нашего полка боится больше всех других, за взятие нашего солдата в плен Герман дает крест, 75 рублей и на один месяц отпуск, но это ему удается редко». Для другого солдата 278-го пехотного Кромского полка звание «Кромца» – это высокое, священное для каждого солдата, служившего в этом славном полку, о чем с гордостью писали родителям: «Да, папа, это действительно железный, даже бронированный полк и несокрушимый». В подобных высказываниях цензура видела проявление «несокрушимой бодрости духа русского солдата, веру в конечную победу». «Не унывали» и стрелки 15 Финляндского стрелкового полка: «Наше имя пусть прогремит повсюду и мы что захотим, то и возьмем», – заявляли они. Для артиллериста 1-й артиллерийской бригады война «только начиналась» в 1917 г.: «Помышлять о конце войны грех. Сколько горя,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 305об.
[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 330об., 213, 258об.

без успеха нельзя. Берите пример с нас – носов еще не вешаем», – писал он знакомым пехотинцам. Некоторые солдаты даже и в это время рвались на позицию: «Не унывай, брат Колька, вот тебе мой совет от души, бросай батальон и валяй на позицию. Не бойся тяжелых условий жизни, ты получишь такую закалку характера, что потом не потеряешься в жизни»[1].

Моменты стойкости иногда упоминаются в письмах солдат. Так, например, в месяцы Брусиловского наступления отмечалось настроение у солдат «поразительно отчаянное», офицеры не могли совладать с солдатами: «лезут почем зря». Легко раненные не покидали сражения, а лезли с еще большим ожесточением – наблюдались такие случаи весьма часто. В особенности отличалась молодежь. Даже на исходе активной фазы войны в конце 1916 – начале 1917 г. имели место случаи бодрости и крепости настроения. «Нужно все забыть и не обращать внимания на все то, а нужно думать лишь о победе и как бы уничтожить своего врага», – писали солдаты в письмах[2].

Один из всплесков бодрого настроения приходится на осень 1915 г., когда было прекращено отступление русской армии, фронт стабилизировался, а с другой стороны, в армию стало прибывать пополнение, не испытавшее тягот «Великого отступления». Повысилось настроение даже в тыловых военных учреждениях[3].

Частично бодрость в настроении можно отнести к желанию хоть как-то кончить войну, раз она началась и уже принесены большие жертвы. Так, офицеры писали, что «вообще обидно было бы, не разбив немца, заключить мир». Попадаются письма с обещанием подарков из Берлина. Идея «Война до конца» прочно утвердилась в солдатском сознании, – уверяла цензура в декабре 1915 г. Этот же аргумент о необходимости довести войну до полного торжества над врагами присутствовал и во время

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 330об.; 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 283, 343–343об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. 2934. Л. 199об.–199а; Д. 3863. Л. 142, 203.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 41об., 52.

подготовки к весеннему наступлению 1916 г. Даже летом 1916 г. в ходе тяжелых боев мечтали к весне 1917 г. возвратиться с победой к себе, в дорогие семьи. Однако, когда не ожидается вскоре наступление или пока нет тяжелых боев, в письмах с фронта крайне мало рассуждений о необходимости драться до конца. Почти единственными подобными фактами являются сообщения конца 1915 г. – начала 1916 г., что все «только и думают, как бы разбить противника», хотя тут же приводятся и противоположные, мирные, правда немногочисленные, настроения. Но «это уже не солдаты, а тряпки, а солдаты только и думают, как бы разбить врага, а потом думать о мире», – уверенно писал солдат. Другой солдат проявлял готовность «драться, пока не убьют»: «Но живым не дамся увести в плен, буду защищать свою родину до последней капли крови». Воинственные настроения, уверенность, что «война только началась», имели место и в августе 1916 г. на Юго-Западном фронте. И в это время присутствовало в солдатских письмах: «Драться до конца, каких бы усилий это нам ни стоило, лишь бы Россия вышла победительницей». Но это тесно соседствовало с проявлениями усталости: «Главное, отдохнуть и телом и душой. Устали мы ужасно и ждем не дождемся, когда нас поставят хоть немного на полный отдых»; «Не хочется ужасно быть калекой, хочется к концу войны жить...»[1]. В целом всеобщих настроений биться до конца в цензуре не отмечалось.

В переписке нечастыми наблюдениями являются свидетельства о храбрости русских солдат. Так, во время летне-осенних боев 1916 г. один из офицеров отмечал смелость и хладнокровие у наших солдат: «Только поклонится пролетавшей пуле, да еще и выругается». Один из солдат писал: «Пули мне не страшны, а стрелять против врага это мое удовольствие». Ряд высказываний о солдатской стойкости и храбрости относится к впечатлениям от первых боев, когда стало ясно, что «не так страшен черт...» Однако из контекста письма видно, что это всего

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41, 160, 222об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 244, 375; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 134, 568.

лишь удача уцелевшего после атаки солдата: «Я в то время сидел и ожидал смерти, но Господь спас меня...» Другой солдат был даже больше рад слышать свист пуль, нежели переживать сложные отношения между офицерами в своей части[1].

Бодрому настроению, подкреплявшему представления о силе и могуществе армии, способствовали распространявшиеся среди солдат сведения об обилии снарядов, ручных гранат, винтовок и т.п. после снарядного, винтовочного и тому подобного «голода» в 1915 г. Такие сообщения начались уже с конца 1915 г. Отмечалась и организация специальных гренадерских взводов, которым поручались атаки ручными гранатами, вообще организация технических средств. «Теперь у нас все Слава Богу, войска вооружены даже очень прекрасно», – писали солдаты 35-го армейского корпуса. Даже благоустройство резервных стоянок весной 1916 г. служило поводом для уверенности в успехе в предстоящих сражениях: «Мы стоим сейчас в резерве, в лесу, помещаемся в палатках, лес разделали, все равно что какой-нибудь Петроградский парк, если показать кому-нибудь в тылу, то не поверят, что все это в 4 верстах от немцев. Стоять в общем хорошо, только надоедает ходить на работы». Солдаты даже были склонны подобные сведения толковать как преимущество перед неприятелем, и со стороны материальной части, и вообще с точки зрения боеготовности, в том числе готовности в любой момент начать наступательные действия. Наличие больших боезапасов добавляло уверенности в скорой победе над врагом и в разгар тяжелых боев на Юго-Западном фронте в августе 1916 г.: «Теперь мы ему зададим и даст Бог скоро уничтожим проклятого немца», – писали солдаты в письмах[2].

Много радости, гордости вызывали сообщения об обеспечении артиллерией, большом количестве снарядов, превосходстве русских артиллеристов над немецкими. Об огромном количестве снарядов заговорили еще в конце 1915 года. Разговоры на эту тему отражены в письмах сол-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 652, 725об.; Д. 3863. Л. 335, 335об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41об.68, 87об., 102, 157, 178об., 296.

дат и за зиму 1916 г. И далее, всю весну 1916 г. в армии отмечали большой приток артиллерийских припасов, даже снарядов с удушающими газами. Но особенно много сообщений об изобилии боеприпасов, вооружений, техники было во время Брусиловского прорыва. «Снарядов горы, мы им чертям покажем», – писали солдаты лейб-гвардии Павловского полка. «Под грохот нашей артиллерии весело умирать»; «Как ему не бежать. Он понял, что Россия непобедима», – писали солдаты 96-го Омского полка. «Прошли времена, когда мы на вес золота дорожили снарядами, теперь мы посыпаем немчуру, словно градом», –это письма солдат другой части. Особенную радость вызывало наличие тяжелых орудий: «Это прямо страшилища какие-то: длина их 6 аршин, т.е. 2 сажени, а стреляют они, говорят, более чем 60-пудовыми снарядами. Таких и у немцев нет», – писали солдаты 105-й артиллерийской батареи. В целом накануне Брусиловского наступления настроение было «полно энтузиазма и веры в конечное, победоносное торжество нашего оружия». Солдаты, кроме констатации большого числа артиллерийских орудий и снарядов, очень часто высказывали восхищение отличной работой «нашей артиллерии», меткостью ее огня и т.п. Распространено было мнение, что теперь, с начала 1916 года, «в силе и меткости огня теперь немецкая артиллерия уступает нашей»[1].

Представления о том, что «снарядов и орудий очень и очень много, запас большой», что «как только начнут немцы стрелять, то наша артиллерия засыпает их снарядами и приводит к молчанию их батареи» и т.п., бытовали в армии вплоть до Февраля 1917 года. Однако расчеты о снарядном голоде на Восточном фронте именно в отношении тяжелых снарядов показывают, что солдаты просто не были осведомлены об истинном положении дел в этом вопросе и выдавали желаемое за действительное. В сущности, это было лишним аргументом при обвинении в «предательстве» командования, «внутренних немцев», которые, якобы имея такие большие запасы вооружений, все же то не дают приказов идти вперед, то неправильно этими запасами распоряжаются. Во всяком случае, солдаты

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 68, 89, 113, 102, 124об., 160об., 179, 229об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 108об., 119, 371об.

даже считали, что людей, распускающих слухи о нехватке снарядов, необходимо «ловить и без суда казнить самою лютою казнью за измену Царю и Отечеству»[1].

Поднятию настроений солдат, сохранению высокого уровня боеспособности помогали и сообщения об успехах на других фронтах. Особенно это было важно в периоды бездействия или после трудных, тяжелых боев. Большое впечатление на войска, уставшие от зимних окопных сидений, произвело в феврале 1916 г. взятие Эрзерума на Кавказском фронте. Сообщения о взятии Эрзерума усилили и антинемецкие настроения: «Бог ниспослал Кавказцам побед, но и мы с Ним одолеем врага и тогда свободно вздохнем молодою грудью. Заставим проклятых немчур, глупых тевтонов покориться русскому оружию, Царю православному и герою русскому солдату»[2].

Но особенно сильное действие на солдат произвели известия о Брусиловском наступлении. Цензоры сообщали о «беспредельной радости в войсках, жаждущих как можно скорее последовать примеру доблестных войск ген. Брусилова». Солдаты, полные оптимизма, писали, что «идти теперь в атаку пустяки». Солдаты рвались в бой, «чтобы как можно скорей истребить немца, стереть его с лица земли». «Есть непреодолимое желание идти в бой и сразиться с немцем. Скорей, скорей бы и нам дырявить немецкий фронт», – писали солдаты 2-й армии. В некоторых частях полагали, что обозначился перелом войны. Солдаты Западного фронта считали, что «теперь немцы упали духом, находятся в каком-то унынии и страшно боятся нашего артиллерийского огня». Подобные настроения способствовали эффективности удара под Барановичами, что рассматривалось офицерами и солдатами как помощь войскам генерала Брусилова. Солдаты широко распространяли сведения об особенно успешных действиях русской пехоты, которую якобы немцы стали бояться больше, чем пехоту французскую. Даже когда Брусиловское наступление стало иссякать, его эффект продолжал оказывать большое влияние на состояние духа армии. «Не только спада не за-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 263об.; Д. 2937. Л. 422об.; Д. 3863. Л. 248.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 102, 109, 113, 130.

мечается, а наоборот, все более и более крепнет и с каждым ударом... подъем духа растет», – сообщала цензура. Так, вплоть до 22 июля настроение в войсках Гвардии характеризовалось «сильным подъемом и доходящее в некоторых письмах до восторженного». Эффект наступления в Галиции действовал в течение всего лета 1916 г., когда он был дополнен сообщениями о вхождении Румынии в войну, что представлялось следствием Брусиловского прорыва. На фоне успехов Юго-Западного фронта в армии стали отмечать и успехи англичан, французов. Впрочем, иногда сведения об успехах на других фронтах не столько способствовали воинственным настроениям, сколько усиливали желание попасть домой. «Как-то сразу исчезла гувнящая тоска, как будто в ненастье выглянуло солнышко. У всякого появляется надежда, что конец полной нашей победы недалек и мы будем в родной семье», – так воспринимал солдат весть об успехе на Юго-Западном фронте, что и фиксировалось цензурой как «подъем настроения»[1].

Откликались солдаты и на действия других фронтов, например – на успехи на Северном фронте в конце 1916 г. Значительно подняло дух наших войск соединение передовых частей Кавказской армии с английскими войсками. На формирование бодрого настроения оказывали влияние и сообщения с других фронтов мировой войны. Так, например, в приказах по войскам сообщалось об успехах французской армии, в частности об упорной обороне Вердена, а также в Галлиполи. Один сапер изложил в письме приказ по роте, который так знакомит своих солдат с военной обстановкой: «Немцы, несмотря на огромные силы и многочисленную артиллерию, вот уже в течение нескольких недель ничего не могут сделать с французской крепостью Верден. Вы сами знаете, что значит неудавшееся наступление, да еще большой армии, продолжающееся так долго; и в данном случае немцы потеряли сотни тысяч убитыми, ранеными и взятыми в плен, а главное, французы всему свету показали, что у них отныне прекрасная многочисленная артиллерия, скосившая под Верденом колонны неприятеля. Наступил момент, который для немцев можно оха-

[1] РГВИА. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 178, 199, 202, 221, 225, 228, 262, 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133, 422.

рактеризовать фразой "стоп машина". Этот же начальник наш объясняет нам и про дела в Салониках – на Балканах, что там собралась громадная армия союзников, к которой даже подойти боятся болгары и австро-германцы, если б они чувствовали свою силу, то, наверно, давно уже попытались бы спихнуть союзников в море». Одновременно подчеркивались сила французской артиллерии, доблесть и подготовка французского солдата. В приказах говорилось также и о действиях английской армии, помогающей общему делу союзников. Для солдат были очень важны сообщения, что немцы в принципе терпят поражения, хотя и на другом фронте. В этом случае в письмах даже проглядывало чувство зависти и желание сражаться совместно с французами. Солдаты высказывали желание «не посрамить Россию и показать, как умеют драться русские солдаты». Определенное удовлетворение приносили и действия союзников в битве на р. Сомме. Позднее, в октябре 1916 г., неудачи русских войск объявлялись временными, но утешали себя успехами союзников во Франции[1].

Среди событий, повлиявших, по мнению цензуры, на усиление бодрости в рядах русской армии, было вступление в войну Румынии на стороне союзников. Во множестве писем в связи с этим выражалась надежда на скорый мир, на то, что война скоро окончится. Солдаты были уверены, что теперь «разобьем австрийца». Возникали даже надежды на конец войны осенью, поскольку «немцы становятся бессильными с их газами и обилием снарядов, которым они кичились». Вряд ли солдаты осознавали военную мощь Румынии. Скорее на них производило впечатление вступление в войну страны, непосредственно соседней с Россией, по сравнению со странами Антанты, когда «воевали мы вразброд и немец и бил нас по частям». «Ну, а таперича как навалились все зараз – ему дохнуть не дают и жмут со всех сторон, он и закряхтел», «победный конец несомненен», – считали солдаты. «Немцу и так плохо приходится, а тут еще Румыния за нас, скоро совсем ему капут»; «Теперь все весело. Румыния выступила, разобьем австрийца, а там и мир». И далее, в сентябре, солда-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 134, 182, 179, 202, 257об., 291об., 299, 348.

ты оживленно комментировали вступление Румынии «в смысле приближения конца войны». Цензура передавала, что «выступление Румынии оживило настроение и отразилось на подъеме духа. К германцам относятся особенно враждебно. Вступление Румынии значительно оживило и интерес к военным действиям. Тем большее удивление вызвало сообщение о сдаче Туртукая»[1].

Среди мотивов, которые помогали солдату воевать и укладывались в официальную версию мотивации борьбы, большое место занимали опасения, страх перед врагом, как представителем другой культуры, иноземной силы. Солдаты хотели освободить родину «от железных оков», германское господство представало как «дьявол – сатана, не человек». В некоторых листовках солдат призывали гнать их назад: «Их жительство ведь ад. Пусть погибает проклятый, кровожадный дьявол-бес, и от земли, и от небес!». Хотя «война уже утомила многих и мысли тянутся к миру, но необходимость заставляет вести войну, бо враг стоит на русской земле», – делал заключение о настроениях солдат вдумчивый цензор. Ему вторили заключения других цензоров, приводивших мнения солдат, мечтающих о возвращении к хозяйству: «Вот войне нет конца, скука надоедает. Время приняться за хозяйство, да нет воли. Лютой враг напал – надо его выгнать с нашей земли, а то с подати не вылезешь». Для солдат иноземное господство являлось бы еще одной непосильной ношей. Это заставляло и еще год воевать, «пока не победим врага», «чтобы он не лез на матушку Россию нападать»[2].

Чего же конкретно опасался солдат от иноземного господства? Срабатывали мифы о страшной опасности народу, например – о возможности возвращения крепостного права. На подобные слухи солдаты говорили: «Всех нас пусть убьют, а это не будет». Действовала и пропаганда о «немецком засилье», толки о котором не прекращались в солдатской среде. Опасность от врага представлялась вполне конкретной. На солдат угнетающе действовали

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 255, 260, 262, 263об., 289, 296.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 219; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 227–228; Д. 2935. Л. 121; Д. 3850. Л. 451–451об.; Д. 3856. Л. 36.

продолжавшиеся отходы летом 1915 г. Вместе с тем возрастали опасения «за родину, то есть за свой уезд, губернию», – подчеркивал цензор[1]. Солдаты опасались, что семью переселят в Сибирь, так как возможно, что противник придет и в нашу (в данном случае район Гжатска) местность[2]. Солдаты-крестьяне боялись, что противник займет территорию и семьи солдат не смогут засевать поля или еще хуже – будут вынуждены покинуть свои деревни, боялись разорения от немцев. В этом случае солдат представлялся конкретным защитником своей семьи, которая и ассоциировалась с родиной. «Я служу государю и нашей дорогой родине и стою грудью против злого врага за царя и отечество и за наш край родной мы не допустим проклятых немцев, чтобы разоряли нас», – писали солдаты своим семьям. Цензура в подобных чувствах видела проявления «бодрости»[3], не уточняя, что этот мотив действовал только при наступлении немцев вглубь страны, однако не работал в случае позиционной войны.

Потеря семьи, утрата хозяйства были важным мотивом страха перед пленением. Многие солдаты полагали, что «жить в плену было очень плохо». Значительная часть солдат верила информации о том, что пленных принуждают остаться на чужбине. Значительная часть пленных страстно хотела вернуться в круг семьи, на родину. Надо полагать, опасения попасть в плен добавляли упорства русских солдат даже в трудных боевых ситуациях. Один солдат писал своему товарищу о подобных опасениях: «Должность опасная: могут убить, но я этого не боюсь, а боюсь попасть в плен; дорогой товарищ, я готов лишить себя жизни, но в плен не пойду и тебе не желаю»[4].

Пропаганда поднимала вопрос о зверствах противника по отношению к русским солдатам. Военные власти пытались даже проводить конкретные экспертизы. В частно-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 41, 142об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 123об.

[2] Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Выпуск I-й. С. 159.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6, 20, 170об., 188, 350; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 894–894об.

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 202, 290об., 296об., 297об., 346.

сти, в сентябре 1915 года главком Юго-Западного фронта Н.И. Иванов просил начальника штаба 8-й армии организовать такое расследование по вопросу об изуверствах над трупами офицеров и нижних чинов Изюмского гусарского полка. Однако проведенная экспертиза в Киеве не обнаружила повреждений, указывающих на изуверства над трупами[1]. Не было сообщений о зверствах противника и в солдатской корреспонденции.

Частично ненависть к противнику питалась гуманными чувствами к населению прифронтовой области, испытывавших тяготы войны, причиной которой представлялись немцы[2]. Уже после Февральской революции были попытки распространения среди солдат образа врага в виде «варваров», «бесов», занимавшихся тем, что «крошили тела», представителей «сатаны, а не человека» и т.п.[3] Однако в солдатской корреспонденции таких представлений о противнике практически не обнаружено.

В современной литературе о комбатанте в мировых войнах много пишут про особую связь в первичных группах бойцов (primaries groups), «фронтовое братство», являвшееся важным ресурсом боевого противостояния[4]. Официальная русская пропаганда также постоянно твердила о необходимости воевать «за други своя». В зафиксированных цензурой высказываниях солдат присутствуют такие, правда немногочисленные, проявления этих чувств. Так, во время Брусиловского наступления солдат 7-й армии писал о том, что помогало ему в боях: «Мое сердце уже все кровью обкипело, жалко расстаться с молодой жизнью, а трудно воротиться на родину – много братьев умерло от тяжелых мук». Для солдата 17-го Архангелогородского пехотного полка единственным утешением в жизни была военная служба, которая «приютила и дает частичку счастья». Особенную радость, родство чувствовали солдаты после атак, уносивших множество товарищей. «Когда во-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Л. 43, 56, 114–115.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181.

[3] Листовка «Братский привет дорогим защитникам родины» // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3850. Л. 451–451об.

[4] *Comaroff J.L., Stern P.C.* (Eds.). Perspectives on nationalism and war. International Studies in Global Change, vol. 7. Amsterdam: Gordon & Breach Publishers, 1995. P. 113.

рочались с бою кто жив веселые и рады один друг другу душу отдал бы», – писал солдат 9-го гусарского Киевского полка. Определенный элемент фронтового братства можно усмотреть и в долге перед павшими. «Мира хотим, но мира славного, а не позорного. Заключение мира в настоящее время равносильно оскорблению павших за родину», – писали солдаты 2-й армии в октябре 1916 г.[1] Само наличие первичных групп не подвергается сомнению. Однако эффективность фронтового братства для успешного ведения войны на русском фронте остается неясной и мало подкрепляемой фактологически.

Большую роль в подкреплении, удержании боеспособности играли личные контакты солдатской массы с военными властями, включая высших командных лиц, вплоть до царя. Огромной популярностью пользовался среди солдат первый Главнокомандующий в.к. Николай Николаевич. Многие солдаты в письмах посылали 10–15 коп., чтобы поставили свечу и отслужили молебен о здравии и долголетии Главковерха. Впоследствии, после снятия с должности Главнокомандующего, авторитет Николая Николаевича даже поднимался. В нем солдаты видели пример неподкупности, заботы о солдатах. Некоторые солдаты даже и в 1916 г. считали, что Николай Николаевич продолжал командовать армией. Такие сообщения вымарывались[2].

Значимым для солдат было и общение с царем. Именно слова императора о незаключении мира до тех пор, пока «последний неприятельский воин не будет изгнан из пределов нашей родины», сказанные в конце 1915 г., служили комбатанту мерилом преданности основным ценностям, во имя которых он боролся на фронте. Государь, высшее военное руководство в своем общении с массами пытались формировать поворот в подъеме духа армии после тяжелых испытаний – после отступления 1915 года или в моменты «морального кризиса» конца 1916 г., в частности при мирных инициативах со стороны Германии. Солдаты

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об., 258 об., 532об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 256; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73об.

выражали «полный восторг» в каждом письме от посещения позиции царя с наследником: «Дома до смерти бы прожили и не увидели его никогда». Предметом гордости было предстать перед императором, который смотрел на «своих детей военных, нас храбрых защитников, которые проливают кровь свою. Когда он проходил по фронту и говорил здорово дети мои ему отвечали только сыра земля стонала...» Особенно сильное впечатление, после которого среди солдат царило «твердое и спокойное настроение», было, если видели императора непосредственно вблизи себя. Кроме общения с источником власти, солдаты получали и представление зримого, осязаемого мотива своего присутствия на войне. Один солдат 44-го пехотного Камчатского полка так воспринимал встречу с царем: «Нас смотрел сам государь и благодарил нас за службу... и теперь я знаю кому служу и за кого умирать...». Но и присутствие других представителей царской семьи, например Георгия Михайловича, производило сильное впечатление на солдат. Другие представители военного начальства показывали примеры (или способствовали созданию подобного мифа) мужественности, на которые равнялись комбатанты. Известными среди солдат были отнюдь не герои войны, не прославленные полководцы, а те, кто умел создать себе подобный имидж. Так, особенной популярностью пользовался А.Н. Куропаткин. Солдаты о нем говорили: «Это вполне бесстрашный воин, отец солдат и хороший товарищ. Он каждый день и ночь не выходил, что называется, из передних окопов, теперь командует фронтом, и на него надо надеяться»[1].

При встречах, смотрах, посещениях частей и другими представителями армейского начальства солдаты также испытывали «особенную преданность нижних чинов своим офицерам, которые, по единодушному отзыву нижних чинов, ведут их к победе, разделяя вместе с ними все тяготы похода». А «малейшая благодарность частям от Его величества Верховного Главнокомандующего, вызывая в чинах чувства беспредельной преданности, служит источ-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 100; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 31; Д. 3856. Л. 30; Д. 3845. Л. 128; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 187об.; Д. 1673. Л. 357об.

ником непреодолимого желания решительнее поразить врага и вдохновляет их к совершению новых подвигов»[1].

Определенную мотивацию участия солдат в боевой деятельности рождала и оказывавшаяся помощь фронту со стороны многочисленных общественных, корпоративных и частных организаций. Цензура сообщала об «удивлении и большой радости» солдат по поводу работы заводов на нужды войны, наличии громадного количества лазаретов внутри страны, заботливости по отношению к раненым, реабилитации раненых и калек в гражданской жизни и т.п. Частично патриотические чувства бойцов русской армии могли подпитываться и в рамках помощи вещами, продуктами, доставляемыми изнутри России от учащихся, рабочих заводов, представителей общественности. Сообщений о подобного рода подарках, главным образом в праздники Рождества и Пасхи, много. Некоторые солдаты, получив теплые вещи и гостинцы, чувствовали себя «полными богачами»[2]. Однако свидетельства о каких-либо патриотических чувствах, вызывавшихся подобного рода отношениями, в переписке не сохранилось.

При описании проявлений храбрости на войне не следует забывать, что это часто относилось к молодежи, еще не испытавшей тягот войны. Особенно это относится к составу армии перед Брусиловским наступлением. Старые солдаты констатировали: «Солдаты 1915 года (то есть набора 1915-го года) неподражаемы. Как раньше старые солдаты не доверяли им, так теперь они их прямо боготворят. Из штыковой схватки их приходится уводить прямо силой. Едва удается у них отнять некоторых пленных, они пленных не признают». Цензура отмечала в августе 1916 г. «чрезвычайно бодрое настроение у вновь прибывших и прибывающих пополнений». Но и в остальное время новобранцы «не вызывали никакого неудовольствия и страха за будущее». Один из них писал в ноябре 1916 г.: «Ты пишешь, что я новобранец, пока нет, мы с Ваней еще подождем, что Бог даст в мае, ну что же постоим головою за родину свою»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 180; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 262.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262, 345об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 360об.

Русская армия периода Первой мировой войны знала немало патриотов. Многие из них сознательно шли на фронт, даже в зрелом возрасте. Одним из таких патриотов был, например, музыкант Александр Станиславович Ружицкий, обратившийся с просьбой к командующему Юго-Западным фронтом направить его для обучения молодых солдат. Эта просьба была удовлетворена. Чаще, однако, фиксировались случаи желания продолжать бороться без определенной мотивации. Часто такие проявления патриотизма носили наивно-комический характер. Например, в одном письме солдат-патриот писал: «Меня ранило снарядом управую ногу и управую руку и уплечо усе у меня порвало штаны и рубаху разорвало ну благодаря Богу что меня кость целая. Прошу нежурится обомне я надеюсь что мене Господь сохранит и я буду живой и обратно пойду немца бить»[1].

Весьма непросто разделить таких патриотов по родам войск, разрядам и т.п. Например, несколько неожиданным казался патриотизм, проявленный ратниками Воронежской губернии в октябре 1916 г.: «Орлы ничего не боятся и в бой с ними идешь с надеждой и уверенностью в них», – писал командир воронежцев. Высокий уровень патриотизма показывали горожане. Например, 43-й армейский корпус был укомплектован жителями Петроградской губернии, которые показывали 45–46% бодрых писем осенью 1916 г., в то время как в 5-м Сибирском корпусе – 8%, а в 6-м Сибирском корпусе – 7%[2]. Впрочем, однозначные выводы здесь делать трудно, поскольку, например, сибирские части ранее, до осени 1916 г., показывали высокую боеготовность. Однако в целом настроения горожан всегда были бодрыми. Часто цензура именно эти настроения горожан выдавала за бодрое настроение всей части или крупных соединений.

В официальной пропаганде часто показывали подвиги казаков, их мученическую смерть и т.п. Вопрос деятельности казаков в период Первой мировой войны требует,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Л. 82; Д. 2934. Л. 540.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 79, 88; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 39.

однако, не избирательного, а всеобъемлющего изучения. С одной стороны, отмечается чрезвычайно высокий процент бодрых писем казаков, до 90–95% писем патриотического содержания. С другой стороны, существует немало обвинений и со стороны противника о зверствах самих казаков, чем и были вызваны их расстрелы или даже издевательства («зверства») над ними. Отмечались плохое отношение казаков и к мирным жителям на завоеванной территории, угоны скота, сгоны жителей и т.п. В целом казаки выполняли множество специальных операций – по обеспечению безопасности приармейской полосы, по эвакуации русской армии в 1915 г., несли и полицейские функции. Порой казаки должны были выполнять роль заградотрядов, заставлявших идти в бой солдат, как правило, второочередников[1]. Роль казаков была, таким образом, неоднозначна. Ее можно сравнить с ролью отрядов НКВД в годы Великой Отечественной войны со всеми проявлениями их специфической работы, необходимой для эффективного отправления функций громадного армейского организма. Впрочем, деятельность казацких формирований для несения вспомогательных функций в войне нового типа еще требует глубокого исследования.

Во Франции русские войска имели дополнительные мотивы для достойной службы. Это – сытость, развлечения, свободы, повсеместная образованность. «Я согласился бы служить 10 лет по такой пище, свободе и веселью», – писал солдат матери[2].

§4. Солдат-крестьянин на современной войне

Для анализа трансформации сознания солдат-крестьян на войне необходимо учитывать исходную его точку – так называемый крестьянский менталитет. Последний определяется характером крестьянского труда. Центральным понятием, ощущаемым крестьянами, является чувство локализма – то есть ощущение привязанности к конкретно-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 168, 207, 347; Д. 3845. Л. 35; Ф. 2118. Оп. 1. Д. 681. Д. 103.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. 54об.

му месту рождения, осознание себя в неразрывной связи с природой и даже ландшафтом, и выводимая отсюда сакрализация земли, «малой родины»[1]. Именно эти понятия солдат-крестьянин пытался перенести и на фронт. Семье, хозяйству, малой родине посвящено до 90% так называемых «безразличных», по мнению военной цензуры, писем. Образы земли, родины являются центральными в солдатском фольклоре времени войны: о них он тоскует: «Где ты, пашня, где ты, матушка родна? / Где изба, где милая?»[2] Их он призывает в качестве защиты в войне, верит, что «земля ему мать-отец, война ему зол конец»[3]. Обращает взор на «деревце зеленое и веселое» в случае ранения[4]. За эту же землю и страдает: «Опоили землю-матушку, / Опоили кровью русскою, / Кровью русскою, солдатскою»[5]. Призывает саму землю на войну с войной: «Схорони ту войну-горе, / Работушка, широко поле»[6]. Война рождает «рабочего войны» и хоронит солдата-крестьянина[7].

Вполне с локалистскими представлениями солдаты чаще идентифицировали себя как представители конкретного места, «знакомой страны» – по сравнению с чужой территорией, где им предстояло воевать[8]. Даже в обращении начальства к себе новобранцы продолжали ощущать себя прежде всего представителями своей малой родины, конкретной местности. На слова начальника: «Здорово, конногвардейцы!» – солдаты отказывались его приветствовать, заявляя, что они... «вятские»[9]. И «патриотизм» солдат-крестьян часто ассоциировался с малой родиной, то есть с местом рождения, за судьбу которого они опаса-

---

[1] *Данилова Л.В., Данилова В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XX XIX вв.). М., 1996. С. 22-35.

[2] *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1927. Т. 2. С. 87.

[3] *Федорченко С.З.* Народ на войне. Фронтовые записи. Киев: Издательский подотдел Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза, 1917. С. 99.

[4] *Федорченко С.З.* Народ на войне. М., 1990. С. 24.

[5] *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 263.

[6] *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.: 1990. С. 82.

[7] *Leed E.J.* No Man's Land: Combat & Identity in World War 1. London: Cambridge, 1979. P. 153.

[8] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 12.

[9] ВМВД. 1915. № 23. С. 717.

лись. Один солдат так и пишет в письме: «Я поступил на военную службу на почве патриотической защиты своей дорогой Волыни и Отечества»[1]. Особенно такого рода патриотизм проявлялся солдатами из мест, недалеко отстоявших от линии фронта, из боязни, что «йон» достанет[2]. Осенью 1915 г. солдаты Западного фронта опасались наступления на Киевщину. Весной 1916 г. солдаты советовали женам не бояться засевать поле и не верить тем людям, «которые говорят, что враг придет к вам, мы скоро с ним покончим». В конце 1916 г. среди солдат Юго-Западного фронта циркулировали слухи и опасения за целость и неприкосновенность Юга: Бессарабии, Подолии, Херсонской губернии. Эти опасения объясняли желание солдат остановить и отогнать назад неприятеля. Зимой 1917 г. на том же фронте солдаты опасались наступления на Одессщину. Похоже, солдаты буквально понимали, что они сражаются за место своего рождения, обещали вернуться «на нашу залитую кровью далекую и дорогую родину». В 1917 г. солдаты, ставшие «свободными гражданами», например, Вятской губернии, прямо заявляли: «Зачем я буду воевать, до моей губернии не дойдут, а за польские земли мы воевать не будем» [3].

Иногда солдаты-крестьяне свою службу оправдывали не своим, а родственников на «родине» опасением за родной край. В этом случае крестьянин выполнял уже наказ семьи или являлся защитником именно своей семьи: «Я служу государю и нашей дорогой родине и стою грудью против злого врага за царя и отечество и за наш край родной мы недопустим проклятых немцев, чтобы разоряли нас». Да и в песнях среди защищаемых объектов именно «кров» стоял сразу после царя и перед родиной: «За царя, за кров, за Родину»[4]. И этимологически малая родина, «кровъ», означали именно отчий, родительский дом, где все связаны по крови[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2031. Л. 170об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2031. Л. 188.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16–17; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 20; Д. 3863. Л. 22, 224об., 363, 689.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6, 188, 350; *Симаков В.И.* Новейший песенник «Прапорщик». М., 1916. С. 4.

[5] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Спб., 1912. Т. 2. Стб. 502; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского

Солдат-крестьянин ощущал себя неразрывно с родиной, ландшафтом, не воспринимал себя вообще без природного контекста. В своем фронтовом дневнике солдат-крестьянин Штукатуров, отъезжая из дома на фронт, писал: «Я старался все запомнить, чтобы унести, в своей душе родные поля и дом туда, куда закинет меня война»[1]. В этом проявлялась его, солдата-крестьянина, слитность с домом, хозяйством, семьей, воспринимаемых в природном контексте. Образ своей земли прямо влиял на место солдата-крестьянина в военных действиях. Как юнгеровский «рабочий» глубочайшим образом связан со своим пространством и своим временем[2], так и крестьянин не отделяет себя от своего ландшафта, сопротивляясь его превращению в беллигерентный ландшафт.

Связь солдата-крестьянина с пространством проявлялась в постоянном указывании им в письмах местопребывания своей части, что нарушало военную тайну. Явление это было заметно еще в 1915 г., хотя, по данным цензуры, такие сообщения присутствовали только в 7–8% корреспонденций. Так, солдаты 22-го армейского корпуса подробно сообщали о передвижении частей, даже с приложением кроков, о каких-то вымышленных наступлениях с 15 августа 1915 г. Такие сведения сообщали даже в письмах к военнопленным в Германию или Австрию. При этом солдаты указывали, что начальство не разрешает называть место нахождения, и тут же сообщали это место, адреса с указанием корпуса, дивизии или части[3].

С осени 1915 г. цензура отмечала, что солдаты многих частей «научились писать письма», что писем с сообщениями запретных сведений стало меньше и т.п. Однако вскоре, с прибытием в армию пополнений солдат второй очереди, количество запрещенных сведений резко возросло. Цензоры отмечали «сильное желание точно указать дислокацию», для чего корреспонденты шли на хитрости. В

языка. Т. 2. М., 1955. С. 196; Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; Л.; 1956. Стб. 1673.

[1] Дневник Штукатурова // Указ. соч. С. 134.

[2] *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 122.

[3] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 72об., 73, 157–157об., 159.

ноябре 1915 г. отмечалось «огромное большинство» запрещенных сведений, касавшихся мест стоянок частей, указаний высших соединений, сведений о предполагавшемся высочайшем смотре и т.п. Цензоры полагали, что все эти письма были написаны «без злой воли», «без умысла», «по наивности». В декабре 1915 г. цензура отмечала «весьма великую несдержанность в письмах о местах нахождения расположения и передвижения войск», сообщения о планомерности работы транспортов и др., упоминания названий местностей, где автор принимал участие в боевых действиях, и указания адреса с излишними подробностями[1]. Как правило, подобные письма уничтожались.

Но и в январе 1916 г. цензура вымарывала из писем описания местности и названия пунктов, где располагались части противника. И в начале 1916 г. до 25% писем солдат 2-й армии содержали сведения о расположении и передвижении войск, их сменах, о подготовке позиций, о постройке железных дорог, о прибывающих укомплектованиях, излишние подробности своего адреса, о скором переходе в наступление, указания на номера армий, высших соединений, названия частей. При длительном пребывании на позиции солдаты указывали стоянки, а при передвижениях указывали и маршруты. В результате цензоры были в состоянии в подробностях проследить по письмам солдат передвижения целых корпусов. «Наблюдается упорное желание, несмотря на сознаваемое запрещение, сообщить домой свое местопребывание. Для таких сообщений многие прибегают к различным уловкам, условному языку, условной азбуке, писанию в обратном порядке букв и т.д.», – докладывала цензура Штаба войск Гвардии в мае 1916 г. Для указания мест стоянки прибегали и к таким приемам в сообщениях на родину: «Еще кланяются Вам Барановичи»[2]. Нарушение тайны переписки как пехотинцами, так и кавалеристами отмечалось и далее, весной 1916 г. Именно это стало причиной тотальной про-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 3–3об. 16–17, 23, 43об.–44, 47об., 52, 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 298об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об., 79об., 87об., 105, 105об., 202об. 203, 220; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116об.

верки всех писем офицерами. Но и далее, весной и летом 1916 г., то есть в разгар Брусиловского прорыва, в письмах содержались многочисленные нарушения военной тайны, в некоторых армиях до 25% писем. Особенно возрастало количество цензурных нарушений с перемещениями корпусов, подробно описывались все обстоятельства подготовки и хода наступления. Цензоры жаловались, что их требования до сих пор «непонятны войскам», и «многие, видимо, находят способы известить родных и знакомых о месте своего нахождения»[1].

И осенью 1916 г. цензура отмечала в корреспонденции солдат очень большое число писем с обозначением места стоянки, указанием понесенных потерь и перечислением новых формирований. «По-видимому, пишущие до сих пор не уяснили себе вред, приносимый общему делу разглашением подобных сведений», – делал вывод цензор 7-й армии. В отчете 9-й армии за тот же период указывалось, что солдаты желали поставить в известность своих родных о новом месте нахождения нижних чинов из передвигаемых частей, посылали сообщения обо всех пунктах, через которые они проходят. Отмечая, что эти сообщения делаются «без злого умысла», цензура винила в непонимании вреда этих сообщений военное начальство. Но усилия командования покончить с этой практикой не приводили к результату до последних дней войны. Например, в 6-й армии до 25% авторов писем указывали место стоянки. Солдаты 40-го армейского корпуса в ноябре 1916 г. в 600 из 1350 писем (44%) указывали местонахождение своей части. Но и в декабре 1916 –январе 1917 г. в том же корпусе таких писем было 26,5%. Та же картина была и в других частях. О том, что воинские чины «не отдают себе отчета в преступности подобных сообщений», сообщала цензура 7-й армии[2].

В докладе военно-цензурного отдела войск гвардии от 3 мая 1916 г. сообщалось: «Наблюдается упорное желание,

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 216; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 125, 128, 151, 200, 202об., 262, 263, 283; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 684об.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 216; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 330; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 271, 363, 370об.; Д. 2935. Л. 93; Д. 2937. Л. 77, 106об.–107; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 761, 970.

несмотря на сознаваемое запрещение, сообщить домой свое местопребывание. Для таких сообщений многие прибегают к различным уловкам, условному языку, условной азбуке, писанию в обратном порядке букв и т. д.». В сводках цензуры подчеркивалось, что авторами таких писем в основном являются лица, еще или незнакомые, или малознакомые с правилами военной цензуры – нижние чины маршевых рот при следовании их из тыла. «Не хранили тайну» или проявляли «полное пренебрежение» к ней чины тыловых учреждений, в особенности в частях прибывающих комплектований, чины которых неизменно сообщали о месте и времени прибытия, с указанием частей, в которые они получили назначение. То есть речь шла о наиболее «крестьянском» элементе в армии. Но в строевых частях это явление наблюдалось в значительно меньшем количестве[1]. В цензурных отчетах иногда прямо указывалось, что «этим грешат» исключительно солдаты-крестьяне[2]. Действительно, для солдата-крестьянина очень важно место, в котором он служит. Дело доходит буквально до протоколирования в описании ландшафта: «Посмотришь, как ожило все, но срезает пулемет и земля хороша для хлебопашества, новая изрыта окопами, да снарядами, везде разбиты да сожжены деревни с полуразвалившимися церквями да могилы за могилами». Подробно описывая возводимые в данной местности укрепления, солдаты-крестьяне хотели предупредить своих земляков о возможных оборонительных работах и в их, земляков, местности, заодно жалея и «чужую землю»[3].

Предположение, что именно солдаты-крестьяне в первую очередь давали в письмах указания мест стоянок, вообще запрещенных сведений, вызвал «сомнения» в литературе[4]. Действительно, не только солдаты указывали запрещенные сведения. Офицеры это также делали, по мнению цензоров, для облегчения нахождения родственниками и по их просьбе в надежде разыскать по этим указаниям

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 157, 160, 116об., 171об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 620об., 684об.
[2] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1643. Л. 121.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73, 121; Д. 3856. Л. 157об.
[4] *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 493.

могилу адресата, если он будет убит в бою. Впрочем, кадровые офицеры, составлявшие еще большинство в частях в 1914–1915 гг., не были замечены в нарушении военной тайны, в отличие от офицеров военного времени в 1916–1917 гг. Цензоры полагали, что по этой же причине, в связи с «неусыпными просьбами родных, жен, родителей», сообщали запрещенные сведения и солдаты, во что трудно поверить: сведений о розыске тел погибших солдат во время войны не встречалось. К тому же, как правило, это были военнослужащие, впервые прибывшие на фронт. Логичнее предположить, что цензоры объяснения офицеров по поводу нарушения ими тайны передвижения войск переносили на солдат. Другой причиной сообщений о местах передислокации или стоянке частей являлись просьбы об этом самих родственников, жен, желавших приехать в гости к солдатам. Но не только пехотинцы, но и артиллеристы указывали запрещенные сведения в письмах: сообщения о количестве снарядов и орудий, описание новых снарядов[1].

Если связь со своей родиной солдата-крестьянина чувствовалась на подсознательном уровне, то связь с родными, с семьей он ощущал и выражал вполне сознательно. Исследователи подчеркивают, что «общинная ментальность на доиндустриальной стадии общества определяла менталитет общественного целого. Само сознание было общинным, групповым, причиной чего являлся семейный характер крестьянского производства». Главное в подобных настроениях – локализм и автаркизм[2]. Именно разрыв с этими ценностями крестьянского мира, с деревней, с семьей, даже с уже умершими родителями[3] тяжело переживал крестьянин. Собственно, главное несчастье, которое несла война, и представлялось как отрыв от семьи. Это выражалось не только в письмах, но и в солдатском фольклоре.

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74, 74об., 105об., 111, 157, 289об.

[2] *Данилов Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 22, 26.

[3] Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Москва. 1919. Выпуск I-й. С. 136.

Много горя, много слез
Наделал нам немецкий пес;
От отцов, от матерей –
Угнал бравых сыновей, –

пели солдаты в своих частушках[1].

Тоске по дому, родным посвящено огромное количество солдатских писем за время войны. Согласно подавляющему количеству цензурных отчетов, общий характер всех писем – интимный, семейный. «А ляжешь спать, все думаешь что дома, проснешься, вздохнешь, но надо терпеть», – писал солдат. «Если бы я имел крылья прилететь повидаться с родными хоть на один час тогда не страшна бы смерть», – писал в село другой солдат. «Как вспомнишь о доме, прямо с ума сходишь», – писал солдат в Жмеринку. «Эх, не знаю чего бы я отдал бы, я всю свою жизнь, если бы вырваться к вам, хотя бы на одни сутки увидаться и потом умереть около вас, чем так жить и мучиться», – это из солдатского письма в Ставропольскую губернию[2]. «Любовные» отношения солдата к дому зафиксированы и современниками: «Здесь мне только то и любовь, что на дом похоже. Смотрю, похоже – красиво, а не похоже – да хоть алмазами убери, не надобно»[3]. По мнению цензуры, подавляющая масса писем носила характер интимной переписки, не касающейся текущих событий: «А где это есть, уверенность в себе и в успехе нашей армии высказывается вдвое чаще, чем обратные взгляды». Желание, надежда попасть снова домой усиливали то терпение, которое помогало солдату-крестьянину выстоять в войне. Цензор отмечал: «Как между офицерским составом, так и нижними чинами одно желание –

[1] *Симаков В.И.* Частушки про войну, немцев. Австрийцев, казаков... Пг., 1915. С. 8. См. также варианты этой частушки: Из-за вас из-за подлецов, / Идем от маток и отцов; / Гонят с немцем воевать, / Отец с мамкой гореват» // Там же. С. 13. О тоске по родным см. также: *Федорченко С.З.* Указ. соч. М.: 1990. С. 70; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 134–135, 259.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105, 312; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 39об., 170, 177об., 188об.; Д. 2934. Л. 435; Д. 2937. Л. 431–432об.

[3] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М.: 1990. С. 67; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2об., 44, 58, 79; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6; Дневник Штукатурова... С. 146, 150.

скорее смять, уничтожить противника и зажить тихой семейной жизнью»[1].

Именно непреодолимым желанием перед отправлением на фронт повидаться как бы в последний раз со своей семьей, родными, как выяснялось дознаниями, вызывалось множество побегов из поездов с маршевыми частями, которые проезжали через родные для призывников места. Солдаты спрыгивали с вагонов даже под огнем охраны, не обращая внимания на то, что могли быть убитыми, или покалеченными, или отданными под суд[2]. Иногда были даже побеги из частей на фронт в другие части к родным, которые также попали на фронт. Образ малой родины настолько притягательно действовал на солдат-крестьян[3], что порою это офицеры опасались селить солдат на стоянках в деревнях: «Нельзя солдат-крестьян держать в крестьянских же избах», «солдаты должны забыть, что они крестьяне и все, что им их прошлый быт напоминает, для солдата вредно, а тем более крестьянские рассказы, где три четверти лжи»[4].

Война для солдата-крестьянина – это отрыв от родины–семьи–хозяйства, это пребывание в «чистом поле», без контекста, полная заброшенность. И наоборот, осознавал себя солдат-крестьянин только в кругу семьи, часто – во сне. Особенно ощущалась такая связь в моменты перед атакой. Во многих письмах по этому поводу солдаты просили помолиться за них и прислать им свое родительское благословение. Поддержка населением своих родных на фронте составляла важную часть мотивации борьбы русского солдата. Ответственность перед пославшими односельчанами, перед обществом и образовывало то фронтовое братство, которое, в свою очередь, не позволяло воротиться домой. Были случаи, что отличные, дисциплинированные унтер-офицеры скрывались и уходили добровольно на позиции, разыскивая свои коренные

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 578; Д. 1673. Л. 396об.

[2] Приказания армиям Юго-Западного фронта № 50 от 29 февраля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4393. Л. 131; Ф. 2070. оп. 1. Д. 365. Л. 55–56.

[3] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 67.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2930. Л. 65об.

полки и части, куда они еще новобранцами поступили на службу, и, разыскав таковые, писали в часть, из которой они совершили побег, товарищам восторженные письма, как хорошо и радостно им быть на позициях среди старых товарищей, что со «скучной и однообразной службой в батальоне и сравнивать нельзя». Само фронтовое общество являлось, таким образом, частью крестьянского сообщества, единым братством общины – на фронте и в тылу. Это братство растворяло в себе и личную инициативу, и собственные желания. По представлениям солдат-крестьян, это была служба не лично каждого солдата, не его личный долг, а обязанность всех: «Не только мы с братом Пашей на военной службе, а также отцы наши все и братья защищают веру, Батюшку-царя и отечество». Защита своей семьи представлялась как долг каждого семьянина, ибо «раз желают войны наши родственники, на Родине, то и мы не будем отказываться, будем терпеть до конца». Такое «отлучение от семьи» является лишь необходимостью для всего «мира» и, следовательно, его, «мира», наказом[1]. Эту связь с «миром», с братьями солдаты пытались даже внушить своим родственникам, эмигрантам в Америке: «Что же ты не едешь домой, не стыдно тебе, все братья на войне, а ты там живешь паном, деньгу загребаешь и горя не знаешь и домой ничего не шлешь. Хоть деньгами бы помог пока мы тут за тебя страдаем»[2].

Необходимость воевать за общее, «мирское» дело лишала права и на личное страдание, поскольку «не я один, а все страдают». А от того, что «страдаешь не ты один», становится даже «веселее». Неразличение себя среди других является характерной чертой крестьянского миропонимания. Война как крестьянская повинность санкционировалась «господней», «божией волей», что вписывало и солдата-крестьянина, и самого царя в общий ход фатального

[1] РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 12–12об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 48, 157; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6. 350; Д. 2934. Л. 188об.; Д. 3856. Л. 20; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 883об.; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 69.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257. См. подобное письмо с требованием к супругу вернуться домой, потому что «мы за Вас платим» // Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 204.

кругооборота зависимости, естественного для крестьянского самосознания. Трудно было даже требовать элементарных дисциплинарных мер от конкретного солдата. На это многие солдаты говорили: «Пошто мне служба, як у меня сыны служат»[1]. В подобных рассуждениях, да и во всей аргументации необходимости воевать за семью заключалось, однако, серьезное противоречие с воинской моралью, которая обуславливалась, в сущности, не интересами общества, а семейно-хозяйственными интересами солдата. Как только этот интерес, положение хозяйства или наказ семьи-хозяйства его защищать ослабнут, терялась и центральная мотивация борьбы комбатанта в современной войне.

Неразрывны с мыслями о доме и семье были у солдата и мысли о хозяйстве. Цензура отмечала, что собственно главной темой солдатских писем было хозяйство, а «о войне почти не пишут». Крестьяне писали в армию об урожае и отсутствии рабочих рук и т.п., а солдаты советовали родственникам не продавать скота, расширять посевы и т.п.[2]

Особенно «рвались домой» солдаты в период уборочной страды: «Урожай и время идет горячее и когда вздумаешь про домашнее, то аж слезы из глаз сами катются, и так жалко, что время хорошее, да работать некому». «Интересовались хозяйством» солдаты-крестьяне и осенью 1916 г., делали массовые запросы домашним о положении внутри страны, о продовольственном вопросе, вообще проявляли беспокойство о хозяйстве. Родные всегда писали о хозяйстве солдатам-крестьянам, спрашивали, как обработать землю, выгоднее продать хлеб, «что нам делать с деньгами». Солдаты, приезжая в отпуск, оказывали очень большую помощь в хозяйстве. Некоторые современники считали, что солдаты (сибиряки) чаще говорили о хозяйстве, нежели о боевых делах. Конкретно Галиция мало кого интересовала, поскольку ее было «неудобно пахать»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 273об., 304об.; Д. 2935. Л. 888–889; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 45об.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2, 6, 8; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 79, 154, 246об., 247.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296об., 309об., 360; Д. 905. Л. 14, 23, 28; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 285.

Большую проблему как для солдат, так и для начальства представляли отпуска. В соответствии с крестьянской ментальностью солдаты постоянно стремились домой, к родным. Солдаты чрезвычайно высоко ценили отпуска, делали все для их получения, чтобы «только бы взглянуть, а там бы снова в бой». Цензура постоянно передавала, что желание повидаться со своими родными общее во всех письмах. Их поддерживали из дома: убеждая не сдаваться в плен, домашние просили приехать в отпуск, о чем была масса писем. Требование отпусков совпадало с сезонным циклом, требовавшим осенью, по окончании трудов, встречаться всей семьей. Впервые вал таких требований в письмах обнаружился осенью 1915 г. Отпуска оставались главной темой и в январе 1916 г. Письма с желанием отпусков составляли в некоторых частях 90% по сравнению с 70% писем о дороговизне. Начальство констатировало в конце 1915 г. громадный наплыв телеграмм от жен и родных о необходимости отпусков. Отпуска продолжали быть больным вопросом для офицеров и нижних чинов и в феврале 1916 г. Тогда же стали распространяться слухи об отпуске старых солдат на посевные работы[1].

«Отпуски для войск – это нерв войск и даже временное прекращение отпусков убивает самые светлые надежды, резко отзываясь на общем настроении», – делала заключение военная цензура. Для солдат отпуск означал глоток своего собственного пространства, локуса, который он противопоставлял фронту: «Только бы взглянуть, а там снова в бой». «Провести хотя бы короткое время в прежней обстановке. Поеду домой. Взгляну на родное гнездышко и снова наберусь бодрости. Отпуск, отпуск, отпуск, вот все, что у меня в голове», – писал один из солдат. Некоторые из солдат готовы «вместо Георгия» получить бы отпуск. С другой стороны, одним из самых тяжелых видов наказания был запрет на отпуск[2].

---

[1] РГВИА. . Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 3, 39, 68об., 79, 87об., 296, 308об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114, 212. 305; Д. 2934. Л. 374об.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 153. 196об.

В стремлении поехать в отпуск командование видело проявление патриотизма и с этим согласовывало отправку в отпуска солдат. В сводках цензуры постоянно подчеркивалось благотворное влияние отпусков на настроение солдат: «Стоит только человеку на несколько дней исчезнуть отсюда, как обратно является он совсем иной, как бы перерожденным человеком, чистый, опрятный, а главное, весело смотрит на все окружающее»; «За весьма малыми исключениями отпуски оказывают на нижних чинов огромное освежающее и бодрящее действие»; «Отпуски многих радуют, давая возможность повидаться с родными», – говорилось в цензурных отчетах[1].

Начальство в стремлении в отпуска видело проявление бодрости. В цензурных отчетах так и писали: «Все хорошо, все хотят в отпуска». Для солдат отпуск, кроме отдыха, означал возможность окунуться в семейное хозяйство, решить массу семейных, финансовых и т.п. вопросов. Именно эти вопросы: о своих домашних делах, вопросы о пайках, о семейных нуждах – составляли главный фон переписки при планировании отпусков. Отпуск являлся в этом случае кратковременной заменой мира. В цензурных отчетах писали, что «главная тема писем – дороговизна, мир, отпуск»[2].

Новая волна требований отпусков началась уже летом и особенно осенью 1916 г., что не только совпало с очередным сезонным циклом окончания крестьянских работ, но и с истечением года службы с осени 1915 г., на который, как полагали крестьяне-ополченцы, их призвали на войну. Требования отпусков, сожаления, что очереди длинны, продолжались вплоть до конца 1917 г.[3]

Тоска по родине, деревне иногда заставляла нижних чинов идти на крайние меры, чтобы получить отпуск: «Если не дадут отпуска, все равно и так убегу пускай наказывают и так немец убьет». «Кажется, за отпуск я черт знает что готов натворить», – писал другой солдат. Солдаты

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16–17, 78об., 246, 299; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2832. Л. 308.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16, 22, 23, 41об.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 8об–9; Д. 3863. Л. 196об.

были готовы и, очевидно, убегали в отпуск, самовольно. Многие шли в разведку, чтобы получить в награду отпуск или просили отпуск вместо «Георгия». Командование же, зная важность отпусков для солдат, после отпуска посылало солдат на позицию[1].

Вплоть до осени 1915 г. начальство отказывалось предоставлять отпуска солдатам. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта ген. Н.В. Рузский в марте 1915 г. приказал все письма на родину с просьбами прислать сообщение о болезнях или смерти домашних задерживать. «Нижним чинам необходимо разъяснить, что в военное время никакие отпуска по домашним обстоятельствам не могут быть разрешаемы», – настаивал генерал[2]. Однако с осени 1915 г. командование вынуждено было считаться с тягой крестьян домой. Интересно, что и в самих приказах об отпусках их необходимость формулировалась именно в соответствии с крестьянскими запросами и крестьянской ментальностью. Согласно высочайшему повелению от 5 октября 1915 г., солдаты могли получить отпуск, во-первых, «для устройства домашних дел и свидания с родными». Срок отпуска – не свыше месяца, а для жителей Сибири и Туркестана – до 7 недель. Норма отпуска в частях войск, учреждениях и заведениях – по два человека от списочного состава, в командах выздоравливающих – 50% наличного состава, а в лечебных заведениях – вообще без нормы, то есть для всех желающих им воспользоваться; правда, в период боевых действий – только по усмотрению Главнокомандующего. Вторая причина отпусков – «для участия в полевых работах», что распространяло практику мирного состояния армии до войны в этом вопросе. В этом случае срок отпуска был установлен на 1916 г. в 1 месяц. Норма отпуска – 5% наличного состава частей, команд и учреждений. Срок окончания полевых работ – 20 сентября. Последняя причина отпусков – «для участия в работах по размежеванию селений на хутора».

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39, 39об., 61; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 20, 289об.

[2] Генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич – Генерал-квартирмейстеру 5-й армии 8 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 84–84об.

Эти отпуска были кратковременными, без нормы и только по приглашению комиссий по разделу[1]. В сущности, даже во время великой войны военное руководство не только не ставило под сомнение крестьянского характера армии, но именно с ним согласовывало боевую работу.

Политика отпусков началась, очевидно, с осени 1915 г., после стабилизации фронта, когда 31 октября 1915 г. царь Николай II разрешил отпуска. Согласно телеграмме дежурного генерала Ставки П.К. Кондзеровского, предполагалось отпускать «наиболее достойных нижних чинов по усмотрению командиров отдельных частей на срок не свыше 1 месяца», «с тем чтобы одновременно в отпуску находилось от каждой роты не более четырех человек и от эскадронной сотни, батареи и команды двух человек». Но перед наступлениями отпуска обычно прекращались, что и произошло в конце 1915 г., а затем в марте 1916 г. Иногда прекращение отпусков являлось инициативой конкретных начальников, с неохотой отпускавших бойцов, делая исключения только для унтер-офицеров или стариков. В некоторых частях начальство просто с неохотой отпускало в отпуск. «Чего-то боятся», – объясняли солдаты[2].

Тягой в отпуск на военное начальство, в сущности, оказывалось огромное давление со стороны солдат. Прекращение отпусков моментально создавало напряженность на фронте, что командование ощущало через цензурные отделения. Порою в некоторых частях в отпуск отправляли из-за боязни побегов. Зато после отпуска сразу отправляли на позицию[3].

Солдаты-крестьяне постоянно требовали отпусков, причем ссылались на то, что преимуществом якобы пользуются тыловые солдаты, или что получали отпуска только унтер-офицеры и старослужащие, или что просто они долго, третий год служат. На этой почве на фронте распространялась масса слухов: что все ратники (то есть как раз

---

[1] Приказание армиям Северного фронта № 240 от 10 сентября 1916 г. Печатный экз. // РГВИА Ф. 2031. Оп. 1. Д. 553. Л. 676–677.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Д. 1184. Л. 80; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 138; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 151об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 25.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Д. 1184. Л. 49об., 80; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 289об.

бывшие семейные льготники) поедут в отпуск для уборки урожая, или старослужащие – для ведения полевых работ, или что якобы вышел приказ об отпуске тем, кто на войне больше 1 года[1].

Для того, чтобы обойти запрещение отпуска или его ускорить, солдаты усиленно просили своих родственников вызывать их на похороны близких или по другим, как сказано в одной сводке, «остроумным» причинам. В результате от населения к январю 1916 г. образовался громадный наплыв телеграмм с подобными «известиями». Цензура отмечала, что чуть ли не во всех письмах – советы родным, как сделать приглашение домой. Солдаты были уверены, что отпуск дается не везде одинаково, а потому и несправедливо. Для того чтобы пойти в отпуск, в дело пошел прямой подкуп. Имели место и злоупотребления со стороны фельдфебелей, в руках которых было это дело[2].

Солдаты, естественно, выражали большую радость по поводу разрешения отпусков. В январе 1916 г. в 7-й армии удовлетворение этим высказывали 71% корреспондентов. При этом солдаты выражали опасение по поводу прекращения отпусков. И позже, в октябре 1916 г., такую радость высказывали многие солдаты 10-й армии. И наоборот, запреты на отпуска вызывали всеобщее недовольство. Такие запреты существовали почти до осени 1915 г. Особенное возмущение у солдат вызвало прекращение отпусков в период позиционной войны, отсутствия, как казалось, активных боевых действий. Затем был запрет в августе 1916 г., также вызвавший всеобщее возмущение. При этом солдаты были недовольны тем, что на фронте отпуска запретили, а в тылу они продолжались. Осенью 1916 г. солдаты требовали показать конкретный приказ о прекращении отпусков. А поскольку начальство затруднялось это сделать, получив приказ устно, это привело к напряженности в ряде частей, а также в госпиталях. «Вообще атмосфера стала невыносимая», – докладывал командир Пермской

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1181. Л. 51об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 193; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114, 305; Д. 2934. Л. 345; Д. 2937. Л. 420.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 585, 420об., 424; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 117; Д. 2934. Л. 117, 176.

дружины по этому вопросу. Настроение в войсках принимало тревожный характер, потому что «даже затяжной характер войны не влияет столь подавляюще на дух войск, как прекращение отпусков. «Не ожидая скорого исхода компании, войска живут исключительно надеждой побывать дома, дабы повидаться с родными, и потому прекращение отпусков, даже временное, встречается нервно», – сообщала цензура Особой армии, с чем был вынужден согласиться и ее командарм. С другой стороны, прекращение отпусков вызывало массу толков: говорили, что это признак общего наступления, другие солдаты видели в этом приближение мира. В октябре именно запрещение отпусков стали объяснять желанием начальства держать их в неведении о происходящих беспорядках внутри России. В любом случае прекращение отпусков вызвало резкое усиление «угнетенного настроения» осенью 1916 г. Уже в сентябре, под косвенным давлением солдат, отпуска были вынуждены разрешить. В отпуск стали пускать по 7 человек с роты[1].

Солдаты сталкивались и с массой несправедливостей в распределении отпусков. Чтобы получить отпуска, солдаты шли и на прямой подкуп фельдфебелей, от которых зависел отпуск. Отпуска получали или прямо за деньги (взводному, фельдфебелю), на что обращали внимание даже командующие армиями (командарм 12-й армии ген. Р.Д. Радко-Дмитриев), или за посулы, чаще всего продуктами. Можно было получить отпуск и в 3 месяца... за 100 пудов сала при его цене в 20 руб. Очевидно, с вымогательством унтер-офицерского состава было связано и «исчезновение» в 12-й армии летом 1916 г. бланков на бесплатный проезд по железной дороге, в то время как проезд стоил дорого. Но даже и получив отпуска, солдаты сталкивались с трудностями, общими для России, – дороговизной. Солдаты жаловались, что им приходится ездить в отпуск, платя полностью за проезд, тогда как в мирное время, ездя в отпуск, они оплачивали по литере только четвертую часть стоимости билета. С другой стороны, некоторые солдаты

[1] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 399об.Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 173об., 193, 207; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 160, 262, 289об., 296, 291, 312, . Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 263; Д. 2935. Л. 209, 305–305об., 478об.

не могли себе позволить отпуск из-за дороговизны проезда. Получая проездные билеты по литере «Д», оплачивавшиеся на треть суммы, солдаты все же не могли иногда их оплатить, поскольку получали всего 75 коп. в месяц. Когда же начальство в 12-й армии добилось права бесплатного проезда для солдат по литере «А» (то есть бесплатно), бланков вдруг не стало хватать. Дороговизна билетов (например, из Галиции в Одесскую область – 14 руб., для солдат – 5 руб.) уже не абстрактно задевала солдат и заставляла их думать о проблемах дороговизны в стране в целом. Об успехе же инициативы Радко-Дмитриева пре-доставить право проезда по литере «А» (бесплатно) ничего не известно. Но и в самой дороге солдаты встречались с трудностями, общими для всей России: неустройством транспортных сообщений, в результате чего дорога превращалась в ад – по сравнению с вагонами для офицеров. То же недружелюбие встречали солдаты и в самом отпуске – запрет ездить на трамвае и т.п.[1]

В целом тяга солдат-крестьян домой, вызывалась ли она их ностальгией, или реальной необходимостью работ в крестьянском хозяйстве, или желанием разобраться в накопившихся семейных проблемах, в годы войны превратилась в проблему боеспособности армии. Именно с проблемы отпусков и началось разложение армии, поскольку это проходило, по сравнению с дезертирством, легально. Солдаты, главным образом крестьяне, все чаще бывали в отпусках, что и создавало впечатление наплыва солдат в тылу. Особенно этот процесс стал активным с начала 1917 г. Со времени же революции именно по линии отпусков солдаты-крестьяне усиленно добивались для себя «прав». В результате в ряде армий комитеты приняли решения отправлять в отпуска по 100 человек с каждого пехотного полка[2], вообще старослужащих на полевые работы и т. п.

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 265; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 277–277об., 413, 420об., 424, 585; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52, 256об.; Д. 905. Л. 23, 28; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 114об., 810–810об.; Д. 3863. Л. 157об., 256об., 271.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 14, 44, 246, 247, 309об., 584; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 585; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 248; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 285.

Для характеристики умонастроений солдат-крестьян на войне необходимо учитывать характер крестьянского труда, который сказывался в их восприятии труда ратного. Ратный труд воспринимался как непосредственно труд земледельческий, с некоторыми только особенностями:

Пашню пашем мы в глухую ночь
Не сохой – штыками, бомбами,
Не цепом молотим – пулями
По немецким по головушкам.

Так же, как посев, характеризуется и работа солдат на далекой чужбине:

Отец на далеких Карпатах
Засеял немало земли...
И севом богатым в карпатскую землю
Солдатские песни легли.
Костями да громом, да гневом безмерным
Засеял и кровью полил.
И в час свой предсмертный о вас вспоминая,
Он с верой в посев свой почил.

Солдат-крестьянин и физически еще не оторвался от крестьянского труда. Например, солдаты кололи штыком снизу, как снопы убирают, а не вперед с выпадом. Солдаты и на фронте продолжали чувствовать себя крестьянами и в свободное время иногда помогали жителям в полевых работах, чем были «очень довольны, – сообщали цензоры. – В общем, нижние чины сроднились с обстановкой войны настолько, что интересуются путем переписки не только военными вопросами, но даже делятся такими впечатлениями, каково состояние посевов и травы в месте расположения войсковых частей». «У нас вокруг хлеба и травы хороши а картошки – и говорить нечего. Как у Вас, опиши. Слава Богу лошадям корм есть», – писал с фронта один из солдат[1].

Ряд элементов ратного труда характеризовался как проявления труда крестьянского, особенное место в котором занимала косьба, наиболее напряженное время

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 220; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 135; Л., 1927. Т. 2. С. 34, 201.

сельскохозяйственного трудового цикла. «...Сообщите дорогие родители окончили ли вы жатву, а у нас еще не начиналась, как пойдем в Германию, тогда начнем жать и увидит немецкая колбаса какая могучая русская коса», – писал солдат-крестьянин на родину. Ему вторил другой солдат: «У нас уже давно началась самая тяжелая косовица: все время идут жестокие бои». Другой солдат сообщал на родину о своей «крестьянской работе» на фронте: «Приведите пожалуйста хлеб в порядок, потому что на нас не надейтесь, теперь мы не приедем к уборке хлеба. Подскочила своя жатва. По всему фронту началось наше наступление и ужасный бой». Даже представления об окончательной победе соответствовали понятиям крестьян об успешной уборочной кампании. Так, один солдат писал в свою самарскую деревню: «Я радуюсь, что убрались с хлебом, а мы со своим врагом еще не убрались, а наверно скоро уберем его к месту где он проклятый жил раньше»[1].

Необходимым условием ратного труда являлся, в глазах солдат-крестьян, его сезонный характер. Особенное место уделялось весне, времени сева, что в ратном труде соответствовало, да, в сущности, и совпадало по времени в прошлых войнах с началом военных кампаний. Вполне в соответствии с начинавшимися «мечтаниями» у крестьян весной, в марте–апреле[2], резко повышалось настроение у солдат. Приближение весны и ожидание начала кампании отражалось во многих письмах, «причем вера в успех большей частью сопутствует авторам», – отмечали цензоры. Весной надо идти в наступление: «Будет, постояли зиму, теперь пришла пора как крестьянину летом страда», – были уверены солдаты. Весной отмечалось вдруг серьезное, деловое отношение к текущим событиям: «Живется неплохо, стало подсыхать. Как подсохнет хорошенько, дадим проклятому немцу, турок уже разбили, будет это и немцу». Цензоры

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 220; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 111об.; Д. 2935. Л. 206, 560об., 656.

[2] *Энгельгардт А.И.* Из деревни. 12 писем 1872–1887. М.: Мысль, 1987. С. 55.

констатировали удовлетворение по поводу наступления тепла, что совпадало и с удовлетворением прекрасными качествами артиллерии и изобилием снарядов, снаряжения, пополнением и т.п. Весенние ожидания часто не соответствовали реальной подготовке наступления, зато вполне отвечали чувствам солдат-крестьян, навеянных пробуждением природы и началом весенних полевых работ. Так, ожидания близкого наступления распространились среди солдат в Галиции уже в марте 1916 г., хотя именно в этой местности имел место разлив рек и озер. Но солдаты все равно полагали, что «скоро пойдем в наступление и погоним дерзкого врага», что враг ослаб, понес большие потери на французском фронте и т.п. В то же время вполне в соответствии с представлением о цикличности времени солдаты-крестьяне считали наступление весной залогом успешного окончания войны именно осенью: «Весна дает победу, а осень – мир, весной и умереть не жалко»[1].

Особенные ожидания успешности боев были весной 1916 года. Солдаты-крестьяне, большинство которых было взято на фронт впервые осенью 1915 г. – зимой 1916 г., были просто уверены, что предстоящее наступление – это и есть их главное дело на фронте: совершить наступление, которое обязательно означало и разгром врага, и возвращение домой, сократив таким образом до минимума свой разрыв с семьей и хозяйством. Цензоры констатировали взлет бодрого настроения и уверенности в окончательной победе над врагом. Исчез страх перед силой врага, имевший место летом и осенью 1915 г. Доходило до того, что солдаты сами напрашивались на работу, отказывались ехать в отпуска, не желая пропустить момент наступления. Весеннее улучшение настроения войск было зафиксировано и в следующем, 1917 г. Как и весной 1916 г., оно было связано с ожидавшимся всеобщим, вместе с союзниками, наступлением, время которого солдаты не знали, но были уверены, что осенью будет мир. Во многих частях усиление бодрости и уверенности в победе пришлось непосредственно на нача-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 70, 75–75об., 92; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 105, 127, 138, 160об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 458.

ло Февральской революции. Так, в сводке по 11-й армии было приведено почти 50 выдержек с выражением «бодрого» настроения. Согласно цензору, «большинство ждет окончательной развязки в течение этого года». Цензор в отчете по Особой армии называл настроение армии в феврале 1917 г. «более чем хорошим». Солдаты считали, что с наступлением весны, наверное, начнутся ожесточенные бои, «и если Бог даст, изничтожим и сломим гордость наших врагов». Надо полагать, что именно подобные настроения дали надежду военному руководству сохранить боеспособность даже перед лицом революционных событий, что и обеспечило поддержку им новой власти. В этих ожиданиях мира или скорого наступления весной и окончания войны осенью, то есть совпадений значимых для ратного труда, как и для крестьянского труда, событий с сезонными изменениями, проявлялись и ощущение цикличности времени, и предметность, конкретность восприятия событий крестьянами, и представления о размеренности, упорядоченности ратного труда наподобие крестьянского, где трудные переходы увенчивают генеральное сражение, означающее конец военной кампании. Особенный акцент делался на наступлении в начале лета, что соответствовало в сознании солдат-крестьян началу удачной посевной кампании, обеспечивающей успех сельскохозяйственного цикла. «Не может быть, чтобы к началу лета мы не нанесли решительного поражения врагу, которое решило бы дальнейший ход событий», – писали солдаты[1].

Сами же боевые летние действия оценивались не иначе, как «страда»: «На нас не надейтесь, теперь мы не приедем к уборке, подскочила своя жатва. По всему фронту началось наше наступление и ужасный бой». Время наступления описывалось в восторженном духе, тем более что оно совпадало с характером крестьянского труда, с его интенсивностью именно летом. На фронте это проявлялось в трудных переходах, часто в питании – большей частью сухарями, порою без горячей пищи, только «чтобы идти вперед и громить врага», «когда жизнь бьет ключом». Цензура характеризовала летом настроение солдат как

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 134. 151; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 28об., 58–61, 94–101 об., 111; Д. 2935. Л. 65. Д. 3863. Л. 283, 330, 375.

«великолепное», а сами солдаты воспринимали жизнь как «хотя и опасную, но веселую», подчеркивая «какую-то дикую радость у всех, что враг сломлен и бежит»[1].

Восприятие летних кампаний как сельскохозяйственной страды делало солдат-крестьян выносливыми даже перед лицом отступления. Летом 1915 г., несмотря на поражение от Германии, в русской армии фактически не наблюдалось ни гнетущего впечатления, ни какого-либо уныния. Забыли солдаты и толки о мире[2]. Очевидно, именно настроения солдат-крестьян не учитывались оппозиционной общественностью летом 1915 г. в ее борьбе с властью, поскольку она полагала, что армия в результате отступления также проявит недовольство. Власти же, точно зная по цензурным сводкам о «бодром» настроении солдат, несмотря на поражение, могли занять непримиримую позицию по отношению к своим политическим оппонентам.

Особенно ярко проявилось понимание ратного труда как сезонного в ожидании мира именно осенью, в период завершения сельскохозяйственных работ, увенчивающего цикл крестьянского трудового года. «В сентябре будут сильные бои, а потом мир» – это часто встречавшиеся уверения солдат-крестьян[3]. Именно эти соображения и лежали в основе солдатских слухов, столь, казалось бы, нелепых и абсурдных для регистрировавшей их военной цензуры[4].

Сезонность формировала и общие представления о ритме ратного труда. Этот труд не представлял непрерывного цикла, а разбивался на эпизоды усиленной «работы» после продолжительной подготовки, как правило зимой, и «дел», то есть конкретных боев, стычек и т.п. Такая работа, то есть совпадавшая, как правило, с периодом самого напряженного труда крестьян летом, особенно на его исходе, даже если ее было много, сопровождалась настроением

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 131об., 132об., 137об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 111об.; Д. 2935. Л. 49, 357.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 4, 71об.–72; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 281.

[3] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 117, 193; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 22об; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 31.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 368об.; Д. 3856. Л. 54.

«у всех чудесным, бодрым». Этот ратно-трудовой порыв оправдывал то время зимой, когда «отдыхали»[1].

Важным элементом крестьянского миросозерцания является полезность. По-крестьянски, с точки зрения полезности, оценивалась сама необходимость воевать: если бои шли в болотистой местности, то возникал вопрос: зачем же воевать? Полезность составляла важную часть крестьянской мотивации борьбы. Солдаты-крестьяне часто объясняли причину войны как необходимость приобретения земли у противника: разбить «ненавистного тевтона», чтобы «прикупить земли» у них самих, а также у немецких колонистов и иностранных подданных, хотя и высказывали опасения: а не заберут ли ее генералы. Особенно характерна земельная подкладка в «патриотизме» казаков, для которых сама служба ассоциировалась с земельным наделом[2].

Близким понятию полезности, составной частью «патриотизма» солдат-крестьян, являлся в их глазах и «вещный» характер войны, что и проявилось в довольно широко распространенной практике мародерства, как по отношению к противнику, так и к местному населению в приграничных областях[3]. В литературе это называется правом на «военную добычу», которое на деле проявлялось как в добывании «трофеев» в виде оружия, снаряжения и т.п., так и в присвоении невоенного имущества после атаки в окопах противника, а также и в прямом мародерстве – ограблении убитых и грабеже жителей оккупированных территорий. Существует и определенное объяснение, если не оправдание, такой практики. Л.А. Китаев-Смык считает азарт захвата добычи и даже мародерство трансформацией боевого азарта, а в целом имеет «глубинные психосоциальные подсознательные механизмы»[4]. Следует, однако, отметить постоянное ограничение права на военную добычу в войнах, особенно при современном ее характере. Если в ранних войнах человечества добыча и была, в сущности, единственной причиной войны, то при вхождении в совре-

[1] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1868. Ч. 1. Л. 56.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 35, 364; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 362об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 131.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 298об.

[4] *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009. С. 526.

менное общество главным в войнах является не территория, не добыча, а навязывание определенного культурного проекта. Русский фронт периода Первой мировой войны представлял в значительном объеме такие формы «военной добычи», которые, возможно, превосходили даже примеры из давно прошедших войн.

Первая волна борьбы за «военную добычу» имела место в ходе наступления русской армии в Восточной Пруссии в начале войны в августе 1914 г. Авторы писем передавали с мест боев: «Все кругом здесь разграблено и разрушено казаками и нашей храброй пехотой, которая в деле грабежа оказалась способной сделать многое и проявить инициативу». Наблюдались сцены мародерства – как из эпохи наполеоновского похода в Россию в 1812 г. Грабежу подверглась масса домов, продавали мягкую мебель, экипажи, кареты, пригоняли на продажу массу скота. Солдаты и казаки продавали рогатый скот, взятый в рамках реквизиции. Разграблено были множество магазинов, имущество из которых в больших размерах отправлялось офицерами на места своих постоянных стоянок. Но все же большая часть добычи в Восточной Пруссии, как правило, переходила в собственность самой армии, то есть, в сущности, государства. Подвергались конфискации многочисленная техника, инструменты сельскохозяйственного производства из имений, покинутых владельцами[1].

Куда более широко мародерство было распространено при вступлении русских войск в Галицию. Здесь борьба за добычу сразу приняла характер массового грабежа, порою разбоя, насилия в отношении жителей «освобожденных» мест. Имели место и акты вандализма, битье посуды, зеркал, мебели, что было характерно для крестьянских бунтов в ходе раздела имений в годы революции 1905 гг. По существу, начальство отдавало на разграбление целые города. Автор одного из писем писал в октябре 1914 г. о том, что за 22 дня стояния госпиталя в Рудках «от города осталось только одно название... Все лучшие магазины, рестораны, богатые частные дома – все это сожжено и разграблено». Особенно усердствовали казаки: «Это действительно ка-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 15, 26, 27, 136, 141. 295. 401.

кие то вандалы», – пишет автор письма. – «Грабят офицеры, солдаты, священники... Грабят, к нашему стыду, и врачи». Автор письма утверждал, что разгрому, не столько от артиллерийского огня, сколько от поджогов и грабежей, были подвержены все города в Галиции, кроме Львова, Тарнополя и Яворова. Впрочем, мародерство соседствовало и с массовым разгромом имений бежавших галицийских панов своими же крестьянами. Так что порою мародерство русских солдат здесь совпадало с актами «социальной справедливости» местного населения[1].

В октябре и ноябре 1914 г. начался повальный грабеж польских губерний. Авторы писем сообщали, что солдаты весь город растащили и забрали себе все, что только может пригодиться им: «Весь город исходили вдоль и поперек. Все до одного дома обшарили. Из комодов, шкафов, сундуков все выброшено, валяется на полу, земле, а то просто в грязи. Масса ценного совершенно расхищено... зеркала в домах побиты, мебель стильная, красного дерева – сломана, посуда, побита...» В отдельных случаях даже возникали стычки между казаками, грабившими фольварки, и войсками, стоявшими там на постое. Порою в мародерствах принимали участие и санитары. О том, что начальство отдавало на разграбление целые местечки, утверждается и в другом письме: «Одним словом, тот день весьма напоминает взятие татарами малого Китежа». В письмах конца 1914 г. утверждалось, что начала стираться грань между солдатами воюющей армии и ордой скифов и дикарей, в чем авторы писем видели, однако, проявление веселости и бодрости. Солдаты одевались в награбленные вещи, при подъезде к деревням, «как по команде», начинали грабить живность у крестьян, разыскивать спрятанные вещи, которые тут же начинали делить, обменивать, продавать. Во время этих эксцессов доходило до убийства собственников, включая помещиков. Одновременно отдавались приказы стрелять по мародерам. Авторы писем делали вывод, что в результате массового мародерства армия значительно ухудшилась в моральном отношении по сравнению со временем боевых действий[2].

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 113. *М.Н.Ляховъ.* По Галіціи, три года назад. Казань, 1917. Б.м.; Ляхов Ю.Б., 2002. С. 17.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 23, 46, 49, 320, 350, 557.

Во время ноябрьских боев некоторые части русской армии вновь вошли на территорию Восточной Пруссии. Это привело к новой волне мародерства. Авторы писем сообщали, что «все увлекаются от мала до велика мародерством: тащат из Германии не только то, что нужно для армии, фураж и скот, но и мебель, музыкальные инструменты, словом, все, что ни попало». Корреспонденты также отмечали развращающее влияние мародерства на армию. Автор одного письма подчеркивал резкое увлечение мародерством во время второго похода в Восточную Пруссию, сопровождавшегося усилением антинемецких настроений. «В городах, в усадьбах – богатых и бедных, в деревнях – всюду одна и та же картина: все в развалинах, все разграблено и разрушено...», – отмечал корреспондент. Увлечение мародерством было особенно велико среди тыловых частей, как правило, комплектовавшихся в основном «крестьянским» элементом. Особенное усердие в мародерстве подчеркивали у казаков, а также у сибирских войск. В этом проявлялось представление этих групп солдат о «полезности», «выгодности» ратного труда по аналогии с этими же качествами труда сельскохозяйственного. Волна мародерства в 1914 г. имела место и на Кавказском фронте. Корреспонденты обвиняли в этом обычно армян, которые грабят турецкие города, а также и грузин, которые «являются первыми грабителями и мародерами: в их вещах при осмотре мне приходилось встречать женское белье, юбки, граммофонные пластинки», – писал автор письма[1].

Вторая волна борьбы за добычу имела место в ходе «Великого отступления» лета 1915 г. Это происходило в ходе «реквизиций» сначала уполномоченными на то специальными командами, а затем и просто отставшими командами пехотинцев, фуражиров, санитаров, починочных мастерских и т.п. Мародерство, дезертирство периода «Великого отступления» носило не только массовый характер, но и «законный», к тому же направленный против собственных граждан. Тем самым солдаты-крестьяне перешли черту от мотивации борьбы в виде добычи против

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 54, 88об., 105, 115, 188; Д. 561. Л. 144.

внешнего противника к мотивации борьбы в виде добычи-реквизиции против «внутреннего врага». Если первая мотивация ослабевала, то вторая впервые была апробирована и впоследствии только усиливалась.

Следующая, наиболее массовая борьба за добычу именно в отношении имущества противника имела место в ходе Брусиловского прорыва. Один солдат писал односельчанам села Дракули о результатах ожесточенной атаки на противника: «У нас был адский огонь все ровно как суд Божий так нас неприятель засыпал огнем, но мы все таки выгнали его из окопов и много добра набрали». Добыча, захваченная в окопах, считалась богатой: «Чего тут только не было трудно перечислить и куртки и шинели и котелки и, ножи вилки и каски», – сообщал другой солдат. Особенно ценные вещи находили в офицерских окопах. Кавалерист Кабардинского конного полка сообщал, как он, чтобы «помянуть товарищей», набирал в окопах противника коньяк, ром, спирт. Один корреспондент высказывался по поводу расхищения имущества убитых: «В этом грехе виновны все». Имело место также и банальное мародерство, то есть ограбление убитых на поле боя. Свидетели сообщали, что у убитых «оказались расстегнуты шинели, выворочены карманы... кто-то уже побывал около них». Особенно часто снимали с убитых сапоги, а также забирали белье под предлогом его нехватки в русской армии. В этом случае не разбирали, кому принадлежат вещи: своим или чужим убитым. В мародерстве, краже одежды с убитых на поле боя, широко участвовало и местное население. Занимались этим и санитары[1].

И опять, как и ранее, наиболее активными в мародерстве были казаки. Жители Черновиц, Снятыни и Коломыи были свидетелями грабежей квартир, магазинов и «вообще ужасных сцен вплоть до убивания мирных жителей нашими казаками». Казаки полностью отбирали имущество у пленных, в частности – австрийцев, чем возбуждали недовольство местного населения в Галиции. В захвате военной добычи, особенно при погромах, участвовали и офицеры, используя для этого повозки с денщиками, которые тут

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 116, 274, 432–432об., 543об.; Д. 2935. Л. 204, 699об.; Д. 3863. Л. 4; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 368. Л. 2–3, 6–61.

же отправлялись в российские города. Этим занимались в основном опытные, старые офицеры: у них были и опыт, и возможности, и мотивация – это были, как правило, семейные люди. Вслед за ними и солдаты начинали мародерствовать, набирать, так как считали, что «мир скоро». Вообще, для некоторых бойцов занятие мародерством составляло важную мотивацию их желания воевать: «Он себе карман набил, белья прикопил, баб в каждой деревне ласкает, Георгия за рану имеет... Таким байстрюкам счастье... почти и не люди, а как сумасшедшие», – говорили о таких сослуживцы. Большую активность в грабеже местного населения проявляли и бывшие земские стражники, которым было поручено наведение порядка на захваченных территориях. Порою их действия вызывали отпор военной полиции, вплоть до ареста и отправки их на позицию[1].

Мародерство, грабежи, насилия, даже зверства солдат русской армии если не превосходили, то не уступали подобным действиям противника. Офицеры на такие поступки мало обращали внимание, заявляя: «Что я поделаю, посмотрите на их рожи». «А рожи у православных воинов – арестантские. Глядишь и не знаешь, кто раньше тебя штыком пырнет, свой брат или австриец», – писал в письме офицер, свидетель этих событий. Впрочем, как сообщали, и командование казаков не дремало: нагружали австрийское добро на казацкие подводы и отсылали поглубже в тыл на продажу лавочникам. Порою и начальство на уровне ротных командиров отдавало приказы о реквизиции постельного имущества у местных хозяев-евреев, чем вызывало цепную реакцию у солдат, «реквизировавших» имущество у остального населения без их согласия. Санкционирование же командирами продовольственного обеспечения или фуража за счет местных жителей вообще не считалось ни преступлением, ни проступком[2].

Продолжением «вещного характера» войны в качестве мотивации борьбы являлось и широко практиковавшееся

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 385об., 433; Д. 2935. Л. 66, 298об.; *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 1931. С. 53–56; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М.: «Советский писатель», 1990. С. 80.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 364об., 385об.; Д. 2935. Л. 298об., 466.

воровство, «проматывание» вещей, обмундирования среди солдат, стремившихся хоть как-то нажиться на казенный счет и таким образом реализовать свои представления о полезности на этой войне. Солдаты из тыловых частей нередко посылали на родину предметы казенного обмундирования. В последние месяцы активных действий на фронте осенью 1916 г. солдаты занимались хозяйственной деятельностью: продавали вещи местным жителям, разбирали и также продавали оборудование с оставленных предприятий, даже рыли картошку в зоне боевых действий для перепродажи местным жителям. Особенно широко воровство практиковалось в частях, обслуживавших фронт продовольствием, фуражом, то есть нестроевым, наиболее «крестьянским» элементом. Некоторые корреспонденты указывали на чуть ли не повальное разворовывание казенного имущества солдатами[1].

Характер «добычи» имели для солдат и награды в качестве дополнительной мотивации к участию в военных действиях. Постоянно отмечалась заинтересованность, даже «страсть» к награждениям после операций. «Значительный интерес» к наградам отмечался не только со стороны солдат, но еще больше – со стороны офицеров. Действительно, награды представляли существенную прибавку в солдатском продовольственном и вещевом обеспечении. Например, солдат Штукатуров, постоянно приводящийся в литературе как пример солдата мировой войны с «монархическими иллюзиями», имел, кроме выдаваемых 75 коп. в месяц на солдата, 89 коп. на табак, а также 4,50 руб. за медаль. В его дневнике содержатся постоянные указания на возможность прикупать дополнительное питание, что, естественно, облегчало его существование на фронте[2].

Важным аспектом ментальности солдат-крестьян были их представления о важности и значении иерархии начальства. Это вполне отвечало крестьянской ментальности об упорядоченности мироздания, всей его деятель-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 587; Д. 2937. Л. 75; Д. 3863. Л. 47; Дневник Штукатурова... С. 144.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 116; Дневник Штукатурова... С. 153.

ности. Иерархия еще и создает иллюзию безопасности, освобождает от ответственности. Главным в воинской иерархии являлись отношения между солдатами и офицерами. Они претендовали на постоянность и всеобъемлемость. От солдата требовалось непосредственное доверие к лицам, стоящим выше их в этой иерархии, полная им преданность. От офицера же ожидалось исполнение своих функций путем постоянного угадывания запросов солдат, вмешательства в их повседневные дела и, естественно, руководства в бою. Это достигалось, с одной стороны, неизменностью иерархического состава офицерства, а с другой стороны – постоянным с ним, офицером, начальником, контактом, его досягаемостью. Последние качества – досягаемость, способность конкретно и постоянно контактировать, ощущать источник стабильности, ясности – являются важной чертой крестьянского миросозерцания в ряду полезности, естественности, ощущения упорядоченности своего мира.

В течение всей войны было немало свидетельств преданности основной массы солдат своим офицерам. По мнению цензуры, такая «беспредельная преданность» своим офицерам служила «источником непреодолимого желания решительнее поразить врага и вдохновляла их к совершению новых подвигов». Для солдат был важен непосредственный контакт с начальством. Поэтому большое удовлетворение вызывало у нижних чинов посещение их окопов и землянок лицами высшего комсостава. Особенно много чувств, от благоговейных до восторженных, вызывали у солдат непосредственные посещения войск царем и другими членами царской фамилии. Так, «сильное впечатление» произвела раздача Георгием Михайловичем раненым, лежащим в постели, георгиевских крестов летом 1915 г. «Полный восторг в каждом письме» фиксировала цензура от посещения позиции царем со своим наследником: «Дома до смерти бы прожили и не увидели его никогда». Царь представлялся как глава семьи, смотрящий на «своих детей военных». Это давало силу «проливать кровь свою». Для солдата-крестьянина было естественным, что Царь призывает на войну и он ее оканчивает: «Вот нем-

ца разобьем и от царя услышим святое слово и вернемся домой». Царь имеет право посылать на войну, так как он «дал нам землю и кормимся мы с ней, значит и должны царю батюшке послужить верой и правдой». Для солдата военная служба царю являлась видом «казенной подати», повинности подданного. Солдат-крестьянин шел на войну не по велению сердца, а чтобы «царю послужить», что в его глазах было равносильно «послужить родине». Но и незримый контакт с начальством, особенно с любимыми вождями, также важен был для солдат-крестьян. Многие из них в письмах посылали 10–15 коп., чтобы поставили свечу и отслужили молебен о здравии и долголетии Верховного Главнокомандующего Николая Николаевича[1].

В иерархических связях между солдатами и офицерами ценилось все то, что было важно для крестьянина: определенность обязанностей службы и ее обеспечение, постоянное поддержание дисциплины и порядка через строгость и заботу, которые должен был демонстрировать командир, ограждение солдат от обирания со стороны полковых артельщиков и каптенармусов. Командиры, обеспечивавшие привычную для солдата-крестьянина систему определенности, назывались «родителями», «отцами родными», по типу глав семейств, которые проявляли постоянную «любовь» и «заботу» о членах крестьянской семьи в виде постоянной заботы о солдатах, вообще «делали что могут». Войсковая иерархия во главе с царем гарантировала определенность, естественность, упорядоченность ратного труда, что было столь привычно для крестьян в их земледельческом труде. Такое состояние определенности давало спокойствие, силу для участия в боевых действиях: «Мы теперь спокойны за все, что он нас обует, он нас накормит, а потом с Богом и новым отцом двинемся на наших врагов», – писал солдат 200-го пехотного Кронштадтского полка о полковом командире. Важным было также и проявление «доблести» со стороны офицеров, что усиливало

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 46; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 23, 78об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 128; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73об., 187об., 248; Д. 1673. Л. 357об., 542; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 361. Царская армия... С. 18, 20; *Симаков В. И.* Указ. соч. С. 9.

полковое братство, в основе которого стояла связка по иерархическо-традиционалистскому типу[1].

Доверие, преданность начальству, офицерам солдаты, по сообщениям цензуры, испытывали в течение всей войны, вплоть до февраля 1917 г. Это значительно расходится с версией в литературе о чуть ли не тотальной ненависти солдат к офицерам. Так, в январе 1916 г. между офицерским составом и солдатами фиксировалась «прочная спайка, основанная на взаимном доверии», хотя и отмечались «единичные выпады». И далее цензура отмечала по письмам солдат «разумное применение» молодыми офицерами своих знаний и власти по отношению к нижним чинам – солдатам. Летом 1916 г., во время боев на Юго-Западном фронте, отмечалось, что солдаты живут с офицерами, «как с родными братьями», и подчиняются им, несмотря на то, что у некоторых «молоко на губах не обсохло». В августе солдаты так характеризовали начальство: «доброе, справедливое, зря не обижают, требуют только службу строго, во все нужды солдатские входят». И далее, осенью 1916 г., сохранялось полное доверие солдат к начальству. И непосредственно перед Февральской революцией, по сведениям цензуры, отзывы солдат об офицерах были «хорошие, добрые, сердечные». Иерархия, чувство защищенности солдата проявлялось в том, что, по мнению начальства, русский солдат вообще не мог пойти без офицера в атаку, да и во время обороны был беспомощен. «Наш солдат – это золото, если только офицер близок к нему», – отмечал начальник штаба 1-й армии ген. Я.И. Одишелидзе[2].

Крестьянский характер армии в современной войне проявляется в отношении солдат-крестьян к технике, основной силе индустриальной войны. Массой солдат-крестьян вполне ощущался, несмотря на относительное привыкание, необычный, технический, производственный характер войны. Особенно на молодых солдат про-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об., 230, 256, 230 Л. 256.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 283об., 444.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 82, 87об., 263об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 10об.; Д. 2935. Л. 620об.; Д. 3863. Л. 143об., 331; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 123.

изводили впечатление «сильный гул, треск, трясение земли и молний». Им невыносимо было терпеть «страшный германский огонь», «когда нельзя голову высунуть»[1]. Механический характер войны приобретал порою зловеще мифологические формы, рождал образы почти былинного характера из времен иноземного гнета, ярма, под которое попал и весь народ, и отдельный человек:

Не на тот ли мертвый на голос
Псы железные залаяли –
В чистом поле над окопами
Медные коршуны заграяли...
Стонет пахарь, плачет лапотник,
Кличет–кажет черну ворону:
Ты лети-кось, птаха вольная,
Во родиму милу сторону,
Ты шепни-кось старой матушке
Во святое утешеньице,
Уж как милостями взысканы
Мы на царском попеченьице.
Резвы ноженьки изрезаны,
Крепки рученьки закованы.
На победной на головушке
Ясны оченьки поклеваны, –

пелось в солдатской песне.

«Товарищи, – писали солдаты в Петроградский совет в 1917 г., – мы уже не в силе стоять против такой механической и машинной бойни, мы уже потеряли свое здоровье, испортили нашу кровь, во сне снится, что летит снаряд или аэроплан, или вскакиваешь, кричишь. Вот, товарищи, эту кровавую войну называют театром». Лишь у немногих солдат производственный характер войны вызывал почти гумилевское отношение, когда «слух наполнен этими громовыми раскатами снарядов, красивой какофонией звуков беспрерывно строчащего пулемета и свистящих пуль». У подавляющего же числа солдат эти картины вызывали чувство смертельного ужаса. Порою только от артиллерийского обстрела сходили с ума или испытывали

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 298об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 28.

панический ужас, «едва заслышат тяжелые орудия». Чаще всего военные действия сравнивали с адом, где «смерть кругом», со страшным судом. Война без видимого врага и ведущаяся, как казалось, без всякого участия солдата, утрачивала в его глазах естественный характер, что было столь непривычно для крестьянина, ценящего как раз зримый, тактильный, открытый характер труда, включая его инструментарий, цели и смысл. Здесь же техника войны представала как абсолютно враждебный человеку инструмент. Солдатам не нравились «песни», которыми поют винтовки, пулеметы и батареи[1].

Известная вражда пехоты к артиллеристам в годы Первой мировой войны не в последнюю очередь питалась неприятием самой артиллерии. Неприятие индустриальной войны выражалось и в том, что нет ни одного свидетельства о поэтизации орудий: ружей, пуль – как это было в армиях западных стран[2] или в Советской армии в годы Великой Отечественной войны[3]. Наоборот, орудия войны воспринимались как посланцы чужого, злобного, машинно-производственного мира:

У германца на заводе
Льется пуля про меня, –

говорилось в солдатской песне.

Производственное, индустриальное происхождение орудий индустриальной войны обеспечивает их точность, неизбежность попадания:

Полетит германска пуля
Прямо в белу грудь мою;
Прилетит снаряд германский,
Будет некуда бежать, –

пели в солдатских песнях.

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 412об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 147об., 182, 224об.; Д. 3863. Л. 94, 186; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 70; Л., 1927. Т. 2. С. 93, 184, 202–203, 244; Солдатские письма 1917 г. Сборник. М.; Л., 1927. С. 135.

[2] *Osborne E.B.* (Ed). The Muse in Arms. L., 1917. P. 109–111, 267–268; *Leed E.J.* Op. cit. P. 150.

[3] *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 42–45.

Отсюда мифологизация боевых действий, попытки «заговорить» пулю, распространение молитв с целью заговорить огнестрельное оружие[1].

Но особенно враждебно относились солдаты к аэропланам, «воздушным птицам». Неприемлемым в глазах солдат-крестьян было само присутствие в небе самолетов – и потому, что «воздушные налеты – это что-то ужасное, неизбежное ни для кого зло», и потому, что из-за них «солнышку не видно». Судя по отзывам солдат, в появлении аэропланов было нечто большее, чем признание превосходства противника в воздухе. Преобладали характеристики аэропланов как почти «бесовских» творений: «Такая пакостная птица, чтобы она издохла; эту птицу, должно, черт выплодил на нашу голову». Как правило, появление, а тем более атака вражеских или даже снижение своих самолетов в район русских войск наводило панический ужас на солдат, передававшийся и на командиров, приказывавших открыть огонь по воздушным аппаратам. Ужас охватывал даже образованных людей из «общественников»[2].

Неприятие солдатами полетов самолетов доходило до обстрела солдатами даже своих самолетов под предлогом того, что это чужие. Сначала военные власти полагали, что это какая-то ошибка, тем более что самолеты русской армии летали на высоте 500 метров, а вражеские – 1500. Однако разъяснения войскам не привели к результату. В конце концов начальству пришлось вообще запретить стрелять по чужим самолетам. Но обстрелы вражеских самолетов и аэростатов, а главное – своих, продолжались. Так, во время перелета Брест-Литовск – Львов русский аэростат «Кондор» вновь был обстрелян своими у г. Холм вблизи казарм пехотного полка. Пули попадали в гондолу и оболочку, принеся 5 пробоин в верхней части аппарата. Это вызвало новые приказы начальства о необходимости прекращения стрельбы по самолетам с воздуха. Особенно активно такую стрельбу вели вновь прибывающие на

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 258; Костромская деревня в первое время войны. Кострома. 1916. С. 111, 117; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 203.

[2] *Фурманов Дм.* Дневник (1914–1915–1916). М.: Московский рабочий, 1929. С. 140–141.

фронт маршевые роты. После падения аэроплана в результате его обстрела в сентябре 1914 г. (самолет получил больше 100 пробоин) главнокомандующий армиями войсками Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов потребовал ознакомить запасные батальоны и маршевые роты с правилами стрельбы по аэропланам. Однако стрельба по своим самолетам и дирижаблям не только не прекратилась, но распространилась на весь русский фронт. В сентябре в районе 1-й армии был открыт огонь из винтовок и пулеметов сразу по четырем своим аэропланам, снижавшимся в расположение русских войск. В результате некоторые летчики были убиты и тяжело ранены. Огонь не прекращался даже и после того, как аэропланы, частично подбитые, приземлились. В результате был издано распоряжение Начальника штаба Верховного Главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевича, в котором он подтвердил «строжайшее запрещение открывать огонь по аэропланам низко летающим, значит нашим, или снижающимся к войскам». Но обстрелы своих самолетов продолжались и весной 1915 г. Начальство Юго-Западного фронта полагало, что причиной этого явления были «недостаточно строгие взыскания, налагаемые на виновников столь недопустимой небрежности», и в новом приказе по армиям от 12 марта 1915 г. подтвердило положение «строжайшей ответственности, налагаемой на войсковые части, допускающие стрельбу по своим аэропланам». Обстрелы продолжались, однако, еще и весной 1916 г., когда в одной из армий спустилось 2 аппарата, причем даже после спуска пехота продолжала стрельбу по ним из пулеметов и ружей. Не прекращались такие обстрелы и осенью 1916 г., впрочем, на этот раз били по своим самолетам артиллерийские батареи, несмотря на то, что летчики звонили, выбрасывали белые платки, бумагу и т.п.[1]

Именно солдаты-крестьяне постоянно подчеркивали свое неприятие техники врага в случае применения им запрещенных видов вооружений: огнеметов, разрывных, стеклянных, хрустальных пуль. Впрочем, по всей види-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 25, 70; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 440. Л. 156; Д. 2897. Л. 13, 16. 45–46, 159; Д. 2899. Л. 164–165. Д. 2937. Л. 141; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 37.

мости, для солдат все современные виды военной техники воспринимались как «варварские», нечеловеческие и в этом смысле запрещенные. Но и к собственной технике солдаты относились пренебрежительно: постоянно теряли винтовки, плохо обращались с противогазами. Например, солдаты 497-го пехотного Белецкого полка теряли их, били бутылочки с раствором для смачивания, били очки, держали маски сухими. Старший врач полка, разбиравший случай массового отравления солдат газами, делал такое заключение: «Они (солдаты) знают назначение масок и значение их, но не чувствуют этого "нутром"». Не ценили солдаты и средств защиты. Если им удавалось после атаки обнаружить немецкие каски, то их тут же выбрасывали, сняв с них орел и шпиц[1].

Крестьянский менталитет большинства солдат-пехотинцев определил и их непростые отношения с представителями других родов войск. Особенно сложно развивались отношения с артиллеристами, как представителями технического рода войск. О конфликте артиллерии с пехотой заговорили уже в начале войны. Пехоту обвиняли в том, что «она не понимает, чего хочет», в то время как «артиллерия действует идеально». Недовольны были пехотинцы артиллеристами и в период тяжелых октябрьских боев 1914 г. Огромное недовольство действиями (вернее, бездействием) артиллерии проявляла пехота в период «великого отступления» лета 1915 г. Это же определило большое внимание к последующим действиям артиллерии, от которой ожидали большей активности, обеспеченности снарядами и т.п. Это было причиной удовлетворенности обилием снарядов, которое, как казалось пехотинцам, было достигнуто уже весной 1916 г.[2]

С другой стороны, артиллеристы являлись самой активной стороной, желавшей начала весеннего наступления, по сведениям цензуры, они очень часто выражали желание скорее идти на позицию из резерва, где «очень наскучило». Именно от артиллеристов и исходило множество писем восхищения отличным действием артиллерии.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 248, 252. 274; Д. 3863. Л. 134.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 28; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 127.

Хотя определенное ободряющее действие обеспеченность артиллерии снарядами производила и на самих солдат-пехотинцев. Во время летне-осенних боев от артиллеристов неизменно приходили восторженные, радостные письма. Солдаты-пехотинцы еще осенью 1916 г. продолжали связывать возможные успехи с действиями артиллерии и вообще с другими техническими усовершенствованиями: «Чего только у нас теперь нет. И пулеметы, и бомбометы, и минометы, как начнем палить, так немец не знает, куда деваться». Некоторые солдаты уверяли, что «наша артиллерия лучше австрийской»[1].

Однако разница между настроением пехотинцев и артиллеристов продолжала ощущаться постоянно. Артиллерийские части неизменно выступали за войну – в отличие от «мирных» настроений пехоты. Цензура подчеркивала, что в артиллерии всегда хорошо, настроение бодрое, а в пехоте, как правило, все плохо, настроение угнетенное. Но особенно прямая рознь между пехотинцами и артиллеристами обнаружилась позднее, в 1917 г. Солдат-пехотинцев теперь возмущало постоянное стремление артиллеристов наступать, что приводило, естественно, к обстрелу со стороны противника. Возмущали и действия артиллерии по обстрелу противника в периоды затишья, чем нарушались мирные настроения среди солдат-пехотинцев. Особенно расстраивали обстрелы пехотинцев в период братания. В этих случаях дело доходило иногда до прямых столкновений между пехотинцами и артиллеристами, обстрелов прислуги, противодействие пристрелке и тому подобные, почти каждодневные «недоразумения»[2].

Существовали различия в отношении к войне у солдат-крестьян, в основном пехотинцев, к представителям и других видов войск, в основном технических: к пулеметчикам, бомбометчикам, саперам, авиаторам, а также пластунам и разведчикам, у которых было «настроение спокойное»

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 102, 138, 151, 202об., 230, 230, 252об., 255об., 289, 291об., 296, 299, 307, 422об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 658; Д. 2937. Л. 422об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 662, 663об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 288об., 595 об., 612., 614, 646, 693–693 об., 716, 727об., 157–157об.; Ф. 2067. Оп. 1. 2931. Л. 229–229об.

и «полная уверенность в себе». Среди солдат считалось особым почетом и признаком молодецкой удали быть в командах разведчиков, пулеметчиков, бомбометчиков. Здесь соединялось и владение техническими средствами вооружений, как правило, элитность команд, относительная безопасность, но также в большей мере соответствие принятым ожиданиям характера военных действий: предметность, полезность, часто видимость врага, ощущение конкретного результата своих действий и т.п. С другой стороны, здесь поддерживался постоянный контингент, то есть налицо был старый принцип полкового братства. Действовали и другие принципы крестьянского менталитета: видимость врага, возможность (из-за наличия транспорта) воспользоваться добычей[1].

Крестьянский менталитет проявлялся и в грамотности солдат: чем грамотнее и развитее были бойцы, следовательно, чем менее сказывалось крестьянская принадлежность, тем бодрее было настроение. В этом случае сказывалось и подбадривающее влияние газет, устной пропаганды. И наоборот, чем малограмотнее солдат, тем уже был его умственный кругозор, тем в большей мере проявлялось угнетенное настроение. Это же отличало в целом письма офицеров, которые были сдержаннее и реже выходили за пределы чисто личных тем[2].

Цензура постоянно отмечала резкую разницу между строевыми нижними чинами, как правило, прошедшими армейскую выучку, более развитыми, и нестроевыми – малограмотными запасниками, с куда более укорененной крестьянской позицией. Если у первых в подавляющей массе было настроение бодрое, полная вера в конечный успех, то главное количество писем унылого содержания почти целиком принадлежало нестроевым нижним чинам тыловых учреждений и объяснялось «домашними обстоятельствами», тоской по семье и хозяйству и т.п., то есть всем комплексом крестьянских настроений солдата на войне нового типа. Еще более угнетенным было

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 56об.; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об.; Д. 905. Л. 55об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 229–229 об.; Д. 3845. Л. 150об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1 Д. 904. Л. 82, 90, 97.

настроение в письмах пожилых солдат[1], в целом более «крестьянски» настроенных.

Специфическим, характерным именно для крестьянской ментальности был и образ врага в России. Сложившийся на протяжении нескольких веков, этот образ был достаточно традиционен. Противник представлялся, как правило, в качестве азиата, мусульманина. Не случайно поэтому и про немцев в начале войны пели: «Вы, германцы-азиаты, из-за вас идем в солдаты...», или: «Уж вы немцы-азиаты...» И других противников сравнивали с привычными азиатскими врагами. Например, по мнению военного священника, мадьяры дрались «как самураи». Враг традиционно противопоставлялся по вере – как нехристианский. Этот образ также в начале войны переносили на немцев: «Эх, германец некрещеный» или: «Некрещеный ты германец...» Именно принадлежность немцев к «бусурманам» объясняла в глазах солдат-крестьян их особенную жестокость, применение «нехристианских» методов борьбы: огнеметов и т.п.[2]

Враг рассматривался, в сущности, как чужак, война с которым оправдана, так как он «вздумал воевать» «всю Россию велику», «понаделал много пушек и хотел нас запугать», потому что вообще является нарушителем крестьянского мира, посягнувшим на его основные ценности: «оторвал от маток и отцов», «у баб мужей, у девок – дролей воевать с собой увел». Разрыв с миром был одним из сильных мотивов ненависти к противнику, о чем солдаты писали на родину: «Ходили, кололи, рубили и толкли конями врага, который нас оторвал от родных и близких»[3]. В таком представлении о враге не было личной ненависти. На него были просто обижены, что их, солдат-крестьян, оторвали от привычного образа жизни.

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68, 90, 160.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 563об.; *Симаков В.И.* Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 60 (Кострома), 80, 105 (Калуга), 230; *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 111. ВВМД. 1915. № 23. С. 718.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 259; Д. 2935. Л. 230. *Смирнов В.* Указ. соч. С. 111; Костромская деревня в первое время войны. Кострома. 1916. С. 14–15, 112; *Симаков В.И.* Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 105.

Традиционные представления о враге оказались востребованными только на Кавказском фронте против традиционного врага – турок. В письмах с этого фронта отмечается в целом «бодрое» настроение солдат, которым, по их словам, хорошо живется в Турции: «Если бы не горы, то мы бы всю Турцию завоевали. С турком воевать, что с хорошей барышней танцевать». Устраивало солдат и проявлявшееся в первое время нежелание турок вообще воевать. Общавшиеся с турецкими военными русские солдаты заключали: «С ними уже лучше воевать, нежели с немцами...» Как «азиатская война» рассматривались солдатами и военные действия против курдов, когда по приказу корпусного командира закалывали десятки захваченных пленных и даже гражданских лиц и младенцев «в люле». Практически отсутствие позиционной войны, если не считать разделенность горами, частые стычки лицом к лицу, зверства с обеих сторон, мародерство добавляли представлений о войне на Кавказе как войне традиционного типа. Очевидно, что эти представления о противнике, сам традиционный способ военных действий способствовали малому революционизированию Кавказского фронта во время революции 1917 г. Солдаты-крестьяне, таким образом, спокойно реагировали на характер военных действий в этом регионе, не расходившийся с представлениями о противнике и самой войне.

Но особенно ярко крестьянские представления о войне проявились в феномене братаний на Русском фронте. Под новый, 1915 год мир облетела сенсационная новость: на Западном фронте Великой войны началось стихийное перемирие и братание солдат враждующих британской, французской и германской армий. А уже через неделю вождь русских большевиков Ленин с эйфорией заявил о братании на фронте как начале «превращения мировой войны в гражданскую войну»[1]. Между этим известием о Рождественском перемирии и неосуществленными грезами об освобождении человечества через мировую революцию лежали братания на Восточном фронте. Если о первых стало известно буквально в последние годы, а известий о

[1] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 26. С. 126, 129.

превращении братания в мировую революцию большевикам так и не суждено было дождаться, то о братаниях на Восточном фронте вообще мало что известно, хотя именно о них сохранилось больше всего материалов и сами они сыграли важную роль в моральном кризисе на Русском фронте, а также в судьбе неудавшейся мировой революции.

В советской историографии вопрос о братаниях в русской армии ставился как проблема «революционизирования» и «большевизации русской и других армий», в западной историографии – как проблема использования братания в вопросе войны и мира на завершающем этапе мирового военного конфликта. А в постсоветской историографии – или как проблема морального состояния русской армии непосредственно перед Февральской революцией, или как исключительно подрывная деятельность немецкого командования в 1917 г.[1] В настоящей главе предлагается рассмотреть феномен братания с точки зрения проявления в нем крестьянской ментальности. Это даст ответ и на вопрос: было ли братание характерно для царской армии или только для периода революции 1917 г.?

В братаниях Первой мировой войны было немало общего. Это вызывалось у бойцов враждующих сторон ощущением единения перед лицом бесчеловечной индустриальной войны. Кроме того, необходимо было убирать территорию (фактически являвшейся общей) от раненых и трупов, заготавливать хворост и продукты, косить траву на фураж, собирать фрукты на «ничейной земле»[2]. Для этого достигались договоренности об ограничении огня, не бросать гранаты в окопы и т.п. Такие случаи имели место в русской армии уже в августе 1914 г. на Юго-Западном фронте. В связи с этим верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич обращал внимание коман-

---

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 37; *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 годы: Статьи, документы. М., 1999. С. 51–76; *Бахурин Ю.А.* О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 167–168; *Ferro M.* Russia: Fraternization and Revolution // Meetings in No Man's Land: Christmas 1914 and Fraternization in the Great War. L., 2007. P. 212–233.

[2] *Leed E.* Op. cit. P. 208.

дармов, что «заключение перемирий по просьбе наших противников может быть допускаемо лишь в случаях, когда это вполне отвечает нашим интересам»[1].

Однако в декабре 1914 г. на Северо-Западном фронте были отмечены случаи уже настоящего братания солдат 249-го пехотного Дунайского и 235-го пехотного Белебеевского полков. Инициаторами здесь выступали солдаты германской армии. В телеграмме командующего 1-й армией генерала А.И. Литвинова командующим корпусами говорилось об «обманном способе, под видом приглашения к себе в гости и угощения», захвате в плен «поверивших им на слово и легковерно соблазнившихся людей, ставших таким образом изменниками родине». Командарм приказал не допускать «подобное хождение в гости» как очевидное «предательство и измену присяге», «принять все меры к устранению возможности каких-либо сношений с немцами». Одновременно был издан приказ по 1-й армии, в котором выражалось намерение немедленно (заочно) судить офицера, поручика С.С. Свидерского-Малярчука, оказавшегося среди «невольных перебежчиков». (Сам поручик Свидерский-Малярчук полагал весь этот инцидент досадной «оплошностью»; узнав, что в России его считают изменником, добровольно сдавшимся в плен, он неоднократно пытался бежать, чтобы оправдаться). В качестве дисциплинарных мер предписывалось также открывать по участникам братания огонь, «а равно расстреливать и тех, кто вздумает верить таким подвохам и будет выходить для разговоров с нашими врагами»[2].

Случай рождественского братания в декабре 1914 г. на том же фронте оказался не единственным. Так, 20 солдат, 4 унтер-офицера и 1 ефрейтор 301-го пехотного Бобруйского полка 76-й пехотной дивизии «отлучились по легкомыслию» в расположение немцев. Командованию стало известно и о других «печальных инцидентах» братания в декабре 1914 г.[3]

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 172; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 969. Л. 8аоб.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 1. Л. 46.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–14, 308; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 160–160об., 168.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 157об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. 160–160об.

Имели место случаи братаний и на Пасху 1915 г. Они заключались в выходе из окопов, свидании с противником («германцем»), «христосованием», взаимным угощением папиросами, сигарами. Одно из братаний, в котором участвовали и офицеры, закончилось соревнованием хоров с обеих сторон и общими плясками под немецкую гитару. Весной 1915 г. из цензурных отчетов стало известно, что на передовых позициях после пасхальных праздников начался систематический обмен между солдатами русской армии и армиями противника хлебом, коньяком, водкой, шоколадом и сигарами. В связи с этим дежурный генерал Ставки генерал П.К. Кондзеровский сообщал командующим фронтами, что «впредь за допущение такого общения нижних чинов с неприятелем строжайшая ответственность должна ложиться на ротных командиров и командиров полков»[1].

Братания имели место и летом 1915 г. на русско-австрийском фронте. А с осени 1915 г., с началом позиционной войны, братания происходили уже во многих пехотных частях. Продолжались они и на Рождество в декабре 1915 г. Так, согласно сведениям, поступившим начальнику штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генералу М.Д. Бонч-Бруевичу, на некоторых участках фронта установились «дружеские отношения» с частями противника. Такие отношения были, например, в 55-м пехотном Сибирском полку на Западной Двине, на форте Франц, где стрелки 4-го батальона условились с германцами «жить в дружбе», без предупреждения никогда не тревожить друг друга, не стрелять и не брать пленных. Стрелки полка ходили не на разведку, а «в гости», и не ночью, а днем. От выходивших к ним навстречу немцев солдаты получали папиросы, коньяк, приносили германские «гостинцы» врачам полка. В этих «сношениях с неприятелем» участвовали унтер-офицеры и даже офицеры полка; о них знали командир батальона и, по всей видимости, командир полка. Принцип «не тронь меня, и я тебя не трону» установился во многих полках на рижском участке фронта, что, вероятно, стало продолжением рождественских братаний[2].

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 111, 112, 113, 116, 117об.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 169–170; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 35; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 969. Л. 8а.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 122.

Начавшееся следствие выявило массу подробностей повседневной жизни солдат на форте Франц, оказавшемся в сложном, взаимозависимом позиционном положении (как и застава противника), что и создало условия для тесных взаимоотношений двух частей. Они заключались в договоренности о прекращении огня сначала на момент смены частей, а потом и вообще на длительное время. Соглашения с противником распространились и на ведение разведки, когда с целью «бескровного захвата» «языка» стороны договорились просто обмениваться военнопленными, выделяя специальных переговорщиков из числа пленных. Эти договоренности существовали еще с начала позиционной войны при нахождении на позиции другого, 53-го Сибирского стрелкового полка, который и передал установившиеся связи с противником заступившим на позиции с 10 декабря 1915 г. подразделениям 55-го Сибирского стрелкового полка. Несмотря на попытки временно командующего полком подполковника Мандрыки прекратить «сношения с неприятелем», в дни Рождества и Нового, 1916-го года продолжались контакты с обеих сторон, обмен спиртным и т.п. Исполняющий должность генерала для поручений при главном начальнике снабжений армий Северного фронта, расследовавший «сношения с неприятелем» на форте Франц, объяснял их «небрежным исполнением службы начальствующими лицами в полку». Эти братания, вероятно, сыграли свою роль в мае 1916 г., когда при захвате форта немцами в плен сдалось свыше 70-ти русских солдат. При этом начальство 14-й Сибирской стрелковой дивизии поздно донесло о факте сдачи форта с таким большим количеством пленных, за что получило выговор от командира 7-го Сибирского стрелкового корпуса генерала Р.Д. Радко-Дмитриева[1].

О широком развитии отношений с противником на Русском фронте говорят и вспыхнувшие на Пасху 1916 г. (совпавшую с этим праздником у противника – 10 апреля) братания, в которых участвовали уже десятки полков, артиллерийских батарей и железнодорожных батальонов Северного и Юго-Западного фронтов. Среди них

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. Л. 160–162об., 169–170, 247, 248, 249.

были 16-й стрелковый императора Александра III, 41-й пехотный Селенгинский, 114-й пехотный Новоторжский, 143-й пехотный Дорогобужский, 239-й пехотный Константиноградский, 277-й пехотный Переяславский, 321-й пехотный Окский, 403-й пехотный Вольский, 479-й пехотный Кадниковский, 482-й пехотный Жиздринский, 500-й пехотный Ингульский, 45-й Сибирский стрелковый полки, 4-й Сибирский железнодорожный батальон, 44-я батарея 28-й артиллерийской бригады. О массовости братаний на Юго-Западном фронте «как общем правиле» говорилось и в отношении начальника штаба Главковерха – ген. М.В. Алексеева[1].

Братания являлись откровенным нарушением воинских обязанностей, дисциплинарного устава, а широкие контакты с противником вообще подпадали под Воинский устав о наказаниях, влекли уголовную ответственность. Взаимные христосования, веселье и игры происходили с приглашением в гости противника в свои окопы. Иногда это сопровождалось съемкой укреплений, что являлось нарушением элементарных инструкций, учитывая сложный допуск на позиции даже корреспондентов русских газет, а также представителей союзников на Русский фронт. Встречи противников сопровождались алкогольным угощением, уводом в плен «гостями» «хозяев», очевидно, по предварительному сговору. Особенно возмутило русское главное командование, лично Главковерха Николая II (со слов начальника его штаба генерала М.В. Алексеева) участие офицеров в этих «сношениях с неприятелем»[2].

Однако реакция на эти братания была мягкая, что следовало и из единственной ст. 244 Воинского устава о наказаниях, по которой за «переписку или иные сношения с неприятелем без злого умысла» устанавливалось... разжа-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8014. Л. 471–471об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 8; Д. 1183. Л. 85. 167, 170–174; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Ч. 1. Л. 165–165об., 173; Д. 2934. Л. 66; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 935; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 683–683об., 720, 757–757об.; Д. 2934. Л. 51, 53, 81–82, 163, 167; Д. 3856. Л. 50–51, 60, 60об., 68, 77об., 60, 68, 77об., 166; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 576. Л. 27, 32. *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 75; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 38.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8014. Л. 471–471об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 79; Д. 2946. Ч. 1. Л. 165–165об., 163, 179–180об., 184–185об.

лование в рядовые. Правда, уже осенью 1914 г. эта статья предусматривала за подобные сношения с противником наказание в виде исправительных арестантских отделений на срок от трех до шести лет, а при сообщении военных секретов противнику каторжные работы на срок от четырх до двадцати лет[1]. Однако в реальности дел о братаниях до Февраля вообще не возбуждалось. В письме начальника штаба Главковерха ген. М.В. Алексеева начальнику штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. В.Н. Клембовскому говорилось, что «государю императору было крайне неприятно выслушать бывшие уже ранее подобные факты». Вообще все дело братания представлялось как «неуместное и предосудительное» изъявление к противнику «братских» чувств, учитывая его, противника, плохое отношение к русским пленным[2].

Несколько иначе объяснял «мягкость» по отношению к братающимся главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А.Н. Куропаткин в июне 1916 г. Их возникновение он приписывал революционной пропаганде, а также полякам, мобилизованным в русскую армию: дескать, те поддались пропаганде немцев, призывам вернуться в свои дома на занятую германской армией территорию Польши. Он не докладывал в Ставку ни о революционной пропаганде на фронте, ни о братании на Пасху, «чтобы не тревожить государя в дни великих решений». Куропаткин предполагал, что ожидавшееся буквально через несколько недель наступление и победа сметут «всю вредную накипь, образовавшуюся от сидения в окопах и общения с Ригой и Петроградом». Также ввиду праздника Пасхи решил не начинать дела против участников братаний начальник штаба главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Н.Н. Сиверс. Хотя и признавал, что «тесное общение» с немцами вредно влияет на дух войск, облегчает противнику разведку, способствует дезертирству, во-

[1] Воинский устав о наказаниях. СПб., 1899. С. 95; Воинский устав о наказаниях. Составил Д.Ф. Огнев. Петроград: Березовский В., 1915. С. 311; Свод военных постановлений 1869 года. Часть шестая (издание четвертое). Исправлены и дополнены согласно приказам по военному ведомству по 1-е июня 1916года. Пг.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1916. С. 80.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946, ч. 1. Л. 165–165об.

обще является с точки зрения уголовного закона недопустимым и преступным»[1]. Впрочем, не все военачальники были согласны терпеть братания. На 3-й день Пасхи командующий 12-й армией ген. Р.Д. Радко-Дмитриев отдал приказ открывать артиллерийский огонь по группам братающихся[2].

Но и после пасхальных братаний на ряде участков фронта мирные отношения с немцами продолжались. Так, в одном солдатском письме с Юго-Западного фронта сообщалось: «Между немцами и нами установилась традиция не стрелять, ходим совершенно по открытому месту. Сегодня даже наши солдаты сходились вместе и снова мирно разошлись». Из другого письма очевидно, что солдаты (на том же фронте) ждали мира со дня на день: «Раз боев нет, стало быть, идут мирные переговоры, а стало быть, и скоро мир». Солдаты сообщали в письмах о «хождении в гости» к противнику, обмене спиртным. Согласно данным Цензурного отделения штаба главнокомандующего армиями Западного фронта, в начале мая во 2-й армии, в ряде корпусов, для уборки трупов убитых происходили перемирия, которые стали перерастать в братания (в 36-м армейском корпусе). В отдельных частях переговоры с противником происходили и летом[3].

Осенью 1916 г. братания продолжались. На некоторых участках Юго-Западного фронта повседневным стало взаимное приветствие солдат русской и австро-венгерской армий, что добавляло размышлений о бессмысленности продолжения войны. Цензура Юго-Западного фронта продолжала находить в письмах солдат такие фразы: «Живем с немцами душа в душу, переговоры ведем». На Рождество начальство уже не в состоянии было пресечь этот процесс, сопровождавшийся широким распространением мирных настроений, чему способствовала и немецкая пропаганда. Так, перед частями 48-го Сибирского стрелкового полка немцы, по словам русских солдат, «покушались загладывать в гости и к себе звали», ежедневно выкидывали белый

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 9; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 576. Л. 32.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 37.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 196, 197; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 32об., 33, 66, 79, 81, 82; Д. 2935. Л. 250.

флаг, плакаты («блокаты») и прокламации, чтобы русские согласились на мир. Единственным ответом военного командования на такие действия было усиление артиллерийского обстрела позиций противника[1].

В Пасхальную неделю 1917 г. – со 2 по 8 апреля – братания приняли невиданно широкий размах, особенно на Юго-Западном фронте. В них участвовали уже свыше сотни полков. Братания продолжались также в мае–июне и далее вплоть до осени, главным образом на Юго-Западном фронте. После Корниловского мятежа с сентября вновь начались братания. Особенно они усилились после Октябрьского переворота и продолжались вплоть до заключения Брестского мира[2].

Братания, происходившие на Восточном фронте Первой мировой войны, значительно отличались от братаний на Западном фронте. В его основе были укоренившиеся представления о значимости православных праздников в социальных отношениях среди крестьян: так, во время Пасхи в русских деревнях богатые старались поддержать бедных, дарили пасху, куличи и т.п. То же происходило и между солдатами, когда те, «размягченные» приливом религиозных чувств, порою плача, раздавали свой хлеб бедным своим товарищам для разговления, а затем и противнику. Во время братания непременно происходило взаимное угощение. Но со стороны русских солдат это больше походило на народное гуляние, даже бражничество, когда представители сельского схода обходили все дворы, чтобы сделать праздник всеобщим. Так, в деревне не допускались «голодные разговины»: в этом случае богатые родственники, сельчане приносили на праздничный стол бедным односельчанам продукты. Так же и русские солдаты приходящим австрийцам давали «подарки», угощали хлебом

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 10; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 350, 838; Д. 2937. Л. 379; Д. 3863. Л. 3, 150об., 151, 188об., 222, 284об., 307об., 308; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1563. Л. 689об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 82об.; Д. 3863. Л. 251об.–252, 436об., 525–528, 577об., 584, 587об., 590, 592об., 595об., 597об., 608об., 612, 613, 661об., 662, 673об.–674, 693. 698, 727, 757; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции: Брестский мир. М., 1992. С. 42–45, 64; *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 273–275, 679.

и даже несли в австрийские окопы пасху, яйца, сало, колбасу, хлеб («а то у них черный хлеб»), «конфекты»[1].

Вообще, для крестьянского менталитета характерно неприятие долгого соперничества с врагом, например соседом, стремление скорее пойти на мировую, даже простить его. Это является одним из условий крестьянской жизни в миру, на земле, что видно из особого отношения к соседям, знакомым в предпасхальные недели. Братания, происходившие в основном на Юго-Западном фронте, с солдатами австро-венгерской армии, в значительном количестве славянами и частью православными, представляли собой смесь религиозного прозрения со всепрощением, проявлением не то что «идентификации с противником», а порою любви и жалости к нему, с рукопожатиями и слезами и «целованиями от радости»[2].

Подобное братание описано в письме солдата 41-го пехотного Селенгинского полка: «На первый день Пасхи когда мы уже разговелись одохнули немного у нас все тихо ни одного выстрела стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага и он тоже начал махать и стали звать друг друга к себе в гости и так что мы сошлись по маленко с австрийцами на средину между проволочное заграждение без никакого оружия и начали христосоваться а некоторые австрийцы были православны то целовались с нами и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга в мести плясали как настоящие товарищи а потом разошлись и должна быть наша история в писана в газетах»[3].

Солдаты в своих письмах домой постоянно подчеркивали именно замирение, усмирение, примирение с врагом, что и было условием «Великодня». Впрочем, иногда солдаты подчеркивали, что братанием противник «просил миру у нас». Само празднование представлялось

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 51об., 62, 66, 68, 253об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 81; *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 342; *Максимов С.В.* Крестная сила. Нечистая сила. М., 1998. С. 104–105.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 584; Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии.). СПб., 1993. С. 273; *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 126–129.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 60об.

как общее гуляние, единение всех и взаимное прощение. Праздник как бы был неполным, если в нем не участвовал неприятель. Праздник начинался среди своих, но заканчивался обязательно среди чужих. О том, «как провели праздник», сообщали солдаты-крестьяне родным, в свои села, как бы делая и своих односельчан участниками братания-примирения[1].

Еще один крестьянский обычай, нашедший свое применение в пасхальных братаниях, – обычай побратимства, уходивший своими корнями в древность. Во время этого праздника проявлялась способность выйти из боя с миром, после того как обе стороны проявили храбрость и исключительные воинские качества, превратить соперника в названого брата. Во время подобных праздников обменивались подарками. Такие обычаи еще оставались среди донских казаков, которые могли брататься и с чужаками, пришедшими из других мест. Сами обряды побратимства совершались в некоторых деревнях во второй день Пасхи. Такое побратимство сопровождалось поклонами, целованием, угощением, совместной трапезой. Обычай побратимства, нечастый в начале XX в. в России, был, однако, еще живуч именно среди западных славян, основного контингента армии Австро-Венгерской империи. Элементы побратимства нашли свое воплощение и в братаниях на фронте. В письмах описывалось, как «кинулись враги приятели друг к другу в объятия», что «весь день было дружелюбное дело», подчеркивалось «дружество», «полная дружба», обещания «больше не воевать», подача «братской руки» и т.п.[2]

В ходе братаний русские солдаты-крестьяне пытались восполнить потерю «полезности» войны и вернуть ей «вещный» характер, что так важно для крестьянского менталитета. Сказывалась и нехватка определенных продуктов в армиях, стремление пополнить их за счет неприятеля. Русские приносили на братание хлеб, мыло, табак.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Ч. 1. Л. 171–171об., 173, 179–180об.; Д. 3856. Л. 62; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 935.

[2] *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 73, 75, 82, 84–85, 89–90; *Она же.* Мир русской деревни. С. 139, 141–142; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 177; Д. 2946, ч. 1. Л. 184об.; Д. 3856. Л. 50, 51об., 60–60об.

Немцы и австрийцы – губные гармошки, сигары, перочинные ножи, электрические фонарики и т.п.[1]

Непременной частью крестьянского проведения Пасхи являлись горячительные напитки. Они помогали вывести праздник на уровень формального прощения противника, намерения уладить с ним конфликт. Это впервые широко проявилось в дни Пасхи 1916 г. Как только русские солдаты получали пасхальные продукты, они после христосования устремлялись к противнику, где в обмен получали алкоголь. Австрийцы снабжали русских солдат водкой, ромом, коньяком, спиртом, красным вином, «подносили водки по чарки и говорили по хорошему когда мир будет». Солдаты пили, иногда по несколько дней, друг друга приводили в пьяном виде в окопы. Играла роль и меновая торговля: русские солдаты знали о нехватке хлеба в австрийской армии и специально его покупали для братания. Но часто русских просто угощали водкой и сигаретами, что было поводом для начала братаний именно с австро-немецкой стороны. Собственно, и сами братания проходили или на середине позиции, или в австро-немецких окопах, редко – в русских. Но и позднее отношения как с немцами, так и с австрийцами сопровождались обильными возлияниями[2].

В 1917 г. алкогольная основа братаний вышла на первый план. Из 50-ти эпизодов зафиксированных нами контактов военнослужащих русской армии с противником, в которых участвовали солдаты около 30-ти войсковых частей, спиртное фигурировало в половине случаев. Так, согласно солдатским письмам, «пили водку и ром каждый день у австрийцев» на Юго-Западном фронте (часть не указана), солдаты 25-го пехотного Смоленского полка получали ром и сигары, лейб-гвардейцы Павловского

---

[1] *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 20; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 162, 167; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 528.

[2] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 457. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 169, 170, 172; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 51, 53, 66, 79, 81; Д. 2946. Ч. 1. Л. 173, 179–180об., 185об.; Д. 3856. Л. 51об., 58об., 60–60об., 62, 66, 68, 86; Д. 3863. Л. 584, 662; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Л. 659.

полка – водку и сигары каждый день, 199-го пехотного Кронштадтского полка – водку и ром. В 663-м пехотном Язловецком полку «пили водку, коньяк, ром и не очень трусили». Было совершенно очевидно, что противник просто заманивал водкой в обмен на хлеб. Австрийцы знали время обеда русских и специально несли водку. В результате с весны 1917 г. во многих русских частях началось массовое пьянство[1].

В ходе братаний совершались многочисленные дисциплинарные нарушения, проводилась «подрывная работа» противника: велись переговоры о совместной сдаче в плен, а затем и совершался сам побег, широко распространялась пропагандистская литература «пораженческого» характера, производились допросы пьяных русских солдат, фотографировались русские позиции вместе с участниками братаний при запрете делать снимки на своих позициях. В 1917 г. были случаи переодевания в форму русской армии и участие в митингах. Эти явления значительно участились в конце 1917 г., когда братания стали проводиться уже под диктовку немцев и австрийцев. Устранив революционную, «дружественную» сторону братаний, противник стал всячески поощрять явления разложения, настроения пацифизма, требования заключения мира не по большевистскому, а по австро-германскому сценарию, то есть именно с аннексиями и контрибуциями, но без мировой революции[2].

«Стихийный», как называл Ленин, характер братаний на Русском фронте явился полной неожиданностью для вождя большевиков, считавшего братания важнейшим инструментом «мировой революции». В отличие от современных историков, считающих все дело братания делом рук германо-австрийского командования, Ленин сначала по приезде в Россию подчеркивал, что немецкое командование выступало против братания, «отучивая от братания и русских солдат, и тех честных германских

[1] РГВИА.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 526об., 536, 537 об., 577об., 580об., 592об., 597об., 608, 673об., 674, 693, 757; *Френкин М.* Указ. соч. С. 676.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1183. Л. 172; Д. 2934. Л. 163, 177; Д. 3856. Л. 50об., 60; Д. 3863. Л. 526об., 584, 613, 662; *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 42–45; *Френкин М.* Указ. соч. С. 676–679.

солдат, которые не хотят из братания делать ловушку». Но после июньского 1917 г. наступления на Восточном фронте Ленин все чаще говорил о неспособности «стихийного братания» решить дело революции: очевидно, им все сильнее овладевала идея захвата власти в России. Новый всплеск интереса к братанию у Ленина и большевиков произошел уже после захвата власти в октябре 1917 г.: теперь братания должны были послужить делу распространения в остальной Европе революции, начатой в России. Однако вскоре выяснилось, что «неорганизованные», «несознательные» братания, в основе которых были неясные крестьянские представления о всеобщем «замирении и прощении», подкрепленные меновой торговлей и сопровождавшиеся обильной выпивкой, не выполняли и миссии распространения революции. Ленин теперь усиленно подчеркивал неспособность «крестьянской армии» (о чем он никогда не говорил раньше) вести революционную войну[1]. Это и определило тактику главы Советского государства по заключению сепаратного мира с Германией. Таким образом, как рождественские мечты о всеобщем мире, порожденные братаниями на Западном фронте, развеялись, сменившись психологией «большой войны»[2] между воюющими сторонами в Европе, так и планы всемирной революции разбились о специфический, крестьянский способ братаний на Русском фронте, сменившись практикой ожесточенной классовой борьбы в России.

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 164, 180–181; Т. 31. С. 114, 203–204, 264–265, 293–296, 326–327, 336, 352–353, 398–400, 450–451, 459–461; Т. 32. С. 104. С. 241–242, 273; Т. 35. С. 61. 248, 250.

[2] *Хмелевская Ю.Ю.* Британская армия в 1914–1915 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, 1992. С. 64; *Ashworth T.* Op. cit. P. 220–221.

Глава 2
Человек перед лицом войны

§1. *Тяготы войны на Русском фронте: тело против стали*

Трудности, с которыми столкнулся русский комбатант, в основном солдат-крестьянин, на современной войне были чрезвычайно обширны и касались опасностей, исходящих от боевых действий, страданий от условий службы, лишений, вызванных ухудшением довольствия и другого рода депривaций. Уже с первых месяцев войны многие офицеры, воевавшие в японскую войну, поражались огромной разнице во всем, прежде всего в размахе боев. Но и в целом не было того беспрерывного напряжения, война казалась исключительной во всех отношениях. В конце 1916 г. солдаты в своих письмах с жалобами на тяжелое солдатское житье выражали желание лучше умереть, нежели переносить мучения[1]. В данной главе будет представлен объем этих трудностей, произведена их классификация по мере непосредственных опасностей для жизни – вплоть до негативных последствий для родственников, выявлены приоритетные, наиболее чувствительные для солдат трудности на войне. Важным вопросом является определение пределов «моральной упругости», то есть способности долго переносить страдания от военных действий. Будет сделана и попытка сопоставления восприятия военных трудностей русским комбатантом по сравнению с остальными комбатантами, участниками мировой войны.

Прежде всего, солдат ощущал трудно переносимую опасность со стороны технического, огневого характера военных действий, широко и совершенно непропорционально применявшихся противником по отношению к

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 88; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 224.

русским силам. Сказывалось преимущество в разрушительной, непосредственно поражающей силе противника, главным образом – германской армии. Особенно это проявилось во время боев после Брусиловского прорыва, боев под Ковелем и Луцком, а затем – в затяжных боях осени 1916 г. В цензуре подчеркивалось, что «ужасы войны» стали явными только за последнее время. Тяжелейшую ситуацию, вызванную именно поражающим эффектом боевых действий, констатировали солдаты в декабре 1916 г. на Юго-Западном фронте, сообщая, что такого на позиции еще не было[1].

Большинство солдат воспринимало бои лета 1916 г. как «ад кромешный», «ад и смерть вокруг», «горе и беда всюду», «страшный суд». Ад заключался в том, что «не видно было белого света, а только самый дым та грохот и рвание снарядов, та выстрел пушек, тряслась вся земля, все равно как землетрясение», когда «все горит и низнаю, когда будет этому конец, чи дождемся чи нет». Источником «ада» была «проклятая бойня», означавшая непременный конец человека: «мы так и так пропали если не убьют то домой все равно придем не человеком»[2].

Особенно страдали от артиллерийского огня, в основном тяжелой артиллерии 6- и 8-дюймового калибра. «Чемоданы» вызывали панику, снаряды весом «по 30 пудов» приводили к сумасшествию; они подстерегали солдат не только на позиции, во время атаки, но и на отдыхе. От снарядов чуть ли не глохли, теряли сон. Сочетание артиллерийского, минометного, бомбометного и пулеметного огня вызывало эффект землетрясения.[3].

Непереносим был и сам непрекращавшийся грохот орудий. «Адский огонь» представлялся даже в самом орудийном гуле, от которого «можно сойти с ума», из-за гула снарядов и свиста пуль война была «в печенках». «Сплошной гул, треск, трясение земли» производили особенно сильное впечатление на молодых солдат. Впечатлял и пролет

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375; Д. 3863. Л. 4.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181, 541, 725, 739, 841, 888–889; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 321об., 333.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 1об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 64, 180 об.–181, 292, 871, 902; Д. 2937. Л. 14об. 126–126об., 426, 428.

снарядов, от которого дрожала земля. Артиллерийский огонь часто сопровождался трудно переносимыми запахами, удушьем от дыма. Конечно, следует различать первоначальное боевое крещение артиллерийским огнем, когда «все падали со страху», и последующие артиллерийские обстрелы, к которым хотя и притерпелись, но которые своей интенсивностью, продолжительностью, сочетанием с другими поражающими факторами артиллерии оказывали крайне угнетающее действие на солдат[1].

Солдаты страшно боялись ураганного огня: «это действительно что-то страшное, титаническое, пред которым холодеет тело и замирает душа». Но и другие виды огня оказывали крайне угнетающее действие. Адом представлялось и сочетание артиллерийского огня, авианалетов, пулеметного огня, атаки – как бесцельные, так и успешные. После артиллерийского огня, когда немцы выбивали солдат из окопов, при отступлении их добивали шрапнелью. Порою часть выдерживала ураганный огонь противника, но затем попадала под методичный минный обстрел, а затем, при отводе на отдых, вновь подвергалась обстрелу из дальних тяжелых, 8-дюймовых орудий. «Ужас без конца» испытывали солдаты в случаях близкого противостояния с противником и от минного обстрела, который по своему действию «ужаснее, чем снаряд восьмидюймового орудия». Испытывая постоянные артобстрелы, находясь под постоянной перестрелкой, солдаты, естественно, шли в бой «без желания»[2].

Чрезвычайно важна была и опасность, исходившая от пулеметов, которые, собственно, и обеспечивали плотность попадания пуль, производили своеобразную зачистку, «рубили людей, как капусту», именно во время упорных атак на противника. Кроме наводившего ужас орудийного гула, такое же действие оказывал и непрекращавшийся свист пуль. Газовые же атаки со стороны противника представлялись как самый изощренный способ убийства, где смерть носила всеобщий, а не избирательный, случайный,

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 291, 303об., 374, 485; Д. 2937. Л. 21; Д. 2935. Л. 609; Д. 3856. Л. 264об.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 162; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 514; Д. 2935. Л. 726об., 375; Д. 2937. Л. 200, 283; Д. 3863. Л. 67.

как в случае обстрелов, характер. Особенностью смерти от ядовитых газов была продолжительная агония – в течение нескольких минут. Поэтому такая смерть считалась самой ужасной[1].

Артиллерийские обстрелы во время боев дополнялись налетами авиации[2], в основном немецкой. Налеты немецкой авиации начались с самого начала войны. Особенно сильное присутствие немецких аэропланов обнаружилось в августе 1916 г. Первоначально, правда, солдаты не обращали внимания на них, большей опасности ожидая от «дружеского огня» собственной артиллерии. Однако позднее, в сентябре и далее, налеты производились намного чаще. Они создавали у солдат ощущение невозможности укрыться, казалось, что самолеты подстерегали их везде – и на позиции, и вне ее. Угнетало и полное преимущество противника в воздухе: «Теперь нас страшно аэроплан одолевает, летают, сволочи, целыми десятками а то и более, бросают бомбы и обстреливают леса», – сообщали солдаты в письмах в сентябре 1916 г. Особенно немецкие аэропланы тревожили тыловые части[3].

В целом опасность представляли не конкретные виды вооружений, хотя их градация важна, но вся зона огня, где «всех переколечат и перебьют». Особенно опасной, непосредственно местом ада, считалась атака, где происходила встреча одновременно со всеми видами опасностей. Даже для бывалых фронтовиков, имевших георгиевские кресты, всегда рисковавших жизнью, наступали моменты, когда «страшно дрожишь за свою мизерную жизнь». В описании одной из атак сочетались страшная орудийная пальба (с одной нашей стороны было около 3000 орудий), кроме того, бомбометы, минометы, пулеметы, офицеров почему-то нет, приходится выскакивать из окопов в зону смертельного огня и т.п. «Вот все, что можно передать при атаке, только очень почему то жить хочется», – заключает автор свой рассказ. Но и вне боев, даже в дни относитель-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246, 294; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 180об.–181, 485, 488, 888–889.

[2] РГВИА. Ф. 2067. 2067. Оп. 1.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 614; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 228, 262, 256, 294; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274об.; 2935. Л. 504об.; Д. 3863. Л. 67.

ного затишья жизнь на позиции называли адом, где вообще убивают и калечат всех людей, и мирных, и военных[1].

Кроме непосредственного смертельного огня со стороны противника, сильное угнетающее впечатление производили на солдат картины смерти – в результате ожесточения боевых действий. Так, в октябрьских боях 1914 г. в 10-й армии во время трехнедельных беспрерывных боев наблюдались картины чрезвычайной, как казалось в начале военных действий, жестокости со стороны противника. Немцы не позволяли русским убирать своих раненых, и сами не подбирали своих. В результате в 300–400 шагах от окопов ночью и днем слышны были вопли и стоны несчастных раненых немцев. Полагали, что немцы это делали для того, чтобы затруднять стрельбу, которую нельзя зачастую вести из-за груды тел, мешающих видеть немецкие окопы. Сильное психологическое воздействие оказывали исходящие от раненых стоны, их искаженные муками лица и позы. Избежавшие смерти переживали ее по многу раз, наблюдая гибель своих товарищей, от чего ужас еще более усиливался. Именно в это время рождалось настойчивое желание самому быть раненым – и часто даже быть убитым. Ситуация усугублялась и нахождением по нескольку дней в соседстве с трупами, трудно было дышать из-за непереносимого смрада от их гниения. Впрочем, картины могил, из которых были видны руки и головы, наблюдались не только на позиции, но и на полях, дорогах, реках. Ужас от гибели товарищей дополнялся собственными физическими лишениями: это холод и голод, разъедающие тело вши, боль от ран на плечах и пояснице из-за тяжести боевой амуниции и несмолкающий грохот разрывающихся снарядов, которые «не давали жить»[2]. Таким образом, ужас осознавался именно как сочетание страха, упорства противостояния, бесцельности наступления в никуда. Вопрос был не в кратковременном ощущении страха, а в его повторяемости без конца, невозможности его избегнуть, в ожидании его неминуемости.

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133; Д. 2935. Л. 180об. –181, 841; Д. 3863. Л. 307.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 52; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 377; Д. 2935. Л. 726об., 303, 374, 714об.; Д. 2937. Л. 183об., 247.

Уже во время боев в Польше в октябре–ноябре 1914 г. стал проявляться зловещий, превышающий человеческие возможности «ужасный бой», невероятное кровопролитие, порождавшее страх перед практически ежедневными калечениями и смертями на позиции. Очень сильно солдаты переживали сами потери, вообще выражали сомнение в возможности уцелеть в столь кровопролитных боях. «Посмотреть на теперешние страшные бои, то можно глядючи сойти с ума, а остаться живым так это чудо», – писал один солдат. Именно в предвидении ожидающих их ужасов солдаты седели, простреливали себе руки, ноги, лишь бы уйти из строя, или стрелялись насмерть. Стало понятно, что «современная война требует такого страшного напряжения нервов, что люди могут не выдержать». Угнетала, кроме ужасов сражений, вся обстановка, полная нечеловеческих лишений. Угнетала солдат и судьба раненых, убирать которых с поля сражения и оказывать им первую помощь было порой невозможно, так как сфера огня была очень велика и сам огонь был убийственным. Результатом этого была плохо поставленная эвакуация, переполнение госпиталей, что приводило к «увечной хирургии»[1].

Не только обстрелы, но и упорство противника, практически рукопашные бои вызывали ужас, когда приходилось прокладывать дорогу бомбами и штыками. Некоторые из корреспондентов называли среди тягостей войны, непосредственных военных столкновений «зверство и человеческое одичанье». Описания зверств довольно редки. Они касаются общих, почти пацифистских рассуждений о том, что «люди – звери». Зверства и ожесточение заключались в большом количестве рукопашных боев, в нежелании брать пленных, казнях малых их партий и т.п. Иногда они встречаются при описании рукопашных столкновений с применением холодного оружия, особенно много зверств по отношению к пленным было на Кавказском фронте, в том числе в ряду этнических преступлений: со стороны курдов над русскими, и наоборот (например – вытаскивали мозги из черепов и т.п.).[2]

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 64. 60–60об649. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об.489об. 766.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 187, 714, 882; Д. 2937. Л. 247; Д. 3856. Л. 256.

В литературе есть склонность подразумевать под «зверствами» непосредственно рукопашные бои, якобы и являвшиеся наиболее тяжелыми по сравнению с огнем противника. Особенно это имело место якобы на Русском фронте мировой войны – по сравнению с Западным ее фронтом[1]. Интерес к этим явлениям фронтовой жизни вызвали работы Д. Шумана, противопоставляющего характер военных действий на Восточном фронте военным действиям на Западном фронте. Он считал, что «на Восточном фронте война была в гораздо большей степени маневренной... меньше ограничивавшей активность солдат и придававшей большее значение индивидуальному использованию оружия, чем на Западном фронте... Собственноручное убийство и нанесение ран, а также представление о центральном военном значении этого, то есть в первую очередь активном, а не пассивном участии в событиях... вело к развитию жестокости в солдатах»[2]. Следует подчеркнуть, что такое представление о превосходстве живого столкновения с противником над техническим, опосредованным контактом, является недоказанным, хотя и логичным, умозрительно выводится из большего объема маневренной войны на Восточном фронте, и, следовательно, является частным противоборством «лицом к лицу». Однако при этом необходимо учесть, что на Русском фронте уже с осени 1915 г. западный и северный участки находились в зоне позиционной войны, а с осени 1916 г. и южный участок фронта (Юго-Западный и Румынский фронты) полностью находились в сфере позиционной борьбы, устранив маневренные столкновения. Кроме того, зависимость жестокости, вообще насилия, от живого контакта противников не доказана, а является всего лишь умозрительным предположением. Нет свидетельств о более ожесточенных столкновениях периода маневренной войны по сравнению с периодом позиционной войны, как нет и доказательств более жестокого характера вообще войн маневренного, традиционного типа по сравнению с мировыми, современными

[1] *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 493–494.

[2] *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuitaet der Gewalt// Journal of Modern European History. 1. 2003. S. 32.

войнами. Мало этого, практически все свидетельства ожесточенности, зверства и т.п. на Русском фронте относятся как раз к периоду позиционному. Рукопашные стычки, носившие действительно ожесточенный характер, являлись следствием желания в какой-то мере ощутить врага наяву, отомстить ему за те страдания, невыносимость которых и создавалась анонимностью боевых действий в позиционной войне. В этом смысле встречи с противником лицом к лицу являлись всего лишь элементом яростного, открытого, активного боя, как дополнение позиционной войны, а не противопоставление ей. Следует также добавить, что подобные встречи лицом к лицу никогда не описывались в солдатских письмах как тягостные, негативные моменты боевой повседневности. Скорее в таких столкновениях солдаты-крестьяне ощущали определенный смысл и пользу. С другой стороны, жестокость на Русском фронте со стороны русской армии вызывалась нетерпением, страстным желанием русских солдат окончить войну. К тому же их возмущало упорство немцев. У каждого из противников был свой взгляд на «зверства», отличный для другого. Русские видели «зверства» германской армии именно в методичном применении техники, «варварских» приемах борьбы: газовые атаки, применение разрывных пуль и т.п. Немцы же видели варварскую жестокость русских в непомерном использовании живой силы: рукопашные бои, штыковые атаки и т.п.

Влияние же войны на послевоенное насилие является другой важной проблемой. Насилие трудно вывести только из характера боевых действий на том или ином фронте Первой мировой войны. Как уже отмечалось, не фронтир (столкновение разных культур), а фронт, предполагающий единство индустриальной культуры с обеих сторон, исключает социальное творчество. Однако военный опыт насилия после окончания военных действий переносится на подготовленную социальную почву гражданской жизни. Насилие на фронте востребовано для разрешения накопившихся социально-политических противоречий. Таким образом, не насилие на войне оказывает воздействие на социально-политическую жизнь внутри страны,

но внутренняя социально-политическая жизнь требует определенного уровня насилия.

Огневой характер войны определял ее особенность по сравнению с войнами традиционного типа: ожидание смерти в любой момент, каждый час, жизнь «минута за минутой в ожидании смерти». Солдаты ощущали «на душе тяжесть», когда стремление жить наталкивалось на понимание, что «за минуту никогда не скажешь, что через минуту будет с тобою». Каждую минуту солдаты ждут, что «вот вот пуля воткнеца». Себя сравнивали с разбойниками, а саму жизнь называли «минуточной». Жизнь «на волоске» противопоставлялась жизни за линией фронта, которая представлялась как развлечение и блаженство. Дело было и в крайне кровопролитных боях, где смерть настигала, в сущности, каждого – до 95%. Особенно боялись наступления. Шанс выжить расценивался крайне низко. Как писал один солдат, «теперь остаться в живых, что двести тысяч выиграть». Но и вне позиции шансов выжить было немного: «если не убьют, то все равно заморят голодом», «сидишь в окопах под градом снарядов и своей ожидаешь смерти»[1].

Еще одной особенностью войны и опасности, которую она представляет, является ощущение смерти – всегда и всюду. «Везде и всюду летает над тобою смерть», – констатирует солдат. Подстерегала она и вне окопов любые войска, даже прямо не участвовавшие в боевых действиях: «ад и смерть вокруг», «горе и беда всюду»[2]. Время на такой войне как бы сужается, его нельзя разделить на время отдыха, подготовки к бою, самого боя, когда, собственно, и надо быть героем. Исчезла размеренность времени, характерная для крестьянского быта и ментальности. Опасность постоянная, предельная – вот смысл тяготы, кажущейся непереносимой для традиционалистского сознания, с его представлением о времени как размеренном, «правильном», оставляющем место для геройства. Смерть становится неявной, к ней не обращено внимание, смерть незаметна, она не вписывается в общий распорядок явле-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 291, 292, 616об., 863, 887; Д. 2937. Л. 38, 419; Д. 3856. Л. 59, 73об., 263об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375, 725.

ний жизни, а значит – неестественна, по сравнению с тем, какой она представляется в традиционном обществе.

В такой войне и страдания особенные. Это страдания как от боевых ран, так и от болезней. Страх оказаться раненым охватывал каждого бойца уже при приказе об отправке на позицию. После ранения начинался скорбный путь мучений от боли, вызываемых даже перевязками. С первых дней войны остро встал вопрос об эвакуации в тыл раненых и больных. Но не хватало лошадей, повозок. Даже осенью 1916 г. большое количество раненых умирали в пути, в санитарных поездах, от гангрены, потому что перевязки не делались по 5–6 дней. На станциях скапливалось огромное количество раненых, которых не разгружали и не обрабатывали их ран немедленно. На крупных эвакуационных пунктах из-за несоблюдения санитарных мер возникали эпидемии. Невыносимые страдания вызывали многочисленные контузии, которые, как правило, не позволяли покинуть фронт и отдохнуть от войны в госпитале[1].

Но на войне развивались и многие другие болезни, например малокровие – на почве физических и нравственных страданий, в которых недостатка не было. Масса сообщений было и о желудочных заболеваниях, вызванных недостаточной или неправильной пищей. Порою даже без прямых ран или болезней солдаты ощущали болезненные действия, когда просто болели руки и ноги от физического симптомы, особенно от тяжелых, иногда по несколько дней, переходов. Порою обострялись и старые болезни, такие как ревматизм, который, однако, доктора и за болезнь не считали. Тем более доктора не считали за болезни фурункулы, больные зубы, грибки и т.п. Физические страданий усугублялись всей обстановкой на позиции: грохотом пушек и бомб, непрерывными обстрелами, а еще холодом, голодом и т.п. Физические страдания усиливались из-за страданий нравственных, из-за почти постоянно угнетенного настроения[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 290; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 164; Д. 2936. Л. 101; Д. 2937. Л. 267.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 219 об., 221об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 857; Д. 2937. Л. 87, 279; Д. 3863. Л. 286.

Среди болезней большое место занимали, согласно статистике, эпидемические заболевания. В переписке военного командования немного дел, посвященных этой проблеме. В сводках отчетов также указывалось всего лишь на единичные случаи заразных болезней. Однако ближе к осени 1916 г. цензура стала признавать, что эпидемические болезни в действующей армии существуют. Одной из распространенных болезней была цинга, вызванная недостаточным питанием. В некоторых корпусах, например, в 36-м армейском, летом 1916 г. солдаты писали о частых случаях этого заболевания. Другой распространенной болезнью был тиф, вызванный плохой организацией санитарного дела в армии. Так, например, в 1915 г. в письмах из медпунктов и госпиталей упоминалось о многочисленных заболеваниях в 3-й армии сыпным и возвратным тифами, в особенности последним. В конце 1916 г. цензура указывала, что случаев сыпного тифа в армии очень много. В некоторых частях ежедневно заболевало до 100 человек. И хотя впоследствии, к декабрю 1916 г., заболевших в частях было только 40–50 чел., однако возрос процент смертности. В некоторых письмах говорилось о чрезвычайно высокой смертности от тифа, больше даже чем от боевых потерь. Попытки бороться с эпидемией тифа не всегда приводили к нужному эффекту. Так, попадалось множество сообщений о смертях якобы именно вследствие противотифозных прививок. Кроме тифа, среди солдат были распространены такие болезни, как чесотка и даже холера, буквально косившая солдат, унесшая немало их жизней. В некоторых полках смерть от холеры забирала по несколько сот человек. Болели солдаты также дизентерией и другими специфическими болезнями, особенно в южных регионах, например, в Персии, где плохой климат был причиной заболевания лихорадкой[1].

Такими были самые разные боевые опасности, грозившие солдатам, заставлявшие их жить в постоянном стра-

[1] Доклад по Военному министерству за 1916 г. // Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 39; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 157, 199, 256; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 108об.; Д. 2935. Л. 115, 282, 363–363об., 588; Д. 2937. Л. 366., 400об.; Д. 3863. Л. 17, 28, 127, 156об., 228, 256об., 342, 348, 351, 381, 407, 427, 442об., 453об., 454, 580об., 665об., 686; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

хе, в ожидании ранения, смерти или болезни. Однако эти факторы являлись отнюдь не единственными и, возможно, даже не самыми важными из тех, которые в целом определили нарастание негативного настроения в русской армии к 1917 г. Солдаты писали: «Смерть мне не страшна», «Эта война сгубила не пулей, а духом». Кроме собственно поражающих опасностей, солдаты подчеркивали массу других угнетающих факторов: «Здесь не так угнетает опасность, как все эти лишения», – писал один солдат. В целом солдаты оценивали всю сумму страданий как непереносимые, как жизнь «хуже каторги»[1].

Не только бои мучили солдат, мучило и бездействие. Правда, причиной этому было недостаточное обеспечение книгами, газетами и журналами и вообще хотя бы какими-то развлечениями. Бездействие порождало ощущение полной бессмысленности пребывания на фронте, поэтому многие требовали наступления. Даже были рады иногда артиллерийской перестрелке. Особенно тяжело воспринимались многомесячные стояния на одном месте. Это чувство, естественно, обострялось накануне весны, которую ждали как вестницу перемен[2].

Боялся ли русский солдат, комбатант, смерти? В последнее время в литературе этот вопрос обсуждается в аспекте поиска средств «медиализации страха»[3]. Еще до войны русские военные психологи занимались вопросом воспитания в русском комбатанте неприятия страха. Главным способом подавить страх считали выработку перед лицом опасности индивидуальной самоотверженности, которая и обеспечит самосохранение части в целом. Опыт Первой мировой войны дает возможность расширить рамки понятия страха перед лицом мощной угрозы – ужаса, которые испытывал русский комбатант от самого участия в грозном мировом военном конфликте.

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 160об.; Д. 2934. Л. 274об.; Д. 2935. Л. 704, 917; Д. 2937. Л. 68.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 89, 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 378.

[3] *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878-1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 453–460.

Под страхом солдаты понимали прежде всего именно боязнь физической боли, тем более – смерти, которые, в сущности, не являются неизбежными, хотя и представляют собой предмет острого переживания самого ожидания беды. Именно об этом говорили солдаты: «Страх берет как поранят очень больно..., а как делают перевязку каждый день, то от боли проклянешь свою мать, родившую тебя». Страх вызывало само объявление о выходе на позицию как знак возможности этих боли и смерти, и вообще не оставляло сомнение в вероятности уцелеть в столь кровопролитных боях. Страх приходил при одних только звуках артиллерии, предвещавшей физические страдания – и не уходил. Как огня боялись передовой: при сообщении о выступлении на позиции «в казарме плач, бьют койки и сундуки», – сообщал своей жене солдат. Некоторые из солдат, пошедшие на войну добровольно, через определенное время теряли всякое желание идти на позицию, чтобы не «переносить такой страх». Страх вызывала неотвратимость смертельной опасности перед врагом лицом к лицу, когда он «воткнет холодную сталь». Страх вызывало само наступление, когда «все горит» и царит полная неизвестность в отношении собственной безопасности («когда будет этому конец, чи дождемся чи нет»). В периоды особенно упорных боев страшной становилась сама война, в которой «всех переколечат и перебьют». И все-таки воины порой не так боялись «ужасных боев», сколько каждодневного ожидания смерти, когда «все же смерть страшна»[1].

Под «ужасами» корреспонденты понимали шокирующие, неприятные впечатления от всей военной обстановки, а не от конкретной опасности, которая, в сущности, имеет случайный характер. «Ужасом» называли не степень страха, а необъяснимость, нереальность терпения всей суммы страданий, включая страдания от боли и смерти. Такие представления об «ужасе» появились только со второй половины 1916 г. Так, один корреспондент называл бои ужасными и потому, что они были крайне упорные, и потому, что приходилось «дорогу прокладывать бомбами и штыками» и т.п.. Именно такая ситуация ужаса и при-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 38, 37; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133; Д. 2935. Л. 164, 766, 823, 841, 889; Д. 2937. Л. 38.

водила к невозможности переносить второй год войны, вызывала резкое антивоенное настроение. Для другого корреспондента невыносимость страданий заключалась в том, что «все время только и видишь одни ужас и горе и переживаешь минута за минутой в ожидании смерти». Если страх возникал при ожидании конкретного физического страдания, то к ужасу относились больше страдания нравственные, душевные, например «при виде всех ужасов зверства и человеческого одичанья». «Ужас, ужас без конца» мог включать и желудочные боли, и тут же, как главное, что в окопах нет воды и что она достается ценою жизни, и ураганный огонь, и вид товарищей, вышедших из огня, но потерявших рассудок. Вообще «ужас» относился к душевной усталости, которая вызывалась не только ежедневным страхом, но и всем комплексом отрицательных эмоций, вызываемых современной войной. Существовали, таким образом, некие обстоятельства, которые заставляли желать «вырваться с этой неволи», думать, «когда окончится братоубийственная война», что «пора окончить, пора дать вздохнуть свободно и оправиться вольным жителям, не говоря о нас ведь мы хотя и все получаем в достатке но сами не стальные», «ведь не машина же человек... Когда нибудь да испортятся его силы...»[1]

Мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: русский комбатант признавал возросшую степень смертельной опасности, однако выражения собственно страха не являлись преобладающими в сумме эмоций, которые вызывала война. Страху боя противопоставлялся ужас войны в целом. Такой подход предполагает необходимость рассмотрения всей совокупности несмертельных факторов, которые, однако, и составляли главную часть тягот современной войны.

Важнейшим фактором, обуславливающим тяготы войны, являлся сам противник. Проблема противника, «врага», в последнее время активно изучается в отечественной исторической литературе, главным образом с точки зрения конструирования «образа врага»[2]. В отличие от пред-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 258об.; Д. 2935. Л. 187, 375, 739, 863, 881, 910; Д. 2937. Л. 126; Д. 3863. Л. 146.

[2] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг.

ставлений, в которых враг виделся как этнически чуждый, в данной главе неприятель характеризуется как представитель культуры современного общества. Русская армия столкнулась с противником, разные контингенты которого, в соответствии с этнической принадлежностью, освоили, а следовательно, и навязали русской армии различные приемы действий в соответствии с разным уровнем современной войны. Русский комбатант, таким образом, знакомился с культурой индустриальной войны через конкретного противника и на него переносил особенности войны. «Образ врага», в сущности, являл собой образ современной войны в ее различных проявлениях.

Основным противником, с которым столкнулся русский комбатант, был немец, «германец». Говоря о враге, почти всегда говорили только о германцах, отзываясь об австрийцах только вскользь, как о какой-то случайности, «сброде», предназначенном только к сдаче в плен. О том, что впереди находится именно немец, а не австриец или варшавец, становилось сразу ясно по упорству боев. «Перед нами чистые немцы, которые защищаются отчаянно», – говорили русские солдаты во время тяжелых боев под Ковелем. Некоторые части сразу узнавали «своих немцев», которые оказывались перед теми же частями, которым противостояли на других фронтах[1].

Сила немцев отмечалась с первых месяцев войны. Это касалось и военных действий на Черном море, и действия немецкой артиллерии, и особенно в целом организованности германской армии. «Удивительный народ эти немцы – далеко русским до них. Какой порядок, какая стройность!» – восклицал восторженный автор письма с фронта в октябре 1914 г. Удивляла система атаки немцев, расчетливость, точность артиллерии. Производила впечатление забота немцев о павших: русские при наступлении почти никогда не находили трупы немецких сол-

М., 1999. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 1. / Отв. ред. А.В.Голубев. М.: ИРИ РАН, 2000; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006 и др.

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 330, 506, 579.

дат, в то время как сами забывали долгое время убирать с поля боя и хоронить своих павших даже после наступления. В первое время возникла даже боязнь перед немцами, подгонявшимися, как полагали корреспонденты, заградотрядами. Немцев называли «ужасным врагом», отмечали их умение маневрировать, превозносили качества их начальников. Особенно отмечались качества немцев в бою: «Немцев можно обвинить в жестокости. Но надо отдать им справедливость – дерутся они прекрасно», – отмечали офицеры осенью 1914 г. В отличие от австрийцев («враг благородный») немцев труднее было взять в плен: они или отступали, или геройски умирали. Отмечалась и храбрость немцев, хотя и поддерживаемая иногда во время атак пулеметным огнем заградительных отрядов, как полагали авторы писем с фронта. Особенно сильное сопротивление немцев ощущалось во время летне-осенних боев в 1916 г. на Юго-Западном фронте: «Чертов Герман ничево ему нельзя сделать», – жаловались в письмах солдаты. «Немец силен и жесток», «нельзя его выбить», – делали вывод солдаты. «Чортовые немцы умеют драться», – отдавали дань уважения противнику русские солдаты. «Враг очень силен, никак мы не можем его столкнуть, уперся как бык и ничего не сделаешь, сколько ни бьем, ничего не можем сделать», – жаловались солдаты осенью 1916 г. Сила врага представлялась в удивлявшей способности придумывать и осуществлять способы убийства: и газом, и посредством строительства укреплений, и хитроумными снарядами: «хитрый и сильный враг рода человеческого много людей убивает наших и ранит», – заключали солдаты[1].

Сильное, порою устрашающее действие с первых месяцев войны производили оборонительные сооружения немцев, атака на которые всегда вела к большим потерям. Кроме наступательной техники, русские признавали превосходство немцев и в оборонительных сооружениях: «проволочные заграждения рядов 100 и окопы на десять шагов один от другово», в отличие от крайне

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 90; Д. 561. Л. 227–227об. Д. 561. Л. 1об., 217, 227об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246об. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 192. 192об.733–734. 826. 881.

плохого технического обеспечения против немецких заграждений, при этом «на каждых 5 человек пулемет». Как правило, мощные сооружения имели волчьи ямы, окопы с двухъярусной обороной, по ночам освещавшиеся прожекторами и поддерживаемые тяжелой артиллерией, в то время как у русских солдат не было даже ножниц, чтобы разрезать проволоку, а прожекторы «существуют только на бумаге», – жаловались авторы писем в первые месяцы войны.

С тревогой ожидали русские войска весеннего (1916 г.) наступления на противника, полагая, что «будут весьма плачевные наступления, так как германцы укрепились здорово». Поскольку «немец укрепился еще лучше», «теперь мы ему ничего не сделаем кроме оддадим Киев», – опасались авторы писем накануне Брусиловского прорыва. Солдаты боялись самой проволоки, которой были обнесены немецкие окопы и которую нельзя было взять даже артиллерией. В результате нельзя было выбить противника, поскольку «чертов Герман ничево ему нельзя сделать укрепился очень хитро». Вплоть до зимы 1916–1917 гг. солдаты были уверены, что «ничего не могут прорвать, у него очень окопы хорошие с подвалами», «ничего не можем сделать немцу»[1].

Производило сильное впечатление техническое оснащение германцев. Прежде всего – артиллерия, действие которой, особенно тяжелой, испытали впервые русские войска уже во время Восточно-Прусской операции. Уже в это время ощущалась боязнь «чемоданов», которыми немцы буквально «зашвыривали» русские позиции. В это время русская пехота испытала страшный удар от артиллерии, когда каждая из батарей выпускала по 3–8 тыс. снарядов, в результате чего в некоторых полках осталось в строю по 700–800 чел. В эти же первые месяцы войны поступали сообщения, что немецкая артиллерия шрапнелью засыпает русскую пехоту. Как правило, немецкая артиллерия использовала данные своей авиации, а также разведки, телефонизацию собственных областей, временно окку-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6; Д. 561. Л. 3, 39; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 255об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 66; Д. 2935. Л. 192, 733–734, 828; 862об., 881, 893; Д. 3856. Л. 139; Д. 2934. Л. 22.

пированных русскими войсками. В целом огонь немецкой армии являлся крайне мощным, устрашающим средством. «Тикать некуда кругом как гром гремит и сверху падает и большую шкоду нам делает неприятель», – писали солдаты в письмах. Корреспонденты указывали блестящую эффективность немецкой артиллерии: «всегда в точку». При этом солдаты подчеркивали, что немец снарядов не жалеет – по сравнению с русской артиллерией, «хочет уничтожить нас дотла». И позже весной 1916 г. корреспонденты подчеркивали подавляющее превосходство немцев в артиллерии и пулеметах, что немчура «садит снарядов что есть мочи». Особенно угнетающее впечатление производило то, что немцы стреляли именно в периоды затишья, чего русские войска совершенно не могли себе позволить. И на Румынском фронте в конце 1916 г. русские были уверены, что «если бы не работала немецкая артиллерия, мы бы прошибли всю Болгарию». В Румынии войска страдали как от действия тяжелой артиллерии, поддерживаемой авиацией, так и от шрапнельных обстрелов[1].

Мощное действие на русских солдат постоянно производила и немецкая авиация, особенно бомбовые удары сверху, как правило, в тылу, чего не могла себе позволить русская авиация. Специалисты, авторы писем, подчеркивали, что немецкие самолеты имеют большой запас бензина, летают на расстояние до 500 верст и берут на борт до 5 больших бомб по 15 кг, или намного больше маленьких ручных по 0,5 кг. Сильное впечатление производила и остальная боевая техника, в частности немецкие газы и огнеметы. При этом солдаты констатировали, что немецкие маски лучше спасают от газов. Впрочем, на русских солдат производила впечатление вообще техника немцев, какая бы ни была. В целом техническое обеспечение являлось, или представлялось, совершенно подавляющим, поскольку «враг много сильнее нас и мудрее у него техника». Порою солдаты делали выводы о невозможности победить «сильного техникой немца», сетовали на полную дезорганизацию нашего солдата, который будто бы годен только

[1] РГВИА. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 33, 33об., 210; Д. 561. Л. 1об., 227об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 898; Д. 2937. Л. 321; Д. 3856. Л. 50об.; Д. 3863. Л. 67.

для оборонительной, но не для наступательной войн, и вообще на то, что «трудно бороться телом против стали»[1].

С технической силой немцев ассоциировались и жестокость, и хитрость врага: «Герман – тот лютый. Хитер. Сильный. С ним никакого сладу». Именно немцы, и никто другие, считались «хитрым» врагом, способным на разные изобретения для убийства людей или для обороны. Среди хитростей особенно поражали газы: «...много наших людей выбивает и разом умерщвляет своим ядом», «хитроумная система укреплений, огнеметы». «Нечестным» считался и обстрел одиночных солдат из артиллерии: «такие неверные немцы как волки...» Немцам отказывали в способности вести «честный» бой, штыковые атаки. Считалось, что применением техники «гирманец хитрит», вообще «морочит», проявляет «коварство и подлые приемы». На такого хитрого врага «не хватало уже терпения»[2].

Немца считали и жестоким врагом, имея под этим в виду мощные обстрелы артиллерией, налеты авиацией. Солдаты даже отмечали периоды жестокости и смягчения. Жестокость была непременным атрибутом силы, ей сопутствовали запрещенные виды вооружений: разрывные пули и т.п. Но особенно казалось жестоким сжигание русских солдат из огнемета («горючие снаряды»), что воспринималось как особая форма убийства в изощренной форме, проявление действительно «варварских приемов» войны. Немцы и при знакомстве казались «жестокими»: «страшно задумчивы и молчат». Если австрийцы вызывали у солдат презрительную снисходительность, то у немцев они видели дух озлобленности и ожесточения. Жестокость немцев проявлялась и в их упорных схватках, нежелании сдаваться, что было удивительно для русских солдат, не щадивших («крошили не щадя») в таких случаях ослабевшего противника. И в целом, подчеркивая собственные трудности, разорение мирных жителей, полагали, что немец «всю жизнь нашу зael». Страшились и

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 614; Д. 561. Л. 123; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 296; Д. 2935. Л. 824, 893; Д. 2937. Л. 33; Д. 3856. Л. 142об.; Д. 3863. Л. 30. 142.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 192об., 247об., 302, 615; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 127.

методичности, самого нечеловеческого образа врага, говорившего «по собачему»[1].

Все перечисленные качества вызывали уважение к немцам со стороны русских солдат. Немцев же считали крайне неудобным противником и во время боев, поскольку те дрались «настойчиво», «отчаянно», до «удивления», даже в безнадежных ситуациях. Упорство немцев было обнаружено в первые месяцы войны. «Ужасно упорный враг», – сообщали корреспонденты о боях под Летценом в Восточной Пруссии в ноябре 1914 г. «Очень трудно у немцев что-либо отобрать: удивительно они стойкие и всегда отбивают наши конные атаки на обозы», – писали корреспонденты о боях под Варшавой осенью 1914 г. Уже в октябре 1914 г. стали приходить сообщения, что немцы «дерутся упорно», не сдаются в плен – по сравнению с поляками. Но и позднее, в период боев, последовавших за Брусиловским прорывом, приходили сообщения, что «германец борется до последней минуты... страшно настойчиво держится не сдается в плен как австрийцы..», «упорный враг», «упорный противник», «упрямый чорт как осел», вообще «не хочет замиряться» даже в случае явного превосходства русской армии на некоторых участках. Это вызывало даже озлобление у русских солдат: «мы очень озлоблены на германцев наши ребята в плен их не берут а колют на местах, потому что он упорный уже видит, что нет спасения, а еще стреляет, а если и попадет в плен, то старается что нибудь сделать, чтобы его вбили, чтобы он не остался живой». Иногда в письмах русских комбатантов проскальзывают нотки восторга перед противником: «Они дерутся с беззаветной храбростью, их стойкость и мужество изумляют нас. Никакие потери с их стороны не могут сломить их сопротивление... удивительно как это может и чем воюет немец, как он может так управлять что задумал то и выполнил. Удивительно насколько настойчив. Приходится терпеть», – сокрушались бойцы[2].

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246об., 307; 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274об.; Д. 2935. Л. 107об.–108, 563об., 823; Д. 3856. Л. 29об., 292об.; Д. 3863. Л. 336.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 122; Д. 561. Л. 1об., 3; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 199аоб., 274, 415об., 497, 537; Д. 2935. Л. 315об., 442об., 506, 615об., 736; Д. 2937. Л. 95; Д. 3863. Л. 90; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л.

Упорство виделось и в методичных действиях немецкой артиллерии, которая никак не давала возможности прорваться вперед. Упорство немцев стало определенным камертоном в сравнении с упорством, проявлявшимся другими противниками России: мадьярами и болгарами. С осени 1916 г. упорство немцев резко возросло. Солдаты свидетельствовали: «Германец упорный противник... много бывает урону, но успеху нисколько», «немец крепко держится», «сильно сопротивляются нам, никак нельзя их разбить»; «окаянный германец», «как упорно держится проклятый». «...Бои идут крайне упорные и небывалые с начала компании. Нет свободного времени. Немцы проклятые дерутся упорно. В плен не сдаются даже раненые. Приходится дорогу прокладывать бомбами и штыками. Какой то ужас, да и только», – писали об осенних боях бойцы Особой армии[1].

Немцев характеризовали и как «злых», то есть лично желающих каждому русскому солдату несчастий. В этом случае война представлялась «адом немецким». «Проклятые немцы» «не давали жить», в перестрелке днем и ночью, что мешало спать и, как считалось, совсем не вызывалось боевой необходимостью, – сетовали солдаты. «Злость» немцев виделась в «беспричинных», как казалось, то есть не в бою, обстрелах и бомбардировках «беззащитных» людей. «Злость» проявлялась не только в «варварских» приемах ведения войны, но и в отношении к гражданскому населению, несшему большие страдания от той же артиллерии. Злость немцев виделась и в их поведении в плену: «как звери как волки загнатые смотрят изподлолбья». «Злость», «жестокость» немцев иногда объяснялась тем, что они «нехристи». Именно так можно было объяснить бомбежки русских позиций со стороны немцев в «мирные» периоды на позиции, когда противник «не должен» был стрелять, тем более снарядами «что есть мочи». Кроме угнетающего характера подобных картин, работало и сожаление о невозможности подобных ответных действий со стороны русских. Вплоть до зимы 1917 г.

131, 191об; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 865.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 294, 532об.; Д. 2935. Л. 506, 615об., 881, 882; Д. 2937. Л. 129, 202; Д. 3863. Л. 90.

немцев называли «некрещеными», отказывая им в «правильности» ведения войны[1].

Раздражала и демонстрация со стороны немцев особого вида морального превосходства: помощь противнику. Уже с начала войны поступали сообщения об оказании немцами помощи раненым пленным русским солдатам. Свидетельства о «небывалой добродетели» противника сохранились в письмах солдат и за 1916 г., когда «масса» немецких сестер милосердия во время боев под Ковелем пришли в занятые противником русские окопы одной из частей 8-й армии и стали делать «тщательно» перевязку, поили кофе и вином, а затем желающих отпускали обратно. Подобное поведение немцев отмечено в это же время и по отношению к частям 7-й армии. Немцы это объясняли наличием приказа не собирать раненых, как русских, так и своих. И общие представления о немцах были в пользу Германии. Как только была занята Восточная Пруссия, стали приходить письма о прямо-таки роскоши и богатстве, в которых живут немцы. Удивляли «в каждом доме электричество, ванная, мягкая мебель, масса роскошных экипажей». Осенью 1916 г. солдаты в письмах писали, сравнивая Германию и Россию в отношении дороговизны на предметы необходимости, что «там почти все дешевле, чем у нас; очевидно там порядки другие и обыватели не брошены на съедение хищникам этим двуногим акулам»[2].

Трудности боев именно на германском фронте заставляли думать солдат о непобедимости врага. Такие высказывания солдат, очевидно редкие, цитирует Л. Войтоловский уже за 1914 г.: «Немец – он силу свою чует, в ем страху мало». Уже в это время полагали, что с «германом» «никакого сладу». Даже временные отступления не колебали представления о силе противника: «Ты не считай, что он теперь отступает. Это он крутит, кровь полирует... Отступал – грозился». Развитие боевых действий в 1915–1916 гг. еще больше укрепило представления русских солдат о противнике, в основном понимаемом как немцы, действительно нанес-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 42, 831, 834; Д. 3856. Л. 50об., 56; Д. 3863. Л. 343об. –344.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 6, 401; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 271, 506, 582об.

шие основные удары по русской армии. С осени 1915г. по русскому фронту стали распространяться представления о невозможности вообще победить немцев, что «немца не пересилить..., не одолеть», о громадном превосходстве немцев над русскими: «В корыте моря не переплыть... с шилом на медведя – где уж». Во время Брусиловского прорыва и особенно после него вновь стали поступать сообщения, что нельзя «проклятого немца с места сорвать очень закрепился, он запутался проволочными заграждениями, как паук». Впоследствии с приходом на позиции плохо обученной молодежи мнения о силе, непобедимости немцев становятся преобладающими в армии. Теперь уже казалось, что за немцев воюют и бог, и черт, что «разгромить Германию – это сон блохи», «никак нельзя проклятого врага выгнать». Были уверены, что, несмотря на потери немцев, «у нево еще хватит», что «ничего не получилось», что уже «даже духа уже нет смотреть на такую войну». Не верили в возможные новые наступления, так как «его двинуть ну это вряд ли удастся», поскольку «наши дела ничего не стоят... повидимому, нам придется просить немца, чтобы закончить эту войну...» Именно из непобедимости немцев делали вывод, что «пора окончить пора дать вздохнуть свободно и оправиться вольным жителям», «ведь мы хотя и все получаем в достатке но сами не стальные». Иногда страх перед врагом обретал мистический, парализующий всякую волю ужас, заставлявший смиренно ждать, как «он» «вот увидит и воткнет холодную сталь». Уже теряли надежду на мир и готовились к гибели. Слова малограмотного солдата точно отражали отношение к противнику: «нинадейся расея втом что немца взять и согнать своей территории и последнего могем от дать». Невозможность победить «сильного техникой немца» сопровождалась жалобами на полную дезорганизацию русского солдата, который будто бы годен только для оборонительной, но не для наступательной войны. Зимой 1916–1917 г. мысли, что немца «наверно нам его не одолеть», стали сопровождаться сомнением и в силе союзников («наши союзники ничего не стоят»), что необходимо «делать мир»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 204об.–205; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 61; Д. 2934. Л. 305об.; Д. 2935. Л. 414, 720об., 738, 739, 749,

При том, что утверждалось понятие о непобедимости немцев, Германии на поле боя, росла ненависть к немцам вообще как к представителям страны, враждебной России и всему русскому. Такие сообщения цензура сначала фиксировала как мотивационные перед весенними 1916 г. боями. Объяснялось это жестокостями противника. Это «крайнее озлобление», вызванное громадными потерями, сказывалось в отказе брать в плен немецких солдат. Немцев ненавидели как главных виновников войны, за их жестокость, за разорение деревень, за жестокое обращение с русскими пленными. К осени злоба против немцев рождала слепую ярость: «Солдатикам немец так надоел, что и резал бы его и колол бы и рубил и все разом бы до вже солдатская жизнь надоела». Начались поиски немцев в самой России, которых были готовы после войны «в куски изрубить». Ненависть к немцам зимой 1916–1917 гг. даже нарастала. «Злости на немцев хоть отбавляй», – писали в письма солдаты. При этом усиливалось стремление «расплатиться с ними». Озлобление на немцев, ненависть к ним шли параллельно с ростом представлений о невозможности этих же немцев разбить на поле боя. Запускался механизм переключения на другого, слабого, но при этом более важного немца – внутреннего врага: его бить можно; он – условие для того, чтобы разбить и главного немца. Особенное возмущение вызывало, что немцы именно во время войны «поднимают голову все выше и выше, пользуются доверием, делают, что хотят, наводят спекуляции и, одним словом, скверно...» При этом наиболее опасным врагом представлялся именно внутренний немец, поскольку он не позволял организоваться для борьбы и делал ее бессмысленной, не давая возможности обеспечить безопасность и материальное существование семей. В этих представлениях смешивались отсутствие пользы в войне, опасения, что мир принесет только дальнейшую борьбу с внутренними врагами, что нарастают народные беспорядки и власти готовятся их подавлять, в том числе пулемета-

822, 823, 892, 893; Д. 2937. Л. 474; Д. 3856. Л. 54; Д. 3863. Л. 142, 146об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.Л., 1928. Т. 1. С. 59, 117; Л., 1927. Т. 2. С. 70, 126,127, 240, 248, 262; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 20. Царская армия... С. 26.

ми. Для солдата было все равно, где убьют, на фронте или в тылу: «Нам негде не найти спокой се ровно живым не быть...» С осени резко усилилась волна представлений о предательстве немцев среди начальства. Противник внешний и внутренний полностью уравнялись. Солдаты зимой 1916 г. готовы были, после того как уничтожат «проклятую Германию и ее союзников», разбить внутренних врагов, «которые мешают воевать, это спекулянтов проклятых и мерзавцев железнодорожных прятающих вагоны и немогущих разыскать таковые, с целью поднять цены на продукты или с умыслом погубить продукты»[1].

Несколько иным были представления об австрийцах: от уважения как временами сильного противника до представлений о преимуществе над этим противником. Как и у немцев, прежде всего производили впечатление укрепления у австрийцев. Как и немцы, австрийцы, возможно первыми, отступая в 1914 г., остановились на позициях, в целом невыгодных именно для русской армии. Так, в Прикарпатье, в районе Самбора и далее на север по направлению к Хырову, окопы русских войск тянулись вдоль самых Карпат, австрийские же позиции были на склонах гор, так что русские позиции были «как на ладони». В результате русские солдаты не могли «поднять головы, в остальное же время приходилось сидеть скорчившись, поминутно рискуя получить в лоб пулю от постоянно державших нас на прицеле австрийцев». Все это позволило австрийцам создать мощную систему укреплений, продержавшуюся вплоть до Брусиловского прорыва русской армии в мае–июне 1916 г. Австрийские укрепления как снаружи, так и внутри одинаково изумляли русских солдат. Укрепления производили «страшное впечатление»: проволочные заграждения рядов в 30 и более с железными столбами, насыпи, валы, бетоны, и все это по сравнению с русскими передовыми укреплениями – самыми простыми, с плохими земляными брустверами, кое-где жалкими землянками, в 2, 3, 4 ряда проволочными заграждениями, даже не сплошными[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252об., 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 274, 537; Д. 3856. Л. 54; Д. 2935. Л. 860, 862об.; Д. 2937. Л. 100, 115, 160об.–161; Д. 3863. Л. 255–256, 321, 335. 345, 365об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 42. *Ляховъ М.Н.*По Галіціи, три года назад. Казань, 1917: переиздание: Б.м.; Ляхов Ю.Б., 2002. С. 30.

Возможно даже, большое впечатление производило внутреннее благоустройство позиции австрийцев: «А окопы в них можно было прожить сотни лет чистота первостепенная, за окопами бассейны для купанья и для рыбы, кругом устроены полисадники, да действительно окопы, если б описать то потребовалось по крайней мере тетрадь страниц в 10 все не опишешь». На случай ураганного артиллерийского огня были устроены громаднейшие окопы с несколькими выходами, так называемые лисьи норы, потолок устроен из нескольких рядов дубовых бревен, сверху насыпано сажени три земли, так что такой окоп трудно разрушить. Внутренность последнего обита досками и освещается электричеством. Проволочные заграждения впереди неприятельской пехоты насчитывали до 30 рядов, причем наэлектризованы самым сильным током, а где такового нет, то под проволокой заложены фугасы или мины. По мнению автора другого письма, «все у них хорошо, а какие у них окопы – перед нашими окопами они выглядывают дворцами и до чего удобны и насколько сильно укреплены». Другие солдаты обнаружили по взятии австрийских позиций «целые подземные кварталы с электричеством и всякими удобствами, и кругом цветники, огороды, много у них вкуса...» Находили в «окопах-крепостях» австрийцев «и картины и водопроводы и ванны и такие ходы, что никак их не выбьешь». Корреспонденты отмечали «великолепие» австрийских окопов: «Все прочно; чисто сделано, удобно; везде электричество, даже в землянках солдат, а офицерские землянки – прямо дачи и на каждой надпись красиво исполнена и вывески – "вилла такого-то"». Это было поводом отметить достоинство противника: «Ну и работящий, видно, народ, везде чисто и хорошо сделано, есть чему подражать». Для других «австрийские окопы очень интересны: очень глубокие, выстланные полом, цементом, диваны, иконы, дорогие зеркала, да еще разные ящики с разными цветами», «бассейны для купания и для рыбы». Солдаты сравнивали австрийскую боевую позицию с Дерибасовской улицей. Авторы писем обнаруживали «роскошные окопы с мягкой мебелью... все бетонное, даже ванны, перед офицерскими разбиты цветники, сто-

лики, плетеные стулья». Кроме общего благоустройства окопов, поражало обилие различного добра, выпивки, кроме, однако, хлеба. Весь участок на линии Почаево был укреплен «не хуже Перемышльской крепости: здесь почти все блиндированные окопы, бойницы из камня, в каждом окопе полы, электрическое освещение, у каждого солдата кровать с пуховичками, картины, зеркала, мягкая мебель, а бутылок от спиртных напитков как-то: коньяка, терновки, житневки и других видимо- невидимо»[1].

Удивляла не только позиция, но и весь тыл, например: «Вот проходим все местами, ранее занятыми австрийцами, прямо поразительно, как они все переделали на свой лад, как великолепно оборудовали дороги, проведены узкоколейки, много совершенно новых построек-складов... Узкоколейная дорога проведена к самым окопам, в некоторых местах даже двойной путь, возле передней линии и дальше в тыл насажены цветники, устроены целые оранжереи, беседки, устроены дома с балконами, верандами, кругом обнесенные оригинальным заборчиком из березы; крыши покрыты толем. Прямо, знаешь ли, глазам не верится, что они здесь понаделали за 10-месячное их нахождение, там выросли целые деревни и местечки. Все пространство, т.е. дороги, занимаемые ими, вымощены камнем или деревом, везде и повсюду зелень и идеальная чистота, здесь же, на позиции, устроены парники с застекленными крышами, в которых посажены и салат, и редис, и лук, и огурцы, и цветная капуста, и много-много всячины, необходимой к столу. Все остальные куски земли засажены или хлебами, или картофелем. Леса и то засажены картофелем». А вот выдержка из солдатского письма: «Смотал австриец проволокой всю местность в тылу окопы на окопах проволокой засновал все леса и дороги а выстроился так не дай Бог, железных дорог провел скрозь на позиции, бараки, тротуары, зелени насадил чего хочешь, салата, цыбули, цветы всякого рода и это все около позиции и скрозь памятники “Франц Иосиф”». Даже за позициями, в лесу, были узкоколейки, станции, местные шоссе, все было построено симметрично, из березы, были построены также

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 94–94об. 128. 134.193. 194об.214об. 256 258.Д. 2935. Л. 315об.

землянки, разукрашенные фигурными орнаментами палисадники, клумбы. Вокруг землянок посыпанные песком дорожки, березовые скамеечки... Все это было сделано красиво, прочно, фундаментально...[1]

Само отношение к австрийцам как к противнику менялось в течение войны. Сначала в армии полагали, что «австрийцы достойный противник», понимая под этим относительное упорство боев в Галиции в первую кампанию. Правда, уже и в это время были случаи сдачи в плен австрийских частей, но при этом углядывали и здесь «благородство» австрийцев, которые не сдавались в плен по одному, а только частями, сотнями. Трудным представлялся противник вплоть до весны 1916 г.: из-за превосходства в технике («враг повсюду напирает богатырскою рукою»), партизанской тактики налетов «из леса». Сказывалось превосходство противника в технике, в частности в самолетах. Порою в русской пропаганде австрийцев обвиняли в ведении войны запрещенными методами: в применении разрывных пуль, изуверств над ранеными, что в первое время австрийцы воспринимались как серьезный противника. Однако отмечалось и то, что источник храбрости австрийцев– в «вине перед боем». А во время летних 1916 г. боев все чаще стали поступать сообщения о пределах воинской удали австрийцев: часто сдавались в плен, уклонялись от штыкового боя, чего не позволяли себе даже турки, вообще нежелание бороться до конца, как это делали немцы[2].

С осени 1916 г. австрийцы вновь усилили свои позиции: «как пауки замотались в колючую проволоку и сидят в своих убежищах, а они их хорошо могут строить, наша артиллерия их не пробивает». Одновременно увеличилось количество писем с описанием успеха австрийских войск и картиной австрийского быта в открытых письмах. Появились сведения об упорстве австрийцев, и это на фоне стремления русских войск иногда покончить с труд-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 93об.–94. 193. 194. 199об.–199а. Д. 2935. Л. 66.

[2] РГВИА. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 24, 115; Д. 561. Л. 24, 123, 217; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 72, 199аоб.; Д. 2935. Л. 814об.; Д. 3856. Л. 257, 259об; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 34.

ностями, выйти из окопов: «пускай меня сразу сгубят австрийцы, чем гореть на медленном огне, но австрийцы не как русский солдат, боятся из окопов выйти»[1].

Как «любезный народ» представлялись австрийские солдаты на братаниях весной 1916 г. Еще с лета 1916 г. укрепилось мнение, что австрийские военнослужащие готовы идти в плен. Причиной этого было, по словам самих австро-пленных, плохая еда, недостаток мотивации борьбы, ожидание мира. Правда, при этом отмечалось, что хотя австрийцы «сажаются» довольно охотно в плен – но только в самые последний момент, «а перед тем защищаются очень и очень даже упорно и искусно», в отличие от немцев, сражавшихся до последнего. Отмечалось также, что сами австрийцы были довольны своей судьбой, оказавшись в плену: не пытались бежать, когда их громадные партии сопровождались десятком казаков. Цензура докладывала: «Сообщения об австрийцах отдавали какою-то презрительною снисходительностью, по сравнению с сообщениями о немцах, где был виден дух озлобленности и ожесточения. Австрийцев русский солдат окрещивает какими-то несчастненькими существами, которых берут, как скотину, табунами. Не то о немцах: немец злой гений войны, который, как лютый зверь, пощады не заслуживает»[2].

Неожиданным, неизвестным врагом для русских солдат явились венгры, поскольку при продвижении на Балканы русские войска предполагали встречу только со славянскими воинскими частями. Выяснялась и определенная мотивация участия венгров в войне: по мнению русского военного командования, в случае победы Венгрии было обеспечено не только обладание Трансильванией, но и компенсация за счет сербских земель и Румынии. Венгры и в бою оказывали упорство, сравнимое с упорством немцев. Сдаваться они были не намерены даже в безнадежных ситуациях. Бои против них были даже ожесточеннее, чем бои с Германией в 1915 г., что было неожиданностью для русских. Это вызывало ожесточение вплоть до отка-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 12; Д. 2937. Л. 200, 419.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 17об.; Д. 2935. Л. 116; Д. 3856. Л. 292об.; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 34, 35.

за брать в плен венгров, а всех – «колоть». Даже в плену венгры вели себя схоже с немцами: смотрели сумрачнее австрийцев, «почти у каждого злой огонек в глазах». Мадьяры оказались еще и жестоким врагом по отношению к местному населению, заподозренному в сношениях с русскими войсками. Они применяли репрессии вплоть до расстрела. Одновременно мадьяры широко применяли партизанскую тактику в тылу русских войск. И только зимой 1917 г. мадьяры стали чаще, как и немцы, выходить из окопов, прося хлеб у русских солдат и предлагая перемирие – вплоть до перебежек в плен в русские окопы[1].

Среди противников России в войне резко выделялись болгары. Прежде всего обнаружилось крайнее ожесточение, с которым дрался этот противник, хотя предполагалось, что болгары не будут сражаться с русскими. Такое открытие русская армия сделала сразу по вступлении в Румынию и особенно – после трехдневных боев с болгарами в Добрудже, в Румынии, где как раз румынские войска не показали должного упорства. На других участках Румынского фронта также выявилось крайнее упорство болгар. «Пока болгары не думают без боя идти к нам, как мы предполагали. Они дерутся отчаянно», – делали вывод корреспонденты писем. Болгарских солдат по упорству сравнивали с немцами, и даже с русскими: «русского закала, идут в штыки, не боятся». Болгар и воспринимали как часть наиболее враждебных России войск – наравне с немцами и турками, с частями которых болгарские и были перемешаны. Большую помощь болгары получали от немецкой техники, в частности – от авиации[2].

Болгарские войска не только оказывали сильное сопротивление русской армии, но и проявляли неожиданное для противника поведение, в сущности, проводя тактику выжженной земли. Отходя, болгары сжигали захваченные ими румынские села, не оставляли ничего, в том числе и из

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 206, 264, 651; Д. 3863. Л. 291об.; Циркуляр генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта ген. М.К. Дитерихса – штабам армий Юго-Западного фронта от 11 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 1. Л. 301–302; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 12.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 289об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 610, 635, 745, 881об.; Д. 2937. Л. 313; Д. 3863. Л. 59.

живности, в результате чего русские войска стояли в поле без пищи. В сводках цензоры постоянно писали о «зверствах болгар», что они в плен не берут, всех живых, в том числе раненых, прикалывают, издеваются над русскими пленными (сжигают, отрезают пальцы). Много было сообщений о зверствах болгар по отношению к мирному населению: угоняли и разоряли румынское население, сжигали их села, сжигали в церквах иконы и другую церковную утварь, насиловали женщин «старого и детского возраста» и даже вырезали у них груди [1]. Но при этом они оставляли нетронутыми поселки колонистов – немцев и болгар.

Особенное возмущение вызывало «предательство» болгар по отношению к русской армии, освободившей их от османского гнета. В этом случае русские солдаты и офицеры проявляли хорошую идейную подкованность, заставляя молчать бывших «братушек» во время идейных стычек с пленными болгарами. Это был редкий случай идейного превосходства над противником, тем более достигнутый в период другой акции – помощи другому братскому, в данном случае – православному румынскому народу. Поведение болгар вызывало всеобщее чувство мести в русских войсках. Постоянно мечтали им «показать, где раки зимуют», «почесать бока братушкам и абдулкам», поехать в Румынию к болгарам и «дать там перцу изменникам болгарам», добраться до них, чтобы «помнили русских, особенно сибиряков», вообще «покончить с проклятой Болгарией»; «уничтожить неблагодарную Болгарию, которую мы, русские, не раз защищали и которая теперь платит за добро, убивая наших братьев» [2].

Ненависть к болгарам порождала действия, доходившие до жестокости, чего не проявлялось ни к одному противнику русских во время войны. В письмах упоминается об ожесточенных штыковых атаках против болгар, о том, что когда болгары попадают в плен, то их «секут как капусту». Та же ненависть, добивание пленных болгар, были и у сербов. Порою штыковые атаки на болгар переходили

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 28, 239, 280, 305, 317, 325, 323, 324, 365, 366, 497; Д. 3863. Л. 14, 59, 132, 133, 134, 139.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 361об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 3, 201, 232об., 201, 302; Д. 3863. Л. 14, 132.

в рукопашные, с применением лопат. Такое объяснение жестокости по отношению к болгарам можно объяснить слишком очевидной ясностью отрицательного образа врага, а также ощущением справедливости, даже полезности, что вполне объясняло редкое упорство русских в борьбе с противником, особенно в конечный период войны. Противоборство с болгарами имело своим следствием и перенесение представлений о фронтовой «измене», существовании внутреннего врага, который подлежал уничтожению. Не случайно такое ожесточенное отношение к «братушкам» совпало с усилением взглядов на необходимость покончить с внутренними врагами русских солдат в самой России.[1]

Даже поведение традиционного противника – турок – оказалось не таким, как его себе представляли русские солдаты. Сначала «приемлемость», «правильность» военных действий объяснялась отсутствием ненавистной позиционной войны, зависимостью от погодных условий и ланшафта, вообще сезонностью боевых действий, что отвечало представлениям солдат-крестьян о традиционной войне. И сам противник, турки, оценивались как вполне обычный, знакомый, то есть много раз битый противник. «Если бы не горы то мы бы всю Турцию завоевали. С турком воевать что с хорошей барышней танцевать», – радостно сообщали солдаты с Кавказского фронта. Солдаты всегда считали турок не таким сильным противником, как германец: «он хоть удушливых газов не пускает». Однако к осени 1916 г. выявились и определенные трудности: турки сражались упорно и не уклонялись от штыкового боя, как австрийцы или германцы. Трудность боев на Кавказском фронте осенью 1916 г. заставила по-другому оценить противника: «Турки расстраивают наши молодые сердца», – писали теперь русские солдаты[2].

В случаях близости противника к передней линии окопов возникали дополнительные тяготы. Противники, чьи секреты порой находились всего в нескольких десятках шагов, иногда забрасывали первую линию гранатами,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 53об., 284, 305; 3856. Л. 2, 82.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 535; Д. 2935. Л. 562об., 814об., 897; Д. 2937. Л. 32.

на что было опасно отвечать, учитывая слабость позиции и связи по фронту. Малое расстояние до позиций врага сильно нервировало некоторые части. Близость противника заставляла все время укреплять участок, рыть лисьи норы, производить постоянные саперные работы. Но это вызывало еще большее напряжение при производстве работ, так как часто отсутствовал местный материал, фураж для лошадей, что приводило к их падежу. Досаждала и нехватка продуктов, что, в свою очередь, приводило к цинге и т.д. В целом пребывание на позиции, в окопах, являлось сильным угнетающим фактором. В первые месяцы революции 1917 г. солдаты на съездах не высказывали, в сущности, никаких революционных требований, то есть по вопросу о власти, земле и т.п., а только лишь жаловались на трудные условия окопной жизни, на ее длительность и требовали отдыха[1].

Близость к противнику создавала очень важную проблему качества оборонительных линий, условий существования солдат – не только на передовой позиции, но и на отдыхе. Этот фактор являлся крайне важным из всех тягот войны. Сами окопы и землянки, то есть убежища второй линии первой полосы, вызывали массу нареканий. На Западном фронте это имело место в начале окопных оборонительных работ зимой 1915–1916 гг. Солдаты жаловались, что землянки протекают и нередко обваливаются, что в окопах вода и т.п. Особенно это касалось позиции на Юго-Западном фронте, где само строительство в рамках позиционной линии началось только осенью 1916 года. И здесь окопы обваливались, так как были сделаны «из песка»; их укрепление ни к чему не приводило. Окопы не защищали от непогоды, особенно от дождей. Были трудности в устройстве блиндажей (долговременных сооружений, имевших целью выдержать артиллерийский обстрел), особенно в Румынии, – из-за нехватки материала. Отсутствие дров не позволяло готовить и полноценную пищу. Плохие окопы давали чувствовать и жару, и холод, и осадки. Многие позиции были в виду неприятеля, что имело место еще при строительстве позиций с осени 1915 г., но

[1] Стенографический отчет 1-го съезда Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3799. Л. 128–130, 141, 173, 267.

наблюдалось и в конце 1916 г. Множество сообщений поступало о грязи в окопах, отсутствии убежищ и исходных окопов для наступления, что предполагало неминуемые высокие потери. Порою на передовых вообще не было землянок, что было связано с постоянными наступлениями и отступлениями. Но и вдали от передовой линии землянки, блиндажи не были достаточно оборудованы. Здесь имелся полный пакет неблагоприятных обстоятельств: землянки были холодными, «текли», в них было тесно, сыро, они находились далеко, в 15 км от окопов, куда приходилось ходить на окопные работы[1]. Не лучше обстояло дело и в резерве, «на отдыхе». Села переполнены, там, где раньше размещался всего лишь полк, теперь ставилась целая дивизия; люди, лошади, оружие, седла – все было перемешано, часто ночевали снаружи. Солдаты размещались в полуразрушенных сараях или даже на скотных дворах. Здесь их опять ожидали те же теснота, грязь, спертость воздуха, сырость, холод, болезни, паразиты, ощущение нечистоты и т.п. Такой отдых расценивался как «пытка»[2].

Остро ощущалась солдатами и разница между оборонительными линиями Юго-Западного и Румынского («Болгарского») фронтов, которые только начинали строиться, и линией Северного («германского») фронта, хорошо оборудованного, где жили «как у Христа за пазухой», «с удовольствием», и часто его вспоминали[3]. Особенно плохо с устройством окопов обстояло дело на «болгарском» (Румынском) фронте, где не было леса и в некоторых местах на 4 версты «кругом» отсутствовала вода. На это постоянно обращали внимание солдаты. Таким образом, на солдат возлагали расплату за неумное стремление воевать, игнорируя законы позиционной войны[4].

Согласно солдатским письмам, позиции были не обустроены. Так писали как солдаты впервые попавшие на

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 89; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 292, 881об.; Д. 2937. Л. 73, 79, 126–126об.; Д. 3863. Л. 48, 58, 263.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 135об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 302об.; Д. 2937. Л. 243–244.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 48; Д. 2937. Л. 304; Д. 2935. Л. 893.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 306; *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 122–124, 162–163.

фронт, так и уже достаточно долго занятые на окопных работах. На некоторых участках удалось благоустроить позицию только к концу 1916 г. Считали окопы нормальными, достаточно приспособленными к зимней стоянке, солдаты 11-й армии в октябре 1916 г. Правда, в других местах «неизбежные неудобства, вследствие постоянных дождей, переносились со стоической покорностью судьбе», – уточняла цензура. Солдаты 117-го легкой артиллерии отдельного дивизиона писали, что «окопы хорошие, просто можно сказать, что хоромы». Правда, именно на этом участке практически не было больших боев. Во многих местах солдатам удавалось приспособиться к трудным обстоятельствам, сделав условия нахождения в землянках «не хуже, чем в комнатах»: сами мастерили печки, двери, окна, обивали стенки соломой, заводили самовары, посуду и т.п. и «благодушествовали», «так что положение теперь лучше губернаторского», – писали солдаты в письмах. Но такие сообщения единичны[1].

Одной из трудностей войны являлось наличие в окопах воды – вследствие дождей и мокрого снега. Впервые это обнаружилось еще в декабре 1915 г. Солдатам приходилось воду выливать из окопов ведрами; попытка выкачивать воду насосом не приводила к результату, так как русские окопы занимали, как правило, низины, что было следствием неблагоприятного расположения вообще русских позиций, которые они получили после «Великого отступления». Впрочем, на Западном фронте вечная сырость в окопах обуславливалась болотистыми почвами, особенно в Полесье. Но чаще это было следствием дождей и мокрого снега[2].

Зимой 1916 г. вода в окопах рассматривалась как тяжелейший фактор тягот войны наравне с постоянными обстрелами со стороны противника. Солдаты сообщали, что они «буквально гнили, всегда в воде». Весной 1916 г. цензура отмечала всеобщие жалобы на воду в окопах, что приходится спать и сидеть в болоте, и нет сухого места, где

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 134об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 7, 9, 422об.; Д. 3863. Л. 17–18, 62.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47, 68об., 78, 100, 225; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 14об.; Д. 3863. Л. 17–18, 58.

можно было бы обсушиться и погреться. Правда, ситуация с водой не сразу воспринималась трагически. Например, на Юго-Западном фронте русские солдаты считали себя даже в лучшей ситуации по сравнению с германцами, которые были обуты в башмаки и терпели большую беду. Однако положение стало значительно меняться к лету 1916 г., когда на том же фронте дожди, заливавшие окопы, стали расцениваться как отягощающее обстоятельство, потому что окопы не были приспособлены для позиционной войны. И вода стала восприниматься как источник непереносимого страдания во время тяжелых боев. Осенью 1916 г. эта ситуация, с водой в окопах, резко ухудшилась. В письмах сообщали, что приходилось стоять по пояс в воде по 15 суток, что «вся одежда почти сгнила, портянки тоже все сгнили». Положение усугубляли дожди, превращавшие землянки и блиндажи в болото. К тому же солдаты не могли нигде достать соломы для подстилки: «Одним словом не живем, а гнием», – жаловались бойцы. Особенно тяжело было ночью, когда нельзя было обсушиться, отдохнуть, а к сырости добавлялся еще и холод. Именно в это время отнюдь не огонь противника, а именно сырость, наличие воды в окопах, сопровождавшиеся холодом, делали невыносимым нахождение на фронте. Неудивительно, что солдаты высказывали желание даже быть ранеными или больными, чтобы только не находиться на позиции[1].

Зимой 1916 г., в декабре, вода в окопах (по колено) стала восприниматься как совершенно невыносимое страдание, наравне с голодом и холодом. Хотя многие позиции располагались не на болоте, однако солдаты находились в воде по несколько часов. Конечно, в такой ситуации виновато было прежде всего командование фронтом, в особенности Юго-Западным. Оно не озаботилось тщательным, надежным укреплением позиций. На Северном фронте, например, жалоб на окопы во вторую зиму было мало. Это относительное благополучие, конечно, было связано и с отсутствием факторов, отягощавших положение на позиции (постоянные бои и окопные работы). Тем не менее вина командования Западного и в особенности Юго-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 225; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76; Д. 2935. Л. 478, 682; Д. 2937. Л. 80, 257, 379; Д. 3856. Л. 22.

Западного фронтов безусловна. Кроме постоянной воды в окопах, сырости, солдаты страдали и от отсутствия питьевой воды, которая «достается ценою жизни»[1].

Сырость и холод в окопах создавали условия для постоянной грязи, в результате чего солдаты были грязными, «как свиньи». Казалось, что болото проникло непосредственно в окопы. Грязь особенно сильно ощущалась ночами, когда не было света ни в окопах, ни вообще на позиции. Ощущение грязи, нечистоты усиливалось из-за отсутствия смены белья по неделе и больше, то есть почти всего времени нахождения на позиции[2].

Кроме физических лишений, пребывание в окопах, на позиции, являлось источником моральной угнетенности. Окопы часто сравнивали с тюрьмой, в которой приходится сидеть целыми днями, это была для них «военная неволя». Из окопа враг не был виден, что смущало многих солдат, особенно новобранцев, не понимавших, где находится враг, с которым приходится сражаться. Угнетало бездействие и бессмысленность сидения в окопах, где приходилось находиться от одной до пяти недель. Угнетенное настроение, порожденное сидением в окопах, представлялось чем-то вроде жизни в лесу, «як дикий зверь», где «ни села не увидишь, ни людей вольных одни солдаты и могилы по лесах – все лежат русские защитники». Близость к противнику «действовала на организм», заставляла все время сильно укреплять участки, проводить окопные и саперные работы. Угнетала и глушь позиции, особенно в резерве, где ничего нельзя было узнать о том, что делается в России[3].

Особенная ситуация создавалась во время боя: приходилось преодолевать не только искусственные, но и естественные препятствия, затем лежать по несколько дней на отвоеванной, или «ничейной» земле, часто без пищи, под огнем, среди трупов и раненых. Такое общее, широко распространенное ощущение окопной жизни представлено в следующем солдатском стихотворении:

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375;. Д. 3863. Л. 4, 70.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 8, 9, 682; Д. 2937. Л. 292, 461; Д. 3799. Л. 130. Д. 3856. Л. 82; Д. 3856. Л. 50об., 257; Д. 3863. Л. 283об.

Хорошо тебе на воле
Слышать ласковы слова,
Посидел бы ты в окопе,
Испытал бы то что я.
Мы сидим в открытых ямах,
Слышим – дождик моросит.
Как засыпит с пулемета,
Так поверьте нельзя жить.
И вот слышится команда
«Из окопов вылезай»,
Только голову покажешь
Шрапнели так жужжат,
Как пойдешь было в атаку
Крикнем громкое ура
И увидишь там большую массу
Все убитые тела.
Вас веселые пластинки
Заведите граммофон,
Мы трясемся как осинки.

Или вот в этом:

... Корчит и гнетет холод и мучит неволя
Переносить холод и голод знать солдатская такая доля.
Куда ни посмотришь, летят там снаряды
Да окоп глубокий спасает солдата,
Как утро настанет – летят шрапнели,
А солдата корчит холод в одной лишь шинели.
А австриец пускает снаряды как садовник груши.
А в солдата без шапки отмерзают уши,
Осенний ветер воет как девка от скуки,
А в солдата без перчаток отмерзают руки.
Так герои погибают без пощады перед собой,
Враг повсюду напирает богатырскою рукою.

В целом общие условия нахождения на позиции приводили к ощущению, что окопы «надоели хуже капусты», а с ними и «война сильно опротивела»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 188; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 72; Ф. 2935. Л. 338, 504об.; Д. 2937. Л. 32об., 298.

Власти знали о недостатках позиции, тяготах окопной жизни и на позиции, в резервной полосе, пытались организовывать развлечения. Так, осенью 1916 г. в 12-м пехотном Великолуцком полку в 11-й армии имелись две гармони, две скрипки да две балалайки и по вечерам во время отдыха происходили пляски устраивались и танцевальные вечера. В одной из частей той же 11-й армии на отдыхе собирались вокруг костра и рассказывали сказки, а также «гармошкой занимались». Еще более мирная обстановка складывалась на отдельных пунктах, где трудности боевой жизни мало сказывались: здесь были обеды и ужины, самовар, анекдоты за столом. Большими событиями на фронте являлись праздники, вносившие элемент разнообразия в монотонную позиционную жизнь. Одновременно праздники являлись поводом вспомнить о родных, обменяться поздравлениями и подарками. Уже в это время практиковались подарки от фабрик и заводов различных городов, от школ, целых сел и т.п. Особенно любимыми были праздники Рождества и Пасхи. Как правило, проходили они «весело и хорошо». Так, Рождество в 1917 г. в войсках Особой армии сопровождалось игрой ряженых, хором, солдатским спектаклем, разными плясками и национальными танцами. Рождественские праздники перетекали плавно в праздники встречи Нового года. Они также сопровождались увеселениями, елкой и т.п. Впрочем, такие картины довольно редки и имели место в сравнительно спокойных местах фронта: в госпиталях, отдельных командах и т.п. Однако во многих частях Особой армии рождественские праздники прошли грустно. Солдат интересовало только, пройдут ли праздники в окопах или на отдыхе. В письмах встречаются редкие упоминания о встрече Масленицы с выдачей по 5 блинов, одной селедке, по 1 ф. белого хлеба, «харчей досыта». Следует подчеркнуть, что фактически все празднества отмечались только зимой в 1917 году. Праздники рождественские и новогодние не совпадали по календарю с этими празднествами в армии противника и иногда сопровождались перестрелками и артиллерийскими обстрелами[1].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 9, 9об.; Д. 3863. Л. 17–18, 188об., 195, 196, 262, 287, 290, 325.

Чрезвычайно большое значение для физического и морального состояния русской армии имела погода. Сказывалась непривычка к переменчивой погоде с дождями, морозом, снегом, оттепелью, что значительно отличалось от погоды основной полосы России с ее континентальным климатом, определенностью погодных условий в течение длительного времени. В погодных условиях непосредственно содержался ряд тягостных для солдат факторов: дожди, грязь, холод, отсутствие света. Влияние погодного, то есть сезонного фактора, полностью вписывалось в привычный для солдат-крестьян рабочий ритм. А он не совпадал с ведением военных действий, не предусматривавших какое-либо совпадение с сезонными ритмами. Ухудшение погоды оказывало и физическое воздействие: люди замерзали, заболевали, простывали и т.п., особенно в условиях походной жизни. Уже осенние месяцы первого года войны принесли понимание серьезности погодного фактора, по существу, неготовности к зимней кампании. Это происходило как на Юго-Западном, так и на Кавказском фронтах[1].

Как только погода ухудшалась, ухудшалось настроение солдат, падала дисциплина. Цензоры прямо указывали, что «чрезвычайное влияние на психику оказывает время года». Погода же занимала важное место во всем комплексе негативных факторов, которые для солдат и заключались в войне. Солдаты так объясняли: «У нас жизнь плохая всем, затем плохая погода и плохая доставка, через это самое нам очень плохо». Ухудшение погоды символизировало, подгоняло, сопровождало и общее ухудшение ситуации на фронте, и ухудшение настроения. Приход зимы и совпадал с таким ухудшением настроения: «Настроение уже упало до 0 градусов и скоро пойдет на убыль, на мороз...» Именно с ухудшения погоды осенью и начиналась «скука» в армии[2].

Перемена настроения, связанная с погодой, наступала уже осенью, которая порой казалась в тот момент хуже

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 188; Д. 561. Л. 39, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 420; Д. 3863. Л. 195.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 2, 36об., 99об., 200, 419; Д. 3863. Л. 163об., 189об.

зимы: «грязина по колена дождь душу всю трясе так что ничего нимило кажеться что мог вземлю живому влесть». Предвестником ухудшения погоды были дожди, порою ежедневные. Но все же наиболее гнетущее настроение приносила зима вместе с массой лишений. Первая трудная кампания оказалась зимой 1915–1916 гг., которая, к тому же, сопровождалась переменчивой погодой, неожиданными дождями, гололедицей и морозами, а также неустройством позиции с многочисленными упущениями или даже злоупотреблениями начальствующих лиц, не обеспечивавших внимательного отношения к нуждам войск. В целом именно эта зима произвела громадное негативное впечатление на солдат. Тяжело сказались погодные условия и на неудаче боев в Галиции во время зимней операции декабря 1915 г. Идущие в течение последних шести недель попеременно дожди и снег при почти постоянной оттепели увлажнили и разгрязнили грунтовые дороги и поля, обратив их в трудно- или едва проходимые топи, в которых глубоко вязнут ноги людей и лошадей, а также повозки. Погода крайне ухудшила состояние и без того слабой сети прифронтовых дорог, сказалась на резком увеличении количества больных, обусловила нехватку или сбой поставок продовольствия для частей, вообще была первым испытанием для обновленного состава армии, основу которой составили не обученные в условиях постоянной кадровой армии солдаты-крестьяне[1].

Именно поэтому уже в июне 1916 г., когда стала выявляться ограниченность успеха Брусиловского прорыва, солдаты с тревогой начали говорить о зимней кампании. А в августе и далее в сентябре 1916 г. сама мысль зимовать еще раз уже пугала, заставляла «на все махнуть рукой и терпеливо еще зимовать». В ноябре 1916 г. солдаты писали: «Мы уже совершенно на зимку устроились. Настроение у всех ужасное, ждут мира». Солдаты называли положение ужасным: «на позиции снег, дождь, холод – одним словом ужас». Зимой 1917 г. переменчивая погода с дождями, морозом, снегом, оттепелью вносила свою долю в ухудшавшееся моральное состояние солдат русской ар-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 449–450; Д. 2935. Л. 776об.; Д. 2937. Л. 115, 253, 369.

мии, поскольку «довольствие плохое, погода ужасна». Четвертую же зиму, то есть 1917–1918 гг., войска прямо отказывались терпеть. Военный комиссар Временного правительства при главнокомандующем армиями Западного фронта В. Жданов сообщал военному министру 17 августа 1917 г.: «Зимняя стоянка при полном бездействии обещает скверно отозваться на настроении солдата, на войсках же Западного фронта оно должно отозваться гибелью и легко может вызвать полный развал армий». В целом именно погода оказывала чрезвычайное утомительное действие, вызывала мечты о мире и отдыхе от этих и других невзгод[1].

Современная война в значительной степени ведется на «чужой территории», которая, однако, должна защищаться как «своя». Этот фактор ведения военных действий проявился на Русском фронте как никаком другом фронте мировой войны. Карпаты стали первым опытом войны на чужой территории еще в зиму 1914–1915 года. Тем тяжелее было вновь оказаться в этих краях в новую кампанию – зимой 1916– 1917 г.: все равно что «идти на тот свет». Карпаты воспринимались только как неудобная территория из-за плохой погоды и ландшафта. Не нравились заснеженные горы, занесенные снегом окопы, пронзительный ветер, метели, что сказывалось на доставке продовольствия и т.п. В Карпатах остро ощущалась разница в ландшафте. То, что приходилось идти все время «не по ровному месту, а с гор на гору», было непереносимым и во время атаки, и в быту. Порою Карпаты воспринимались как громадная общая могила, окруженная горами, где холодно и тоскливо на душе. Даже позиция под Ковелем лета 1916 г. казалась лучше обустроенной, чем позиции на Карпатах. В этих условиях тяжело было переносить голод и холод, что ощущалось даже физически, болью в теле. Карпаты представлялись своеобразной западней, откуда невозможно было вырваться. «А если бы вырваться из этих проклятых Карпат, то будто бы на другой свет народился», – писали солдаты. Здесь, в Карпатах, где тоскливо и холодно, обострялось чувство заброшенности, и солдаты

[1] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 275–276; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188об.; Д. 2935. Л. 53, 583, 917; Д. 2937. Л. 216, 461об.; Д. 3863. Л. 195, 253.

мечтали об окончании войны: «Пора и отдохнуть ведь два с половиной года живем по полям и лесам». Но даже если бы удалось выжить, то, как считали, «тот не человек и будет век жить калекой»[1].

Особенно возмущало солдат русской армии поведение населения союзных с Россией стран и местностей: Галиции, Молдавии, Румынии. Так, неожиданно делали вывод в 1915 г., что русское население Галиции принимало русские войска хуже, чем остальные галичане – русских. Русские солдаты с удивлением узнали, что те, кого они пришли освобождать, являются народом «малокультурным», «малообщительным», «да и на нас смотрят хуже, чем на врагов». С горечью наблюдали солдаты разницу в культурных слоях в Галиции: малообразованности православного духовенства, неприязненного его отношения с населением, и, наоборот, культурностью, интеллигентностью униатского, и тем более католического духовенства, имевшего высокий авторитет среди местного населения. Смешанные чувства у русских солдат возникали при знакомстве с представителями молдавского населения, часто встречавшимися в районах Румынского и Юго-Западного фронтов. Большинство сообщений (за немногим исключением) указывало на резко неприветливое отношений молдаван к солдатам русской армии: «Хуже нам не было жить, как среди Бессарабских молдаван...». Недоброжелательное отношение проявляли не только простой люд, но и интеллигенция. Молдаване выражали вообще протест против присутствия русской армии, полагая, что они «сами здесь управятся». Возникали конфликты на почве квартирования, продовольствования и т.п., в чем молдаване отказывали русским войскам. В ответ отряды казаков совершали нападения на молдаван. Производил тяжелое впечатление вообще «непатриотизм» молдаван, их «лень», нежелание выполнять окопные работы даже за деньги. Невольно в русских войсках сравнивали такой подход населения с отношением населения к противнику, обеспечивавшего неприступность полевых укреплений, дорог. Но сравнения шли дальше: с населением и войсками в самой России, где

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 16; Д. 3863. Л. 39, 93, 162об., 163об., 262.

также «не имеют понятия о патриотизме». «И вот в такое трудное время бросается каждому в глаза недостаток народного объединения и воспитания», – делали вывод корреспонденты на основе наблюдений за населением на чужой территории. Даже украинское население враждебно относилось к русской армии. Крестьяне «обдирали» солдат при продаже им продуктов питания. Солдаты считали даже поляков более дружественными, чем украинцы, которые порою проявляли прямую ненависть, «только и говоря, чтобы вас холера забрала, да чтоб германская пуля убила. Вот какие они...» – жаловались солдаты в письмах[1].

Самое негативное впечатление вынесли русские солдаты от населения и армии Румынии, которых рассматривали как ближайших союзников. Первоначально на Румынию возлагались надежды как на нового, самого близкого союзника. Эти надежды были особенно радужными после тяжелых летних боев 1916 г. Однако совместная борьба против противника показала слабые стороны румынской армии: расчет лишь на моральный успех, нежелание согласовывать планы в боевой обстановке с русским командованием, неожиданный уход с позиций». Поражение же румынской армии произвело прямо гнетущее впечатление на русских солдат. В адрес румын посыпались обвинения чуть ли не в предательстве, их считали плохими солдатами. Горечь разочарования в румынской армии дополнилась презрением к слабому союзнику: «румыны – музыканты», «от них ждать много не приходится», «румыны плохие воины, способны владеть смычком, а не мечом, при первом натиске бегут, и вот нам приходится их спасать от разгрома»; «без русских пулеметов сзади румын дело не обойдется»; «солдаты румынские без выстрела бегут без оглядки, и вся их армия не стоит и одного нашего полка»; «да, послал Бог союзников-скрипачей. Им бы на скрипках играть, а не воевать. Войско такое, что там, где нет русских, – бегут, бегут и бегут. Придется нам отдуваться за Румынию, ничего не поделаешь»; «румыны не только не пособили, а прямо подгадили», – таковы многочисленные

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. Л. 33об.–34, 529об.; Д. 2937. Л. 318, 361, 407об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 474об., 514–514об.; Д. 1673. Л. 284об.

суждения солдат о союзнике. Поражение Румынии в качестве союзника имело и долговременное значение. Когда в 1917 г. стало известно, что Америка хочет выступить против Германии, то солдаты уже не верили: «Ну ето хотя и на нашу руку да что потом будет, когда Румыния выступила то тоже говорили что теперь конец а вышло наоборот»[1].

И все же в России и в русской армии считали необходимым помочь румынскому населению, полагая найти в нем благодарность за освобождение территории от противника. Румынский эпизод войны, кажется, давал русской армии то ощущение полезности, нужности, необходимости воевать за «други своя», за союзника, наконец, за православный народ, что недостаточно ощущалось в течение почти всей войны. Тем больше было разочарований уже от общения с самим населением. Солдаты сообщали в письмах, что «Румыния – подлая страна», «народ плохой, скупой и невоинственный», «население русских не любит». относятся к русским войскам недоброжелательно, «косо посматривают на нашего брата». Иногда русские войска подвергались оскорблению, «потому что мы не умеем говорить на французском языке, так как там он очень распространен». Солдаты жаловались, что румыны обирают их немилосердно при расчете румынскими деньгами, наживая на курсе огромные деньги. В халупы к себе русских не пускают, и румынские власти этому покровительствуют, поэтому приходится жить или в палатках или землянках... Вообще встречают русские войска негостеприимно, боятся их, запираются по хатам». Иногда споры с румынскими жителями принимали принципиальный характер. На слова, что румыны – «трусы», жители возражали, что «русские привыкли воевать и мира не хотят». «Лошади у нас плохие в орудиях и на волах тоже возят орудия и обоз тоже на волах, словно германец забрал все, нет ничего, орудия старого образца. Так что Румыния нам плохая помощница»[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 302, 562об., 635; Д. 2937. Л. 54, 227–227об.; Д. 3863. Л. 46, 62, 197об., 272.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 256; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 635; Д. 2937. Л. 107об.; Д. 2937. Л. 227–227об., 313, 317, 385об.; Д. 3863. Л. 2об., 8, 133.

Русские военные даже ожидали от румын постоянных нападений, в результате чего приходилось ходить с оружием. Румын обвиняли в неспособности держать свое слово, говорили, что даже «в Австрии люди гораздо лучше, хотя они наши неприятели, а румыны наши союзники, хуже чем неприятель, как звери». Сообщали, что раненые и больные массами бегут из румынских лазаретов, где за ними нет никакого ухода, и разным способом пробираются в Австрию, где являлись в лазареты. Солдаты делали вывод, что среди румын больше германофилов, по сравнению с Галицией, где «с народом было лучше, несмотря на то, что там все русины или униаты или поляки, но они к нам относились хорошо и сочувственно, здесь же одной веры с нами, но по духу германофилы. Духовенство их так же враждебно, как и народ...» «Румыны... все плуты и жулики невероятные, это не государство, а одно недоразумение, – делали вывод солдаты – жаль, что приходим сюда не врагами»[1].

Враждебное отношение к русской армии усугублялось и многочисленными случаями бытового неустройства в Румынии. Солдаты чувствовали себя совершенно оторванными, отрезанными от остального мира, не получали ни писем, ни газет. Солдаты жаловались на нехватку продовольствия, что в Румынии ничего нет, «кроме соломы и кукурузы. А что касается белого хлеба, здесь и понятия не имеют о нем, даже я тебе скажу и черного нет, а жители питаются одной кукурузой. Вот тебе жизнь в Румынии». В этом цензурном отчете из 100 выборок 80 касались плохого довольствия, нехваток мяса, хлеба, сапог и теплой одежды. Солдаты сообщали, что невозможно было купить продукты из-за их нехватки или дороговизны, и также – враждебного отношения населения. По сообщениям солдат, не было даже чистой воды, пили из луж, в результате чего «развелась холера». Голод, жажда были обострены также огромными переходами в стране, где было не развито железнодорожное сообщение. К декабрю 1916 г. ситуация на Румынском фронте повторила худшие моменты Юго-Западного фронта: холод, голод, отсутствие хлеба, стойкий противник (болгары), отсутствие укреплений, не-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 318, 361–362; Д. 3863. Л. 9, 56, 62, 257.

хватка дров, во всем недостаток, при этом тяжелые бои и враждебность населения[1].

Опыт пребывания русской армии в Румынии, на Румынском фронте, имел особое значение в целом в военном опыте на Русском фронте. Если горы Карпат, пропасти являлись пространственным, ландшафтным ощущением отрезанности комбатанта от остального мира, то дальность Румынии являлась географическим ощущением оторванности от родины. Оторванность, отрезанность от России солдат на Румынском фронте ставили остро вопросы смысла военных действий на чужой территории. Именно отсюда расходились представления по всей армии, что «надоело шляться по чужой земле», находиться «под неволей». В определенном смысле, слова одного солдата, что «эта Румыния ни хера не стоит чириз нее всех пострадаем...», ставил вопрос о негативности фактора чужой территории в военном опыте русской армии. Остро вставал вопрос о смысле войны за территорию, неорганизованную и враждебную солдату. И здесь было недалеко до распространения таких же понятий: смысла борьбы за собственно Россию, столь же неорганизованную и столь же враждебную русскому солдату. Как и в России, в Румынии нечего было купить, «страшно обижают один другого, а слагают все на правительство», процветала спекуляция: «Который раньше имел халупку, то теперь построит палац»[2].

Опыт взаимоотношений русской армии с армией и населением Румынии в годы Первой мировой войны имел важные последствия в конце ее активной фазы. Так, когда в начале 1917 г. США вступили в войну на стороне союзников, это не произвело необходимого впечатления на Русскую армию, помнившую напрасные ожидания от вступления в войну Румынии. Сказалось непонимание значения вступления в войну такой страны, как США, о которой у русских солдат имелось весьма слабое представление.

Еще менее доброжелательным могло быть отношение населения стран, куда русская армия вступала как против-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 239, 283, 326; Д. 3863. Л. 2об.–3, 9, 10, 55, 56, 62, 135.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 318, 389; Д. 3863. Л. 19, 62, 293.

ник. Такими воспринимались венгры («мадьяры»): «народ чудной больно, ходит в длинных рубахах словно баба, портки носят белые, волосы на голове длинные как у попа. Смотрят чертом и если ночью встретишь в горах обязательно убьет, зовется народ этот "мадяра"»[1].

Большое впечатление на русских солдат производило богатство, в котором живет простое сельское население Австрии: «как помещики». Да и по богатой экипировке пленных было видно, что они «много меньше нуждаются во всем, чем мы: хорошо одеты, походные сумки полны белья и даже есть ценные вещи и много денег». На этой почве уже возникало множество злоупотреблений со стороны русской армии: сопровождавшие пленных казаки эти вещи отбирали, что приводило к недовольству населения. С другой стороны, население отказывалось давать ночлег и продовольствие даже за деньги. «Так что плохо русским среди них, т.е. немецких селений жить», – делали вывод солдаты. Враждебность населения чувствовалась даже по взглядам, которые бросали на солдат местные жители: смотрели «как на зверя по чертам лица их можно прочесть что ихняя душа говорит мол идут наши враги и убийцы наших братьев, мужей и отцов». Сказывалась, правда, и нехватка продовольствия в Австрии в целом; у населения еще до прихода русской армии было отобрано продовольствие австрийской армией. В результате в Австрии русские солдаты особенно остро чувствовали себя отрезанными от родины, «между чужими людьми, словно сирота», – резко обострялась ностальгия по родным местам. «Ходил как мертвый, так как крепко хотелось приехать к вам и повидаться», – писал солдат на родину. Именно там, на фронтовой чужбине, рождалось боевое, скорее – окопное, братство, товарищество, с кем можно было «объясница, развеселица, побеседовать». Там же еще больше, чем в других оккупированных русской армией местах, возникал вопрос: за что мы воюем? «Да разве наша родина в Австрии, что мы уничтожаем то, что веками приобреталось, а теперь за один час уничтожают. За это мы кладем свои головы, за что нас мучат вот уже третий год. Для правительства это

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 715–715об.

нажива, они гребут деньги, а для мужика-дурака это могила, кончится война, идешь домой, кто останется живой, – он военный плательщик Сухомлинова, он продал Россию, а мужики будут выкупать», – жаловался солдат в письме, попавшем в местное губернское жандармское управление. «Какую же мы родину защищаем, когда мы забрались в чужую землю и бьемся за чужие земли?» – спрашивал другой солдат[1].

Как чужую территорию рассматривали русские солдаты и такие области России, как Прибалтика и Финляндия. Здесь так же, как и в Австрии, они обнаружили богатые хозяйства крестьян (в Финляндии) и обширные поместья немецких баронов (в Прибалтике). В этих районах отношение к русским солдатам было довольно дружелюбное. Зато солдаты активно выражали свое негативное отношение к богатым хозяйствам. Так, еще в августе 1916 г. почти ежедневно нижние чины войск в Приморском районе Прибалтики растаскивали дачи на дрова. И далее, в сентябре–октябре, продолжались бесчинства русских воинских частей на берегу взморья[2]. Впоследствии, уже после Февраля, разгромы помещичьих имений и богатых хозяйств в Прибалтике и Финляндии превратились в постоянные столкновения с местным населением, что в советской историографии подавалось как проявление «классовой борьбы».

В другой ситуации оказались русские войска, посланные во Францию. Все до одного сообщения были полны описаний встреч французами русских войск: солдат угощали папиросами, конфетами, вином, пивом, одаривали деньгами – в общем, кто чем мог. Житье описывалось как «веселое» и «прекрасное», с хорошим жалованием (12 рублей в месяц), с вкусной пищей. «Все житье – малина. Блаженствую вовсю», – писал довольный воин на родину. Русские солдаты, сержанты пытались даже присвоить себе привилегии, которыми обладали нижние чины французской армии: не называть офицеров «ваше благородие», не держать руку под козырек во время разговора с ними,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1 Д. 2935. Л. 66, 330, 305, 378; Д. 2937. Л. 313; Д. 3863. Л. 354.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 359, 363об., 586.

а также требовали себе кухню, отдельную от солдатской, и т.п. Солдаты русской армии были довольны переездами, вообще жизнью во Франции. Правда, борьба за «права» приводила и к печальным последствиям: в частности, на почве злоупотребления спиртным некоторые из солдат попали в полевой суд в Марселе. В целом вплоть до 1917 г. русские солдаты описывали с восторгом свое «завидное житье-бытье», отличную пищу, доступность продуктов и пр.[1] Надо полагать, что солдаты русского контингента в описываемое время, в сущности, не участвовали в военных действиях, оставались в «мирном положении», да еще при прекрасном довольствии. В этом случае фактор чужой земли мало ощущался. Ситуация изменилась, однако, в 1917 г., когда начались бои и служба на позиции: солдаты стали проявлять недовольство и начальством, и условиями службы, доведя дело до бунтов.

Отношение русской армии к населению Восточной Пруссии формировалось в зависимости от успеха или неуспеха военных действий с Германией. Первоначально эти отношения были в основном хорошие, и, хотя «пехота наша частенько все-таки обижала жителей», офицеры большей частью принимали сторону последних, заставляли за все платить. Эти отношения даже не были испорчены массовым захватом сельскохозяйственного имущества (реквизиции) в крупных имениях и его вывозом в Россию. Однако отношения с населением начали портиться, когда начались обстрелы русских отрядов из домов, в частности у г. Тильзита. Это вызвало ответные действия: русские части произвели несколько залпов по городу. Впоследствии немцы, когда заняли эту местность, а также взяли в плен командира 270-го пехотного Гатчинского полка, устроили показательный суд над офицерами. После повторного захвата некоторых районов Восточной Пруссии в ноябре 1914 г. отношения с населением стали крайне напряженные. Врач 73-й артиллерийской бригады сообщал, что «царит какая-то ни в чем не разбирающаяся ненависть к немцам. В каждом мирном жителе склонны видеть шпиона. В городах, в усадьбах – богатых и бедных, в деревнях –

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 362–363, 466–471; Д. 3863. Л. 301, 308об.

всюду одна и та же картин: все в развалинах, все разграблено и разрушено...» Автор письма считал, что все дело в газетной пропаганде, которая очень сильно действовала на психологию рядового, мало рассуждающего военного. Отношения эти продолжали портиться и дошли до выселений мирных жителей некоторых прусских городов внутрь России[1].

Одной из важнейших тягот на войне были пешие переходы. Как правило, они были связаны с отсутствием транспортных средств: железных дорог (например, в Румынии), тем более – автомобилей, а также и с состоянием вообще дорог, особенно в России, по сравнению с Австрией. Во время переходов солдаты теряли сапоги от налипшей грязи. Жаловались солдаты и на величину переходов, которые сравнивали с тяжестью работ, их частоту, многодневность – до недели и больше, днем и ночью. Общие переходы составляли 200–300 верст, а в Румынии из-за отсутствия железных дорог, доходили до 500 верст. Величина дневных переходов, судя по письмах солдат, была чрезвычайно большая – от 20 до 50 верст за сутки, после чего солдат ждала боевая позиция. Особенно тяжелы были отступления – по 80 верст в сутки, во время которых многие солдаты заболевали и даже умирали. Но и переезды в поездах приносили много страданий: из-за скученности приходилось ехать стоя, часто в холоде[2].

Тяжесть переходов усугублялась недостаточным питанием, нехваткой обуви, холодами, погодными условиями, ночевкой – часто под открытым небом, в грязи. Последствиями переходов были также болезни ног. Переходы делали крайне неблагоприятным режим пребывания на фронте: то наступление, то отступление, затем затишье, сменяемое ожесточенными боями. Недовольство переходами было разнообразным: от констатации их тяжести до заявления, что «надоело скитаться», «надоела скитальческая жизнь», «надоело путешествовать по чужим

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 33, 105; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 308–309.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 642; Д. 2937. Л. 157–158, 279, 282, 339, 366, 420; Д. 3856. Л. 17об., 23 об.; Д. 3863. Л. 28, 134, 298, 372, 396; Д. 3867. Л. 23об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 414об., 531–531об.

сторонам». Дорога, переходы были важнейшими из лишений, которые для солдат и составляли впечатление «военной неволи», которой конца нет, из которой они мечтали вырваться, говорили что лучше – смерть[1].

Тяжелым негативным фактором войны являлись многочисленные оборонительные работы. Основная часть работ на Северном и Западном фронтах пришлась на зиму–весну 1916 г.. Их проводило в основном гражданское население. На Юго-Западном фронте работы проводились частично весной 1916 г.[2] Однако наиболее интенсивное строительство оборонительной линии здесь пришлось на осень 1916 г. Причем основная тяжесть работ пришлась непосредственно на войска. Здесь солдаты после тяжелых летних боев, а также и во время продолжавшихся на многих участках боев за улучшение позиции осенью и зимой 1916 г. столкнулись с необходимостью проведения масштабных окопных работ по типу работ, произведенных в куда более спокойное время на Северном и Западном фронтах с осени 1915 г. по весну 1916 г., к тому же частично при помощи гражданского населения.

Основные оборонительные работы на Юго-Западном фронте развернулись осенью 1916 г. и проходили в крайне тяжелых условиях. Работали, как правило, в окопах ночами; но часто и днями и ночами. Порою ночью рыли окопы на передовой, а днем копали землянки позади первой линии. Работы нередко проходили под обстрелом снарядами и пулями, – писал очевидец, работник перевязочного отряда. Работали как солдаты из резерва, так и специальные отряды из рабочих, тех же солдат. Впрочем, по тексту писем трудно было отличить вторых от первых. И те, и другие испытывали непомерную усталость и выражали недовольство работами. Работы приходилось проводить за много километров от линии резерва, до 10–15 верст, следовательно, они сочетались с переходами солдат от передовой к месту работа и обратно. Причиной именно

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 331; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 598об.; Д. 2937. Л. 68, 99об., 109, 217, 267, 271, 272, 279, 324, 420; Д. 3863. Л. 273об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 22.

такого хода работ было отсутствие необходимого материала, главным образом леса, рядом с позициями. Такие работы перемежались с занятиями, которые проходили через ночь: «То лес таскать, то ходы рыть», – жаловались солдаты. И писали с позиций: «Здесь людям не дают жить. То гонят сюда, то туда просто беда» [1].

Сами власти признавали, что слишком много тяжелых работ по укреплению позиций в ущерб боевой подготовке. Солдаты писали, что трудились день и ночь: «еле еле выдерживаем». Тяжесть работ обуславливалась именно сочетанием с тяжелыми боями. «Нету ни смерти ни погибели – загоняли нас работами», – говорили солдаты. К тому же сказывалась нехватка пищи. Были, правда, и сообщения, что хотя работа есть, но «она не утомляет»[2]. Однако такие сообщения совершенно единичны. В целом же сочетание боевой работы и окопной, земляной именно на Юго-Западном фронте резко увеличило контингент безмерно уставших бойцов Русской армии накануне Февральской революции.

Выше говорилось, что окопная жизнь, окопные работы сочетались с занятиями. И это воспринималось солдатами как крайне мучительная жизнь. Жалобы на занятия появились только зимой 1916 г., из чего можно заключить, что от них страдали прежде всего солдаты-запасники, никогда прежде не проходившие воинскую службу и попавшие в армию только осенью 1915 г. Занятия необученные солдаты проходили в два приема: в запасных войсках – 2–2,5 месяца, а затем в учебных командах при полках, поскольку начальство считало таких солдат все еще недоучившимися. У солдат же возмущение вызывала «бесполезность» занятий: шагистика, «разные мелочи», которые надо бы изучать в мирное время. Солдат изнуряли именно «сильные учения», по 6 часов в сутки. Занятия казались скучными, но главное – бессмысленными: уж лучше, казалось, будет на позиции – «хоть пользу какую-нибудь принесем, а то

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125, 171, 178об., 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 749, 910, 917; Д. 2937. Л. 9, 25об., 73, 312, 336; Д. 3856. Л. 22; Д. 3863. Л. 44, 103, 107.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 690об.; Д. 3856. Л. 264; Д. 3863. Л. 103, 321.

даром хлеб казенный ешь». Возмущала строгость, «издевательство» и «мучения». Даже не бывая на позиции, солдаты резко противопоставляли занятия домашней жизни, мечтали о мире. Множество писем, в которых выражалось недовольство занятиями, приходило из запасных полков, в которых намного хуже, чем на фронте, было с едой и одеждой. Для многих солдат именно занятия были первым военным опытом, который задавал такой же тяжелый ритм труда, связанный к тому же с привлечением к окопным работам и столкновениями с несправедливым, как казалось, начальством. Такое недовольство имело массовый характер во время войны – по сравнению с армией мирного времени. По существу же, необученные солдаты были недовольны той элементарной дисциплиной, с которой всегда сталкивались новобранцы[1].

Громадное влияние на способность воевать, на морально-психологическое состояние воинов русской армии оказывало положение с довольствием, обеспечение которым вообще во всех войнах было большой проблемой для военного командования. В отношении довольствия существует чрезвычайно большое множество солдатских свидетельств, из которых трудно, на первый взгляд, сделать однозначный вывод: способствовало ли довольствие русских солдат успешному ведению современной войны. Уже в первые месяцы войны отмечались прямо противоположные мнения солдат о довольствии. Так, в октябре со всех фронтов войны шли сведения о снабжении армии всем необходимым, включая продовольственное, табачное, чайное, вещевое довольствие. Полагали, что такая хорошая работа интендантства есть следствие генеральной чистки этого ведомства после японской или турецкой «грабиловки». С другой стороны, в это же время были и свидетельства, правда единичные, которые показывали недостаточную обеспеченность русских раненых солдат, что приводило к просьбам с их стороны к... Рокфеллеру – о помощи. Ситуация изменилась зимой 1916 г., когда, в отличие от редких, единичных сообщений о хорошем довольствии

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 136, 186, 187об., 189; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 200, 237, 369об., 749; Д. 2937. Л. 200; Д. 3856. Л. 288об.; Д. 3863. Л. 51, 188, 290, 415-415об.

(«ничем не обижаюсь все для меня хорошо»), существовало громадное количество, до 80%, писем о плохом довольствии[1]. Такое разнообразие оценок в течение войны давало некоторым исследователям основание давать самые противоположные оценки снабжению солдат довольствием – от самых мрачных до вполне приемлемых.

Вопросы питания прямо касались миллионов солдат. Но вопрос, хорошо или плохо питались солдаты, неясен. Проблема нехватки продовольствия для армии упирается в вопрос ее снабжения. Однако и здесь не все просто. Так например, В.П Булдаков в своих публикациях ставит вопрос о значении голода, нехватки еды в русской армии в период Первой мировой войны. Автор полагает, что русская армия острее всего реагировала на нехватку продовольствия, хотя порой у противника питание солдат было хуже. Булдаков считает одной из главных причин угнетенного состояния солдат злоупотребления (или недостатки) в области продовольственного снабжения фронта. Согласно Булдакову, продовольственные нормы для солдат в годы войны понижались, а фактически и они не выполнялись «в условиях стремительного наступления», а также из-за «дезорганизации снабжения и интендантского воровства»[2]. Эти сведения нуждаются в существенном уточнении. Они не соответствуют официальным данным, приводимым в литературе, о продовольственных нормах в годы войны.

Нормы снабжения армии были определены еще в Своде военных постановлений и составляли в сутки на каждого человека: муки ржаной – 2 фунта 25 золотников (всего приблизительно 2,5 фунта) и крупы – 32 золотника (2/3 фунта). По законам военного времени норма продовольствия на 1 чел. в день составляла: провиантское довольствие – сухари ржаные 1¾ ф. (716,625 г), для которых необходимо было 2 ф. 25 зол. муки, или хлеб ржаной – 2 ф. (1023,75 г.), для которого необходимо 1 ф. 75 зол. муки;

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 40, 255; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 424об.; Д. 3863. Л. 3.

[2] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 27; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56.

крупа – 24 зол. (102,24 г.); приварочное довольствие: мясо свежее – 1 ф. (409,5 г.) или мясные консервы – 3/4 ф. (без оболочки) (307,125 г.); соли – 11 зол. (46,86 г.); овощей свежих – 60 зол. (255,6 г.) или сушеных – 4 зол. (17,04 г.); масла или сала 5 зол. (21,3 г.); подболточной муки – 4 зол. (17,04 г.); чаю – 0,48 зол. (2,0448 г.); сахара – 6 зол. (25,56 г.); перцу – 1/6 зол. (0, 791 г.). По отношению к этим нормам были рассчитаны и нормы, их заменяющие. При некотором недостатке растительных жиров все это в общей сложности складывалось в 4400 ккал, что было несколько ниже, чем в английской армии, но выше, чем в американской и французской армиях[1].

Власти серьезно подходили к делу довольствия во время войны. Заготовка, доставка продовольствия являлись важным делом в современной войне, были предметом изучения в соответствующих курсах по интендантскому делу. Организовывался подвоз, увязывавшийся с планом, действующим в оперативной и административной частях. Предусматривалось и снабжение во время боя – со своей спецификой. По данным Военного министерства, продукты на фронт назначались к высылке в тех размерах, в которых они требовались армией, а некоторых продуктов назначалось даже больше, чем требовалось; но фактически часть их не могла быть своевременно отправлена в армию из-за неподачи необходимого числа вагонов и вследствие недостаточной заготовки продуктов Министерством земледелия[2].

Во время войны, по подсчетам Н.Д. Кондратьева, власти постоянно увеличивали продовольственные заготовки для армии с 231,5 млн пудов до 720 млн, то есть с 100 до 311% По подсчетам Головина, потребление продовольствия армией также постоянно повышалось. В сущности,

---

[1] *Бонч-Бруевич М.* Интендантское довольствие действующих войск. Корпус СПб., 1913. С. 80–82; *Бинштok. В.И., Каминский Л.С.* Народное питание и народное здравие. М., Л. 1929. С. 37, 42–43; *Аранович А.В.* Система продовольственного довольствия войск накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. 2005. № 1. Серия: Исторические науки. 2005. № 1. С. 18.

[2] Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1916 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 27об.; *Бонч-Бруевич М.* Указ. соч. С. 162–175.

для армии было предназначено то количество продовольствия, которое вывозилось на внешний рынок, то есть около 700 млн тонн. из общего производимого до войны объема в 4,5 миллиардов пудов. Так, в 1914 г. армия потребляла муки 23,6 млн пудов, крупы 3,4, овса и ячменя 52,6 млн пудов. В 1915 г. эти поставки продуктов составляли соответственно 118,3, 15,3 и 153,6 млн пудов. В 1916 году – соответственно 212; 35 и 295 млн пудов и в 1917 г. соответственно 225, 30 и 175 млн пудов. Росли и поставки мяса армии. В 1914 – 13,5 млн пудов, в 1915 – 51, в 1916 – 82, и в 1917 – 78 млн пудов. Это позволило обеспечить высокие нормы выдачи продовольствия. Так, с начала войны вплоть до 1916 г. солдаты получали в сутки хлеба 2 ф. 48 зол., муки 1ф. 85 зол. (или 1 ф. 72 сухарей) и крупы 24 зол. Это было выше, чем суточная норма провианта, полагавшаяся на человека в русской армии по Своду военных постановлений: ежедневно муки ржаной 2 фунта и 25 зол. (или 3 фунта хлеба или 2 фунта сухарей) и крупы — 32 золотника и 1 фунт свежего мяса или 3/4 фунта мясных консервов. С апреля 1916 г. эти нормы выдачи в армии были даже увеличены и составляли: хлеба 3 фунта, муки – 2 ф. 25,55 зол. или сухарей 2 ф., а также рису, макарон, гороха, фасоли, чечевицы и других приварочных заменителей продуктов 20 зол. Правда, 28 декабря 1916 г. нормы понизились и составили: хлеба 2 ф. 48 зол., муки 1ф. 85 зол. или сухарей 1 ф. 72 зол. И только с 20 марта 1917 г. началось существенное снижение норм[1].

Булдаков указывал, что в условиях стремительного наступления солдаты часто оставались без хлеба, ну, а позднее бывшим крестьянам пришлось на своей шкуре испытать, что такое «дезорганизация снабжения и интендантское воровство». Конечно, во время конкретных боев могли быть сбои со снабжением. Однако это не означало самого уменьшения рациона. Так, даже для солдат, подозреваемых в бродяжничестве, на Северном фронте было решено выдавать на руки (вместо 22, 43 к. денег) ежедневно 3 ф. хлеба (на 13,5 к), чай и сахар (на 4,43 к.) и кусок

[1] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 160, 291–292; *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 71–74; *Аранович А.В.* Указ. соч. 18, 20.

сала или масла (на 4,5 к.). Нижним же чинам на фронте полагалась выдача продуктов на 63 к. В цензурных сводках хотя и отмечаются случаи голодания солдат, однако они не носят характера тревожащего, повального, из них не заключается необходимость коренного преобразования дела доставки продовольствия. Таким образом, нельзя говорить о причине нехватки еды как таковой, так как нормы выдачи, в сущности, не изменялись до конца 1916 г., в то время как проблема нехватки еды обнаружилась задолго до этого времени. Получается, мы сталкиваемся с тем же парадоксом, который был отмечен Кондратьевым в отношении обеспечения продовольствием населения: продовольствия в России в 1915–1916 г. было достаточно, однако продовольственный кризис в виде жалоб на голод был налицо[1].

Но, может быть, дело было в неспособности аппарата снабжения армии обеспечить правильный подвоз продовольствия армии? Сразу отметим, что в армии усердно готовились к подобного рода войне, в которой будет проблема продовольственного обеспечения, знали и о возможности трудности обеспечения армии во время боев и т.п. По данным современных исследователей, продовольственные продукты высылались в части в тех размерах, в которых они требовались, а некоторых продуктов назначалось даже больше. Сбои были только по причине нехватки необходимого количества вагонов или недозаготовок продуктов Министерством земледелия. Но интендантство «в целом справлялось с решением задачи продовольственного обеспечения русской армии», – считает современный исследователь вопроса[2].

Можно поставить вопрос о злоупотреблениях в деле снабжения армии. Однако ни в документах, ни в литературе этот вопрос фактически не поднимается, и, надо полагать, дело ограничивалось незначительными случаями

---

[1] Начальник штаба Северного фронта – дежурному генералу при ВГК 4 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 290–291; *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 160; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56.

[2] *Бонч-Бруевич М.* Указ. соч. С. 80; *Аранович А.В.* Указ. соч. С. 25; *Аранович А.В.* Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: СПГУТД, 2005. С. 345.

злоупотреблений в деле распределения продовольствия. Так, например, отмечалось приоритетное продовольствование для частей, которые были «на виду» у начальства. Именно так, согласно свидетельствам, приведенным цензурой, обстояло дело с довольствием в 1-м корпусе: туда беспрерывно тянулись транспорты, и корпус был обеспечен всем с избытком. «Оно и понятно: первый корпус на виду у Наместника, последний каждую минуту может туда нагрянуть, подтянуть и т.д., а мы на отлете», – писали из армии. Были случаи и циничного отношения к довольствию солдат: «Пища действительно ухудшилась, но солдаты селедку любят и изредка надо её давать», – считал командующий Особой армии ген. В.И. Гурко. В письмах были ссылки и на плохое довольствование со стороны интендантства: «Интендантство отпускает, что называется, через час по столовой ложке. Вот сегодня хоть плачь. Лошади без сена, люди без мяса». И все же в делах нет прямых материалов о плохом питании солдат, то есть начальство не считало это проблемой, требующей непосредственного вмешательства. Речь шла всего лишь о недостатке тех или иных продуктов, поставку которых требовалось усилить. Мнения же самих солдат о питании самые разноречивые: от восторженных до резко отрицательных. Такая ситуация с питанием отмечалась в целом до осени 1916 г. Зимой–весной 1916 г., когда появились сообщения солдат о «полуголодном существовании», в этом полки обвиняли злоупотребления начальства. Иногда проводятся мысли о необходимости хотя бы в зимнее время ввести прежнюю чарку водки для согревания дежурным частям, так как отмораживание конечностей уже довольно частое явление. Весной 1916 г. отзывы о питании оставались разноречивыми, например, по житомирской военной цензуре за апрель 1916 г. было на 10 отзывов 6 положительных и 4 резко отрицательных. Жалобы на пищу повторялись все с большей и большей настойчивостью и летом 1916 г. Но при этом выяснялось, что в армии, на позиции, пищей были довольны, но в тылу – нет. Осенью 1916 г. цензура также отмечала самые разнообразные отзывы о пище, из чего вывод сделать было затруднительно. Правда, с октября 1916 г. отзывы о плохой пище

значительно усилились. На вопросы довольствия выпадало, по сведениям цензуры, не меньше 40–50% причин, подавляющих дух солдата. «Недовольных в действующей армии довольствием очень много», – заключала цензура Киевского военного округа зимой 1916–1917 гг. В целом в это время ситуация с продовольствием была крайне неблагоприятной, что подтверждалось десятками (по сравнению с несколькими обычными) выдержек в цензурных отчетах. Авторы писем утверждали, что именно плохая пища является одной из причин сдачи в плен. И все же и в это время много было сообщений об улучшении пищи, а о жалобах говорилось как о единичных примерах. Цензура, где вопрос о пище был поставлен особой строкой, вновь констатировала, что пища вызывала разноречивые отзывы: вопрос был в незнакомой пище, например, кукуруза и чечевица. В одних частях солдаты жаловались на пищу, в других признавали такую же пищу скорее всего вполне нормальной. Это давало повод начальству утверждать, что вопрос был просто в неправильной постановке дела питания в отдельных частях [1].

Таким образом, вопрос о качестве пищи требует более тщательного анализа. Для этого используется метод контент-анализа, то есть, в сущности, количественно-качественный подсчет различного рода высказываний на протяжении военных действий до марта 1917 г. по отношению к разным категориям солдат разных видов войск и на разных фронтах.

В отличие от сведений о плохом питании, сведения о хорошем питании значительно более редки. Так, в декабре 1915 г. таких сведений зафиксировано: с Западного фронта 1, в феврале 1916 г. – 2, в марте – 1. В апреле на Юго-Западном фронте было 9 сведений о хорошем питании; в мае на Западном фронте – 11, а на Юго-Западном – 3; в июне на Юго-Западном фронте 23; в июле на Западном фронте – 4 и на Юго-Западном – 15; в августе на Западном фронте – 13 и на Юго-Западном – 7; в сентябре на Западном фронте – 2 и на Юго-Западном – 8; в октябре на Западном

[1] РГВИА. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 423, 444Д. 2935. Л. 435 716.. Д. 2937. Л. 69об. 97об .208об. 415. Д. 3856. Л. 73об.Д. 3863. Л. 3, 142 185об. 196об 212, 242об.. 274.358об.

фронте – 1; в ноябре на Западном фронте – 2 и на Юго-Западном – 15; в декабре на Юго-Западном фронте – 10, в январе – 18, в феврале – 10.

Возможно, правда, что цензоры постоянно указывали на присутствие положительных сообщений о довольствии, что и определило такую равномерную картину сообщений. Цензура часто подчеркивала, что удовлетворительное питание является общим местом для писем. Мало того, часты сообщения, что еда даже лучше, чем была в деревне. Обращают на себя внимание первоначальные сведения об очень хорошем питании в Гвардии: «Нас кормят мясом, кашей со сливочным маслом, дают и белый хлеб или белые сухари». Кроме того, солдаты могли сравнить свое продовольственное положение с таким же положением у противника, что и заставляло их делать вывод о нормальности питания. Частично, конечно, качество и обилие довольствия зависело от конкретного начальства[1]. Но в еще большей мере оно зависело от общей продовольственной ситуации в стране.

Одной из причин сообщений о хорошем питании является возможность получать дополнительное питание разными способами: прикупать продукты вплоть до глубокой осени 1915 г. – если есть деньги; получать продуктовую помощь от радушных хозяев населенных пунктов, где останавливались воинские части; «доставать» свинью, прямо грабить сады путем мелкого мародерства в деревнях; получать дополнительные продукты («гостинцы») за награды. То есть, по сути, важнейшим подспорьем в питании было продовольствование на стороне. С обострением продовольственного кризиса в стране осенью 1916 г. эта добавка к питанию, в сущности, была ликвидирована. Это сразу же почувствовали солдаты, как наиболее активная потребительская категория. Для смягчения восприятия голода надо принять во внимание и сравнительно (в любом случае) лучшее обеспечение продовольствием на фронте, нежели во внутренней России, особенно в городах[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 110, 125, 188, 230; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 31; Д. 3863. Л. 291об.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 219; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 464об., 466–468; Дневник Штукатурова... С. 139, 140, 142, 144, 146, 148, 149, 170, 181, 186, 188, 189; РГВИА.

Следует различать и продовольствование частей, выполнявших разные задачи. Именно на позиции власти стремились как можно лучше обеспечить солдат продовольствием: и по сравнению с частями на отдыхе, и с частями в резерве, и вообще частями во внутренних округах, и тем более в запасных частях. Причем большинство этих сведений относятся именно к лету и началу осени 1916 г., то есть периоду самых тяжелых боев на Юго-Западном фронте. Так, в июне 1916 г. зафиксировано 1 сообщение о хорошей пище на позиции; в августе – 4, в сентябре – 8, в октябре – 1, в декабре – 1 и в январе 1917 г. – 3. Иногда даже солдатам удавалось делать продовольственные накопления и запасы, как правило, использовавшиеся для спекуляции[1].

Еще более хорошим продовольственное обеспечение было в специальных командах, особенно технических: электротехнических, авиаторов, включая и школы авиаторов, пулеметных, телефонных, автомобильных, где «служба очень хороша». Вообще в таких командах прямо отмечали, что «харчи много лучше, одним словом не сравнить с пехотой»[2]. Возможно, правда, речь шла о командах, находившихся в некотором удалении от позиции, с одной стороны, а с другой стороны – находившихся на особенном обеспечении в связи с их важностью в оборонительных мероприятиях.

Некоторым разнообразием, даже обилием отличались в продовольствии праздничные дни. Так, на Пасху весной 1916 г. даже в запасном батальоне пехотного Павловского полка выдали по 100 г. кулича, 200 г. сырной пасхи, ветчину, яйца, а на обед готовили борщ с мясом, рисовую кашу с коровьим маслом. Однако, скорее всего, это было не питание на Пасху, а просто выдача к обычному питанию традиционных православных лакомств: куличей, яиц и т.п. Впрочем, в ряде полков праздничные дни были отмечены всего лишь выдачей белого хлеба и яиц, а в остальные дни

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 256; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 238, 267–268; Д. 2935. Л. 238, 346. 479об., 580, 584, 630; Д. 2937. Л. 118; Д. 3856. Л. 31об., 85об.; Д. 3863. Л. 113, 269, 273, 320.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 114об.; Д. 3863. Л. 113, 116, 380, 380об.

опять выдавали черный хлеб. Больше сообщений о праздничной пище было в дни Рождества и Нового, 1917 года. Так в 170-м пехотном Молодечненском полку на праздник выдали по 200 гр. колбасы и по 2 фунта ситного хлеба. В 62-м пехотном Суздальском полку выдали по две булки белого хлеба и зарезали кабана. В некоторых же частях угощение на Рождество свелось к выдаче 1 ф. мяса и по 200 гр. масла, или даже черного хлеба, такого, «что и топором не порубишь». В считанных частях накануне Февральской революции удалось провести сытую масленицу с блинами, шпротами и коровьим маслом. Частично на ослабление продовольственного вопроса в русской армии влияли сведения о еще худшем довольствии войск противника, особенно у австрийцев. Об этом русские солдаты знали непосредственно от сдававшихся в плен австрийцев[1].

Динамика поступления жалоб на пищу по времени следующая (на Западном и Юго-Западном фронтах). В 1914 г. в отдельных письмах были зафиксированы первые случаи (всего 9, но, очевидно, речь шла о нескольких десятках) нехватки пищи, даже «голода». Естественно, речь шла всего лишь о трудности своевременного обеспечения продуктами многочисленной армии в ходе маневренных действий, а не о голоде как таковом. В октябре 1915 г. соответственно по Западному и Юго-Западному фронтам, было зафиксировано 40–0 таких жалоб; в январе 1916 г. – 1–1; в феврале – 1–0; в марте – 2–0; в апреле 1–24; в мае 17–3; в июне 3–15; в июле 0–6; в августе– 0–8; в сентябре 1–9; в октябре 2–22; в ноябре – 2–34; в декабре 3–49; в январе 1917 г. 0–52; в феврале 0–13. В этом ряду видны следующие особенности. В октябре 1915 г. наблюдалась масса жалоб на Западном фронте. Однако это данные с загадочного «Самарского участка», где обобщены, возможно, все данные о русской армии за этот период. С другой стороны, именно этот цензурный пункт отмечен стремлением крайне негативно освещать события в армии. Что же касается данных на Западном фронте за май и июнь 1916 г., то все эти жалобы относятся к частям Гвардии, впервые прибывшей на фронт и столкнувшейся с другими реалиями в обла-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 500; 2937. Л. 120–121об.; Д. 3856. Л. 56об., 57об.; Д. 3863. Л. 265об., 266, 276об.–277, 294, 358.

сти довольствования по сравнению с принятыми нормами в этих элитных частях. Если отбросить данные по Гвардии и по Самарскому участку, то мы видим возрастание жалоб только в течение 5-ти месяцев – с октября 1916 г. по февраль 1917 г. с пиком жалоб в январе 1917 г. Объяснение этому явлению мы находим прежде всего в совпадении с динамикой обострения продовольствия в целом по стране. Несмотря на казавшееся достаточным обеспечение продовольствием, ощущение его нехватки было причиной большинства жалоб на тяготы войны. Одними из первых зафиксированы жалобы на еду за октябрь–ноябрь 1915 г. на Западном фронте в сообщениях цензурного «Самарского пункта». Солдаты обвиняли в нехватке еды, а также и белья, одежды и обуви, военное начальство. Власти же полагали, что «по отпускаемым средствам все части войск поставлены в одинаковые благоприятные условия», «значит, здесь причина в лицах». В самом деле, особенно сильные жалобы на еду исходили от солдат 40 полков и батальонов. В основном эти жалобы относились или к уменьшению хлебного рациона, или к плохому качеству хлеба, или к невыдаче горячей обеденной порции и т.д. Возможно, что эти жалобы исходили не только от Западного фронта (но в материалах Западного фронта отложились), но и от всей армии. Другим предположением является то, что жалобы исходили от солдат-новобранцев, второочередников, недовольных вообще службой. Косвенным подтверждением этому является малое количество жалоб за январь (всего одна на Западном фронте). Всплеск жалоб отмечен, однако, в апреле на Юго-Западном фронте. Правда, судя по письмам солдат, речь шла об ухудшении пищи: в частности, хлеба не давали по несколько дней, уменьшили выдачу мяса, стали реже давать горячую пищу и т.п. К тому же речь шла в основном о полках и частях, стоявших в резерве, инженерных частях. Возможно, солдаты ожидали улучшения пищи на праздники, чего не происходило. В целом солдаты отмечали, что они теперь «не роскошествовали». Сказывалось также усиление продовольственного кризиса, невозможность купить продовольствие на стороне. Жалобы на пищу могли быть вызваны и эмоциональным

восприятием напряжения, обусловленного интенсивными подготовительными работами, связанными с подготовкой к наступлению на Юго-Западном фронте[1].

Значительное количество жалоб в мае 1916 г. поступало от войск Гвардии, занявшей наконец позиции на Юго-Западном фронте и лишившейся многих привилегий, которые она имела при обычной стоянке в столице. Но уже в мае 1916 г. количество жалоб из Гвардии уменьшилось, что, очевидно, связано с привыканием к условиям боевой, фронтовой жизни этих элитных частей[2].

В период Брусиловского наступления количество жалоб на пищу резко уменьшилось. Так, в мае на Юго-Западном фронте их было только 3. Связано это было с перебоями поставок продовольствия на позицию. Надо полагать, что с лета 1916 г. начался поворот к ухудшению продовольственного снабжения фронта, хотя это и не было явно заметно в связи с продолжавшимися боями. Так, в июне 1916 г. зафиксировано 15 жалоб из различных частей на плохую пищу. Солдаты опасались «пропасть с голоду», как будто и не жили на свете. Вполне возможно, что все же жалобы поступали больше из частей, не участвовавших в боях или стоявших в резерве. Много нареканий вызывала невозможность достать пищу на стороне, то есть по свободным ценам. По данным Казатинского цензурного участка, неодобрительные отзывы и жалобы на плохую пищу значительно превышали сообщения о достатке и хорошем качестве пищи[3].

Ситуация с продовольствием оставалась на этом же уровне все лето и в начале осени. Надо полагать, небольшое количество жалоб на пищу (в июле– 6, в августе – 8 и в сентябре – 9) было связано с продолжавшимися боями на Юго-Западном фронте, что заставляло солдат терпеть нехватку пищи. Однако уже поступали панические сообщения о резком ухудшении качества пищи: «Теперь

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 1, 38, 47, 88, 198, 207, 290, 291; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 78, 89, 100, 138, 151; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 142; Д. 3856. Л. 22, 30 об., 56об., 62об., 64, 67, 76об., 84–84об., 121–121об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 186–186об., 188 об.–189.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 30, 238, 240, 242, 282–282об., 290 об.–291; Д. 3856. Л. 139, 148об., 253–254об., 270об.

сильно страшно плохо мне я чуть дышу потому сильно пища плохая», – писал один солдат. Некоторые солдаты пытались писать в газеты о том, как плохо кормят на фронте, и на этой почве угрожали «еще до окончания войны поворотить все свое оружие на восход солнца и делать забастовку». Жалобы на пищу сопровождались слухами о продовольственных беспорядках в городах России, угрозах повторить 1905 год, вообще произвести «социальную революцию». Но все же были указания, что плохая пища намного чаще во внутренних, резервных, запасных, нежели фронтовых частях[1].

Начиная с октября поток жалоб на пищевое довольствие резко возрастает. При этом если на Западном фронте количество таких жалоб за октябрь было незначительно, вообще отсутствовали массовые жалобы, дело ограничивалось только уменьшением рациона хлеба и т.п., а на позиции вообще сообщали о хорошей ситуации, то на Юго-Западном фронте речь шла именно о нарастании массовых случаев нехватки пищи. Ухудшение продовольственного снабжения происходило на фоне резкого ухудшения продовольственной ситуации вообще в России, невозможности купить дополнительное продовольствие сверх отпускавшихся норм. (Правда, было множество сообщений и о нормальной доставке продовольствия, что свидетельствует об определенной очаговости нехватки продовольствия). Большое недовольство вызывала также замена полноценных продуктов горохом и чечевицей. Солдаты 402-го пехотного Усть-Медведицкого полка жаловались: «Раньше давали масло, сало и как то по лучше было, но теперь горох забера желудок». Много было и ернических сообщений: «Харчи теперь у нас очень хорошие вода вареная, вода жаренная и последнюю ложку каши и ту отобрали кругом беда хорошего ничего нет». Все чаще появлялись на почве голода угрозы бунта: «Голод не свой брат не станет молчать». При этом последние надежды на поправку положения с продовольствием таяли с обострением в стране общего ухудшения продовольственного снабжения. В целом ощущение голода приводило к тому, что солдаты начали

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. . 151, 422, 435, 630.

«сильно упадать здоровьем». Вообще, именно сознание, что тыл тоже голодает объединяло солдат с населением России в протесте против войны: мол, все равно убьют, и если в живых останутся, «серовно убьют когда вернемся в Россию нам негде ненайти спокой се ровно живым не быть...» Всего за октябрь отмечено 20 сообщений о нехватке пищи. Еще больше сообщений о нехватке продовольствия было в ноябре. Правда, на Западном фронте хотя и отмечалось ухудшение питания, однако массовых жалоб не было зафиксировано. Зато на Юго-Западном фронте зафиксировано уже 33 сообщения. Часты были жалобы, что кормят «как собак». Особенно много жалоб было на питание чечевицей, горохом, картошкой, и т.п. заменителями пищи, нередко просто хлеба. Много было жалоб и на ухудшение качества пищи: «рыба тухлая и с червями». На этой почве появились призывы к бунту, так как «мы – борцы за родину, и такая о нас особая забота». Ухудшение питание особенно чувствовалось при усилении окопных работ именно на этом фронте. Иногда сообщали, что вся пища – только чай, но без сахара – будто и пищи не было. В целом нехватка еды или ощущение ее нехватки, воспринимались солдатами в ряду сплошного ухудшения положения на фронте, связанного с холодом, сыростью, нехваткой одежды, распадением полкового братства, постоянными переходами и окопными работами и т.п. [1]

Еще больше жалоб отмечено за декабрь 1916 г. И опять, по сравнению с Западным фронтом, где было зафиксировано только 3 сообщения о плохом питании, на Юго-Западном фронте зафиксировано 49 таких сообщений. Наряду с продолжавшими попадаться ерническими (солдаты «поправились, что сквозь все видно – прозрачными стали»; «кормят нас очень хорошо, воду кушаем и воду пьем»), появились довольно резкие сообщения, что «буквально вся армия голодает». Сообщали и об ухудшении пищи («дают горох пополам с жуками» или одну селедку, уменьшение рациона хлеба – на сутки 1 фунт»). Цензоры

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299, 308об., 318, 326; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 814, 901. 917; Д. 2937. Л. 42, 45, 64об., 69об., 72об.–73, 115, 118–118об., 126, 204, 216об., 217, 335, 336, 339, 340, 341, 343 415, 419, 420, 420об., 423, 466–469об.

отмечали, что в большинстве писем высказываются нарекания на плохое питание и сокращение количества продуктов. Были сообщения, что солдаты за лишнюю порцию еды на спор шли в разведку, добывали у противника винтовку. На продовольственной почве в некоторых частях стали происходить бунты в виде отказов от плохой пищи[1].

Максимальное количество сообщений о плохом питании пришлось на январь 1917 г., что совпало с пиком дофевральского продовольственного кризиса по России в целом. За это время только на Юго-Западном фронте зафиксировано 53 сообщения о плохом продовольствии. В целом повторялась картина предыдущих месяцев. Жаловались на уменьшение пищи, замену ее чечевицей, селедкой, на голод, холод, усиленные работы, большое количество занятий, на которых «мучают как собак». Именно чечевица послужила одним из главных мотивов бунта солдат Одоевского полка в январе 1917 г. Все чаще писали солдаты и о голоде на позиции. «Одна тема – пища, одна злоба – тыл», – делала выводы цензура Московского военного округа, подтверждая это 22 выдержками из солдатских писем[2].

За февраль 1917 г. с фронта поступило значительно меньше, всего 13, сообщений о голоде в армии. Общий смысл жалоб остался тот же: уменьшение порций хлеба, чечевица и т.п., невозможность купить продовольствие на стороне и его дороговизна. После Февральской революции на фронте царило ожидание перемен в снабжении довольствием. Цензура сообщала, что «многие солдаты не затрагивают вопроса о довольствии, говоря, что все неурядицы были при старом правительстве, теперь же все должно измениться. «В последние дни управления старого правительства мы остались совершенно без хлеба и даже начали скандалить, переворачивали кухни и т.п. штуки делали, но когда настало новое – все утихло и мы были всем довольны в уверенности, что есть люди, нам желающие добра, как и мы им желаем»[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329, 356.Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 91, 101, 102, 153об., 167, 179об., 180об., 183об., 189об., 217об., 237.

[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 273об., 285, 297, 307, 312–312об., 373об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 337, 348об.–349, 354, 367. 412.

Есть ряд причин усиления жалоб на поставки продовольствия в армию. Важнейшей причиной ухудшения довольствия на фронте являлась невозможность купить дополнительное питание, кроме интендантских поставок. В основном это было связано с обострением продовольственного кризиса в конце 1916 г. – начале 1917 г., но особенно этот кризис чувствовался на отдельных участках Русского фронта, например в Румынии. Нехватка пищи, голод иногда воспринимались остро теми солдатами, которые перешли с Северного фронта, где не было уже к тому времени большого объема окопных, работ, обеспечение довольствием было лучше поставлено в связи с постоянностью позиции уже в течение многих месяцев, а с другой стороны – там была возможность лучше использовать тот небольшой излишек довольствия, который солдаты предлагали местным жителям, выручая за это деньги. Крайне важным обстоятельством, отягощавшим восприятие голода, было увеличение интенсивности окопных работ на Юго-Западном фронте в течение всей второй половины 1916 г. – начала 1917 г. То есть вопрос был не столько в голоде вообще, а в нехватке пищи именно для солдат, занятых тяжелыми работами[1].

Обращает на себя внимание, что во многих случаях плохое пищевое довольствие было именно в запасных частях, а также в резервных, обозных, транспортных – вообще тыловых. Разница была даже между частями одной дивизии или бригады, между теми, кто был на позиции и в резерве. Например, в июне 1916 г. в отчете и в выдержках из писем, представленных цензурой по Одесскому военному округу, видно, что во всех запасных полках и частях пища плохая, а в остальных – иногда плохо, но в целом хорошо[2]. Следует подчеркнуть, что цензура, собственно, такого различия не делала, а солдаты не осознавали какой-либо конкретной политики военного начальства в этом вопросе. Мало того, значительная часть выдержек из писем вообще не имеет авторов и, возможно также, принадлежат солдатам запасных, резервных или внутренних частей. То есть возможно, что и многие из писем без указания кор-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 103, 107, 109, 119.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 341–344.

респондента относятся тоже к запасным, внутренним или резервным частям. Тогда это кардинально изменит картину довольствия на фронте. Но и исходя из имеющихся данных, такую картину в целом можно обрисовать.

Динамика таких жалоб следующая. В отличие от общей динамики жалоб на пищу в целом по фронтам, где пик приходился на конец 1916 г. – начало 1917 г., то есть совпал с обострением в продовольственной ситуации в целом по России, жалобы на пищу в запасных и в целом тыловых частях появляются более равномерно и фактически не зависят от ситуации в стране. Так, в апреле 1916 г. сообщений о плохой пище в запасных, тыловых и резервных частях зафиксировано (соответственно по Западному и Юго-Западному фронтам) 1 и 7; в июне – 0 и 13; в июле 2 и 6; в августе 2 и 14; в сентябре 0 и 6; в октябре 1 и 3; в декабре 1 и 5 и в январе 1917 г. 0 и 7. Причем именно во время самых тяжелых боев летом и в сентябре 1916 г. на Юго-Западном фронте более всего поступало сообщений о плохой пище в указанных частях. Очевидно, такова была специальная политика властей, с помощью которой активизировалось наступательное настроение на передовой позиции: солдаты должны были выбирать между полуголодным существованием в тылу и сытостью под огнем на позиции. Пищей в действующей армии довольны, в тылу – нет, – подчеркивали в цензуре в сентябре–октябре 1916 г. О плохой пище только в тылу сообщали и в декабре 1916 г. на Западном фронте[1].

Существуют, однако, и немногочисленные сведения о благополучном положении с продовольствием как раз в запасных частях. Однако почти все эти письма относятся к последним месяцам существования царской армии, к декабрю 1916 г. и особенно январю 1917 г., когда проводилось наиболее сильное ограничение солдатской корреспонденции в частях. Определенная продовольственная политика

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171–219об., 225, 246, 296, 308об., 348 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 108об., 237, 240, 241, 242, 269 об., 288, 290об., 304, 362об., 372, 378, 409–409об.; Д. 2935. Л. 114, 237, 239, 261, 261об., 267, 344–345, 426, 428, 479об., 580, 630, 716, 917; Д. 2936. Л. 10–11об.; Д. 2937. Л. 118–118об., 429об.; Д. 3856. Л. 21об., 22, 30об., 56об., 76об., 288об.; Д. 3863. Л. 104, 111, 113, 154, 254, 282, 294, 294об., 306об., 366об.

по отношению к запасным батальонам, а также вообще частям, находящимся в резерве, давала свои плоды. Многие солдаты не выдерживали ухудшения положения в таких частях, предпочитая уйти на передовую позицию. По данным цензуры, из 272-го пехотного запасного батальона, где «на три тысячи человек варили 5 пудов рыбы», каждый день «утекали на позицию» до полутораста человек. По другим данным, здесь убегали каждую ночь по 35– 40 человек. Из за плохой пищи убегали на позицию и из маршевых батальонов. Плохая пища на ряде участков русского фронта являлась причиной распространения цинги, например летом 1916 г. на Юго-Западном фронте. О «повальной цинге» говорилось в других полках, в Трапезунде, в 292-м пехотном Малоархангельском полку («почти весь болен цингой»), в 5-м Донском казачьем полку, в 56-м пехотном запасном, в 182-м пехотном Гроховском и в других полках Юго-Западного фронта. Из-за плохого питания стали распространяться дизентерия (кровавый понос), больные которой якобы прибывали с позиции «целыми поездами» – «и очень много умирает от нее»[1].

Одним из негативных аспектов пребывания солдата на фронте были недостаток или плохое качество одежды. Современный исследователь вопроса деятельности интендантского ведомства в годы Первой мировой войны А.В. Аранович утверждает, что в результате предпринятых ведомством мер количество заготовленного снаряжения вполне покрывало потребность в нем и было выслано в армию полностью[2]. Однако с мест поступало довольно много писем с жалобами на недостаток одежды.

Как правило, это проявлялось во время относительного бездействия на фронте. Впервые в массовом масштабе это явление затронуло солдат Северного и Западного фронтов, находившихся с осени 1915 г. в условиях позиционной войны. В письмах сообщений об обмундировании немного. Однако такие редкие источники, как полная ревизия

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 18об., 76, 239, 241; Д. 2935. Л. 115, 363–363об.; Д. 3863. Л. 228, 342, 665об., 686; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

[2] *Аранович А.В.* Система вещевого довольствия русской армии накануне и в Первой мировой войне // Аранович А.В. // Доклады академии военных наук СГУ. 2006. № 5. С. 90.

всех частей Северного фронта – с точки зрения оборудования позиции и условий жизни солдат – свидетельствуют о значительности данной проблемы. Согласно отчетам по результатам этой ревизии, жалобы на недостатки в одежде и обуви занимали второе место после жалоб на нехватку или качество продовольствия. Так, солдаты жаловались на истертость шинелей, на то, что многие продолжают и в холода ходить в караул в летней форме, что в некоторых полках «все босые и голые». В некоторых полках при смотрах начальники отбирали у более отдаленных частей лучшую одежду и обувь для смотровых частей, заставляя первых сидеть по землянкам раздетыми. Обычно же почти каждое письмо на родину сопровождалось просьбами о присылке одежды, обуви, съестных припасов и денег[1].

Так, уже в первые месяцы войны появились сведения об отсутствии необходимого обмундирования и снаряжения для частей ополчения. В частности, не было заготовлено ни теплой одежды, ни даже форменного обмундирования. С позиций поступали сообщения о том, что «холодно», нет смены одежды или что она плохая. Особенно много солдаты писали об отсутствии теплой одежды: «Теплые вещи солдаты только во сне видят», что они «голы и босы» и т.п.[2] Объяснением этого явления могло быть только ожидание быстрого, до зимы, окончания войны, а также маневренные действия войск, за обеспечением которых интенданты не поспевали. Однако по мере затягивания войны проблемы с одеждой стали обостряться. Так, председатель Государственной думы М.В. Родзянко в Особом совещании по обороне поднял вопрос об отсутствии у целых корпусов теплых шинелей, снабжении только бумазейными шинелями новейшего образца из японской материи, «подбитыми ветром»[3]. Однако впоследствии сообщения из писем рисуют менее отрицательную картину. Так, проблемы с одеждой часто касались недостатка смен-

[1] Начальник штаба Западного фронта – командармам 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 10-й армий. Ноябрь 1915 г. // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15 Д. 544. Л. 1, 19, 38, 198; Д. 561. Л. 39, 227–227об., 290.

[3] М.В. Родзянко – М.В. Алексееву от 18 ноября 1915г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 51об.

ной одежды: солдатских рубах (некоторые солдаты жаловались, что носят рубахи по три месяца) – или просто жалоб на «плохую одежду». Иногда не хватало исподнего белья, и солдаты были вынуждены делать его из латок разных материй – получалась «радуга». Частично недостаток одежды упирался в плохую организацию стирки белья и одежды, в результате чего солдаты продолжали ходить в грязном. Естественно, именно грязная, старая, ветхая одежда, отсутствие сменного белья и являлись главной причиной распространения вшей. Впрочем, специальных, отдельных жалоб на одежду было немного, или это касалось отдельных периодов на фронте и отдельных частей. Чаще солдаты жаловались одновременно и на одежду, и на обувь, и на ученья, и на общую усталость. Да и говоря про одежду, солдаты иногда точно не указывали, о какой именно идет речь, подразумевая или исподнее белье, или шинель, или даже перчатки и портянки[1].

Была масса сообщений и о том, что одежда была хорошая, включая теплую. Динамика таких сообщений следующая: за декабрь 1915 г. – 1 с Западного фронта; за июнь 1916 г. – 5 с Юго-Западного фронта; за июль – 1 с Юго-Западного фронта; за август – 1, за сентябрь – 1 с Западного фронта; за октябрь – 1 с Западного фронта; за ноябрь – 2 с Западного фронта и 2 с Юго-Западного фронта; за декабрь – 4 с Юго-Западного фронта; за январь 1917 г. – 4 с Юго-Западного фронта; за февраль – 1 с того же фронта[2].

Негативные отзывы об обеспечении солдат одеждой распределялись следующим образом. За январь 1916 г. таких упоминаний свыше дюжины с Западного фронта (по данным сплошного осмотра позиции генералом Кондратовичем). Отмечалось, что почти каждое письмо на родину сопровождается просьбами о присылке одежды (наряду с обувью, съестными припасами и деньгами). В апреле зарегистрирована 1 жалоба с Юго-Западного фронта. В июне – 4 с Юго-Западного фронта. В августе – 1

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296., 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об., 759, 887; Д. 2937. Л. 420об.; Д. 3856. Л. 82.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 296, 307об., 318, 331; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 166, 282об.; Д. 2935. Л. 114об.; Д. 2937. Л. 204об., 424об.; Д. 3863. Л. 116, 142об., 154, 269, 273об., 337, 373об.

с Западного фронта. В сентябре – 2 с Западного и 4 с Юго-Западного фронтов. В октябре – по 1 с Западного и Юго-Западного фронтов. В ноябре – 1 с Западного и 4 с Юго-Западного фронтов. В декабре – 1 с Западного и 4 с Юго-Западного фронтов. Таким образом, какого-либо резкого ухудшения в обеспечении одеждой не наблюдалось, хотя, конечно, ее часто недоставало, но солдаты не считали эту недостачу определяющей, доминирующей в числе тягот войны[1].

Наиболее частыми жалобами – после нехватки еды – были жалобы на необеспеченность обувью или её плохое качество, прежде всего сапог. Эти жалобы были зафиксированы с первых дней деятельности цензуры. Так, в цензуре Западного фронта в декабре 1915 г. отмечалось, что жалобы на нехватку сапог, подошв и сапожного подручного материала довольно часты. Особенно частыми были эти жалобы в 10-й и 4-й армиях. И далее, в январе и феврале, солдаты этого фронта жаловались на качество интендантских сапог – на «плохие» сапоги или сапоги с «берестовыми задниками». На Западном фронте жалобы в письмах на обувь были частыми в марте и апреле. Однако с апреля на Западном фронте жалобы в письмах на обувь прекратились. Зато с мая и вплоть до конца 1916 г. стали появляться жалобы на обувь на Юго-Западном фронте. Так, один солдат писал, что сапоги порвались за 6 месяцев, что «много в роте есть босых». Другой солдат писал в июне, что он «совсем босый и голый». Указывалось, что «сапоги выдают только перед отправлением на позицию, а если до этих пор у тебя нет сапог, то идешь на занятия босым», что существуют целые роты, которые ходят босыми, – «босые команды». Они возвращаются окровавленные, искалеченные. «Еда есть, но обуви нет», – писали солдаты в августе[2].

Жалобы на обувь продолжались и позже, в августе–сентябре, в том числе на Западном фронте. Особенно трудно с обувью было на Юго-Западном фронте. В сентябре один

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 39–39об., 68об., 296, 307об., 318, 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 166, 239–240; Д. 2935. Л. 592об., 669, 757, 759, 887; Д. 2937. Л. 347, 420об., 424 об., 429, 460об.; Д. 3856. Л. 82; Д. 3863. Л. 154.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 89, 78, 110, 125, 151, 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 71, 239, 240; Д. 2935. Л. 237, 260.

солдат жаловался, что ходит «у маменькиных сапогах, – что она мне дала кожу на ноги». Выявилась нехватка даже портянок для сапог. В этой ситуации радовались сначала даже обмоткам и башмакам: «сносу нет», «нож не берет, во какая крепость». Поступления сапог в армию были, однако, с большим опозданием, до полугода, в результате солдаты были вынуждены покупать обувь на свои деньги. И далее, осенью, оставалась проблема нехватки сапог, которые разбивались в походах (порою протяженностью до 300 верст) или во время работ. Теперь, с началом дождей, солдаты стали высказывать недовольство выдачей ботинок, которые не могли заменить привычных сапог. Даже в ноябре 1916 г. попадались сообщения, что в армии «босых много», «босы и голы». Сообщения об этом особенно участились с ухудшением погоды, усилением окопных работ. При удовлетворенности в некоторые моменты одеждой и едой все равно оставалось недовольство обувью. Характерно, что жалобы на плохую обувь встречались чаще именно на позициях, а не в тылу. Следовательно, обувь не носила характер депривационный, психологически обусловленный, но отражала действительную нехватку этой крайне важной части солдатского обмундирования[1].

В отношении интендантства с начала войны в письмах были жалобы на то, что «интенданты воруют, теплых вещей на позиции не доставляют». Однако конкретных сведений не было. С другой стороны, интенданты явно бесчинствовали по отношению к гражданскому населению, устраивали порки за недопоставку в срок подвод для армии[2].

Непременными спутниками любого солдата в мировой войне были вши. Вызывалось это плохой (более или менее) организацией смены белья, его дезинфекции, организации помывки солдат и вообще условий жизни в оборонительной полосе. В русской армии проблема вшей существовала с самого начала военных действий. Солдаты

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 289об., 296; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 690об., 759, 810об., 850; Д. 2937. Л. 109, 200, 337, 347, 355, 408об., 420; Д. 3863. Л. 119, 237, 373об.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. 52об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 38. Л. 216.

сообщали, что «вши заедают», так как не снимали одежду с начала военных действий. «Вшивели и офицеры» во время боев в Польше. Особенно страдали солдаты от вшей во время позиционной войны, сообщали, что «на нарах очень много вшей», что «вшей кормят своим телом» и т.п.. Проблемы со стиркой солдатского белья оставались и до осени, если судить по письмам: солдатам не хватало денег на стирку, в то время как сами порой не могли постирать из-за ран. Осенью 1916 г. поступала масса жалоб на нехватку смены белья (по три месяца, в результате «шкуру вши объели»), на отсутствие бань, на сырость и грязь в землянках. Осенью 1916 г. даже распространение бань уже мало помогало от вшей, «кари-глазок», как их называли солдаты. Проблема была в отсутствии бань на передовой, а нахождение на передовой было длительным – до пяти недель. В общем же, вши являлись непосредственным раздражителем в и без того тягостных условиях тоски, скуки, холода, иногда и голода на оборонительной позиции. Проблема засилия насекомых на позиции не ослабевала вплоть до начала 1917 г. Для солдат она являлась одной из важных наряду с холодом, мучениями, отсутствием мира, а главное, была унизительной и досадной необходимостью жить с этими отвратительными «веществами» [1].

Важное значение для жизни солдата на фронте имел свет, вернее, его фактическое отсутствие. Проблема была в дороговизне и даже в отсутствии керосина и свечей. Особенно чувствительной их нехватка оказалась осенью: на Юго-Западном фронте занятия прекращались в 5 часов вечера. Резко усиливалось угнетенное состояние. Темнота сопровождалась усилением холода, вообще ухудшением погоды. В отношении освещения не было особой разницы между передовой позицией и резервом, где жить в землянках приходилось тоже без света. Крайне тяжело воспринималось отсутствие света на Северном фронте, где солнце уже осенью заходило очень рано. Отсутствие света резко

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 38, 251, 561; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287, 306, 307об., 332; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 293об., 390, 478, 801об., 864; Д. 3856. Л. 21об., 50об.; Д. 2937. Л. 152, 202, 267, 419, 420 об.; Д. 3863. Л. 41.

ограничивало возможности общения солдата с далекой родиной через газеты, оно усиливало тотальную власть слухов, индуцирование любых аномалий, вообще оказывало крайне тягостное воздействие на психологическое самочувствие солдат, рождало чувство безысходности. Не случайно именно зимой резко увеличивалась сдача в плен: солдаты бежали просто на свет, который был фактически постоянным в окопах, тем более в резервных жилищах противника[1].

Важнейшим опытом современной войны являются взаимоотношения солдат и офицерского состава. Для традиционной войны важно постоянство этих отношений, практически несменяемость в рамках «полкового братства». Офицер являлся зримым выражением иерархии, упорядоченности, столь ценимой в традиционном крестьянском сообществе. В глазах солдат офицер обладал непререкаемым авторитетом – и как «барин», человек из совершенно другого круга, и как «помещик», входивший с тесные хозяйственные связи с солдатской массой, ценившей прежде всего заботу о материальном достатке солдата. Офицер же являлся главным организатором определенного ритма учений и работ, как правило, устраивавшего солдат, поскольку они совпадали с сезонностью, с представлениями солдат о полезности нахождения даже в рядах армии. Наконец, офицер проявлял заботу о повседневной жизни солдата[2].

Современная же война резко нарушила всю палитру взаимоотношений солдат и офицеров. Это явилось следствием громадной убыли офицеров кадрового, то есть как раз постоянного, привычного для солдат состава. Согласно исследователю «трагедии русского офицерства» С.В. Волкову, на начало войны в армии было 80 тыс. офицеров: 40 тыс. кадровых и 40 тыс. призванных по мобилизации. При этом из всех боевых потерь среди офицеров – в 73 тыс. – наибольшие потери были в 1914–15 гг. – 45,1 тыс., то есть как раз потери кадрового офицерства, при 19,4 тыс. в

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 7, 8, 99об., 415об., 424; Д. 3863. Л. 104.

[2] *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // Journal of social history. Summer. 1980. V. 13. № 4. P. 569–572.

1916 г. и 8,5 тыс. в 1917 г.[1]. По данным ГУГШ, уже в июле 1915 г. убыль офицеров в армии составила 57% офицерского состава. К 1 сентября некомплект составил 27330 пехотных офицеров, 1619 – в артиллерии, 409 – в кавалерии, 312 – казачьих, 491 – инженерных войск[2]. В результате уже зимой 1915–1916 г. на Западном фронте офицеры в полках состояли почти исключительно из прапорщиков; кадровых офицеров насчитывалось в полках только 5–7 человек. На значительный некомплект офицеров в 12-й армии указывал ее командующий ген. П.А. Плеве в январе 1916 г. – 1125 человек. Командарм подчеркивал, что в ополченских бригадах значительное число офицеров – прапорщики ополчения, которые вряд ли окажутся на высоте своего назначения при наступательных действиях[3]. На Юго-Западном фронте зимой 1915–1916 гг. также оказался значительный некомплект кадровых офицеров, примерно человек 5–6 на полк. Военное руководство могло положиться только на офицеров высшего начальствующего персонала и на их личное самопожертвование и пример, которые «могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее». К концу же войны во многих пехотных полках было по 1–2 кадровых офицера, а в среднем 2–4 кадровых офицера на полк. Ротами и даже батальонами командовали офицеры военного времени, ставшие уже поручиками, штабс-капитанами и капитанами. Из-за отсутствия достаточного количества кадровых офицеров во многих частях не могли даже создать судов чести; их права и обязанности выполняли начальники частей[4].

---

[1] *Волков С.В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 173–174.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 58; Справка о некомплекте офицеров в действующей армии на 1 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 110–113.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 28; Рапорт командарма 12-й армии ген. В.Н. Клембовского Главкому армий Северного фронта ген. Н.В. Рузскому о приведении армии в полную боевую готовность от 16 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146а; *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 130.

[4] Дежурный генерал Ставки ген. П.К. Кондзеровский – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. В.Н. Клембовскому от 10 февраля 1916г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 200а; *Волков С.В.* Указ соч. С. 172–173.

В ходе войны власти принялись срочно разрабатывать вопрос о доукомплектовании офицерского корпуса даже путем привлечения в армию студентов, закон о чем хотели провести в чрезвычайном порядке по 87-й статье Основных законов. Однако впоследствии решено было отказаться от пополнения армии студентами. Для восполнения офицерского состава за войну было произведено 220 тыс. офицеров: 78581 из военных училищ (с ускоренным курсом в 3–4 месяца), 108970 из школ прапорщиков при запасных пехотных бригадах с 6-месячным курсом и 30 тыс. из вольноопределяющихся и унтер-офицеров за боевые отличия – после сдачи соответствующих экзаменов при военно-окружных штабах на театре военных действий. К концу войны налицо без учета потерь (убитые, пленные, тяжело раненные) в офицерском корпусе оказалось 236–242 тыс. чел. К этой группе следует прибавить еще 140 тыс. врачей и военных чиновников. Таким образом, в армии было 380 тыс. чел. начальствующего состава[1].

Однако такое огромное количество офицеров военного времени значительно изменило весь офицерский корпус, саму его природу. Потери кадрового состава армии и большой приток новоиспеченных офицеров привел к громадным переменам в структуре взаимоотношений между начальствующим и подчиненным составом русской армии. В целом с начала войны офицерский корпус сменился на 7/8, в пехотных частях сменилось от 300 до 500% офицеров, в кавалерии и артиллерии – от 15 до 40%. Тем самым был нанесен сильный удар устойчивой иерархии, являющейся важнейшей составляющей традиционного состава русской армии. Очень часто офицеры даже не знали своих подчиненных. Особенно это сказывалось во время атак, ночных или дневных в темное время суток зимой, как это было, например, во время восстания Одоевского полка. Огромный вред принесла и частая смена полковых командиров, в основном из состава офицеров Генерального штаба, незнакомых со строем и чуждых полку. Каждый полк за три года войны переменил 4– 6 командиров и больше.

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 58; *Волков С.В.* Указ. соч. С 173–174; Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 10.

Они смотрели на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Другие, сознавая свою неподготовленность, взваливали все управление полком на кадровых капитанов либо подполковников — батальонных командиров. Тем самым нарушался принцип традиционализма в полку, носителем которой и являлся его командир[1].

Кроме того, большие потери в кадровом офицерстве нанесли серьезный урон бывшей офицерской корпорации как потомственной военной профессиональной группе, преданной престолу. Эта группа была заменена совершенно другим социальным временным формированием со специфическими характеристиками. По социальному происхождению офицеры военного времени резко отличались от кадровых офицеров, выходцев, как правило, из дворянского сословия. Правда, еще до войны происходил постоянный процесс размывания чисто дворянского состава офицерского корпуса. Так, на 1912 г. дворяне среди офицеров составляли 53,6% (в пехоте – 44,3%, мещане и крестьяне – 25,7%, почетные граждане – 13,6%, духовенство 3,6% и купцы 3,5%. Во время же войны доля дворян среди офицеров составляла не больше 10%. В литературе при характеристике офицерского корпуса периода военного времени основное внимание уделяется социальному происхождению. Так, согласно С.В. Волкову, свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916–17 гг. были из крестьян. Согласно Б.М. Кочакову, удельный вес дворянства, почетных граждан и духовенства среди юнкеров военных училищ сократился с 56,15% в 1913 г. до 34,72% в 1915. г. Еще менее дворянским был и состав армии. До 80% прапорщиков были из крестьян. Согласно Н.Н. Головину, из 1000 прапорщиков 7-й армии около 700 были из крестьян, 260 – из мещан, 40 – из рабочих и купцов и только 40 – из дворян. Изменением социального состава офицерского корпуса, очевидно, объясняется наличие в нем к 1917 г. массы «отщепенцев, примкнувших к бунтовщикам, настроенных весьма нелояльно» к властям. В то же время в литературе редко поднимается вопрос о социокуль-

[1] *Волков С.В.* Указ. соч. С. 174; *Керсновский А.А.* История русской армии. Т.4. М.: «Голос», 1994. С. 217.

турных характеристиках офицерского корпуса. Так, согласно Волкову, офицеры военного времени не обладали «офицерской идеологией и понятиями», были не просто случайными, но совершено чуждыми и даже враждебными бывшему офицерскому корпусу и вообще российской государственности, хотя и достаточно образованными людьми. Согласно же Головину, именно интеллигенты, пришедшие на фронт, были наиболее патриотичны[1].

Более важными, однако, представляются не социальные, а социокультурные характеристики, в частности – довоенные занятия офицеров военного времени. Правда, надежных источников здесь не существует, эти занятия определяются субъективными свидетельствами современников. Подавляющее их большинство полагало, что в офицеры попадают люди не просто из низших слоев общества, «мужики», но из их самой активной части. Это были люди, сумевшие получить выгодные должности или профессии, как правило в городе, а также принадлежавшие к сословию чиновников или сельской интеллигенции. Так, в многочисленных письмах и воспоминаниях фронтовиков указывалось, что «из прапоров большинство приказчики и портные», «вчерашние агрономы и следователи», «сапожники, повара, извозчики». Иногда про прапорщиков говорили и вовсе пренебрежительно: «просто собакогоняи». Фронтовик А. Черепанов сообщал, что командир его роты был из сельских учителей, младшие офицеры— сыновья мелких и железнодорожных кондукторов, исполняющий обязанности младшего офицера подпрапорщик служил до войны гардеробщиком в Московском Художественном театре. Обычно такие люди имели начальное профессиональное образование: бухгалтерские или кондукторские курсы и т.п.[2]

---

[1] Волков С.В. Указ. соч. С. 174–176; *Кочаков Б.М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 205. Вып. 24. С. 80; *Кавтарадзе. А.Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. 27; *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 г.г. Кн. 1. Париж, 1937. С. 86.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 217об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 811об.; Д. 2937. Л. 409; Д. 3863. Л. 244–244об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 70–71; *Черепанов А.И.* Указ. соч. М.: Воениздат, 1984. С. 7.

Отношение к подобного рода выскочкам из народа отразилось и в фольклоре военного времени. О них говорили, что «который был дворник Володя, а сейчас Ваше благородие». В частушках пели:

Раньше был я дворник,
Запирал ворота,
А теперь кругом марш,
Стройся, моя рота.
Или:
Раньше был я водовоз,
Меня звали Володей,
Я теперь не водовоз,
Ваше благородие.
Или:
Раньше был он смазчик,
Смазывал вагоны,
А теперь на фронте,
Золоты погоны.
Или:
Прежде был я пчеловод,
Торговал я медом.
А теперь на войне,
Командую взводом[1].

В офицерской среде во время войны сложилась обстановка, полная взаимных претензий, непонимания, упреков. Прежде всего это касалось взаимоотношений между кадровыми офицерами и офицерами военного времени. В письмах уже весной 1916 г. отмечалось, что «наблюдается рознь между офицерами постоянного состава и прапорщиками». Это «неудовольствие» проявлялось в «пренебрежительном отношении» к прапорщикам. Кадровые офицеры легче и быстрее получали награды, выдвижения по службе, используя старые связи, получая необходимые свидетельские показания, чего были лишены недавно прибывшие в часть офицеры. В некоторых частях ощущалась разница между прапорщиками и кадровыми офицерами, что поддержива-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 266об.; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 303; *Симаков В.И.* Частушки // РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 78, 79об.; Д. 22. Л. 31.

ло и командование полка, держа первых «в черном теле» и проявляя «простоту и любезность» по отношению ко вторым. В Особой армии прапорщики были всего лишь «прикомандированы» к гвардейским частям и заметно отличались от гвардейских офицеров «как черная кость от белой». Их не подпускали к наградам, не производили в подпоручики, хотели перевести в армейские полки. Командиры некоторых частей даже пытались вмешиваться в процесс комплектования офицеров военного времени и не пропускали в прапорщики лиц крестьянского сословия, несмотря на их права. Оставшиеся же в армии кадровые офицеры почти не занимались обучением молодых командиров[1].

Впрочем, офицерская корпорация всегда была расколота. До войны были характерны неравенство, взаимное пренебрежение, даже вражда между армейскими и гвардейскими, столичными и провинциальными офицерами. Во время войны значительно обострилась вражда между офицерами разных родов, пехотными и гвардейскими, а также пехотными офицерами и летчиками, получавшими 500–600 рублей, жившими лучше, а работавшими меньше, получавшими больше наград и пользовавшимися большим успехом у женщин. Наблюдалась и рознь между артиллеристами – полевой артиллерии и крепостной. Между представителями разных родов войск, в том числе офицерами, порою случались эксцессы вплоть до вооруженных стычек. Однако во время войны рознь возникала и в самих частях, даже в гвардейских[2].

Вообще в частях, главным образом в полках, утрачивалось полковое братство, начиная с офицеров. В письмах офицеры писали, что уже «нет той спайки, которая была в мирное время». Особенно подчеркивали рознь между офицерами постоянного состава и прапорщиками. Выявились и серьезные проблемы даже в общении начальства с офицерами, а тем более с нижними чинами[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 42, 579; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 364; Д. 3845. Л. 237об., 240; Д. 3863. Л. 155об.–156; *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 5.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 14–15; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 136об., 201об.; Ф. 2067. Оп. 1. 3845. Л. 372об. Д. 3863. Л. 335.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79; Д. 1184. Л. 42; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 27об. 451; Д. 3845. Л. 300об.

Вопрос этот вынужден был рассматривать Верховный Главнокомандующий русской армией Николай II. Царь обращал внимание на то, что старшие начальники отдают приказания по телефону, вообще придают преувеличенное значение управлению при помощи телефона, находятся далеко позади войск, и даже в период продолжительных занятий в окопах войска редко видят своих начальников выше командиров полка. В результате «утрачивается влияние начальства на подчиненных, духовная связь; угасает вера подчиненных в тех, кому вверяются их судьбы, особенно в критические дни и периоды боев; возникают справедливые нарекания и жалобы младших на своих руководителей»[1]. Офицеры жаловались в письмах, что во многих дивизиях нет «доброжелательства или оказания содействия для общего дела: с командирами не разговаривают, а только отдают приказания». Писали о «произволе, неорганизованности, грубости удивительной» в полках. Офицеры жаловались, что «стало скучно в полку: нет прежних товарищей, старых офицеров и солдаты все новые». Участились и случаи кровавых столкновений между офицерами – или разных родов войск (например, между казаками и пехотинцами), или даже внутри частей. В результате многие офицеры старались остаться в «тылах», на лечении, вообще «устроиться потеплее». Редко появлялось сообщение о приезде в полк, где чувствуется «великолепно», что полк – «семья родная», где «офицеры полка – славные люди, истинные товарищи»[2].

Особенности поведения контингента, составлявшего большую часть офицеров военного времени, проявились уже в системе комплектования офицерского корпуса. Так, если в военно-учебных заведениях проходили ускоренные курсы, то в особых школах при запасных пехотных бригадах часть учащихся производилась в офицеры без экзамена, только при наличии справки об образовании не менее 5-го класса гимназии, или по экзамену на соответствую-

[1] Циркуляр начальника штаба Ставки ВГК ген. М.В. Алексеева от 15 октября 1915 г. // Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 252–252об.

[2] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 25–27; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 142; Д. 2935. Л. 265об.; Д. 2937. Л. 92об., 111; Д. 3845. Л. 335об.; Д. 3863. Л. 124–125, 733об.–734.

щий образовательный ценз, сдававшемуся на курсах при военно-окружных штабах на театре военных действий. В результате многие офицеры пытались получить соответствующие справки об образовании за деньги, поскольку «свидетельство 2-го разряда может получить даже неграмотный человек, нужно иметь только голову». Такса за такие справки доходила до 100 рублей. В провинции, на Кавказе, это было сделать еще легче: для сдачи экзамена на чин прапорщика по 2-му разряду вольноопределяющимся надо было всего 30–50 рублей. Вообще поступить в школу прапорщиков представлялось очень легким делом. В связи с этим отношение к офицерам, окончившим школу прапорщиков, со стороны нижних чинов было критическим[1].

Получили ли будущие прапорщики справки об образовании за деньги или по имевшемуся у них образовательному цензу, но в первое время в школы прапорщиков образовался большой наплыв учащихся. Уже в процессе обучения стали обращать внимание на поверхностное образование, на усиленное внимание только к мелочам военной жизни, многие из которых учащиеся полагали вообще ненужными в военной обстановке. С другой стороны, будущими офицерами не усваивался в полной мере объем преподаваемых специальных знаний, с которыми они выходили из школ прапорщиков в войска. Типична судьба такого прапорщика военного времени 50-го пехотного запасного полка Дуракова Авксентия Тимофеевича, из крестьян Бессарабской губернии, 1895 г. рождения. Он закончил в мае 1915 г. высшее начальное училище, что равнялось цензу 5 класса гимназии. В июне был принят на службу молодым солдатом и уже через 2 месяца направлен в команду при Одесской школе подготовки прапорщиков пехоты. А в январе 1916 г. был произведен в прапорщики, заняв должность младшего офицера в запасном батальоне. Тем не менее в силу необходимости огромное большинство должностей ротных командиров и даже некоторая часть должностей батальонных командиров замещается

[1] Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1915 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1101. Л. 10; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 29об., 170об.

именно мало подготовленными для этих ответственных должностей прапорщиками»[1].

И социальный состав, и особенности комплектования офицерского корпуса военного времени определили недостаточный образовательный уровень новых офицеров. Уже летом 1915 г. пошли жалобы на необразованность прапорщиков. «Образование ниже среднего», – писали в письмах, на уровне земского двухклассного училища, фактически на уровне унтер-офицера. В связи с этим предлагали их обучать на фронте при штабах армий. Необразованность прапорщиков явилась причиной большого недовольства ими со стороны как кадровых офицеров, так и значительной части солдат. В армии полагали, что было бы куда эффективнее произвести в прапорщики всех старослужащих унтер-офицеров и взводных[2].

Однако и далее продолжали поступать сообщения о необходимости поднять уровень военных знаний в массе молодых офицеров, выходящих из школ прапорщиков. Цензура отмечала значительный процент безграмотных писем, не только по их внешнему выражению, но и по своему внутреннему содержанию. Попадались такие письма новых офицеров: «Знашь матреша теперича я уже у офицерском чине кахфею пью шесть разов у сутки и два вистовых один за повара, другой так в прислугах тож». Другой прапорщик в разговоре употреблял слова «жисть», «каждному», чем вызывал смех у кадровых офицеров. Офицеры отмечали, что пройденный прапорщиками первоначальный курс усвоен посредственно. Для многих, особенно вышедших из рядов нижних чинов, занятия по учебникам вообще давались с огромным трудом по причине их слабой грамотности. В результате они пытались заучивать со слов руководителя или преподавателя. По словам самих учащихся, в школах прапорщиков их учили не тому, что они видят в полках боевой линии, где все для них ново и неизвестно. Бросались в глаза непонимание основных положений военного законодательства, дисциплинарного

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 163; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 281. Л. 2, 45–48.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 11; Ф. 2067. Оп. 1. Д; 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 162; Д. 3845. Л. 339об.

устава, вообще узкий кругозор и т.д. При этом вопрос был даже не в недостаточном знании, но и в неумении применить даже полученные знания к практике, к делу, для чего нужно было время[1].

Чаще всего кадровые офицеры обвиняли офицеров военного времени в неопытности. В ранней советской историографии эту «неопытность» подавали даже как «совершенную неспособность» всего руководящего состава армии. Прапорщики же военного времени давали массу предлогов для таких характеристик. Уже в конце 1915 г. в письмах был поднят вопрос о полном отсутствии старых офицеров. «Зеленая молодежь» не в состоянии даже была «взять прицел», не то что воевать. И далее продолжали поступать сообщения о необходимости поднять уровень военных знаний в массе молодых офицеров, выходящих из школ прапорщиков. Отмечали, что в среде этой молодежи не только недостаточный общий уровень образования и развития, но их отмечают недисциплинированность и отсутствие правильных понятий о воинской чести, долге, обязанностях офицеров по отношению к подчиненным, равным, старшим по званию, гражданскому населению. В армиях указывали на «штатский дух», с каким являются в полки огромное большинство прапорщиков. Отмечалось также безучастное или равнодушное отношение значительной их части к военному делу, неумение отдать самых простых приказаний нижним чинам, постоянные колебания и отсутствие инициативы при решении даже простейших самостоятельных задаче в поле. Командующий 12-й армией ген. А.Е. Чурин писал Главкому армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузскому, что прапорщики ополчения вряд ли окажутся на высоте своего назначения при наступательных наших действиях. В письмах выражалось неудовольствие по адресу офицеров, произведенных из нижних чинов и от которых «нельзя было ожидать ничего хорошего при исполнении ими офицерских обязанностей». «Зеленое прапорщичество» упрекали и в неспособности вообще понять интересы полка как военно-хозяй-

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 78об.–79, 81–81об; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 87об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 175об.–176; Д. 2937. Л. 29.

ственной единицы, какую-то беззаботность в отношении своих обязанностей. «Не знаем, что-то будет в бою, придется самим воевать, придется самим и хозяйничать», – писали кадровые офицеры из армии. С весны 1916 г. неопытность новых офицеров, оказывавшихся в боях «в самом смешном положении», обращала внимание и солдат, терявших доверие к новому начальству. Прапорщиков обвиняли в «незнании службы», в «детстве», в бездеятельности, в неспособности как следует обучать новый контингент. Стали все чаще раздаваться голоса о нежелании подчиняться «мальчикам», требования перевести в прапорщиков старослужащих унтер-офицеров. При этом «желторотым прапорщикам» не отказывали в патриотизме, в «умении умереть», однако видели у них полную неспособность выйти из тяжелого положения с наименьшими потерями, держать дрогнувшую часть и привести ее в порядок. Вообще они, как правило, не умеюли поддержать офицерское достоинство и внушить уважение к себе со стороны нижних чинов[1].

Резкое неприятие среди кадровых офицеров вызывал моральный, нравственный облик офицеров военного времени, что обнаружилось уже с осени 1915 г. Последние изображались «малоинтересными и малоинтеллигентными и совершенно неспособными заменить прежних офицеров». Чем дальше, тем больше обострялись отношения между кадровыми и временными офицерами, в глазах которых первые были «такие все мужики, невоспитанные, хамоватые», «глупые как пробки», не находящие других разговоров, кроме как о «девочках». Прапорщиков обвиняли в «слабом понятии об офицерском достоинстве», неимении навыка держать себя в офицерском обществе, в отсутствии «рыцарства», в «цинизме», «невоспитанности». Известно и много конкретных случаев неподобающего поведения прапорщиков. Прежде всего это касалось пьян-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 133.Ф. 2031. Оп. 1. Д. 295. Л. 146а. Д. 369. Л. 78об.–79. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 11об., 110, 134об., 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125; Д. 2935. Л. 54об., 60, 162, 175об.–176; Д. 2937. Л. 29. Д. 3845. Л. 295об.; Д. 3863. Л. 294об.–295. *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 22.

ства и «разврата», что было даже препятствием для некоторых офицеров вступать в офицерское общество. Имели место даже появления пьяных прапорщиков в строю. Вне строя же пьяные дебоши, буйства, «безобразия» новых офицеров были вообще довольно частыми, что стало предметом разбирательства гражданской и военной полиции с последующим разжалованием прапорщиков в рядовые. Отмечались и крайние выходки новых офицеров, свидетельствовавшие о нравственной запущенности: «кривлянье» на людях, стычки с извозчиками, комендантами, пытавшимися пресечь буйство офицера, игра в карты с нижними чинами, проигрывание больших сумм и одалживание денег у частных лиц, извозчиков, лавочников, швейцаров, нижних чинов, включая под залог оружия, даже выходы на арену цирка для участия в фокусах факиров. Для упрощения разбирательства по подобным, очевидно многочисленным, случаям, в январе 1917 г. дежурный генерал Главковерха принял решение разрешить начальникам частей на время войны по своему усмотрению разжаловать прапорщиков, «в случае совершения ими проступков, свидетельствующих об отсутствии у них служебного достоинства и чести офицерского звания», в рядовые без предания их суду[1].

Кроме серьезного конфликта с кадровыми офицерами, офицеры нового времени оказались перед лицом нараставшей критики со стороны солдатской массы. Для солдат в армии остались только прапорщики, а не офицеры. Солдаты сразу отличали «настоящих» офицеров, от офицеров нового времени, с которыми им суждено было воевать. Молодых прапоров не любят – отмечала цензура. Молодость и неопытность прапорщиков рассматривалась как основная причина, почему приходилось «погибать напрасно», – говорили солдаты. Солдаты считали, что «нет надежды на новых офицеров», поскольку они «вносят хаос». К осени 1916 г. недоверие к прапорщикам все бо-

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4744. Л. 1–2, 6, 12–17об. 35–36об., 39–39об., 40–42; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–62; Ф. 1932. Оп. 4. Д. 103. Л. 38, 52; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 54об., 699об.; Д. 2937. Л. 400, 409. 410; Д. 3845. Л. 237об., 240; Д. 3863. Л. 358об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1040. Л. 182–183.

лее усиливалось среди солдат, отдававших предпочтение старым, кадровым офицерам, называя только последних «настоящими» командирами. Солдаты все чаще называли молодых офицеров «слабыми», не оправдывающими возлагаемых на них надежд», «страшно бестолковыми», зависящими от денщиков и унтер-офицеров. Доходило до того, что в атаку посылали людей без офицеров, только с унтер-офицерами. Плохое отношение к прапорщикам сохранялось вплоть до февраля 1917 г. В целом среди солдат уважение к прапорщикам продолжало падать, в том числе и из-за самой легкости получить это звание. В результате некоторые солдаты, даже имея право на получение звания прапорщика отказывались идти в школы прапорщиков, потому что «в пехоте мало интересу» [1].

Как в изображении свойств русского солдата времени мировой войны нельзя объяснять его неудачный опыт его «отсталостью», так не следует и видеть главную причину кризиса армейской иерархии в том, что офицеры нового времени были «плохими». Несмотря на многочисленные свидетельства «необразованности», «невоспитанности» офицеров военного времени, отмечалась и большая восприимчивость и чуткость всей этой молодежи к сведениям общеобразовательного (гигиена) и технического (телефон, телеграф, мотор, авиация и проч.), характера. С напряженным вниманием эти люди слушали изложение даже сухих предметов (теория стрельбы из артиллерийских орудий), но доступно и талантливо излагаемых. По существу, прапорщики военного времени представляли выдвиженцев из народа, которым армия давала возможность занять более высокое положение в социальной лестнице, образовывала «социальный лифт». Проблема была в том, что этот «социальный лифт» еще плохо работал, на это необходимо было время. Впоследствии опыт привлечения «из низов» их активной части к знаниям, новым социальным практикам повторился в Советской армии в 20-х гг. и был в целом

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97об., 102об., 150, 226; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9об.–10, 323, 331об., 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285об.; Д. 2935. Л. 692об., 695; Д. 2937. Л. 267, 409; Д. 3863. Л. 244, 336об.–337, 534об.

успешен[1]. Однако такой эксперимент во время мировой войны оказался неподготовленным и в целом неудачен.

Для успешного продвижения по военной лестнице царская армия, а главное, сама ситуация позиционной войны не представляла необходимых возможностей. Один из командиров полка 4-го армейского корпуса 5-й армии писал: «Позиционная война, по-моему, убивает всякую энергию; заглушает всякий порыв, костенеет ум, мне понятен только открытый бой. Пан или пропал. Отмучился или погиб; я и ехал в армию с таким намерением, но пока на нашем фронте ничего не началось». Офицеры жаловались «на страшное однообразие жизни, скуку и недостаток книг для чтения». У офицеров не было серьезной литературы, чаще встречались эротические романы Вербицкой, Куприна (Яма) и т.п. В некоторых частях войск от бездействия, а иногда безделья, распространялась скука, а за ней апатия. Из-за плохих погодных условиях приходилось сидеть по землянкам, без общения с солдатами. «Скука страшная, не знаешь куда деваться: всю досаду напишешь и снесешь; ешь до невероятности много; спишь до одурения» и т.п. При этом офицеры жили «как большая семья», тем самым воспроизводя на практике фронтовое товарищество[2].

Были большие проблемы у офицеров и в материальном обеспечении. Вообще офицеры получали 100 руб., но на стол тратили 50–60 руб., а некоторые пытались экономить, тратя на стол 15 руб., остальное отправляя «маме». Впоследствии офицеры получали 200–300 р. Однако нараставшая дороговизна лишала офицеров этих преимуществ перед солдатами. Уже с зимы 1915–1916 г. начались жалобы нижних офицерских чинов на нехватку содержания и дороговизну. Тревога о жизни и дороговизне есть в каждый письме семейных офицеров – сообщала цензура.

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 369. Л. 81–81об.; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В двух томах. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. Т. 2. С. 23–26, 37, 188–189; *Его же.* «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // Военно-историческая антропология: Актуальные проблемы изучения: Ежегодник 2005/2006. М., 2007. С. 257–284.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 123об., 201об., 205–205об., 206об., 261об., 352; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43об.–44.

Особенно жаловались на дороговизну младшие офицеры. Постоянные жалобы на дороговизну продолжались и нарастали всю осень и зиму 1916 г. При этом офицеры резко выступали против дороговизны, несмотря на цензуру. В письмах офицеров встали встречаться резкие обвинения представителей администрации в соучастии с мародерами и в лихоимстве. Еще чаще попадались упреки в попустительстве и бессилии власти. Не менее резкими («генералы – сволочи») были отзывы младших офицеров в случае урезания зарплаты[1]. Материальные условия офицеров, в сущности, объединяли их с солдатским протестом. Офицеры военного времени имели и стеснения в военных правах, кроме ограничения продвижения по военной службе после окончания войны. Так, например, вместо судов чести они подлежали полковому суду, формируемому командиром полка[2]. Еще зимой 1916 г. поднимался вопрос о распространении на офицеров военного времени преимуществ, дарованных офицерам пехоты[3].

Вообще офицеры военного времени оказались отрезанными среди всех остальных групп комбатантов. Их не любили и унижали и полковое начальство, и кадровые офицеры, и унтер-офицеры, и солдаты. В результате офицеры ощущали усталость, прежде всего от окопной жизни. Нарастала и «нравственная усталость», отсутствие бодрости и подъема духа, желание отдохнуть, уехать в командировку и т.п.[4] В целом можно говорить о глубочайшем кризисе армейской иерархии на уровне младшего офицерского состава в годы Первой мировой войны.

Одной из причин недовольства русских солдат во время войны были многочисленные злоупотребления на почте. Они заключались прежде всего в задержке писем. Замечалось много жалоб на неисправную доставку писем

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111–111об., 301об., 356, 440, 527, 552об., 554об.–555, 574об., 584; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 74об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 272, 769об.–770.

[2] Дежурный генерал Ставки ген. П.К. Кондзеровский – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. В.Н. Клембовскому от 10 февраля 1916г. // РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 200а.

[3] Отчет ген. К.А. Кондратовича об осмотре передовых позиций // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 33об.

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 328. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303об., 305.

и отсутствие газет в 10-й и особенно 3-й армиях в конце 1915 г. – свыше недели и даже 3 недель, или вообще неполучение писем. Скорее всего это происходило по причине задержки писем в цензуре. Солдаты обнаруживали часто, что их письма вообще не доходили домой. Причиной этому были прямые уничтожения писем цензурой, о чем корреспонденты не знали. Приходили и жалобы на взимание сельскими властями дополнительной платы за письма из армии, приходившие без марок, несмотря на то, что на них имелись печати воинских частей или почтовых учреждений. Жалобы на медленную доставку корреспонденции имели, однако, и другую подоплеку: недовольство строгостями цензуры вообще по отношению к солдатским письмам. Дело было в том, что в конце 1916 г. цензура стала вскрывать чуть ли не все письма. В результате недовольство на медленную доставку корреспонденции в армию. Военный цензор 5-го армейского корпуса, стараясь выяснить причину задержки, доносил, что из личных наблюдений он убедился при сличении почтовых штемпелей на простых письмах, что в данном случае задержка происходит по вине главных контрольных почтовых контор. Так, например, письма из Таврической, Полтавской и Херсонской губерний, идущие в армию через главную контору в Кременчуге, попадают в корпусную контору на 12-13 день, иногда и позже, штемпель же главной конторы, находящейся при железных дорогах, говорит о том, что письмо очень поздно вышло из главной конторы. Письма из Смоленска получались на 10-й день, из Орла на 10–11-й день и т.д.[1]

Но особенно возмущали солдат задержки, пропажи или получение в неполном составе посылок. Солдаты получали часто вместо посылок с бельем и съестными припасами камни, дерево, бумагу и т.п. хлам. В лучшем случае посылки приходили разбитыми и обращенными в труху. Денежные вложения из писем с родины и обратно часто изымались. Наконец, масса посылок приходили с «невозможнейшим опозданием» на 4–6 месяцев и утраченным значением, а то и совершенно не приходили. Характерно

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об., 111, 135об., 151об., 186об., 189об., 289об., 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 136; Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384; Д. 3863. Л. 197об., 205об.

письмо солдата 52-го полка жене: «Одно утешение у нас в окопах весточка из дома да не суждено видно мне, вы послали мне 3 р., и посылку, да никак не могу получить, видно пропали, а письмо твое от 12 октября получил только 1 декабря. Здорово работает наша почта». Другой солдат писал: «А посылку ты хотела посылать то не посылай, а то они у нас пропадают, так что которую ты мне послала табак я по сие время не получил». Неустройство почтовых сношений остается прежним, констатировала цензура Юго-Западного фронта в начале 1917 г.[1]

В жалобах на доставку корреспонденции и посылок солдатам прослеживается некоторая динамика. Так, в 1915–1916 гг. такие жалобы поступали в основном с Западного фронта. И только с конца 1916 г. жалобы появились на Юго-Западном фронте, хотя продолжали поступать и с других фронтов. В 1915 г. зафиксировано с Западного фронта 2 жалобы. За первую половину 1916 г. – 10 и ни одной с Юго-Западного фронта. За вторую половину 1916 г. и до марта 1917 г. было зафиксировано с Западного фронта 6 жалоб, а с Юго-Западного фронта – 7. Это объясняется тем, что вопросом корреспонденции были озабочены в первую очередь войска, находившиеся в состоянии позиционной войны – то есть Северного и Западного фронтов. Сказывалась ностальгия, требование правильной работы почты в условиях стабилизации позиции. Такие требования к почте не могли предъявлять войска Юго-Западного фронта в условиях маневренной войны. И только после стабилизации фронта в конце 1916 г. эти жалобы резко возросли и слились с жалобами солдат с других фронтов. В целом же жалобы на корреспонденцию отражали недовольство солдат цензурой, непорядками внутри страны, а также лишение их возможности нормально питаться и одеваться с помощью родных благодаря посылкам[2].

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 78, 87об., 209, 219об., 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384–384об.; Д. 3863. Л. 238, 274об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29, 68об., 78, 87 об., 111, 135об., 186об., 209, 219об., 222, 289об., 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 136; Д. 2935. Л. 249; Д. 2937. Л. 384–384об.; Д. 3863. Л. 197об., 205об., 238, 274об.

Но и вне позиции резервов, а также находясь на лечении, солдаты испытывали определенные тяготы. Здесь надо, однако, отделить первоначальную путаницу, неорганизованность вообще в санитарной службе, госпиталей в частности, в первые месяцы войны от нахождения в госпиталях как определенного вида военной службы в современной войне. В начале войны раненые порою сами искали госпитали, которые, все время находясь в движении, не в состоянии были этих раненых обслужить. Были большие сложности с перевозкой раненых, вплоть до отсутствия транспорта вообще. Иногда сами госпитали работали под огнем противника, находясь всего в 1–2 верстах от боя вместо положенных 6 верст. В результате иногда лазареты теряли свои обозы, попадали в плен, оказывались без необходимых лекарств и инструментов и т.п. Масса проблем была с эвакуацией раненых: часто их, в сущности, пытались направлять своим ходом в лечебные учреждения. Сообщалось, что варшавские вокзалы «завалены ранеными, валяющимися на соломе дня по четыре в ожидании отправки внутрь России, без перевязки» и т.п. [1]

После создания в целом системы организации лечения раненых и больных санитарной службы, объединившей Военное ведомство, Красный крест, общественные (Всероссийские Земский и Городской и другие) и частные организации, отзывы о нахождении в госпиталях оставались разноречивыми. Было достаточно много положительных отзывов. Сказывалось отсутствие занятий, регулярная, иногда хорошая пища, так что ее даже продавали на сторону, спокойный сон; вообще порядок, мягкие постели и т.п. Сообщали о заботливом отношении медперсонала, особенно сестер милосердия, вплоть до вождения пациентов в театр, обучения грамоте. Нравилось, что вообще «следили за здоровьем», относились к болезни «серьезно». Особенно хвалили солдаты уход в частных, а также в принадлежащих общественным организациям, Земскому и Городскому союзам, госпиталях[2].

Однако есть много свидетельств и о плохом отношении раненых к госпиталям, нахождению в них, к медперсона-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 31, 62, 63; Д. 561. Л. 6.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 353, 409, 409об.; Д. 3863. Л. 156, 197об., 205, 226об., 238, 273об., 342.

лу и т.п. Негативное отношение к госпиталям начиналось уже с поля боя, где, по мнению некоторых солдат, «дело подбирания наших раненых стоит далеко не на должной высоте, ибо санитары до сих пор не знают своих святых обязанностей». Частыми были недовольство условиями пребывания, жалобы на еду. Солдаты и тем более офицеры жаловались на невнимание в военных госпиталях, скученность раненых в палатах, плохое питание, грязь. Однако служители госпиталей объясняли жалобы преувеличенной раздражительностью раненых «как от болевых ощущений, причиняемых ранами, так и от утомления при эвакуации». Частично недостатки госпиталей Военного ведомства подтверждались внутренними расследованиями. Правда, начальство объясняло их переполненностью госпиталей, нехваткой оклада медперсоналу и т.п. Как и солдаты на фронте, больные и раненые не могли возместить нехватку пищи в госпиталях покупкой в связи с постоянно увеличивавшейся дороговизной – в чем они, однако, обвиняли именно больничное начальство[1].

Много жалоб было и на медицинский персонал, воспринимавшийся в качестве «начальства», настаивавший на соблюдении дисциплины, от которой, как полагали пациенты, они должны быть избавлены, будучи вне позиции. Медицинских работников обвиняли в пьянстве, невнимательности, грубости вплоть до крайних пределов с применением в качестве «лекарственных средств» плетей и палочных ударов. Солдаты были недовольны тем, что врачи входят в сделки с легкоранеными, не обращая внимания на тяжелораненых. Особенно плохо отзывались о военных госпиталях (то есть Военного ведомства). Но с осени 1916 г. стало поступать много сообщений о плохой пище и в госпиталях общественных организаций, большой смертности, плохой одежде, обуви, наличии вшей. Появились даже жалобы на госпитали Всероссийского союза городов, обычно противопоставлявшиеся госпиталям Военного ведомства и Красного креста. Жаловались на отсутствие книг, дров, обуви и т. п. Особенно много жаловались сол-

[1] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 20; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 144, 147, 150–153, 154–155, 161, 163–163об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 144об., 342.

даты на плохое и суровое обращение сестер милосердия с ранеными. Возмущали действия фельдшеров, которые давали отпуска за взятки. На самом деле, отпуска чаще зависели от военного начальства, в ведении которого и находились, собственно, госпитали[1].

Много было проблем и с дисциплиной в госпиталях. Пациенты не слушались военное начальство, в чьем ведении были формально госпитали. Порою это начальство представляли те же прапорщики, бывшие в глазах больных такими же солдатами, уклонившимися от военной службы. Сами солдаты часто нарушали больничные правила, устраивали незаконные азартные игры, вообще отлучались из госпиталя в город, продавали больничное белье, выданную обувь (сапоги), в результате начальство их обувало в лапти, изымало обычную одежду, заменяя ее плохой больничной. За все подобные нарушения дисциплины начальство наказывало – вплоть до арестов. Солдаты получили, однако, поддержку медицинского персонала в своих претензиях к военному начальству, осуществлявшему надзор. Это вызвало конфликт между медицинским персоналом, часто интеллигентными женщинами, и военным госпитальным начальством. Вообще отмечался серьезный конфликт между врачами и строевым военным начальством[2].

В целом осенью – зимой 1916–1917 гг. отзывы о содержании в госпиталях были неблагоприятны. Все чаще раздавались жалобы на весь уклад жизни в госпиталях. Один солдат писал в декабре 1916 г.: «Дорогая мамаша, лучше бы ты меня на свет не родила, лучше бы маленьким в воде утопила, так я сейчас мучаюсь. Я теперь такой что с койки не могу встать лучше бы дорогая мамаша мне на позиции умереть чем в госпитале лежать». «Наш брат пропадает везде, как на позиции, так и в госпитале», – сообщалось в письме другого солдата. Объяснение такому отношению солдат к госпиталям можно дать только исходя из пред-

[1] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 399об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 2; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 189об., 220, 359об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 588; Д. 2937. Л. 65, 409об.–410; Д. 3863. Л. 156об., 238, 244, 255, 295, 350.

[2] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 163–163об., 174, 395, 401, 411–412об., 414–429, 450об.

ставления о госпиталях как представляющих такую же дисциплинарную структуру, что и учебные заведения и сама армия, то есть тотальный институт. Предписания, контроль в госпитале кажутся даже еще тяжелее, так как касаются не только возможности движения, но и тела, физиологических отправлений, которые строго регулируются, подчеркивает культуролог М. Фуко[1] С другой стороны, именно в госпитале, то есть вне ощущений физической опасности, происходит эффект воспоминания об этой опасности, ее переживания, нарастают чувства угнетенности. Они сопровождаются и осознанием реальных физических потерь рук, ног, ран жизненно важных органов, вообще ослабленного, болезненного здоровья, с чем, возможно, придется жить остальную жизнь. Возникают вопросы цены своей жизни, соотнесения целей войны с потерями, которые теперь осознаются каждым конкретно, индивидуально, а не абстрактно, как это может быть в отношении известий о цене победы по отношению к другим: к другой части, к целой армии или страны. Именно такого рода ментальность и зафиксирована в литературных свидетельствах С. Федорченко, которые она выдает за ментальность всей армии. Не надо также забывать, что физически ослабленная личность легко поддается индуцированному психозу со стороны других, которые делятся своими, подобными же горестными переживаниями. Таким образом, несмотря на прекращение опасностей, именно в госпитале, где формально нет условий для этих опасностей, и даже наоборот, создаются условия для отдыха, лучшего (регулярного) питания, как это ни странно, при ослабленной дисциплине создается больше условий для недовольства своим положением – вследствие осознания положения в недавнем прошлом. Отсюда проявления этого недовольства в виде критики порядков, пищи, условий содержания – вплоть до госпитальных бунтов, как это было уже в 1917 году, когда больные образовывали комитеты, которые подчиняли себе обслуживающий персонал, включая санитаров и врачей.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 37, 238, 255, 313об.; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 202, 205.

Но и прекращение службы «по причине смерти» также вызывало негативные чувства у солдат. Похороны солдат угнетали прежде всего формой, в которой отдавались почести ушедшему человеку. Уже на поле боя для солдат было неприемлемо, когда санитары отказывались подбирать «не своих» раненых или обирали трупы, снимали прежде всего сапоги, но при этом долго не убирали, в результате чего трупы уже разлагались. Солдаты были свидетелями того, как трупы павших гнили у них на глазах несколько дней, являлись добычей птиц. Такого конца и собаке не пожелаешь, писали солдаты в письмах. Особенно были неприемлемы для них сами похороны, недостойные с их точки зрения, когда в общих могилах хоронили по 500 человек. Но и офицеров-прапорщиков иногда хоронили без почестей, «прямо как бедняка, как простого солдата». Впрочем, осенью было издано распоряжение об отправке павших офицеров на родину. Для этого в частях основали капитал на покупку гробов и расходов по перевозке. Вызывало недовольство солдат и то, как проходили похороны в госпиталях, то есть в нефронтовой обстановке. Священники иногда не провожали тело до могилы, как это было определено Уставом внутренней службы в правилах погребения нижних чинов. В других случаях не было отпевания покойных. Гробы для солдат иногда были плохого качества, при этом постоянно дорожали, их привозили иногда просто на ломовых извозчиках – без всякого «соблюдений приличий»[1].

Ряд аспектов войны противоречил ментальным установкам солдат-крестьян. Одна из сторон войны, не отвечавшая привычным о ней представлениям солдата-крестьянина, касалась ее полезности. Современная война, конечно, дает еще больше, чем раньше, возможности поживиться вещами в силу широты распространения военных действий на зону мирного жительства. Но ее вещный характер неминуемо утрачивается из-за самой организации войны, ее высокой степени администрирования, контроля над солдатом, в результате чего, например, вещная

[1] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1523. Л. 70–72об., 75–76об., 473–474об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 400об., 518; Д. 2935. Л. 204, 456, 563; Д. 2937. Л. 92; Д. 3856. Л. 256об.; Д. 3863. Л. 158.

полезность войны в виде мародерства из-за позиционного характера войны в ее конце сошла на нет. Но даже если и удавалось поживиться имуществом противника, обладание им теряло смысл из-за восприятия вещей в абсурдной, психологически невыносимой ситуации боя. Письма солдат полны таких описаний, например: «Били из орудий, собьем, пойдем в атаку, глядеть жутко становится, так много лежит нашего брата и немцев, так и валяются: у того руки не хватает, у того ноги, а то просто одна голова валяется, или куски мяса разбросаны по полю». Другое письмо: «После боя ... видели много убитых и резаных германцев, лес побит и изуродован, когда не было боев досадно было, а как сбили немца на душе повеселело, хорошо, приятно, пошли купаться, в речке много плавает трупов, я наступил в воде на один труп, испугался, вылез из воды и убежал». В такой ситуации «вещный» характер войны утрачивался. В одном из писем это выражено достаточно ярко: «Ничего это не интересно, этой дряни много, была бы душа цела и чиста, а на поле битвы всего много набросано и серебра, и белье, хлеб, сухари, консервы, я бы мог вам доставить серебра – нельзя, в письме вытащат, а съестное в рот нейдет, смерть близка»[1].

Не видели пользы, «толку», солдаты и в бесконечных земляных окопных работах, которыми «замучили». Не видели солдаты полезности в самом продолжении войны, которую они прямо называли бесцельной, бестолковой, бесполезной, лишенной всякого «интереса», поскольку она, с их точки зрения, заключалась в бессмысленном избиении. Солдаты готовы были к жертвам, но только чтобы добиться какого-нибудь фактического результата. Но даже если бы и удалось выжить на войне, их, солдат, ожидала бы смерть от полицейских стражников: «серовно убьют когда вернемся в Россию...», – делали мрачное заключение о бессмысленности и бесполезности своего участия в войне солдаты[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 46об.; Д. 2935. Л. 374; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 375.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 25об., 115, 419, 419об.; Д. 3863. Л. 30, 70, 85, 190; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 46об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 902.

Среди тягот, приносимых конкретными трудностями, выделяются нравственные страдания, вызванные представлениями об общем бесправии человека на войне. Казалось, что система строя в виде все усиливающихся переходов, занятий, все более строгой дисциплины, усугубляемых ухудшением пищи и вещевого довольствия, лишали полностью «справедливости», правды, не оставляли никакого места для личного пространства, когда «сам до своей головы немаешь права», лишали «свободы». Ощущали себя «как под древним кнутом панщины». Сама военная служба, «мир военных» с ее «военным ухарством», казалась подавлением обычных человеческих чувств, проявлением «разврата бесчеловечности и безнравственности», где приходится переносить обиды и унижения, «только лишь за то, что желаешь сохранить в себе образ человека». Особенно трудно было терпеть обращение начальников к защитникам родины. И здесь было трудно определить, касалось ли это конкретных случаев издевательства над солдатами со стороны начальства или так воспринималась военная служба как таковая. Все смешивалось у солдат: и то что «бьют и плакать не дают», и что «трупы валяются грудами один на другом», и что живешь «в берлоге как медведи и не видишь ничего кроме леса и могил наших братьев». Война из «защитника родины» делала «собаку». Но простая дисциплина строя, да к тому же в военных условиях, то есть та самая «работа», о которой говорил Э. Юнгер, считалась крайне тягостной. Солдатам казалось, что их обижают, заставляют работать за «пресловутое фальшивое спасибо», хотелось скинуть вообще «ярмо русского солдата», хотя и без перспектив оказаться вне налогов уже на гражданке. В целом солдатская жизнь оценивалась как невольная, а ее причина – необходимость быть каждый день начеку перед лицом смерти, в состоянии постоянной готовности в этом «аду немецком», то есть, в сущности, в полосе противостояния. Эта система службы, «работы», превращала всех в «молчальников», не смевших «за правду» никому слова сказать перед лицом всеобщей «плутни и обмана» [1].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 188, 652–653, 727, 749, 810–810об., 917об.; Д. 2937. Л. 80, 200, 298, 308; Д. 3856. Л. 56; Д. 3863. Л. 38, 356об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 259–259об.

Бесчеловечность (то есть, игнорирование человека) войны переживается просто во время пребывания на ней еще до боя. Ее описания вполне совместимы с картиной невроза: «Тоска, под грудями болит, давит. Всего тебя жмет, простору нет. По телу словно бы вся эта передвижка идет. От головы до низу переливается, стискивает, ровно бой по телу идет». Непосредственный бой только усиливает это состояние, вносит в него условие непереносимости. Сам бой оценивается не иначе, как «страшный суд».

Непереносимость «ужасов войны» основной массой солдат ставила вопрос о ее длительности. Правда, в начале войны эта тема – скорого окончания войны – была популярна скорее среди высших классов. Сказывались теории быстрого окончания войны, слухи о политической борьбе между «военной партией» (во главе с Верховным Главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем), и «партией мира» (во главе с Распутиным). В целом в армии, а также в столицах упорно держался слух, что война кончится еще в текущем году. Однако с осени 1914 г. в отличие от общественного мнения в Петербурге, в армии стала утверждаться уверенность, что война затянется еще на несколько месяцев. Это стало ясно, учитывая упорство противника, а также слабость пополнений. Все нараставшие трудности войны приводили к выводу уже в ноябре, что война приняла затяжной характер[1].

Другие представления о длительности войны обнаруживаются в письмах солдат, начиная с весны 1916 г. В них подчеркивалась усталость, вызванная разлукой с родными, беспокойством за домашнее хозяйство. Именно с этого времени, но еще более с времени начала Брусиловского прорыва, все чаще затрагивается вопрос о тягости пересчитываемого в годах нахождения на службе. Заговорили те, кто на службе уже 2 года. С мая 1916 г. впервые появляются сетования на то, что служба «надоела» как «горькая редька», что надоела «эта кровопролитная война».

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 83, 292; Д. 561. Л. 6.

Появились вопросы, «почему не кончают воевать», «когда всему этому будет конец», «скоро ли наступит конец этой кровавой расправе», сетования, что придется «терпеть, страдать и мучиться еще год». С конца лета под влиянием страданий, вызванных кровопролитными боями лета 1916 г., появились высказывания о невозможности терпеть «тревоги жизни», которым нет конца. Солдаты столкнулись с дилеммой: война закончится только при уничтожении врага – но добиться этого невозможно. Начались обобщения о трудностях своего поколения в XX веке, «который оказался для многомиллионного народа слишком тяжелым и горьким», об уходе «золотого времени», о приближении старости...[1]

Именно солдат-крестьянин, в большинстве оказавшийся на фронте с осени 1915 г., стал проявлять недовольство затяжным характером войны по исполнении, как ему казалось, достаточного годового срока, как сезонного ощущения. Поэтому именно осенью 1916 г. как никогда раньше (чего совершенно не было в 1915 году) вдруг появились сообщения даже не о мире, а о необходимости прямого окончания войны, об усталости, о нехватке терпения. Начиная с осени 1916 г. к сетованиям о длительности войны подключились солдаты-резервисты осеннего призыва, считавшие свое присутствие на войне временным. Цензура прямо отмечала это новое явление в письмах, поскольку оно принадлежало «большей частью перу тех, кто окончания войны ждал осенью текущего года». Некоторые солдаты-запасники представляли свой осенний призыв 1915 года как нечто вроде сборов на 3–4 месяца, не больше, «а когда смотришь уже другой год даже третий и не утихает и еще хуже становится». У этих солдат, составлявших большинство армии, был собственный счет военного времени: «... Я думал что я буду воевать всего 2 дня, а мне пришлося 2 года», «страшно как два года такой муки прожить день и ночь». Тем более усилились голоса отчаяния находившихся на фронте 3 года[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 420; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 100, 189об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 133, 188об., 257, 375, 482; Д. 2935. Л. 303об., 374, 375; Д. 3856. Л. 63.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 598; Д. 2937. Л. 126, 135. 390; Д. 3863. Л. 190, 307. 355об., 363об.

Эта длительность войны означала продолжение страданий, которых невозможно было перенести. «О Господи, пошли скорее мир и чтобы я еще мог пожить на этом свете», – характерное восклицание одного из солдат в письме. Вновь вставал вопрос, когда «окончится братоубийственная война», «ведь мы не стальные». Страстно ожидали конца «ада». Для солдат война стала занимать все остальное время жизни, когда уже не оставалось времени «пожить на этом свете». Время теперь представлялось как застывшее, неподвижность его нельзя было превозмочь терпением. Легче было ожидать, «чтобы бурей не оторвало судно и не унесло». Понятия длительности терпения стали распространяться на весь спектр трудностей военной службы, включая вечный холод, частый голод, вши. В декабре 1916 г., при отсутствии тяжелых боев в Румынии, «старые солдаты говорили, что так еще не было на позиции», имея в виду воду в окопах[1].

Терпение длительности страданий войны надоедало «до безумия». Длящиеся вечно минуты за минутами «под высокими градусами давали чувствовать невыносливость». «Ужасно все надоело и опостыло, голова пуста и ко всему какое то отвращение»; «гадко, тоскливо на душе», – сообщали солдаты. Казалось, что тяжелой неволе, военной службе нет конца. Не видя конца страданиям, солдатам было «лучше умереть, нежели переносить мучения». Трудно было терпеть, именно не ожидая никакого улучшения. Не радовали даже возможные успехи весенних в будущем 1917 г. боев, поскольку «вместо радостей многие потеряют жизни и жизни молодые». Невозможность терпеть войну выражали даже нестроевые солдаты, которые «устали до смерти»[2].

То, что русский комбатант оказался перед лицом огромного количества тягот войны, это несомненно. Однако сами комбатанты называли самые различные причины и значение этих тягот. При этом все сводилось к тому, что служба трудная, невыносимая и т.п. Письма сол-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 616об., 739, 841, 902, 918; Д. 2937. Л. 79об., 420об.; Д. 3863. Л. 4, 91.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 346об., 75, 82, 85, 208, 224, 321, 355об.

дат полны жалоб на трудную службу. Правда, цензура утверждала сначала, что в письмах даются ложные сведения о лишениях с целью разжалобить родных. Однако количество таких писем, их динамика, нарастание и малая польза от родных вряд ли могут поставить под сомнение общий смысл жалоб солдат. Динамика жалоб в целом повторяет динамику нарастания угнетенных настроений, хотя несколько и отстает от них. Так, большая группа писем о лишениях, трудностях службы вообще, а не о конкретных, частных ее проявлениях, появилась только весной 1916 г. В трудностях службы подчеркивали одновременно и ее условия, и опасность на передовой позиции, и дисциплинарную ответственность, предусматривающую серьезные кары за нарушения дисциплины. В целом постоянно подчеркивали именно объем работы, где бы она ни производилась, даже во фронтовой пекарне. Солдаты призывали родных, чья очередь была идти в армию, вообще не идти на службу, «оставить эту глупость», всеми силами «избегнуть призыва, поступать на такую службу, которая дает отсрочку». Все чаще служба ассоциировалась как «трудовая солдатская жизнь». При этом подчеркивалась разница действительной службы с военной, как тяжелой[1].

Особенный всплеск жалоб на трудную службу отмечался осенью 1916 г., когда множество нараставших лишений определялось словами: «не дают жить», где «все скверное, бьют и плакать не дают», «людям не дают жить», «жизнь хуже собачьей», где «хотелось бы забыться боевой жизнью, но и она заела». И далее, осенью 1916 г., продолжали поступать жалобы солдат на трудную службу, «ужасную службу», на которую бы «не согласился даже за 100 рублей в сутки». Тем более пугало продолжение войны, что связывалось с еще большим ухудшением службы. Зимой 1916–1917 гг. мнение о службе было однозначным: «У нас жизнь плохая всем, затем плохая погода и плохая доставка через это самое нам очень плохо», – писали солдаты в письмах. Писали «о тяжелой службе до темной ночи глубокой» в стихах, что «терпение уже потеряно». Господствовало общее мнение о службе как о «великом

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 43об.–44, 189; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 282об.; Д. 2935. Л. 652, 695; Д. 3856. Л. 76, 149.

горе», мучениях, которых солдаты стремились избежать любой ценой – даже ценой смерти. В годы революции солдаты уже открыто на своих съездах выступали против «напряженности и переутомления, которые сделали людей как физически, так и духовно больными», и благодаря этому отказывались от активной и даже пассивной обороны, требуя дать частям «отдохнуть»[1].

Вместе с отчуждением обострялся вопрос о смысле войны. Эти вопросы возникали в самом начале войны. Так, например, солдаты-украинцы удивлялись: «Какая же война с немцами, австрийцами, когда и население, и пленные, и раненые враги говорят на том же языке, что и они». И далее вопрос о смысле войны, выгодности ее только для некоторых категорий служащих, возникал среди солдат. Считалось, что война выгодна только удачливым, кто вовремя сумеет нажиться добром, устроить личную жизнь на фронте, и к тому же получить награду. Другие солдаты были в недоумении: «Да, льется кровь рекой, за что не знаю». В январе 1916 г. солдаты одного из полков спрашивали, за какую свободу подготавливают к погибели: «Так и помрешь не узнаешь, лучше бы сначала разъяснили, потом принимались бы нас мучить». Довольно быстро проходил процесс прозрения новобранцев: солдаты, как только подъезжали к позиции, уже начинали спрашивать, за что им предстоят мучения, где цель – и не могут найти ее. Мелькали в письмах, впрочем, чрезвычайно мало, обвинения правительства, которое «продолжает войну с исключительной целью истребить возможно больше народу и этим подавить чувство самосознания и стремления к свободе народных масс». К осени подобные настроения продолжались. В них утверждалось, что война выгодна только богатым, а воюют «только бараны», что война превратилась в «душегубство» и приходится «погибать ни за что». Особенно остро воспринималось, что война «без цели» будет, как видно, идти без конца. Вопрос о бесцельности войны все чаще занимал солдат. Вот характерные

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об., 307об., 312; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 726об., 727, 801об., 887, 917; Д. 2937. Л. 420; Д. 3863. Л. 73, 189об., 224, 344; Стенографический отчет 1-го съезда Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3799. Л. 130.

высказывания в письмах: «Страдаем не знаем за что»; надоело «ложить свою голову не знаю за кого и за что»; «надоела эта проклятая, безцельная война»; «за этой проклятой службой вся жизнь пропала на ничто». Мысль, что «бог карает», солдаты принимали, неясно было, «за что», «за какую провинность» приходится сидеть «в этой тюрьме», за что приходится терпеть муку, «за какой грех мучают»;«сам не знаю за что такую муку переживаю». Даже в солдатских песнях появился мотив о цели войны: «На что я так долго страдаю, / На что я такое горе терплю...» Особенно остро эти вопросы вставали при чтении неутешительных вестей с родины. Даже оставляя за Богом «за что и почто» терпеть страдания, на это не хватало терпения, хотелось скорее мира, чтобы «пожить на этом свете». Все чаще возникало убеждение, что войну «затеяли», жертвы напрасны, «всех сгубили» или собираются «сгубить». В декабре 1916 г. для солдат вопрос стоял еще резче: «Я не знаю, что делать и за что служить». Даже в письмах офицеров появились вопросы: «На что эта кровавая бойня продолжается, гибнут лучшие люди, и за что приносятся жертвы?»[1].

Тягостность военных страданий, проявлявшаяся в тоске и скуке, вызывалась прежде всего отчуждением от всей военной обстановки, враждебность к которой ощущал солдат-крестьянин. Отчуждение является привычным чувством даже у человека индустриального общества. Попытки снять проблему отчуждения наличествуют в мифологии Эрнста Юнгера, противопоставлявшего отчуждению полную отдачу «рабочего войны» – «работе». Тем более резко ощущал отчуждение от целей, условий, характера, ритма войны солдат-крестьянин. Это отчуждение на Русском фронте касалось комбатанта в двух аспектах. Прежде всего, это было неприятие характера современной войны. Солдат не воспринимал ратный труд как работу на себя: «Здесь свету не видать, на себя не работать», – пелось

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 38; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 254; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 55, 340; Д. 2932. Л. 18; Д. 2935. Л. 592, 599, 609, 614, 677, 749, 902, 918; Д. 2937. Л. 27об.–28, 38, 87, 115, 246, 267, 271, 292, 419, 419об., 431–432об., 462об.–463; Д. 3863. Л. 6, 73, 59–50, 153, 304об.–305, 355об.; Д. 4100. Л. 322; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны, 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 293; Царская армия... С. 28. *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 80.

в солдатской песне. Ощущая на фронте «общую душу», солдат не чувствовал себя человеком: «Весь чужой». Те же мысли об одиночестве, отчуждении от настоящего на войне в стихах: «На войну попал, всем нужен стал». Или: «На войне мужик что бык, никому нет дела, ни до души , ни до тела»[1].

С точки зрения солдата, война уничтожала, как ему казалось, надолго, если не навсегда, его привязанность к привычным условиям труда в своем хозяйстве. На войне, на службе ему казалось, что «душа от нужного оторвалась и стал человек ровно свинья». Абстрактный труд, служба не для себя означала быть на войне «псу братом», «царским холопом». Солдат воспринимал как трагедию погружение «во все казенное», даже «шкура» казалась отделенной от души, «как в атаку идти». Ему представлялось, что он «понятие утерял», а жизнь на свете представлялась призрачной, словно сон, в результате чего на него «словно порча напущена», и человек «не мог себя найти», поскольку «утерял себя человек: найти не может». Главной причиной потери своей души солдат считал всю обстановку современной войны. Как только он был облачен в шинель, он ощутил:

Шинель меня переродила,
Шинель свободу отняла,
Шинель все члены мне сковала,
Врагом отчизны назвала.

Данный вариант известной песни «Горит свеча, в вагоне тихо» более определенно представляет отчуждение от своего дома, вообще от народа. В этих условиях единственными верными друзьями для солдата оставался штык, которому, словно во времена средневековья, поклонялся солдат эпохи прежних войн[2],

Однако наступление индустриальной войны, в том числе через опыт кровавой борьбы, оказывало действие

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 327; РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Д. 12. Л. 2; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 96, 127, 132.

[2] РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Д. 12. Л. 3, 6; В нашу гавань заходили корабли. Вып. 2. М., Стрекоза, 2000. С. 17. *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 73, 81; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 11, 133; Л., 1927. Т. 2. С. 70; Царская армия... С. 32.

на последний оплот солдата-крестьянина, его душу, нравственное состояние, воздвигало преграду между ним и тем, что ему было дорого в гражданской жизни: семьей, близкими. Солдаты жаловались, что «душа ровно ссохлась», поскольку «оторвало меня от людей, от всего отшибло», он уже не мог ощущать себя членом семьи: «Не надо мне ни жены, ни детей, ни дому», – вроде как слова такие забыл. «Обмокла кровью душа, нет во мне добра к людям», – заключал другой солдат. Отсюда и ассоциации с жизнью вне общества: «Живем в лесу, как разбойники»[1].

Оторванность от настоящего (военного) и прежнего (гражданского) мира ощущалась как нахождение «что в гробу», как одичание. Солдаты писали, что перестали походить на людей, а в военной одежде «походят на чорта», называли свою жизнь «собачьей», потому что «эта война сгубила не пулей, а духом». Порою в письмах проглядывался «злостно-ироничный взгляд на солдата». Чувствуя себя «ужастно грустно», «видя все как обыкновенный человек, приходится для вида других на все смотреть холодным взглядом», – сообщали солдаты в порыве самоанализа, вообще были «как не в себе», испытывали ко всему какое-то отвращение[2].

Неприятным открытием для цензоров была констатация безразличных настроений, которые воспринимались ими даже серьезнее, чем настроения негативные. Прошлые споры между сторонниками мира и теми, кто надеялся на скорую победу, рассматривались как показатель очевидной заинтересованности солдат в делах войны. Однако уже весной 1916 г. стало отмечаться, что солдаты свыклись со своим положением, что у них появилось полное отчаяние и надежда на возвращение домой как будто бы совершенно рухнула. С осени 1916 г. чувства безразличия к войне стали еще более широко распространяться вместо силь-

---

[1] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 75; Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 296.

[2] Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны, 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 294.; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 263об.; Д. 3856. Л. 288об.; Д. 2935. Л. 188, 917; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 218; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 115, 389об.; Д. 3863. Л. 85.

ной «занятости домашними делами». О безнадежности говорили высказывания солдат, что «больше нет средств победить», что надо надеяться только на себя. Солдатам теперь все равно было: идти ли в наступление или ждать дальше на позиции, покуда всех не «потравят газами». Стала свыкаться с подобными настроениями и цензура, а следовательно, и начальство, констатируя: «Настроение хорошее, спокойное, очень безразличное», списывая такие чувства на усталость после боев. На ноябрь 1916 г. в 3-й армии «безразличных» писем насчитывали уже 87% при уменьшении доли угнетенных. К февралю 1917 г. те же настроения стали охватывать и войска на Юго-Западном фронте: все безразлично, жизнь бесцельна, ожидали только любого конца, но в основном – мира[1].

В ходе войны нарастали тяготы самого разнообразного свойства. В цензуре иногда пытались составить даже их приблизительный перечень. Так, согласно одному из цензурных отчетов, особенно сильно солдаты жаловались на недостатки в пищевом продовольствии, обмундировании, на грубость обращения с ними офицеров, «происходящую часто от усердия и не по разуму в понимании строгостей военной дисциплины». При этом причину жестокости в обращении с собой солдаты усматривали главным образом в понизившемся нравственном уровне командного офицерского состава. В другом отчете причину угнетенного состояния видели в неблагополучных семейных и домашних обстоятельствах, особенно остро переживавшихся под впечатлением Рождественских праздников: в дороговизне предметов первой необходимости – сапог, табаку и пр. Трудности воинской службы очень тяжело переживались в зимнее время, особенно солдатами ополчения. В январе 1916 г. цензоры видели проявление угнетенных настроений и разочарований в слухах о мире, а потому и в надежде на скорое окончание войны, в тревогах о том, как справятся дома с будущей весенней обработкой земли, в беспокойных вопросах о ценах на предметы первой необходимости и жалобах на холод и плохую пищу (особенно

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 29; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262, 299, 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 99; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 323; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 263.

у окопных рабочих и солдат тыловых частей), на присутствие воды в окопах. Особенно важными и часто упоминаемыми были усталость от войны, принимавшей затяжной характер, и желание скорого мира[1]. Солдаты мечтали о мире как об отдыхе от всех этих невзгод, ожидали мира как «веселого дня».

Но летом 1916 г. сообщения о «нравственной усталости», утомлении войск, продолжали поступать. С осени сообщений об усталости, измученности стало еще больше. Писали что «живут как у чорта за плечами», и страстно ожидали «отдыха». Особенно угнетала, как казалось бесполезная, работа по рытью окопов. Солдаты сообщали, что «вся сила, вся энергия уже потрачена остыла и охладела» для борьбы «с коварным немцем, который упорно держится на своем месте»[2].

Количество негативных писем трудно поддается учету, в отличие от динамики их нарастания к концу 1916 – началу 1917 г. Еще в конце 1915 г. цензура утверждала, что письма отрицательные, а также с указаниями на место нахождения, с жалобами на жизнь в плену, с указанием самого факта нахождения в плену, а также с указанием расположения частей уничтожались. Весной 1916 г. цензура фиксировала нарастание разговоров о мире, о все усиливавшейся усталости, а также требование мира. При этом в тылу – мир «во что бы то ни стало, какой угодно ценой», в то время как на позиции этот лозунг звучал как «сперва победа, потом мир». Но уже летом стали встречаться письма с «подавленным настроением». С июля 1916 г. отмечался «естественный упадок сил», который цензура объясняла «напряженным преследованием отступающего неприятеля без отдыха, почти без пищи, до пределов физических сил». Иногда цензура употребляла явные эвфемизмы для констатации упадка настроения в конце лета 1916 г. Так, в сводке отчетов по Юго-Западному фронту за июль говорилось: «Войска не закрывают глаза на тяготы войны, на упорство и силу врага, на препятствия, которые пред-

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 43об.–44, 74, 308об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 47об., 186; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 303об., 801, 917; Д. 2937. Л. 9об.; Д. 2935. Л. 918; Д. 2937. Л. 25об. 215.

стоит еще преодолеть. Все это учитывается, взвешивается, но не приводит в смущенье». При этом подчеркивалась усталость в отдельных формированиях, например во 2-м конном корпусе в августе 1916 г. Солдаты объясняли это необходимостью ухода за лошадьми, чего не знала та же пехота. Осенью цензура продолжала осторожно указывать на усталость войск в таких словах: «Утомление продолжительной войной сказывается в некоторых письмах. В то же время про казаков прямо говорилось в письмах», что они «упали духом». Как правило, такие негативные письма вымарывались или уничтожались. И все же цензура была вынуждена констатировать осенью 1916 г., что «все больше и больше из армии откровенно высказываются, что война страшно надоела, утомила, а конца войне не видно». Отличалось такими обобщениями Казатинское почтовое отделение. Уже в сентябре в некоторых округах количество «угнетенных» писем (о переутомлении, тяжелых условиях жизни, жалобы на холод) оценивалось в 25%, что было значительно выше того количества писем во французской армии, которое позволяло французскому командованию летом 1917 г делать вывод о наличии «морального кризиса». Больший процент писем с угнетенным настроением давали, по сведениям цензуры, тыловые учреждения: лазареты, транспорты, обозы. В строевых же частях таковые встречались крайне редко. Цензура продолжала настаивать, что только меньшинство армии находится под воздействием угнетенных настроений, при этом сообщая, что «целые воинские части отказываются идти в наступление и согласны только “фронт держать”, что отсутствует вера в победу... “настроение же упало до 0 и скоро пойдет на убыль, на мороз”...» Казатинская цензура в это же время утверждала, что в армии «война опротивела, война надоела, война утомила, войну проклинают, войну считают наказанием Божиим. Одни молят Бога о скорейшем окончании войны, другие готовы на всякие жертвы и лишения». «О чем бы с театра войны ни писали, каких бы вопросов ни касались, все сводится главным образом к тому, чтобы скорее окончить войну», – делал вывод цензор. О том же говорит и другая межрайонная, нефронто-

вая Житомирская цензура: «Все чаще и чаще проглядывает утомление войной, наши защитники-герои устали от постоянных лишений, холода, сырости, а иногда и голода и мечтают о мире, как об отдыхе от всех этих невзгод». К концу осени 1916 г. и фронтовая цензура стала больше склоняться к констатации в армии «некоторого уклона в сторону упадка духа». О «пониженном настроении» в октябре свидетельствовали и 50% писем, по данным цензуры Одесского военного округа. Об ухудшении настроения сообщали из 7-й армии. По данным цензуры 7-й армии, писем об утомлении было треть: «Чувствуется некоторая усталость, как-то охладели ко всему», – заключалось в сводке отчетов по армии. «Надоело, нет бодрости в войсках», – сообщала цензура Киевского военного округа в ноябре. «Нет того подъема», – цитировала, как типичное письмо, цензура Житомирской почтовой конторы в ноябре и делала вывод: «Патриотические письма редки». О «большом проценте толкующих о мире» писала в это время цензура 11-й армии[1].

Для конца 1916 г. в характеристике настроения армии, по данным цензуры, существовали серьезные разногласия. Так, цензура Киевского военного округа прямо затруднялась дать такую характеристику: «В одних воинских частях настроение, по-видимому, не оставляет желать ничего лучшего, т.е. по-прежнему воинские чины бодры и полны веры в победу над врагом, желают мира только после решительного, окончательного сокрушения врага и заявляют, что победить мы должны во что бы то ни стало, ибо этого требуют честь и достоинство отчизны родной». В других частях, наоборот, отмечается полный упадок духа, пессимистическое отношение ко всему окружающему и страстное желание, чтобы Россия заключила сейчас какой угодно мир, но лишь бы это был мир. Однако и такая характеристика, как «полный упадок» в целых частях, скорее говорит о серьезном моральном кризисе в армии. Еще более определенными были сведения из самой армии. Так, цензура

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 2об., 254об., 428; Д. 2935. Л. 2, 259об., 767об., 710, 776, 731, 766об.; Д. 2937. Л. 97; Д. 2935. Л. 860–860об., 917; Д. 2937. Л. 375, 122, 2, 195, 158, 213, 214, 215, 195об.

11-й армии утверждала, что «настроение армии в ноябре нисколько не улучшилось, а скорее ухудшилось», определяя количество угнетенных писем в 50%. Та же цензура сообщала о крайне подавленном настроении, охватывавшем целые корпуса: 6-й армейский корпус, 5-й Сибирский корпус, «заворчал и 45-й корпус». При этом общая оценка настроения армии была, в сущности, довольно мягкой: «Приходится констатировать, что дух армии находится не на должной высоте». Противоречивой оставалась оценка духа армии и по другим армиям и округам. Так, по данным цензуры 8-й армии, лишь меньшая часть армии «войной утомлена, безнадежно смотрит на ее исход и не видит ее конца...» По данным цензуры Одесского военного округа, в конце декабря писем с «пониженным состоянием духа среди воинских чинов» было 66%. При этом в отчете за январь 1917 г. цензура округа указывала, что такого рода корреспонденция «заметно уменьшилась и уменьшается»[1]. Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об общем ухудшающемся состоянии настроения армии. Особенно важно здесь подчеркнуть, что такому негативному состоянию, по данным цензуры, подвержены не отдельные чины армии, как это раньше указывалось, а целые части. Но при этом все же цензура не торопилась констатировать какого-либо развала в армии, настаивая в целом на «бодром» настроении, хотя и при усилении тенденции к его ухудшению. Даже в 1917 голу цензура все еще не определила грань, когда количество негативных писем перешло в качество, свидетельствующее о прямом развале армии. То есть цензура так и не выполнила своей главной задачи – определить эту грань.

Цензура называла самые разнообразные причины угнетенного настроения, тоски и скуки, делая, однако, попытки их обобщения и даже классификации. Например, в 1916 г. такие причины со ссылкой на письма солдат определялись как страдание от неприятельских пуль и снарядов, от голода и холода. В конце лета 1916 г. цензура 8-й армии давала такой разброс в характеристике негативного настроения: «Одни до бесконечности утомлены, хотят от-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 398, 412, 412об., 417, 386; Д. 3863. Л. 2, 242.

дыха, другие грустят о своих близких, которых не видали уже несколько лет, будучи призваны на военную службу еще до войны, третьи чувствуют, что благодаря их длительному отсутствию разрушается их семейный очаг, они понемногу забываются теми, защищать кого они призваны». При этом цензура отделяла собственно антивоенные настроения от настроений «тоски» и «скуки», не видя в последних проявления угнетенности. В начале осени причины угнетенности на Юго-Западном фронте цензура видела в прекращении наступлений, с одной стороны, начале окопной жизни, а с другой стороны – в недостаточном обеспечении и в ожидании новых наступлений. Боязнь, что ухудшится погода, что война затянется, страх перед погодными условиями окопной жизни, также часто назывались среди причин угнетенного настроения армии. С осени 1916 г. причины угнетенности и подавленности среди солдат стали толковаться цензурой значительно шире. Здесь были и невозможность взять укрепления противника, и крайне абстрактные причины, такие как «бесцельность войны», и конкретные – дороговизна, ухудшение погодных условий. По существу же, цензура связывала все указанные причины в нераздельный клубок, из которого трудно было выделить что-то главное. С тревогой цензура отмечала уже в конце сентября 1916 г. «не то сдвиг, не то перелом» в сторону «недовольства войной». В подобном настроении обнаруживалась «всевозрастающая прогрессия». Цензоры связывали суть этого «сдвига» с прекращением успехов, которые были во время Брусиловского прорыва, а с другой стороны – с нехваткой предметов первой необходимости. Далее называлась причина «расстройства жизни в тылу» – дороговизна. Цензор прямо полагал, судя по письмам, что «для признания настроения не только хорошим, но и удовлетворительным данных нет. Скорее всего, в армии далеко не все спокойно. В настроении духа войск происходит какой-то весьма сложный психологический процесс. Обсуждается продолжительность войны, и видны некоторые попытки уяснить, что же в конце концов от войны получится»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 50об.; Д. 2935. Л. 177об., 178об., 477, 674, 726, 767об., 886–886об., 917, 731; Д. 2937. Л. 25, 113–114.

Но конкретные цифры, показывающие причины угнетенного настроения, присутствуют только в цензурных отчетах Особой армии, затронутой тяжелыми боями осени – зимы 1916 г. – начала 1917 г. Согласно отчету за октябрь 1916 г., боевые условия тревожили только 4,7% корреспондентов, условия жизни (лишения, пища, начальство) – 14,5%. Главными же причинами были продолжительность войны – 70% и «служба» – 9,5%. То есть, в сущности, солдаты могли бы и дальше бороться, терпеть лишения, но крайне тягостно переносились сама война как факт – и служба. В подобном отчете за декабрь 1916 г. приведены следующие цифры. Среди тягот войны на ее продолжение относилось 55%, на лишения – 32%, на службу – 7,9, на пищу – 2,3, на начальство – 1,2 и на боевые неудачи – 0,6%. Фактически такие же данные по Особой армии и за январь 1917 г.: на продолжительность войны приходилось 2/3 писем, на втором месте – лишения, далее недовольство службой, жалобы на пищу и на начальство (без указания процентов). Близкие к указанным цифры причин угнетенного настроения даются и в отчете по Каменец-Подольской почтово-телеграфной конторе за февраль 1917 г. Продолжительность войны 67%, лишения 24%, служба 4%, пища – 4%, начальство и боевые неудачи менее 4%. Те же причины сохранялись в Особой армии и в марте 1917 г., хотя и с некоторым увеличением количества проблем, связанных с лишениями, недостатком и качеством пищи. На продолжительность службы жаловались в 56% писем, на лишения в – 26%, на пищу – в 17%[1].

Таким образом, в целом можно утверждать, что солдаты были недовольны прежде всего именно самим фактом своего участия в войне, то есть собственно войной, ее продолжительностью. Правда, к зиме 1917 процент писем с жалобами на лишения, нехватку и плохое качество пищи усилились. Что же касается собственно боевых тягот, то процент жалоб на них был невысок и все время снижался. Кратко и емко недовольство армией выражено в одном из писем: «У нас жизнь плохая всем, затем плохая погода и плохая доставка через это самое нам очень плохо»[2].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 212об.; Д. 3863. Л. 201об., 279об., 333, 417об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 189об.

§2. Русский солдат на Первой мировой. Психопатология войны: шелшок или культуральный шок?

В социально-исторических исследованиях по Первой мировой войне важно показать комбатанта русской армии во всех его проявлениях, включая крайние. Пограничное, пороговое состояние личности особенно ярко проявляется во время войны – период испытания всех сил человека, ценностей, связывающих его с социумом, выявления его, человека, самой сущности. Современная война, ведущаяся техническими средствами, ставит человека перед выбором: утраты человеческого, ухода в болезнь или подчинения ритму, духу, законам войны. Но и заканчивая войну, человек остается бойцом, комбатантом, поскольку современная война образует в своей структуре единство с самой организацией современного общества[1]. Каким выйдет человек из войны, таким и станет само общество.

В отечественной литературе тема порогового состояния психики на современной войне поднималась в основном в трудах психиатров, главным образом с периода ВОВ и современных локальных конфликтов, где принимала участие русская армия. Однако речь в этих исследованиях шла всего лишь о психиатрии на войне и никак не касалась проблем социальной психопатологии, ограничиваясь лишь вопросом психогенных реакций на комбатанта. В последнее время тема порогового состояния комбатанта русской армии стала привлекать внимание зарубежных историков прежде всего с точки зрения популярной в западной историографии проблемы снарядного шока, «шелшока», или даже изучения этой проблемы в русской психиатрии. Проблема истории изучения шелшока в русской психиатрии поднимается также и при изучении истории «страха» в русской дореволюционной армии. Однако ни в указанных работах, ни в более общих работах о поведении человека на войне («психологии войны») мы не на-

[1] *Leed E.* Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neuroses // Journal of Contemporary History, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock. Jan. 2000. P. 85–100.

ходим связи существования человека на Первой мировой войне как носителя пограничных психических состояний с его ролью в последующих революционных событиях. Какое влияние оказали люди, травмированные войной, на процессы в обществе, принимавшие часто формы социальной психопатологии, до сих пор не стало предметом рассмотрения отечественных историков, хотя отдельные попытки в этом направлении делаются. Используемые же в исторической литературе понятия «общественная патология», «революционный невроз» не соотносятся с принятыми в медицинской литературе понятиями травмопсихоневрозов периода войны и революции. С другой стороны, в специальных психиатрических исследованиях недостаточно определяется социальная и тем более историческая составляющая поведения тех же солдат. Самое большее – говорится лишь о влиянии этих психических состояний на бытовое поведение населения. Так, В.П. Булдаков часто говорит об «общей психопатологии смуты», которую он предлагает рассматривать как «одну из форм социального умопомрачения», или о «социальной патологии целой эпохи», о «психопатологическом вырождении революции»[1] и т. п. Исследование характера психопатологии воюющего человека на Русском фронте, в отличие от Западного фронта Первой мировой войны, поможет по-новому осветить и вопрос о причинах его пове-

[1] *Прозоров Л.* Душевные заболевания и империалистическая война // Известия Народного Комиссариата Здравоохранения. 1925. № 1. С. 19–25; *Иванов Ф.И.* Реактивные психозы в военное время. Л.: «Медицина», 1970; Военная психиатрия. Под ред. С.В. Литвинцева, В.К. Шамрея. СПб.: ВМедА, ЭЛБИ-СПб., 2001. С. 193–215; *Фриндлендер К.* Несколько аспектов Shellshock,а в России // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). С.-Пб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 315–325; *Sirotkina I.* The Politics of Etiology: Shell Shock in the Russian Army, 1914–1918 // Madness and the Mad in Russian Culture. Angela Brintlinger and Ilya Vinitsky, eds. Toronto: University of Toronto Press, 2007. P. 117–129; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. / Редкол.: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 453–460; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; *Поршнева О.В.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: «РОССПЭН», 2004; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 118 121, 122.

дения в революции и после нее, в частности в послевоенном насилии. В данной главе исследуется, таким образом, влияние военного опыта на психологическое состояние комбатанта в свете социальной психопатологии.

Проблема увеличения количества душевных болезней во время войны, всегда превышавшего обычный его уровень в мирное время (0,05%), особенно сильное внимание стала привлекать в последней трети XIX века. Например, во время франко-прусской войны количество душевнобольных в армии увеличилось с 0,39% от общего количества воинов до 0,93% за год. При этом только 24% из заболевших солдат имели предрасположенность к душевному заболеванию по сравнению с 63–100% в мирное время. Последовавшие в конце XIX века войны подтвердили эту закономерность. Так, в англо-бурской войне число душевнобольных увеличилось с 0,15 до 0,25%; в испано-американской войне – с 0,08–0,1 до 0,27%. В германских колониальных войсках во время усмирения готтентотов число душевнобольных дошло до 0,5%. Кроме того, было отмечено вообще увеличение количества душевнобольных в армиях по сравнению с их количеством среди мирного населения. Отмечалось и увеличение количества душевнобольных в армии даже не в военное время по сравнению с их количеством среди мирного населения в 3–4 раза. Русско-японская война также в целом подтвердила тенденции в психиатрической картине болезней во время войны. По различным данным, число душевнобольных в русской армии составило 0,19– 0,2%, в то время как в мирное время их было всего 0,06%[1]

За время Первой мировой войны в России ожидалось понижение количества душевнобольных вследствие антиалкогольных мероприятий правительства – на уровне 0,15%. И действительно, первые месяцы подтвердили этот прогноз. Частично это объяснялось «увлечением фронтом», охватившим русское общество и население в начале военных действий. Цензурные выдержки из пи-

[1] *Преображенский С.А.* Материалы к вопросу о душевных заболеваниях воинов и лиц, причастных к военным действиям в современной войне. Пг., 1917. С. 5–8; *Иванов Ф.И.* Реактивные психозы в военное время. Л.: «Медицина», 1970. С. 20, 39.

сем полны сообщений о множестве случаев крайне тяжелых переживаний солдат от тяжестей и впечатлений современной войны, о многочисленных случаях паники, а также о случаях помешательства с самого начала войны. Именно с паникой, определяемой современными аналитиками психологии войны как «сильное и относительно кратковременное нервно-психическое возбуждение», вообще состояние аффекта, а психиатрами как «спонтанные, эпизодические и интенсивные периоды тревожности», связывали корреспонденты массовую сдачу в плен, которой, как правило, предшествовала паника, охватывавшая порой даже младший офицерский состав. Начиная с осени 1915 года количество душевнобольных стало нарастать. К концу первой половины войны их количество составило 50 тысяч, то есть в соотношении с общим количеством призванных – 0,5%. Случаи помешательства особенно усилились во время тяжелых боев лета 1916 г. Солдаты сообщали, что можно только «глядючи сойти с ума». В письмах отмечалось, что воевать может только «ненормальный человек», так как «эта война сгубила не пулей, а духом», стали приходить сообщения о «массовых психических заболеваниях» в районе боевых действий»[1].

Однако наиболее частый диагноз болезней в годы Первой мировой войны носил название травмоневроз или психоневроз, а также «снарядный шок», или «Shellschock» – в соответствии с главной, как считалось, причиной, их вызывающей. В отечественной психиатрии вопрос об этой категории душевнобольных был поднят в связи с учетом психически больных воинов, не имевших

[1] *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 649; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 33; *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 65; *Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж.* Клиническая психиатрия. В 2 т. Т. 1. М.: «Медицина», 1998. С. 379; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 591–592 об.; Д. 561. Л. 119, 120; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 908. Л. 56–57; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 32; *Вашетко Н.П.* О влиянии современных условий жизни на заболевания нервной системы // Киевский медицинский сборник, выходящий при научном обществе врачей Юго-Западной железной дороги. 1925. № 2. С. 145–149; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 867. Л. 3об.–4, 19–19об., 32–33, 111–118об.; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375, 293об., 917; Д. 3863. Л. 81.

каких-либо наружных повреждений. Правда, еще в русско-японскую войну количество травматиков составляло от трети до половины всех душевнобольных. Фактически такие же цифры – 31–45% всех душевнобольных – были показаны как следствие травмопсихоневрозов и в Первую мировую войну. Одновременно некоторые психиатры стали использовать термин «военный невроз» для душевных болезней, вызванных военной психотравмой. Однако такие диагнозы ставились довольно редко. Здесь русские психиатры шли вслед за германскими психиатрами, которые даже не считали «травматический невроз» у своих воинов за болезни и расценивали лиц, демонстрирующих симптомы «военного невроза» как конституционно предрасположенных к дегенерации, как «паразитов нации» ("Volkskorper"), не имеющих право на жизнь, не оказывали им медицинской помощи и лишали военных пенсий[1].

Среди отечественных психиатров выявились серьезные разногласия как о дефиниции «психозов войны», так и по вопросу о причинах их появления – этиологии. Была неясность в самом понятии травмоневроз: это органическое или психическое поражение, вообще – невроз или психоз? Это отражало путаницу клинической диагностики и отчетности на тот период. В результате данные о травмопсихозе колебались между 2,5–13% всех душевнобольных, о травмоневрозе – между 7,6–37,6%, а о травмопсихоневрозе между 1,7–27%[2]. У отечественных психиатров существовали разногласия и с иностранными коллегами по вопросу о причинах «психозов войны». Если западные психиатры подчеркивали преобладание психогений (то есть эмоциональных факторов) в этих болезнях, то отечественные психиатры настаивали на механогенной точке зрения: то есть в целом из-за органического поражения нервной системы в результате воздействия новейших средств

[1] *Фридлендер К.* Указ. соч. С. 315–325; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 7–8; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 27, 32, 35–37; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; *Юрьева Л.Н.* История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев: «Сфера», 2002. С. 149, 150.

[2] *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 35–37; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; *Гаккебуш В.М.* Что же вызывает воздушная контузия – нейроз или органическое поражение нервной системы? // Современная психиатрия. 1915. № 9–10. С. 389– 405.

вооружения. По мнению Н.А. Вырубова, А. Панского, Т.Е. Сегалова, С.А. Суханова и других, травмоневрозы (контузии) являлись следствием беспрецедентного вреда от артиллерийского огня вражеской армии. При этом отмечалось, что дело даже не только в разрыве снарядов, а в самом их (включая и своих!) «дыхании» – в сгущении и разряжении воздуха при их пролете, вызывающем многочисленные повреждения внутренних органов без явной видимости: легочное кровотечение, явления, характерные при кессонной болезни, простой ушиб мозга от воздушной струи, от детонации самой земли, сотрясающей нервную систему (контузия через почву), надрывы слизистой оболочки желудка, разрывы мочевого пузыря и т. п. В целом контузии делились на физические (давление воздуха от пролета снаряда, барометральное звуковое давление, изменение спинномозговой жидкости), механические (падение, удары о землю, дерево), химические (интоксикация от газов, образующихся от пролетов снарядов) и психические (от испуга от пролета и разрыва снаряда)[1].

Такое различие в оценке феномена травмоневрозов с западными психиатрами было тем более странным, что ведь именно на Западном фронте мировой войны применение тяжелой артиллерии в ходе боев было больше, сами бои были чаще и потери по отношению к призванным были выше, чем на Русском фронте[2]. Следовательно, органический характер травмоневрозов должен был быть на Западе никак не меньше, чем в России. С другой стороны, скорее у русских солдат, в основном крестьян, должны были наблюдаться психогенные реакции на условия современной

---

[1] *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 30; *Мельников А.В.* К вопросу о смертельной контузии, нанесенной артиллерийским огнем // Научная медицина. 1919. № 4–5. С. 518–529; *Добротворский М.Н.* Обзор литературы по вопросу о травматическом психоневрозе (1915 – 1918 гг.) // Научная медицина. 1919. № 1. С. 130–131; *Добротворский Н.М.* Душевные заболевания в связи с войной (по литературным данным за 1915–1918 гг.) // Научная медицина. 1919. №. 3. С. 378; *Вырубов Н.А.* К постановке вопроса о психозах и психоневрозах войн // Психиатрическая газета. 1915. № 5 (1 марта); *Никитин М.П.* Война и истерия // Сборник, посвященный 40-летней деятельности Россолимо. М., 1925. С. 422–423.

[2] *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2002. С. 837.

войны. Именно такая картина наблюдалась во время русско-японской войны. Так, по данным, полученным на материале Московского психиатрического госпиталя, 45–46% душевнобольных в группах, непосредственно не бывших на фронте, а также бывших, но не принимавших участие в боях, страдали депрессией и неврастенией, то есть состояниями, вызванными отнюдь не боевыми впечатлениями, а характером войны. Чисто же травмопсихоневрозы занимали относительно небольшую группу: у участвовавших в боях – 17%, у не участвовавших – 3%, а у не бывших на фронте – 0,75%. Следовательно, главным психозом и был депрессивно-неврастенический. Собственно же травмоневроз относился ко второй категории[1].

Казалось бы, что эта структура заболеваний должна была повториться в годы Первой мировой войны. Косвенно она подтверждалась в статистике западных психиатров, указывавших на преобладание этих форм заболеваний среди славян, особенно поляков и русин, бойцов австро-венгерской армии, по социальному составу близкой к составу русской армии. В немецкой литературе в связи с этим прямо отмечали расовые преимущества немцев перед «психозами войны» и, наоборот, психопатические предрасположенности у русских, а также романских народов[2]. Однако, как мы отметили, отечественные психиатры, очевидно вслед за западными специалистами, настаивали на преобладании в картине душевных болезней именно травмоневроза механогенного характера[3]. Лишь небольшая часть отечественных психиатров стояла на психогенной точке зрения. Например, М.П. Никитин вслед за французскими и германскими психиатрами указывал на истерию как следствие психогенной реакции на войне[4].

---

[1] *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 27–29; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 6.

[2] *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 43, 46.

[3] Например, врач С.А. Чугунов не усматривал психических изменений («психика не затронута») у солдат, пораженных газовой атакой. См.: *Чугунов С.А.* К вопросу о расстройствах со стороны психики и нервной системы после отравления ядовитыми газами, применяемыми германцами // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 239.

[4] *Никитин М.П.* Война и истерия // Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности профессора Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 420–423.

Оригинальную точку зрения занимал А.В. Гервер. В сущности, он одновременно поддерживал и механогенную, и психогенную точку зрения, для чего разделял сами психоневрозы на боевые, окопные и тыловые. Среди боевых неврозов он отмечал травмопсихоневрозы как последствия ранения и контузии, а среди окопных и тыловых – травмопсихозы как следствие боевой обстановки, истощения и сильных эмоций во время боя[1].

Существовал ряд причин, почему структура душевных болезней во время войны в России казалась обратной тому, что было на Западе. Главная из них заключалась в других принципах учета психоневротиков. В России статистика душевнобольных началась только со второго года войны. Душевнобольные вообще попадали в больницы главным образом после контузий и ранений. Сам порог заболеваний в русской армии был значительно завышен. В армии оказалось намного больше душевнобольных в пограничных состояниях, чем было в мирное время, а тем более по сравнению с западными армиями. Были случаи, когда призывники даже с предъявлением справки о пребывании в психбольнице зачислялись в ряды армии. Именно такой подход к учету душевнобольных стал одним из пунктов разногласий между психиатрами из общественных организаций, деятелями «общественной медицины» и их коллегами из Военного ведомства. Но это означало, что подвергшиеся на фронте различным видам реактивных психозов останутся в рядах армии, считаясь «здоровыми». Такая картина проглядывалась в многочисленных статьях психиатров, хотя нигде прямо не была сформулирована. Так, из всех больных рассматриваемых категорий половина вообще была взята из глубокого тыла, то есть никак не могла испытать последствия травмоневрозов. Также и по данным профессора П.Я. Розенбаха, подавляющее большинство душевнобольных было не с театра военных действий, а из тыла и гарнизонов. Упоминавшийся А.В. Гервер, один из немногих психиатров, наблюдавший психическое со-

[1] *Добротворский Н.М.* Душевные заболевания в связи с войной (по литературным данным за 1915–1918 гг.) // Научная медицина. 1919. №. 3. С. 380; *Гервер А.В.* Травматические заболевания нервно-психической сферы воинов // Русский врач. 1915. № 40. С. 937.

стояние больных в полевых условиях, а также в ближнем и глубоком тылу, представил широкую картину психопатологического состояния среди массы солдат и офицеров, считавшихся здоровыми. Если бы всех здоровых с пограничными психическими расстройствами учитывали, то встал бы вопрос о боеспособности самой русской армии. Нечто подобное имело место во время Второй мировой войны в английской армии, где было уволено 118 тыс. человек по невропсихиатрическим показаниям, из которых психоневротиками были 64,3%. В США в это же время только при самом призыве было сразу уволено из армии по этим же показаниям 1700 тыс. человек, 12,5% всех освидетельствованных для отправки в армию, из которых 31% были невротиками и 21% психотиками. При этом одним из самых распространенных проявлений этих «болезней» было простое нежелание или страх воевать. Тем самым армия была избавлена от чрезвычайно опасного и большого в процентном отношении элемента, могшего повлиять на ее моральное состояние – вещь немыслимая в русской армии ни в годы Первой, ни в годы Второй мировых войн[1].

Вопрос о влиянии невротической ситуации на здоровых и якобы здоровых привлек некоторое внимание психиатров. Исследования нервной системы воинов без болезней показали сравнительно большой процент среди них истерических стигматов и других расстройств, вплоть до отклонения от нормы течения психических процессов. Впрочем, специалисты отмечали, что при депрессии – одной из самых частых форм психогенных реакций – нет сколько-нибудь ощутимой границы между нормой и патологией. Проблема болезней «здоровых» заслуживает, однако, более пристального рассмотрения, поскольку речь идет, в сущности, о социальной болезни.

[1] *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 16, 18; *Люстрицкий В.В.* Профилактика душевных заболеваний в действующей армии // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. № 1. С. 215–216.; *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 21; Из общества психиатров в Петрограде. Заседание 3-го октября 1915. Доклад «Психозы военного времени» // Русский врач. 1915. № 44. С. 1052–1053; *Гервер А.В.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 793 – 800; № 35. С. 817–821; № 36. С. 841–844; *Свядощ А.М.* Неврозы (руководство для врачей). СПб.: Питер Ком, 1998. С. 24; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 152–153.

Получается, что болели «психозами войны» в основном здоровые, в то время как психически больные или предрасположенные к таким болезням страдали от психогений меньше. Известно, например, что многие дефективные лица во французской армии считались великолепными солдатами. Исследователи, сопоставлявшие характер современной войны со стихийными бедствиями, отмечали, что именно здоровые во время них в наибольшей степени подвергались психогенным реакциям, в то время как у больных или у предрасположенных к душевным болезням развивались в основном реакции физиологические. Отмеченное различие в диагностике больных «военными неврозами» между западными и русскими психиатрами, а также среди русских психиатров отражало различие как этиологии, то есть причин, вызывавших эти неврозы, так и различия реакций на них среди самих комбатантов армий западных стран и русской армии. Единственное, что объединяло в этиологии военных неврозов, наблюдавшихся на всех фронтах Мировой войны, это сами стрессовые факторы, обусловленные техническим характером войны, что проявлялось в эффекте шелшока. Однозначная реакция на шелшок вызывала и однозначную диагностику в виде «военных неврозов», или травмоневрозов, по терминологии русской психиатрии. Жертвы этих военных неврозов и составили подавляющую группу пациентов психиатрических больниц как в западной, так и в русской армии. Это явилось основой идентификации как этиологии военных неврозов, так и их эпидемиологии психиатрами всех воевавших стран. При изучении феномена увеличения количества душевнобольных в современной войне ученые-психиатры поставили вопрос о месте среди душевных болезней особых «психозов войны». Они были зафиксированы еще со времени гражданской войны в Северной Америке под названием «солдатское сердце», или «взволнованное сердце», в соответствии с главным сопутствующим им симптомом – «предсердечной тоской». Психопатологическое состояние комбатанта описывалось и далее в рамках понятий «травматический невроз» (по типу реакций на техногенные травмы, например вследствие железнодо-

рожной катастрофы), или «военный невроз». Но больше всего именно во время Первой мировой войны описывалось постстрессовое психическое состояние солдат как «снарядный шок» (shellshock). Впоследствии появились работы о болезнях ветеранов Первой, а затем и Второй мировых войн в терминах «военный невроз», «военная усталость», «боевое истощение», «посттравматический невроз» и т.п. Эти определения остаются востребованными для определения послевоенного состояния ветеранов и в современных локальных войнах[1].

Но что же представляют собой «психозы войны»? В психиатрии они известны под названием реактивные психозы. Это патологическая реакция невротического и психотического уровня на психические травмы или неблагоприятные ситуации. Они возникают под влиянием психической травмы, вызывающей страх, тревогу, опасение, обиду, тоску или иные отрицательные эмоции. «Военные психозы» как реактивные состояния личности отличаются кратковременностью болезненных проявлений и заканчиваются, как правило, выздоровлением. При этом среди военных психозов различают заболевания, вызванные собственно боевым стрессом и стрессом, вызванным длительным пребыванием в зоне боевого конфликта даже без непосредственного участия в вооруженных стычках. Психиатры и аналитики стрессов определяют боевой стресс как «системную многоуровневую реакцию организма человека на воздействие комплекса факторов вооруженной борьбы с противником и сопровождающих его социально-бытовых условий, с реальным осознанием высокого риска гибели или серьезной утраты здоровья, которая проявляется на личностном, психофизиологическом, эмоционально-вегетативном и соматическом уровнях[2].

[1] *Добротворский Н.И.* Указ. соч. С. 379, 385; *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М., 1933. С. 89; *Баженов Н.Н.* О значении стихийных бедствий в этиологии некоторых нервных и психических заболеваний // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1914. № 1–2. С. 1–9; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 148; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. Том 1. М., 1998. С. 410.

[2] *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 3–4; Военная психиатрия. Под. ред. С.В. Литвинцева, В.К. Шамрея. СПб.: ВМедА, ЭЛБИ-СПб., 2001. С. 206; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 608–609.

Сам боевой стресс является видом посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), в отличие от социально-стрессового расстройства (ССР) и транзиторных ситуативных расстройств и нарушений адаптации – патологических реакций на то, что в быту называют личным несчастьем. Психиатры подчеркивают, что ПТСР является реакцией на тяжелый стресс и нарушение адаптации, его экзогенную (то есть внешнюю, по сравнению с эндогенной – внутренней) природу, причинную связь с внешним стрессором, без воздействия которого психические нарушения не появились бы. Синдром развивается у 50–80% перенесших тяжелый стресс. При этом послестрессовая морбидность (то есть восстановление психики) обратно пропорциональна боевому духу в воинской части и прямо пропорциональна возрастному состоянию, физическому истощению, незрелости личности, эмоциональной неустойчивости комбатанта, что во многом соответствовало состоянию русской армии. Реакция на боевой стресс может быть острая, непосредственно во время или в ближайшее после боя время, или отложенная. Острая реакция на стресс происходит в виде сужения внимания, очевидной дезориентировки, гнева или вербальной агрессии, отчаяния или безнадежности, неадекватной или бессмысленной гиперактивности. Часто это проявляется в актах паники. Отложенные реакции на ПТСР проявляются спустя несколько месяцев или даже лет от времени переживания стресса. Именно такая отложенная реакция и носила название «военных неврозов» среди ветеранов Первой мировой войны западных армий. Такого рода состоянию соответствовали: стойкие непроизвольные и чрезвычайно живые воспоминания (flach-backs) о перенесенном стрессе, находящие свое отражение в снах и усиливающиеся при попадании в ситуации, напоминающие стрессовую или связанную с ней; избегание ситуаций, напоминающих стрессовую или связанных с ней; частичная или полная амнезия важных аспектов перенесенного стресса; нарушения засыпания, поверхностный сон; раздражительность или вспышки гневливости; снижение сосредоточения; повышенный уровень бодрствования; чувство отделенности

или отчужденности от других; ограниченность диапазона аффекта (например, неспособность любить); чувство отсутствия перспективы в будущем (например, не ожидает, что сделает карьеру, женится, будет иметь детей или долго жить); реакция в виде страха, ужаса, беспомощности; снижение интереса к значимой деятельности; неспособность испытывать любовь; неспособность ориентироваться на перспективу; сверхнастороженность; усиленная реакция на испуг; стойкое психическое напряжение. При этом почти треть больных ПТСР испытывает чувства депрессии, у более чем четверти наблюдаются признаки генерализованного тревожного расстройства, у 12% – фобии, у 10% – зависимость от алкоголя При исследовании психического статуса часто отмечаются чувства виновности, отверженности и униженности. Больной может также описывать диссоциативные состояния и приступы[1].

Описанные реакции наблюдались у ветеранов Первой мировой войны западных армий всегда некоторое время после стресса, но иногда растягивались на годы и десятилетия, вплоть до 30 лет. Эта задержка в развитии реакции объяснялась, с одной стороны, самой травмой, носившей экстремальный, вредоносный, находящийся за пределами терпимости характер, а с другой – подавлением манифестирования болезни посредством идеологического, дисциплинарного, социального и культурного контроля, развитого в Западных армиях в условиях современной войны. Одним из симптомов «военного невроза» A. Kardiner называл уход от реальности. В результате болезнь не обнаруживалась во время самой войны, но уходила внутрь, превращалась в «военный невроз», основное протекание которого происходило после войны как «военная реальность», от которой больной не мог избавиться. Невроз – это вариант ухода от действительности, в отличие от психоза – варианта бунта против действительности[2].

---

[1] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Современная клиническая психиатрия. М.: «Экспертное бюро-М», 1997. С. 192, 194–195, 197; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. Том 1. М. 1998. С. 41, 413–414; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 600; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 168.

[2] *Каплан Г.И.* Указ. соч. С. 415; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 26, 30; *Carrington Ch.* Soldiers from the Wars Returning. L., 1965. P. 252–253; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 48, 152; *Leed E.* Fateful Memories: Industrialized

По-другому протекают болезненные ощущения, вызванные социальными стрессами. Уже в психиатрической литературе времени Первой мировой войны подчеркивалось, что «сама война заключает в себе столь сложные и многообразные этиологические предпосылки для психических заболеваний, что никакое их сравнение с условиями мирного времени не было бы оправданным». Особенно указывалось на то, что «в структуре психогенных реакций, в отличие от реакций и болезненных состояний иного генеза, наиболее отчетливо представлены в единстве и взаимной обусловленности факторы социальные и биологические, физиологические и психологические». Отвечая на вопрос, чем обусловлено структурное единство и взаимная связь перечисленных факторов, советский психиатр Ф.И. Иванов указывал в качестве главного: у истоков психогенных реакций стоит личность с присущей ей аффективностью. Сущность социальных стрессов – стрессы адаптации. Речь о реакции на условия современной войны людей, никогда не имевших опыта деятельности в городской, урбанистической среде – с ее, деятельности, абстрактными целями, с интенсивной ритмикой труда, совершенно не совпадавшей с прошлой ритмикой, с самой организацией иерархии, формами труда и отдыха подавляющего большинства русской армии – солдат-крестьян. Реакцией на этот стресс был невроз в виде депрессии: тоска, скука и т.п. Особенностью «посттравматических стрессовых расстройств», «болезней стресса» является отсутствие единого взгляда на психические болезни стресса, возникающие как опасные реакции на психическую травматизацию практически здоровых людей. Эти болезни называют по-разному: «реактивные состояния», «синдром психической дезадаптации», «психическая перенапряженность», «предпсихопатические состояния», «третье состояние», «пограничные психические расстройства». Психические расстройства, обусловленные исключительно экстремальными воздействиями среды, называют так-

War and Traumatic Neuroses // Journal of Contemporary History, Vol. 35, No. 1, Special Issue: Shell-Shock. Jan. 2000. P. 85–87; *Leed E.J.* No Man's Land: Combat & Identity in World War 1. London: Cambridge, 1979. P. 163–192; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 48.

же «психогениями». Как писал Карл Ясперс, они являются лишь краткими вариантами человеческого существования, которые всегда ближе к здоровью, чем к болезни. По мнению Китаева-Смыка, их следует рассматривать даже не как «психические болезни стресса», а как «болезневидные психические состояния». Этим автор лишний раз подчеркивает, что данные расстройства являются, в сущности, болезнями «здоровых» людей[1]. Следует отметить, однако, что Китаев-Смык делает разграничения в стрессовых расстройствах на современном материале, к тому же, как правило, на добровольцах (в боевых ли конфликтах или в научных экспериментах). Совершенно другой контингент столкнулся со стрессами войны, «военными психозами», во время Первой мировой войны. Во-первых, в русскую армию вошло практически все боеспособное население, и, во-вторых, это присутствие на войне имело место в рамках впервые произведенного в стране всеобщего воинского призыва, то есть человек оказался на войне не по своей воле. И контингент призванных на войну, и стрессовые условия, проанализированные в 2–5 главах, являлись специфическими только для Русского фронта Первой мировой войны, что и определяет исторический характер психопатологии русского комбатанта этого времени.

Не менее чем на 80–85% русская армия состояла из крестьян с присущим им особым крестьянским менталитетом, не способным к адаптации не только к перечисленным трудностям, но и к самым обыкновенным реалиям новой войны. Прежде всего это касалось факторов, влияющих на ностальгию: разрыв контактов первичных (семья), вторичных (друзья), третичных (социальные институты). Особенностью крестьянского, собственно традиционалистского менталитета являлась абсолютная неразрывность этих контактов, их невзаимозаменяемость, как это бывает в современном обществе: для крестьянина семья является одновременно ячейкой производства, средоточием его родственных и дружеских контактов, частью крестьянской общины. Но в сфере этих контактов находятся и мировоззренческие ценности: гармония крестьянского

[1] *Прозоров Л.* Указ. соч. С. 22; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 4; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 197; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 30, 432.

труда, понятие полезности, предметности, конкретности самого его бытия, его временная и пространственная определенность.

Обычно во время действительной военной службы в мирное время царская армия как институт в значительной степени замещала эти ценности. Часть, в которой проходила служба, представляла некое «полковое братство», часто с представителями той же самой местности, вплоть до уезда, волости и деревни, откуда был призван военнослужащий. Сезонность воинских занятий, организация внутренней службы (артельное производство мелкого снаряжения и обмундирования), отпуска на родину для сельскохозяйственных работ в определенной мере воспроизводили привычный для крестьянина ритм его труда и всей жизни. Личная и постоянная (в смысле несменяемости) иерархия командного состава дополняла ощущение устойчивости, патриархальности, стабильности, характерные для крестьянского менталитета.

Начавшаяся мировая война в корне подрывала принципы, являвшиеся основанием крестьянской ментальности. Солдат-крестьянин был не просто оторван от своего крестьянского труда. Самый труд, вместо конкретного, предметного, стал носить абстрактный характер. Солдат стал анонимным контрагентом грандиозного абстрактного предприятия, каковым является современная война. «Полковое братство» оказалось невозможным в части, где состав только в течение одного боя утрачивался на треть, наполовину и более, а в течение войны менялся 3–4 и более раз – и все менее соответствовал земляческому принципу комплектования. Командный состав из-за огромной убыли также был подвержен перманентной текучести и не соответствовал представлениям о «настоящем офицерстве», «начальстве». Самый ритм ратного труда, характерный для современной войны, необычайно сильно воздействовал на психику солдат-крестьян, привыкших как раз к временной цикличности, размеренности всей своей трудовой и личной жизни вместе с понятиями полезности, предметности, определенности. А.В. Гервер подчеркивал, какое огромное влияние на солдат оказывали ча-

стые и, главное, неравномерные, неожиданные переходы по 25–40 верст по плохим дорогам, атмосферные явления, наличие пробок на дорогах, особенно нервирующих, а также скученность проживания в неустроенных помещениях. Несовпадение нового темпа жизни с привычным вообще является важным этиологическим фактором в душевных болезнях. Однако более значимым и угнетающим для солдат-окопников являлось само сидение в окопах в состоянии вечной «тоски» и «скуки», нежели в бою, означавшем некоторую определенность. Кроме указанного неприятия окопной жизни, в позиционной войне как не соответствовавшей привычному для крестьян ритму труда, существенное влияние оказывали на солдат плохая обустроенность именно русских окопов, голод, непогода, приходящиеся на осень–зиму, то есть обычное для крестьян время, когда он отдыхает от тяжелого труда летом и пожинает плоды этого труда. В сводках военно-цензурных отделений неоднократно подчеркивалось, что «плохое настроение вызвано бездействием», что все за мир потому, что уже невмоготу было «осатанело стоять», что «бездействие увеличило количество толков о мире», что «опротивели окопы» – и т. п. И часто именно вместе с сообщениями об увеличении толков о мире сообщалось об увеличении нервных расстройств солдат. По наблюдениям А.В. Гервера, остроты переживаний в окопах меньше, по сравнению с «боевыми психозами», но продолжительность стресса больше. Отсюда – истощение нервной системы, упадок сил, тоска, тревожное чувство ожидания, и в целом – ярко выраженная эмотивная составляющая в болезни. Чувство ожидания усиливается необходимостью жить рядом с неприятелем, который в любой момент может открыть огонь[1].

[1] Гервер В.А. О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 35. С. 817; *Макаров В.Е.* Коэффициент ритма как показатель устойчивости энергетического равновесия // Журнал невропатологии и психиатрии. 1926. №. 4–5. С. 25–31; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 45об., 63; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 494об.; Ф 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 124; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 91об., 102, 552; Д. 1673. Л. 110об., 113, 121, 327об., 871; *Гервер В.А.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 797–798.

Особенностью Русского фронта Первой мировой войны являлось именно нарастание здесь психогенных реакций, в то время как в Великой Отечественной войне, например, число депрессий постоянно уменьшалось[1]. Это можно объяснить тем, что в Великой Отечественной войне участвовал качественно иной солдат: он оторвался от малой родины, был занят в индустриальном производстве, являлся представителем малой семьи, прошел ряд этапов «социалистического строительства» с характерными для него большими перемещениями по стране, знакомством с техникой, самим ритмом и темпом большого индустриального производства, и в целом он был способным к адаптации в условиях современной войны даже такого масштаба, какой была Вторая мировая война.

Итак, совокупность факторов самой организации и характера военных действий указывает на качественно иной характер современной войны, какой была Первая мировая война. Он-то и являлся в высшей степени непривычным, «вредоносным» для данного состава русской армии. По существу, Первая мировая война явилась для русской армии психосоциальным стрессом, культурным (культуральным) шоком такой мощности, примеров которому мало знала история. Это позволяет совсем по-другому взглянуть на проблему воздействия «психозов войны» на «здоровых».

При анализе этиологии военных психозов Первой мировой войны на Русском фронте следует учитывать совершенно необычную, по сравнению с прежними войнами, ситуацию, в которую попал русский комбатант. Эта ситуация обуславливалась как характером современной войны, общей для комбатантов всех воевавших стран, так и специфическими обстоятельствами, характерными только для русской армии и только в эту войну. Именно реакция личности на эти обстоятельства и позволяет выявить социальную составляющую чисто патопсихологической реакции, столь важную для историка. Что касается обстоятельств, вызванных современной войной, то, прежде всего, следует указать на новые технические условия ведения

[1] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 609–610; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 57.

боевых действий. Более всего это сказалось в увеличении поражения от артиллерии. Так, если в русско-японской войне поражение от оружия, артиллерии и холодного оружия составляло соответственно 82, 16,4 и 1,6%, то в Первую мировую войну – 11, 64 (а в некоторых местах – 90) и 15%. Велась также воздушная, подводная, подземная (минная) война. Отмечались и поражения от новых пуль, которые имели характер острого оружия, а также от разрывных пуль. С апреля 1915 г. стали применяться газы.

Чрезвычайно важным являлся непосредственный фактор ведения боевых действий: канонада по целым неделям, днем и ночью. Особое стрессогенное действие на бойцов оказывают «звуковые удары» при взрывах, стрельбе противника, потому что они неожиданны и, главное, они пробуждают врожденный страх смерти. Психологи подчеркивают, что звуки боя – самый действенный стрессор на войне, что всякий громкий звук в боевой обстановке – это сигнал не только того, что стреляют, возможно, в тебя, но и что всякий гром – «гром смерти». Сильное воздействие оказывается непереносимым ожиданием смерти, когда кажется, что именно за тобой следит аэроплан, под тебя ведется подземное минирование, на тебя наводится орудие. Еще большее воздействие оказывала на солдата «атмосфера большого сражения»: громадные потери живой силы, когда только каждый снаряд выводит из строя 70–100 человек, поле, испещренное огромными воронками, тысячи трупов, вид раненых и убитых товарищей, шумовые эффекты, тепловые удары, физические, химические и психические воздействия. Медики указывали и на имевшие место ожесточенные рукопашные стычки, дававшие в процентном отношении к другого рода столкновениям наибольшее количество душевнобольных. Часто во время боя из-за невозможности получить помощь ощущение ошеломления даже нарастает. Порою непереносимая ситуация сражения приводила к желанию у некоторых солдат получить тяжелые ранения, лишь бы уйти с поля боя; часты желания самоубийства. По существу, каждое сражение для всех частей, принимавших в нем участие, являлось сильнейшим стрессом, отражение которого мы и находим

в переживаниях, зафиксированных в письмах солдат. Следует также отметить особую силу и длительность вредных воздействий. К ним нужно отнести всеобъемлемость указанных военных действий, громадный фронт, широкий масштаб деятельности противоборствующих сторон, а также чрезвычайное истощение и переутомление, вызываемое недоеданием, недосыпанием, инфекциями и т. п. обстоятельствами. Важным психотравмирующим фактором было также длительное пребывание воинов в зоне боев. Даже согласно современным исследованиям, основанным на анализе поведения комбатантов в современных локальных конфликтах на территории России и Афганистана, на протяжении до 6 месяцев пребывания в боевой обстановке у 20,3% боевого контингента повышаются адаптивные способности личности, у 42,6% воинов нет заметных эмоционально-поведенческих изменений, но у 36,1% возникает «стойкая социально-психологическая дезадаптация». В боевых же подразделениях, участвующих в боях от 7 месяцев до 1-го года, число солдат и офицеров с повысившейся адаптивностью к боевым экстремальным воздействиям уменьшалось до 5,8%, и, напротив, «стойкая дезадаптация» — нарушение способности адаптироваться к опасностям и тяготам войны — была отмечена в 61,1%. Пребывание более года в боевой обстановке создает такую «личностную дезадаптацию» у 83,3%; спустя год ни у кого уже не сохраняется повышенной адаптированности к боевому стрессу[1]. Наверное, цифры комбатантов русской армии, утративших адаптированность» к боевому стрессу в условиях нахождения в боевой полосе в течение 2–3 лет, были еще более впечатляющими.

Не надо забывать и историческую ситуацию, на фоне которой происходили боевые действия на Русском фронте Первой мировой войны. Историческая ситуация влияла на распространенность и заболеваемость психическими и поведенческими расстройствами комбатантов, являвшихся и рассматривавших себя как часть населения, лишь временно исключенного из гражданской жизни. В сущности, ком-

[1] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 48; *Гервер В.А.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 795–798; № 35. С. 612, 817–821.

батанты оставались частью социальной системы, которая во время войны была подвергнута серьезным изменениям как в рамках статических (социально-экономические, политические, культурные институты и отношения), так и динамических (социокультурные, экономические, политические и пр. изменения) характеристик. Исследователи отмечают, что изменения, свойственные периодам исторических событий и связанные с ними глубокие эмоциональные потрясения, аномия, экзистенциальный кризис, экономические трудности, переживаемые популяцией в целом, воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного характера. Комбатанты, как и все население России, испытывали «историческую чувствительность» как специфическую чувствительность личности к изменениям определенных характеристик исторической ситуации[1].

В литературе такое состояние личности или общества называют культуральным шоком – это состояние социальной изоляции, тревоги, депрессии, развивающееся при попадании индивидуума в условия чужой культуры, возвращении в свою культуральную среду после долгого в ней отсутствия либо при сохранении приверженности одновременно к двум и более различным культурам. Чаще всего это расстройство наблюдается у иммигрантов, но может развиваться и в ответ на радикальное изменение условий жизни в обществе[2]. По масштабу культуральный шок можно определить также как стресс социальных изменений – это дистресс, связанный с радикальными и крупномасштабными переменами в жизни общества, способными вызывать дезадаптацию у отдельных людей, определенных социальных групп и даже общества в целом («социальная дезорганизация» общества). Это может проявляться чувством социальной отверженности и несправедливости, чуждости новым социальным нормам, культуре и системе ценностей, осознанием собственной беспомощности и изолированности. По характеру культуральный шок можно также охарактеризовать как стресс, обусловленный культуральной адаптацией (аккультура-

[1] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 8; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 9.
[2] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 13.

ционный стресс). Это стресс в течение процесса индивидуальной или групповой культуральной адаптации, который может возникать в связи с определенными факторами внутри подвергающейся культуральной адаптации группы (например, затруднение в процессе изменения ее культуральной идентичности) или факторами, возникающими в другой группе (например, противодействие интеграции группы, подвергающейся культуральной адаптации).

Аккультурация – это явление, которое имеет место при взаимодействии групп людей, обладающих различными культурами, которые вступают в продолжительный и непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные типы культур одной или обеих групп. В периоды исторических потрясений, когда выражены процессы культурной ассимиляции, происходит ломка культурального стереотипа и национальной мотивации, что может способствовать развитию «культурального» шока. Это расстройство нашло свое отражение в международных классификациях психических и поведенческих расстройств (МКБ-9, МКБ-10). Проявлялось это в стрессе адаптации значительной массы людей (в данном случае армии в количестве свыше 15 млн человек, принадлежавших в целом к традиционной культуре), к условиям войны, носившей современный характер. В сущности, сама война носила характер ускоренной модернизации всего российского общества. Цену за форсированную модернизацию платили миллионы комбатантов в виде психических расстройств. В условиях быстрой, почти мгновенной модернизации стресс представлялся еще и как стресс аккультурации, проходившей в рамках стресса дезадаптации. Ведь названные 15 млн человек оказались не только в условиях новой культуры современного общества, но они практически потеряли связь с прошлой культурой – территориально и физически (в виде разрыва семей). Такой процесс можно сравнить с процессом массовой миграции представителей одной культуры в страну, где доминирует совершенно другая культура. Это также определяло высокий уровень невротических расстройств (свойственных вообще для эмигрантов, беженцев) у лиц, переехавших из

села в город и наоборот. Они переживают культурный шок и психологический конфликт, обусловленный процессами аккультурации. Как уже указывалось, во время войны эта проблема не поднималась. Но психиатры в послевоенное время неоднократно описывали воздействие на работников, в основном бывших крестьян, непривычных форм труда в промышленности, на транспорте, что вполне можно сравнить с результатом психосоциального стресса в современной войне. Так, например, обследование рабочих текстильной фабрики, произведенное Вятским невропсихиатрическим диспансером, показало, что здоровыми можно было считать только 51,5%, а у 40,4% труд действовал гнетущим образом на их психику. В другой статье – о результатах исследования психопатологических явлений у автобусных шоферов, ранее бывших рабочими и крестьянами. При этом была выявлена широкая гамма психических заболеваний, связанных с напряженным профессиональным трудом, в основе которого было отличие самого его ритма и ответственности по сравнению с работой шоферов на других машинах. У обследуемых наблюдались слуховые, зрительные и обонятельные галлюцинаторные явления; состояние возбуждения при субъективном ощущении усталости от перенапряжения; аффекты страха, фобии и переплетающиеся с ними сексуальные нарушения, коррелирущие с профессиональным стажем; а также суеверия. Обследование 450 вагоновожатых, школьных работников и прядильщиц, то есть лиц, работавших на ответственной работе, также выявило у здоровых галлюцинаторные явления даже при легких эмоциональных отрицательных состояниях[1]. Следует предположить, что подобные психопатологические явления в еще большей степени затронули бойцов русской армии, формально не считавшихся душевнобольными.

Русские комбатанты испытывали громадную гамму стрессовых ситуаций как боевого, так и не боевого характе-

[1] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 12, 25, 88; *Громовой Л.* Обследование рабочих текстильной фабрики «Красный труд», произведенное Вятским невропсихиатрическим диспансером // Журнал невропатологии и психиатрии. 1926. № 6. С. 107–123; *Чернуха А.А.* Психопатологические явления, связанные с профессией у автобусных шоферов // Современная психоневрология. 1927. № 7. С. 46–52.

ра – вследствие самой ситуации военного противостояния. Эти ситуации носили характер отдельных, крайне резких стрессов, но все вместе они сливались в пролонгированный стресс, тянувшийся годами. Стресс из-за пребывания в зоне боевых действий, даже без участия в них, характеризуется постоянной готовностью к мгновенному агрессивному отражению врага. При этом снижается ощущение ценности человеческой жизни и ответственности за свою агрессивность. Из-за многократных острых стрессовых нагрузок и нервно-психического изнурения в боях, минуя латентный период или после него, могут возникать невротические реакции. Это еще одна стадия на пути к стойкому ПТСР (Посттравматическое стрессовое расстройство). Появляются клинически выраженные, синдромально оформленные психические реакции на фоне соматовегетативных расстройств, значительная личностная и социальная дезадаптация. Огромное стрессовое воздействие оказывала ожидаемая опасность. Опасность, беда, горе становятся наиболее психотравмирующими, когда, ожидая их, люди не имели никакой возможности предотвратить или хотя бы уменьшить их вред. Изнуренные ожиданием беды, истощив свои адаптационные резервы, люди становятся подверженными не только острым эмоционально-психическим реактивным расстройствам, но и более глубоким параноидным формам реактивных психозов. При длительном пребывании в экстремальных условиях возникает сложная картина физиологических, психологических и социально-психологических изменений в поведении человека. При долгом и чрезмерном стрессе жизни (в зоне боевых действий или территории, занятой оккупационными войсками; в иноязычной этнической среде, зараженной ксенофобией; при хронической финансовой ущемленности, социальной униженности) могут надолго возникать реактивные состояния с большой структурной сложностью. При этом симптоматика длительного стресса может напоминать симптомы соматических или психических болезней. Такой стресс нередко переходит в настоящие болезни. Причиной длительного стресса может стать не только непрерывный, но и регулярно повторяющийся

экстремальный фактор. Тогда попеременно «включаются» процессы адаптации и реадаптации. Их проявления могут казаться слитными. Поэтому стрессы, вызванные длительными прерывистыми стрессорами, предложено рассматривать как самостоятельную группу[1].

Психиатрическим итогом Первой мировой войны также стало описание «болезни колючей проволоки», своеобразного психопатологического состояния, наблюдаемого во время и после пребывания людей в лагерях для военнопленных. Психолого-психиатрический анализ итогов Первой мировой войны продемонстрировал патогенность военных действий не только для поколения, принимающего в них участие, но и для последующих поколений. Известный психоисторик П.Левенберг описал историко-психологический эффект Первой мировой войны в работе «Психоисторические корни нацистского молодежного движения». Исследовав влияние Первой мировой войны и революции 1918–1919 гг. в Германии на психическое состояние детей, он пришел к выводу, что эти исторические события оказались психотравмирующими и решающими для формирования личности молодых «наци». П. Левенберг выделил следующие психологические особенности лиц, переживших Первую мировую войну: повышенная агрессивность и гневливость, слабо выраженная индивидуальность, склонность к подчинению тоталитарному лидеру[2].

Элементы подобного анализа представлены в работах П.Б. Ганнушкина, исследовавшего психиатрические последствия Октябрьской революции 1917 г. Советский психиатр сформулировал концепцию о приобретенных психопатиях. В психиатрию он ввел понятие «нажитой психической инвалидности» и описал ее клиническую динамику на примере молодых людей, которые в результате революционных преобразований заняли ответственные посты, не имея соответствующих знаний и опыта, но работавших с чрезмерным перенапряжением, без отдыха и не считаясь с состоянием здоровья. Ганнушкин выделил 3 группы клинических симптомов, характерных для это-

[1] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 19, 439, 610.
[2] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 95. С. 150–151.

го состояния: чрезмерная раздражительность и возбудимость, выходящая за рамки астенической раздражительности; депрессивные эпизоды различной продолжительности и степени выраженности; психогенные истерические расстройства. Болезнь прогрессирует в течение 2–4 лет и приводит к «стойкому, неизлечимому ослаблению интеллектуальной деятельности». Основным этиологическим фактором, приводящим к инвалидности, Ганнушкин считал физическое, моральное, эмоциональное и интеллектуальное переутомление, а доминирующим патогенетическим механизмом – трансформацию функционального церебрального нарушения в органическое с формированием разлитого склеротического поражения мелких сосудов коры головного мозга[1].

Представляется, что «боевые психозы», хотя и являлись, по научным определениям, классическим стрессом дезадаптации, однако относились, с историко-психиатрической точки зрения к историческому неврозу. Это невротическое состояние личности психогенного характера, сформированное в результате патогенного влияния неблагоприятной исторической ситуации, характеризуется массовидностью и типичностью: сходством содержательных характеристик и внешних невротических проявлений, распространяется в виде психических массовых эпидемий и имеет историческую значимость. При историческом неврозе личность (в данном случае – комбатант русской армии) разделяет страхи, присущие подавляющему большинству людей (в данном случае наиболее активного, представлявшего цвет нации контингента), живущих в данной культуре, и выстраивает типичные для данной исторической эпохи механизмы психологической защиты, качественно отличающиеся от страхов и защит определенного культурного образца данной исторической эпохи[2].

Аналитики стрессовых состояний выделяют различные формы поведения при наличии стрессоров. Первое – это «удаление», уничтожение стрессора, в нашем случае – это активная наступательная борьба на фронте, нападение на врага, его уничтожение, фактически оказавшееся невоз-

[1] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 95. С. 150.
[2] Там же. С. 95.

можным по множеству вышеизложенных причин, главная из которых – техническая мощь германской армии, неприступность оборонительных сооружений противника. Вторая форма – удаление от стрессора: вперед (в плен) или назад (дезертирство) от линии фронта. Третья форма при стрессе – замирание или даже обмирание от страха, либо только осторожно-боязливое затаивание. Это и есть депрессия. Это стрессовое пассивное защитное поведение для пережидания опасности. Четвертая форма – при которой комбатанты стрессово-радостно (или стрессово-творчески) «осваивают» создающие стресс обстоятельства, то есть довольствуются добычей, наградами и т.п. Говоря метафорически, они, по словам Китаева-Смыка, «поедают» либо добычу, либо врага. Так эти субъекты избавляются будто бы от стресса голода или даже и от стрессора – врага. Еще возможно стрессово-творческое созидание радующего разнообразия жизни. В нашем случае – попытка развеселить солдат, уничтожить стресс монотонной обыденности. При такой форме стресса люди конструктивно прекращают свой неблагоприятный стресс (дистресс). Возможен и «стресс любви», то есть преклонение перед врагом, в данном случае перед немцами[1].

При стрессе проявляются следующие основные субсиндромы стресса. Сначала в предельно переносимых экстремальных условиях проявлялся эмоционально-поведенческий субсиндром. Его сменяет вегетативный субсиндром (субсиндром превентивно-защитной вегетативной активности). По мере угасания этих двух субсиндромов, а их можно рассматривать как проявления этапов адаптационной активизации относительно низкой (в иерархическом плане) «функциональной системности» организма, становились манифестированными когнитивный субсиндром (субсиндром изменения мыслительной активности при стрессе) и социально-психологический субсиндром (субсиндром изменения общения при стрессе). Однако сочетание, последовательность, динамический баланс этих синдромов может быть различным. На пути поисков спасения от стрессоров происходят соматические болезни

[1] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 24.

стресса, психические болезни стресса и «социальные болезни стресса»[1].

В нашем случае речь идет о пролонгированной депрессивной реакции – легком депрессивном состоянии как реакции на затяжную стрессовую ситуацию, длящуюся не свыше двух лет. Этому депрессивному состоянию соответствуют как тревожная, так и депрессивная симптоматика, по интенсивности не превышающая смешанное тревожное и депрессивное расстройство или другие смешанные тревожные расстройства с преобладанием нарушения других эмоций. Симптоматика имеет разнообразную структуру аффекта и представлена в виде тревоги, депрессии, беспокойства, напряженности и гнева. Согласно международной классификации болезней DSM-III-R, расстройство адаптации является дезадаптивной реакцией на отчетливо обнаруживаемый психосоциальный стресс или стрессы, проявляющейся через 3 месяца после начала действия стресса. Данная патологическая реакция может восприниматься субъектом как личное несчастье, это не обострение психического заболевания, которое отвечает другим критериям. Расстройство, как правило, прекращается вскоре после того, как прекращается действие стресса, или же, если стресс остается, достигается новый уровень адаптации. Однако эта же дезадаптация может принимать тяжелые формы при посттравматическом стрессовом расстройстве, когда симптомы, развивающиеся после психологически травматизирующего события или событий, выходят за рамки нормальных человеческих переживаний[2].

Вхождение России в современность путем участия в войне современного типа означало испытание части ее населения историческим преобразованием в обществе, которое всегда сопровождается увеличением количества психосоциальных стрессов в популяции. Типология стрессовых ситуаций различает стрессы по длительности, уровню влияния (микрострессоры и макрострессоры), кратности возникновения (единичные, множественные или периодически возникающие стрессовые ситуации),

[1] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 26, 30.

[2] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 198–199; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 585, 589.

по выраженности: острые, внезапно возникающие, опасные для жизни (войны, природные и техногенные катастрофы и т.п.) стрессы. Есть также стресс, обусловленный культуральной адаптацией (аккультурационный стресс). В литературе существуют и таблицы, по которым можно рассчитать вероятность быть подверженным психосоматическим расстройствам. Так, при «сумме стресса» выше 200 «стрессовых» единиц увеличивается число психосоматических расстройств в последующие два года. Сумма выше 300 единиц увеличивает эти шансы почти до 80%. Если включить в эту сумму такие факторы, как раздельное проживание супругов (65), тюремное заключение (имея под этим в виду режим тотального, строго дисциплинарного учреждения, каким является армия) (63), травму или болезнь (в данном случае психическая травма, общее истощение и т.п.) (53), смену места работы (39), перемену в финансовом положении (38), смену участка работы (36), изменение круга обязанностей на работе (29), смену жилищных условий (25), пересмотр личных привычек (24), осложнение отношений с начальством (имея в виду требовательность военного начальства по отношению к военным чинам) (23), смену часов или условий работы (20), смену места жительства (20), смену типа и продолжительности отдыха (19), резкое изменение социальной активности (18), перемену привычек сна (16), изменение числа совместно проживающих членов семьи (т.е. солдатский коллектив) (15), изменение пищевых привычек (15), то мы получим сумму стресса величиной около 518 единиц[1].

По тяжести депрессии очевидным является наличие депрессивных реакций легкой тяжести фактически у всех солдат с «угнетенным» настроением, зафиксированным в цензурных отчетах. В этом случае важно наличие таких признаков, как потеря интереса и удовлетворения от ранее обычно приятной активности, снижение побуждений, энергетики или повышенная утомляемость, потеря уверенности в себе или чувства собственной ценности, мрачное и пессимистическое видение будущего, потеря аппетита. У значительной части наличествуют, однако, и такие

[1] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 20, 21, 24.

показатели тяжелой фазы депрессии, кроме характерных для легкой фазы, объективно наблюдаемые выраженные расстройства психомоторики (заторможенность или ажитация), отчетливое снижение аппетита. Наличие же суицидальных настроений, а также бреда и галлюцинаций свидетельствует у части солдат о наличии крайне тяжелой фазы депрессии. В этом случае депрессивный эпизод иногда воспринимается тяжелее, чем боль от рака на поздней стадии[1].

При классификации травмопсихоневрозов следует учесть, что с клинической точки зрения они представляют не какую-то нозологическую форму (то есть собственно конкретной болезни с этиологией, клиникой и т.п.), а цепь припадков, характерных для истерии, неврастении, психастении, ипохондрии и меланхолии. Из известных нам 27 классификаций реактивных состояний и психозов с клинической точки зрения мы придерживаемся соответствующих разделов Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ–10), а также классификации, принятой в отечественной психиатрии, симптомы которой даются в сравнении с классификацией по МКБ--10. В соответствии с указанной классификацией болезни «здоровых» диагностируются как аффективные расстройства (то есть расстройства настроения), вызываемые психосоциальными стрессорами, протекающие на более благоприятном, непсихотическом уровне (экзогенные, реактивные, невротические, вторичные). Эти реакции протекают в основном по типу генерализованного тревожного расстройства и смешанного тревожного и депрессивного расстройства. Они соответствуют принятым в МКБ-10 депрессивным психогенным реакциям (реактивная депрессия) и реактивным (психогенным) бредовым психозам. Формально эти болезненные состояния близки к неврозам, которые, в отличие от психопатий, возникают после психической травмы, т. е. имеют четкое начало. Достаточно ясно определяется их излечение. Однако их протекание проходит как классические психозы, то есть проявляется рядом

[1] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 140, 143–144; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 323–324.

симптомов и синдромов, характерных для психозов, а именно кратковременным изменением (расстройством) личности, действующим только на время действия стрессоров, имеющим обратимый характер и практически не оставляющим следов[1].

При проведении диагностики патопсихологических состояний комбатантов мы пользуемся описательно-клиническим методом, в свою очередь основанным на феноменологическом методе Э. Гуссерля. Согласно сторонникам такого подхода, техника «точного беспредпосылочного описания», освобождения «от феноменологически непроясненных, непроверенных и непроверяемых предпосылок» дает возможность «превратить так называемые "субъективные данные" в объективные, строго научные, ясные и четкие, точно формулируемые»[2].

Все люди, независимо от личностных особенностей, могут стать и действительно становятся депрессивными при определенных обстоятельствах. Однако у разных личностей наблюдаются разные особенности заболевания: личности внушаемые становятся импульсивно-компульсивными, истерические личности более подвержены риску стать депрессивными.

Но при этом в данной главе развивается интегративный подход, предложенный исследователем депрессии Д. Хеллом, согласно которому физические, духовные и социальные процессы у депрессивных личностей должны рассматриваться как единое, интегрированное целое. В таком подходе для историка важно прежде всего выявить социальный смысл поведения человека в состояния депрессии. Это совпадает в целом с понятием болезни, которая вырисовывается теперь «не как простой деструктивный, не имеющий цели протест, а как целесообразный

---

[1] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 127, 164–165; *Даршкевич Л.О.* О номенклатуре расстройств в области нервной системы, наступающих вслед за травмой // Русский врач. 1916. № 5. С. 98; Справочник по психиатрии. Ред. А.В. Снежневский. М.: «Медицина», 1985. С. 222, 226.

[2] *Савенко Ю.С.* Что такое «феноменологическое описание»? // «Независимый психиатрический журнал». 2008. № 4. С. 17; *Бусыгина Н.П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 52–76.

ответ организма, стремящегося избежать худшего и найти защитную нишу в угрожающих социальных отношениях». Депрессивный процесс представляет собой биосоциальную модель, которой подвержено большинство людей, оказавшихся в неблагоприятной ситуации. Социальный аспект депрессии подчеркивается и тем, что по сравнению с меланхоликами, которые страдают одни, депрессники всегда страдают вместе. Другие психиатры также поддерживают в целом такой интегративный подход, определяя депрессию как расстройства, которые практически всегда выражаются в нарушении межличностных и социальных отношений, а также профессиональной деятельности. В сущности, депрессия в таком случае представляет часть военного опыта комбатанта. Этот опыт касался, согласно А.Я. Гуревичу, осознания ряда существенных сторон ментальности, таких как отношение к труду, собственности, богатству и бедности; образ природы; трактовка пространства и времени; социальные страхи и другие негативные эмоциии, массовые психозы и напряженные социально-психологические состояния; соотношение «культуры вины» и «культуры стыда», то есть психологическая ориентация на внутренний мир или на социум[1].

Источниками выявления симптоматики состояния «здоровых» солдат и офицеров, которое может быть фактически отнесено к «психозам войны», послужили, в основном, собственные высказывания бойцов русской армии, зафиксированные в цензурированной переписке. С точки зрения диагностики, это важный источник, вскрытие которого в клинической психиатрии является большим искусством для врача. Для выявления этих высказываний было использовано около 50 тысяч выдержек из писем, приведенных в цензурных отчетах русской армии как фронтовых, так и тыловых организаций почтового ведомства за 26 месяцев войны, а также дневники, записи солдатских высказываний, солдатский фольклор и описания психического состояния военнослужащих в психиатрической литературе.

[1] *Каплан Г.И.,* Сэдок Б.Дж. Указ. соч. С. 315, 321–322; *Хелл Д.* Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетейа, 1999. С. 13, 18, 28, 35; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 15.

В этих материалах прежде всего подтверждается важность современной войны как основной травмирующей ситуации. В целом ряде писем показания солдат воспроизводят в качестве важнейших этиологических факторов атмосферу больших сражений. Бой оценивается не иначе, как «страшный суд», как «замок смерти, из которого ни один человек не возвратился», и «хотя кто возвратился, то он уже изувечен, так как... известно, что позиция отражается на человеке». Для другого во время боя кругом одни только «стоны и кровь, кругом искривленные мукой лица. Гул орудий, трескотня пулеметов, все возвышенное переходит в сон, а стоны и кровь – это действительность». Данные о длительности воздействия «ужасов войны» противоречивы. Некоторые солдаты писали: «Посмотреть на теперешние страшные бои, то можно глядючи сойти с ума, а остаться живым так это чудо». В связи с этим есть примеры острой тревожащей травмы в связи с ожиданием боя: «Сейчас в городе услыхал, что нас будут отправлять на позицию – страх берет как поранят очень больно..., а как делают перевязку каждый день, то от боли проклянешь свою мать, родившую тебя». Есть, однако, и много свидетельств привыкания к этим ужасам, когда для некоторых солдат война уже стала рутиной: «Понемногу уже перестали бояться снарядов, а раньше боялись, все падали со страху». Однако рефреном фактически всех, даже бодрых писем, демонстрировавших бесстрашие, было желание «конца всем этим учениям и мучениям, все хотят по домам». Солдаты неоднократно описывали «ад» на войне, «кошмары боев», когда «тупо, глупо звенят осколки, давят кошмары», когда угнетают отчужденность и автоматизм занятий[1].

Выше уже обращалось внимание на небольшое количество свидетельств именно «страха» перед боями, зато масса сведений, что «ужасы войны каким-то тяжелым кошмаром отзываются в душе, хотя и привыкли, огрубели, но все-таки невозможно загладить душевных страданий, которые она переживает при виде всех ужасов зверства

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 102; Д. 1673. Л. 848об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 218; Д. 3863. Л. 303; Д. 2935. Л. 293об.; Д. 3863. Л. 164, 303об.; 2935. Л. 888–889, 303; Д. 2937. Л. 200, 247.

и человеческого одичанья». «Кошмары боев» противопоставлялись «жизни в кошмарном виде». «Ужас» и «усталость» возникали не собственно от страданий и опасностей смерти, а от «этой полной тревог жизни», то есть вообще войны. В этом смысле можно констатировать, что солдат не «боялся» смерти», но был в «ужасе» от самой обстановки войны. Здесь можно зафиксировать, в соответствии с классификацией А.В. Гервера, разрыв между описанием психиатров картины реактивных состояний вследствие сражений – «боевых психозов» – и их отражением в письмах солдат, где на первом месте стояли психозы окопные, от усталости военной службы как таковой. Солдаты неоднократно сообщали, что «... живется очень худо, крепко стонал, дошел до отчаяния и стал как сумасшедший странствуешь по свету и не знаешь когда будет этому конец». Частым мотивом писем были «душевные страдания» «у многих», что «если еще долго протянется эта дерзкая война, то я так истреплю свои нервы и одичаю, что перестану походить на человека»[1].

Синдром депрессии, вызывавшийся прежде всего стрессом дезадаптации, аккультурации, можно расписать как сумму симптомов объективных, то есть внешнего описания поведения комбатантов, подверженных депрессии, и «симптомов субъективных: ощущений комбатантов в депрессивном состоянии по отношению к времени и пространству, к собственному телу, включая соматические и мыслительные процессы, и, наконец, как отношение к окружающим. Особенно важно последнее: оно объединяет все ощущения при дистрессе: пространства, времени, технологии, ритма, организации иерархии, труда, релаксации.

Общая объективная картина самочувствия комбатантов русской армии, подвергшихся «психозам войны», получила подробное описание психиатра А.В. Гервера, бывавшего неоднократно на передовой позиции, а также и в ближнем тылу. Гервер отмечал, что нарушения в поведении затрагивают интеллектуальную, волевую и эмотивную сферы. Для нарушений интеллектуальной сферы характерно понижение умственной работоспособности,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 187; Д. 2935. Л. 332; Д. 3863. Л. 303об.; 2934. Л. 304, 497об.; Д. 3856. Л. 263об.

разброс внимания, параллельные воспоминания, мысли и мотивы, вообще утомление от работ, в которых не находят смысла, невнимательное чтение с перепрыгиванием со страницы на страницу, с одной темы на другую, неумение вчитаться с текст или вслушаться в устное сообщение, ослабление памяти, задержка в производстве нескольких логических операций, поверхностность и шаблонность работы (подписывает бумаги, не читая, не вникает в суть), нежелание перемен; отсутствие творчества и т.п. В волевой сфере отмечаются подъем и быстрое снижение энергии, но в целом – упадок воли и абулия, вялость, апатия, безразличие к окружающему миру, нерешительность. Бывает временное повышение волевой энергии, гипербулия, но все поверхностно, разбросанно, склонность к импульсивным поступкам. В эмотивной сфере наблюдаются неустойчивое настроение духа, перемена даже в течение дня, тоска, рыдания: то весел, то чуть не плачет, усиление впечатлительности, экзальтированность или раздражительность, постоянное подчеркивание недостатков везде и у всех, беспощадная и обидная критика. Однако чаще всего видна тоска, потеря веры в самого себя, в свои душевные и физические силы, частое угнетенное настроение по утрам, пессимизм, потеря идеалов, вплоть до суицида. Наблюдается и масса навязчивых состояний и фобий, ипохондрия, заикание и т.п. Сознание при сильных аффектах помрачается до полной спутанности, больные могут совершать действия, идущие вразрез с основным ядром их личности, с их убеждениями и принципами – вплоть до преступления. Есть и ослабление нравственной сферы, среди таких больных есть растратчики, лгуны. Отмечается также повышенная тревожность. В тылу такие больные всегда ждут прорыва неприятеля. Они угнетены, настроение подавленное: жалуются на сильную тоску, часто сопровождающуюся болевыми ощущениями в области сердца и всей грудной клетки и вызывающую приступы рыданий. Вся окружающая обстановка в этом состоянии кажется мрачной: кампания проиграна, надо ждать самых печальных известий и т.п., нередко мысли обращаются к самоубийству... У некоторых на почве не-

преодолимого желания повидать своих близких и свой дом начинаются блуждания или прямое дезертирство. Кроме того, наличествует раздражительность в строю и в бою или апатия, и безразличное отношение ко всему окружающему, пренебрежение к одежде, к чистоте своего тела. Угнетенность проявляется также в том, что при разговоре о боях они сильно волнуются, начинают говорить дрожащим голосом, иногда плачут. Некоторые не выносят пушечных выстрелов, во время которых сильно пугаются и испытывают тяжелые болевые ощущения в голове и приступы сердцебиения. При продолжительных канонадах испытывают ощущения, как будто вбивают кол в череп, и продолжительные головокружения. Особенно действует неожиданный обстрел – сразу выводит из психического равновесия: одни бегут в панике, у других ступор. У таких больных отмечаются сильные фобии: боятся увидеть раненых, вообще волнуются даже при далеком выстреле. Общая оценка таких больных: в периоды боев – ажитированные формы, в позиционное время – заторможенность, оцепенение. Но те же явления, характерные для депрессии, наблюдаются и в тыловых частях, в резерве. Бойцы стараются не спровоцировать противника: тихо говорят, медленно ходят, согнув спину, на что, впрочем, влияет теснота в окопах, а также атмосферные условия. Не видя боя, они рисуют в воображении пессимистические картины. Отмечается склонность к слухам, как правило пессимистическим, к преувеличениям опасности. Все время готовы «утекать». Прибыв на новое место, постоянно изучают топографию местности по военным картам для определения дорог, по которым можно «утекать», постоянно ведут на эти темы разговоры[1].

Эти явления, отмеченные фронтовым психиатром, полностью совпадают с описанием симптомов, характерных для обычных депрессивных больных: генерализованная психомоторная заторможенность, хотя иногда наблюдается психомоторная ажитация (особенно у более

[1] *Гервер А.В.* Нейрастения и влияние войны на ее клиническую картину // Русский врач. 1916. № 10. С. 220–222; Русский врач. 1916. № 11. С. 241–245; *Гервер В.А.* О душевных расстройствах на театре военных действий / Русский врач. 1915. № 34. С. 797–798.

пожилых людей). Классический вид депрессивного больного – сутулая поза, отсутствие спонтанных движений и потухший, трагический взгляд. Смерть близкого человека, тяжелые жизненные неудачи способны и у здоровых людей вызвать естественную психологическую реакцию печали. Патологическая реакция отличается от нормальной чрезмерной силой и длительностью. В этом состоянии больные подавленны, тоскливы, слезливы, ходят сгорбившись, сидят в согбенной позе с опущенной на грудь головой или лежат, поджав ноги. Наиболее частая характеристика депрессивных больных заключается в пониженном, подавленном настроении, интеллектуальной и моторной заторможенности (торможение)[1].

В одном из писем так описывается это состояние: «Как тягостно и грустно тянутся минуты за минутами. На все создававшееся кругом нас надоело уже смотреть... Кругом безжалостие, кругом молчание, кругом забвение, томишься в трущобах, как узник виновный и пусть за меня докажут, томятся все, и в глубоком тылу напрягая силу для сокрушения идиота врага...[2] В другом письме также говорится о настроении «ужасном, адском». «Жизнь здесь страдающая не видишь веселого лица. Все такие унылые, страдающие, жалкие», – описывает корреспондент общие страдания бойцов на фронте[3]. Распространялись на фронте и пессимистические настроения в стихах, например, известного осетинского поэта Косты Хетагурова:

Тяжело – как тюрьма жизнь постыла.
Мрак могильный закрыл все пути...
Взор блуждает в прошедшем уныло
И не ждет ничего впереди...
Ни единого звука участья,
Тишина...[4]

---

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 330, 331; Справочник по психиатрии / под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56, 222–224; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 141; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 33; *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 95–96; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 99; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 109.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 82.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 578.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 71.

Выше указывалась и доля солдатских писем с «угнетенным настроением». Они составляли до 50% всей корреспонденции.

Все названные внешние депрессивные симптомы складывались для солдат в ощущение «мучений», которые уже не было сил переносить. Это вполне соответствовало ощущениям депрессников в тяжелой фазе, когда гнетущая, безысходная тоска переживается как душевная боль. Выше указывалось множество писем, в которых солдаты сообщали о своих мучениях, пик которых наступил в конце 1916 – начале 1917 г.: «Какие муки терпишь; один Господь видит мои мучения», – писал один из солдат. Ярче всего это проявлялось в слезах – «слезливая депрессия», при которой преобладают слабодушие, астения. Сознавали, что «грех просить смерть на себя», но все же желали ее, «потому что сильно надоело уж ходить и скитаться, обольюсь только горькими слезами и опять в глубокую тоску опадает моя молодая жизнь... Ждем и не можем дождаться одного слова в три буквы мир и тогда бы все братья скричали ура. Мы ведь ходим с унылым здесь сердцем и слезы у нас на глазах и пули злодейки убивают народ...», – писал в письме солдат накануне Брусиловского прорыва. Само желание плакать говорило о средней степени депрессивных ощущений. Некоторые из писем с сообщениями о слезах явно свидетельствуют о тяжелых приступах депрессии комбатантов: «Мне так иногда тяжело, что хочется плакать как в тяжком горе. Хочется упасть на землю, утонуть в собственных слезах. Солдат раб»[1].

На почве этих «мучений» среди солдат широко были развиты суицидальные настроения, характерные сами по себе для крайне тяжелой формы депрессии, периодически возникающие мысли о смерти (а не просто страх смерти). Эти мысли у депрессников развиваются часто на фоне представлений о собственной ущербности и ненужности. В целом же риск суицида у больных депрессией в 30 раз больше, чем у населения в целом. Примерно 2/3 помыш-

[1] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56, 57; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 267; Д. 2935. Л. 598об.; Д. 2934. Л. 9об.; Д. 2931. Л. 39об.

ляют о самоубийстве и 10–15% совершают суицидную попытку, иногда импульсивную, что, правда, характерно для тяжелых состояний. Мысли о суициде возникали уже в начале войны вследствие тяжелых боев перед лицом не только «ужасов сражений», но и всей обстановки военной жизни, которая казалась настолько «полной всяких тяжелых лишений». Суицидальные настроения были распространены и среди офицеров, причем с завершенными эпизодами. Как это ни странно, перед лицом «ужасов войны» смерть в бою не казалась страшной по сравнению с тем, что «долго приходится страдать». Мысли же о смерти, очевидно, часто посещали солдат, правда, сначала как констатация тяжелых условий жизни, делавших эту жизнь ненужной: «Я не рад своей жизни». Солдаты «клялли» свой день рождения: «На что я родился я проклинаю свою жизнь», просили у Бога смерти. Летом 1916 г. в письмах отмечалось много реальных планов самоубийства в виде необходимости пойти на позицию, «потому что надоело так жить на свете...» С осени 1916 г. желание умереть, не жить стало распространяться на фронте. «Хотелось умереть», «чем так много страдания и много мучения переносить в эти тяжелые дни». Смерть не казалась страшной, «как подумаешь о такой собачей жизней жить». Жаловались на переходы «по ночам, по грязи, под дождем, а днем весь мокрый отдыхаешь где-нибудь под открытым небом. Эх, лучше бы скорее смерть». Сообщали о плохой пище и делали вывод: «Который умер сказать лучше чем жить». Вспоминая про дом, сообщали: «Так горько плачу и так трудно, что я уже смерти просил но не мог умереть, а пока дошел свою жизнь проклял», – писал солдат после очередного перехода. Общая мысль, красной нитью проходящая по всем этим недовольным письмам. «Ох Леля, жизнь наша несчастная так все надоело», – эта выдержка из солдатского письма приводилась в сводке цензуры по 11-й армии. «Сидим в окопах ожидаем смерти а она все не идет», – цитировали солдатские письма в Житомирской цензуре. Страдали «неизвестно за что» и «просили у Бога скорее смерти, чем так жить», потому что «нету уж терпения не только мне но и всем эта проклятая

бойня уже надоела солдацкая жизь лучьше не родици чем терпеть токие тиранцтва»[1].

В просьбах к Богу о смерти фигурирует отнюдь не конкретный, определенный страх, но вся сумма впечатлений от войны: «уже надоело жить на свете, а почему надоело, что приходится видеть такой страх и голод и холод сколько переносишь трудов, а также и вшей сколько кормил, а вернуться нам не нидется, потому что война стала не так как сначала воевали теперь спасенья нет никакого потому что снарядом не убило то газы такие, что глаза выкалывает и помирать трудно, теперь уже научились все враги наши как воевать никак не здаются австрийцы, а бьются до последнего солдата». Но чаще всего причиной пожелания смерти была просто «тяжесть жизни»: «Так тяжело житы то луче померты та не мучится як тут нас мучат то вже и ненужно каторги моб Бог дав смерть то лучше б было». «Жизни не рады» были и «просили смерти на себя». Жалели, что пули не попадают и просили, «чтобы убило чтобы покончить эти мучения», чтобы «вырваться с неволи». Перед лицом такой «жизни прескверной» просили смерти или ожидали бунта. Спрашивали: «На что мы только живем и на что на свет народились и так как стакаемся на белом свете и был бы рад когда бы умер», и хотелось «скорей бы отжить эту жизнь», и ждали очередной атаки с надеждой – «или убьют, или ранят, потому что оттуда мало кто возвращается живым»[2].

Прося смерти, как правило, произносили не личные пожелания, а общие: «Многие молят Бога, чтобы смерть скорей послал, так как много теперь мерзостей творится и прямо открыто». Солдаты оценивали свое состояние как превращение в «зверя» и высказывали желание – «лучше умереть, чем жить на позиции», «бывают минуты, что жизни своей не рад» и т.п. Перед лицом «ужаса без кон-

---

[1] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56; *Попов Ю. В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 141, 145; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 324, 325; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 649, 559; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 142; Д. 3856. Л. 50об.; Д. 2935. Л. 17, 484; Д. 2934. Л. 414, 467; Д. 2935. Л. 390, 704, 183; Д. 2937. Л. 125, 15, 99об., 200, 279, 246, 176.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 647, 704; Д. 2937. Л. 84; Д. 2935. Л. 910, 917; Д. 3863. Л. 29, 50.

ца» просили у Бога скорее смерти, «чтобы с честью выйти из этого положения». Не понимая смысла своих страданий, страстно желали смерти: «За смерть сидишь, ждешь с радостью смерти избавительницы как ждешь мира, так и ждешь и смерти. Солдат это есть мученик». Просили: «Скорее бы убили чтоб не страдать за себя и за людей». Страдая от унижений, оскорблений, просили «сами на себе смерть». Встречались, конечно, и единичные просьбы о смерти: «Не знаю как у других, но у меня сотни таких дней, когда являлось желание махнуть на все рукой и уйти туда, откуда нет возврата, не дождавшись конца..», – сообщал в письме один солдат[1].

Мучения подстерегали солдат не только на позиции или в резерве, но даже в госпитале, где солдат также посещали суицидальные мысли: «Лучше бы дорогая мамаша мне на позиции умереть чем в госпитале лежать». В целом цензура, указывая на письма с жалобами на тяжелое солдатское житье, подчеркивала, что авторы их, не скрывая, выражают желание лучше умереть, нежели переносить мучения, так как, по их мнению, не скоро предвидится конец этим страданиям. Даже если и был страх в бою, однако желание смерти возникало только при осмыслении, «что бросил деревню, жену, детей и помер в поле, то захотелось, чтобы вражья пуля скорее сразила меня и спасла от тяжелого душевного мучения». При этом цензура подчеркивала: «Многочисленные письма совершенно не касаются вопроса о мире и авторы их, главным образом, касаются домашней обстановки»[2].

Кроме самих мыслей о смерти, приходили в голову и конкретные планы самоубийства. «На меня не надейся, миру не будет, не вернусь, такая беда не могу выдержать, если бы не ты и ребенок, то я бы лишил себя жизни», – пишет солдат, очевидно вынашивая подобные планы. В сущности, трудно отделить нежелание жить, желание смерти вообще от конкретного плана лишить себя жизни, тем более что на войне это означает всего лишь принять участие в смертельной атаке. Так, состояния перед атакой можно

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 217об., 107; Д. 2935. Л. 375; Д. 3863. Л. 70; Д. 2935. Л. 204об.; Д. 3863. Л. 82; Д. 2935. Л. 304.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 289; Д. 3863. Л. 37, 224.

оценивать как попытки приведения в действие плана самоубийства: «... мы сидим у окопах и не дышим, а сердце бьется чуть не выскочит и мозги в голове поднимаюця так что не помнишь ничего если бы земля разтворилась так и вскочил бы не хотел бы жить одной минуты и переносить такой страх». Это еще более делало «смерть не такой страшной», так как: «Раньше хотелось жить, смерть казалась страшной и концом всех земных радостей, а теперь она конец страданий, избавление от всего нелепого, что приходится мне видеть, что окружает меня в течение всей войны». Атака или поход в разведку давали повод покончить с собой: «Пускай меня сразу сгубят австрийцы, чем гореть на медленном огне». Не желая «жить как в тюрьме», боялись сойти с ума и собирались повеситься. Находясь под огнем на открытом поле, предпочитали сразу смерть. Но и просто многолетнее нахождение на службе наводило на «самые грустные размышления... Лучше всего покончить всякие счеты с жизнью. Уже 4 года тяготит это мерзкое ярмо». Подобного рода специальные планы свидетельствовали о крайней тяжести депрессивных состояний[1].

Суицидальные настроения, конкретные планы самоубийства перетекали в реальные суициды. Очевидно, часть их происходила во время боев, где мы не можем отличить суициды от случайной, а возможно, даже и от героической смерти. Больше сохранилось сведений о самоубийствах в частях на отдыхе, в резерве, или даже в запасных частях. Часть этих самоубийств были приписаны обычным причинам, например стрессу от сообщения о неверности жены. Кончали самоубийствами и прапорщики, ротмистры. Некоторые самоубийства являлись загадкой для начальства. Так, канонир 10-й роты Новогеоргиевской крепостной артиллерии Павел Тропынин характеризовался как отличный и толковый солдат, умственно и физически развит, ничем не болел. Причины многих случаев самоубийства не были установлены. Большинство покончивших самоубийствами были из крестьян. Часть самоубийств происходила вообще во время отпусков. Основные спо-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 160об.; Д. 2935. Л. 485, 303; Д. 2937. Л. 419; Д. 2935. Л. 542; Д. 2937. Л. 133; Д. 3863. Л. 80; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 324.

собы самоубийств: застреливались, вешались, травились, бросались под поезд, топились, бросались с высоты. При этом формы самоубийства соответствовали формам, принятым у основного населения, нарастая по мере длительности войны. Так, если до войны среди солдат застреливались 57% самоубийц, по сравнению с 93% у офицеров, то во время войны кончали собой с помощью огнестрельного оружия в 1914 г. – 44,4%, в 1915 г. – 34,8%, а в 1916 г. – 39,6%. Даже время самоубийств среди солдат совпадало с крестьянской ментальностью, резко уменьшаясь в августе–сентябре, и увеличиваясь в октябре, словно солдаты-крестьяне оберегали от смерти самые горячие для хозяйства месяцы...[1]

Много самоубийств отмечено в запасных полках, то есть, в сущности, являлись законченными суицидальными эпизодами тяжелых депрессивных состояний. Так, корреспонденты сообщали в письмах, что в 273-м пехотном запасном батальоне «жизнь ничего, но все плохо, что есть нечего». При этом «много солдат убегают, бросаются под поезд, травятся и кончаются жизнь самоубийством». Шокирующим можно считать случай самоубийства, когда в одной части в один день покончили с собой 4 человека: сначала в ночь с пятницы на субботу повесился солдат на кресте на кладбище, потом другой зарезался бритвой и отправлен в лазарет в тяжелом состоянии, днем – третий отравился сулемой и умер, а четвертый бросился вечером под поезд, и его «перерезало пополам»[2]. Были, однако, и случаи фактически героического поведения в виде самоубийства, когда в плену командир 270-го пехотного Гатчинского полка Волков в июле 1915 г. покончил с собой, чтобы снять обвинения в репрессиях полка по отношению к мирным жителям в Восточной Пруссии[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп.21. Д. 4210. Л. 27; *Беккер Н.М.* Самоубийства в русской армии. Статистический очерк. Составил дивизионный врач 42-й пехотной дивизии статский советник Беккер и доложил в Киевском обществе ревнителей военно-санитарных знаний 16 мая 1914 г. Стеклограф. Б. м.; Б. г. С. 39, 41.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4530. Л. 34; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 41; Ф. 1932. Оп. 4. Д. 103. Л. 367; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4530. Л. 49, 61; Д. 4856. Л. 69–79об.; Д. 4530. Л. 56; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 240, 233.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 308–309.

В целом во время войны повторилась картина большей частоты самоубийств солдат в городской среде, нежели в районах привычных – с сельским ландшафтом и ритмом жизни[1]. Это лишь подтверждает высказанное ранее предположение о городской, «индустриальной» в целом среде, или социально-географическом ландшафте, который представляла линия фронтовой позиции в ходе современной войны вообще.

Субъективные чувства депрессивных «здоровых» комбатантов окрашены в социальные тональности и касаются лишенности привычных ощущений времени, пространства, ритма работы организма, а также отношений с родными и близкими. Широко представлены в письмах упомянутые выше раздражители, касающиеся неопределенности во времени, бесполезности самого пребывания на фронте. Время на войне в данном случае разделялось на отчужденное, время для войны, и время собственное, как потерянное. Как и депрессивные больные, комбатанты ощущают измененное восприятие настоящего времени как заторможенное и остановившееся, замедленное время. «Как тягостно и грустно тянутся минуты за минутами. На все создававшееся кругом нас надоело уже смотреть», – пишет такой солдат в письме. «У нас на позиции время остановилось и когда оно пойдет опять неизвестно», – сообщал другой солдат. Такому времени, казалось, нет конца. «Эх, друг мой. Одного только хочется во всем белом свете, это избавиться от этой тяжелой неволи, в которой мы находимся. Тяжела не служба военная, а тяжело то, что не видишь никакого конца этой невольной жизни». По мнению другого корреспондента, «главное – сознаешь, что все жертвы и самопожертвование в данную войну не приводят к определенным результатам, и невольно стоит неотступный вопрос: не пора ли окончить, к чему тянуть так долго. Вот сейчас у нас затишье и никакой деятельности, зачем нужно так сидеть. По крайней мере, следовало бы действовать, чтобы добиться какого-нибудь фактического результата»[2].

[1] *Беккер Н.М.* Указ. соч. С. 16, 20–30.

[2] *Хелл Д.* Указ. соч. С. 47; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 82, 303–303об., 75.

Военное время считается потерянным, отнимающим время у другого, настоящего, привычного для комбатанта (как правило, крестьянина) времяпрепровождения. «Здесь совершенно не замечаешь, как проходит время, но зато хорошо замечаешь, как с каждым днем теряешь и силу, и здоровье, и надежду на лучшее будущее». В этом ощущается стремление успеть, заполнить занятием четко определенные временные промежутки в крестьянском труде. «Загубили годы молодые! Кто нас заставил здесь страдать? За что мы так строго наказаны. И угнаты далеко от милой семьи? И жизнь молодую дарить им обязаны здесь в австрийской земле? И кто это "добрый" о нас позаботился и мирно когда-то будем мы жить?» – спрашивали солдаты в письмах. Такое нужное время, привычное для определенных занятий, рассматривается как быстро протекающее, тающее, уходящее, уменьшенное, занятое именно временем на ненужное, бесполезное для привычного труда дело. В этой ситуации настоящее и будущее видятся мрачными и безысходными, как это видится обычному депрессивному больному, у которого отнято время именно у будущего. Для такого больного главное – невозможность продвигаться вперед во времени, им ощущается «отставание во времени». Так и время солдата-крестьянина ощущается как уменьшенное существование, учитывая, что привычная работа крестьянина рассматривается как работа в такт временным отрезкам, за которыми необходимо поспевать и ни в коем случае этого времени не терять. Переживание времени как уменьшенного, и тем более занятого у будущего, происходит у обычных депрессивных больных. В этом случае наблюдаемая печаль – это печаль по утраченному времени, которое уже не может быть восполнено в будущем. Отсюда и представлении о прошлом времени как времени счастливом, реальном, более продолжительном, с которым соотносится настоящее и будущее время. Внутренние часы солдата-крестьянина отставали от реального времени, так как были связаны с более важной целью – его крестьянским трудом, нежели с трудом ратным, отбирающим время от главного дела. Кроме ощущения потери времени, его бесполезности на фронте,

солдаты-крестьяне страдали от ощущения «неправильного» ритма, задававшегося в воинских занятиях. Это не совпадало с определенным, устоявшимся веками временным ритмом, к которому привыкли солдаты-крестьяне. Угнетало, что «тут за минуту никогда не скажешь, что через минуту будет с тобою. Это же сама можешь понять как тяжело»[1].

Ощущение комбатантами деления времени на нужное и бесполезное особенно остро ощущалось с началом зимы. Именно в это время депрессивные больные испытывали оцепенение и отчужденность. Для крестьянина это означало окончание земледельческого цикла, результат его трудов, ощущение особенной тесной связи с родными и близкими, восполняющей утрату дневного света, похолодание, погодные невзгоды. Это роднит его с депрессивным больным, особенно остро ощущающим потерю отношений с близкими и родственниками в осенне-зимний период. Больным кажется, что сам он и его родные и близкие живут в различные периоды года, в другом темпе жизни, за которым им уже не поспеть. Эти погодные ощущения и являлись причиной столь остро переживавшимися солдатами сезонных настроений, крайне резко сказывавшихся в их негативных настроениях, фиксировавшихся цензурой. Это объединяет комбатантов русской армии с депрессниками, «заболевавших» именно в осенне-зимний период, когда уменьшается количество световых дней, а также и весной, когда остро ощущается смена действия и возможность «догнать» привычный ритм. Возможно, эта причина, большее количество теплых и ясных дней, снижавших депрессивный эффект у больных, была в основе незначительности негативных настроений на Кавказском фронте. Сезонная депрессия была и причиной повышенной сонливости и потребности в еде, что играло свою роль в недовольстве солдат количеством занятий, нехваткой отдыха и пищи именно с началом зимы[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 304; Д. 3863. Л. 364; Справочник по психиатрии / под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 48, 50, 51; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 616об.

[2] *Хелл Д.* Указ. соч. С. 37, 119, 176–177.

Специфические ощущения переживал комбатант русской армии и в отношении пространства. При этом у него, подверженного стрессу адаптации, как и у депрессивного больного, ориентировка не страдала, то есть отношение к времени, пространству, вообще к целям, мотивам сохранялась. Они были ориентированы в собственной личности, месте и времени. Однако параметры ощущаемого пространства не отвечали реальной действительности. Как и время, пространство для комбатанта представлялось в двух измерениях: одно – боевое, военное, отвергаемое, где человеку нет места, включая позицию или чужую территорию. Другое пространство – свое, собственное, казавшееся сузившимся, не вмещающим возможности движения тела и принятого ритма деятельности. Солдат оценивал себя «как в гробу», «меж четырех стен форменного склепа», «места себе найти не может – словом, очень тяжело». Частым также является ощущение себя «как в тюрьме: никуда со двора не пускают всюду охрана». Именно так же, как сузившееся, ощущает свое пространство и депрессивный больной, который собственное тело воспринимает менее одушевленным, чем прежде. Именно потеря привычного пространства вызывает желание определить пространство наличное. Отсюда постоянные описания природы на предмет враждебности, вообще соответствия принятым критериям труда, отдыха, жизни. Отсюда такое острое восприятие наличного пространства как чужого и попытки найти ускользающее, уменьшающееся прошлое пространство. Как и у депрессивного больного, суженное наличное пространство пригодно не для продолжения привычной жизни, а скорее для ее погребения. Отсюда возникает желание «построить мосты» между первым и вторым пространством. В этом видится причина называния ориентиров местности передвижения, сообщения в письмах запрещенных сведений о пути передвижения комбатанта, все более удалявшегося от привычного пространства. Солдат-крестьянин боялся потеряться в «чужом» пространстве и сообщал свои «координаты» родным и близким. Такое наличное пространство ограничивает возможности, привычную работу, не оставляет для нее

места, является зримым (мысленно) ощущением тяжести ограничения движения, представляемого как долг, который невозможно выполнить по причинам связанности движений своего тела. Такое ограниченное пространство, связь с которым для крестьянина неразрывна, взаимоконтролируема, мешает выполнить долг по отношению к людям, привязанность к которым у него сильнее, чем когда-либо. Сужение пространства воспринимается как помеха, угроза привычному порядку. Суженное пространство мешает осуществить и личную цель, а отказ от нее означает проявление своей несостоятельности, пренебрежение своими обязанностями, что является причиной сильной душевной боли[1].

Как и обычные депрессивные больные, подверженные боевым психозам, комбатанты проявляли снижение энергии, вообще являющейся ядерным признаком депрессии. Снижение энергии не позволяет им закончить начатое дело, вызывает затруднения в работе и снижает мотивацию к тому, чтобы брать на себя новые дела. Вообще стремление к деятельности отсутствует. Им трудно начать какое-то дело, закончить начатое; снижается успеваемость, производительность труда. Иногда такое состояние называют адинамической депрессией. На первый план выступают слабость, бессилие, отсутствие побуждений и желаний, безразличие к окружающему. Главное – в нарушении в витальной сфере, в оцепенении и утрате чувств. В литературе отмечается, что это характерно именно для незападного мира, где депрессия выражается в нарушениях чувства собственного тела. Считается, что больные в этом состоянии находятся как бы в зимней спячке, которая помогает им пережить непосильную перегрузку. Другие психоаналитики интерпретируют депрессию как психобиологическую реакцию на факт утраты. Заболевший человек переживает биологические (двигательное оцепенение, вегетативные симптомы) и социальные следствия (напряжение, потерю социальной роли) как сторонний наблюдатель. Действительно, многие комбатанты ощущали

[1] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 141; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 331; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 208; Д. 2934. Л. 407; Д. 2935. Л. 542; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 43–47.

на сердце «камень, который много влияет человеку в его жизни» – так называемую, «витальную тоску». «Все время на душе лежит какая-то тяжесть, которая прямо давит, так буквально все время и чем дальше здесь тем больше», – жаловался солдат в письме. Другой солдат чувствовал, «что на сердце у тебя какой то камень». Третий солдат сообщал, что просто «тяжело бывает на душе»[1] и т.д.

Как и у всех депрессивных больных, у комбатантов, подверженных боевым психозам, наблюдалась целая гамма соматических (то есть связанных с организмом) болезненных или неприятных ощущений. Причем чем тяжелее депрессивное заболевание, тем более оно было соматизированным. При депрессии с вегетативными и соматическими расстройствами состояние больных определяется в первую очередь приступами сердцебиения, колебаниями артериального давления, потливостью, приступами рвоты. Нередки и депрессии, проявляющиеся в первую очередь соматическими эквивалентами — упорными болями в области сердца, стойким головокружением, расстройствами желудочно-кишечного тракта. Как правило, большинство заболевших локализуют неприятные ощущения в голове (чувство давления и тяжести) и в сердце и груди (чувство сжатия, сдавливания). Это те органы, которым придается символическое значение как вместилищу духа, ума и души. Комбатанты жаловались в письмах в первую очередь на тяжесть на сердце: «Нет никакой надежды что останусь в живых: дуже тяжко на серци»; «Тоска тяжелым камнем ложится на сердце и сосет грудь мою», – жаловался солдат. «Уже два года мучаюсь. Сердце изболело совсем вот-вот лопнет, я не знаю, что дальше будет, как это я все выдержу», – писал другой солдат. Другие солдаты также сообщали, что «сердцем болеют», что «что-то давит, сердце сжимает все сильнее и сильнее»... «В сердце получаются какие то не то спазмы, не то перебой, в глазах зеленые круги, звенит в ушах», – то есть присутствуют отчетливые депрессивные симптомы тяжелой степени. При этом стоит отметить, что эти болезни

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 325; Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 156; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 616об.; Д. 2937. Л. 259, 81об.

«сердцем» совсем не мешали активно участвовать в военных делах, даже мечтать о наградах[1] и одновременно страдать от ужаса жизни, но преодолевать страх смерти.

Депрессивное состояние больных психозами войны определило и разбалансировку других биологических ритмов, что видно из симптоматики в сенестопатической сфере в виде неприятных и крайне неопределенных ощущений в различных частях тела. Среди таких расстройств были запоры, головные боли, сон, аппетит и т.д. Среди вегетативных симптомов выделяется снижение двигательной активности, а среди вегетативных функций – выделение слюны и нарушение деятельности кишечника. Аппетит и половая возбудимость понижены. Вследствие этого депрессивный больной внешне выглядит как неподвижный. Больные на фронте жаловались на желудочные боли. У одного такого солдата эти боли усиливались до предела и в боевой обстановке, особенно по ночам, и «доводили до отчаяния». Вместе с отсутствием воды в окопах, ураганным огнем противника они создавали «ужас, ужас, без конца»[2].

На последнем стоит особенно остановиться подробнее, учитывая значительность жалоб солдат на плохую пищу на фронте. Вполне возможно, что это было вызвано как раз их болезненным, депрессивным состоянием, при котором аппетит, как правило, отсутствует, а пища кажется «как трава». Для других же больных характерно, наоборот, повышение аппетита, прибавление в весе и увеличение периода сна. Психиатры отмечали, что пониженное настроение рождает интоксикацию всего организма, что приводит к изменению деятельности желез внутренней секреции. В организме развиваются процессы самоотравления, вплоть до появления ядовитой слюны. Это, конечно, сказывалось в восприятии как невкусной и даже испорченной. Надо полагать, именно это было настоящей причиной жалоб на «плохую пищу», а не злонамеренность интендантов, счи-

[1] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 58; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 106; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 20, 50об., 63; Д. 2934. Л. 188; Д. 2935. Л. 504об., 303.

[2] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 58; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 325; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 125; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 375.

тающаяся одной из главных причин недостаточной стойкости русских солдат в несении военной службы[1].

Другим нарушением, свойственным депрессивным больным и отмечавшимся у больных «психозами войны», являлось нарушение сна, то есть они как бы вынуждены бодрствовать дольше, чем здоровые. Приблизительно 80% больных жалуются на нарушения сна, особенно на то, что они просыпаются утром слишком рано (так называемая терминальная инсомния) и часто пробуждаются по ночам, причем во время этих пробуждений они заняты переживанием своих проблем. Расстройства сна проявляются бессонницей, неглубоким сном с частыми пробуждениями или нарушением чувства сна[2].

Но не просто сбой биологических ритмов или синестопатические ощущения являлись показателем болезненности депрессивных больных на фронте. Все сознание их было гиперболизировано, болезнь оценивалась вообще как неизлечимая. Больные депрессией считают, что у них смертельные соматические заболевания, так называемая ипохондрическая депрессия. Так, например, один такой «здоровый» больной сообщал с фронта: «Вы знаете, как живут в окопах, я буквально гнию»[3].

У части больных имеются выраженные нарушения мышления, часто блокирование мыслей, крайняя скудость содержания речи или выраженная обстоятельность. Также в этом случае нарушается память. При этом способность реагировать на внешние раздражители также уменьшена[4].

---

[1] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 325; *Гервер А.В.* О душевных расстройства на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 797; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 53; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76; Д. 3863. Л. 12, 375; Царская армия... С. 29; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л. 1927. Т. 2. С. 74; *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 27; *Он же.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 56.

[2] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 122, 126; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 320, 325; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142.

[3] *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 141, 142; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 330; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76.

[4] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 331; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 42,

Депрессивное состояние вызывало также сбой в сексуальной активности, вообще снижение либидо[1]. Этими симптомами можно объяснить особенную озабоченность солдат интимными отношениями как на фронте, так и их отношениями со своими женами, в верности которых возникали серьезные сомнения. В целом сбой сексуальной активности и обусловленные этим страхи и опасения привели к амбивалентным отношениям к женам и женщинам вообще, образовали синдром женоненавистничества.

На фоне несовпадения биологических ритмов возникали симптомы дереализации и деперсонализации. В сущности, это являлось двойным ощущением пребывания тела одновременно в двух ритмах: настоящем – на войне, и привычном прошлом – в домашней обстановке. Именно так и описывает свое состояние один из солдат: «Я не служу, а только мучаюсь, моя только тень служит и ходит на позиции, а я весь дома». Такое состояние описывается как двойная ориентировка, или редупликативная парамнезия. Депрессия с деперсонализацией и дереализацией характеризуется утратой чувств (психическая анестезия); иногда это состояние сопровождается мучительным чувством бесчувствия, нереальности, призрачности окружающего мира, утратой любви к близким, исчезновением эмоциональных реакций, расстройством чувства сна. Сознание может переместиться за пределы тела, когда оно воспринимается субъектом как бы со стороны, или раздвоиться, давая одновременное восприятие изнутри и снаружи. Окружающее может восприниматься столь же измененным (аллопсихическая деперсонализация, дереализация), другие люди – мертвыми, искусственными, автоматоподобными. В высказываниях солдат, в фольклоре отражены ощущения «отрыва души от нужного», или представления души как «не своей, чужой, казенной, общей», или жизни как бы рядом с душой. Порою оторванность от души представлялась как возможность «гулять без души, как в атаку идти». Представление себя как будто мертвым, оторванным от людей, «будто в гробу», – характерное явление при

109, 110; Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56.

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 315, 322.

депрессии: «Нет во мне ни страху, ни радости. Мертвый я будто. Ходят люди, поют, кричат. А у меня душа ровно ссохшись. Оторвало меня от людей, от всего отшибло и не надо мне ни жены, ни детей, ни дому – вроде как слова такие забыл. Ни смерти не жду, ни бою не боюсь...обмокла кровью душа и пошли думки разные...и нет во мне добра к людям...и стал человек ровно свинья»[1].

Депрессивное состояние больных психозами войны затрагивало и мыслительный процесс. В этом случае депрессивные больные обычно отрицательно смотрят на мир и на самих себя. Содержанием мыслей обычно являются размышления о потерях, своей вине, суициде и смерти. Очень часты у окопников бредовые идеи меланхолического содержания, в частности – греховности, вообще частой темы больных, подверженных депрессивному состоянию. Идеи самообвинения, греховности – очень популярный мотив в письмах солдат, даже в фольклоре. В одной песне, например, поется, что война пришла «не по нашей по волюшке, по Божией», или «по времени и по всем грехам». Солдат пишет в письме: «Надоело переносить все эти лишения и невзгоды... уж больно тяжело стало это бремя греховное... Ведь не машина же человек... Когда-нибудь испортятся его силы...» Данное письмо, кстати, адресовано священнику в Киево-Печерскую лавру, откуда исходила пропаганда вообще идей греховности России, за что ей богом и была якобы послана война как шанс для очищения. Иногда такие считавшиеся здоровыми солдаты все же попадали в больницу. «Через мои грехи началась война», – считал депрессивный больной Военно-медицинской академии. У другого больного того же учреждения, солдата-крестьянина, отмечались маниакальное состояние, дезориентированность, агрессивность, галлюцинации, отказы от пищи, неопрятность, быстрый переход в депрессию, идеи греховности, желание умереть, слезы. В заведениях же общественных организаций больные с депрессивными психоза-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 188; Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 58; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 231–232; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М; Л., 1928. Т. 1. С. 133; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С.126; М., 1990. С. 69, 73, 75, 81, 127, 132.

ми в тяжелой форме с бредом самообвинения, греховности перед Богом и царем составляли самую большую группу. Идеи греховности и вины следует рассматривать как признание своих ошибок, прежде всего перед утерянным социумом, родными и близкими, то есть проявление тех же печали и тоски. Констатация этих чувств приближает тех, кто их проявляет, к западной культуре вины, что, кстати, широко поддерживалось Русской православной церковью, в отличие от культуры стыда, характерной для народов Востока[1].

Бред виновности и греховности составляет одну группу с бредом собственной никчемности, что также проявлялось в ощущениях комбатантов. Это часто было неразделимо с бредом обвинения и осуждения, когда больные считают, что их обвиняют в неблаговидном поступке или преступлении, которого они не совершали, но выражают готовность понести любую кару. Идеи самоуничижения, никчемности, малоценности, составляющие общую группу бреда виновности, представлены как в письмах, так и в фольклоре. Солдаты представляли иногда себя как «живого мертвеца на подобие животного в грязи и в песке», или как «ровно свинью». «Никому нет дела, ни до души, ни до тела», – делал другой солдат мрачный вывод о своем призвании на фронт. «Пес», «собака» – обычные самохарактеристики солдат: «что млад, что бородат – на войне псу брат». Ощущение ненужности себя порою представлялось как противопоставление всем:

Зачем ты, мать, меня, родная,
Зачем на свет произвела,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой облекла.
Шинель меня переродила,

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 324, 330; *Гервер А.В.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 799; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 30, 50; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 146; *Алабовский М.В.* Поучение на день памяти святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа и тезоименитство Его Императорского Высочества наследника Цесаревича Алексея Николаевича // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 431. Л. 308об.–309об.; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 29, 108; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 34; *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 11.

Шинель свободу отняла,
Шинель все члены мне сковала,
Врагом отчизны назвала.

В другой песне солдаты пели:

Вы, солдатики, не люди,
Вас и девочки не любят,
Послужив годочков шесть,
Наросла собачья шерсть.

Многие из солдат испытывали ощущение какого-то издевательства над собой, полагали, что кто-то стремится их добить и для этого бросают то на один фронт, то на другой, или – «избить народ, чтобы им жилось вольнее и больше ничего а людей считают как насекомое», или чтобы «всех... подавить, то побить, то покалечить, а мое поколение отяготить налогами». Все это рождало чувство глубокой личной обиды:

Дым кругом,
Горит Россия.
Немец крепко мстит.
А со всех сторон нажимают,
А бедный крестьянин вглубь удирает.

И в письмах та же «горькая обида, не заслуженная»: «Все у нас отвалилось, ничего не мило ничем, мы кругом виноваты, все на нас отыгрываются», а «мы ведь не изменники, а защитники родины». Цензоры даже отмечали наличие в связи с этим саркастического взгляда на самих себя среди солдат, в чем, в частности, проявлялась так называемая ироническая (улыбающаяся) депрессия[1]. При этом характерна была и резкая критика начальства.

От идей греховности, самоуничижения, беспросветности, суицида легко переходили к пацифистско-песси-

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 142, 330; Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 57; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 161; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 218; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 261об., 272, 361об.; Д. 3856. Л. 188; Д. 3863. Л. 58; Царская армия... С. 30, 32, 33, 39, 73; *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 133; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 871.

мистическим настроениям типа: «Человечество сошло с ума и потому занялось самоистреблением». Письма соответствующие: «Мир утопает в крови и не ищет спасенья. В безумной братоубийственной бойне люди хотят найти какое-то благо, но найти его не могут и не найдут, а создадут для себя еще более горькую жизнь... Все устали, измучились до упаду, пережили адские страдания... Положение шаткое и неуверенное в благополучном исходе. Настроение мрачное и подавленное». В другом письме спрашивается: «Скоро ли наступит конец этой кровавой расправе, стоящей столько жизней, что уму непостижимо. Вот где настоящий ад, думается, хуже этого ада нигде не встретишь». В следующем письме сообщается: «И до невозможности все страдают, а с этой войны никакого толку нет, только избиение рода человеческого». Еще один солдат пишет доверительно, как будто узнал главную тайну: «Война есть искусственное истребление всего вообще, а не только людей... Это пишу тебе, моя дорогая, для того, чтобы ты имела правильное понятие о войне и не считала бы, что война посылается Богом; война есть дело рук и умов хитрых людей, ею как следует пользуются, или через корыстные цели направляют дело так, что возгорается война». И наконец, вопль отчаяния, предвестник меланхолического взрыва: «Как мне скучно и грустно, что мне одна тоска съедает и как мое положение я уже обдумал все об этой войне, что когда ей конец никак не видать, что наш брат сидит в окопе как какой-нибудь зверь в норе я уже проклял эту войну. Это разве от бога дано, что я убиваю и также меня, это не от Бога, Бог дал нам жизнь, чтобы мы жили друг для друга не убивали чтобы помнили шестую заповедь»[1].

Те же чувства печали, утраты выражаются нигилистическим бредом (бред отрицания), встречающимся также у больных военными психозами. У больных возникает убеждение, что они утратили дом, семью, родных, близких или они лишены внутренностей, которые сгнили, у них нет мозга, тела и т. д.. Сюда же можно отнести встречавшиеся среди солдат идеи обнищания, также характерные

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 420; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 138об.–139; д. 2932. Л. 169.; Д. 3863. Л. 70, 421об.

для депрессивных больных, – так называемая депрессия с нигилистическим бредом: идеи ущерба, утраты, бедности. В нашем случае это подтверждается огромной перепиской с опасениями за свои семьи, хозяйство, со страхом перестать быть «хозяином», стать «нищим».

Озабоченность дороговизной была одной из причин «настроений не о войне» или просто мирных настроений. «Куда ни взглянешь, кругом война, здесь убивают, а дома обдирают», – писали солдаты. Характерны также высказывавшиеся солдатами ожидания своей гибели и гибели своей семьи, гибели всех дорогих и близких людей. Здесь как нельзя лучше выражена печаль как стремление обрести вновь привязанность – главным образом к домашнему очагу. При этом у больных депрессией наблюдаются амбивалентные чувства по отношению к своим родным. С одной стороны, подверженные депрессии проявляют печаль в связи с отсутствием или утратой близких и родных. Без них ему кажется, что жизнь идет мимо («спотыкающееся продвижение по жизни»). Радости у других или во время праздников подчеркивают его отставание от жизни. При этом окружающий мир и близкие люди становятся мерилом его отставания. В результате больные, боясь «выпустить из рук» свою самокритику, столь необходимую для оценки собственного состояния, стремятся изолировать себя от окружающих, тех же родственников и друзей; больные не в состоянии соответствовать эмоциональному настрою близких и живут в соответствии со своим замедленным темпом «в другом времени». Такие отношения возникают обычно и со стороны самих близких. Жалобы депрессивных больных часто бывают поняты превратно, как обвинение, особенно тогда, когда они произносятся в депрессивно-раздраженном тоне. Причиной этого является эффект принуждения к помощи со стороны больного, что близкими расценивается как злонамеренные манипуляции. В этих случаях они требуют, чтобы больной сам «взял себя в руки» и т.п. В определенном смысле ведь и партнеры, как правило члены семьи, близкие, сами находятся под воздействием больного, живя, в сущности, под воздей-

ствием стрессовой ситуации, тем самым попадая в конфликт «приближения–отстранения». Именно действие указанных механизмов усиливало у солдата недоверие, даже враждебность к семье, близким, родным, друзьям, и все они испытывают постоянное внутреннее недовольство и раздражение[1].

Симптомы реактивных состояний, вызванных обстоятельствами войны, многочисленны. Но чаще всего проявлялась ностальгия. Однако сама «ностальгия» есть всего лишь проявление депрессивного синдрома, который составляет около 60% всех реактивных психозов. Эта форма реактивного состояния, возникающая у лиц, чьи связи с родиной прерваны полностью или частично, отражена в более 90% всех писем. Отгороженность с постоянным возвратом к мыслям о родине, о которых не говорят окружающим, нарушение сна, аппетита, идеализация родины, семьи, хозяйства, самого ландшафта видны не только в письмах, но и в многочисленных произведениях фольклора. Тяга солдат домой превратилась в проблему отпусков в армии, а командование тоску по родине считало проявлением патриотизма и широко шло на предоставление отпусков, особенно старослужащим, на полевые работы и т. п. Впрочем, рецидивы такого отношения к солдатам имели место даже в 20-е гг., когда некоторые психиатры считали оправданным широкую практику отпусков для предотвращения депрессий («угнетения»)[2].

---

[1] *Гервер А.В.* О душевных расстройствах на театре военных действий // Русский врач. 1915. № 34. С. 799; Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 56–58; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 330; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. 12об., 223; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484об., 516; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 257об.; Д. 2932. Л. 438; Д. 2934. Л. 505; Д. 2935. Л. 39; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 16–16об.; Д. 1673. Л. 902; *Гервер А.В.* Указ. соч. // Русский врач. 1915. № 34. С. 799; *Хелл Д.* Указ. соч. С. 51, 52, 54, 57, 72–75, 142.

[2] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1259. Л. 48-49; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 12а, 39, 39об., 61; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2об., 44, 58, 76, 79, 246, 335об.; Д. 905. Л. 23, 28; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2832. Л. 308; Д. 2930. Л. 65об.; Д. 3845. Л. 151об.; Д. 3863. Л. 585; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 285; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 67, 69, 90; *Люстрицкий В.В.* Профилактика душевных заболеваний в действующей армии / Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. № 1. С. 215–219.

Основным признаком ностальгии является чувство утраты, потеря зависимости от источника защиты и душевного комфорта, каким для солдата-крестьянина является его семья. Однако особенностью проявляемой печали является одновременно непризнание окончательной утраты связи с родными. Хотя депрессия, в сущности, является печалью по прошлому, однако вместе с этим это прошлое не признается полностью утраченным. Подлинная печаль не переживается в депрессии, потому что утрата не рассматривается как окончательная. Как говорит аналитик депрессивных состояний Д. Хелл, мы обнаруживаем основное чувство «печали, которое беспечально переживается в депрессии». Утраченное хозяйство, семья продолжают жить рядом, о них проявляется постоянная забота. Человеку в этом состоянии еще представляется по силам справиться с этой проблемой. Некоторые психоаналитики даже полагают, что в выражении лица у большинства депрессивных больных констатируются «ярость» и «страх». Это значит проявление готовности к восстановлению утраченной связи. Это означает готовность вступить в бой за новое обретение связи с родными и хозяйством. В нашем случае такое состояние депрессии является свидетельством готовности солдата бороться за обретение всех параметров прошлого состояния, а может быть, даже и улучшить их[1].

Основная тема депрессии – необходимость разлуки, прощания при невозможности признать свершившееся, будь то утрата или разочарование в основополагающих чувствах. На волне отчуждения от целей войны, враждебности даже к своим родным и близким проявлялись в большой мере дисфорические чувства: постоянное внутреннее недовольство и раздражение, так называемая «дисфорическая» (брюзжащая) депрессия, выражавшаяся в раздражительности, брюзжании, чувстве тоски и неудовольствия, распространяющихся на все вокруг и на собственное самочувствие, в склонности к вспышкам ярости, агрессии против окружающих и самого себя; нередко возникает чувство отвращения к жизни. У солдат

[1] *Хелл Д.* Указ. соч. С. 139, 156, 157, 165, 235–236.

это, в частности, выражалось в поиске врагов. Эти идеи активно сочетались с идеями преследования. Солдатам казалось, что их преследуют и немцы, и русские в качестве «внутреннего врага», предателей. В целом в сознании солдат родилось огромное количество «внутренних врагов» [1], существование которых в той или иной мере объяснялось социальными проблемами, но патологическая сторона такого количества и активного поиска врагов представляется очевидной.

Некоторые судебные дела, сразу становящиеся важными источниками для истории антивоенного и даже революционного движения в русской армии, одновременно являются материалами по психопатологии, вызванной психогенной ситуацией войны. В нашем распоряжении оказались выписки из походной тетради фельдшера 51-го казачьего Донского полка С. Ермольева, осужденного к трем годам арестантских и исправительных работ за распространение пораженческих настроений. В этой тетради представлен полный набор симптомов личности в состоянии депрессии. Дневник полон пессимистических высказываний о перспективах противостояния русских войск с противником, о якобы бесчисленных случаях предательства как основной причине поражений русской армии. Автор явно склонен к слухам пессимистического, а порою и бредового содержания (продажа крепости Ковно «за мешок золота»); ему всюду слышится «ужасное и страшное». Его главные информаторы – бродившие солдаты, отыскивавшие свои части, которые высказывали «полнейшее разочарование в войне», ссылаясь на несправедливое отношение к службе офицеров и начальства. Автор и сам большое количество времени проводит, бродя и разыскивая свою часть. «Повсюду измена,

---

[1] Справочник по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского. М.: «Медицина», 1985. С. 57; *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Указ. соч. С. 142; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 34, 106об., 123об., 191–191об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47об., 62; Д. 1184. Л. 18, 116, 123, 164, 165, 168, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16об., 22об.–23, 110об., 128, 253, 305об.; Д. 905. Л. 14об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 171об., 350об.; Д. 2935. Л. 229, 278об., 362, 382; Д. 3845. Л. 333; Д. 3867. Л. 762об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 141об., 541 об.; Д. 1673. Л. 213, 282об.; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 134; М., 1990. С. 316.

продажа и подлоги» – постоянный рефрен фронтовых заметок автора. Словно для дополнения своего психического состояния, автор упоминает и о физиологических ощущениях, ему сопутствующих: «Голова была расстроена мысли бродили всякие... На душе в течение дня чувствовалось сильное волнение и просто сердечная боль. Во первых через то, что отстали от сотни и обоза, а во вторых... связи ни с кем и никто про нас не знает. Ужасно страшно». Интересно совпадение взрывов меланхолии, как правило, с задержкой ритма деятельности. В одном месте говорится: «Вот уже более часу лошади стоят заседланы, а курка нет... а почему то думалось: Господи, да когда же прекратится эта бойница, этот напрасный перевод людей... а умирать ни за что...» И тут же претензии к начальству, которое «злит своими изменами и продажами России», одновременно относясь к солдатам, как «к навозу» и т. д., и т. п.[1]

В качестве выхода из депрессивного состояния в письмах содержится множество высказываний, имеющих характер навязчивых идей. Подавляющая часть их относится к ожиданиям мира. Уже с августа 1914 г. в письмах появились сомнения «относительно солдат», «что нам нечего думать о победе». В это же время свидетели сообщали: «Настроение таково, что если бы дать им свободу выбора, то 95–97% тотчас же уехали бы к своим “очагам”». А в октябре того же года впервые появились слухи о мире. С этого времени слухи и высказывания о мире стали важной темой солдатских писем. В октябре 1915 г. в некоторых корпусах патриотических писем всего было всего 10% при «жажде мира» в 7%. В январе 1916 года цензура отмечала: «Дух армии пал, жажда мира разлагает». С марта 1916 года цензура ввела специальную рубрику «о мире». Особенно часто проблема мира обсуждалась после «мирных предложений» со стороны Германии и ответных приказов по армии Николая II в декабре 1916 г. В 1917 году пожелания мира приобрели характер политических инвектив. О мире писали в письмах, сочиняли стихи и песни, передавали слухи, высказывали свои по-

[1] РГВИА. Ф. 2116. Оп. 1. Д. 281. Л. 92–92об.

желания начальству, как только оно давало повод и саму возможность этот вопрос обсуждать. Слово «мир» искали в каждой газетной статье или в приказе. Все суждения солдат о мире носят оттенок навязчивых идей, опять же вполне объяснимых в той ситуации. Вот характерная солдатская мечта: «Когда же мы увидим ясный день и нам и всему народу является, что война закончилась и мы борцы драгоценной своей родины возвратились бы в свои родные берлоги». Ожидание мира рождало яркие образы: «Только одно что скука. Миру нет, не дождешься этой минуты, пока скажут мир; тогда и весь свет повеселеет, даже птички запоют, жаворонки запорхают, людские души зарадуются, солнце и небо ярким взглядом и веселым светом взглянут». Мира ждали от Бога, желали «хотя бы кусочек» его друг другу, хотели его больше чем победы, ловили каждое слово из газет, сетовали, что мир «где-то пропал», «едет на быках», мечтают о «всепаратном мире» уже летом 1915 г., в общем, «мира ждут и не могут дождаться», – сообщала цензура. В чтении газет старались услышать что-нибудь о мире, «а услышишь так сердце и забьется как голубь так и рвется на волю, когда читают газету да нет о мире ничего, то отворотишься да и прочь пойдешь так и скажешь что нечего и слушать...» Миру посвящали стихи:

Вечер был, сверкали звезды,
Издавая лунный свет,
Год 16-й проходит,
А войне конца все нет.
Боже, говорят солдаты,
Скоро ль кончится война,
От страданий ежедневных
Скоро будет нам хана...

Порою ожидания мира приводили прямо к галлюцинаторным явлениям. Один солдат писал: «Мысль о приближении сладкого мира, прямо сердце в трепете, неужели это возможно, что такая радость будет на Рождество всему свету и сколько молебней тогда будет исполнено в честь и славу Вышняго. Прямо с утра я только удивлялся, а чем

дальше, тем больше замечтаюсь о такой сладкой, счастливой возможности и прямо все сердце подпрыгивает от такой радости. Неужели это возможно. Представь себе, что до самого вечера сегодня не было ни одного орудийного выстрела и прямо навязывается мысль, что мы находимся как будто в перемирии»[1].

Часто пожелания мира носили форму бреда – то есть «идей, суждений, не соответствующих действительности, ошибочно обосновываемых и полностью овладевающих сознанием больного и не корригируемых при разубеждении и разъяснении»: бред и галлюцинации, соответствующие депрессивному настроению, называются гармоническими, или конгруэнтными. Имели место проявления бреда особого значения, когда различным событиям придавался особый смысл, главным образом – в плане достижения скорого мира. Так, приближение мира «доказывалось» тем, что, «по видимому в его нет войска и сами пленные говорят что скоро будет мир», и потому что «наши успехи очень хороши, неприятель от нас тикает, много забрали в плен», и потому что «в Германии уже нет резерва, а в Австрии подавно». Встречался и бред параноидный – то есть с идеями неблагоприятного воздействия на больного, преследования, ущерба. По мнению одного солдата, «мир будет длиться згод и заберут всех остальных калек и стариков, когда всех прикончат тогда и будет мир». Есть пример образного бреда с фантазиями, грезами, так называемый чувственный бред. По мнению одного корреспондента, «скоро, скоро Австрия и Германия будут просить миру, скоро они рухнутся и падут в ноги нашему государю, умоляя его помириться; согласны будут на все условия». Очень много было утверждений, что Германия якобы мир объявила, предлагала России, но Николай II не согласился. Особенно много было слухов о непосредственных датах скорого мира: то к Рождеству, то к Новому году, но чаще всего, в соответствии с крестьянской ментальностью,

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 83, 194, 388, 435; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 12; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 163об.; Д. 1184. Л. 22об., 117, 921; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 247; Д. 3845. Л. 467об.; Д. 3863. Л. 354; Ф. 2139. Оп. 1. 1671. Л. 99; Д. 1673. Л. 261, 292об., 293.

ожиданием конца трудовых будней – осенью. Здесь существует громадное количество высказываний. Есть высказывания о мире осенью без всякого объяснения: «Мы уже ожидаем к осину миру потому что уже должен мир быт не дальше осину». Некоторые высказывания мира просто комичны, характеризуются бессвязностью мышления – то есть утратой способности к отражению действительности в ее связях и отношениях, элементарным обобщениям, к анализу и синтезу. Например, уже в октябре 1914 г. появились слухи: немецкая придворная партия во главе с Александрой Федоровной хочет заключения мира. Но Николай Николаевич (в то время Главнокомандующий русской армией) «прилетает в Петроград из армии, произвести здесь разгром, а государя увозит с собой в армию». Содержание этих бредовых представлений встречалось и у попавших в психиатрические больницы. Один пациент клиники Военно-медицинской академии утверждал, что он побил целые полки немцев, забрал много в плен, излечил русского генерала, а также что «прилетал аэроплан Великого Князя Николая Николаевича и присудил ему золотой крест». Часто фактические картины бреда в исторической литературе рассматриваются как проявления чуть ли не антивоенных настроений. Например, бомбардир 2-й батареи 42-й артиллерийской бригады, бывший крестьянин-хлебопашец Иосиф Петрила был осужден за то, что рассказывал «вольному народу», что 33-я артиллерийская бригада сдалась в плен за неимением снарядов и что когда посылали за снарядами, то им прислали по 10 мешков муки на каждую батарею, что два генерала продали Галицию и он, Петрила, видел их арестованными, что «у нас нет хорошего начальства, которое лишь только пьет и гуляет и больше ничего не делает». При этом выясняется, что этот солдат в мае был оглушен выстрелом, то есть контужен, лечился в двух госпиталях. Здесь мы имеем явный случай послеконтузионного бреда, что не помешало военным властям послать его на каторжные работы на 4 года, а историкам-архивистам отнести данный документ в рубрику «революционное движение в армии». В письмах из 2-го кавалерийского корпуса в июле – августе 1915 г.

много говорилось о «замирении», «но не в смысле желания мира, а в смысле только возможного заключения мира по предложению Германии, которая якобы просит мира у России, возвращая нам все занятые ею наши области и уступая нам всю Галицию до Карпат, но с условием, что заключение мира возможно будет после нашего вступления в Берлин». Другой корреспондент сообщал: «У нас слышно, что скоро будет мир, немец отдаст всю Польшу, только чтобы наш Государь мирился». Следующий утверждал: «Мира нет, совсем было заключили мир да грамотных не оказалось расписаться то значит опять будет продолжаться война до неизвестного времени». С точки зрения другого: «Боев нема уже полтора месяца стоим. Стрелять не приказывают. Уже мир есть, только не объясняют». Вообще слухи о скором мире были настолько фантастичны, что даже у цензоров вызывали недоумение: «Толки о мире в армии не прекращаются, а будто даже усиливаются. В письмах назначают месяцы и даже числа, когда, по мнению авторов, должен быть заключен мир. Порукой тому служат беспорядки в Германии, происходящие на почве дороговизны и голода. Но большинство рассуждающих, а вернее жаждущих мира, не приводят никаких реальных показателей в пользу заключения его. Их предсказания туманны и смахивают на лжепророчества. От читателей писем требуется вера в написанное и больше ничего. «Не тоскуйте, скоро будет мир», – пишет один из таких пророков. Почему будет скоро мир, он, конечно, и сам стал бы в тупик перед таким вопросом. А в годы революции мы видим уже новый виток бредовых по форме идей среди солдат, типа необходимости учреждения республики с хорошим царем, или таких: «Обсуждали вопрос о созыве Учредительного собрания, о земельном вопросе и о войне решили продолжать войну до победного конца, то есть не нужно нам разгромлять германскую армию, а именно заключить такой мир, чтобы никто никому ничего, словом почетный для нас»[1].

[1] *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 330; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Л. 505. Л. 435; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 109об., 122, 136–136об., 158, 260, 271, 362об., 391, 816; Д. 3863. Л. 574об.; Ф. 2116. Оп. 1. Д. 69. Л. 18, 39–39об., 45–45об., 69; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 192об., 261.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 73.; *Преображенский С.А.* Указ. соч. С. 127; Справочник по психиатрии. М., 1985. С. 45.

К бредовым идеям могут быть отнесены и выше охарактеризованные при депрессивном психозе идеи самоуничижения, виновности, греховности, преследования, громадности и отрицания (всеобщая гибель, мировые катастрофы), инсценировки, то есть специально задуманной и ведущейся войны для всеобщего истребления. В качестве бреда индуцированного можно рассматривать и самое широкое распространение в виде слухов вышеперечисленных бредовых по форме и содержанию идей. Для этого были все предпосылки: сама указанная травматическая, продолжающаяся с непрерывным нарастанием ситуация – война; качество реагирующей ослабленной и истощенной психики малограмотных (то есть вообще склонных к подражанию) в большинстве своем солдат, часто земляков, готовых верить друг другу; длительность проживания вместе; длительность воздействия пассионариев (индукторов бреда); непрерывный, массивный и кумулятивный характер психической травматизации; аффективная окрашенность бреда; широта передаваемых психотических вспышек – бреда, иллюзий, галлюцинаций; обманы чувств (это касается якобы плохой пищи); истерии. В годы революции солдатские массы широко разделяли уже систематизированный бред, будучи под воздействием психотических личностей, членов политических партий. Индуцированный бред, принадлежащий к группе социо-аффектогенных психозов, по существу, содержит большое количество форм психической индукции, большинство которых относится к норме, что делает его чрезвычайно эффективным. Но это уже относится ко всем рассмотренным психическим болезням «здоровых», подвергшихся психосоциальному стрессу. Именно индуцированный бред лежит в основе «массового переживания», образующего мощную основу деятельности населения в переломные исторические эпохи[1].

Рассмотренные симптомы «здоровых», подвергшихся психосоциальному стрессу, несомненно, демонстрируют их состояние как больных. Но если бы это относилось к

[1] *Погибко Н.И.* Индуцированные психозы. М.: «Медицина», 1970. С. 24, 34–35; *Эрисман Ф.Ф.* Психология масс // Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности профессора Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 70–74.

одному пациенту. Однако насколько это можно отнести к целой категории социальной группы? Для этого необходимо масштабное историко-психиатрическое исследование с применением статистических методов, научной методологии. В настоящей статье автор ограничивается только рядом наблюдений из уже имеющегося материала, обобщая количественные данные, представленные в цензурных отчетах. Что касается последних, то нет смысла их игнорировать как необъективный источник. Ведь скорее цензоры замалчивали бы факты «угнетенного» настроения и больше бы приводили примеров «патриотического», «бодрого» настроения, чем это представлено в материалах цензуры. Однако картина именно такова, как она представлена. При этом власти впоследствии даже критиковали цензоров за якобы необъективную, то есть приукрашенную картину настроений в армии[1]. Думается, что те около полутора тысяч цензоров, которые ежедневно проверяли 100–150 писем каждый, работая по выборке в 3%, руководствуясь инструкциями о необходимости объективных и адекватных оценок морального состояния армии, могли быть субъективными лишь в том, что сами разделяли некоторые иллюзии корреспондентов.

Отмечается громадный процент именно психопатологических признаний корреспондентов. Его можно рассчитать по цитированию писем обычно из приводимых 80–100. Такие письма занимают обычно 10–15%, что превышает количество реальных больных в 20–30 раз, и, следовательно, относятся в основном к характеристике болезненных состояний практически здоровых комбатантов. Необходимо учитывать также, что цензоры работали по случайной выборке, следовательно, реальное количество психотических случаев будет даже еще больше. Но главное, многие цензоры даже не выясняли характер реальных настроений своих корреспондентов. Они характеризовали как «безразличные» письма, в которых речь шла об опасениях за семью, за собственный достаток, а самая большая часть – прямо содержала ностальгические высказывания, в которых цензоры видели проявление «патриотизма».

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4211. Л. 24.

Например, в одном обзоре за июль 1915 г. читаем: «Почти в каждом письме говорится о мире. Но это объясняется не ослаблением энергии и мужества, а страстным желанием скорее увидеть свой дом, в особенности теперь, когда идет уборка хлеба». В другом обзоре за это же время в 20–30% корреспонденции отмечаются пожелания скорейшего окончания войны в связи с желанием видеть родных и тоской по дому, или «мирную тенденцию» в 30–35% писем. Цензоры полагали, что «непременным условием окончания войны» солдаты считают «полную победу». При этом в цензуре не могли отделить явно угнетенное настроение от патриотического. По мнению составителя одного обзора, «надежды на близкое окончание и непременно в настоящем году так и выливаются наружу, толков о мире нет. Есть только желание мира». Цензуру вполне удовлетворяло и такое объяснение «патриотического настроения»: «настроение бодрое, хорошее, но хочется домой»[1]. Невольно напрашивается мысль, не заражались ли сами цензоры, а через них и командование, солдатскими письмами, в которых они иногда усматривали оптимистическое настроение.

Существуют и прямые цензорские подсчеты в процентах настроения в армии. Обращает внимание процент «мирных» настроений. Он постоянно составляет 3–10% и часто поднимается до 20–30%, а в декабре 1916 г. до 50%. Это намного больше того уровня, когда, например, во Франции в 1917 г. 15% мирных писем свидетельствовали о «моральном кризисе» во французской армии. Получается, что с этой точки зрения русская армия вообще постоянно находилась в «моральном кризисе». Об этом же свидетельствуют такие немыслимые с точки зрения солдат западных армий действия, как массовые братания и отказы идти в бой, имевшие место еще до Февральской революции. С точки зрения западных психиатров, такие действия воинов возможны только в состоянии «сумеречного сознания» или иного психопатологического аффекта[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 18, 20, 45; Д. 3856. Л. 54, 284.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 147, 225; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2; *Добротворский М.Н.* Обзор литературы по вопросу о травматическом психоневрозе (1915–1918 гг.) // Научная медицина. 1919. № 1. С. 134.

Все перечисленные факты и наблюдения свидетельствуют, что психопатологическими формами различных отклонений были охвачены значительные массы солдат и офицеров русской армии – не менее чем 20–30%, а по существу – ее большая часть, что и показали революционные события.

Уже давно было отмечено, что, с точки зрения физиологических реакций, такие болезни – это психогенная реакция, представляющая собой механизмы регуляции биологических форм защиты, которые включаются у современного человека перед лицом непосредственной угрозы. «С объективной точки зрения» эти реакции считаются «неадекватными» реакциями на социальную среду. Они имеют характер генерализированных рефлексов и носят тормозной характер. В ответ на сильный раздражитель нервная система реагирует торможением. И образуется так называемый вытесненный комплекс, то есть заторможенная реакция на сильный раздражитель. В сущности, этой психоаналитической точке зрения не противоречит «материалистическая» концепция неврозов, вызванных психогенными реакциями. По мнению советского психиатра Ф.И. Иванова, в трудных жизненных ситуациях нервные механизмы «срабатывают» автоматически. Происходит «сужение сознания» – сосредоточение на узком круге переживаний с забыванием и выключением из сознания всего остального.

В некоторых работах эти идеи выражены вполне прямо: «При сумасшествии нет новых психических явлений; человек живет старым. Происходит автоматизация идеи, смены ощущений и образов. Старые синтезы и отсутствие новых и означают безумие». История безумия равна описанию психического автоматизма[1]. Но это означает, что с

[1] *Иванов-Смоленский А.Г.* Простая звуковая реакция при травматическом психоневрозе // Научная медицина. 1920. № 6. С. 645; *Иванов Ф.И.* Указ. соч. С. 4–5,7; *Бирман Б.Н.* Психоанализ в свете учения об условных рефлексах // Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1926. № 4–5. С. 320; *Студенцов Н.И.* Задержанные эмоции и стремления // Современная психоневрология. Киев. 1928. №. 7. С. 159; *Осипов В.К.* О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1926. №. 2. С. 85–95.

социальной точки зрения у подверженных болезням здоровых на первом месте оказывается именно прошлое содержание. В этом, думается, причина господства «архаического» сознания в годы революции и гражданской войны.

Перенесшие травмопсихоневрозы склонны к импульсивным реакциям, когда индивид иногда разражается вспышкой жестоких насильственных действий: убийства, поджоги. Это преступления вследствие тоски по родине (Heimwehreaktionen), по Ясперсу. У больных суживается сознание, и дело завершается реакцией «короткого замыкания». Согласно исследованиям, проведенным после революции, эти военные психотравматики были склонны прежде всего к социальным преступлениям: буйствам, скандалам, хулиганству, оскорблениям, сопротивлению властям и начальству – 36%, кражам – 16, ранениям, убийствам, утоплениям.–13, преступлениям по должности, превышению власти, взяткам – 9, мошенничеству и авантюристическим поступкам – 6, шпионажу и контрреволюции 4, бандитизму и вооруженным ограблениям – 3, растратам – 2, фальшивомонетному промыслу – 2, изнасилованиям – 2. Среди специфических военных преступлений главным было неподчинение властям. 95% судимых травматиков не были судимы до преступления, что означает огромное влияние на их поведение именно травмы.

Наконец, есть среди бывших травматиков немало социально-неустойчивых (19%), легко поддающихся соблазну, уговору. Это безвольные психопаты, которыми изобиловало военное и особенно революционное время. Как видно, основная часть бывших больных травмопсихоневрозом действовали аффективно, то есть, в сущности, агрессивно, а около 40% пассивно их поддерживали. Думается, именно такова и была схема «революционного» действия солдат, которое не ограничивалось активностью отдельных «маргиналов-пассионариев». Среди других проявлений посттравматических реакций отмечается реакция экстаза – чувства растворения личного «я» и отдачи себя во власть любимого или высшего существа. В крайних проявлениях эти чувства сопровождаются расстройством сознания, галлюцинациями и т. п. Таково поведение

личности в присутствии «лидера нации», «вождя» и т.п.[1]

Выход из депрессии в период исторических преобразований был связан с выбором стратегии жизни. Результатом этой стратегии поведения является формирование определенного исторического типа личности, отличающегося характерными психологическими особенностями. Да, собственно, сам психоз был вариантом бунта против действительности, то есть содержал в себе тенденцию к преодолению условий возникновения депрессивного состояния. Одной из главных стратегий выхода из депрессивного состояния и является стратегия противостояния. Она выражается в агрессивном поведении, которое проявляется как в вербальной, так и в физической агрессии, направленной на объект, создавший фрустрирующую ситуацию или проблему. Одновременно используется стратегия поиска социальной поддержки. Она характеризуется попытками индивида найти в обществе информационную, материальную и эмоциональную помощь. Используется и стратегия принятия ответственности, которая заключается в признании своей роли в порождении проблемы и в попытке не повторять прежних ошибок. Одновременно человек использует и стратегию избегания. Она складывается из усилий человека избавиться от проблемной ситуации, уйти из нее. В нее входит и стратегия планового решения проблемы, которая состоит в выработке плана действий и следования ему. При осуществления нового «плана жизни» используется стратегия позитивной переоценки, выражающаяся в усилиях человека придать позитивное значение происходящему. Это попытка справиться с трудностями путем интерпретации обстановки в позитивных терминах. Историки культуры социоизменений общества подчеркивают, что, несмотря на то, что использование одной стратегии поведения в стрессовой ситуации затрудняет применение другой, каждый второй человек использует одновременно несколько стратегий преодоления жизнен-

[1] *Анфимов В.Я.* Умственная работоспособность и ассоциации при травматическом неврозе // Научная медицина. 1919. № 2. С. 206; *Равкин И.Г.* Преступные реакции у «травматиков» // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1926. № 3. С. 53–64; *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М., 1933. С. 80–83; *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 128.

ных трудностей. Можно согласиться с Э. Фроммом, использующим для обозначения приспособления человека к изменившимся социальным условиям понятие «динамическая адаптация». Она заключается не в пассивной социальной стратегии поведения, то есть дистанцировании от ситуации или ее избегании, а наоборот, в активной стратегии. Такая стратегия предполагает противостояние ситуации, глобализацию уровня притязаний, повышение самооценки, расширение границ социального действия и сохранение целеустремленности. Если стратегия поведения социально приемлема для данной исторической ситуации, то в конечном итоге это приводит личность к самореализации. Одним из вариантов социально приемлемой стратегии, часто встречающейся в периоды исторических преобразований, является жизненная стратегия, характеризующаяся доминированием политизированных форм поведения с признаками оппозиционности, идеологического радикализма и политического романтизма, а также демократичности. Надо полагать, что именно таким образом и развивалась ситуация в России, где в качестве психотерапии выступали действия политических сил, предложивших «выход из депрессивного состояния» в рамках социальных изменений в годы революции и Гражданской войны. Кстати, этот период и был сроком длительности нелеченых приступов депрессии – от 6 до 13 мес.[1]

В нашем же случае мы имеем дело с более сложным видом протекания болезни «здоровых». Нет сомнения, что русский солдат «уходил» в невроз. Главное в неврозах – волевая сфера: это проявление активности со стороны индивида, для которого невроз представляет субъективную целесообразность как средство спасения от неблагоприятных для него условий существования». Как было отмечено Мясищевым, психотравматическая ситуация приобретает патопсихогенный характер лишь в том случае, если имеет жизненно важное значение для данной личности. Западный солдат, являвшийся продуктом современного общества и находившийся под воздействием мощной пропаганды, добровольно принимал саму невротическую

[1] *Юрьева Л.Н.* Указ. соч. С. 48–49; *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Указ. соч. С. 333.

ситуацию и являлся жертвой чисто «боевого психоза». Русский же солдат не воспринимал эту вызванную боями невротическую ситуацию, избегал более страшного невроза – «боевого психоза» и уходил, убегал (порою – буквально или – братался) в другой невроз. Его невроз – депрессия – имел выход в ликвидации самой травматической ситуации. Это означало, что и протекание невроза, и его терапия проходили легально, не будучи определены как болезни.

В самом деле, большинство из определений «нормы» здорового человека присутствовало в поведении рассматриваемого нами объекта психического действия. Наличествовали адекватность реакции индивидуума на окружающие раздражители, возможность для человека самостоятельно прокладывать свой жизненный путь и находить способы поведения в жизненной обстановке. Реакции русского воина можно рассматривать как вполне мотивированные и представляющие собой чувственно адекватный ответ на переживание. Имеют место детерминированность психических явлений, их необходимость, причинность и упорядоченность, соответствующая возрасту индивида зрелость чувства постоянства (константности) места обитания, соответствие уровня притязаний реальным возможностям индивидуума, умение уживаться с окружающими и самим собой, критический подход к обстоятельствам жизни, способность к самокоррекции поведения в соответствии с нормами, типичными для разных коллективов, адекватность реакций на общественные обстоятельства (социальную среду), чувство ответственности за потомство и близких членов семьи, чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных обстоятельствах, способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций, самоутверждение в коллективе (обществе) без ущерба для остальных его членов, способность планировать свой жизненный путь. Что же касается таких чисто субъективных ощущений «больного-здорового», как максимальное приближение субъективных образов к отражаемым объектам действительности, адекватность реакции индивидуума на фи-

зические, биологические и психические влияния и адекватную идентификацию непосредственных впечатлений с однотипными представлениями прошлого, соответствие реакций (как физических, так и психических) силе и частоте внешних раздражений, то их можно отнести к мифологическому восприятию действительности, что в целом ее как раз адекватно отражает. В целом же психоневроз «здоровых» носил естественный характер, не приводил к поражению личности. Наоборот, личность развивалась, поскольку психосоциальный стресс – это условие для изменения самой социальной среды. Его этапы – окончание войны, революционное, а потом и социальное творчество – являются чрезвычайно эффективным инструментом компенсации. В отличие от подлинного психоза, его терапия протекала как социальная терапия: она была направлена на устранение самой травматической ситуации, что и составляло социальное творчество. Это социальное творчество в значительной степени было отягощено, а порою и обусловлено той «болезнью», которой оно вызвано. Надо полагать, как показывают современные исследования относительно катамнеза больных вследствие экзогенных заболеваний, лишь 20% от их числа вылечивались даже и через 10 лет, в то время как у подавляющего большинства экзогенные заболевания превращались в эндогенные[1].

Болезнь эта временна, так как заканчивается после прекращения действия стрессоров, то есть дезадаптационных механизмов. Специфика протекания болезни в том, что сами больные подготавливают исчезновение этих стрессоров, всячески способствуя прекращению их действия: срывают все организационные мероприятия (подрыв дисциплины), участвуют в сломе государственной власти, вообще не желают дальше находиться в самой зоне стресса (антивоенные или невоенные настроения). Таким образом, даже отрицательный военный опыт в виде психопатологических реакций, в сущности, явился стимулом для участия в новых социальных практиках. В случае России – это выстраивание такого общества, которое не создаст стресса и приведет к балансу личность и социальную си-

[1] *Юнг А.В.* Катамнезы больных реактивными психозами и вопросы дифференциальной диагностики. Диссертация. Л., 1985. С. 171.

стему (то есть окружающую среду). Это и было причиной отсутствия в России собственно психически больных после войны, а тем более «потерянного поколения». Если и были такие больные, они растворились в годы революции и Гражданской войны. «Больным», скорее, стало само общество. На Западе же, где война была естественным продолжением функционирования современного общества, человек, комбатант, испытавший военный опыт, в том числе в виде шелшока, оставался на фронте, но заболевал психически неврозами. Именно после войны и сказались все психические заболевания, поскольку отсутствовала необходимость социального творчества, не было места компенсации и социальной терапии. Запад еще долго «лечился», это показывают большие цифры душевнобольных после войны. В этом смысле психическая болезнь – плата за современное общество[1].

[1] *Китаев-Смык Л.А.* П Указ. соч. С. 22; *Leed E.J.* No Man's Land: Combat & Identity in World War 1. London: Cambridge, 1979. P. 189, 213; *Ушаков Г.К.* Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978. С. 68–69; *Юнг А.В.* Указ. соч. С. 171; *Хениган У.* Контузии и их последствия в годы войны // Первая мировая война и XX век. Материалы международной конференции. 24–26 мая 1994 года. М., 1995. С. 186.

Глава 3
Проблемы организации борьбы на Русском фронте

§1. Дисциплина в Русской армии: между повиновением и бунтом

Проявлением усталости, неприятия современной войны в русской армии стала масса случаев несоблюдения дисциплины. Собственно, сама современная война, как яркий образец современности, предполагает совершенно новый уровень дисциплины. Следование приказам, соблюдение строя, понимание своих задач и необходимости подчинения военным властям образуют необходимые условия эффективности функционирования сложной военной машины, какой является современная армия.

Русская военная бюрократия много сделала для подготовки к современной войне в части сохранения дисциплины. К началу мировой войны уже десятки лет действовали глубоко разработанные дисциплинарный, строевой, полевой уставы, а накануне самой войны было принято Положение о полевом управлении войсками, свод правил армии, действующей на театре военных действий. Вместе с тем в ходе войны, в условиях впервые осуществленного всеобщего воинского призыва, указанные нормы военного права неминуемо должны были столкнуться с практикой деятельности громадного контингента армии, отражавшего правовое состояние общества на начало XX в. Это состояние, как и любое общество в переходном периоде от традиционного к современному уровню, характеризовалось всплеском неправового сознания, неправовых действий начиная от хулиганства до тяжких уголовных нарушений (Франк; Гернет; Миронов и др.). В настоящем очерке представлены результаты исследования дисциплинарных практик как части военного опыта комбатанта, а также и

военных структур по поддержанию необходимого уровня дисциплины в войне нового типа. Предлагаемый перечень нарушений военной дисциплины строится по принципу убывания от наиболее тяжких форм ее нарушения до относительно легких: уход в плен, дезертирство, уклонение от службы, неповиновение, бытовые армейские преступления, низкий уровень исполнительской дисциплины. Важно также место каждой группы нарушений, их взаимосвязь. Делается попытка проследить действия военного командования, администрации, юристов по парализации негативных дисциплинарных практик и обеспечению поддержания дисциплины на уровне, соответствующем характеру войны нового, современного типа.

1.1. Уход в плен и борьба с ним

Наиболее важным нарушением воинской дисциплины, как представляется, является сдача в плен. Это свидетельствует о крайне низком моральном уровне, практически – о разложении военного организма, которое является предвестником полного поражения в войне. В годы Первой мировой войны уход в плен в русской армии принял массовый характер. Первые сообщения о сдаче в плен на официальном уровне появились уже в августе 1914 г. Так, в приказе по 6-му армейскому корпусу в августе 1914 г. говорилось, что «подмечены несомненные грустные факты оставления своего поста в виду неприятеля». Хотя было неясно, что имелось в виду, однако, судя по перечислению статей Устава о воинских наказаниях, речь шла и о сдаче в плен (ст. 245, 246, 248 УВН). Ряд писем, отложившихся в цензуре в начале войны, также свидетельствуют о случаях сдачи в плен русских войск. Так, некий Жоржик писал в ноябре 1914 г. в Петроград: «...прискорбно, что наша пехота не выдерживает огня. Чуть по ним начнут стрелять они прямо в паническом ужасе бегут. Это "улепетывание" пехоты действует прямо тягостно...» Автор отмечал некое паническое заражение, когда сдача только на одном участке вызывала сдачу фронта на соседних участках. Особенно это отражалось на артиллерийских частях, оказывавшихся обезоруженными вследствие сдачи или ухода пехоты

с позиции. Автор, сам находившийся, по всей вероятности, в паническом настроении, уверял, что сдавались до трети состава нескольких дивизий. В письме говорилось о быстрой сдаче целых батальонов в случае потери офицерского состава и даже о случачх убийства офицеров своими солдатами. Другой корреспондент утверждал, что на фронте в Галиции идет массовая сдача как австрийцев русским, так и русских войск австрийцам. Еще один корреспондент, врач 241-го пехотного Седлецкого пехотного полка, сообщал о «всеобщем» желании мира – как солдат, так и офицеров, о сдаче в плен чуть ли не целыми полками. В документах отложились списки, правда не целых полков, но все же по несколько десятков человек, например нижних чинов 301-го пехотного Бобруйского полка, которые «самовольно отлучились в неприятельское расположение», правда, «по легкомыслию, в надежде вернуться обратно». Осенью во время затяжных боев в Польше были случаи побега в плен с поста, когда солдаты вызывались идти разведчиками, или при отступлении умышленно оставались в окопах, или, уходя из сторожевого охранения (222-й пехотный Красненский полк). 7 декабря, подняв белые флаги, сдались три роты 2-го батальона 8-го пехотного Эстляндского полка. При этом в каждой из рот самих эстляндцев было всего по 10 человек. Во время этого инцидента по сдавшимся был открыт огонь из пулеметов. Сдавшиеся попали также и под шрапнельный огонь противника. Не позднее декабря 1914 г. в 336-м пехотном Челябинском полку был случай, когда нижние чины на глазах у своего командира и сдались в плен немцам[1].

Ряд случаев ухода в плен имел место в ходе братаний на русско-австрийском фронте во время Рождественских праздников в декабре 1914 г. – январе 1915 г. Так, коман-

[1] Приказ по 6-му армейскому корпусу № 7 от 21 августа 1914 г. Не подлежит оглашению // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 155–155об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 591об.; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 592; Д. 561. Л. 24, 143; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 157об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 34; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 308; Выписка из письма командира Эстляндского полка Н. Гвайрта от 18 декабря 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2; Приказ по 22-му армейскому корпусу № 150 § 4 от 8 декабря 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 185–185об.

дование 2-го пехотного Софийского полка свидетельствовало о том, как в течение всего дня, с 12 до 18 часов, происходило братание десятков солдат, в результате чего 2 человека ушли к противнику. Случаи сдачи в плен отдельных солдат, а также сдача целыми партиями, были удостоверены и в письме начальника штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевича – главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванову в январе 1915 г. Правда, на тот момент Янушкевич не считал еще возможным «обобщать эти случаи» и предлагал ограничиться более тщательным надзором за слабым составом войск. Однако именно зимой 1915 г. продолжались массовые сдачи в плен в рядах русской армии. Так, в бою 22 февраля 1915 г. две роты 54-го пехотного Минского полка сдались в плен. В бою 28 февраля у Рабе сдались в плен 3 роты 137-го пехотного Нежинского полка. Были в это же время случаи легкой сдачи в 6-м армейском корпусе 2-й армии[1].

Весной участились случаи сдачи в плен единичными перебежками и переходами. Так, в марте 1915 г. происходили сдачи дюжинами солдат австрийцам. Командование особенно было озабочено тем, что сдавались исключительно русские – австрийцам, про которых «известно, что они неизменную привычку имеют битыми быть». Командующий 8-й армией ген. А.А. Брусилов, в марте 1915 г. «с прискорбием» отмечал случаи сдачи в плен наших нижних чинов при наличии таких условий, когда сдача в плен является совершенно недопустимой». По его сведениям, случаи сдачи в плен наших нижних чинов даже учащались. Особенно массовый уход в плен наблюдался в ходе «великого отступления», когда во время маршей и боев солдаты разбредались, совершая побеги или сдаваясь неприятелю под видом пропавших без вести. Хроника таких сдач, далеко не полная, по сводкам отделения Главного управления Генерального штаба по делам

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8014. Л. 471–471об.; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 30; Приказ по 8-й армии № 332 от 24 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 185об.; Приказ по 8-й армии № 341 от 28 февраля 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 118; Командир 6-го армейского корпуса – начальнику штаба 2-й армии ген. М.Ф. Квецинскому от 2 марта 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 163–164.

бежавших в плен, такова: 20 июня 1915 г. из 125-го пехотного Курского полка бежало (то есть достоверно ушли в плен, а не «пропали без вести») 6 человек. В августе 1915 г. из 322-го пехотного Солигаличского полка бежали 190 человек. Не позднее сентября 1915 г. произошла массовая сдача солдат 84-го пехотного Ширванского и 195-го пехотного Оровайского полков (в последнем случае прапорщик Даленюк уговорил сдаться почти целый батальон)[1].

Но и после летнего отступления сдачи продолжались. Так, 30 сентября 1915 г. сдалась большая часть роты 79-го пехотного Куринского полка. Сдачи были даже на Северном фронте, где во время боев на рижском направлении в одном из Сибирских стрелковых полков в 18-й пехотной дивизии пропало без вести 16 офицеров и 2578 нижних чинов. 2 октября при заступлении на позиции 146-го пехотного Царицынского полка пропало без вести 18 нижних чинов. На это событие в приказе по 37-й пехотной дивизии могли ответить только так: «Стыд и срам малодушным трусам, забывшим присягу и запятнавшим родной полк», – с сообщением о преступлении на родину и лишением их семейств пайков. В октябре 1915 г. из 328-го пехотного Новоузенского полка ушли в плен во время боя 225 чел. Согласно данным, поступившим в ГУГШ, в ноябре бежали 23 солдата 164-го пехотного Закатальского полка, в основном уроженцы Симбирской губернии. В декабре во время боя у оз. Нарочь из 33-го Сибирского стрелкового полка ушли 59 человек. В том же месяце добровольно сдались 40 солдат 328-го пехотного Новоузенского полка. В том же году (неизвестна точная дата) бежали 8 солдат 126-го пехотного Рыльского полка, 68 человек – из 127-го пехотного Путивльского полка, 68 человек – из 128-го пехотного Старооскольского полка, 14 человек – из 32-й ар-

[1] Начальник штаба Западного фронта – командармам 1–4-й и 10-й армий // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29; Приказ по 18-му армейскому корпусу № 40а от 10 марта 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 176–177об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 9–9об.; телеграмма главкома армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова командармам 8-й, 9-й и 11-й армий 28 июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 363; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 70–71, 543об.–545; командир 24-го армейского корпуса – начальнику штаба 4-й армии 30 сентября 1915 // Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 228–229об.

тиллерийской бригады, 84 человека – из 409-го пехотного Новохоперского полка, 12 человек – из 410-го пехотного Усманского полка, солдаты 411-го пехотного Сумского полка[1].

В начале 1916 г. массовые побеги из частей уменьшились. По всей видимости, это было связано со строительством позиционной линии – главным образом, на Северном и Западном фронтах. Побеги, правда, продолжали совершаться из секретов, во время разведки и т.п., хотя иногда и прямо из своих окопов в окопы противника, как, например, в 185-м пехотном Башкадыкларском полку в апреле 1916 г. При этом на бежавших не действовали ни приказы комбата, ни огонь по ним из пулеметов из соседних рот. В результате убежали 4 человека: трое русских и один поляк. Весной 1916 г. побеги возобновились, хотя цензура сообщала, что некоторые начальники корпусов и армий опровергали массовость перехода в плен и подчеркивали опасения солдат попасть в плен к немцам, предпочитая лучше биться до самой смерти», чем в плену «умереть в холоде, голоде». Так, согласно сведениям, поступившим в ГУГШ, 14 марта 1916 г. 133 солдата бежали из 41-го пехотного Селенгинского полка, будучи на работах по возведению окопов. Большинство из них были евреи Бессарабской, Киевской, Подольской, Петроковской, Волынской, Херсонской губерний и г. Варшавы. 13 мая 1916 г. во время боя при деревне Свенте сбежали 62 человека 76-го пехотного Кубанского полка. Еще больше случаев сдачи в плен, правда после тяжелых боев, имело место летом 1916 г. В частности, во время боев на р. Стоход, согласно письмам, солдаты сдавались большими группами – при усиленной агитации немцев за плен. Согласно неполным данным ГУГШ, побеги в 1916 г. совершили 21 солдат 328-го пехотного Новоузенского полка (все, кроме одного, они были русскими, Оренбургской губернии), 8 солдат 45-го Сибирского стрелкового полка (солдаты старых сроков службы, даже от 1898 г.), 106 че-

[1] РГВИА. ф. 2031. Оп. 2. Д. 541. Л. 73об., 81; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Л. 229; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 182; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 411об.–418; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 71–72, 72–76, 67–85, 85–87, 87–88, 163, 204об.–210, 232об.–235об., 411об.–418, 433об.–435.

ловек 47 Сибирского стрелкового полка (все солдаты из деревень), 19 человек из 164-го пехотного Закатальского полка, 11 человек из 100-го пехотного Островского полка (все – поляки Келецкой губ.). Осенью три роты 42-го пехотного Якутского полка, окруженные германцами, сдались в плен, но были все переколоты немцами же. Побеги продолжались и в начале 1917 г. Так, 31 января совершили побег 5 человек из 24-го Сибирского стрелкового полка с интервалом в 3 часа. В эти же дни был совершен побег из 8-го Кавказского стрелкового полка[1].

Вопрос о количестве сбежавших в плен сразу составлял тайну. Учет таких случаев начался только весной 1915 г., когда при ГУГШ было создано отделение для расследования преступлений, совершенных при переходе военнослужащих русской армии в плен или во время нахождения их в плену. Однако крайне сложно было организовать расследование о сдавшихся в плен, поскольку свидетели фактически тоже уходили в плен. Властям крайне трудно было вообще восстановить обстоятельства многих побегов. Даже следствия начинались только после возвращения некоторых военнослужащих из плена. Однако по прошествии 1–2 лет следствие мало могло найти фактических данных для поддержания обвинения. В этом случае трудно было организовать дознание из-за усиленных боев, перехода свидетелей на формирование других частей, или их фактического отсутствия, или потому, что они ничего не помнили. В результате иногда командиры частей прямо писали в военно-судные части армий, что «выяснить все обстоятельства сдачи в плен противнику... не представляется возможным». После Февральской революции 1917 г. разбирательства по сдачам в плен прекратились. Первоначально выявление сдавшихся в плен проводилось

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 163; главком армий Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин – начальнику штаба ВГК ген. М.В. Алексееву 20 марта 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 65–67; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 102об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 75об.–76; Ф. 2000. оп. 1. Д. 7981. Л. 75об.–76, 102об., 142об.–158, 609–611; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 664; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 148–166, 163–163об., 169об.–170, 160об.–182, 186об.–190, 190–200; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 497об.; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4854. Л. 9, 75; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 285, 344.

путем их вычисления из числа пропавших без вести. Если труп солдата не был найден, то его признавали как «не употребившего всех мер защиты, разжаловали в рядовые, исключали из списков полка и на основании закона 15 апреля 1915 г. делали распоряжение о лишении его семьи пайка. Правда, оставалось непонятным, как же можно было искать труп, если поле боя оставалось за противником... Позднее власти по-другому сформулировали и поставили задачу поиска сдавшихся в плен. Так, согласно приказу по 13-й пехотной дивизии, «части войск должны все время разбирать условия, при которых захвачены были в плен в каждом отдельном случае, результаты расследования со списками нижних чинов должны были храниться при канцелярии части; ведение этого дела возлагалось на офицера, заведующего связью. Столь же тщательному выяснению подлежали обстоятельства сдачи в плен и согласно приказу по 8-й армии в октябре 1915 г.[1]

Значительная часть пленных скрывалась за цифрами пропавших без вести, как правило, во время боя. Такие подозрения появились уже в ноябре 1914 г. В приказе по 4-й армии указывалось на слишком большое количество без вести пропавших солдат, из которых большая часть, «несомненно, попала в плен». В этом случае предписывалось производить «строжайшее расследование» об обстоятельствах попадания в плен и составлять списки всех сдавшихся, «не использовавших всех средств к сопротивлению, до штыков включительно». Предполагалось далее предавать их суду по окончании войны, сообщать на родину и т.п. Только летом 1915 г. во время «великого отступления» рост числа пропавших без вести был, наконец, признан свидетельством именно сдачи в плен. В июле главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов в циркуляре командармам фронта подчеркивал «небывалое для русской армии количество без вести пропавших во время маршей и боев воинских чинов» за последние 3–4 месяца. Иванов полагал, что значительная часть этих солдат разбредалась, или сдаваясь в плен, или совершая побеги домой. Тот же Иванов в другом циркуля-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8014. Л. 225, 226, 238; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 33, 121, 151.

ре и письме Начальнику штаба Ставки в сентябре 1915 г. указывал на громадность цифр без вести пропавших за вторую половину 1915 г., составлявших в 8-й армии 35,5% общей ее убыли, в 9-й армии – 10%, а в 11-й армии – 40%. Для главнокомандующего армиями фронта было совершенно ясно, что речь идет именно о сдаче в плен, как правило, без боя. Однако и в октябре в 8-й армии каждый день корпуса теряли тысячи без вести пропавшими, причем активных боев в это время также не наблюдалось[1].

Существовало множество способов, возможностей, а также и объективных обстоятельств, способствовавших сдаче в плен. Однако многие случаи побегов так и оставались нераскрытыми. Главными обстоятельствами сдачи являлся прорыв фронта и появление в тылу частей противника. Нижние чины говорили, что достаточно ничтожной кучке немцев появиться в тылу окопов, как начинались суматоха и беспорядок, поднятие «белых платочков». Иногда сдача в плен была вызвана явным окружением без соответствующего приказа отойти назад, как это было в июле 1915 г. при сдаче 350 человек в 134-м Сибирском стрелковом полку, который до этого подвергался методичному артиллерийскому обстрелу, или, наоборот, при сдаче 30 человек 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка 30 января 1915 г. при приказе продолжать оказывать сопротивление. Когда же подходил противник, то «часть бросались в штыки, часть сдавались в плен». Неоднократно были случаи захвата в плен целых рот из-за отсутствия связи с соседями, которые, уходя, не сообщали об этом. Так, согласно следственным материалам в ГУГШ, например, один из отрядов в 11 человек во время боя 18 ноября 1914 г. у деревни Вижица просто напоролся на отряд австрийцев и был вынужден сдаться. Существовали, впрочем, самые разнообразные способы и случаи (а это в войне немаловажно) вполне умышленного попадания в плен.

[1] Приказ по 4-й армии от 21 ноября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 234; приказ по 4-й армии № 846 от 4 июня 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 237–238; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 115; телеграмма начальника штаба ВГК – командующим 8-й, 9-й и 11-й армий 6 сентября 1915 г. Копия. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 116; приказ по 8-й армии № 771 от 8 октября 1915 г. Не подлежит оглашению. Копия. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121.

Иногда солдаты сознательно не отступали перед наступающим противником, оставаясь в окопе 1-й линии, что, правда, было очень опасно, так как наступающий враг мог расправиться и со сдающимися. Другие солдаты инсценировали, что забыли на позиции вещи, и уже не возвращались. Порою просто задерживались при отступлении перед лицом наступающего противника. Иногда солдаты специально вызывались идти в разведку, чтобы перебежать на сторону противника, как это сделали в марте 1915 г. несколько солдат 257-го пехотного Евпаторийского полка. Сама сдача в бою происходила организованно. Еще до атаки шла длительная пропаганда, как и во время самой атаки. При этом все зачинщики сдавались. Момент сдачи также проходил организованно, например, в одном полку сдача около 80 человек прошла по команде одного из зачинщиков: «Орлы, вперед!»[1].

Согласно материалу ГУГШ, обычно уходу предшествовал сговор, иногда нескольких десятков человек, включая и унтер-офицеров. Часто уходили из секретов, из охранения, караула и т.п. Например, в ночь на 28 апреля 1915 г. бежал в плен с поста солдат-подчасок 419-го пехотного Славянского полка. Так же бежали из секрета в сентябре 1915 г. солдаты 49-го пехотного Брестского полка. В октябре 1915 г. из сторожевого охранения бежали солдаты 106-го пехотного Уфимского полка. В ночь с 9 на 10 октября, находясь в полевом карауле, тайком сговорились и перебежали к противнику 3 солдата Финляндского стрелкового полка. А в ноябре 1915 г. из того же полка ушли в плен с заставы солдаты-поляки. Часто это были люди последнего пополнения, а значит, сговор мог произойти еще в запасных батальонах или маршевых ротах. Интересно, что свидетелей подобных сговоров об уходе в плен практически «не было». Уходили в плен и во время или после братаний, что означало также определенный сговор, воз-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784 Л. 231об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7983. Л. 626–626об.; Д. 8014. Л. 218об., 220; Приказ по 8-й армии № 461 от 21 мая 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 119; См. также о продолжении массовых сдач в плен: Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 97–97об.; начальник штаба Западного фронта – командармам 2-й, 3-й, 4-й и 10-й армий. Секретный циркуляр от 18 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 200–200об.

можно с противником. В ходе бегства солдаты совершали и прямые преступления: мародерствовали, уносили с собой винтовки, обмундирование, патроны и снаряжение, скорее всего под влиянием пропаганды противника, обещавшего плату за каждое принесенное оружие. Убегали с постов, вызывались идти разведчиками, при отступлении умышленно оставались в окопах. Особенно тяжело сказывался побег на оставшихся товарищах, когда бежавший сообщал координаты своей части, которая обычно бывала вскоре обстрелянной[1].

Важную роль в побегах играли первичные группы («primary groups») солдат, объединявшихся по национальному признаку, по занятиям, по принадлежности к одним местностям, по знакомству в запасных батальонах, где, очевидно, и сговаривались о сдаче в плен – судя по кратким срокам между прибытием на позицию и сдачей в первые один–два месяца. Иногда бежали санитары, имевшие возможность приблизиться к неприятельским позициям под видом подбора раненых, например, санитары 4-й роты 303-го пехотного Сенненского полка в начале февраля 1917 г. При этом продолжались побеги по десятку и больше человек, как правило, утром, в 5–6 часов, как, например, это сделали солдаты 3-го Сибирского стрелкового полка. Почти все сбежавшие были из запасных батальонов, а родом – из деревни, крестьяне. Так же, группой, сдались в плен 10 человек из пулеметной команды 35-го пехотного Брянского полка[2].

В первое время власти полагали, что русские солдаты вообще не сбегали, а делали это будто бы евреи и поляки. Причины сдачи в плен командование искало даже в «пропаганде» со стороны евреев[3]. Евреев-перебежчиков обвиняли вообще в сознательных побегах для передачи сведений, которые им якобы сообщали другие евреи из

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. 7981. Л. 34; Д. 7983. Л. 107, 163–163об., 189, 318, 329, 357, 369об., 457, 589; Д. 8014. Л. 97, 190, 276, 471–471об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 150–150об., 188–189, 308.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4854. Л. 11-11об., 26–28об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 244.

[3] Начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев – директору Департамента полиции МВД В.Ф. Джунковскому от 22 мая 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 435.

гражданского населения в прифронтовой области. Сами побеги, по мнению начальства, происходили перед наступлениями русских войск с целью предупредить неприятеля о перегруппировках русских войск. Тем самым продолжалась антисемитская кампания в армии, поднятая еще накануне Первой мировой войны. Действительно, в начале войны побеги евреев бросались в глаза. Например, еще 18 августа 1914 г. сбежали в плен рядовые 43-го пехотного Охотского полка. Все они были евреями. Судя по быстрой реакции военного начальства на подобного рода инвективы, в ход был пущен миф об исконной враждебности евреев к русской армии и к самой России. Начальство в связи с этими случаями предлагало усилить надзор за евреями как наиболее ненадежным элементом. Обвинения евреев в преимущественном с их стороны стремлении сдаться в плен и в таковой пропаганде продолжались и весной 1915 г. Эти обвинения поддерживал, в частности, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов. Последние обвинения евреев в переходе в плен наряду с поляками относятся к осени 1915 г.[1] Позднее подобного рода обвинения не появлялись, учитывая значительное количество ухода в плен солдат из великорусских мест. Кроме того, ослабла и антисемитская пропаганда, активно поддерживавшаяся начальником штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевичем, также осенью оставившим свой пост.

Поляки были еще одним контингентом, который военное командование обвиняло в постоянной сдаче в плен наряду с евреями. Действительно, сдачи в плен поляков даже усилились осенью 1915 г. в связи с оставлением Польши. Таким был побег поляков из 280-го пехотного Сурского пехотного полка, несмотря на огонь, открытый вслед бе-

[1] Начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев – директору Департамента полиции МВД В.Ф. Джунковскому от 22 мая 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 435; циркуляр командующего 10-й армии № 265 от 31 декабря 1914 г. Совершенно секретно. Копия. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 242–242об.; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 43–47; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 136, 139–139об.; М.В. Алексеев – В.Ф. Джунковскому от 22 мая 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 435; телеграмма генерал-квартирмейстера 11-й армии – командирам 11-го, 32-го, 33-го, 41-го армейских и 2-го и 3-го кавалерийских корпусов от 5 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 129об.

жавшим[1]. Побеги принимали все более массовый характер и происходили порой по предварительному сговору солдат, являвшихся уроженцами одних и тех же польских губерний. В связи с этим власти отмечали направленную на организацию побегов поляков пропаганду с помощью листовок – как на фронте, так и в тылу, и даже создание для этого «преступной организации».

Для того чтобы не допустить подобных сдач в плен, предлагалось усилить надзор за евреями и поляками. Предполагались и репрессии по отношению к родственникам сдавшихся поляков, если они окажутся в зоне театра военных действий[2]. Среди других мер предлагалось поляков и евреев сводить в отдельные команды или даже отправлять на Кавказский фронт[3]. Власти пытались внушать полякам ненужность для них побегов к противнику, поскольку «им более чем кому-либо следует отдать себя завоеванию вновь своей родины, которую немцы совершенно уничтожат»[4]. В связи с агитацией за побег в Польшу начальник штаба Ставки ген. М.В. Алексеев даже обратился к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину с просьбой усилить агентуру и наблюдение «для противодействия наблюдаемому, крайне опасному для боевой мощи армии явлению»[5]. Однако побеги поляков продолжались. С другой стороны, оказалось трудно выполнимым сосредоточить всех поляков именно в Кавказской армии[6].

---

[1] Командир 14-го армейского корпуса – командарму 1-й армии от 10 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 69об.

[2] РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 129об.

[3] Командующий 7-й армией ген. М.И. Шишкевич – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. М.К. Дитерихсу. Секретно. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 137; командир 25-го армейского корпуса ген. Ю.Н. Данилов – командующему 4-й армией ген. А.Ф. Рагозе от 22 ноября 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 111–111об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 5–5об.; начальник штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса – дежурному генералу штаба 4-й армии // РГВИА. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 3–3об.

[4] Рапорт начальника штаба Западного фронта по управлению дежурного генерала начальнику штаба ВГК от 7 декабря 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 110.

[5] Начальник штаба ВГК ген. М.В. Алексеев – председателю Совета министров И.Л. Горемыкину от 22/23 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 2–2об.

[6] Главком армий Западного фронта ген. А.Е. Эверт – начальнику штаба ВГК ген. М.В. Алексееву от 16 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 246.

Что же касается пропаганды в войсках за уход в плен, то председатель Совета министров И.Л. Горемыкин объяснял это явление общим, то есть не относящимся только к полякам, характером пацифистской агитации «революционных организаций» среди войск[1]. Действительно, согласно данным ГУГШ, например, список бежавших солдат 1-й гренадерской дивизии за 1914–1915 гг. показывает вполне интернациональный состав беглецов. Из 159 человек евреев было 12% при 30% католиков, 9% лютеран, 5% мусульман и 44% православных. Правда, следует отметить, что нерусские солдаты чаще стремились уйти в плен. В результате в некоторых частях наряжали секреты таким образом, чтобы ни поляков, ни евреев, ни немцев-колонистов не назначать одних, а только совместно с «русскими расторопными солдатами». Однако и в этих случаях, в результате ли неразберихи или сговоров в конкретных отделениях, указанным категориям нерусских солдат все же удавалось попадать в секреты и таким образом уходить в плен, как это сделали поляки в 7-м гренадерском Самогитском полку в ночь с 19 на 20 апреля 1916 г. Были и случаи побегов русских солдат к туркам. Так, при побеге из секрета в апреле 1916 г. из 155-го пехотного Кубинского полка 6 из 12 человек были русскими солдатами, а остальные – немцами. При этом командование полка и дивизии, куда входил полк, никак не могли допустить, «чтобы русские солдаты могли перейти на сторону турок», допуская «какие-либо причины, гнездящиеся в самой роте». Однако следствие подтвердило, что русские солдаты перешли к туркам добровольно. Часть из них были крестьянами, некоторые поступили в армию даже добровольцами. Всего же на Кавказском фронте, по данным на март 1917 г., бежали 70 человек, в том числе 23 немца, 3 казака, 14 русских, 16 поляков, 5 евреев, 1 молдаванин, 4 татарина, 1 армянин[2].

---

[1] И.Л. Горемыкин – М.В. Алексееву от 24 января 1916 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 270–271об.

[2] РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 129об.; Командующий 7-й армией ген. М.И. Шишкевич – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. М.К. Дитерихсу. Секретно. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 137; Командир 25-го армейского корпуса ген. Ю.Н. Данилов – командующему 4-й армией ген. А.Ф. Рагозе от 22 ноября 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 111–111об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8167.

С лета 1915 г. по мере обнаружения фактов массовой сдачи солдат Русской армии в плен начальство поставило задачу выяснить причину этого небывалого в Русской армии явления. Так, в телеграмме командирам армий Юго-Западного фронта от 28 июля 1915 г. предписывалось «во всех случаях, минуя все препятствия, самым тщательным образом выяснить причины таких позорных для русского воина явлений и те меры, кои принимаются начальствующими лицами для предупреждения таких позорных явлений как вне боев и маршей так равно во время тех и других»[1].

Большую инициативу по выявлению причин сдачи проявили в отдельных армейских корпусах. Командир 7-го армейского корпуса А.Е. Гутор видел «главную причину бегства в плен, с одной стороны, в изменении материала для укомплектования, а с другой – в крайней напряженности современных боев, непрерывных отступлениях с боем, ряде бессонных ночей, голоде, порождавшем тупое безразличное настроение, при котором массы легко заражаются примером даже единичных мерзавцев, забывающих присягу, в контингенте укомплектований из ратников, в особенности старших сроков, почти сплошь неудовлетворительном, как в силу отсутствия у них желания служить, так и соответствующего обучения». То есть, в сущности, военачальник ставил принципиальный вопрос о несоответствии наличного комбатанта условиям современной войны, особенно ее ритму, обеспечению довольствием и т.п. Как выход из этой ситуации в распоряжении по 7-му армейскому корпусу комкор предлагал меры, сводящие-

Л. 5–5об.; начальник штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса – дежурному генералу штаба 4-й армии // РГВИА. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 3–3об.; рапорт начальника штаба Западного фронта – начальнику штаба ВГК от 7 декабря 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 110; начальник штаба ВГК ген. М.В. Алексеев – председателю Совета министров И.Л. Горемыкину от 22/23 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 2–2об.; главком армий Западного фронта ген. А.Е. Эверт – начальнику штаба ВГК ген. М.В. Алексееву от 16 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 246; И.Л. Горемыкин – М.В. Алексееву от 24 января 1916 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 270–271об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7981. Л. 33–59; Д. 7983. Л. 692–695; Д. 8014. Л. 258., 262об., 301, 302–323, 354–357.

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 115.

ся к повышению духа частей, их сплоченности, строевой подготовке, поддержанию строгого внутреннего порядка и дисциплины, заботе об одежде, снаряжении, пище, жилище и отдыхе солдата. К таким мерам относились также церковные службы, проповеди, беседы и разговоры офицеров, примеры начальников, развитие и поощрение удальства и молодечества, питание солдат не ночью, а днем, окопные работы, как правило днем, а ночью, как исключение, песни, музыка в окопах, своевременные смены частей, частый обход окопов начальниками, чаще хвалить солдат, развитие уверенности в своих силах. Предписывалось внимательное отношение к обучению и постановке в строй укомплектований: вливать только хорошо обученных и притом не массами, а по частям; выделять в особые команды слабых по строю и более продолжительно их обучать; создать кадр унтер-офицеров путем образования учебных команд, систематически заниматься не только в резервах, но и в окопах. Предлагалось также усилить общие меры по поддержанию дисциплины: добиваться строгого выполнения требований уставов внутренней службы, строевого и полевого; настойчиво требовать выполнения раз отданного приказания, всемерно искоренять распущенность в поведении, одежде и проч. Поднимался вопрос и об увеличении количества офицеров и улучшении их качества. Особенно важным было предложение Гутора увеличить срок обучения в запасных батальонах, которые и должны были способствовать дисциплинированию солдата, то есть выполнить работу, которую не сделала всеобщая воинская повинность. За образец предлагалось взять запасные батальоны для войск гвардии, каждый – для определенного, «своего полка». Мера эта, несомненно, даст хорошие результаты, – был уверен Гутор, так как запасной батальон обратит большее внимание на подготовку комплектования и будет находиться под контролем своего командира полка и начальника дивизии. Части, сильно потерпевшие, предлагалось выводить в тыл для укомплектования и обучения, так как опыт показал, что пребывание их на фронте ведет лишь к новым неудачам. Другую причину, вызванную самим характером современной войны, ком-

кор предлагал устранить большей планомерностью отступательных операций и заботой о сохранении частей, «а не географических пунктов». Предлагалось также всемерно избегать дневных отходов, в большинстве случае ведущих к значительной потере отставшими[1].

В начале сентября 1915 г. на Юго-Западном фронте пытались обобщить причины большого количества сдавшихся в плен. В штабе фронта полагали, что дело в слабости пополнений, невозможности ввести их в состав частей, наладить иерархию, знакомство с начальством. Впоследствии по мере поступления новых частей командование все чаще обобщало представления об их готовности воевать. Причиной подобных явлений считались недостаточные воспитание и обучение прибывших пополнений, слишком быстрое включение их в части, зачастую даже во время боя. Старым солдатам трудно справиться, когда прибывших на пополнение слишком много: они не могут слиться с прибывшим разнородным контингентом. Начальство требовало приложить все усилия, чтобы прибывающие в части укомплектования были ознакомлены с соответствующими статьями военно-уголовных законов, карающими за сдачу в плен, и им была бы разъяснена вся позорность таких сдач и вред, наносимый ими родине». Начальство сознавалось: «К нам прибывает пополнение лишь наскоро обученное, несколоченное, без должного воинского воспитания, работа над духовным воспитанием солдата ни в коем случае не может считаться законченной только потому, что его прислали в полк и дали ему оружие». «Только интенсивная, ни на минуту не прерывающаяся дружная работа над воспитанием солдата всех боевых офицеров может уберечь некоторых колеблющихся нижних чинов от позорных и преступных действий»[2], – настаивали в штабах.

Одним из первых вопрос о причинах массовой сдачи солдат в плен поставил командующий 8-й армией

[1] Распоряжение по 7-му армейскому корпусу 10 августа 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 140–141.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 362, 383 об.; начальник штаба 3-й армии – командирам 9-го, 10-го, 24-го, 31-го армейских и 3-го и 4-го кавалерийских корпусов от 21 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 230–232; приказ по 22-му армейскому корпусу № 249 от 14 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 188–189.

А.А. Брусилов. Для него это было вопрос «создания из нашего крестьянина, зачастую убежденного в безнаказанности сдачи в плен, дисциплинированного солдата, проникнутого чувством долга до самопожертвования». Главную работу в этом направлении генерал предлагал перевести из армии в запасные батальоны. На самом фронте командарм требовал знакомить всех нижних чинов с жизнью наших пленных и с чинимыми над ними зверствами и насилиями; иметь строгое наблюдение за «слабодушными»; всех самовольно уходящих с поля сражения предавать немедленно полевому суду; сдающихся в плен расстреливать сзади находящимися частями, применяя расстреливание беспощадно, как меру против изменников присяге Царю и Родине». В том же направлении предлагал меры и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов: иметь самый тщательный надзор за слабыми элементами армии, организовать собеседования с нижними чинами и принять другие меры, «кои по условиям обстановки будут признаны необходимыми для поднятия сознания важности переживаемых событий, обратив особое внимание на недопущение подобного в тылу, в лечебных заведениях и при следовании партий укомплектования. Принципиальная постановка вопроса о мотивации к вооруженной борьбе, и тем более к тяжелым противостояниям в битве, стала крайне актуальной с поступлением пополнений, состоявших почти исключительно из ратников ополчения 2-го разряда, никогда не проходивших военную службу. Осенью 1915 г., когда этот контингент оказался главным в новых пополнениях, этот вопрос неоднократно поднимался в приказах по войскам. Формально стоял вопрос о необходимости противостоять легкому уходу в плен, фактически речь шла о сохранении боеспособности русской армии. Так, в ответ на сдачу в плен в одном из полков 9-й армии сразу 300 солдат командарм ген. П.А. Лечицкий приказал принять самые энергичные меры согласно упомянутому секретному приказу по Юго-Западному фронту № 014 от 5 сентября 1915 г. В приказе по армии подчеркивалась необходимость разъяснять всем прибывающим с маршевыми ротами на фронт

положение об ответственности сдающихся в плен перед законом, о последствиях такого шага для их семей, предписывалось принимать меры против пропаганды по пути на фронт от различных «посторонних агитаторов» или из состава самой армии, вообще внимательно наблюдать за прибывающими в батальон маршевыми ротами, опрашивать командиров рот, а также начальствующих из нижних чинов о поведении роты в дороге и о ненадежных, подозрительных нижних чинах. Последних предлагалось немедленно изолировать, донося в штаб армии о расследовании, вслед за тем роты по возможности пересоставлять, перемешивая людей из разных рот. Вместе с тем в самих запасных батальонах предлагалось «оберегать людей от возможного развращающего влияния извне на нижних чинов». Наконец, предписывалось всех людей, прибывающих на пополнение маршевых рот, возможно шире распределять по частям корпуса, чтобы «парализовать развращающее влияние тех отдельных нижних чинов, которые могли воспользоваться долгим нахождением роты в пути для всякого вида пропаганды». Большое внимание уделялось и воспитательной работе офицеров в частях. Так, в приказе по 22-му армейскому корпусу в октябре 1915 г. предписывалось каждому офицеру «пользоваться всяким удобным случаем, чтобы беседовать со своими подчиненными о долге службы, присяге, взаимной выручке, доблести, воинской чести и живым словом поддерживать слабых духом и толкать на подвиг храбрых. Только интенсивная, ни на минуту не прерывающаяся дружная работа над воспитанием солдат и всех боевых офицеров может уберечь некоторых колеблющихся нижних чинов от позорных и преступных действий». Несколько проще вопрос о причинах сдачи в плен понимали на Западном фронте. В приказе по фронту от 18 октября 1915 г. говорилось, что «это печальное явление объясняется неосведомленностью большинства нижних чинов о том, что они, нарушая святой долг защиты Царя и Родины и данную перед Господом Богом присягу, позорят армию, родину и, наконец, своих односельчан, а родителей, жен и детей, кроме того, лишают продовольственного пособия и тем

ставят их в положение жалких, заброшенных обществом нищих». В 3-ей армии также с тревогой отмечали, что «у многих нет сознания позорности плена». Наиболее пассивным элементом, отмечалось в приказе по армии, являются ратники старших возрастов, которые открыто говорят: «Слава Богу, что попали в плен, теперь останемся в живых». В приказе отмечалось «отсутствие патриотизма и сознания долга у наших солдат», что и объясняло сдачу целых рот. В связи с этим в приказе предписывалось приложить все усилия, чтобы прибывающие в части укомплектования были ознакомлены с соответствующими статьями военно-уголовных законов, карающих за сдачу в плен, и им была бы разъяснена вся позорность таких сдач и вред, наносимый ими родине. Предписывалось принять все меры к внедрению в сознание нижних чинов, что случаи добровольной сдачи в плен не могут пройти для сдавшихся безнаказанно; производить расследование, отдавать сдавшихся в плен под суд по их возвращении; сообщать фамилии на родину; принять самые энергичные меры для борьбы с возможностью пропаганды сдачи в рядах войск и виновных в этой пропаганде предавать военно-полевому суду. В новом приказе по 5-й армии накануне предполагавшегося наступления командующий армией ген. П.А. Плеве перед лицом продолжавшихся побегов в плен также ставил задачу «укомплектования и обучения частей, установления строжайшей дисциплины, развития в людях чувства долга перед государем и Родиной[1].

Глубокой осенью 1915 г. вопросом о массовой сдаче в плен русских войск озаботились и в Государственной думе. Там по рукам ходило письмо генерала А.Н. Куропаткина (тогда командира гренадерского корпуса), в котором ставился вопрос о необходимости внушения солдатам значения воинской доблести, позорности плена перед родиной и перед воинской дисциплиной. «Явление это настолько тревожно и страшно, что надлежит сделать все возможное и невозможное для того, чтобы его пресечь в корне, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами», – писал Куропаткин начальнику штаба ставки

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 114–114об., 127; 74об. 130–130об. 188–189. 199–199об. 230–232об.

ген. М.В. Алексееву. Правда, сам Куропаткин отрицал факт какой-либо и с кем-либо, тем более неофициальной, переписки по этому вопросу. С другой стороны, военные власти пытались навести порядок в определении «без вести пропавших» путем точного подсчета погибших на поле боя, чтобы тем самым выявить действительно попавших в плен. Для этого председатель международного комитета Красного креста в Женеве обратился к правительствам воюющих государств с открытым письмом с предложением воюющим сторонам прекращать бой на несколько часов, чтобы подбирать раненых и хоронить убитых, устанавливая при этом количество всех погибших в каждом сражении. В то же время Начальник штаба Ставки ген. М.В. Алексеев обратился с письмом в МВД, потребовав усиления мер против «пропаганды» в запасных и ополченческих частях, где, по его мнению, и был источник агитации в пользу сдачи в плен. К концу 1915 г. положение со сдачей в плен продолжало вызывать обеспокоенность военного командования. Так, главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт писал 16 декабря 1915 г. начальнику штаба ВГК ген. М.В. Алексееву о «чрезвычайном развитии вообще побегов со службы нижних чинов и, в частности, побегов к неприятелю и добровольной сдачи в плен и в одиночку, и целыми группами». Но и зимой 1915–1916 г. проблема сдачи в плен беспокоила русское военное командование. Так, в новом письме к начальнику штаба ВГК Эверт указывал на участившиеся случаи сдачи, в частности в 1-м Туркестанском, 14-м и 25-м армейских корпусах. Проблему он видел в неэффективности судебной власти, а главное – в уверенности солдат, что после войны ко всем сдавшимся в плен будет применена амнистия, что делает сам факт пленения безнаказанным. Выход Эверт видел в манифесте от лица верховной власти о наказании всех сдавшихся и после войны. А между тем продолжали поступать сообщения не только о дальнейших сдачах в плен русских солдат, но и об их позорном поведении в самом плену: о сообщении всех сведений противнику, нежелании уйти из плена, даже имея для этого возмож-

ности, о добровольной помощи противнику в качестве рабочей силы в прифронтовой области[1].

С осени 1916 г. основными причинами пленения, случаи которого участились, стали ухудшение пищи, вообще довольствия, а также плохой качественный состав армии («молодые и дурные»). Отмечались постоянные переходы к врагу. Случаи пленения иногда происходили после братания (в 321-м Окском пехотном полку в ноябре 1916 г.) Поступали сообщения и о сдаче из частей гвардии. И зимой 1916–1917 г. одной из главных побудительных причин сдачи в плен являлись плохое довольствие, особенно пищи. Про отдельные случаи измены были даже стихотворения: «За горох и чечевицу, убегаю за границу», или: «Если будут давать хорошие порции каши, то германцы будут наши, но если будут давать селедку и чечевицу, то под Киевом будет граница»[2].

Интересным является вопрос о семейном состоянии бежавших солдат. Так, подавляющее большинство беглецов-католиков (по всей вероятности – поляков) были женатыми, что в этом случае означало всего лишь воссоединение с семьей, оказавшейся в зоне оккупации противника. И наоборот, почти все беглецы-лютеране, то есть немцы внутренних областей России, являлись холостыми, что делало невозможным наказание их семей. Самым интересным, однако, являются случаи перехода в плен к противнику женатых воинов русской армии. В этом случае факт добровольной сдачи являлся маркером их выбора позиции во внутрисемейных отношениях, существовавших до начала войны.

Иногда было вообще неважно, куда бежать: вперед (в плен), или назад (дезертировать). Именно перед такой дилеммой оказались солдаты 19-го пехотного Костромского

---

[1] М.В. Родзянко – М.В. Алексееву от 18 ноября 1915 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 52об.; А.Н. Куропаткин – М.В. Алексееву от 20 марта 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 65–67; М.В. Алексеев – Н.И. Иванову от 29 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 304–304об.; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 250; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 249–250; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 90. Л. 38–40.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 720об.; Д. 2937. Л. 246; Д. 3863. Л. 104, 150, 143–143об.; Д. 3856. Л. 50об.; Д. 2937. Л. 318; Д. 3863. Л. 242об., 243об., 244, 347об.

полка, которые в апреле 1915 г. решили уйти из части главным образом в связи с неприязненными отношениями с батальонным командиром. При этом одни солдаты предлагали уйти в плен, а другие – перейти в другую часть, а затем вернуться – в надежде на смену нелюбимого командира. Наконец, третьи предлагали уйти «на некоторое время» домой, но тоже вернуться, когда обстановка в батальоне сменится». Интересна судьба одного из дезертиров. По дороге домой он был схвачен военно-полицейским отрядом, но во время этапирования сумел сбежать, пробыл дома 2,5 месяца, вернулся в полк, где все рассказал командиру роты, а тот назначил его отделенным взвода[1]. В данном случае нас интересует вопрос, куда именно и почему убегали солдаты с фронта. Очевидно, что бежали именно от условий нахождения на театре военных действий (в деле вообще ничего не говорилось о боях, а лишь о битье солдат командирами). Бежали куда поближе, то есть в плен. По мере усиления оборонительной полосы таких побегов, естественно, стало меньше. В этом и была причина нарастания дезертирства именно с осени 1915 г., но особенно с осени 1916 г., когда оборонительными полосами покрылся весь Русский фронт. В целом особенностью Русского фронта мировой войны являлось то, что в первичных группах (primery grouppes) солдаты сплачивались не для того, чтобы вместе перенести военные тяготы, а чтобы от них уйти. Так же, по групповому принципу, солдаты и дезертировали с фронта.

Для предотвращения побегов в плен в армиях сначала считали достаточным принятие мер предупредительного характера, для того чтобы ознакомить прибывающие пополнения с соответствующими законами о наказаниях за побег: о том, что будет производиться расследование и убежавшие будут отданы под суд по возвращении; что фамилии убежавших будут сообщены на родину. Предлагалось принять «самые энергичные меры для борьбы с возможностью пропаганды» в войсках сдачи в плен, а виновных в этой пропаганде предавать военно-полевому суду. Одной из первых естественных мер по предупреждению побегов

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7983. Л. 396–397.

в плен считалось усиление надзора за личным составом. Уже в феврале 1915 г. военное начальство стало требовать от нижестоящих командиров сообщений о намерениях солдат сдаться в плен или уклониться от боев – под страхом наказания наравне с совершившими подобное преступление. В этом случае «попустители», «укрыватели» преступления наказывались каторжными работами без срока. Особенно настойчиво предлагалось усилить меры наблюдения после побегов, сопровождавшихся обстрелом русских позиций, о месторасположении которых, как считалось, доносили бежавшие. Строгие меры предлагалось принимать относительно евреев, «как элемента наиболее ненадежного». Впрочем, инициатива слежки за евреями и поляками исходила от начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеева, требовавшего усилить меры по надзору на позициях за нижними чинами из евреев и поляков и приложить все возможные способы к установлению в точности, кто именно перебежал, откуда происходит родом, о чем и сообщить в штаб фронта «для принятия репрессивных мер, если такие перебежчики окажутся родом из местностей, входящих в театр военных действий»[1].

Командующий 5-й армией ген. А.Е. Чурин для предотвращения побегов в плен ставил перед корпусным начальством задачу знать людей в подразделениях. Для этого приказывалось установить в ротах постоянное разделение людей на взводы, отделения и звенья, без крайней необходимости не перемещать людей из одного звена отделения или взвода в другие; вменить в обязанность начальствующим лицам из нижних чинов зорко следить за своими подчиненными, в особенности во время обстрела окопов артиллерийским огнем, а также при атаках противника и во время нашего наступления, ротным командирам, в свою очередь, строго наблюдать, чтобы начальствующие лица из нижних чинов всегда были на своих местах и чтобы имелись их надежные заместители; в ротах и командах, расположенных в резерве, ежедневно производить пере-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 232–232об.; Приказ по 4-й армии № 486 от 24 февраля 1915 г. // РГВИА; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 235; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 139–139об., 129об.

кличку два раза; усилить наблюдение и в резерве, не пропускать никого из посторонних в зону нахождения частей (очевидно, во избежание «пропаганды») и т.д. Те же меры предлагало и фронтовое начальство. Так, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов требовал «иметь самый тщательный надзор за слабыми элементами армии», обращая особое внимание на недопущение «пропагандирования сдачи плен в тылу в лечебных заведениях и при следовании партий укомплектования». В ходе таких мер по наблюдению в войсках ротное начальство даже шло на определенного рода провокации, входя в доверительные беседы со «слабыми» элементами, вызывая их на высказывания в пользу побегов в плен. Дела, в которых сохранились подобного рода сведения, показывают, что солдаты понимали суть подобных разговоров. Поэтому было трудно предотвращать сговоры о побегах методом провокации. Необходима была настоящая патриотическая контрпропаганда[1].

Для предотвращения побегов в плен, кроме надзора на фронте, в окопах или в резерве, предполагалось усиление наблюдения за личным составом также и при следовании по железной дороге[2]. Предполагалось, что в том числе здесь происходит знакомство с агитаторами и пропагандистами состава пополнений. Для этого предписывалось дружинам, охраняющим станции, выставлять цепи вокруг поездов, перевозящих пополнения; в маршевые части назначать усиленный состав офицеров; усилить надзор на станциях железных дорог, и в особенности на узловых, со стороны железнодорожной жандармской полиции, а также в самих транспортах; на узловые станции и железные дороги командировать генералов и штаб-офицеров резерва для установления порядка движения и надзора за проходящими командами; размещать прибывающие команды не по квартирам обывателей, а в казармах и общественных зданиях и т.п.[3]

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 73–73об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 76–85; Оп. 1. Д. 234. Л. 1–61.

[2] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 76–85.

[3] Н.И. Иванов – Н.Н. Янушкевичу от 20 января 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 50–52.

Одну из главных причин уходов в плен командование 9-й армии видело в недостаточной стойкости новых пополнений с конца лета 1915 г. В одном из последних боев в одной из дивизий имела место добровольная сдача в плен около 300 нижних чинов из числа только что прибывших на пополнение дивизии маршевых рот. Под «пополнением» имелись в виду именно ратники. Так, ген. А.Е. Гутор в распоряжении по 7-му армейскому корпусу утверждал: «Контингенты укомплектований из ратников, в особенности старших сроков, почти сплошь неудовлетворительны, как в силу отсутствия у них желания служить, так и соответствующего обучения». Начальство 9-й армии прямо отмечало у них «склонность сдаваться в плен». Считалось, что подобные взгляды эти пополнения могли почерпнуть только в запасных батальонах перед отправкой на фронт. В связи с этим в циркулярах начальникам маршевых частей предлагались меры как воспитательного характера для «выяснения ими понятия о воинском долге, о позорности сдачи в плен и об ответственности, установленной законом в отношении лиц, не выполнивших своих воинских обязанностей», так и мер собственно дисциплинарного характера в виде усиления надзора, учащения обысков на предмет поиска прокламаций, вообще изолированию их от гражданских лиц, потенциальных агитаторов и т.п., распределение подозрительных элементов в отдельных частях или «перемешивание» в частях солдат из прибывающих рот среди других частей[1].

Анализируя факты массовой сдачи в плен и причины, ее вызывавшие, военное начальство обращало большое внимание на проблемы воспитания армии в духе патриотизма, способности противостоять противнику даже в трудных условиях. Уже в декабре 1914 г. командир 6-го армейского корпуса ген. В.И. Гурко подчеркивал действие пропаганды противника за сдачу в плен и указывал на необходимость офицерам беседовать с нижними чинами, действуя на «чувства патриотизма и самолюбия людей», а тем, у коих эти чувства недостаточно развиты, объяснить всю практическую несостоятельность их позор-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 129об.–130об., 140–141, 200–200об.

ного поступка». Зимой 1915 г. в дело воспитания воинов включилось и военное духовенство. Так, в пастырском внушении дивизионного (37-й пехотной дивизии) благочинного говорилось о преступности оставления поля сражения и ухода в плен перед Царем, Родиной, семьей и т.п. При анализе причин сдачи в плен русских солдат внимание комкора 6-го армейского корпуса привлекло вообще легкое отношение солдат к вопросу сдачи в плен. Главной причиной этого явления комкор называл «низкий культурный уровень массы нижних чинов, полное отсутствие политической подготовки и, как результат, недостаточно сознательное отношение к ведущейся войне, ее причинам и тем целям, которые для этой войны поставлены». Для углубления и усиления патриотического воспитания с целью предотвращения бегства в плен ген. Гурко предлагал еще более усилить пропаганду силами «толковых офицеров» и священников среди солдат. Комкор предлагал также увеличить количество газет для солдат, вообще использовать образовательный ресурс солдат, их доверие к печати. Те же идеи развивал и начальник штаба 6-го армейского корпуса, предлагая усилить пропаганду против плена с помощью священников, имея целью «пробудить и развить у нижних чинов высокое патриотическое чувство и сознательное отношение к своему долгу защитников отечества, разъяснить им, насколько бесчестна и позорна сдача плен»[1].

В мае 1915 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов также обращал внимание на необходимость противодействия пропаганде противника за сдачу в плен. Главком фронта предлагал в связи с этим усилить воспитательную работу офицеров в частях и особенно среди новых пополнений, которые прибывают «зараженными этой пропагандой». Иванов приказывал добиться возможно большего общения офицеров и вообще начальников всех степеней с нижними чинами: «Необходимо, чтобы начальники выясняли подчиненным важность переживаемого времени и вселяли в них уверенность, что победителем выходит лишь сильный духом». В

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 156–156об., 163–164, 169–169об., 179–179об.

надписи на данном экземпляре этого отношения командир 9-й армии ген. П.А. Лечицкий приказывал принять «самые решительные меры по недопущению среди воинских чинов преступной пропаганды и к поддержанию строжайшей воинской дисциплины»[1]. Ту же воспитательную работу среди солдат для искоренения явления массовой сдачи солдат в плен видел в качестве основной и командующий 8-й армии ген. А.А. Брусилов. В своем горячем приказе-обращении по армии в июле 1915 г. командарм призывал офицеров научить солдат «любить свою великую Родину и своего Обожаемого Монарха, как любите Вы их сами, всех тех ваших товарищей, которые слабы духом, в которых в тяжелую минуту боя глохнут голос долга и высокие чувства русского солдата»[2]. Усилить надзор и «внушать долг» предписывал и дежурный генерал 9-й армии в циркуляре командирам запасных батальонов, поставлявших основную часть новых пополнений в армию[3].

И далее, осенью 1915 г., в приказах по различным соединениям отмечалось отсутствие долга у солдат новых пополнений, которые на вопрос, что побудило их забыть присягу и честь солдатскую, отвечали: «Нечистый попутал». «Такое объяснение вполне определенно говорит за то, что люди эти имели весьма отдаленное представление о том, зачем их прислали Царь и Родина, ибо воин, понимающий значение присяги и сознающий свой долг, не поддастся не только внушению «нечистого», но, выполняя свой долг, не дрогнет и перед лицом самой смерти», – делали вывод в штабе 22-го армейского корпуса. В связи с этим предписывалось офицерам принять все меры к тому, чтобы «нижние чины знали, какая тяжелая кара ждет нарушившего присягу, и вполне ясно отдавали бы себе отчет в том, как подло и позорно не исполнить долг перед Царем и Родиной, которые, посылая нас сюда, вверяют нам и только в нас, как в своих лучших сынах, видят защиту и своей чести, и своего достояния». В то же время и ту же задачу – усилить пропаганду против сдачи солдат в плен –

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 132–132об.

[2] Приказ по 8-й армии № 559 от 14 июля 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 20.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 129–129об.

ставили и в 18-м армейском корпусе. Командир корпуса требовал, чтобы всем прибывающим из пополнения солдатам разъяснялось о позорности плена, об условиях содержания наших пленных и т.д. Слабость новых пополнений, проявившуюся в «легкой сдаче в плен», констатировало и командование 24-го армейского корпуса. Главной причиной этого явления было «отсутствие нравственного воспитания в духе преданности Престолу и Отечеству, готовности служить по присяге, исполнять свой священный долг пред Государем и Родиной». В связи с этим комкор требовал перерыв в боях «настойчивым образом использовать для правильного воспитания из всех чинов частей храбрых бойцов в духе беззаветной преданности Престолу и Отечеству и полной, нелицемерной готовности умереть за Государя и Родину, биться по присяге, исполняя службу до последней капли крови»[1].

Принимали меры против сдачи в плен и на Северном фронте. В ноябре 1915 г. начальник штаба главком армий фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич, обращая внимание командармов на повторяющиеся случаи сдачи в плен, иногда большими партиями, приказал подтвердить и разъяснить всем нижним чинам приказ Военного Ведомства № 256 о лишении пайков семей солдат, добровольно сдавшихся в плен и дезертиров. Одновременно предписывалось разъяснять «весь позор сдачи в плен ранее, чем будут исчерпаны все средства сопротивления». Предписывалось также указывать на тяжелое положение пленных у немцев. Офицерам предписывалось чаще беседовать с нижними чинами «о святости долга присяги и о значении современной войны»[2].

Широко понимали задачи по поддержанию дисциплины и недопущению случаев побегов к противнику и в 12-й армии, командарм которой ген. А.Е. Чурин обращал внимание на поднятие и укрепление духа вверенных офицерам, особенно молодых, чинов, необходимость более частого посещения частей и проверки ведения занятий и бесед. В этих беседах, подчеркивал командарм, «необходимо дать ясное понимание того, за что они дерутся, зна-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 228–229об. 171–171об. 187об.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 72.

чения войны, качеств нашего сильного, жестокого врага, а отсюда и необходимости стойкости, упорства и победы во что бы то ни стало». «Необходимо разъяснить им весь позор сдачи в плен, измены Царю и Родине; рассказать, как несладко живется нашим пленным у немцев и что ожидает сдавшегося в плен по возвращении домой, а их семьи теперь»[1], – настаивал командарм.

Те же меры к недопущению побегов к неприятелю принимались и на Кавказском фронте. Так, после побега солдат полевого караула к туркам в приказе по 79-му пехотному Куринскому полку 20-й пехотной дивизии предписывалось «принять действительные меры к установлению самого бдительного и строгого надзора за нижними чинами, возможно чаще офицерам проверять службу в караулах, заставах и пр.». Факт побега командир полка приписывал «слабому надзору за нижними чинами и отсутствию должного воспитания нижних чинов в духе верности и святости присяги. Нижним чинам, по-видимому, «не привито чувство долга и любви к родине, не усвоено значение настоящей войны и важность переживаемого времени, что указывает мне на слабую офицерскую работу в полку, на отсутствие в полку должного общения офицеров с нижними чинами, а следовательно, как неизбежное следствие – на отсутствие нравственного влияния на нижних чинов офицеров», – говорилось в приказе командира полка. Приказ обязывал офицеров «принять исключительные меры, не останавливаясь перед самыми крайними средствами, к скорейшему установлению в вверенном вам полку строжайшей дисциплины и порядка и к должному воспитанию нижних чинов»[2].

Вопрос о причинах сдачи русских солдат в плен поднимался и в обществе, возможно, однако, с подачи ряда генералов, обеспокоенных патриотической пропагандой внутри страны. Так, председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в письме генералу М.В. Алексееву в ноябре 1915 г. выражал сожаление о той «легкости, с которой сдаются в плен наши нижние чины и даже офицеры», в то время как «немцы предпочли быть расстрелянными, чем

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 94–96.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 541. Л. 76–77.

сдаться». «Дело в дурном обучении еще дома поступающих пополнений, которым не внушается в достаточной степени значение воинской доблести, не внушается, что сдача есть позорный поступок как перед воинской дисциплиной, так и перед родиной. Ибо родина, высылая своих сынов для защиты своей, вправе от них требовать, чтобы они действительно защищали ее, а не передавали в руки врага участи святого дела, им порученного, путем уменьшения числа бойцов. Надо внушить им необходимость стойкой борьбы. Явление это настолько тревожно и страшно, что надлежит сделать все возможное и невозможное для того, чтобы его пресечь в корне, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами», – писал общественный деятель начальнику штаба Ставки[1].

Однако уже зимой 1915 г. в армиях указывали на необходимость единой системы воспитания, политической и религиозной пропаганды, обеспечения соответствующей литературы. Требовали также организации системы укомплектования и обучения в запасных батальонах. А в целом жесткого поддержания дисциплины, включая и систему наказания. Генерал-квартирмейстер 11-й армии такую систему видел в мерах, сводящихся к «повышению духа (церковные службы и беседы офицеров); в мерах воспитания и обучения при помощи учебных команд в полках; в мерах по поддержанию физического здоровья, включавшую «здоровую пищу», хорошую одежду и содержание в окопах и казармах; мерах наблюдения и мерах воздействия, включая и крайние по отношению к «слабым» – вплоть до расстрела[2]. Тем самым ставилась обширная задача чуть ли не пересоздания всех основ жизни армии в условиях уже ведущейся войны с наличной постановкой дела обучения, воспитания, пропаганды и т.п.

Военные и гражданские власти применяли и множество репрессивных мер недопущения побегов солдат в плен. Первоначальные меры по отношению к сдающимся свидетельствовали о растерянности военного начальства. Одной из таких мер была угроза оставлять сдавшихся в плен здоровыми и легко раненными... навсегда за грани-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 52об.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 135.

цей, «так как Россия не нуждается в таких сынах, которые вместо того, чтобы защищать свою родину до конца, запятнали себя несмываемым никогда позором сдачи в плен»[1]. Когда же тенденция ухода в плен стала устойчивой, власти попытались выстроить определенную систему мер против этого явления.

Для предотвращения «грустных фактов оставления своего поста в виду неприятеля» командование пыталось применять и имеющиеся законы. Согласно статье 243 Свода военных постановлений, виновные в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях признавались государственными изменниками и подлежали лишению всех прав состоянии и смертной казни. Самовольное оставление своего места во время боя или позиции наказывалось смертной казнью или ссылкой в каторжные работы от 4 до 15 лет (Ст. 245). Уклонение от боя или вообще от боевых действий, или возбуждение к этому, также каралось смертной казнью (Ст. 245. п.1–2). За распространение слухов, которые могли вызвать слабость или беспорядок в армии, полагались смертная казнь или каторжные работы от 4 до 20 лет или без срока (Ст. 246). Наконец, сдача в плен без сопротивления каралась смертной казнью (Ст. 248). Как видно, существовала прочная юридическая база, дававшая в руки начальству возможности контролировать крайние проявления нарушения воинских уставов и дисциплины в армии. Так, одно из первых дел против оказавшихся в плену нижних чинов 301-го пехотного Бобруйского полка, не вернувшихся в свои части после рождественских братаний, было направлено на дознание военному следователю начальником 76-й пехотной дивизии в январе 1915 г.. Впрочем, сам факт напоминания подобных законов в приказах по армиям и корпусам свидетельствовал об определенных сомнениях в применении этих законов перед лицом большого количества нарушителей. Власти непременным считали предание военно-полевому суду тех военнопленных, которые перешли в плен добровольно. Такое предание суду вла-

[1] Приказ по 22-му армейскому корпусу № 138 от 25 ноября 1914 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 185.

стью командира корпуса[1] предполагалось делать незамедлительно после того, как такие военнопленные будут отбиты войсками. Вскоре выяснились серьезные трудности применения законов именно по отношению к сдающимся в плен, поскольку закон, в сущности, имел в виду всего лишь предупредительный, устрашающий смысл в отношении потенциальных его нарушителей, но терял смысл по отношению к тем, кто черту закона переступил, поскольку нельзя было его применить к уже находящимся за линией фронта у противника.

В связи с увеличением сдач в плен уже весной 1915 г. выяснились неудобства в применении действовавших судебных законов по отношению к сдающимся. Командующий 8-й армией ген. А.А. Брусилов полагал, что меры борьбы со сдающимися в плен не достигают и даже не могут достигнуть сколько-нибудь ощутимых результатов. Брусилов вообще подчеркивал недейственность существовавших законов в отношении сдающихся в плен. В штабы поступали сообщения, что в действующей армии не ведется должного расследования преступлений, в результате чего многие остаются ненаказанными, такие преступления скрываются начальниками из боязни личных неприятностей. Необходимо было принять настойчивые и решительные меры, «иначе прискорбное явление грозит сделаться явлением опасным для армии, значительно ослабляющим его боевую силу и в высшей степени разлагающе действующим на дух войск», – полагал генерал. Главная проблема, по мнению Брусилова, была в том, что действовавшая статья 248 Свода военных постановлений касалась только единичных сдач в плен, но не могла быть применима именно к массовым сдачам: невозможно было организовать ни расследование, ни тем более предание суду тысяч сдающихся. Действовавшее же постановление об ограничении прав военнослужащих, сдавшихся в плен, когда время нахождения в плену не рассматривалось в ка-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 232–232об.; приказ по 4-й армии № 486 от 24 февраля 1915 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 235; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 139–139об., 232–232об.; приказ по 4-й армии № 486 от 24 февраля 1915 г. // РГВИА; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 235; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 139–139об., 129об.

честве срока службы (Ст. 262, 263 и 865 кн. 7 СВП и ст. 203 кн. 8), Брусилов тем более не считал сколько-нибудь достаточным, чтобы серьезно поразить в служебных и гражданских правах сдавшихся в плен. Меры воспитательного характера своей цели не достигали. Для ужесточения таких мер Брусилов предлагал издать особое повеление Верховного Главнокомандующего, чтобы нижние чины, сдавшиеся в плен, неизбежность сдачи в плен коих не будет удостоверена начальством, по окончании войны не перечислялись в запас или в ополчение ранее выслуги трех лет службы в войсках с последующим их водворением в Сибирь на поселение, «как элемент вредный для государственной и общественной жизни»[1].

Прошение Брусилова о водворении бывших военнопленных в Сибирь на поселение было быстро рассмотрено в верхах. Начальник штаба главкома армиями Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев в своем письме начальнику штаба Ставки Главковерха ген. Н.Н. Янушкевичу поддержал Брусилова. И уже 9 марта 1915 г. Николай II повелел всех нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен неприятелю, водворять по их возвращении из плена в Сибирь на жительство. При этом дежурный генерал Ставки предписал объявить это решение срочно циркуляром, но не в приказах. Впоследствии решение о высылке бывших военнопленных в Сибирь распространялось в качестве циркуляра по штабам армейских корпусов. Однако осенью 1915 г. главком армий Юго-Западного фронта просил уже разрешения объявить о ссылке в Сибирь бывших военнопленных не циркулярами, а прямо в приказах[2].

Одной из самых ранних мер наказания или предостережения против побегов в плен была угроза лишения продовольственных пайков семей, совершивших эти преступления. Такие распоряжения появились в циркуляре армиям Западного фронта уже в декабре 1914 г. А в 1-й

---

[1] М.В. Алексеев – Н.Н. Янушкевичу от 6 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 9–9об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 200–202; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 297–297об.; Д. 784. Л. 9–9об.

[2] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 200–202; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 11, 12, 124, 128, 115–115об.

армии лишение пайков семей сдавшихся в плен было даже закреплено соответствующим приказом по армии. С февраля 1915 г. эта мера уже объявлялась открыто в приказах и по некоторым армиям[1].

А между тем сама эта мера, в сущности, являлась незаконной. Как разъясняли в Главном Штабе (в Отделе пенсионном и по службе нижних чинов) в марте 1915 г., такое решение не отвечало букве закона, поскольку в Положении 25 июня 1912 г. и в приказе по Военному ведомству 1912 г. № 417 о призрении семейств нижних чинов, призванных в войска по мобилизации, не имелось точных указаний по данному вопросу. Даже наоборот, в ст. 79 Положения было указано только, что призрение семейств нижних чинов продолжается до возвращения их со службы к призреваемому семейству. А в пункте 3 приведенной статьи хотя и говорилось о необходимости содержать семьи даже взятых в плен, но при этом не уточнялось, каким образом они там окажутся: по своей воле, или независимо от своей воли. Но фронтовое начальство настаивало на лишении пайков семей военнослужащих, сдавшихся в плен. Принципиально этот вопрос возник вследствие телеграммы командующего 4-й армией генерала А.Е. Эверта в январе 1915 г. главкому армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванову. Эверт настаивал на лишении пайков и даже конфискации имущества и выдворении в отдаленные местности семей нижних чинов из числа немцев-колонистов, ушедших добровольно в плен. Генерал Иванов препроводил эту телеграмму начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу. Однако тот сразу отверг идею конфискации имущества и высылки родителей перебежчиков, что можно было применить лишь в случае сомнения в отношении политической благонадежности членов семей бежавших в плен. В то же время Янушкевич в телеграмме на имя помощника военного министра ген. М.А. Беляева просил немедленно сделать распоряжение о лишении пособий семей пяти перебежчиков, на что получил телеграмму от министра внутренних дел Н.А. Маклакова, в

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 192; 13; Приказ по 8-й армии № 341 от 28 февраля 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 118.

которой он фактически выступил против такой меры, как трудно выполнимой. Однако Янушкевич в телеграмме от 3 марта 1915 г. продолжал настаивать на указанной мере, в связи с чем Маклаков предложил новый закон провести по ст. 87. Чтобы исправить такое несоответствие закону по вопросу о лишении пайков семей воинов, сдавшихся в плен добровольно, и дезертиров, Совет министров на заседании вынес соответствующее постановление. Теперь эта мера получила законное обоснование в виде циркуляра, высочайше утвержденного 15 апреля закона, объявленного в приказе по Военному Ведомству за № 256. Согласно новому закону, семьи нижних воинских чинов, о которых станет известно от военного начальства, что они добровольно, без употребления оружия, сдались в плен неприятелю либо учинили побег со службы, лишаются права на получение продовольственного пособия со дня наступления следующей очереди выдачи пайка. Предполагалось, что об этих преступлениях начальники войсковых частей через губернаторов сообщат уездным и городским попечительствам или соответствующим им учреждениям для исключения членов указанных семей из раздаточных ведомостей. Одновременно принимались меры к скорейшему оповещению населения об этих «позорных деяниях». При этом всем начальникам вменялось оповестить каждого солдата об этом законе. С этого времени о лишении пайков семей сдавшихся добровольно в плен публиковалось в приказах по армиям открыто с непременным оповещением всего личного состава[1].

Неудобство данного закона, однако, состояло в том, что, как разъясняли в штабе ВГК и Главном военно-судебном управлении, лишение пайка могло иметь место лишь в случае очевидности факта добровольной сдачи в плен или побега со службы, что было трудно обеспечить без надлежащего расследования. Это и стало препятствием для эффективности указанной меры, поскольку нель-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–14, 35–36об.; Особый журнал Совета Министров от 15 апреля 1915. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–14, 17–18; РГВИА. Ф. 2003. оп. 3. Д. 1219. Л. 3; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 97–97об.; Приказ по 8-й армии № 461 от 21 мая 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 119.

зя было доказать факта добровольной сдачи в плен тысяч «пропавших без вести», которые и составляли их львиную долю. Существовала неразбериха и при применении этого закона. Так, некоторые командиры частей сообщали о лишении пайков не губернаторам, как это следовало делать, а непосредственно местным уездным попечительствам, полицейским управлениям и даже волостным правлениям, которые не склонны были сразу лишать пайков семьи призванных на войну, вступали в переписку с командирами частей, отстаивая права семей, лишавшихся пайков, и т.п. Так, например, крестьяне села Петровского Звенигородского уезда Московской губернии на своем сходе просто отказались признавать саму возможность сдачи в плен своего односельчанина и вступили по этому поводу в переписку со штабом Верховного главнокомандующего[1].

Ситуация с лишением пайков была даже усугублена многочисленными случаями ошибок в определении виновности в добровольной сдаче в плен. Одновременно с выяснением вопроса об ошибочности обвинения в сдаче в плен встал вопрос о добровольно возвратившихся из плена и необходимости восстановления выдачи пайков их семьям. Этот вопрос предполагалось внести в Комиссию военных и морских дел Государственной думы, где ее члены привели случаи ошибочного признания нижних чинов сдавшимися в плен или дезертировавшими. В результате Комиссия просила МВД внести особый законопроект, в котором было бы предусмотрено, кто и как в войсковых частях устанавливает факт и обстоятельства добровольной сдачи в плен, в каких случаях отлучка из войсковой части считается дезертирством и какой ответственности подвергаются лица, давшие неверные сведения о нижнем чине, имевшие последствием признание его изменником или дезертиром. Ввиду изложенных случаев неправильного признания нижних чинов изменниками или же из-за несправедливого опозорения их семей разъяснялось, что сообщения гражданским властям о лишении пайка семей нижних чинов должны были исходить от военных началь-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 8. Л. 2–2об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 194, 392, 395–395об., 410, 411.

ников не ниже командира части и следовать лишь в случаях безусловной, подтвержденной очевидцами верности факта добровольной сдачи в плен или в случаях побега из рядов армии с целью уклонения от исполнения воинского долга. Это было закреплено в приказе Начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 15 сентября 1915 г. № 63. Но, в сущности, это решение еще более затормозило приведение в действие указанной меры, поскольку теперь командование должно было принять дополнительные меры к проверке достоверности содеянного преступления. Пайки же семьям добровольно явившихся беглецов из плена решено было возобновить. К тому же эта мера влекла значительную переписку между начальниками частей, которые обязаны были удостоверить теперь ошибочность принятых решений о лишении пайков семейств солдат, оказавшихся в плену, и местными губернаторами. Это все равно не исключало ошибок, когда семью призванного, считавшегося одновременно сдавшимся в плен и находящемся в рядах армии, все же лишали продовольственного пайка[1].

Но и сама по себе эта мера, как видно, не производила достаточного предостерегающего впечатления на самих солдат, поскольку случаи бегства не прекращались. Главком армий Северного фронта ген. Н.В. Рузский в ноябре 1915 г. обращал внимание на повторяющиеся случаи сдачи в плен нижних чинов, иногда большими партиями, и вновь приказал подтвердить и разъяснить всем нижним чинам приказ Военного Ведомства № 256 о лишении казенного пайка семейств нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен, и дезертиров. В приказе вновь указывалось на жестокое обращение немцев с пленными, на голодовку, болезненность и большую смертность среди них, на использование пленных на изнурительных и унизительных работах. Начальство все еще полагало, что речь шла о недостаточной осведомленности солдат, которые, сдаваясь в

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 27–27об.; 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 493об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 30–31, 39, 197, 40, 104–106, 108об.–109; см. прошение о подобном случае на имя Военного министра солдатки слободы Лебяжья Больше-Холутецкой волости Лебединского уезда Тамбовской губ. А.Т. Земцовой // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 285–287.

плен, «позорят не только армию, родину и, наконец, своих односельчан, но и родителей, жен и детей[1]. В сущности, власти считали меру лишения семей запасных пайков и факт «опозорения» сдавшихся в плен в местном обществе достаточно действенными, не учитывая ни отношения к таким понятиям, как «родина» в сельском обществе, ни всей сложности семейных отношений в деревне, которыми многие солдаты считали возможным пожертвовать, идя на преступление. Причин такого нежелания следовать мифам патриотизма, сохранения семейного очага, своего доброго имени в деревне в военном руководстве не изучали и даже вопросов таких не ставили.

И все же принятые меры не давали нужного эффекта. Уходы в плен не прекращались. Массовые сдачи целых рот делали бессмысленными устрашающие приказы. Невозможно было удостоверить и действенность приказа о лишении пайков семей сдавшихся в плен, учитывая, что в плен сдавались именно ратники, то есть, как правило, семейные, которые не могли не осознавать последствий своего пленения для собственных семей, что доказывает отсутствие подлинной привязанности к своим семьям. Это есть следствие общего кризиса патриархальной крестьянской семьи в начале XX в. Это подтверждали дальнейшие случаи массовой сдачи в плен во 2-й и 8-й армиях, несмотря на угрозы немедленного прекращения выдачи пособий семьям этих чинов. Некоторые представители армейского командования предложили изменить «воспитательный характер» закона о наказании сдающихся в плен на действительно репрессивный. Прежде всего, предлагалось вести учет сдающихся в плен, всех обстоятельств пленения. Подразумевалось, что при заключении мира обязательно произойдет обмен, то есть выдача всех пленных, которые в этом случае неминуемо предстанут перед судом. То, что сдавшиеся будут неотвратимо наказаны и после окончания войны, предлагалось

[1] Начальник штаба Северного фронта – командующим 6-й, 12-й и 5-й армий 7 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 72; приказ главкома армий Западного фронта ген. А.Е. Эверта № 2134 от 18 октября 1915 г. Не подлежит оглашению // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 199–199об.

обеспечить самим фактом приказов о предании их суду, а материалы дознания хранить при делах части с отсылкой копии на родину обвиняемых. Самое же осуждение предлагалось провести по окончании войны и возвращении обвиняемых из плена. Начальствующие лица должны были принять все меры, чтобы в сознании нижних чинов не было никакой надежды на возможность прощения им после войны «столь тяжких нарушений долга службы». Необходимость немедленно проводить дознание о побегах в плен была подтверждена и главным военным прокурором ген. С.А. Макаренко[1].

Оставалась, однако, проблема, как судить военнопленных, если суд над ними был невозможен ввиду их недосягаемости. Но власти все-таки пытались использовать устрашающий эффект закона, даже если сам суд и не приводил бы к реальному осуждению, то есть к исполнению приговоров. В этой ситуации некоторые командующие фронтами и армиями подняли вопрос о заочном разбирательстве в судах: надо было приговаривать бежавших в плен с караула (в виду неприятеля) или добровольно сдавшихся в плен в бою, так как в глазах массы нижних чинов беглецы как бы оставались безнаказанными. Однако идея заочного осуждения сбежавших в плен превратилась в проблему эффективности военного права в условиях войны нового типа. Дело было в том, что военные юристы считали невозможным и предание военно-полевому суду, и заочные приговоры, полагая, что надо ограничиться лишь возбуждением судебного дела, о котором и сообщать на родину, а разбор дела оставить до возвращения подсудимого. Они исходили здесь из закона, вообще запрещающего судебное разбирательство в отсутствие обвиняемого. На это главком армий Западного фронта ген. А.Е. Эверт возражал, что заочный приговор будет дей-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 119, 219–219об.; телеграмма командующего 8-й армией ген. А.А. Брусилова главкому армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванову 27 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 170–171; приказ войскам 2-й армии № 357 от 4 июня 1915 г. // Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 219–219об.; приказ по 34-й пехотной дивизии № 245 от 21 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 148; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 97–97об., 273–273об., 278–278об.

ствовать на слабовольных сильнее, чем самый приговор к смертной казни, который все равно привести в исполнение нельзя до окончания войны, т.е. до окончания тех опасностей боевой службы, от которых виновный хотел уйти, и до высочайшего манифеста, на милости которого он рассчитывает. В качестве юридического обоснования заочных разбирательств, практически не применявшихся в пореформенном суде, включая и военный, предлагалось использовать указ от 25 апреля 1850 г. и решение Сената о неявке в свое отечество по вызову правительства, допускающего заочные приговоры и немедленное приведение их в исполнение. Главное, как полагали в военном руководстве, чтобы каждый нижний чин наперед знал, «что, убегая к неприятелю или сдаваясь добровольно в плен, он тем самым еще до возвращения из побега и плена лишал себя в своем отечестве всех прав состояния», т.е. всех имущественных, семейственных и личных прав (Ст. 22. 23, 25, 27, и 28 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных). Сторонники введения заочных приговоров полагали, что перспектива такой «гражданской смерти заживо» воздействует на слабовольных сильнее, чем самый приговор к смертной казни, который все равно привести в исполнение нельзя до окончания войны». Сторонники «наказательных мер» подчеркивали, что солдаты совершенно не реагируют на действовавшие меры: лишение пайков семей бежавших, угрозы расправиться с пленными после войны и т.п. Так, по мнению командира 6-го армейского корпуса ген. В.И. Гурко, «нет средств борьбы с этим. Не действуют сообщения на родину – страдают родственники, но не сам совершивший преступление. Сами ожидают остаться безнаказанными: после конца войны затеряются в массе пленных; мало останется свидетелей; дела могут затеряться; их самих будет очень много». В этом случае заочное осуждение предоставляло все же возможность относительно полноценного расследования обстоятельств. Для этого, считал Гурко, надо ввести быстрый полковой суд, пока живы и находятся в досягаемости все свидетели преступления. Такая мера «отрезвляюще подействует на колеблющихся, для которых будет ясно, что преступление

неизбежно влечет за собою наказание и на безнаказанность рассчитывать невозможно. Кроме того, и уведомление на родину о преступлении, подтвержденном судом, будет иметь больший вес, чем простое сообщение о том же военных начальников, тем более что доверие к таким сообщениям из-за случавшихся ошибок не поколеблено». Правда, заочное осуждение по существующим законоположениям производилось по правилам, установленным для полковых судов, где заочные приговоры не допускались, а следовательно, и дела о перебежчиках военно-полевые суды, по формальным причинам, рассматривать не могли. Тогда Гурко предложил возбудить ходатайство об изменении положения о военно-полевом суде, предоставив ему право заочного решения дела добровольно, без употребления оружия, сдавшихся в плен нижних чинов в тех случаях, когда преступление совершено явно и улики несомненны. А если признано будет необходимым, можно для таких дел ввести некоторые ограничения, например, предоставив право предания перебежчиков военно-полевым судам начальствующими лицами не ниже начальника дивизии[1]. Таким образом полагалось ввести серьезное изменение в действия военных судов, не допускавших скоропалительности при производстве дел.

С октября 1915 г. в некоторых армиях начали вводить военно-полевые корпусные суды с заочным осуждением за бегство в плен. Предполагалось, что решения таких судов будут приведены в исполнение после войны. На данный же момент наказанию подлежали члены семьи в виде лишения пайков. Однако уже через месяц вышел приказ, отменявший введение заочных судов в той же 8-й армии. Против заочных военно-полевых судов выступали некоторые командующие армиями. Так, командующий 11-й армией ген. В.В. Сахаров полагал возможным ограничиться лишь преданием суду, о котором и сообщить на родину,

[1] Докладная записка по управлению дежурного генерала при ВГК от 2 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 2; мнение командующего 11-й армией ген. В.В. Сахарова от 31 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 175; РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 2об.–3; главком армий Северо-Западного фронта – начальнику штаба ВГК от 13 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 256–256об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 165–166.

оставляя разбор дела по существу до возвращения подсудимого. В Ставке также считали, что заочного осуждения не нужно, поскольку и так военнопленные будут осуждены после войны. Да и действующих законов, и новых достаточно: усиленные наказания за побеги в военное время в районе военных действий; соизволение царя от 9 марта 1915 на выдворение в Сибирь на жительство всех нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен по их возвращении; закон от 15 апреля 1915 г. о лишении продовольственного пайка семейств добровольно сдавшихся в плен. Военно-судебное ведомство и в принципе выступало против заочных судов. Возражая на инициативу Гурко, представители ведомства вообще полагали, что постановленный заочно приговор не будет иметь юридической силы, поскольку в этом случае вопрос о вине и ее степени без оценки возражений обвиняемого на улики и свидетельские показания, его изобличающие, всегда будет решить затруднительно, а весьма часто и совершенно невозможно. Возражая на аргументы Гурко, что заочные суды будут выносить решения только тогда, когда при рассмотрении преступления «совершенно явные улики несомненны», представители военно-судебного ведомства, становясь на «академическую точку зрения», утверждали, что преступления и несомненность улик – понятия субъективные и в зависимости от точки зрения одни и те же данные могут считаться как явными и несомненными, так и сомнительными и неустановленными. То же касалось и свидетельских показаний: как бы ни были последние категоричны, достоверность их устанавливается путем сопоставления с обстановкой преступления и объяснениями самого виновника. Но и с практической точки зрения представители военно-судебного ведомства считали невозможным введение заочных приговоров, применимых только к единичным случаям бегства в плен. Ведь если сдавшиеся будут исчисляться тысячами, то карательная норма, хотя бы даже определенная уже судом, останется без применения. Сам факт уже определенной степени наказания для всех военнопленных в виде ссылки в Сибирь (а не предания их суду) уже показывал границы военных властей в репрессиях по отноше-

нию к массовым случаям бегства в плен. Наконец, заочные приговоры вполне могут быть заменены приказом о предании суду, который вместе с произведенным дознанием хранился бы при делах части, а копия с него отсылалась бы на родину обвиняемого. Само же предложение о введении заочных приговоров технически трудноисполнимо, поскольку потребует «коренной ломки военно-уголовного судопроизводства». К тому же такая мера «... малодушных... не удержит от их позорного поступка, для всех же подозреваемых в нем введение ее будет равносильно отказу им в правосудии», – полагали в военно-судебном ведомстве. Такой отказ тем менее допустим, что побег в плен карается смертной казнью, т.е. наказанием, по существу, не допускающим исправления. Именно по этому направлению и пошли в частях: предавали бежавших в плен суду, ограничиваясь дознанием, которое следовало хранить при делах части, а копию с него отсылать на родину обвиняемого. Само же осуждение предполагалось произвести по окончании войны и возвращении обвиняемых из плена[1].

Новая попытка предавать сдавшихся в плен заочному наказанию была представлена ген. Эвертом в 1916 г. В ней повторялись все основные аргументы о необходимости немедленного наказания беглецов. Однако и на этот раз предложение генерала было отвергнуто. А осенью 1916 г. власти были уже более чем уверены в ненужности заочных судов, поскольку это означало введение в действие военно-полевых судов, что «незаконно и бессмысленно»[2]. В конечном счете власти так и не ввели заочные приговоры сбежавшим в плен, поскольку сама проблема бегства в плен не была уже такой острой, сменившись новой угрозой боеспособности армии – дезертирством.

В ситуации неэффективности правовых и репрессивных мер против бегства в плен военные власти, особенно фронтовое начальство, попытались использовать непосредственные, наиболее устрашающие меры для пресече-

[1] Приказ по 8-й армии № 788 от 16 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121–121об.; Д. 1067. Л. 260–263об.; Д. 784. Л. 146–146об., 148.

[2] РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 3об., 4; приказ главного начальника снабжения Юго-Западного фронта № 1223 от 17 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 444–444об.

ния этого воинского преступления: а именно, расстрелы вслед бегущим. Расстрелы бегущих и сдающихся в плен фронтовое непосредственное командование считало самой действенной мерой, носившей одновременно и предупредительный характер по отношению к возможным побегам в плен, и наказательный – по отношению к уже совершившим это преступление. Такая мера, как расстрелы бегущих и создание для этого специальных частей, рассматривается в литературе в качестве предыстории заградотрядов как в Гражданской войне, так и особенно в годы Великой Отечественной войны. В этом смысле попытка применить указанные меры в годы Первой мировой войны можно трактовать как первый опыт борьбы с побегами в плен на поле боя. И здесь встают вопросы: когда и как часто возникала сама ситуация применения репрессивных мер и каков в целом их итог в годы Первой мировой войны? Ни в отечественной, ни тем более в западной литературе эта тема фактически не поднималась, за исключением всего одной статьи Ю. Бахурина, в которой автор, однако, сосредоточил все внимание на эпизодах поддержания дисциплины с помощью заградительных отрядов в виде ударных частей в 1917 г. По отношению же к периоду 1914–1916 гг. автор отрицал (возможно, из-за ограниченности материала) как практику подавления силой попыток бегства в плен, так и создание для этого специальных частей в виде заградительных отрядов[1]. Данный сюжет истории русской армии зафиксирован в переписке Ставки Верховного главнокомандующего с командирами частей и соединений и в соответствующих приказах.

Первые случаи применения оружия против бегущих если не в плен, то с поля боя имели место в первые же недели войны. В корреспонденции этого времени упоминались случаи, когда офицер приставлял револьвер к каждому солдату, заставляя таким образом идти в атаку. Однако некий штабс-капитан Кириченко в одном из боев в сентябре 1914 г расстреливал бегущих из пулемета. В то время уже появились сообщения о существовании у нем-

[1] *Бахурин Ю.* «Бить и стрелять беглецов...» Заградотряды в Русской армии в Первую мировую войну – правда или вымысел? // «Актуальная история» // http://actualhistory.ru/zagradotryady_ria

цев заградительных отрядов, стоящих позади атакующих с пулеметами, которые при отступлении «безжалостно расстреливают своих же». А вскоре распространились слухи о расстрелах в самой русской армии за отказы идти в бой, например, о приказах артиллеристам стрелять по своим, бегущим «целыми батальонами». Командир 104-го пехотного Устюжского полка отрицал факт расстрела в его полку 120 человек за отказ идти в бой: «Я хоть и строг, но не палач и отлично учитываю моральные последствия таких зрелищ, как избиение 120 человек». В ноябре появились первые приказы по различным соединениям, предписывавшие, чтобы «всякий начальник, усмотревший вблизи себя сдачу наших войск, обязан немедленно, не ожидая никаких указаний, распорядиться открытием по сдающимся в плен орудийного, пулеметного и ружейного огня». В декабре 1914 г. появились уже и прямые подтверждения случая расстрела своими войсками бегущих в плен солдат 8-го пехотного Эстляндского полка. Почти в те же дни в 6-м армейском корпусе, в одном из полков, во время боя был применен огонь по сдающимся солдатам их «товарищами и соседями, возмущенными их сдачей». В приказе по корпусу его командир «вполне одобрял эту заслуженную расправу с малодушными изменниками». Тогда же, в декабре 1914 г., появился и первый (секретный) приказ по 2-й армии, предписывавший «в тылу атакующих частей иметь специально назначенные части», которые должны были в случае обнаружения добровольной сдачи в плен расстреливать сдающихся. «Полезно привлекать к этому и артиллерию. За такими частями, неустойчивость которых уже отмечалась, ставить орудия и пулеметы», – говорилось в приказе. В это же время по штабам армий стала распространяться «для сведения и исполнения» телеграмма начальника штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевича, в которой он признавал «безусловно необходимым в случаях измены, открытого перехода к противнику на глазах своих войск открывать по перебежчикам огонь, и вообще, в подобных случаях никакая жестокость не будет чрезмерной»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 360, 420; Д. 561. Л. 227–227об.; Д. 544. Л. 350; Д. 561. Л. 117об.; приказ по 22-му армейскому корпусу № 138 от 25 ноября 1914 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784.

В январе 1915 г. главком армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов настаивал на систематическом применении репрессивных мер к перебежчикам, открывая огонь в случае перехода «на глазах войск». И в марте 1915 г. в связи со случаями бегства в плен прямо во время боев, командующий 3-й армией ген. Р.Д. Радко-Дмитриев в телеграмме командирам 9-го, 10-го, 12-го, 21-го и 24-го армейских корпусов приказывал «вдогонку таковых расстреливать, предоставляя это сделать каждому воинскому чину, кто видит на своих глазах подобных изменников нашего возлюбленного Царя и Родины». В это же время в некоторых частях эти угрозы применить оружие против сдающихся были приведены в действие. Так, в боях 4 марта, когда часть солдат 50-го пехотного Белостокского полка, выкинув белый флаг, бросили винтовки и хотели перебежать на сторону австрийцев, командир взвода пулеметной команды полка открыл огонь, но командир взвода горной батареи не стал открывать огня. При этом часть беглецов была перебита, и только небольшая часть успела перебежать на сторону противника, хотя впоследствии некоторые вернулись обратно. Очевидно, у части командиров еще оставались сомнения в необходимости расстреливать бегущих в плен. Для преодоления подобных настроений среди войскового командования на местах в приказах настаивали «отбросить в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, безмилосердно расстреливать забывших присягу». В приказе по 2-й армии также требовалось сдающихся в плен «немедленно расстреливать, не давая осуществиться их гнусному замыслу». Подобный приказ был издан и штабом 3-й армии, а также штабом Юго-Западного фронта. Следуя приказам, командиры 300-го пехотного Заславского полка штабс-капитаны Ильичевский и Кочкин во время майских боев под Опатовым приказали открыть огонь по солдатам батальона соседнего полка, отказавшихся отойти назад под огнем противника для соединения с остальными частями

Л. 185; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2., 156–156об., 218–218об.; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929. С. 38; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 217–217об.

и сдавшихся в плен. И все же формулировки приказов о необходимости расстрела сдающихся в плен дают право сомневаться в буквальном исполнении всеми командиров этих требований. В связи с этим командующий 4-й армией ген. А.Е. Эверт подчеркивал: «Пора нам, наконец, откровенно признаться, что рядом с примерами высокого мужества, высокоразвитого чувства долга и самоотверженности замечаются примеры малодушия, отсутствие преданности долгу и любви к Родине, что и сказывается на числе без вести пропавших. Необходимо добиться во что бы то ни стало у нижних чинов сознания, что сдача до использования всех средств борьбы с противником представляет с их стороны измену, а наряду с этим необходимо также пресечь возможность сдачи в плен людей с недостаточно развитым чувством долга, укоренения у этих нижних чинов убеждения, что сдающиеся добровольно будут уничтожены огнем собственных пулеметов, ибо к трусам и изменникам другого отношения быть не может... Такими же правильными взглядами, а равно твердостью и решительностью, приказываю проникнуться и прочим войсковым начальникам и, отбросив в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, безмилосердно расстреливать забывших присягу». В июле 1915 г. произошел один из самых драматичных случаев применения оружия против сдающихся. Во время боев под Либавой перед сдачей Южного форта командир 4-й роты 163-й дружины зауряд-капитан Архангельский, следуя требованиям немцев, приказал пулеметной команде не стрелять по неприятелю, но пулеметчики этого не исполнили. Тогда ополченцы 383-й дружины открыли огонь по нашим пулеметчикам и, приостановив стрельбу, стали переходить на сторону противника. В ответ на это по приказу начальника гарнизона ген. Б.П. Бобровского было приказано нашей батарее открыть огонь по ротам, переходящим на сторону неприятеля. Согласно отчету, «выпускаемые снаряды очень удачно ложились в эти роты, которые понесли сильные потери»[1].

[1] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 50–52; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 225; Приказ по 13-й пехотной дивизии № 76 от 5 апреля 1915 г. Копия // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 152; приказ по 4-й армии № 846 от

Ряд эксцессов с расстрелом сдающихся в плен воинов русской армии произошел осенью 1915 г. Так, при попытке побега из секрета 49-го пехотного Брестского полка другие секреты открыли огонь, выпустив 21 патрон, убив пытавшихся бежать, которые остались лежать у проволоки противника. Одновременно командование пыталось выстроить такой комплекс мер, которые бы предотвращали сами попытки солдат сдаваться в плен в большом количестве, при этом расстрелы предлагались только как крайние меры. Так, согласно приказу главкома армий Юго-Западного фронта Н.И. Иванова, для «создания из нашего крестьянина, зачастую убежденного в безнаказанности сдачи в плен, дисциплинированного солдата, проникнутого чувством долга до самопожертвования», предлагалось «всех самовольно уходящих с поля сражения предавать немедленно полевому суду, сдающихся в плен расстреливать сзади находящимися частями, применяя расстреливание беспощадно, как меру против изменников присяге Царю и Родине». На подобных мерах настаивало и командование Западного фронта. Комплексы мер против бегства в плен принимались и в армиях. Так, командующий 5-й армией ген. П.А. Плеве среди таких мер называл знание начальством своих людей, постоянный контроль за тем, чтобы начальники были на своих местах во время боя, постоянно производили перекличку самовольно отлучившихся и отдавали неявившихся под суд, а также организовали военно-полицейские посты и караулы и постоянный просмотр местности. И только последним пунктом этих мер был приказ «всем войсковым начальникам не останавливаться ни перед какими мерами для поддержания дисциплины, как бы эти меры ни казались суровы. Убегающих во время боя с позиции немедленно водворять на свои места, хотя бы силою оружия, а если их бегство обнаружено после боя, немедленно предавать военно-по-

4 июня 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 237–238 // *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929. С. 38–39 (ошибочно указана дата приказа 5 июня 1915 г.); РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 219–219об., 223; приказ по 4-й армии № 846 от 4 июня 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 237–238; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7965. Л. 177об.

левому суду». Плеве, ссылаясь на замечания на одном из рапортов о сдаче солдат в плен о необходимости применять к «удирающим» «артиллерию и пулеметы до полного уничтожения негодяев», еще раз приказывал «воздействовать на таких негодяев, изменников артиллерийским и пулеметным огнем до полного их уничтожения, чтоб от таких позорящих нашу армию и родину изменников и следа не осталось; остальных же, если они будут задержаны или возвратятся назад, немедленно предавать военно-полевому суду для поступления с ними по закону, по которому для них установлена позорная смертная казнь». Практика обещания новых репрессий вплоть до расстрелов по отношению к бегущим в плен продолжалась и осенью 1915 г. Так, сообщая о побеге по предварительному сговору из полевого караула посланных в разведку стрелков 4-го стрелкового Финляндского полка 9 октября, командир корпуса в своем приказе требовал «немедленно арестовывать их и представлять начальству, а если по обстоятельствам боя время не терпит, то самим расправиться с ними как изменниками Царю, Вере и Родине расстрелом тут же на месте». «Своя артиллерия и пулеметы – против таких изменников и негодяев», – призывал и начальник штаба ВГК ген. М.В. Алексеев, когда ему доложили о подобном случае[1].

С осени 1915 г. в связи со стабилизацией фронта меры по сдающимся в виде расстрелов стали более упорядоченными, появились подобия заградотрядов. Связано это было и с уменьшением самого количества побегов. В основном на это решались мелкие партии перебежчиков. Так, в ночь с 7 на 8 и с 8 на 9 ноября 1915 г. во время производства работ на участке 280-го пехотного Сурского полка перебежало 7 солдат, поляков, по которым хотя и был открыт огонь, но его результаты не были ясны. В результате роты, из которых бежали солдаты, были отведены в резерв, а в полку назначены особо надежные люди для стрельбы в случае повторения попытки перебежать. Для той же цели были назначены пулеметы[2]. Глубокой осенью во время

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 73об.–74, 110, 114–114об., 150–150об., 188–189.

[2] Командир 14-го армейского корпуса – командующему 1-й армией от 10 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 69об.

боев на Днестре после случаев сдачи солдат в 274-м пехотном Изюмском полку 69-й пехотной дивизии и в 64-м пехотном Казанском полку 16-й пехотной дивизии комкор 18-го армейского корпуса приказал выставить в тылу этих полков пулеметы, чтобы остановить «малодушных от позорных поступков»[1]. В феврале 1916 г. в одном из боев в качестве заградительных отрядов использовались казачьи войска, которые выгоняли войска 2-го разряда прямо шашками из окопов для наступления на австрийцев, а когда некоторые бежали назад, то их рубили. Полк, из которого были попытки побегов, был сменен[2]. Последние сведения о расстрелах сдававшихся в плен относятся к концу 1916 г. Однако речь здесь шла о единичных побегах – часовых, из секретов и т.п. Иногда огонь по перебежчикам открывали соседние часовые, или перебежчиков просто задерживали, после чего их ожидал военно-полевой суд и расстрел[3]. Крайне редко проектировались радикальные меры по предупреждению побегов в плен или дезертирства в виде штрафных подразделений. Так, например, в одном из случаев судебного разбирательства над обвиняемым в попытке бегства в плен предписывалось не только учредить «самое строгое наблюдение», но и при отправлении его на позицию назначить его «в самые опасные места»[4]. Проектов же создания штрафных частей для направления туда «слабых» элементов практически не было.

Среди выводов относительно проблемы эффективности применения вооруженной силы против бежавших в плен на русском фронте, можно выделить следующее. Бежали в основном ратники 2-го разряда. С мест посто-

---

[1] Начальник штаба 18-го армейского корпуса – генерал-квартирмейстеру штаба 11-й армии от 29 ноября 1915 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 170–170об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 347.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 473об.–474.

[4] Командир 14-го армейского корпуса – командующему 1-й армией от 10 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 69об.; начальник штаба 18-го армейского корпуса – генерал-квартирмейстеру штаба 11-й армии от 29 ноября 1915 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 170–170об.; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 347; Д. 2937. Л. 473об.–474; заведующий военно-судебной частью Юго-Западного фронта – коменданту крепости Брест. Секретно. Февраль 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 98.

янно приходили сведения о применении огня против беглецов, однако это было инициативой отдельных командиров, которую поддерживали ряд высших командующих армий и фронтов. Несмотря на то, что не было недостатка в осознании проблемы, в предложении мер от воспитательных до репрессивных в виде расстрелов бегущих с поля боя частями, стоящими в тылу, однако в переписке отсутствуют какие-либо обобщающие доклады по применению указанных мер, как отсутствовали статистические сведения по указанному вопросу. Выявилось, с другой стороны, нежелание многих командиров вообще применять оружие против собственных частей, что косвенно подтверждается постоянными обвинениями фронтовых командиров в «гуманности» по отношению к изменникам родины. Было много приказов о расстреле бегущих, но не было приказов о создании самой системы таких мер, тем более о создании для этого реальных частей. Если же и были такие части, то они создавались силами самих соединений на уровне дивизий или даже полков, но не носили характера отдельных частей для решения оперативных вопросов на участках корпусов или, тем более, армий. Впрочем, создание отдельных отрядов, которым было поручено применять оружие против бегущих, продолжалось в конце 1915 г., однако эта практика не вылилась в систему организации таких отрядов, по всей вероятности, в связи с переходом всего фронта к позиционной войне, что делало почти невозможной массовую сдачу в плен. Солдаты, не желавшие воевать, выбирали другой путь бегства от войны – дезертирство, ставшее основной проблемой боеспособности армии на Восточном фронте Первой мировой войны вплоть до 1918 года.

1.2. Дезертирство

Другой проблемой дисциплины в русской армии, после бегства в плен, явилась проблема массового дезертирства. Значение этого вопроса в подготовке «Красной смуты» уже отмечалось в литературе. Но он рассматривался в рамках проблемы антивоенного движения в годы Первой мировой войны. При этом ни размеры этого явления, ни

формы борьбы с ним не исследовались, а усилия военного руководства по пресечению дезертирства подавались как контрреволюционные, исключительно репрессивные действия по подавлению революционного движения в русской армии[1]. В настоящей главе проблема дезертирства рассматривается с точки зрения соответствия военных усилий России задачам современной войны.

Проблема дезертирства в царской армии существовала и до Первой мировой войны. Так, в 1911 г. было осуждено за самовольные отлучки, побеги и неявку 8027, а в 1912 – 13358 человек. С вступлением России в войну проблема дезертирства стала одной из важнейших в оборонительных усилиях государства. Сведения о дезертирстве стали поступать в первые же месяцы войны. В сентябре 1914 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов отмечал большое количество «бродящих отдельных чинов и групп», распущенность нижних чинов, случаи мародерства. С фронта писали о случаях, когда при отходе солдаты второочередных полков целыми взводами разбегались по деревням, и «этих беглецов (их гибель) приходится дня два собирать». Эти «бегуны» заражали других. Большое количество дезертиров было отмечено в Варшаве. В то же время возникла проблема побегов солдат с поездов, шедших на фронт. По оценкам начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта М.В. Алексеева, побеги нижних чинов с поездов составляли 20%. Для пресечения этого явления он требовал выставлять караульные цепи к поездам. Зимой 1914 г. власти уже были озабочены дезертирством с фронта. Например, варшавским жандармско-полицейским управлением (далее – ЖПУ) было задержано за декабрь 1914 г. 1904 чел., за январь 1915 г. – 1659, за февраль – 1070. Виленским ЖПУ было задержано за это же время 3563 чел. Волна дезертирства на железных дорогах Юго-Западного фронта еще более поднялась зимой 1914–1915 гг., где с 15 декабря 1914 г.

---

[1] *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 30; *Wildman A.* The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, 1979. P. 87; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 35–36; *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии. Л., 1926. С. 122–129; *Оликов С.* Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926. С. 13.

по 15 января 1915 г. было задержано 12872 чел. Больше всего задерживалось на варшавском, виленском, киевском, московском, омском направлениях железных дорог. Главком армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов подчеркивал: «Несомненно, что большая часть задерживаемых являются бродящими нижними чинами в настоящем смысле этого слова, то есть сознательно и умышленно уклонившимися с пути следования к своей части с целью возможно дольше находиться в дороге, странствуя с этапа к этапу и находясь в самовольной отлучке, умышленно не несут не только боевой, но и никакой службы в течение весьма продолжительного времени». Начальник штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевич писал в марте 1915 г. начальнику Жандармского корпуса В.Ф. Джунковскому, что побеги с поездов нельзя пресечь ни строгостью взыскания с самих солдат, ни привлечением к ответственности малоопытных начальников эшелонов, в большинстве случаев молодых прапорщиков. Единственной мерой, которая могла бы пресечь «это громадное зло», Янушкевич считал привлечение к строжайшей ответственности сельских и волостных властей за недонесение о появлении на родине нижних чинов без установленных документов[1].

Множество случаев дезертирства было отмечено во время «великого отступления», когда после тяжелых боев солдаты «разбредались», частью попадая в плен или совершая побеги домой. Начальник снабжений штаба главкома армий ЮЗФ сообщал в мае 1915 г., что солдаты отстают от своих эшелонов, самовольно занимают затем места в пассажирских вагонах, размещаются на площадках и даже на крышах. Начальники эшелонов не принимали мер

[1] Дезертирство накануне войны определялось как «побег» или самовольное отсутствие от места служения долее 3 суток, а в районе военных действий – долее суток: Циркуляр Главного штаба № 124 за 1915 г.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 1219. Л. 3; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916. С. 20–21; РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 1–1об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. 439–439об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 24; 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 285; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 31; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 32; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 172, 197; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 409–410; Н.И. Иванов – Н.Н. Янушкевичу. Февраль 1915 г. Отпуск. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 146–147; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 146–147; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 313–319об.

к устранению этого и в то же время отказывали комендантам в задержании нижних чинов из эшелонов, пришедших раньше. Массу дезертиров, скрывавшихся среди беженцев, фиксировали в донесениях фронтовые штабы летом 1915 г., в связи с чем начальник военных сообщений штаба главкома армий ЮЗФ требовал принять все меры для поддержания порядка проходящих эшелонов. Еще больший размах приобрело дезертирство с поездов с маршевыми ротами, комплектовавшимися на этот раз не из запасников, а из ратников ополчения. Так, на Юго-Западном фронте эти побеги составляли по 500–600 человек с поезда, более половины состава. При этом не действовали никакие меры по предупреждению побегов: солдаты спрыгивали с поезда на ходу, невзирая на выстрелы охраны. Как правило, беглецы находили убежище в собственных или чужих деревнях, где жили месяцами. В связи с этим начальник штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевич потребовал принятия мер в округах, подчиненных Военному министерству, произвести при помощи полиции и сельских властей сбор шатающихся и возвращение их в армии. Беглые, отсталые, бродяжничавшие толпами замечались на железных и грунтовых дорогах Западного фронта. Отмечалось, что эти солдаты вносили «тлетворный дух деморализации» в войска. Общей причиной такого явления называлось неустройство тыла: сбой в системе железнодорожного сообщения с лета 1915 г., недостаточное обеспечение помещениями, питанием, медицинским обслуживанием проходящих составов и частей. В целом происходила потеря ритма обслуживания войск в тылу и всего фронта. «Несвоевременное принятие мер к устранению этого явления и промедление могут вызвать грозные, весьма опасные для всей армии последствия», – предостерегало фронтовое начальство[1].

С осени 1915 г. дезертирство сопровождалось и питало явления беспорядков, мародерства, поджогов, грабежей в тылу армии, что явилось следствием широкого

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 115; Д. 1069. Л. 409–410; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 541. Л. 37–38; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 84–86, 87, 191–191об., 252–254, 191–191об., 252–254; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3861. Л. 404–404об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 541. Л. 37–38; РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 27–31об.

участия войск в реквизициях имущества, поджогах полей с урожаем и т.п. во время «великого отступления». Свидетелем «невероятной распущенности» солдатской массы в сентябре 1915 г. под Оршей оказался министр внутренних дел Н.Б. Щербатов. В обращении в Ставку министр требовал не останавливаться ни перед какими мерами и суровыми наказаниями, очистить тыл от мародеров, самовольно отлучившихся и пребывающих без дела нижних чинов, вернуть их фронту. О массе самовольных отлучек нижних чинов и даже офицеров, о повсеместных беспорядках в тылу, поджогах говорилось в то же время в телеграмме начальника штаба Ставки ген. М.В. Алексеева начальнику снабжения штаба главнокомандующего армиями ЮЗФ. Главком армий Западного фронта ген. А.Е. Эверт в том же сентябре 1915 г. указывал на появление массы отставших солдат, потерянных для армии, быстро деморализующихся, начинавших промышлять мародерством и даже бандитизмом. Он требовал начать борьбу с этими явлениями «самыми быстрыми, радикальными, а в некоторых случаях и суровыми мерами». Дезертирство проникло глубоко в тыл России; в декабре 1915 г. появилась масса бродячих солдат в Московском военном округе[1].

Глубокой осенью 1915 г. еще более умножились побеги солдат из эшелонов, идущих на пополнение действующей армии[2]. С мест передавали, что безбилетные солдаты едут на площадках, подножках, на крышах вагонов, массами проникают в пассажирские поезда. МВД придавало этому явлению «совершено исключительное значение». В октябре был издан циркуляр об оказании всеми чинами полиции и жандармского надзора всяческого и полного содействия военным властям по охране эшелонов в пути их следования, «вменив в строжайшую обязанность названным чинам, а равно сельским и волостным властям под личной ответственностью принимать самые решительные меры к недопущению побегов и задержанию беглецов для

[1] РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 32–38; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 84–86, 87; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 27–28; РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 258.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 255–255об.

предоставления их местному воинскому начальнику». Заместитель начальника Главного штаба ген. М.А. Беляев требовал от Главного военного прокурора принять «возможно более крутые меры» для прекращения побегов солдат с поездов внутри России. Фронтовое же начальство призывало не останавливаться ни перед какими мерами и суровыми наказаниями, в том числе применять к бегущим телесное наказание до 50 розог, лишать их обычного материального обеспечения и т.п.[1]

Но и далее проблема дезертирства продолжала обостряться. Зимой 1915–1916 гг. возникло новое явление: побеги с санитарных поездов легко раненных, которые либо бежали к себе в деревни, либо шатались по окрестным селениям без всякого призора. Военные власти констатировали, что побеги нижних чинов из эшелонов за последнее время приняли столь угрожающий характер, что требуют применения всевозможных средств для борьбы с ними. Несмотря на принимавшиеся меры, волна дезертирства нарастала. Так, весной 1916 г. только на Юго-Западном фронте в месяц задерживали по 5 тыс. человек. Мощная волна дезертирства началась с осени 1916 г., особенно на Западном и Северном фронтах. Ставка в очередной раз обращала внимание на беспорядки в тылу и требовала «планомерных решительных мер» против нелегально шатающихся в тылу без дела солдат, привлекая их к законной ответственности и применяя «самые суровые наказания военного времени», не останавливаясь даже перед телесными наказаниями. Главнокомандующий армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузский требовал от гражданской администрации тыла фронта принятия соответствующих мер по отношению к дезертирам[2].

Дезертирство имело различные формы на разных фронтах русской армии. Так, на Юго-Западном фронте

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 96, 255–255об.; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3861. Л. 260–260об.; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 16; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 259–260.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Там же. Л. 279–279об., 404–404 об.; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 26, 96, 391–391об., 389–389об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 361; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 417–417об., 519об.; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 2–4.

бытовали, в сущности, прямые формы дезертирства в виде побегов солдат прямо домой, а также побеги с поездов с маршевыми ротами, следовавшими на фронт. То же было и на Румынском фронте, где сами ротные командиры признавали, что «умные повтикали, а дураки остались». На Западном же и особенно на Северном фронтах главным видом дезертирства было бродяжничество: под различными предлогами уход солдат из своих частей и «вращение» на театре военных действий данного фронта. Такая форма ухода от войны была вызвана, с одной стороны, громадным масштабом позиционных работ на этих фронтах, усиленным контролем со стороны командования всей прифронтовой зоны, как бы «прикреплявшим» солдат к ней, а с другой – близостью гражданской территории, позволявшей в ней «раствориться». Здесь бытовали такие формы дезертирства, как самовольные отлучки, отставание от эшелонов, езда без документов, или с просроченными документами, или по подложным документам, езда с документами, подписанными кем-то вместо командира части, «командировки» за покупками, езда не по тому направлению, которое указано в документах, – якобы ошибочно... Если в начале 1916 г. количество самовольщиков составляло на Северном фронте 40–50%, то к марту 1917 г. их было около четверти, а остальную часть составляли «легальные» дезертиры, «бродяжничавшие». Надо полагать, что начальство уступало давлению нижних чинов, выписывая в массовом количестве «документы» солдатам, фактически отправлявшимся в «самоволку». Например, в течение двух дней на станции Псков при проверке документов проезжавших нижних чинов ими было предъявлено около 100 билетов 179-го пехотного запасного батальона об увольнении в отпуск на 5 дней за подписью некоего прапорщика вместо командира роты или командира батальона. Но при этом не выдавались пропуска по льготной литере «Д» на проезд по железной дороге. В результате все нижние чины ехали без проездных документов и были задержаны. Бытовали на фронте и отлучки офицеров. Так, комендант Пскова отмечал, что у большинства прибывающих по делам службы в город офицеров и чиновников

в предписаниях не указывались определенно сроки их командировок[1].

На Северном фронте тысячи солдат, не покидая театра военных действий, «бродили» по этапам, гражданским тюрьмам, гауптвахтам, куда они попадали неоднократно после поимки, последующего нового побега или «отставания» от состава. Являясь на этапы совсем босыми и даже «голыми», они чуть ли не в первый день прибытия заново обмундировывались, а на вопросы о причине недостачи казенных вещей давали стереотипные и совершенно не заслуживающие доверия ответы: «остались на позиции», «потерял», «украли», «износились и бросил» и т.п. Для этапного начальства было ясно, что речь шла о сильно развитом проматывании вещей. Командирами полков применялись к проматывающим обмундирование бродягам строгие наказания, до телесных включительно, но цель все равно не достигалась. Почвой для «проматывания» обмундирования, достигшего «ужасающих размеров», являлась широко бытовавшая скупка гражданским населением вещей у солдат. Так, по сведениям, полученным в 122-м пехотном Тамбовском полку, крестьяне одного из уездов Новгородской губернии почти сплошь были одеты в военное обмундирование. Скупка обмундирования у солдат способствовала и укрывательству самих дезертиров в деревнях[2].

Бродячие солдаты часто устраивались на работы в прифронтовых городах, жили с сожительницами или с проститутками, занимались кражами, грабежами, подделкой документов для таких же дезертиров, продажей обмундирования, даже просили милостыню. Летом 1916 г. в сельских местностях в расположении 12-й армии были замечены воинские чины с отпускными свидетельствами или

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 27об., 161, 331; Д. 3863. Л. 252об., 284, 347 об.–348, 365; Д. 217. Л. 78, 82; Д. 215. Л. 61, 80, 133, 139, 200, 204, 210, 219, 224; Ф. 2031. Оп. 2. Д . 553. Л. 41–41об., 487; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 213. Л. 270; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 89–90об.

[2] Некий Артур Альман при направлении на фронт за 2 месяца умудрился быть задержанным в качестве дезертира различными командами Двинского и Петроградского военного округов 5 раз: РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. д. 201. Л. 121–121об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 88. Л. 174об.; РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 484–484об.; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 288. Л. 246–246об.

самовольно отлучившиеся, имевшие при себе огнестрельное оружие. В тылу фронта появились авантюристы из числа дезертиров, выдававшие себя за офицеров, агентов снабжения продуктами и т.п. Дезертиры являлись легко возбудимым элементом, бранились на часовых при перемещениях по этапам, часто включались в беспорядки на этапах и распределительных пунктах, например в Гомеле и Кременчуге осенью 1916 г.[1]

Особенно сильно притягивал бродяжничающих солдат Петроград и его окрестности. Для задержания дезертиров в Петрограде была создана специальная вторая комендатура. Ее военно-полицейскими командами на вокзалах только за одну неделю апреля 1916 г. было задержано с просроченными документами или вовсе без документов 1192 человека. В середине июня за неделю было задержано 772 человека[2]. В Петрограде солдаты-бродяги оседали в многочисленных чайных, ночлежках, мелких мастерских, притонах и т.п. В столице возникли шайки воров и грабителей из дезертиров. Именно солдаты-бродяги из действующей армии, а не солдаты Петроградского гарнизона, как иногда пишут в литературе, ежедневно заполняли улицы столицы, что так часто бросалось в глаза современникам. Нередко из-за бродяг-солдат в Петрограде вспыхивали мелкие стычки, даже целые побоища с полицией, где толпа, как правило, вставала на сторону солдат. Будущие февральские битвы солдат и горожан с полицией таким образом апробировались на столичных улицах и особенно участились накануне революции[3].

[1] *Днепровский Александр.* Записки дезертира: Война 1914–1918. Нью-Йорк: «Альбатрос», 1931. С. 61–64, 81–83, 93. Данную книгу мне любезно предоставил коллега П. Симмонс; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 280–280об.; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4394. Л. 40–40об., 52–52об.; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 14об., 19–23, 26, 38, 56–58, 90–91, 111–112, 144–144об., 154; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 79, 398; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 89, 111–112 об., 114–114об., 120, 130–131об.; Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 154; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 518; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–2; Д. 1304. Л. 2-5; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 152. Л. 53об.; Ф. 1932. О. 15. Д. 236. Л. 18; Д. 152. Л. 73–74; Д. 195. Л. 84–85.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4394. Л. 587; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 82–83, 91.

[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4394. Л. 304, 369, 464; 537, 688, 695, 579; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 35–35об.

Дезертиры доставляли много хлопот властям и гражданам и во внутренней России. Повсеместными были оскорбления дезертирами полицейских и жандармов при железной дороге. Очень часто дезертиры вступали с ними в драки, выбрасывали их из поездов. Шайки дезертиров появились даже на Волге, в Астрахани. На селе дезертиры, порою бывшие до войны известными односельчанам хулиганами, подстрекали их к бунтам, распространяли антивоенные настроения, сопротивлялись местным властям, пытавшимся их задержать и т.п.[1]

Сколько же всего было дезертиров в царской армии периода Первой мировой войны? Согласно данным Ставки, до Февральской революции их было 195 тысяч. Однако остается неясным правовой статус дезертиров, зафиксированных Ставкой: являлись ли они всего лишь задержанными военнослужащими, или привлеченными к следствию, или осужденными за самовольную отлучку. Неясно и время учета дезертиров: с начала ли войны или только с момента их задержания (начала следствия, суда). Противоречивые цифры количества дезертиров давал Н. Мовчин: 2 млн до 1917 г. в одной работе и 2 млн до октября 1917 г. со ссылкой на данные Ставки – в другой. Почти все авторы при этом ссылаются на сведения от бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, согласно которым до Февраля 1917 г. насчитывалось 1,5 млн дезертиров. При этом советские авторы склонны цифры дезертиров завышать, в то время как эмигрантские – занижают, подчеркивая, что дезертирство в собственном смысле этого слова связано только с революцией[2].

Для расчета количества дезертиров, под которыми в данном случае понимаются все военнослужащие, незаконно покинувшие свою часть, следует представить те территории, по которым дезертир двигался. Их насчитывалось пять. Первая территория – полоса непосредственной оборонительной позиции около 8–10 км в глубину

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 43–44 об., 122, 131. 595об.

[2] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26; *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии. Л., 1926. С. 122; *Мовчин Н., А.Г.* Дезертирство военное // Большая советская энциклопедия. М., 1930. Том двадцатый. Стб. 834; *Головин Н.Н.* Указ. соч. Париж 1937. С. 79.

и около 2000 км в длину (без Кавказского фронта). Эту территорию контролировало непосредственно армейское начальство. Здесь дезертиров задерживали разве лишь в первые дни после боев или при перемещении войск, а затем отправлялись в строй. Вторая территория – это тылы армий и корпусов, до 40 км. в глубину. Это была зона значительного движения дезертиров, она активно зачищалась контрольными участками, военно-полицейскими и летучими командами армейского уровня, подчинявшимися начальникам снабжений или начальникам военных сообщений. Третья территория – фронтовые и прифронтовые губернии, входившие в театр военных действий, до 800 км в глубину. Здесь число дезертиров пополнялось из запасных частей. Эта полоса являлась последним рубежом, разделявшим фронтовую и внутреннюю Россию. Поиском дезертиров здесь занималось губернское гражданское начальство с помощью городской и сельской полиции, а также войсковое начальство военных округов. Четвертая территория – это железные дороги внутренней России, вдоль которых следовали в крупные города или к себе домой солдаты-дезертиры. Здесь задержание дезертиров проводилось силами жандармско-полицейских управлений железных дорог. Наконец, пятая территория – место жительства, родина солдат-дезертиров, а также крупные города. Здесь розыск и задержание дезертиров осуществляли местные, волостные или сельские власти с участием команд уездных воинских начальников.

К сожалению, не совсем ясно, как считали дезертиров, зарегистрированных Ставкой в количестве 195 тыс. человек. Вряд ли это данные о снятых с учета и довольствия в самих частях. Значительную часть фактических дезертиров армейское командование длительное время не признавались, а сами дезертиры числились в отпуске, пропавшими без вести, в командировках и т.п. Не следует забывать и экономическую выгоду для части от довольствия и обмундирования, которые продолжали поступать в расчете и на отсутствовавших солдат. В делах вообще нет сведений об учете дезертиров в самих частях (кроме периода 1917 года). Отсутствуют и сводные сведения о привлече-

нии к следствию за самовольные отлучки и тем более об осужденных за это преступление. По всей вероятности, дезертирами Ставка считала всех задержанных при их прохождении с фронта в тыл. На Северном и Западном фронтах эта зона находилась в ведении контрольных участков Двинского и Петроградского военных округов и включала одновременно территорию и тылов фронтов, и соответствующих военных округов. На Юго-Западном фронте контроль осуществлялся при передвижении дезертиров с территории военных округов, примыкавших к театру военных действий. Сведения здесь поступали от начальников военно-полицейских команд, местных губернаторов, начальников военных округов.

Наиболее полные еженедельные сведения о дезертирах на Северном фронте получены от начальников контрольных участков Двинского и Петроградского военных округов Северного фронта, которыми было задержано с ноября 1915 г. по февраль 1917 г. 56176 человек. Эта цифра близка к данным Ставки по дезертирам на Северном фронте: 49055 (без 12-й армии) человек. Таким образом, надо полагать, что дезертирами в статистике царской армии считались военнослужащие, задержанные за самовольную отлучку. К тому же в статистике были приведены данные только за время действия контрольных участков, то есть с ноября 1915 г. Если же рассчитать количество задерживаемых с начала военных действий до Февральской революции, то их должно быть в обоих округах свыше 100 тыс. чел.[1] Очевидно, что движение дезертиров постоянно возрастало. При этом оно подчинялось сезонным колеба-

[1] Подсчитано по «донесениям о задержанных в тылу Северного фронта нижних чинов»: РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215; Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26; в Двинском военном округе задерживалось в 1915 г. в среднем за неделю в ноябре 560, а в декабре 656 человек. В 1916 г. в каждом из месяцев соответственно задерживалось за неделю 248, 188, 320, 264, 261, 228, 215, 268, 213, 1089, 1194, 1377. В 1917 г. в январе задерживалось 1461, а в феврале 1680 человек. Всего за период действия контрольных участков в округе было задержано 44328 человек. Контрольными участками Петроградского военного округа задерживалось в 1915 г. в ноябре и декабре в неделю соответственно 141 и 296 человек, а в 1916 г. ежемесячно в среднем за неделю – 72, 98, 123, 124, 205, 391, 287, 19, 72, 198, 242, 205 человек. В 1917 г. в январе за неделю задерживалось 240 человек.

ниям, давая наибольшие всплески в осенне-зимний период.

На Западном фронте, согласно данным Ставки, до февраля 1917 г. было задержано 13648 человек. На Юго-Западном фронте было задержано 64582 дезертиров непосредственно из армий, то есть во время их движения с театра военных действий. По всей видимости, здесь взято за основу количество задержанных в губерниях, включая прифронтовые, входившие в зону действия Юго-Западного фронта (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Курская, Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Таврическая, Тернопольская). Общее количество задержанных, согласно данным служб военных сообщений, составило в 1916 г. 68196 человек, что близко к данным Ставки и соответствует количеству числившихся в бегах на Юго-Западном фронте за время боев с 22 мая по 21 июля 1916. На Румынском фронте была повторена картина Юго-Западного фронта, от которого Румынский фронт, в сущности, и отпочковался. Здесь было задержано, согласно данным Ставки, 67845 человек, то есть непосредственно бежавших из армий. Службами военных сообщений на театре военных действий было задержано всего 440 человек[1].

К числу дезертиров, задержанных при переходе с театра военных действий в тыл, следует прибавить задержанных жандармско-полицейскими управлениями на путях сообщений внутри России. Согласно данным Жандармского корпуса, за январь–февраль 1915 г. было задержано 7090 дезертиров, а за март – декабрь, соответственно, – 13914, 10928, 9881, 8834, 7354, 7355, 13607, 29857, 25294, 13435, всего 147549, вместе с ГЖУ (1254) – 148803. В 1916 г. силами железнодорожной жандармерии было задержано за январь–декабрь, соответственно, 11685, 7206, 5960, 4765, 4036, 5239, 6475, 5943, 5621, 5711, 5600, 6512, за год – 74753 человек. Таким образом, только по официальным отчетным данным военных и жандармских учреждений всего было задержано на фронте и в тылу свыше 350 тыс. чело-

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26; РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 26, 297–297об., 391–391об.; Д. 350. Л. 406–407.

век. Это на порядок превышает количество дезертиров в германской (35–45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях[1].

Следует сказать и о некоторых подсчетах Н.Н. Головина, основанных на данных издания «Россия в мировой войне (в цифрах)». Называя указанную цифру дезертиров в 195130 человек до Февральской революции, Головин рассчитал и помесячное (из расчета 31 месяц до марта 1917 г.) количество дезертиров – 6300 чел. по сравнению с 30900 чел. после революции, из чего он сделал заключение о наибольшем количестве дезертиров именно после крушения царизма[2]. Однако если учесть количество дезертиров до ноября 1915 г. (т.е. за 15 месяцев войны), не вошедших в официальные сводки поимки дезертиров, то цифру задержанных дезертиров придется почти удвоить, и в этом случае разница с послереволюционным временем не будет уже выглядеть столь шокирующей.

Менее всего сведений о количестве дезертиров, осевших во внутренних губерниях России. По сведениям гражданских властей, в целом на каждую деревню приходилось по одному, иногда по два и редко три человека найденных дезертиров. Данная оценка вероятна, если учитывать, что, например, только в Казанской губернии к февралю 1916 г. было задержано 900 дезертиров. Учитывая, что сельских сплошных поселений только в Европейской России было свыше 400 тыс.[3] (без занятых противником – около 300 тыс.), то количество дезертиров в глубине России можно оценивать в 300 тысяч. Таким образом, в целом по стране за время войны до марта 1917 г. было задержано на фронте, вне его и в местах их временного или постоянного проживания около 700–800 тыс. дезертиров, а если

---

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26; РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 26, 297–297об., 391–391об.; Д. 350. Л. 406–407; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 322–323об., 378, 483, 502, 524об., 624 об., 662–663; Д. 3861. Л. 54об.–55., 160об.–161, 207об.–208, 255об.–256, 281, 302–303, 353об.–354; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 409–410; Д. 4461. Л. 56–57, 101–102, 145–146, 189–190, 235–236, 278–279, 322–323, 366–367, 410–411, 452–453, 494–495, 534–535; *Christoph Jahr.* Gewohnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914-1918. Göttingen, 1998. S. 150, 168.

[2] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 78-79.

[3] РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 392; Ф.1932. Оп. 3. Д. 195. Л. 384; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 290.

учесть и не задержанных, находящихся «в бегах», то вполне возможно, что эта цифра может подняться до 1–1,5 млн Конечно, почти все задержанные, а многие и не задержанные, отправлялись вновь в армию. Поэтому нельзя говорить о них как о буквальных дезертирах, то есть изъятых вовсе из военной службы в каждый данный момент, например к марту 1917 г. Однако можно сделать вывод о том, что около 1–1,5 млн солдат прошли путь дезертира, побывали ими перед революцией. Опыт уклонения от военной службы, естественно, облегчил для них, а также и для их товарищей на фронте, восприятие «антивоенных» идей в 1917 году.

Для борьбы с дезертирством гражданские и военные власти применяли различные формы и методы. Важным являлось судебное преследование, поскольку дезертиры полагались на безнаказанность своих действий, – делали вывод в Главном Штабе. Еще в марте и апреле 1915 г. в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) поднимали вопрос о пересмотре глав Свода военных постановлений о побегах нижних чинов. Однако Главная военная прокуратура дело не рассматривала. В результате ГУГШ принимал меры для борьбы с побегами в административном порядке, но в силе оставались прежние статьи, налагающие очень легкие наказания за побег. Однако побеги стали принимать массовый характер, и начальник штаба ВГК ген. М.В. Алексеев в ноябре 1915 г. обратился в Военное министерство с просьбой пересмотреть законодательство с целью коренного изменения самого понятия побега и ужесточения наказаний. Согласно 136 ст. Воинского устава о наказаниях за побег во время войны в районе военных действий в первый раз назначались наказания не свыше 5 лет в исправительных арестантских отделениях, во второй раз – каторга до 20 лет, а в третий раз – смертная казнь. За побег же в военное время, но вне района военных действий, наказание не превышало заключения в военной тюрьме и дисциплинарных частях за первый и второй побеги и отдачи в исправительные арестантские роты за третий побег. Таким образом, подчеркивал Алексеев, признание самовольной отлучки побегом обусловливалось лишь продол-

жительностью отсутствия независимо от цели отлучки. Само понятие побега имело формальный характер и не учитывало внутренних побуждений дезертира. В результате получалось одинаковое наказание за все его виды – в одних случаях слишком мягкое (для злостных дезертиров), а в других – слишком строгое (при опозданиях, отлучках с целью повидаться с родными и т.п.). Реально же всякий побег, даже в районе военных действий, облагался первый раз наказанием не свыше исправительных арестантских отделений всего в несколько месяцев, а в тыловом районе – заключением в военной тюрьме, порою всего в 1 месяц. Алексеев требовал «особого усиления» уголовной кары за уклонение во время войны от исполнения вовсе воинского долга вплоть до смертной казни и каторги без срока, а также повышения наказания за неумышленное оставление службы[1].

В ответ на требование Алексеева Главное военно-судебное управление (ГВСУ) образовало комиссию при участии подполковника Главного штаба Туган-Барановского. Комиссия разработала проект всей новой главы 4-го раздела Воинского Устава о наказаниях за побег, самовольную отлучку и неявку в срок на службу. На этот проект Алексеев сделал ряд замечаний. В новом письме в Главную военную прокуратуру Алексеев назвал дезертирство «преступлением» независимо от степени близости к неприятелю, поскольку оно «ведет к ослаблению боевой мощи армии и по тяжести своей граничит с добровольной сдачей в плен и государственной изменой». Начальник штаба Ставки настаивал на усилении уголовной репрессии и за повторные побеги, хотя бы без наличия злого умысла, включая и тыловые районы, даже вне театра военных действий. То есть дезертирство как преступление стало рассматриваться одинаково – как непосредственно на театре военных действий, так и вне его. Тем самым был подчеркнут современный характер войны, для которого характерна организация для обороны всей страны, всего военного организма – вне зависимости от степени приближенности к передовым линиям.

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 266-266об.; Ф. 1932. Оп. 1. Д. 4. Л. 244–247; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 18–18об., 37–37об.

Согласно новой редакции законов о дезертирстве от 14 января 1916 г., понятие «побега» основывалось исключительно на цели уклонения от службы, а не на длительности. Побегом считалось самовольное оставление военной службы именно с целью вовсе уклониться от службы в действующей армии. Наказания, налагаемые за побеги, вне зависимости от приближенности к передовой, были сильно повышены, с полным уничтожением градации наказаний за 1-й, 2-й и 3-й побеги во время войны. Так, уже за первый побег во время войны бежавший мог быть приговорен к каторжным работам на срок от четырех до двадцати лет или же к смертной казни. Одновременно фронтовое начальство усилило наказания и за побеги с поездов, вменяя в вину беглецам даже полученные при спрыгивания с поездов увечья – как умышленное причинение повреждений с целью уклонения от службы[1]. Если же цели побега не было, то такое оставление службы признавалось самовольной отлучкой (не долее шести суток в мирное время, не долее трех суток во время войны и не долее суток в войсковом районе на театре военных действий). Она наказывалась дисциплинарным взысканием. Самовольные отлучки, длившиеся более указанных сроков, наказывались в военное время: в первый раз – содержанием на гауптвахте от 3-х до 6 месяцев, во второй раз – заключением в крепости от 1-го года и 4-х месяцев до 4-х лет или отдачей в дисциплинарные части на 1–3 г; в третий раз – отдачей в исправительные арестантские отделения от 2,5 до 4-х лет. Таким образом, введя различение понятий «побег» и «самовольная отлучка», власти внесли путаницу в определение понятия «дезертирство», поскольку было трудно, как оказалось, доказать умысел в совершении подобного преступления, оставляя его, в сущности, безнаказанным[2].

Важнейшим недостатком судебного преследования оставалось различение побегов по умыслу или по неосторожности. В условиях массовости самовольных отлучек,

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 20, 38–39об., 35об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 20, 38–39об., 35об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297.

как умышленных, так и неумышленных, их проверка затягивалась, ведя к расширению практики дезертирства. Для предотвращения дезертирства ГУГШ предлагал применять одновременно и меры воспитательного и репрессивного характера, вплоть до военно-полевых судов включительно. Рассчитывали, что наказание полевым судом подействует устрашающим образом. Однако скоро выяснилось, что как окружной, так и полевой суды могут накладывать за побеги одни и те же наказания, в общем, довольно мягкие. Так что их устрашающее действие прошло после первого же знакомства судимых с этой мерой наказания. Из дел о задержании дезертиров видно, что фактически прекратилась практика привлечения их к военно-полевому суду. Так, на контрольных участках на Северном фронте военно-полевому суду с применением телесных наказаний подвергались в ноябре–декабре 1915 г. по несколько десятков человек. Но весной суду предавались еженедельно только по несколько человек, летом уже единицы, а с июля сообщения о предании дезертиров полевому суду прекратились, хотя количество задержаний, наоборот, выросло. Выяснились и послабления военных судов в случае побегов не с фронта, а, наоборот, на фронт из запасных частей. Таких беглецов в ГУГШе советовали вообще не предавать суду, а считать переведенными в другую часть. Но главная слабость судебного преследования заключалась в том, что приведение в действие всех видов наказаний по отношению к дезертирам отсрочивалось до конца войны. После же окончания войны ожидался манифест с амнистией. Это и являлось почвой для ослабления эффекта судебных мер по отношению к дезертирам. В приказе по Военному ведомству от 3 января 1917 г. командармам и начальникам военных округов прямо было предоставлено право откладывать наказания по военно-уголовным делам и даже освобождать из-под стражи задержанных и отсылать их в действующую армию. Да и практически наказания к дезертирам применялись далеко не всегда, даже по отношению к совершившим неоднократные побеги – до 4-х и более раз. Кроме того, была замечена склонность следствия вообще избегать военно-

полевых судов, назначая рассмотрение дел в корпусных судах, где они неизбежно затягивались[1].

Военные власти порою и сами являлись виновниками увеличения количества дезертиров, задержки расследования и судов. Заключенные в тюрьмах, арестных домах и на военных гауптвахтах во многих случаях содержались без всяких документов. Часто не представлялось возможным выяснить, за что содержится арестованный, за кем числится и почему его содержание столь продолжительно. Части и учреждения сдавали задержанных на ближайший этап или в тюрьму, считая дело в отношении их законченным. Настоящее дознание не проводилось. В результате задержанные надолго оставались в тюрьмах. В одном из рапортов начальника контрольного участка Витебской губернии содержится подробное описание содержания задержанных с 6 по 24 октября 1916 г. в местах заключения при армейских этапах, при управлениях уездных исправников, при комендантах станций и в гражданских тюрьмах. Большая часть этих задержанных не имели при себе документов, что не давало возможности отправить их в свои части, где их ждал суд. Начальник контрольного участка сам лично провел опыт выяснения личности задержанных. Из телеграфных запросов на 52-х человек было получено 18 утвердительных ответов, 13 отрицательных и 21 еще не были получены в течение командировки. То есть 2/3 задержанных продолжали оставаться в местах заключения. Всего же из осмотренных начальником участка задержанных подлежали отправлению в войсковые части 55 человек из 321[2]. Как видно, для дезертиров оставалось широкое поле для уклонения от военной службы в ходе «выяснения» их личности, что не решало проблему с помощью только судебных решений мер.

---

[1] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3861. Л. 404–404об.; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 16–17, 2, 35, 53–53об., 66, 70, 73, 75; Ф. 2003. Оп. 3. Д. 2686. Л. 34. См. например, письмо главкома армий ЮЗФ ген. Н.И. Иванова начальнику штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевичу, в котором начальник фронта полагал невозможным одновременное осуждение 13 тысяч человек, задержанных на железных дорогах к январю 1915 г., и о необходимости отсрочки наказания до конца войны // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 146–147; РГВИА. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 58об.; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 708; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153.

[2] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 91об.; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 144–149.

Проблему дезертирства можно было решить при помощи создания эффективной системы реальных учреждений, направленных на предупреждение и искоренение этого явления самими властями, как гражданскими, так и военными. Целью такой системы было задержание дезертиров и отправка их на фронт. Первоначально проблема побегов военнослужащих была осознана внутренними властями – как Военным министерством, отвечавшим за мобилизацию, так и МВД, отвечавшим за общий внутренний порядок в империи. Решение проблемы было возложено на жандармов, курирующих железные дороги. Под давлением военного начальства приказы о задержании беглых солдат появились уже в декабре 1914 г. Тогда для борьбы с дезертирством начальник Отдельного жандармского корпуса ген. В.Ф. Джунковский издал руководящие циркуляры. Однако уже через месяц выяснилось, что приказы выполнялись только в нескольких жандармско-полицейских управлениях: Московско-Рижском, Кременчугском и Закавказском. Особенно плохо выполнялся приказ по линии Москва – Киев. Согласно новому приказу Джунковского, жандармы должны были не только задерживать солдат без документов, сдавать их комендантам или уездным воинским начальникам, но также замечать и наблюдать за теми лицами, которые проявляют «особую склонность к агитационному собеседованию с нижними чинами». Одной из причин, затруднявших борьбу с побегами, являлось укрывательство дезертиров населением – как прифронтовых городов, так и особенно жителями их родных мест. В МВД признавали очень трудной борьбу с этим явлением при обширности территории и слабости кадров полиции[1].

В этой ситуации военные власти стали предпринимать собственные усилия по поимке беглых. С начала войны дезертиров задерживали и препровождали через этапных фронтовых комендантов в части, где их судили. Однако система этапов была далеко не развита, охватывала только крупнейшие узлы сообщения на фронте и не соответствовала размаху дезертирства, формы и масштабы которого

[1] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 50–50об.; Д. 3861 Л. 404–404об.

превзошли любые ожидания военного командования. По мнению инспектора контрольного участка Псковской губернии, самым лучшим и радикальным средством для устранения возможности для дезертиров скрываться в тылу армий и затем продвигаться дальше являлось бы установление непосредственно за позициями сплошных разъездов из смешанных конно-полевых жандармских дивизионов, казачьих частей и полицейских урядников и стражников из оставленных русской армией местностей. По этому пути и шли военные власти. Однако принимаемые против дезертирства меры были разрознены, являлись делом инициативы отдельных командующих корпусов и армий. Сначала они действовали в рамках установленных мер, то есть активизации этапной службы – при усилении ответственности командующих армиями и командиров корпусов за порядок в тылу, а в более глубоком тылу – главных начальников снабжений и главных начальников военных сообщений. Для объединения и большего контроля над этапной и военно-полицейской службой тыловых районов власти пошли на создание контрольных районов (участков) в тылу армий. Согласно приказу главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузского № 37 от 25 сентября 1915 г., такие участки были созданы в Петроградском (в Лифляндской, Эстляндской, Петроградской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерниях) и Двинском (в Витебской и Псковской губерниях) военных округах. Командовали участками генералы, подчинявшиеся напрямую начальникам штабов армий, чьи тыловые районы они возглавляли. Они отвечали за «фактическую и экстренную» ликвидацию обнаруженных беспорядков, предавая военно-полевому суду провинившихся в уголовных преступлениях и немедленно отправляя по этапу виновных в дезертирстве в их части. Подобные участки под командой особо назначенных офицеров вводились и в районе Западного фронта на направлениях Мозырь – Гомель, Минск – Смоленск, Слуцк – Рогачев, Минск – Могилев. Их задачей было задержание всех «праздношатающихся» нижних чинов, а также производящих бесчинства чинов мелких команд,

следующих без офицеров. Кроме того, все крупнейшие прифронтовые города на Западном фронте: Смоленск, Бобруйск, Вязьма, Рославль, Орша, Гомель, Брянск – были разбиты на участки. В них было введено патрулирование особых военно-полицейских команд. В районе фронта на крупнейших узлах железных дорог учреждались особые части в помощь железнодорожным властям с соответствующей инструкцией. В ней однозначно прописывалось понятие «дезертир» – как любое воинское лицо без соответствующих документов на право передвижения. На Юго-Западном фронте на узловых станциях вводились ответственные за сопровождение и проверку воинских эшелонов генералы и штаб-офицеры с полномочиями комбригов. Одновременно для задержания дезертиров создавались летучие команды под началом наличных или эвакуированных офицерских чинов жандармской железнодорожной полиции. Эти команды действовали, помимо жандармов, на железных дорогах, проверяли документы у тех, кто следовал за определенную черту театра военных действий. Команды действовали под началом комендантов крупнейших узловых станций. После опроса и записи нижних чинов они должны были передавать задержанных уездным воинским начальникам[1].

Однако меры по устройству тыла, принятые сразу вскоре после прекращения «великого отступления» осенью 1915 г., были спешными и в целом не принесли желаемого результата. Более глубокое устройство тыла началось зимой 1915 г. Согласно приказу начальника штаба Ставки ген. М.В. Алексеева № 290 от 27 ноября 1915 г., в каждой армии в районах корпусных и армейских тылов создавались отряды военной полиции из чинов полевых жандармских эскадронов, чинов железнодорожной и уездной полиции из занятых неприятелем территорий.. Кроме того, началось разграничение корпусных тыловых рай-

[1] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 91об.; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 144–149; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 50–50об.; Д. 3861 Л. 404–404об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 398–398об., 422; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 164. Л. 709–709а., 2; Ф. 2031. Оп. 2. Д . 553. Л. 2; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 47–48, 50, 72–72об., 15, 136, 203–204; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 265об.,123; Ф. 2196. Оп. 1. Д. 483. Л. 21об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 105–106; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 247–248об.; Ф. 2196. Оп. 1. Д. 483. Л. 21об.

онов на полковые и дивизионные, а армейских тыловых районов – на этапные участки. По линии железных дорог учреждались на небольших станциях офицерские подвижные военно-полицейские заставы. Предполагалось беглых и мародеров немедленно предавать военно-полевому суду при ближайшем этапном коменданте, упорядочить передвижение маршевых частей, следующих на пополнение, для чего назначать для сопровождения эшелонов по железным дорогам конвойные команды, а при следовании по военным дорогам – конные команды[1].

Наиболее основательная работа по контролю тыла проводилась на Северном фронте. Одновременно с введением контрольных участков на основании приказа главкома армий Северного фронта № 226 от 30 декабря 1915 г. была усилена деятельность военно-полицейских команд, подчинявшихся этапно-хозяйственным отделам армий. Так, в 5-й армии такие команды были сформированы при всех полках, артбригадах, штабах, дивизионных обозах, этапных пунктах в соответствии с «наставлением для военно-полицейской службы в отдельных частях войск». Военно-полицейские команды имели широкие полномочия и в отношении гражданских лиц. Так, согласно инструкции, дивизионному коменданту 108-й пехотной дивизии и начальникам военно-полицейских команд (полковым комендантам) предписывалась регистрация всех жителей в 3-верстной полосе от расположения частей полка. Они должны были принимать меры против преступлений в отношении как военных, так и штатских лиц. Они также вводили запрет на передвижение, на занятия торговлей и проституцией. Во время боев они должны были возвращать в строй здоровых нижних чинов, а также устраивать внезапные облавы в своих районах, посылая летучие дозоры для обнаружения беглых нижних чинов и препровождения их в корпуса. Летучим отрядам предписывалось применение к дезертирам и мародерам самых суровых наказаний военного времени, включая телесные. С теми же целями была организована конно-полицейская служба[2].

[1] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 413–414.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д . 553. Л. 456, 48–48об., 412, 484–484об.

Согласно предписаниям ГУГШ и Ставки, была создана следующая схема отправки дезертиров в действующую армию. Все уезды фронтов были приписаны к особым распределительным пунктам. Для Северного фронта это был Псков, для Западного – Гомель и Смоленск, для Юго-Западного – Киев, Жмеринка и Кременчуг, для Кавказского – Тифлис, Армавир, Александрополь и Екатеринодар. Команды беглых и нижних чинов «дурного поведения» отправляли в Минский 101-й этап под конвоем. На указанные пункты задержанные направлялись воинскими начальниками и этапными комендантами тыловых районов фронтов. Предполагалось, что все задержанные без исключения должны были возвращаться в свои части. В сборных пунктах формировались команды, направлявшиеся в армейские запасные батальоны, корпусные резервы пополнения армий, в состав которых входили задержанные[1].

Но даже и при наличии столь разветвленной системы военно-полицейских команд борьба с дезертирством не приводила к нужному результату. Прежде всего, оставалась проблема поиска дезертиров в сельской местности. Постоянные облавы не давали результатов – главным образом из-за пассивности и малочисленности, а порою и потворства (небескорыстного) местных властей в отношении дезертиров. Военное министерство продолжало требовать от МВД оказания соответствующей помощи войсковым командам в розыске дезертиров. С другой стороны, для сопровождения задержанных не хватало конвоиров, мест заключения, продолжалась неразбериха на этапных пунктах, путях передвижения задержанных. В целом фронтовое начальство тыла оценивало результаты в борьбе с дезертирством как низкие. Не помогло и предоставление от имени царя командирам запасных батальонов права пороть дезертиров для «облегчения управления ротами и исправления преступного элемента»[2].

Дезертирство, мародерство, разбои в тылу армии процветали. Стало очевидным, что созданные в спешке ран-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 64, 65–67.

[2] РГВИА. Ф.1932. оп. 3. Д. 195. Л. 1061; Д. 288. Л. 246–246об.; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 50–51; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 288. Л. 207; Д. 195. Л. 1047–1048; Д. 288. Л. 252–252об., 6–7; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 357.

ней осенью 1915 г. контрольные участки не справляются со своими функциями. А деятельность генералов в контрольных районах для исполнения обязанностей инспекторов с особыми полномочиями вносила путаницу в работу обычных тыловых служб, ответственных за поддержание порядка. Весной 1916 г. встал вопрос о ликвидации этой системы, которая не оставила практически никаких документов в архиве о своей деятельности. Усиление этапной и военно-полицейской службы привело к увеличению количества задержанных дезертиров, с которыми, однако, не знали, что делать. Сначала по указанию ГУГШ и дежурного генерала Ставки всех самовольно отлучившихся нижних чинов следовало направлять в распоряжение дежурных генералов соответствующих фронтов, а если неизвестно место службы, то на любой из фронтов под усиленным надзором. Однако количество невыясненных задержанных к осени 1916 г. продолжало увеличиваться, а их проверка занимала слишком много времени. Посыпались предложения отправлять периодически дезертиров до выяснения личности или по иным поводам особыми командами под надлежащим конвоем на передовые позиции или хотя бы на фортификационные работы в виду неприятеля. В этих условиях был издан приказ главкома армий Северного фронта ген. Н.В. Рузского № 915 от 23 октября 1916 г., регулировавший ситуацию с дезертирами. Согласно приказу, дезертиров, личность которых не удавалось установить, зачисляли в запасные батальоны фронта, формировавшиеся по указанию начальников этапно-хозяйственных отделов штабов армий. При этих запасных батальонах создавались нештатные роты и команды для содержания «выясняемых» (в уклонении от службы) и «подозреваемых» (в совершении иных, кроме побега, преступлений). Такие же нештатные команды организовывались в войсковых районах штабов армий. В ротах и командах «подозреваемых» вводился строй и суровый режим, существовавший в дисциплинарных частях: наиболее тяжелые работы, телесные наказания; им выдавалось обмундирование, бывшее в употреблении, а взамен обуви – лапти. Выполнение этого приказа возлагалось на

командиров, инспекторов запасных войск и начальников военных сообщений армий фронта. То есть, по сути дела, военные власти, в обход действующих законов, создавали на фронте подобие дисциплинарных частей, условия пребывания в которых (плохая пища, плохое обмундирование, телесные и другие наказания) вынуждали бы предпочесть нахождению в этих запасных батальонах отправку в свою часть и впоследствии – на позицию. Отчеты о запасных батальонах (вскоре ставших запасными полками) показывают, что режим, существовавший в них, действительно напоминал режим дисциплинарных частей, включая усиленные телесные наказания, уменьшение продовольственного пайка, запрет на выдачу денег, плохие условия проживания и т.п.[1]

Однако организация работ в запасных частях не удалась из-за недостатка конвоиров. Главной проблемой стало, однако, разбухание запасных частей с задержанными в них дезертирами. Дело в том, что, по существовавшим указаниям, наказание за преступление «подозреваемых» отсрочивалось до конца войны и, таким образом, даже осужденные военно-полевым судом все равно подлежали отправке на фронт. С другой стороны, количество «выясняемых» продолжало увеличиваться в связи с неразберихой в переписке между частями, которую дезертиры усугубляли умышленным искажением личных данных. Кроме того, для многочисленных задержанных, их этапирования не хватало конвоиров. Наконец, сами специальные роты при запасных частях стали рассматриваться военным командованием как фактически дисциплинарные части, не имея такового статуса. В результате в них стали присылать для исправления провинившихся из своих же запасных частей, а затем и солдат прямо с фронта. Это вызвало негативную реакцию начальника штаба Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевича, писавшего, что таким образом «можно в этих командах собрать целую армию». Именно в этом направлении и шло дело – о создании армии дезертиров в

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 57–57об.; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1196. Л. 132; Ф. 2003. Оп. 3. Д. 2686. Л. 60; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 404–404об., 408, 391–391, 277–279; Д. 555. Л. 32; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 233–234, 415–416об.; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8об.

тылу Северного фронта, если учесть, что численность некоторых запасных батальонов и полков доходила до 20 тысяч человек[1]. В целом идея запасных батальонов, где дезертиры выдерживались бы в особых частях перед их отправкой на фронт, себя не оправдывала. Дезертиры, как и любой преступный элемент в промежуточных, но не пенитенциарных учреждениях, не исправлялись, а наоборот, обогащались преступным опытом, неся его дальше на фронт.

Решить проблему дезертирства в виде «бродяжничества» попытались решить на Северном фронте, где это явление было наиболее распространено. Главным препятствием для решения проблемы была практика передачи дезертиров для суда в их собственные части. Этот вопрос предлагалось решить в рамках перераспределения судебных полномочий между различными органами. В августе 1916 г. командующий Петроградским военным округом ген. С.С. Хабалов в докладе, направленном в штаб главкома армий Северного фронта, о расширении дисциплинарных прав в отношении всех чинов Петроградского гарнизона предложил установить новый порядок в вопросе о направлении и предании суду задержанных дезертиров. Дезертиров из частей Петроградского округа, задержанных в этом же округе, если они не совершили преступлений, кроме побега, он предложил передавать в свои части для предания суду за побег. Задержанных из частей вне Петроградского военного округа и также не совершивших иных преступлений, кроме побега, предлагалось передавать в запасные батальоны фронта. Задержанных же дезертиров, совершивших преступления, предлагалось предавать военно-полевому суду гарнизонов или начальников контрольных участков округа с немедленным приведением в действие наказания (а не отложенного до конца войны)[2]. Это означало бы наказание дезертиров на месте преступления, резкое расширение практики военно-полевых судов, вообще передачу вопроса от судебного ведомства в руки военного начальства на местах.

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 415–416об.; Д. 555. Л. 33; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–8об.

[2] РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 111–111об., 121–122; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 245–246.

Но это требование Хабалова натолкнулось на противодействие главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузского. Начальник фронта считал недопустимым, чтобы военно-полевые суды Петроградского гарнизона судили дезертиров из частей, не относящихся к Петроградскому военному округу, поскольку попытка судить «чужих» являлась коренным нарушением правил, согласно которым только непосредственный начальник является ответственным за своих подчиненных. Отказ на предложение Хабалова означал, что задержанные дезертиры продолжали бы находиться в запасных батальонах до выяснения местонахождения их частей, в которых бы и должен был происходить суд. В реальности это приводило бы к потворству бродяжничеству, поскольку суд и наказание за это скрытое дезертирство вечно откладывались. Рузский категорически был также против и предоставления Хабалову прав командующего армией, что давало бы тому такую же судебную власть над дезертирами. Несмотря на поддержку начальником снабжений Северного фронта требований Хабалова, ему не удалось получить запрашиваемых полномочий, которые, возможно, являлись частью его проекта по нейтрализации нараставшего революционного движения в Петрограде накануне Февральской революции. Суть этого плана заключалась в быстром, хотя и в нарушение действующих военных законов, судебном преследовании массы дезертиров на территории Петроградского военного округа. Тем самым начальнику округа, возможно, удалось бы предотвратить то сплочение недовольных масс дезертиров с беспокойным городским элементом, которое и привело к восстанию в Петрограде в феврале 1917 г. Дело было в противодействии армейского начальства гражданскому ведомству, к которому военные круги относили Хабалова. В целом же это являлось проявлением раздробленности действий военных и гражданских властей, что не соответствовало задачам войны нового, современного типа, предполагающей полное взаимодействие фронта и тыла[1].

[1] РГВИА. Ф. 2032. Д. 297. Л. 121–122, 125; *Флоринский М.Ф.* Кризис Государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 192-207.

Столь же плачевной была и судьба учреждений по борьбе с дезертирством (в частности, запасных частей) после революции, когда посчитали, что армия теперь будет более успешно воевать на волне революционного оборончества, и из запасных частей стали спешно формировать маршевые батальоны на фронт. На самом деле именно эти части принесли на фронт сильное дезорганизующее настроение, в результате чего командование на местах в один голос стало требовать вернуться к ситуации до революции, к приказу № 915[1]. Однако, помня неудачный опыт деятельности дореволюционных запасных частей, военные опасались и их отправки на фронт, и их оставления в тылу фронта. Военное начальство стало предлагать создание настоящих дисциплинарных частей в глубоком тылу, куда и отправлять весь преступный элемент армии[2]. Однако на такой опыт – создания практически концлагерей – военные власти в условиях нараставшей революции в 1917 г. так и не отважились, введя в августе 1917 г. в действие систему запасных батальонов с куда более мягким, чем до Февраля, дисциплинарным режимом. Таким образом было легализовано уклонение от пребывания на фронте под видом запасных батальонов[3]. На создание же штрафных частей в армии не решались, хотя такие предложения появились еще в октябре 1915 г.[4]

Подводя итоги опыта борьбы с дезертирством в Первую мировую войну, можно отметить следующие причины ее неудачи. Прежде всего, власти не осознавали проблему в полном объеме. Не было создано центральных органов по борьбе с дезертирством – все было предоставлено «творчеству» начальников фронтов и армий. Но даже и в существовавших структурах отсутствовала согласованность действий на различных уровнях, а также не были согласованы действия гражданских и военных властей. Военные юристы, военные суды и работники военно-пенитенциарных органов продолжали руководствоваться

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 140–142.
[2] Там же. Л. 148–148об.
[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 159–160.
[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 140–142, 148–148об., 159–160; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 360–360об.

либеральным военным законодательством в деле борьбы с массовыми нарушениями дисциплины, что не соответствовало требованиям войны современного типа. Делая упор на репрессивную работу, власти придерживались концепции переделки солдата самой армией, строем, без учета социальной сущности армии в современной войне. Упускалась из виду идеологическая работа среди солдат, экономическая деятельность в деревне, отсутствие заботы о семьях воевавших солдат. Главным было непонимание властями социально значимой мотивации мобилизации в современной войне. Эти выводы сделали для себя работники Красной армии, решившие в целом проблему дезертирства в куда более сложных условиях Гражданской войны. Сыграл свою роль характер позиционной войны на Русском фронте, не позволявший привести в действие более радикальные методы борьбы с дезертирством, такие как штрафные части, заградительные отряды и т.п. Эти методы в условиях маневренной войны стали с успехом применяться только в годы Великой Отечественной войны, что сделало востребованным опыт борьбы с дезертирством в годы Второй мировой войны.

1.3. Членовредительство

Когда рассуждают о мобилизации, то больше имеют в виду организацию в целях обороны страны, общества, народного хозяйства и собственно армии как специального, особо слаженного механизма для войны. Дж. Санборн поднял, однако, важный вопрос о мобилизации массы людей именно как индивидов для ведения войны, об организации этих людей посредством «политики массового убийства». Но еще раньше М. Фуко при определении способности воевать, организации военных действий , поднял вопрос о дисциплине как о субъективной готовности личности предоставить себя, свое тело, для ведения войны – во власть, в сущности, враждебного этой личности действия. Прежде всего это касалось «дисциплины самого тела», точнее, духа и тела – при помощи действия уставов, направленных на воспитание, привитие этой дисциплины, этой физики тела – в том числе путем, как правило, гимнастических,

строевых и т.п. упражнений. Очевидно, что было чрезвычайно важно привить человеку, как правило традиционного общества, начала современности на уровне упражнения тела в определенном пространстве и ритме военной части. Считалось, что этими уставами создавалась необходимая привычка к послушанию у человека, изъятого уже из традиционной общности. Но как быть с человеком современной войны, оказавшимся в ней временно и не представлявшим себя навсегда оторванным от первоначальной общности? Очевидно, в этом случае уход от войны будет более массовым. Отсюда возникает проблема неэффективности действовавших уставов, неспособных обеспечить дисциплину временного комбатанта современной войны. Это, в частности, касается и проблемы послушания тела при даже формальном соблюдении всех дисциплинарных требований. Человек может подчиняться строю, идти в атаку, но тело его обладает массой сопротивления, массой непослушания. Это и проявляется в таком способе ухода от войны, как членовредительство. Предполагая, что для неприятия современной войны у всех комбатантов русской армии в Первой мировой войне были одинаковые причины, необходимо сосредоточить внимание на проблеме контроля со стороны военного руководства над телесной, соматической, сугубо внутренне ощущаемой (в отличие от «физической», по М. Фуко) субстанцией[1]. Для решения этой проблемы необходимо проанализировать (насколько возможно) такое явление, как членовредительство, являющееся довольно распространенным способом ухода от войны, его формы и попытки контроля со стороны различных, прежде всего военно-медицинских служб.

Членовредительство было широко развито в русской армии и в мирное время, главным образом при приеме на военную службу. Почти всегда оно касалось искусственно вызываемых болезненных состояний различных органов: опухоли, флегмоны, воспалительные процессы, грыжи, прободения барабанных перепонок, глазных болезней и т.п. При этом различные членовредительства были свойственны для определенных местностей: в одной – искус-

[1] *Horn J.* Op. cit. P. 1-3; *Sanborn J.A.* Op. cit. P. 6–8, 199–200; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 240, 201–203.

ственные опухоли, в другой – флегмоны, в третьей – грыжи. Это лишь доказывало определенную специализацию, развитие самого «промысла» членовредительства, связанного с военной службой. Подобного рода дела в мирное время составляли, например, по Киевскому, Петербургскому и Варшавскому округам 7% военно-судных дел. С началом русско-японской войны при объявлении мобилизации произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства. Основными его видами (83% всех случаев) являлись повреждение рук – 32%, органа слуха – 29%, голени – 10% и глаз – 12%. Правда, есть очень мало информации, а тем более статистических сведений о членовредительстве на самом театре военных действий. Существующая же статистика касалась всего лишь первых месяцев пребывания в армии, в сущности, в частях до отправки на фронт молодых солдат в течение первых 3-х месяцев. Но и после русско-японской войны, в мирное время, практика членовредительства при приеме в армию продолжалась и составляла, согласно кратким санитарным отчетам армии за 1907–1909 гг., 0,25 человек на 1000, или 1 человек на 4 тысячи, то есть около 350 человек в год (в расчете на всю армию мирного времени)[1].

Во время Мировой войны произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства, что было связано с массовой, всеобщей мобилизацией. Это ощутили военные врачи как в призывных комиссиях, так и на самой военной службе[2]. Но все же, как правило, это был еще довоенный опыт уклонения от военной службы. Однако отмечалось значительное расширение такой практики. Классификация членовредительства касалась искусственных болезней с повреждением целости кожи и подлежащих тканей (парша, свищи, контрактуры, отеки) или без таковых: ушибы, отеки, травматические атрофии конечно-

[1] *Оппель В.А., Федоров С.П.* Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг.: «Тип. Копер. Т-Ва «Вестник», 1920. С. 4; *Шибков А.И.* Введение в учение о членовредительстве. Ростов на Дону: Издание Краевого Управления Здравоохранения на Северном Кавказе. Б.г. С. 8–9.

[2] *Попов Н.Ф.* Редкий случай членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 3. С. 288; *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131–133.

стей, особенно пальцев, растяжения, искусственные грыжи и т.п., кожные болезни. Широко применялись (подделывались) членовредителями искусственные болезни внутренних органов (бронхит, туберкулез, язва желудка, катар кишок, нефрит, диабет, желтуха, болезни сердца), раны (резаные, колотые, огнестрельные, ушибленные), нервные болезни (чаще всего падучая), искусственные венерические болезни (уретрит, язвы, цистит, сифилис), искусственные болезни глаз (конъюнктивит, лейкома, язва роговицы, катаракта, афакия), уха (прободение барабанной перепонки, катар слухового прохода), зубов (экстракции зубов, подделка здоровых корней под больные, спиливание зубов), а также искусственные множественные (комбинированные) болезни[1]. Членовредители применяли большое разнообразие, даже замысловатость в манифестации искусственных болезней, что требовало вмешательства серьезной медицинской экспертизы для их распознавания. По всей видимости, работали профессиональные членовредители или знатоки этого дела, отслеживавшие малейшие изменения в Расписании болезней», освобождавших от воинской службы. Так, например, когда в 1910 г. Ученым военно-медицинским комитетом Главного штаба было разъяснено, что под ст. 66 Расписания болезней следует подводить и случаи, в которых яичко находится не в паховом канале, а под кожей паховой области. И сразу обнаружилась масса симуляций подобного рода[2]. Быстро реагировали членовредители и на ст. 54 Расписания болезней, по которой многих приходится освобождать, если у лица окажется отсутствие более 10 зубов в одной челюсти или 14 зубов в двух, причем зубы

[1] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207–221; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5-6. С. 36-48; *Свионтецкий И.О.* Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454; *Бердяев А.Ф.* Нечто новое в способах членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1914. № 10. С. 343–345; *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. №. 9. С. 131–133.

[2] *Домбровский Э.И.* Смещение яичка под кожу паховой области. Членовредительство или порок развития? // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 477.

мудрости в счет не шли. В этой же статье говорилось, что за отсутствие зуба считался зуб испорченный кариозным процессом, что давало возможность членовредителям имитировать кариозный процесс, играть на противоречиях в составе комиссии, когда одни признавали процесс кариозным, а другие – нет. Это создавало почву для давления на комиссию, в том числе и путем подкупов. Среди населения распространялись целые списки способов уклонения от военной службы путем членовредительства. Некоторые из списков даже задерживала военная цензура, не допуская их в открытую печать, опасаясь, видимо, популяризации такого способа бегства от войны[1].

Столь широкое распространение приемов членовредительства было вызвано также и расширением преступного контингента, оказавшегося в армии и активно распространявшего свои способы ухода от выполнения социальных требований. В сущности, в армии, особенно в призывных комиссиях, был представлен весь опыт населения России по уклонению не только от военной службы, но и по получению незаслуженных льгот, для чего и применялись в мирной жизни членовредительство и симуляции болезней. Армия столкнулась с массовой практикой членовредительства, что требовало особой организации врачебной экспертизы еще на призывных участках. Однако в борьбе с членовредительством, «этим тяжелым крестом военных врачей», существовали серьезные недостатки, начиная с отсутствия даже руководства по распознаванию случаев членовредительства на фронте. Первоначально такую функцию экспертизы взяли на себя врачи госпиталей военных округов, особенно госпиталей военных округов на театре военных действий, поскольку многие случаи членовредительства проявлялись только после «обмена опытом» членовредителей в запасных батальонах[2].

---

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 319; Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 562–562об.

[2] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10–16; *Домбровский Э.И.* Указ. соч. С. 485; РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 213. Л. 10; *Свионтецкий И.О.* Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454; *Бердяев А.Ф.* Указ. соч. С. 343–345; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 133.

Однако в связи с понижением порога болезней в Первой мировой войне, а также с отменой или видоизменением редакции многих статей Расписания болезней литеры «А», подделки стали другими, что требовало быстрой перестройки дела экспертизы. Особенно легко обходили экспертизу на предмет выявления членовредительства или даже простой симуляции в тыловых учреждениях, в запасных батальонах при увольнении нижних чинов в отпуск. В госпиталях было распоряжение увольнять на родину выздоровевших после ран, контузий, болезней, и начальники тыловых учреждений, и командиры запасных батальонов также увольняли в отпуск нижних чинов по этим причинам. Тогда солдаты притворялись больными, поступали на несколько дней в госпиталь, откуда добивались увольнения в отпуск наравне с ранеными. Некоторые из этих членовредителей уже отбыли шестимесячные отпуска, данные им для восстановления здоровья как больным. У некоторых из них имелись свидетельства с изложением той или другой болезни, от которой они лечились у частных врачей или в лечебных заведениях, вплоть до университетских клиник[1].

Явление членовредительства оказалось сначала незамеченным, поскольку касалось только инородцев, то есть не было распространено среди православного населения России, и уже поэтому не казалось распространенным или хотя бы ожидаемым. Действительно, были известны конкретные, «национальные» виды членовредительства: у евреев и поляков – травмы барабанной перепонки, у грузин – грыжи, у евреев, грузин и поляков – парафиномы, и только у русских – порубы пальцев. Правда, во время войны произошло распространение практики членовредительства на другие народности: у мусульман – повреждения барабанной перепонки, изъязвления голени и парафиномы и т.д., у эстонцев – парафиномы и неизвестные болезни, вызывавшие флегмоны (гнойные воспаления и отеки) и т.п. Во время войны возникли даже такие

[1] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 18; начальник штаба Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич – главкому армий Северного фронта ген. Н.В. Рузскому // РГВИА. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 158–158об.; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131, 132.

специфические формы нанесения вреда своему здоровью с целью уклонения от военной службы, как специальное самозаражение венерическими болезнями. В поисках этого заболевания военные не ограничивались только Полоцком, но ездили и в другие ближайшие города, как, например, Двинск, Минск и прочие, «из чего можно заключить, что явление это носило стихийный характер и могло создать открытый торг как сифилисом, так и триппером... А последнее обстоятельство несет неисчислимый ущерб рядам действующих армий», – указывал и.д. начальника штаба Северного фронта в феврале 1916 ген. М.Д. Бонч- Бруевич[1].

Хотя, согласно литературе военного времени, количество случаев членовредительства и симуляций среди призванных на войну и увеличилось, определенной статистики не существует. Впрочем, даже отрывочные статистические сведения по некоторым госпиталям внушали медицинским работникам серьезную тревогу. Так, в 323-м полевом запасном батальоне на осень 1916 г. было 80 членовредителей, а в 1-м сводном госпитале их было больше 100. Но позднее в 323-й госпиталь прибыла от воинского начальника партия в 261 человек, у 34-х из которых были обнаружены искусственные флегмоны, то есть у 12%. Однако власти, по всей вероятности, полагали, что собственно на фронте членовредительство не примет большого распространения, считая, что можно будет контролировать его еще на подступах к театру военных действий. Для этого в военных госпиталях был введен крайне строгий режим по отношению к возможным членовредителям и симулянтам – с обысками, допросами, постоянным присмотром[2]. Согласно архивным данным, на самом деле произошло, во-первых, резкое увеличение количества членовредительства, даже по сравнению с ожидаемым. В частности, среди призванных евреев почти у 2/3 было отмечено членовредительство. Например, в Невеле в февральском досрочном призыве 1915 г. из 120 новобранцев-евреев у 20 из них были обнаружены тяжелые язвы

[1] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 543. Л. 21.

[2] *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131–132.

голени, явно искусственного происхождения, в то время как у представителей православного вероисповедания таких мнимых болезней было зафиксировано всего у 2–3-х на 1000 человек. Часто применяли искусственное прободение барабанной перепонки, а также уродовали себя долгим ношением сильных очков при вполне нормальном зрении, изнуряли продолжительным голоданием для развития острого малокровия, воспроизводили даже грыжи искусственным расширением пахового кольца, симулировали ограниченную подвижность больших суставов конечностей, даже были случаи выворота ног из суставов. То же повторилось и в майском призыве, когда у 14 из 130 новобранцев еврейского происхождения обнаружилась нехватка 14 и больше зубов. В результате в целом из лиц еврейской национальности призывали только 50%. Это была определенная уступка военно-врачебного персонала массовому членовредительству. Определенное увеличение членовредительства было замечено, однако, и среди новобранцев коренных национальностей. Следует подчеркнуть определенные особенности членовредительства у различных народностей. Так, евреи, специализируясь на определенных формах, как правило, предполагали обратимость болезненных явлений. Если речь шла об удалении известного (в соответствии с Расписанием болезней) количества зубов, то всегда оставались нетронутыми зубы, которые можно было использовать для вставки впоследствии зубного моста. То есть евреи всегда пытались сохранить возможность восстановления функций поврежденных органов: зубы можно было заменить протезами, различные нагноения легко восстанавливались и т.п. При этом выделялась «русская форма» членовредительства – рубка органов тела, невзирая на последствия. Русские причиняли себе необратимые повреждения: это было уменьшение тела как такового, членовредительство законченное. В архивных материалах приводятся такие случаи членовредительства – главным образом в судебных делах. Так, в марте 1916 г. гренадер 13-й роты 3-го гренадерского Перновского полка Григорий Исаков отрубил верхний сустав большого пальца левой руки якобы во время рубки

дров для окопной печи в момент, когда он «отвлекся разговором». Данное дело породило большое и длительное дознание. При этом в самом деле находится масса свидетелей того, как это произошло, причем добровольных, а не по принуждению. Порой это были невразумительные пояснения о том, как именно лежало полено и как именно держал солдат руку и пальцы, насколько исправным был топор и т.п. Дело затянулось до весны 1917 г., а солдат все это время оставался в строю и даже участвовал в бою 22 апреля 1916 г., где был ранен в ту же руку (!), а затем состоял на службе в 36-м рабочем батальоне. Только в декабре 1916 г. Исаков был предан 2-му общему корпусному суду 2-й армии. Но в приговоре от 28 декабря 1916 г. за недоказанностью (а точнее, за недостаточностью улик и недостатком свидетелей) его решили считать невиновным и по суду оправданным. Возможно, сыграла свою роль характеристика Исакова, данная его отделенным: «Исаков был послушный, во всем исправный, от службы не уклонялся, а наоборот, сам вызывался на работу, когда не было желающих». Конечно, не все случаи членовредительства через отрубание пальцев заканчивались так благополучно для обвиняемого. Так, например, в декабре 1915 г. ратник 1 разряда 268-го пехотного запасного батальона вбежал в помещение роты и показал окровавленную левую руку, на которой отсутствовали 4 пальца, заявив, что отдавил их на кухне дверью. Но врач заключил, что пальцы были отрублены. Другой ратник 2 разряда 241-го пехотного запасного батальона Морозов, будучи рабочим по уборке ротного помещения, занимался рубкой дров и отрубил около трети средней фаланги указательного пальца и половину средней фаланги среднего пальца на левой руке. Данный случай подлежал судебному дознанию[1]. Эти случаи относились в основном к солдатам-крестьянам Великороссии.

Но наиболее широко случаи членовредительства представлены в самострелах. Врачи считали самостре-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 283об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 31; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 212; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 248. Л. 109, 3, 19об., 39–39об., 48, 75об.; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4530. Л. 89, 31.

лы феноменом, означавшим распространение практики членовредительства на широкие слои воинского контингента. Самострелы в русской армии имели место еще во время русско-японской войны. Самострелы, или «самопалы», как правило в ладонь, как их называли в Первой мировой войне, появились уже в первые месяцы военных действий. Они воспринимались как обычные эксцессы на волне упадка духом в некоторых частях, проявлений трусости, паники, непроизвольных отступлений, попыток скрыться в госпитале и т.п. Прямо о развитии членовредительства путем саморанения в руки говорилось в телеграмме главкома армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова в октябре 1914 г. начальнику штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевичу. Случаи членовредительства, как и случаи паники в войсках, бегства с позиции, мародерства, бывали и позднее. Эти случаи связывали с тем, что теперь «не настоящие солдаты, а бог знает кто». Хотя уже в это время встречались случаи саморанения и у офицеров. Все чаще свидетели на фронте замечали большое количество солдат, раненных в руки, что объяснялось развитием огнестрельного членовредительства. И глубокой осенью 1914 г. с фронта продолжали сообщать о большом количестве саморанений наряду с другими заболеваниями, в том числе психическими расстройствами. По свидетельству полковых врачей, самострелы составляли до 5 человек в полку ежедневно. Большей частью стреляли в пальцы, а «кто поумнее» – в указательный палец правой руки, большинство же в левую руку. Согласно свидетельствам офицеров, основным способом саморанения являлось умышленное высовывание из окопов левой руки, чтобы пули попали им в пальцы. Начальство считало это явление если не массовым, то все же заразительным, в результате чего был издан приказ об отправке таких солдат после перевязки снова в свои части. Заразительность этого явления доходила до того, что саморанения применяли по отношению к себе даже кадровые офицеры. Впрочем, часто писали о национальной подоплеке самострелов, обвиняя в этом, а также в предательстве – армян. Летом 1915 г. участились случаи ранений в ладонь и пальцы рук, – констатировал

начальник Штаба главкома армий Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич. Случаи самострелов продолжались, несмотря на наказания и даже на предание суду. Однако в целом вопрос о количестве «палечников» («пальчиков»), самострелов, саморанений остается очень неясным. Свидетели с мест говорили о большом количестве таких случаев. Например, согласно Д. Фурманову, бывшему в 1915 г. санитаром на Западном фронте, в некоторые дни на 100–110 раненых человек приходилось 65–70% «пальчиков», 50 человек из которых он называл «жульем»: они путались в показаниях, слишком картинно стонали и т.п. Врачи указывали и некоторые характерные приемы саморанения: при выстрелах обертывали руку мокрой тряпкой, чтобы не оставлять ожогов, или стреляли через доску или даже две доски, в результате чего получался гладкий огнестрельный канал. Другие проделывали дырку в жестяной коробке, приставляли ее к руке и сквозь дырку направляли дуло. Были и случаи, когда выставляли руку и махали ею над окопами. Но чем дальше, тем меньше было таких случаев, поскольку был риск пробить кость. «Способов много, а узнавать – чем дальше, тем труднее», – добавляет Фурманов. Особенно странно было появление массы палечников в «тихую» погоду», когда не было никаких боев. В целом же Фурманов определял процент саморанений на количество раненых до 50–80%, что явно превышало обычный, довоенный уровень вообще членовредительства в армии[1] – 0,025%.

Военное начальство осознавало определенную проблему в членовредительстве и симуляции и пыталось ее решать. Прежде всего – в сфере законодательства. В течение Первой мировой войны были изменены ст. 126 и 127 Свода военных постановлений относительно уклонения

[1] *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 3; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37; приказ Верховного Главнокомандующего № 194 от 16 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 3–4; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 350, 534; *Ляховъ М.Н.*. Указ. соч. С. 10–11; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 188; Д. 544. Л. 53, 534; Д. 561. Л. 199, 200, 206; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 375; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об.; Д. 954. Л. 2–2; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 254; *Фурманов Д.* Дневник (1914–1915–1916). М.: Московский рабочий, 1929. С. 125, 126; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 22–23; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9.

от военной службы путем предоставления обманного свидетельства о здоровье или прямого причинения вреда своему здоровью. По докладу Главного военно-судного управления от ноября 1914 г., в Воинском уставе о наказаниях вводилось положение, согласно которому за умышленное причинение себе непосредственно или через другое лицо, с целью уклониться от службы или от участия в боевых действиях, огнестрельных или иных ранений, повлекших за собою увечье или повреждение здоровья, хотя бы даже лишь временное, воспрепятствовавшее исполнению служебных обязанностей, виновный подвергается: а) во время войны в районе военных действий – лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке в каторжные работы от 2 до 20 лет (раньше – 4–12) или без срока; б) в виду неприятеля (раньше такой статьи не было) – лишению всех прав состояния и смертной казни. По всей видимости, данные статьи военного судопроизводства не работали по той же причине, по какой власти не решались предавать военно-полевому суду тысячи солдат за побеги в плен или за дезертирство. Во всяком случае, сохранилось всего лишь несколько сот военно-судебных дел о членовредительстве, большинство которых вообще не было закончено ко времени Февральской революции, когда эти дела были просто прекращены или по этим делам выносились оправдательные приговоры. Неуспех привлечения к суду членовредителей вызвал предложение военного командования лишать семьи членовредителей продовольственных пайков. Надо полагать, и эта мера не возымела большого действия. Тогда власти некоторых фронтов стали принимать собственные меры. Так, Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта ген. Эльснер приказал своим приказом № 1257 осенью 1915 г. возвращать в строй всех нижних чинов, раненных в пальцы рук. Впрочем, продолжала оставаться неясность, следует ли под раненными в пальцы понимать только раненых, но сохранивших пальцы, или сюда надлежит подводить и раненых, лишившихся их после ранений или операций пальцев. Как бы то ни было, но по приказанию высшего начальства поезда с «палечниками» не пропускались дальше Рудок. Здесь их

разгружали, «самострелов» подлечивали в специально для того назначенном полевом подвижном госпитале и вскоре отправляли обратно в окопы. Такие распоряжения вызвали полемику среди военных. Противники подобных мер указывали, что нижние чины без 2–4-х пальцев на руке совершенно не годны к военной службе, не только к строевой, но и к нестроевой, а в некоторых отдельных случаях они могут даже нуждаться в посторонней помощи. Указывалось также, что совершенно не годны к военной службе и потерявшие даже один большой палец на руке. «Присутствие таких нижних чинов в армии было бы для армии лишним бременем, требуя лишь непроизводительного расхода на различные виды казенного довольствия для таких людей», – подчеркивал Дежурный генерал Ставки. Неясным также оставался вопрос с теми, кто действительно в боях потерял пальцы, что могло привести к недовольству пострадавших и «послужило бы поводом для лиц политически неблагонадежных сеять недовольство среди здоровых в предвидении возможности получения и ими подобных увечий в делах с неприятелем». Наконец был еще и страх перед попаданием таких солдат без пальцев в плен, что давало бы противнику хорошие козыри в военной пропаганде. В результате, по всей видимости, распоряжения о возвращении палечников в строй фактически не выполнялись, а получившие саморанения в руки, ладони, пальцы заполняли госпитали наравне с теми, кто получил такие же ранения в боях. Такая несправедливость приводила к эксцессам, когда некоторые командиры позволяли себе бить прямо в лазаретах тех солдат, за которыми не признавали честного боевого ранения в руку со словами: «Этот мерзавец ловил пулю, лишь бы уйти из окопов»[1].

Главное значение в проведении мер против членовредительства имела постановка дела врачебной экспертизы, которая и могла бы стать доказательной базой в военно-полевых судах над палечниками. Ведь самострелы, вообще огнестрельные саморанения легко распознавались

[1] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 29; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 4, 375, 380–381, 395; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 11; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 395; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 175об.

как таковые, поскольку оставляли следы в виде копоти на коже и порошинок в ней при специфической форме раны (при выстреле в руку в упор или на самом близком расстоянии – характерную х-образную форму раны ладони), вообще рваные раны, обожженные порохом. Но особенно важным было проводить такую экспертизу непосредственно на фронте, поскольку чем более свежим было членовредительство, тем легче оно могло быть распознано. Впрочем, это касалось любых видов членовредительства. Во время Первой мировой войны существовали специальные организации по экспертизе – но только при военных госпиталях военных округов, где было достаточно квалифицированных врачей. Правда, в военных госпиталях экспертиза, которая часто была связана с научным химическим, бактериологическим и другими экспериментами, не была поставлена на должном уровне. Сказывалась нехватка необходимого оборудования, инструментов, реактивов, приборов. Приходилось проводить экспертизу в университетских лабораториях тех материалов, которые использовались членовредителями или симулянтами. Но такая экспертиза длилась многими месяцами, что означало продолжение пребывания симулянтов и членовредителей в местах лечения, то есть, в сущности, продолжалось уклонение от военной службы. Но даже и в случае доказательства симуляции и членовредительства виновный всего лишь возвращался в часть или в воинское присутствие для дальнейшего прохождения службы. Редким был случай судебного разбирательства о доказанном членовредительстве. В литературе приведен случай отруба пальца на руке ратником 2-го разряда, поступившим в военный госпиталь из местного воинского присутствия. Обвиняемый был приговорен к трем месяцам тюрьмы, этот срок он должен был отбывать после войны, а пока был отправлен на военную службу[1].

[1] *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 5, 21; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 22–23; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207; *Новиков В.Н.* К вопросу об отеке конечностей после траумы // Русский врач. 1916. № 48. С. 1140-1141; *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131, 132; *Соколовский К.К.* Указ. соч. // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 42; *Дьяконов П.П.*

Однако ни экспертов на месте, ни даже самого списка видов членовредительства с перечнем способов их распознавания на фронте в Первую мировую войну не было. Громадная работа по подготовке врачей-экспертов, с обеспечением их необходимым руководством, с выделением вообще дела членовредительства в особый вид врачебного контроля в армии, была сделана только во время Великой Отечественной войны, причем не сразу, а в конце 1942 – начале 1943 г.[1]

В результате дело контроля над членовредительством оказалось в руках фронтовых врачей, которые могли бы проявить инициативу в быстром распознавании случаев членовредительства, что давало бы законное право властям привлекать членовредителей к военно-полевому суду. Однако далеко не все из врачей занимали однозначную позицию по вопросу об отношения к саморанениям. Так, одни врачи перевязочных отрядов настаивали на расследовании каждого случая членовредительства путем огнестрельного ранения, обобщали опыт борьбы с членовредительством в медицинских публикациях. Однако уже в 1914 г. появились если не защитники, то сторонники осторожных свидетельств о членовредительстве. Военные врачи жаловались, что «строевое начальство требует от нас точного заключения, стоит ли передо мной настоящий раненый или "палечник"». Но при этом врачи не могли с легким сердцем засвидетельствовать последнее, прекрасно сознавая, что этим подводят членовредителя под расстрел. В рамках аргументации общественной медицины, «оправдывая» преступления социальными условиями, в которые попал нарушитель, такие врачи считали, что «палечничество» при данных условиях окопной жизни – не более чем своего

Случаи членовредительства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1081; *Дьяконов П.П.* Указ. соч. С. 1081–1082.

[1] *Баринов Е.Х., Ромодановский П.О.* Научное обоснование судебно-медицинской экспертизы случаев членовредительства в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. IV Всероссийская конференция (с международным участием). Доклады и тезисы. М.: МГМСУ, 2008. С. 12–13; *Останин А.А., Чадина О.Н.* Огнестрельные ранения мягких тканей и роль врача при выявлении случаев членовредительства в рядах РККА в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 87.

рода психоз, результат того, что больные, натянутые нервы наконец сдают и человек идет на все, лишь бы избавиться от этих условий... «Ну, и кривишь душой...» В результате отсутствия должной и скорой экспертизы непосредственно в полках к членовредительству относились вообще снисходительно, и половина подозреваемых в членовредительстве оправдывались. Так, например, рядовой 35-го пехотного Брянского полка Иван Фомичев 11 февраля 1915 г. отстрелил себе, якобы случайно, палец, протирая винтовку. Дело тянулось до 1917 г., когда за недоказанностью улик суд освободил обвиняемого из-под ареста 24 февраля. В другом случае стрелок 1-го Сибирского стрелкового полка Иван Кобыляцкий получил ранение в палец левой руки 15 октября 1915 г. Несмотря на сомнение командира роты, путаные показания, провал следственного эксперимента, проведенного командиром роты, даже на собственное признание, судебно-медицинское освидетельствование, произошедшее спустя время, в декабре 1916 г., не смогло установить ни способ ранения, ни время его нанесения. Допустивший ранение солдат был оправдан и отпущен из зала суда 28 февраля 1917 г. В другом случае рядовой 188-го пехотного Карского полка Тихон Чернышев был застигнут командиром роты 31 декабря 1915 г. в момент получения раны, в результате которой были перебиты 2 пальца, указательный и средний, левой руки при ране черного цвета с признаками ожога. Чернышев отказался признаться в саморанении. В результате судебного следствия суд 12 марта 1917 г. оправдал Чернышева за недоказанностью преступления, хотя все материалы дела указывают на обратное. В 1917 г. члено-вредители вели себя уже откровенно нагло, заполняя госпитали и ведя себя вызывающе. В результате врачи, сестры, фельдшеры и санитары выражали недовольство, что им приходится ухаживать не за фактическими больными и ранеными, а за изменниками родины[1].

[1] Повеление Верховного Главнокомандующего русской армии от 4 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153; *Свионтецкий И.О.* Указ. соч. С. 452; *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 30–31; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 31; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об., 17–17об.; Д. 208. Л. 2–3, 63, 96–96об.; Д. 954. Л. 1–157; начальник гарнизона Невеля – главному начальнику Двинского военного округа от 26 апреля 1917 г. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 34.

Другая аргументация по поводу невозможности признания самого наличия массового членовредительства заключалась в отсутствии всей картины ранений, когда тяжелораненые оставались на поле боя, умирали или сдавались в плен, а перевязочные пункты заполняли «палечники», то есть легкораненые. Очевидным являлось, с точки зрения военных врачей, что «палечники» во время наступательного боя также сами оставляют поле сражения и, как правило, идут толпой, но чаще всего минуют свои передовые перевязочные пункты и появляются где-либо в тылу сравнительно большой толпой. Но при этом данные статистики отсутствовали: ведь не было известно в этот момент, сколько убито и сколько тяжелораненых, а казалось, что все, кто вернулся, это именно «палечники». Даже если и были случаи дезертирства, они не причиняли неисправимого калечения, а само явление не достигало массового характера, характера эпидемии. Вообще не могло быть массовых самострелов, а если бы и были, то тогда речь шла бы о психической эпидемии. Эти врачи подчеркивали, что вообще отсутствуют материалы, позволяющие установить наличие «эпидемий самоувечий» огнестрельным оружием, наличие «эпидемий самострелов», а есть всего лишь единичные факты членовредительства. Да и вообще трудно установить факт саморанения. Приходится устанавливать обстоятельства ранения, частью которых являются и факт ранения, и его характер. Объективное исследование огнестрельного ранения может вызвать подозрение насчет саморанения, но и в этом случае практически невозможно доказать самоувечье. Доказательство дается совокупностью обстоятельств, среди которых само ранение занимает место одного из обстоятельств, «то более утвердительного, то более отрицательного значения»[1].

Непросто было и с заключением экспертизы по случаям массовых ранений в верхние конечности, количество которых составляло, по данным госпиталей Всероссийского Земского союза в Петрограде и Москве, 52–55% всех ранений, а в кисть и пальцы в Москве – 37,4%, в Петрограде в

[1] *Ляховъ М.Н.* Указ. соч. С. 11, 31; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 5–10, 14–15, 16, 20–21, 24.

кисть – 8,9% и в пальцы – 19,3%. В статьях о ранениях верхних конечностей указывалось, что особенно часто ранятся ружейными и пулеметными пулями указательные пальцы правой руки. Причину этого фронтовые врачи видели, основываясь на показаниях самих солдат, в особой роли этого пальца в манипуляциях при ружейной стрельбе. Однако те же фронтовые врачи сомневались в естественности ранений (то есть, в сущности, признавали их искусственность) в случае отрыва того же указательного пальца при артиллерийском или шрапнельном огне. Однако подобного рода сомнения в показаниях солдат оставались всего лишь врачебной версией, а не установленным фактом случаев саморанения[1]. Таким образом, врачи, в сущности, защищали «палечников», сводя врачебную экспертизу к установлению формы профессиональной этики, противоречившей в данном случае интересам государства. При этом врачи и деятели «общественной медицины» ссылались на опыт Запада, где также существовала некоторая склонность к защите членовредителей против огульного обвинения. Ведь шла война, и лучше защитить виновного в членовредительстве, нежели обвинить верного защитника, – полагали западные коллеги русских врачей. Нельзя ставить тень на комбатанте только по подозрению в членовредительстве. При этом русские врачи ссылались на опыт борьбы с членовредителями в западных армиях, где в каждом полку составлялась особая комиссия для рассмотрения случаев членовредительства. В такой комиссии предполагались наличие и возможность доказать свою невиновность, вообще независимость и компетенция судебной экспертизы. Но в русской армии такая постановка вопроса в условиях нехватки врачебно-экспертного персонала на фронте, материально-технической базы, специальной литературы, руководства по борьбе с самострелами, а также несоизмеримо большего количества самих случаев членовредительства по сравнению с западными армиями, в сущности, носила характер затягивания необходимых расследований, приводила к частым случаям неправомерного оправдания членовредителей.

[1] Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1149; *Рубашев С.М.* Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 24, 29

Механика власти в рамках «политической анатомии», однако, не в состоянии подчинить себе «физику тела». Недисциплинарное сознание как раз делает невозможным полноценный контроль над телом, что не обеспечивает принуждения тела к войне. Тело, как продолжение соматического ощущения субъективности личности, все еще остается неподвластным механике власти. Поэтому требуется пересоздать саму телесность, образовать как таковую новую соматическую личность, то есть приученное к послушанию тело. Нужен также необходимый контроль над этим новым телом в виде технологии подчинения, чтобы выполнить на этом уровне мобилизацию личности для превращения ее в воюющую массу через свое тело.

В бегстве от войны определенное место занимало и уклонение от военной службы путем нелегального освобождения. Эта форма бегства от войны у некоторых авторов занимает непропорционально большое место, а в ее трактовке вообще пытаются снизить до минимума сам смысл подобной практики «мобилизации нации». Так, Дж. Санборн полагал, что в вопросе о дезертирстве дело было вовсе не в масштабах этого явления, а в отношении к нему со стороны солдат и населения, в целом стоявших на патриотических позициях и осуждавших такую форму ухода от войны и от равной ответственности в деле мобилизации нации. Осуждалась, по его мнению, только «несправедливость» раскладки воинской тяготы. Действительно, подобных сообщений в печати того времени было довольно много. Однако логичнее представить такого рода публикации не как констатацию требования «справедливости» в деле всеобщей мобилизации, а как дополнительный способ оказать моральное, в том числе и устрашающее, давление на уклонистов, что как раз означает косвенное признание проблемы нехватки патриотизма. На самом деле письма солдат демонстрируют более сложную картину отношения к войне. В них чрезвычайно много высказываний о смысле, полезности, справедливости самого нахождения на службе, нежели уклонения от нее. В таких суждениях не хватало только проявлений личной ответственности. А «справедливость» равной раскладки мобилизационной

повинности использовалась солдатами для объяснения как раз ненужности личного участия в войне, усталости и т.п. Так, один солдат, после нескольких месяцев, проведенных на фронте, почувствовал свою непригодность для войны (не мог слышать орудийной стрельбы, дрожал при звуках артиллерии) и решил сам себе «дать отдых», объясняя это так: «Ведь я же поработал на защиту Государя и Родины, тогда как есть тысячи офицеров, которые еще не нюхали пороху, а после войны будут говорить, что они сражались».

В начале войны уклонисты осуждались и слухи о них являлись частью патриотического одушевления наряду с активным поиском шпионов, предателей и т.п. Так, в 1914 г. в армии распространялись сведения о том, как легко освободиться от призыва в Тифлисе: «Всех здесь можно подкупить, и деньги всесильны». Чтобы подчеркнуть готовность к испытаниям, солдаты писали: «Мы жертвуем не только деньги, имущество, но и самую жизнь на благо дорогой нам Руси», а «жалкие торгаши и эксплоататоры» уклоняются от войны. Интересно, что впоследствии тема участия торгашей и эксплуататоров будет истолковываться как их желание затянуть войну. Это лишь отражало отсутствие национальной сплоченности: в одном случае при патриотическом порыве упрекали часть населения в нежелании воевать, а в другом – при нежелании большинства продолжать войну видели корысть в милитаризме «торгашей и эксплуататоров», наживающихся на войне. В редакции газет поступали издевательские списки приемов уклонения от военной службы. Некоторые ратники на Северном фронте осенью 1916 г. жаловались на купцов Прибалтики: «Тяжело заявлять, но тяжелей видеть и терпеть обиду, нашево брата призывает и идем радостно а купцы наши большие и богатые их ни забирают», – говорилось в одной из анонимок, адресованной губернатору Лифляндии. Вице-губернатор края, однако, отмечал, что перечисленные купцы получали отсрочки законно. Деятелями Союза Русского народа имени Михаила Архангела распространялись на фронте подобные же письма против «не служащих богатых купцов».

Но теперь освобождение богачей и интеллигентов трактовалось как причина, почему «бедняки и все честные крестьяне этим возмущены и духом пали. Теперь идут на войну без всякого воодушевления, видя явную измену царю и родине». И далее обвинения в уклонении от службы, в частности «евреев-музыкантов», сопровождались жалобами на тяжелую службу. Это лишний раз указывает на то, что солдаты просто использовали теперь обвинения против уклонистов для объяснения упадка своего рвения к военной службе[1]. Таким образом, слухи об уклонениях в тылу служили для солдат поводом для самооправдания их собственного нежелания воевать.

1.4. Преступление и проступок

Обычно под армейской дисциплиной понимается следование установленному порядку и отсутствие нарушений этого порядка в законодательном: плане. Однако русская армия во время Первой мировой войны страдала прежде всего от слабости исполнительской дисциплины. Это касалось в значительной мере и офицерского состава, даже командного, вплоть до старших офицеров. Особенно очевидным это стало в 1916 г., когда производились сложные перемещения, на громадных выстроенных позиционных площадях осуществлялись стратегические оборонные инициативы, затрагивавшие целые фронты. Важность исполнительской дисциплины диктовалась также возросшей близостью противника к северным центрам страны – Прибалтике и Петрограду, от защиты которых зависела судьба всей России. Недостатки такой дисциплины отмечал летом 1916 г. главком армий Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин. Он указывал на недостаточность тактической подготовки войск для атаки укрепленных позиций, подготовки к наступательным операциям в смысле готовности плацдармов, изучение позиции противника для успешного сближения с ним. Главком упрекал нижестоящее командование в непроизводительных расходах тяжелых снарядов, сравнивая обеспечение ими с прежним

[1] *Sanborn J.A.* Op. cit. P. 37; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 37; Д. 544. Л. 610; Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 562–562об.; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 108, 109; Д. 553. Л. 301–301об.; Д. 555. Л. 59–59об.

временем. Особое внимание уделялось нехватке энергии и напряжения всех сил, профессионального руководства со стороны командования в июльских операциях[1].

Тяжело отзывалось прямое нерадение начальства в решении все возраставших задач в организации обороны, особенно в случаях, когда заведомо невыгодные позиции активно использовались противником. Так, командование Юго-Западного фронта зимой 1916–1917 гг. указывало на недопустимость «перекройки» позиции без оценки существующего положения, упрекая дивизионное и корпусное начальство в собственной трактовке задачи обороны рубежей – без извещения армейского командования. При этом доклады полкового начальства о невозможности оборонять позиции не принимались во внимание дивизионным и корпусным начальством, что приводило к неминуемой сдаче позиций. Армейское командование в приказном порядке требовало в связи с этим от командования 34-го армейского корпуса укрепить позиции[2]. Эти приказы, однако, явно запаздывали. Для обороны плохо оборудованных позиций корпусное начальство просто использовало сверх меры – без смены позиций – живую силу полков, результатом чего и явились беспорядки в этом корпусе в январе 1917 г.

Очевидные ошибки в планировании и исполнении операций зимой 1916 г. приводили к неоправданным потерям и на Северном фронте. Так, командование фронта указывало на «торопливость при атаках» в декабрьских боях на Стрыпе. Не соблюдались элементарные требования к подготовке атаки. Так, сознавая, что проходы (в проволочных заграждениях) узки, командиры, тем не менее, при штурме не отдавали приказаний расширить проходы, а лишь настаивали на безостановочном движении, так как штурм не мог быть отложен ни в коем случае. В результате «все горячатся – начальник дивизии и командир корпуса, а пехота должна тысячами жизней и быстротой пополнять недостаток подготовки». Указывалось и на бесцельность

---

[1] А.Н. Куропаткин – Р.Д. Радко-Дмитриеву от 11 июля 1916 г. № 6801/Б. Доверительно. Секретно. Исключительно для Радко-Дмитриева // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 87. Л. 187–192.

[2] Приказ по Особой армии 9 декабря 1916 г. № 327/73. (По отделу генерал-квартирмейстера) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8об.

ночных атак, приводивших к большому количеству жертв. Командование фронта еще раз подчеркивало, что причиной чуть ли не преступной торопливости являлось невыполнение правил атаки укрепленной позиции противника, в которых все должно быть основано «на расчете, осмотре, изучении, соображении, подготовке». В той же Особой армии в декабре был издан приказ с требованием ко всем офицерам батальонов, включая его командиров, знать и исполнять устав и наставления. Дело дошло до напоминания о необходимости установить и поддерживать порядок службы в окопах, организовать дежурство по батальонам и т.п. Особо предписывалось командирам полков находиться во время боя на позиции, хотя бы в наблюдательном пункте, и т.п. В приказе офицерам 34-го корпуса предписывалось знать соседние участки, ходы сообщения для оказания должной помощи атакованным соседним частям. Армейское начальство требовало организовывать наблюдательные пункты, даже если они были уничтожены огнем, организовывать слежение за сменой позиции противника и т.п. Ряд резких суждений был высказан армейским начальством и о неисполнении обязанностей, а в сущности, о серьезном нарушении дисциплины дивизионным начальством. Так, выяснилось, что во время боев конца 1916 г. штаб 56-й дивизии вообще не руководил боями, описание боевых эпизодов во многих местах «грешило против действительности», даже командир корпуса положил резолюцию: «Отсутствие руководства и настойчивости штаба дивизии, где равнодушно ждали, что сделают младшие». Начальник штаба дивизии вообще оказался во время боя в своей квартире спящим, так что приходилось его неоднократно будить..., «то есть за боем не следил», – говорилось в приказе по армии. Правда, начальник штаба все же сумел обрисовать обстановку в беседе с командиром корпуса по телефону, зато командир дивизии, как выяснилось, проявил неосведомленность о ситуации на поле боя, так как не принимал в нем участия. В связи с этим командующий армией предписывал начальнику дивизии обратить внимание на свой штаб и на начальника штаба, а командиру корпуса донести: какие приняты меры против столь равно-

душного отношения со стороны начальства дивизии к своим обязанностям[1]. Остается в связи с этим вопрос: чего же могло требовать начальство именно этого, 34-го корпуса и этой, 56-й дивизии с подведомственных им частей, отказавшихся идти в наступление уже через месяц?

Проматывание вещей было замечено с первых месяцев войны. Сначала власти полагали, что инициаторами скупки вещей, которую власти категорически запрещали, являются жители прифронтовых местностей. Особенно власти пытались воспрепятствовать скупке вещей у солдат на станциях, вообще в районе железных дорог. Однако такая скупка продолжалась, захватив города во внутренней части России: Козлов, Жмеринку, Харьков. Вскоре выяснилось, что инициаторами скупки не всегда были именно местные жители, а часто сами солдаты предлагали купить вещи, в частности, широко шла продажа вещей из маршевых рот – до 2/3 вещевого довольствия. В связи с этим власти теперь пытались объединить местную железнодорожную жандармерию и комендантские службы по ходу следования эшелонов с маршевиками[2].

Другим важным явлением откровенного нарушения дисциплины являлось проматывание вещей бродяжничающими солдатами в ходе следования солдат по этапам. Бродя с этапа на этап, солдаты получали обмундирование и обувь от воинских начальников и этапных комендантов по несколько раз и затем его распродавали, приходя на новый этап полураздетыми. Особенно часто проматывались сапоги, пользовавшиеся громадным спросом среди населения. В деле проматывания вещей дезертиры вошли в тесное сотрудничество с этапным начальством, получавшим от этой операции немалую мзду[3].

---

[1] Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 года и Северном и Западном фронтах в марте 1916 года. Типография штаба Верховного Главнокомандующего, 1916. С. 40 // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 326. Л. 820об.–821, 825об.; приказ по Особой армии 9 декабря 1916 года. № 327/73 (по отделу генерал-квартирмейстера) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 9–10.

[2] РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 66; начальник штаба Московского военного округа – начальнику штаба Киевского военного округа от 10 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 89; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 62.

[3] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 75; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л.

В прифронтовых городах Белоруссии: в Витебске, Полоцке, Смоленске, Гомеле и других – прямо на базарах шла бойкая торговля солдатским товаром, который активно скупали прямо у каптенармусов или у солдат местные крестьяне: сапоги, солдатские палатки, верхние рубахи, кальсоны, нижние рубахи, австрийские шинели, шаровары, одеяла, вещмешки, котелки, подштанники, кожаные подсумки, простыни, наволочки, носовые платки, баклажки, полотенца, нагрудники, лопатки. Согласно данным агентуры КРО Двинского военного округа, часто на рынках и сами солдаты участвовали в продаже обмундирования. Как правило, это были солдаты интендантских команд, запасных артиллерийских дивизионов, смешанных рабочих рот, починочных мастерских, конвойных команд и т.п.. Некоторые солдаты, получив доступ к дефицитным товарам (каракулевые шкурки, часы и т.п.), переодевшись, ходили по городам уже открыто, ища покупателей. Особенно активно занимались сбытом вещей дезертиры. У некоторых из них при задержании находили больше сотни рублей, казенное белье и т.п.. Доходило даже до продажи трофейных винтовок австро-венгерскому населению[1].

Может показаться, что скупкой вещей занимались в основном евреи. Действительно, так могло быть в начале войны, до 1915 г. включительно. Однако, как и в других случаях преступной деятельности среди гражданских лиц, представители других национальностей стали более заметны, евреи же гораздо меньше других были ответственны за разложение армии, пропаганду, спекуляцию, уклонение от военной службы[2]. В этом и была проблема применения репрессивных мер: слишком много было людей, так или иначе способствовавших разложению армии, и принадлежали они к самым разным национальным группам.

По мере усиления социально-экономического кризиса осенью 1916 г. скупка вещей у солдат приобретала все

484–484об.; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122; Статья в газете «Волга» от 20 октября 1916 г. Машинописная копия // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. О Л. 280–280об.

[1] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 79, 56; Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 57–57об; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 72–72об., 90–91 об., 120, 168–168об., 251; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 20.

[2] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 58.

больший размах. Теперь уже в оборот шли не только новые вещи из солдатского обмундирования, а всякие вещи, годные к употреблению: оторванные от сапог подметки, палатки и пр.[1] Кроме громадного ущерба государству, такая деятельность сплачивала солдатский элемент, получавший немалую экономическую выгоду, и гражданские круги, участвовавшие в этой форме присвоения государственного имущества. В целом же эта деятельность чрезвычайно объединяла против войны солдатскую массу и гражданское население.

Важнейшим стимулом проматывания вещей, кроме повышения качества жизни, своей и родственников, было пьянство. Со стороны же гражданского населения такая деятельность носила настолько прибыльный характер, что, в сущности, оставалась безнаказанной, учитывая очень небольшие штрафы, налагаемые на них местными и военными властями, массовость этих преступлений, медленность рассмотрения дел. «Торгуем и будем торговать», – нагло заявляли скупщики солдатских вещей в Кременчуге[2]. Ввиду значительного подрыва дисциплины в армии такой деятельностью власти планировали предание военно-полевым судам не только провинившихся солдат, но и лиц, участвовавших в скупке солдатских вещей[3].

Была еще одна проблема, касающаяся наказаний скупщиков: основным их контингентом были женщины, как правило солдатки, а также члены семей призванных. Очень много вещей такие семьи получали от солдат во время отпуска. Отпускники просто везли эти вещи с фронта в тыл. Это создавало проблему в применении репрессивных мер против скупщиков. В результате вещи отбирали, а наказание оставляли на усмотрение губернатора[4]

В борьбе с проматыванием солдатами казенных вещей и продажей их гражданскому населению власти пытались

---

[1] Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта – начальнику Киевского военного округа от 14 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 2.

[2] Генерал для поручений при главном начальнике Киевского военного округа – главному начальнику Киевского военного округа от 15 декабря 1916 г. Секретно // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 9а–9аоб.

[3] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 10–10об.

[4] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 29, 34.

использовать антисемитские стереотипы. Они требовали от военного начальства на местах разъяснять солдатам, что продавать казенные вещи «евреям и прочим скупщикам» «низко, гадко и равносильно предательству по отношебнию ко всему русскому народу», в то время как «все истинно русские люди» самоотверженно терпят лишения для снабжения армии[1]. Впрочем, уже с осени 1915 г. наряду с евреями стали задерживать и нижних чинов из русских (судя по фамилиям) по обвинению в продаже солдатских вещей[2]. Впоследствии антисемитские намеки на происки евреев в деле скупки казенных вещей у солдат прекратились. Это совпало, с одной стороны, со сменой начальника штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевича, активного сторонника разоблачения «еврейских козней», а с другой стороны, было обусловлено участием в этом преступлении широких слоев населения внутренней России.

На самом деле власти на местах, как гражданские, так и военные, например в Витебске, мало обращали внимания на случаи скупки солдатских вещей, закрывали глаза на это и городовые – они не задерживали даже явных скупщиков. Стоило двинскому КРО начать через своих агентов работу в этом направлении, как выявился громадный размах этой скупки, организации притонов, пьянства и других воинских нарушений[3].

Как только в первые же месяцы войны обнаружился размах нелегальной торговли казенным имуществом, главным образом из запасных батальонов, власти поставили вопрос о принятии «самых решительных и суровых мер для пресечения в корне этого позорного, нарушающего существенные интересы армии явления». После консультаций Главковерха с МВД и с и.д. начальника ГУГШ, а также с начальниками военных округов в районе театра военных действий уголовная ответственность за это преступление в военное время была признана недостаточной. Предполагалось, что Главковерх может в порядке ст. 29 Положения о полевом управлении в военное время уси-

[1] Приказ по 6-й армии № 469 от 3 июля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д . 553. Л. 479.
[2] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 19–23, 34.
[3] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 78–78об.

лить статьи 162–166 Свода военных постановлений. Так, если по ст. 162 о проматывании вещей раньше полагалось 1–2 месяца военной тюрьмы, то теперь от 1-го до 2,5 лет или отправка в дисциплинарные части на 2–3 года. При повторном случае вместо военной тюрьмы на 4 месяца – 4–6 лет в исправительных арестантских отделениях. При нарушении в третий раз – вместо дисциплинарных частей на 1–3 года теперь военная каторга в 4–8 лет. То же касалось статьи 163 (потеря или продажа предметов вооружения и снаряжения), статьи 164 (порча казенных вещей), статьи 165 (оставление амуниции) и статьи 166 (взятие в заклад или покупка друг у друга заведомо казенного оружия, лошади или другой казенной вещи)[1].

Дело борьбы со скупкой, вообще проматыванием солдатских вещей, пытались взять на себя военные власти. Прежде всего они пытались усилить меры к задержанию солдат, продающих вещи, а также скупщиков. Для этого, например в Житомире, ежедневно выделялись 48 военных для содействия полиции. Кроме того, высылалось ежедневно 3 офицера-агента для наружного наблюдения за случаями скупки. Применялись и меры поощрения: жандармы, задержавшие скупщиков, представлялись к наградам. Применялись и репрессивные меры: еще в августе начальник Киевского округа назначил меру наказания за скупку от 3000 рублей до 3 месяцев тюрьмы. В декабре 1916 г. было принято решение также о высылке из местности уличенных в скупке[2].

Власти неоднократно пытались применять меры закона к скупщикам. Так, начальник войск кременчугского гарнизона в октябре 1915 г. требовал применять к ним ст. 162 Свода военных постановлений. Однако, надо полагать, эти меры мало действовали, скупщики уходили от ответственности. Не случайно, что даже в приказе по Киевскому военному округу от 2 декабря 1916 г. требовалось «беспощадно предавать суду всех уличенных в

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 91.

[2] Начальник гарнизона г. Житомира – в штаб Киевского военного округа от 12 декабря 1916 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 84; РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 19; Обязательное постановление начальника Двинского военного округа от 11 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Д. 39, 63.

промотании или растрате вещей». Согласно циркулярам начальника штаба Киевского военного округа, власти завели отдельные списки на военных и гражданских лиц, занимавшихся скупкой солдатских вещей, с приказанием заключать немедленно на 3 месяца в тюрьму гражданских лиц, с последующей их высылкой, и передачей военных в военно-полевые суды местных гарнизонов. Однако эти меры, согласно Главному начальнику снабжений Юго-Западного фронта, сами по себе вполне достаточные, мало действовали или не применялись в полном объеме, а меры по высылке вообще остаются без исполнения, так как подлежащие высылке лица успевали скрыться, а их розыски оставались безрезультатными. Военных предполагалось задерживать и передавать начальникам гарнизонов для предания военно-полевому суду[1].

Власти пытались принимать меры и глубоко в тылу: вменять в обязанность чинам полиции бороться энергично с «этим злом», требовали, чтобы мировые посредники объявляли населению на сельских сходах о запрете скупки казенных вещей у солдат, предлагали даже привлечь войсковые команды в помощь полиции для повальных обысков. принять меры, «усилить кары» и т.п. Преимущественно продажа шла в городах, местечках и на станциях железных дорог. В то же время местные власти, по сути, брали население под защиту. Они объясняли невозможность или неэффективность борьбы со скупкой казенных вещей у солдат сходными интересами солдат и гражданского населения, особенно родных и членов семей фронтовиков. Так, по мнению курского губернатора, неудача опыта почти трехлетней борьбы с продажей-скупкой казенных вещей является следствием усиления непомерного роста цен на материалы, употребляемые на одежду и обувь простым людом, слабостью репрессий и надзора за солдатами со стороны военного начальства. Как только член семьи в качестве новобранца, а тем более ратника ополчения, испытавший на себе и своих близких лишения из-за доро-

[1] РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 223–224; приказ по Киевскому военному округу № 2449 от 2 декабря 1916 г. // Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 8; циркуляр штаба Киевского военного округа от 20 декабря 1916 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 12, 13–13об., 25.

говизны на предметы первой необходимости, попадал на фронт, он снабжался как раз этими предметами в таком изобилии, что естественно проникался мыслью поделиться ими со своими близкими. Во время отпусков или даже в самоволках, на что «воинские части смотрят как бы сквозь пальцы», солдат старался явиться домой с «гостинцем» в виде пары сапог, куртки, рубахи и т.п. «Интересы казны и солдатской семьи, не могущей платить по десяткам рублей за пару обуви или за аршин сукна, диаметрально расходятся, и борьба с этим явлением, при сплоченности деревни, представляется весьма затруднительной», – заключал свои размышления губернатор. Скупка вещей на железных дорогах находится в ведении железнодорожной жандармерии, которая не подчинена губернаторам и, в сущности, с этим явлением не борется. С другой стороны, воинские части не дают никаких указаний на лиц, скупающих вещи, хотя им нетрудно проследить путь такой скупки. Меры, предлагавшиеся губернатором, предполагали пресечь тесную связь военных частей с гражданским населением, в частности, не допускать массы посторонних людей, покупающих у солдат остатки пищи из котла, хлеб и т.п., требовать от воинских начальников сообщения о лицах, совершающих скупку и т.п.[1] Нетрудно заметить, что данные меры были направлены на прекращение тех тенденций, которые как раз усиливались по мере разрастания социально-экономического кризиса к началу 1917 г. и были крайне трудно осуществимы.

Непосредственно перед Февралем военные власти губерний на театре военных действий, в частности – Киевского военного округа, проводили даже масштабные совещания с рядом губернаторов для усиления мер против скупки вещей у солдат. Была разработана целая система борьбы с профессиональными скупщиками, просто скупщиками у частных лиц и непосредственно у нижних чинов, наконец, участвовавших в продаже вещей уволенных нижних чинов[2]. Эти меры по своему размаху напоминали будущую систему репрессий, систему борьбы с мешочничеством в годы Гражданской войны. Но проведение этих

[1] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Д. Л. 32, 32об., 66–67.
[2] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 104–105.

мер оказалось возможным уже при другой политической системе. В целом вопрос торговли казенными вещами оказался крайне острым в годы Мировой войны. Он показал неспособность властей справиться с одной из самых важных проблем войны – задачей сплочения фронта, и в первую очередь с регулированием цен.

Одним из видов воинских преступлений является мародерство. Этот вопрос уже поднимался в главе о крестьянском менталитете. Однако этот вид преступления характеризует также упадок дисциплины в армии в целом. Особенностью мародерства была его связь с другим видом преступления – грабежами. Действительно, уже в первые месяцы войны мародерство на захваченных землях перерастало в грабежи населения. Военное начальство считало случаи мародерства «позорным для русской армии явлением». В первое время против мародеров применяли розги, до 25 ударов[1]. В декабре 1914 г. Главковерх вел. кн. Николай Николаевич повелел мародерство «в корне уничтожить в кратчайший срок, и притом беспощадно». Ответственность за прекращение мародерства власти возлагали на начальников, а уличенных в нем требовали предавать военно-полевому суду. Особенно возмутили Николая Николаевича сообщения об ограблении санитарами своих же солдат, причем как убитых, так и раненых. Порою санитары вымогали у раненых деньги, за которые только они и соглашались выносить их с поля боя. Пытаясь покончить с мародерством, власти вдруг обнаружили отсутствие специального закона о мародерстве по отношению к своим раненым и убитым, в результате чего виновных предавали суду просто за кражу на сумму более 300 руб. Главком армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов предлагал в связи с этим ввести в Воинский Устав о Наказаниях новую 262-ю статью – за обобрание убитых, а также и раненых – на поле сражения, с отдачей в исправительные арестантские отделения от 4-х до 6-ти лет. На этом докладе Начальник штаба Ставки ген. Н.Н. Янушкевич написал резолюцию: «Надо вешать, ибо пули для таких мерзавцев жалко». Это суждение

[1] *Ляхов М.Н.* Указ. соч. С. 19.

Янушкевича приобрело даже форму проекта постановления по ст. 29 Положения о полевом управлении войск с определением виновным казни через повешение. Однако это предложение вызвало возражение Главного военного прокурора, указавшего на отсутствие самих законов о подобном виде преступлений. Не было таких прав и у Верховного главнокомандующего по ст. 29 Положения о полевом управлении войск в военное время[1].

Как разъяснял Главный военный прокурор Макаренко, еще в 1911 г. из Воинского Устава о Наказаниях были изъяты статьи 265, 266 и 267 (обобрание раненых или пленных, обобрание убитых в сражении, захват вещей у жителей областей, занимаемых армией, или мародерство). Этот вопрос обсуждался в Соединенном собрании главных Военного и Военно-морского судов, где эти статьи были исключены (Приказ по Военному Ведомству 1911 г.№ 452). Соединенное собрание приняло во внимание соображения, высказанные Комиссией по пересмотру военно-уголовного законодательства, согласно которому «обобрание больных, пленных и убитых в сражении и мародерство составляют не какое-либо особое преступление, а являются, в зависимости от фактической обстановки события, или кражей, предусмотренной общими уголовными законами (ст. 179–172 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и ст. 1644–1664 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных), или же грабежом и разбоем, наказываемыми в военное время смертной казнью по ст. 279 Воинского устава о наказаниях. Члены комиссии и Соединенного собрания полагали, что, с одной стороны, в условиях войны кража на поле боя будет носить характер грабежа и уже поэтому будет наказываться серьезнее, чем это предусматривалось указанными статьями. Но с другой стороны, комиссия приняла во внимание мнение строевых начальников, бывших членов указанной комиссии (генералов Никитина, Мрозовского, Бринкена,

[1] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 4; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 54; С.А. Макаренко – Н.Н. Янушкевичу от 17 января 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 83–85; Главком армий Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов – начальнику штаба ВГК Н.Н. Янушкевичу от 9 января 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 78–78об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 86, 77.

Яблочкина, Лечицкого, Драгомирова и др.), как полагавших несправедливым всегда одинаково строго наказывать в случаях обобрания убитых, так как «иногда по обстоятельствам дела подобное обобрание может оказаться даже вызванным насущной потребностью и необходимостью (например, снятие с убитого сапог, амуниции, платья, документов и т.п.), так и считавших неправильным и уравнение по своему значению случаев обобрания раненых со случаями обобрания убитых, которые в последней ситуации имеют вынужденный характер из-за «отсутствия», то есть гибели хозяина взятых вещей. Случаи же отдельных преступлений, не вызванных военными или военно-хозяйственными обстоятельствами, и особенно случаи вымогательства со стороны санитаров по отношению к раненым, по мнению Макаренко, могли наказываться на основании прав, которые дает Верховному Главнокомандующему 29 ст. Положения о полевом управлении войск в военное время. В реальности же в связи с отсутствием указанных статей применялись бы наказания, предусмотренные ст. 169–172 Мирового устава и ст. 1644–46 Уложения о наказаниях, или как статьи за грабеж или разбой, предусмотренные ст.279 Воинского Устава о Наказаниях с правом Верховного главнокомандующего ужесточать наказания по этим статьям вплоть до смертной казни[1].

Вопрос о мародерстве был поднят и в Государственной думе. Согласно докладу М.А. Караулова, направленному царю и Верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу, «мародерство и в нашей доблестной Армии получило значительное распространение, благодаря наличности некоторых отрицательных явлений, способствующих его развитию». Среди этих явлений Караулов называл попустительство и укрывательство со стороны начальствующих лиц, пример старших и недостаточную заботливость начальствующих лиц о сбережении сил людей и лошадей, многочисленность отставших во время усиленных маршей. Мало того, Караулов даже обвинял военные власти в попустительстве этому виду пре-

[1] Начальник ГВСУ Макаренко – начальнику штаба ВГК Н.Н. Янушкевичу от 17 января 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 83–85; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 80–81.

ступлений. Старшие офицеры не платили за взятые у жителей предметы довольствия (сено, зерно, солому, птицу, скот и т.п.) или за средства передвижения (экипажи, коней и т.д.), забирали принадлежащие частным лицам деньги (помещичьи, сиротские и др.), не всегда при этом выдавая расписки в приеме денег. Указывалось и на практику мародерства среди отставших частей, лишенных всякого присмотра и не получавших никакого довольствия – ни от своей, ни от иной части, что и оправдывало с их стороны нищенство, кражу или открытый грабеж. В докладе указывалось и на неправильное использование военной добычи, которая должна была после регистрации переходить в ведение казны, а не подвергаться «общему хищению и разграблению». Подчеркивались и отсутствие общих мер против такого беспорядка, и невозможность отдельным начальникам бороться с подобными явлениями[1].

В судебных делах есть описания «массового мародерства» на передовой линии. Один из офицеров описывал «неудержимую страсть» солдат шарить в неприятельских окопах да в мешках», как только они врывались в окопы, даже забывая выгнать отстреливающегося врага. «Просто возмутительный народ. Оттого и потери большие», – заключал корреспондент, настаивая даже на наличии особого типа нижних чинов, пассивно участвующих в атаке, но бывших крайне активными, чтобы «обирать убитых, раненых и пленных». «Грабят страшно, мародерствуют невозможно», – указывал офицер, подчеркивая отсутствие командиров в строю и участие в мародерстве младших командиров из унтер-офицеров. Случаями мародерства, в том числе в имении польского графа Замойского во время наступления в Галиции 173-го пехотного Каменецкого полка, заинтересовался даже Департамент полиции[2].

В некоторых изданиях военного времени появлялись статьи об активной борьбе с мародерством, особенно на-

---

[1] Доклад М.А. Караулова «О некоторых отрицательных явлениях, способствующих развитию мародерства в армии» // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 87–87об.

[2] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 448–448об.; Департамент Полиции МВД – и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба ген. Леонтьеву М.Н. от 12 мая 1916 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8207. Л. 40–40об.

правленной на обирание мирных жителей, например, якобы в Галиции «начальство наше зорко следило, чтобы не было мародерства и чтобы за отобранный скот и фураж платили по справедливой оценке». Говорилось о выделении из полков нижних чинов для исполнения полицейских обязанностей по борьбе с мародерством, даже в специальных повязках красного цвета в форме сердца с надписью «в защиту мирных жителей». Надо полагать, что это была констатация ряда мер по наведению порядка в войсках – как части мер против бродяжничества и «связанных с ним мародерства и грабежей». В ответ на повеление царя «принять безотлагательные решительные меры для прекращения в тылу армий бродяжничества нижних чинов» были изданы ряд приказов, которые предписывали сформировать в каждом из дивизионных и корпусных районов необходимое число военно-полицейских команд «для неослабного досмотра всех путей, урочищ и населенных пунктов тылового района, а также очистки его от беглых, отбившихся от частей нижних чинов». Однако в приказах в 1915 г. практически ничего не говорилось о практике мародерства на позиции во время боя. В то же время позднее появились сведения о продолжении такой практики на передовой линии. Так, комкор 5-го армейского корпуса ген. Балуев, анализируя неудачу атаки на противника, отмечал «у большинства не только нижних чинов, но и офицеров незнание задачи и цели боя и неточное указание задач каждой части. Благодаря этому все части и отдельные чины, ворвавшиеся на позицию противника, не знали, что дальше делать, все хватались за сбор трофеев, приходили в полный беспорядок и обращались в толпу, с которой противнику было уже легко справиться»[1].

В 1916 г., однако, сообщений о мародерстве стало намного меньше, а к концу 1916 г. они практически прекратились. Надо полагать, причиной этому было полное пре-

[1] Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 11–12. С. 357; приказ главкома армий Западного фронта № 2140 от 20 октября 1915 г.; приказ по Военному Ведомству №256 за 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 608–608об., 609–610; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 77–81; Инструкция частям 5-го армейского корпуса для атаки укрепленной позиции. 6 февраля 1916 г. // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 217. Л. 33об.

кращение маневренной войны и переход к позиционной войне, в ходе которой невозможно было ни уйти в плен, ни заниматься мародерством: нечего было грабить, мародерство поэтому заменилось меновой торговлей во время братаний. И вместо мародерства по отношению к противнику стали сначала грабить собственное население, а затем появилось стремление «разобраться» с «внутренним врагом» – путем прежде всего отъема его имущества, то есть того же грабежа.

По мере усиления контроля над мародерством по отношению к внешнему врагу, а также усиления позиционного характера войны, препятствовавшего применению практики мародерства, расширялась практика грабежей местного населения. Основными причинами здесь были ставшее привычным мародерство и усиление дезертирства, а главное, упадок дисциплины в армии в целом.

Уже в первые месяцы войны появились сообщения о жестокостях военнослужащих по отношению к населению захваченных областей противника. По данным штаба Московского военного округа, эти сведения распространяло московское «Общество мира» в Москве, которое власти (Департамент полиции) называли «масонским», стоящим на позициях «антимилитаризма и антипатриотизма», и поэтому не приняли во внимание его информацию. Однако события в захваченных областях Восточной Пруссии осенью 1914 г., где происходил массовый грабеж имений, поставили перед властями новую проблему. Обозные, кадровые, парковые и т.п. команды распродавали массу захваченного имущества местным торговцам, но часть пытались отправить по железной дороге в Россию. Среди этого имущества были рояли, мебель, ковры, зеркала, посуда, не брезговали даже поношенными дамскими туалетами и грязным бельем. Однако железная дорога отказалась принимать гражданские грузы. С другой стороны, комендантуры Ковно стали требовать документы у всех прибывающих чинов. На этой почве произошел ряд «недоразумений». Так, например, военные настаивали на срочном отправлении поездов со станций без проверок, пытаясь избежать задержки награбленных вещей и составле-

ния протоколов. В результате коменданты станций запросили содействия жандармской полиции. Однако и власти, призванные охранять порядок на железных дорогах, испытывали давление со стороны военного начальства, например командира корпуса ген. Епанчина, в связи с чем, в свою очередь, искали защиты своих действий у жандармов[1].

Между тем после оставления Восточной Пруссии армейские команды были замечены в многочислезнных грабежах уже на территории самой России – в отношении евреев. Так, всего в нескольких верстах от Белостока по Заблудовскому шоссе шайка нижних чинов 3-го парка 3-й артиллерийской парковой бригады чуть ли не ежедневно грабила местных торговцев-евреев. Только после того как полиция переоделась в гражданскую одежду, ей удалось настичь грабителей. Свои действия солдаты-грабители объясняли «не столько из корыстных видов, сколько из желания отомстить евреям, которых мы, быть может и заблуждаясь, считали виновниками многих предательств в текущую войну; на христиан мы не нападали». В Бессарабии офицеры 449-го пехотного Харьковского полка напали на владельца рыбного пункта и его семейство. Особенно много сообщений о грабежах военными поступало летом 1915 г. во время «великого отступления». Так, продолжались грабежи евреев, в частности добровольцами 47-го пехотного Украинского полка около Ровно. Согласно приказу по 12-й армии со ссылкой на приказ Верховного главнокомандующего № 523, по-прежнему допускались «в отношении местного населения и его имущества всякого рода насилия, истребление посевов, лесов и других насаждений». Начались беспорядки, разгромы винных складов и т.п. в Барановичах солдатами из новых пополнений. Осенью Верховный главнокомандующий вновь издал приказ, в котором говорилось о бродяжничестве нижних чинов и о том, что «жители боятся наших обозных и парковых не меньше неприятельских разъездов, вследствие чего и теперь еще многие из мирного населения покидают села и деревни и бегут на восток, что не соответствует интересам государства»[2].

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 19–20, 22, 31–31об.

[2] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 1739. Л. 4–4 об, 9–9 об., 48, 82–83 об.,

Особенно усердствовали в грабежах казаки. Так, например, казаки 10-го Оренбургского казачьего полка по просьбе крестьян сделали обыски у помещика, ища якобы прятавшийся у него немецкий разъезд. После этого крестьяне разгромили усадьбу, так как у них с помещиком были «натянутые отношения». В другом случае казаки сделали объектом своего нападения уже самих крестьян. Крестьяне села Киверцы Луцкого уезда сообщали на имя главкома армий Юго-Западного фронта в сентябре 1915 г.: «Казаки в тысячу раз хуже грабят и издеваются над мирным населением: они, въезжая в села, поголовно нагайками изгоняют все население из сел, лошадей заводят в дома и амбары, режут скот, бьют птицу, поджигают постройки, и все это делается без надобности, все хаты, все имущество выворачивают, ценные предметы забирают, везде и всюду ищут деньги, нахальство и разнузданность их доходят до того, что они обыскивают крестьян, раздевая и снимая обувь, думая, что деньги у крестьян лежат за голенищами или зашиты в складках платья, все строения сжигают до тла, и все это делают русские воины над своим же населением, действия эти хуже в тысячу раз действий наших врагов, те, мы знаем по рассказам бежавших из неволи, не мародерствуют». Командарм Брусилов указывал, что «жалоба эта уже не первая», и приказывал, «чтобы она была последней», требуя «немедленно прекратить это ужасное, преступное безобразие... всех замеченных в грабежах и беспорядках немедленно предавать военно-полевому суду и приговоры тотчас же приводить в исполнение». На «незаконное и хищническое» злоупотребление регквизициями, особенно со стороны казаков по отношению к местному населению, указывал Дежурный генерал при ВГК начальнику штаба Походного атамана в октябре 1915 г. Кондзеровский приводил в связи с этим слова сенатора Римского-Корсакова: «Вопль общий идет при имени казаков со стороны населения». По мнению Кондзеровского,

271, 243; Оп. 2. Д. 91. Л. 79–80; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 288; приказ по 12-й армии № 5 от 23 августа 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 490; РГВИА.Ф. 2196. Оп. 1. Д. 483. Л. 18; дежурный генерал штаба ВГК ген. П.К. Кондзеровский – начальнику штаба Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевичу // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 412.

жалобы свидетельствовали вообще о «большом упадке дисциплины». На повторяющиеся «в некоторых армиях случаях солдатских грабежей», особенно обозными и парковыми казаками, указывалось в приказе по 12-й армии. Грабители продолжали использовать метод «борьбы с шпионством», с «приближающимся неприятелем», являясь под этим предлогом к помещикам и требуя, чтобы они покинули свои усадьбы, угрожая арестом за шпионство. Массу жалоб «на недопустимое, незаконное поведение казаков в отношении мирного населения » получал и командующий 10-й армией. Командарм обращал внимание на случаи открытого грабежа, бессмысленного разрушения движимого имущества и сожжения целых усадеб, принудительного выселения стариков, женщин и детей, реквизиции без уплаты денег и выдачи квитанций, вообще на преступную распущенность нижних чинов, а с другой – на равнодушное отношение их начальников к поддержанию вверенного порядка в частях. Генерал подчеркивал, что эти преступления не единичные случаи, что они «пустили глубокие корни»[1].

Жалобы на казаков поступали и из МВД. Так, 26 августа на станции «Руденск» Либаво-Роменской железной дороги во время стоянки поезда нижние чины, в том числе и донские казаки из следовавшего эшелона, стали бесчинствовать в поселке, расположенном близ станции. Местная полиция и военный патруль из 16 человек не смогли противодействовать буйствовавшим казакам, которые стали затем грабить имущество местных жителей. На узкоколейной железной дороге, принадлежавшей князю Радзивиллу, при той же станции Руденск, казаки попортили несколько вагонов и забрали у управляющего дороги из погреба съестные припасы. Когда офицеры пытались прекратить этот погром, солдаты бросали в них камнями, – писал управляющий МВД А.Н. Хвостов военному министру. Хвостов подчеркивал, что от «казаков мало отстают

[1] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 88. Л. 191–192; Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 38–39; дежурный генерал при ВГК – начальнику штаба Походного атамана от 25 октября 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–10об.; приказ по 12-й армии № 108 от 25 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 503–503об.; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 42–42об.

и другие, особенно нижние чины парков, а также разных обозов. Начальство не только покрывает, но и часто поощряет грабежи и разбои в отношении собственного населения, беженцев. Идет сплошная вакханалия грабежей, и часто на глазах у высшего начальства. Если бы сделать обыск в семьях офицеров, находящихся на войне, то можно бы найти очень много уворованного: посуда, хрусталь, картины, ковры, драп, ценные вещи – все увозилось, конечно, не солдатами, а офицерами». Вместе с тем Хвостов в своем письме называл и условия, делавшие возможными грабежи, присвоение имущества: несение казаками полицейских функций, посылка нижних чинов за фуражом и продовольствием без присмотра офицеров, нехватка гражданских полицейских на местах. Многочисленные жалобы от помещиков подтверждали данные о грабежах со стороны военных летом – осенью 1915 г. Так, один полоцкий помещик в своем письме витебскому губернатору указывал: «Встреча с нашими казаками опаснее и неприятнее, чем встреча с немцами». Другой, ковенский помещик рассказывал, что казаки, ворвавшись к нему в дом, при нем выламывали двери в комнатах, шкафах и ящиках столов, разыскивая якобы скрывавшихся там немцев. Третий помещик той же губернии, убегая от противника, пытался скрыться со своей семьей в дворянской гостинице и был ограблен там казаками. У других помещиков казаки отбирали лошадей, громили сады, вытаптывали засеянные поля. Грабежам подвергались и торговцы-евреи. «В казаках ничего человеческого нет, это звери; занимаются грабежом, пьянством, разбивают винокуренные заводы и пьют вовсю», – сообщали с мест жертвы грабежей и насилия, в том числе изнасилованные женщины. В моменты грабежей казаки оказывали вооруженное сопротивление полицейским, пытавшимся их задержать. В жалобах подчеркивалась атмосфера враждебности населения к казакам и вообще к русскому войску, чем мог воспользоваться противник[1].

Надо, однако, указать, что обвинения казаков в грабежах вызвало недовольство и протесты с их стороны.

[1] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 43, 44–44об.46–47.

Командиры некоторых полков указывали, что казаки, «сломившие волну "освободительного движения", и в данной войне проявили чудеса отваги, и поэтому не следует огульно обвинять в этом всех казаков, а при конкретных случаях преступлений необходимо указывать точные части, замешанные в них». Проблема, однако, заключалась как раз в том, что участвовавшие в грабежах части в сложной военной обстановке оказывались один на один с населением и свидетелей найти было нельзя. Правда, некоторые нижние чины все же подвергались судебному преследованию за грабежи. Так, при штабе 8-й армии на 4 ноября 1915 г. было предано суду 23 человека, в частях 8-го армейского корпуса – 60, 12-го корпуса – 2, 39-го корпуса – 4, 5-го конного корпуса – 7[1].

Однако эти меры не остановили грабителей. В декабре 1915 г. продолжались погромы имений, расхищение имущества. При этом, как говорилось в приказе по Юго-Западному фронту, «не удается установить ни виновных, ни даже часть». В январе–феврале 1916 г. продолжались и стычки с населением с применением оружия и с жертвами. Например, произошло жестокое столкновение партии разведчиков 4-го батальона 137 пехотного Нежинского полка с населением – из-за дров. Нередки были немотивированные убийства гражданских лиц солдатами. Грабежи казаками местного населения происходили и весной 1916 г. Попытки жителей защитить свои законные права пресекались угрозой побоев и других унижений, а розыски частей не давали никакого результата. Осенью происходили стычки военных 12-й армии с латышами. Эскадрон 5-го гусарского Александрийского полка в Мальпильской волости притеснял жителей при занятии квартир, одного крестьянина даже выпороли. Начальство в этом случае приняло соломоново решение: арестовать и отправить на гауптвахту замеченных в эксцессах, эскадрон переместить, убытки пересчитать и заплатить за счет полка, а «крестьян с вызывающим поведением» заключить в тюрьму на 3 месяца с последующей высылкой и штрафами. Но и позднее, в декабре 1916 г., приходили сообщения о продолжении

[1] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 49–49об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2916. Д. 317–317об.

погромов на Рижском взморье. Солдаты 6-го Сибирского армейского корпуса взламывали и грабили все принадлежащие русским дачи, «хулиганским образом» топорами разламывали двери и окна. В революционном же 1917 г. разросшиеся грабежи помещичьих имений в зоне театра военных действий уже трактовались как «революционные» эксцессы[1].

Кроме прямых грабежей, разбоев, в армии практиковалось «мошенничество», вообще действия, приносившие «вред армии». Первоначально, в первые месяцы, в этих действиях обвиняли евреев. Позднее в мошенничестве были замечены военные родом из великорусских губерний. Как правило, для этого солдаты переодевались в офицерскую форму и выдавали себя за офицеров. Например, в ноябре 1915 г. был изобличен на Северном фронте бывший рядовой 1-й Кронштадтской крепостной минной роты (уволенный в запас в марте 1914 г.) Григорий Савин, из крестьян Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, который, одевшись в форму военного чиновника, называл себя Петром Владимировичем Дариновым. Он разъезжал по железной дороге и на станциях представлял подложные документы, оформленные им на вымышленные фамилии Максимова, Колина, якобы заверенные командиром полка. А служивший писарем Игнат Асауленко, из крестьян, выдавал себя за армейского капитана, но разоблачил себя «угловатостью манер». В другом случае витебский мещанин Петр Ляк выдавал себя за агента Антипова, продавая каракулевые шкурки и часы[2].

С первых дней войны власти установили жесткий контроль за потреблением алкогольных напитков в армии. Однако размах этого контроля таков, что позволяет думать как раз о постоянных нарушениях мер, проводимых

---

[1] Приказ по Юго-Западному фронту № 1714 от 16 декабря 1915 г. // Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 296–296об. Д. 152. Л. 71–71об.; РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 43, 45, 61–62; Ф. 2007. Оп. 1. Д. 26. Л. 120; приказ по 12-й армии № 741 от 29 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 520–520об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 347, 348; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 281а. Л. 766.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 110, 113; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 152. Л. 28–28об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 89–89об., 93; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 168–168об.

в этой антиалкогольной кампании. Вначале это больше относилось к контролю над офицерами, имевшими куда больше возможностей обойти «сухой закон», не распространявшийся на рестораны. Случаи пьянства в армии были широко распространены в прифронтовых городах. Шла упорная борьба со спиртным на фронте и в прифронтовых областях. Здесь дело борьбы со спиртным сводилось к неуклонному исполнению правил, которыми надлежит руководствоваться при требованиях об отпуске спирта и водки из казенных винных складов, находящихся, например, в пределах города Варшавы и ее окрестностей, и порядка расходования таковых. На практике это означало усиление отчетности об отпуске спирта в части. Когда же стало ясным увеличение употребление политуры вместо обычных видов алкогольной продукции, власти Двинского округа выпустили обязательное постановление с требованием надзора за выпуском и торговлей лаком и политурой только по разрешению и с запрещением хранения политуры в частных жилищах и мастерских. Однако, по всей видимости, продолжались и обычные формы пьянства, особенно среди офицеров, как правило в гостиницах. В связи с этим жандармским офицерам, среди прочего, вменялось принятие мер к устранению «распутства и пьянства среди гг. офицеров и чиновников всех ведомств не только в ресторанах, но и в отдельных кабинетах и номерах, не допускать ни под каким видом и ни в какой форме продаж вин и других спиртных напитков, недозволенных обязательными постановлениями, устранять все эксцессы со стороны гг. офицеров, замеченных в состоянии опьянения» (Инструкция жандармским офицерам, наблюдающим за внутренним порядком в гостиницах: Европейской, Бристоль, Полония, Англия и Брюлевской). Подобные инструкции были установлены для заведующих участками крупных прифронтовых городов. Так, например, согласно инструкции, офицер, заведующий сектором (участком) города Варшавы с ее ближайшими окрестностями, должен был посещать совместно с чинами полиции и самостоятельно все рестораны, гостиницы и увеселительные заведения, наблюдая, чтобы там не производилась продажа

крепких напитков. Подобную же инструкцию получали офицеры участков г. Смоленска[1].

И все же инциденты на почве пьянства были нередкими даже в первые два года войны. Так, штабс-капитан 420-й пешей дружины по фамилии Варшавец, будучи начальником караула на танции Боян, напился и снял железнодорожные посты, вследствие чего были взорваны неприятелем два моста. Из корпуса жандармов извещали штаб Киевского военного округа о случаях пьянства нижних чинов в Жмеринке (пили одеколон, «киндер-бальзам» и другие препараты). Продолжались случаи пьянства и даже «кутежей» и среди офицеров. Это вынудило начальника штаба Северного фронта ген. Н.А. Данилова усилить надзор за порядком в ресторанах, гостиницах, садах и других общественных местах Вильны. Начальник же Двинского военного округа, хотя и уверял, что в 12 часов ночи «Вильна спит», однако доложил о закрытии всех кафе-шантанов, запрещении продажи во всех ресторанах водок, шампанского и ликеров, повсеместно была воспрещена продажа пива и портера; воспрещена всюду продажа каких бы то ни было вин, за исключением легких – белого и красного[2].

А тем временем с весны 1915 г. стало поступать все больше сообщений о случаях пьянства среди нижних чинов, включая и Петроград. Во время же «великого отступления» эти случаи участились. В некоторых городах во время эвакуации сливали в реки запасы спирта, например в г. Броды. Это привело к нарушению дисциплины и беспорядкам со стороны 9-й батареи тяжелого мортирного полка. В других случаях при ликвидации винокуренных заводов некоторые начальники частей, главным образом интендантских, позволяли солдатам запастись целыми бочками водки, которой хватило до марта 1916 г.[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 17об., 18, 19, 20–20об., 62–62об.

[2] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 1–2; Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1414. Л. 258–258об.Начальник Двинского военного округа – Главному начальнику снабжений Северо-Западного фронта ген. Н.А. Данилову от 6 мая 1915 г. // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 382. Л. 2–3.

[3] РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 154; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 310, 314–315; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 65об.

Офицеры же находили возможность употреблять вино не только в ресторанах. Так, зав. гуртом, зауряд-военный чиновник из Корпусного расходного магазина, был обвинен в растрате 77 ведер вина, в отпуске вина даже нижним чинам. Целую бочку вина он якобы взял к себе на квартиру – угощать гостей. Но тот все обвинения отрицал, заявляя, что вино разливалось по дороге. В результате Главком армий Юго-Западного фронта вообще запретил с 15 сентября винное довольствие. В приказах отмечалось, что офицеры и классные чины армии продолжают требовать различные спиртные напитки в размерах, явно превышающих потребность в них для лечебных целей. В другом приказе по 12-й армии отмечалось: «Несмотря на серьезность переживаемого нашей родиной, несмотря на все предупреждения о недопустимости разгула в рядах армии, в городе Риге нередки случаи и совершенно неподобающего поведения офицеров. В то время когда они во всем должны служить примером для нижних чинов и воспитывать здешнее нерусское население в духе уважения к имени русского вообще и русского воина в частности, господа офицеры позволяют себе не только пьянствовать, но и выносить свой разгул на улицу, на суд толпы»[1].

Таким образом, условий для пьянства было довольно много. Но в 1916 г. появились сразу несколько новых факторов: удаленность от центров фронта (Румыния); сама Румыния, где было много вина; возросшая усталость войск; шок от перемещения из обустроенной позиции к новым тяготам войны и т.п. С осени все чаще стали появляться сообщения о пьянстве солдат. Особенно много спиртного, в том числе денатурат, солдаты в прифронтовых местностях и городах получали от местных жителей. Впрочем, в Витебске были даже притоны для офицеров, где содержались девушки-проститутки «из интеллигентных», но разгулы были даже больше, чем у солдат, а доставка спиртных напитков занимала всего 3–5 мин.[2]

---

[1] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 1. Д. 2281. Л. 2–5об., 7; приказ по 12-й армии № 86 от 17 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 499; приказ по 12-й армии № 66 от 7 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 498.

[2] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 38, 141-141об., 253–253об.

С явлением пьянства были связаны разврат, дезертирство, торговля казенным имуществом и т.п. Солдаты сообщали в письмах о возможности легко достать «ханжу» у местных жителей. Об этом же стало известно в ходе обысков жителей некоторых прифронтовых городов – в Полоцке и Витебске. Как правило, солдаты получали спиртное за казенные вещи. По всей видимости, полиция в прифронтовых городах бездействовала. Но стоило за дело взяться местному КРО, вышедшему на дезертиров в поисках «шпионов», то в ходе налета сразу обнаружилось множество случаев снабжения солдат подкрашенным спиртом, «ханжой», которую солдаты разных воинских частей получали в притонах, где веселились с женщинами одновременно до 40 человек. Агенты КРО находили в харчевнях Витебска целые склады вин. В некоторых харчевнях, кроме спиртного, предлагали и проституток. Шла бойкая торговля спиртом в гостинице, являвшейся одновременно и притоном разврата, главным образом для военных. Агенты обнаружили пункт продажи спиртного в чайной, где солдатам в напитки подмешивали спирт или ханжу. Спирт или денатурат продавали и в аптекарском магазине. Притоны были и в бане, где агенты обнаружили, кроме проституток, пьяных солдат-кавалеристов и прапорщика авиационной роты. Все – в нетрезвом виде. Спиртное предлагали прямо на улице: для этого использовали детей, которые приглашали солдат на определенные квартиры. Учитывая огромный размах пьянства и разврата, только за 2 недели начальник КРО Двинского военного округа, агенты которого только в Витебске обнаружили полтора десятка притонов и пунктов продажи спиртного, представил доклад витебскому полицмейстеру с указанием на «появление на улицах пьяных, громко выкрикивающих и шатающихся от опьянения – не только среди штатских, но и воинских нижних чинов», – как на почти нормальное явление Начальник КРО потребовал искоренить пьянство в Витебске, привлекая для этого городовых, «безусловно знающих все притоны своего поста»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 194; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 263, 265–265об., 214, 221, 61–61об., 62, 144–144об., 147об., 154, 167об., 40–40об., 60–60об., 35, 63–63об., 67, 48, 49, 54, 37, 39–39об., 53;

Надо полагать, не только в Витебске имела место вакханалия пьянства. Так, в декабре 1915 г. солдаты 37-й этапной роты напились ханжи «до потери приличного воинскому званию вида» в местечке Хмельник, напали на дом мещанина и зарезали хозяина. «Этапный комендант бездействует», – подчеркивал при этом начальник Юго-Западного фронта ген. Маврин. В марте 1916 г. военные власти активно выясняли места продажи и распития спиртных напитков на Северном фронте. Так, например, в чайной на Охте драка между хозяином и пьяным солдатом окончилась ранением первого. Весной цензура на Юго-Западном фронте отмечала, что пьянства как «общего увлечения не замечается, дорого по цене и принадлежит интеллигентской прослойке, солдатской аристократии». Однако уже через неделю, на Пасху, началось широкое пьянство – уже на передовых позициях. Теперь уже и цензура отмечала, что много пили и изрядно: «Интересно отметить, что напитки искренно считаются неотъемлемой принадлежностью таких больших праздников, как Пасха». 4 рюмки коньяка, 1 рюмка спирта и 2 чайных ложки виноградного вина сделали «сумасшедшим» некоего Осипова на передовой после того, как «разговелись». На этапном пункте за бутылку спирта заплатили 20 рублей и обещали пить в Пасху за здоровье знакомого солдата. Солдат из 35-го корпусного отряда сообщал на родину, что собирается проводить праздники «с газом», т.е. будет спирт в 96 градусов: «Конечно напьюсь аж чертям тошно станет». Другой солдат писал: «Дорогой папа как же без водки это я думаю что плоховато, а мы немного разжились так что пасочку примочим и хотя и дорого самошедчо но все таки попробуем яка вина»[1].

Со времени Пасхи пьянство среди солдат резко усилилось. Правда, цензура уверяла еще в апреле–мае, что «пьянства как такового в войсках нет, хотя, конечно, до-

Начальник КРО Двинского военного округа – Витебскому полицеймейстеру от 21 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122. Л. 68–69.

[1] РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1035. Л. 28, 31–32, 33, 38; приказ по 5-й армии № 333/44 от 31 марта 1916 г. // РГВИА.2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 179–179об.; РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 201. Л. 346; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 48 об., 55, 58, 58об.

бывают спирт и т.д.... но в основном в частях на отдыхе или в резерве. С позиции непосредственно сведений не поступает». Но уже в июне цензура осторожно трактовала вопрос пьянства в армии: его, мол, «как порока нет». Однако поступали и сообщения о массовом употреблении после захвата ряда областей Буковины (в Черновицах) водки, пива, рома, вина, меда. В других городах находили в подвалах вина в бочках: «Сколько там вина перепили, сквозь солдаты пьяные валяются, магазины побили все забрали». Другие солдаты, 47-го пехотного запасного батальона, организовали «маевку с выпивкой». В письмах домой сообщалось, как легко на Буковине достать вино, водку и даже шампанское. Во 2-м военно-дорожном отряде «праздник был устроен шикарно, добыли: коньяк, сотерн, ром, кагор, белое и красное кавказское вино и пр. пр., таким образом было чем затуманить голову», – сообщалось в письме на родину. С этого времени наблюдается все больше сообщений об употреблении в войсках одеколона и т.п. заменителей – вместо настоящего спиртного. В одном из захваченных имений солдаты брали из озера, в которое якобы хозяин вылил несколько бочек спирта, воду, выцеживали из нее «драгоценный напиток». В другом селе солдаты, узнав, что из винокуренного завода было выпущено в реку 8 тыс. ведер спирта, пили прямо из реки. Пьянство приобретало все большие размеры, доходило по появления пьяных прапорщиков в строю. В августе появились сообщения о самогоноварении в некоторых частях. Разрасталось пьянство и на Северном фронте, где Главком армий ген. А.Н. Куропаткин в мае обратился к командармам с просьбой принять «быстрые и строгие меры против нетрезвой жизни». Однако и в ноябре 1916 г. пьянство продолжалось. В результате корпусам было предписано «принять самые строгие меры против ведения офицерами нетрезвой жизни». Несмотря на это, наблюдалось широкое потребление населением и военнослужащими спирта и различных его суррогатов, в том числе на Западном фронте[1].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 81об., 270об., 279об.; Д. 2934. Л. 140, 248, 174, 167, 248, 175; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 424. Л. 215; Д. 1040. Л. 182–183; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 274; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 187–187об., 177; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 318об.

Что же касается Юго-Западного фронта, то и здесь продолжалось широкое распространение пьянства. Так, военнослужащий конной полиции 22-го армейского корпуса писал домой: «Люблю кутнуть, а в полиции вина до черта, ну я, конечно, не упустил этого случая и напился как следует. А затем поехал гулять. Потом я напоил сестер как следует, а господ офицеров всех обругал и выгнал из своей хаты. Но я же прав, потому что они пехотинцы – чуть-чуть не разыгралась грандиозная дуэль, но нас помирили сестры». В другом письме с фронта (Одесский военный округ) писали, как «живется хорошо... всего достаточно кушать и пить, есть вино и пиво и разрешается нам пить». Здесь все чаще отмечались пьяные кутежи, заканчивавшиеся иногда перестрелкой. В ноябре 1916 г. солдаты 407-го пехотного Саранского полка сообщали, как они во время атаки находили в окопах противника ром и шкалики спирта – и «на ходу пьянствовали». Цензура Киевского военного округа утверждала, что пьянство – это единичные случаи, и все же приводила письма с описанием этих «случаев»: «В день приезда на место все мои товарищи, в том числе и я, были вдребезги пьяны, привезли 2 бутылки вина и 2 бутылки чистого румынского спирта, да товарищи не меньше», сообщалось и об употреблении денатурата. Особенно широко распространилось пьянство в Румынии, чему способствовало обильное предложение вина, удаленность от центра тяжелых боев. Особенно часто о пьянстве на позиции сообщалось в декабре 1916 – январе 1917 г. «Живется лучше пожалуй чем в России, есть и Кюрасо и деми-сек, чего в России не достать. Румыны тоже замечательно сговорчивый народ, лучше русских», – говорилось в одном из писем, приведенных в цензурном отчете. «Сейчас вина и водки очень много... вино в каждом дворе: хоть красного, хоть жолтого, хоть белого, какого нужно, тому такое и пей... Все забыли на свете: горе и беду», – писал солдат 284-го Венгровского пехотного полка. Один прапорщик сообщал: «Мы переезжаем на другой фронт, скоро погрузка. Живется мне хорошо. Есть вино, деньги и девки. Дуемся часто в шмендефер, на днях взял 700 руб.» Еще один солдат писал: «Живем припевающи:

водки и всевозможных напитков вброд». В целом много писем об изобилии спиртного на Румынском фронте, и это невзирая на цензуру[1].

Особенно много случаев пьянства было на Новый 1917 год и на праздники Рождества. Согласно корреспонденции, приведенной в цензурных отчетах, эпидемия пьянства среди штабных офицеров затронула многие корпуса, дивизии и полки. В некоторых цензурных отчетах, правда, все еще утверждали, что водка и вино попадают на фронт, «видимо, совершенно случайно, и притом в таком ограниченном количестве, что пьянства как такового... нет». Однако в других отчетах говорилось обратное. Уже в январских отчетах цензура признавала: «Сообщения о пьянстве в армии несколько увеличились, и на добывание спиртных напитков средства тратятся немалые». Из 19-го Сибирского стрелкового полка сообщали: «Играем в карты и пьянствуем вот уже два месяца». В военно-полицейской роте при штабе 7-й армии вместо вина пили тройной «адеколон». Цензура 7-й армии прямо признавала: «Пьянство, хотя и в очень скромных размерах, остается обычным явлением». О пьяной гулянке на Новый год сообщали из 2-го пехотного Астраханского полка. Из другой части на Юго-Западном фронте писали: «Каждый день пьянство страшное. Одеколону бутылка 5 руб.; вдвоем возьмешь, пьян наповал, гуляют почем зря». О том, как «погуляли на 3 фунта одеколону», писал корреспондент отдельной телеграфной роты 11-й армии. «Хорошо дрызнули, так что были почти без чувствия», – сообщал А. Баранчиков из 25-го пехотного запасного полка. «Кутили порядком, черт его подери. Коньяком язык обжег, но вином промыл», – сообщал писарь 37-го обозного батальона. С Румынского фронта писали: «Вот вина, спирта – пей, не хочу. Солдаты таскают ведрами. В каждом темном углу слышим вой пьяного москаля. Новый год встречали за 4 ведрами вина... пьянство здесь очень распространено». Цензура приводила массу «пьяных писем». Цензура все чаще констатировала: «Указания на существующее в армии пьянство

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 691; Д. 2937. Л. 340, 358, 409; Д. 3863. Л. 144; Д. 2937. Л. 410–410об., 426; Д. 3863. Л. 52, 128; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 331об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 128, 3об., 129.

довольно часты, и в особенности на Румынском фронте... Отчетный месяц особенно богат сведениями о том, что пьянство (спирт, иногда и суррогаты, напр. политура) принимает все большие и большие размеры. И это не случайное явление»[1].

§2. Русский фронт в информационном поле современной войны

Проблему эффективного идеологического контроля на Русском фронте в годы Первой мировой войны можно было бы решить при наличии ряда условий: контроль с помощью средств массовой информации, или идеологическое воспитание через соответствующую литературу с помощью бесед, а также создание специальной организации, которая взяла бы на себя дело морально-идеологической подготовки солдата для современной войны. Эти виды контроля могут существовать только при определенных предпосылках: необходимом уровне образования в армии, развитости и непротиворечивости самой идейной концепции, развитой системы средств коммуникации или заменяющей ее специальной идейно-политической структуры. Но решение всех перечисленных задач было серьезно затруднено в годы Мировой войны.

Прежде всего, существовала проблема в главном концепте пропаганды – в донесении до населения идей, во имя которых Россия участвовала в войне. Это выяснилось в ходе пропагандистской кампании России как среди родственных ей балканских народов, связь с которыми отстаивалась как по национальному (славянскому), так и религиозному (православие) признакам, а также и в отношении нейтральных стран, где необходимо было поддержать позитивный образ России. Велась также пропаганда и на население стран, воевавших против России, причем акцент делался на анализе их уязвимых мест в социально-политической и социально-экономической областях. Во

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 154 об.–155, 205, 228, 244 об., 255об., 256, 274, 280–280об., 295, 295об., 322; 351–351об., 370об., 342об., 371.

всех случаях ведения пропаганды предполагалось учитывать условия войны современного типа. Это требовало, с одной стороны, отказа от стереотипов, а с другой – применения креативных сценариев идеологической работы в соответствии с законами массовой коммуникации и т.п.

В годы Первой мировой войны, войны нового, индустриального, современного типа, большую роль играл морально-политический фактор. Это выразилось в том значении, которое впервые в войнах стали придавать пропаганде, особенно на завершающем этапе войны. В начале же войны все воевавшие страны хотя и применяли методы идейного воздействия на противника, но этим их усилиям не хватало масштабности, организованности, психологической насыщенности подлинной «большой войны». Поиск российской национальной формулы пропагандистского обеспечения войны в это время имел свою историю. В литературе этот вопрос трактовался с точки зрения несоответствия буржуазной и монархической пропаганды России интересам народов, борющихся за национальное освобождение, неспособности технически и организационно вывести эту работу на необходимый уровень[1]. Эффективность же русской пропаганды среди славянских народов в литературе не рассматривалась. Недостаточность освещения этой проблемы частично связана и со слабой изученностью идеологии России в период поздней империи, и с ее конкретным использованием в области пропаганды во время войны.

Русская военно-политическая пропаганда во время Первой мировой войны знала и выдающиеся достижения, и серьезные провалы. Так, при проведении пропаганды среди балканских народов, главным образом славянских, в Русской армии впервые были использованы массированные виды распространения информации в виде миллионов экземпляров листовок – как непосредственно для воинов армий противника, так и для народов Австро-Венгрии. Такие технические приемы пропаганды станут актуальными в годы Мировой войны только в конце 1917 г. и особен-

[1] *Потапов Н.М.* Печать и война. М.; Л., 1926; *Блюменталь Ф.Л.* Буржуазная политработа в мировую войну 1914-1918 гг.: (Обработка общественного мнения). М.; Л.,1928.

но в 1918 гг. Однако, преуспев в деле технического пропагандистского обеспечения, русская пропаганда значительно проигрывала в самом содержании ценностей, которые несла Россия в ходе «освобождения» народов Балкан. Вместо попыток навязывания противнику притягательного идеологического проекта, основанного на преимуществах своей социально-политической, экономической системы и культуры, авторы пропагандистских материалов полагали вполне притягательным для народов Балкан существовавший традиционалистский образ России: друг славянства, большая страна с неисчерпаемыми ресурсами, социально-политическая стабильность и т.п. Все эти концепты были чрезвычайно уязвимы для контрпропаганды и, в конечном счете, в сочетании с крупными ошибками в реализации политики «славянского единства» в Галиции, а также поражения в ходе «великого отступления», не дали русской армии пропагандистского преимущества[1].

И наоборот, пропаганда Австро-Венгрии на русскую армию использовала как раз преимущества перед социально-политической системой России, а также недостатки ее национальной политики. Сначала, судя по выдержкам из писем, сделанным цензурой, австрийская пропаганда порою воспринималась русскими солдатами как неэффективная: «Видно, уже и на пушки у них мало надежды, что стали писать к нам грамоты». Но переписка среди русского военного начальства свидетельствует, что оно серьезно опасалось австрийской пропаганды. Так, не позднее 20 февраля 1915 г. был захвачен с 3-мя прокламациями лейтенант 9-го пехотного австрийского полка Левинский и по приговору полевого суда 12-го стрелкового полка расстрелян. В связи с этим генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта ген. М.С. Пустовойтенко послал в 3-ю, 4-ю, 8-ю, 9-ю и 11-ю армии следующий циркуляр № 2083: «Главнокомандующий приказал принять меры для усиления надзора к прекращению распространения подобных прокламаций». Боязнь австрийской пропаганды доходила до того, что русское командование не разрешало даже

[1] Подробнее см. *Асташов А.Б.* Русская пропаганда среди славянских народов в Первую мировую войну // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева: Сб. науч. Статей. М.: РГГУ, 2008. С. 33–41.

приближаться к своим позициям парламентерам противника: их просто брали в плен. За то, что приняли парламентера австрийцев на позициях 163-го Ленкоранско-Нашебургского полка, на всех виновных было наложено взыскание. Даже когда в феврале 1915 г. австрийцы прислали парламентера на позиции Гренадерского корпуса с предложением не стрелять по санитарам, так как они убирают раненых, то командир 4-й армии ген. А.Е. Эверт запретил их принимать «без его особого приглашения». Несмотря на призывы австрийского командира «сохранить рыцарство в ведении войны», Эверт объяснял свое решение тем, что немецкие летчики бомбят санитаров. Объяснялось ли поведение русского командования особенно тяжелым зимним периодом военных действий или чем-то другим, ясно одно, что превосходства в морально-идеологическом плане перед австрийцами не ощущалось. Особенно опасной казалась австрийская пропаганда летом 1915 г. во время «великого отступления». В связи с массовыми сдачами в плен командующий 8-й армией ген. А.А. Брусилов приказал «во всех частях произвести беседы офицеров и священников с нижними чинами по содержанию прокламаций, разбрасываемых австрийцами с воздушного шара». Так же остро воспринимались русской стороной известия об образовании Королевства Польского и предоставления автономии Галиции в 1916 г.: главком армий Западного фронта ген. Н.И. Иванов приказал принять меры к усиленному негласному наблюдению за польским элементом в воинских частях и «необходимые предосторожности для предотвращения возможных побегов со стороны нижних чинов»[1].

Уверенность в неотразимом воздействии русской пропаганды на славян привела и к полному отсутствию в первые месяцы войны пропаганды, направленной против немцев. Командование не считало немцев «своими», а против «чужих» пропаганда не предназначалась. По этой же причине сначала отрицалась сама возможность

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 87, 568об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4100. Л. 97–97об.; Д. 3855. Л. 157, 59, 70, 77, 78–78об., 80, 89–89об., 91; Ф. 2134. Оп. 1. 965. Л. 2; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 120; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1614. Л. 71.

германской пропаганды на русских. Так, на предложение в сентябре 1914 г. генерала Данилова в ГУГШ о необходимости борьбы с немецкими воззваниями с аэропланов и для осведомления германской и австрийской армий об истинном положении в Галиции отпечатать воззвания с «ярким изложением наших побед» на немецком, чешском и других языках. Так, в апреле 1915 г. было передано армиям Северного фронта 2400 листовок на польском и немецком языках для распространения на позициях противника. Узурпировав за собой вообще право вести пропаганду, которая воспринималась как оповещение своих по крови и вере, русское военное и политическое руководство с неподдельным недоумением встретило сам факт ведения активной пропаганды немцами. Это было расценено как явное проявление слабости в связи с невозможностью одолеть русскую армию на поле боя. Таким образом, сам опыт пропагандистской деятельности среди славян стал причиной неудачи русской пропаганды в Первую мировую войну. Пропаганда, направленная на германскую армию, была крайне неравномерной, не была подкреплена достаточным количеством листовок. И тираж листовок был как правило небольшим: 2, 5, редко 20 тыс. экз., и только один раз, в январе 1915 г., 38 тыс. экземпляров с предложением сдаваться в плен[1]. Летом 1915 г. и вплоть до осени 1916 г. тираж листовок опустился даже до нескольких сотен. В 1917 г. новая «демократическая» Россия активизировала идеологическую борьбу против Германии, в том числе и посредством листовок.

Но в целом идейный багаж пропаганды в отношении Германии был невелик. Это прежде всего извещения об отдельных успехах на фронте в 1914 – начале 1915 гг., приглашения сдаться в плен, сообщения о социально-экономических трудностях Германии. Интересным эпизодом были попытки использовать социальную напряженность в Германии в годы войны, поставить вопрос об антагонизме капиталистов и рабочих и т.п. Инициативу такого направления русской пропаганды в марте–феврале 1916 г. взял на себя начальник штаба 1-й армии ген. И.З. Одишелидзе.

[1] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 556. Л. 41; Д. 557. Л. 514; Д. 739. Л. 95, 97, 98, 103, 61, 62, 85.

По всей вероятности, он лично изготовил листовки, во всяком случае, их подлинники были написаны на бланках начальника штаба 1-й армии. В первой листовке делалась попытка противопоставить солдат с их «сиротами и голодающими женами» «жестоким офицерам» и «обогащающимся» «дворянам и промышленникам». В другой листовке было такое обращение к немецким солдатам: «Вы воюете, чтобы создать богатство Ваших высших классов и их силу для господства над Вами и Вашими детьми». «Не пора ли Вам свергнуть иго Вашей аристократии и Ваших богатых бюргеров?! Не пора ли уничтожить Ваших офицеров?!» – призывали русские пропагандисты немцев. В следующей листовке говорилось, как голодают семьи и болеют и умирают дети солдат «в большом числе», а в «больших городах и даже в деревнях женщины с горя и отчаяния устраивают бунты, но ружья и пулеметы быстро разгоняют их». Русские пропагандисты пытались в этой листовке раскрыть глаза немецким солдатам на то, как «довольны войной богатые классы и особенно дворяне. Они не только сыты, но роскошничают и сильно богатеют на всех поставках на войну». Листовка и подписана была соответствующим образом: «Ваши русские товарищи». Еще в одной листовке немецкие офицеры были представлены как часть дворян, фабрикантов и купцов. Поэтому необходимо их бить, уничтожать и бежать к русским, «чтобы вернуться после войны на родину и избавить ее от жестоких дворян и алчных фабрикантов и основать в Германии справедливое отношение к трудящимся». В последней листовке инициативный генерал-пропагандист уже прямо призывал «...устроить революцию, низвергнуть Вашу военную партию, которая состоит из людей, обогащающихся около войны, низвергнуть Гогенцоллернов и основать Свободную Германскую Республику». Одишелидзе, очевидно, строил пропаганду на разрушении «внутреннего мира», являвшегося важнейшей частью системы «военного социализма» в Германии. Постоянно натравливая солдат на офицеров, являвшихся выразителями интересов крупных аграриев и фабрикантов, Одишелидзе приказывал эти воззвания перевести на немецкий язык «короткими, энергичными

фразами, понятными для немецких крестьян и рабочих», печатать вне очереди и принять все меры, чтобы они доходили до немецких солдат», пользуясь для этого «агентами, евреями и проч.» Подобного пропагандистского творчества не было замечено, однако, на других фронтах. Каков был успех подобной «социальной» пропаганды, неизвестен. Но этот эпизод показывает потенциальные возможности действенной русской пропаганды, кстати, предвещавшей подобную же социальную пропаганду со стороны Германии, но уже против самой России.

Проблемы эффективности русской пропаганды в годы Первой мировой войны обнаружились и в попытках идеологического воздействия на нейтральные страны. Как и в вопросе ведения пропаганды на славянские страны, Россия оказалась перед лицом недостатка координации идеологической работы, её вторичности, слабости аргументации в пользу защищаемых в войне ценностей, недоверия к активным формам ведения идеологического воздействия путем кинематографа, радио и т.п., использования традиционных мер влияния путем элементарного подкупа газет и т.п.[1]

Анализ пропагандистской деятельности России в годы войны в самых, казалось бы, важных направлениях – балканском, германском и нейтральных стран – обнажает большие проблемы в этом виде оборонительных усилий в современной войне. Существовали, однако, большие проблемы и в морально-идеологическом обеспечении военных действий на самом Русском фронте. Далее будут рассмотрены пропагандистские усилия России в области воздействия средств массовой информации и религиозно-милитаристских структур.

Проблема пропаганды средствами массовой информации в России в годы Первой мировой войны своими корнями уходила в неразвитость массовой культуры в дореволюционной России. Этот вопрос и в литературе недоста-

[1] Подробно см.: *Асташов А.Б.* Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организации, средства, методы // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 101–123.

точно разработан. Так, в учебной литературе сама массовая культура идентифицируется с городской массовой культурой, являющейся следствием возникновения в крупных городах «городской среды» (банков, контор, магазинов, ресторанов, кафе, кабаре и других увеселительных заведений), размывания социальных перегородок, создания индустрии развлечений[1]. Порою массовая культура дореволюционной России представляется как уже вызревшая «специфическая культурная среда современного индустриального города, сформированная на основе всеобщей грамотности, развития средств массовой коммуникации и создания индустрии развлечений». Такая культура имеет все признаки «индустриального производства культурного продукта и его коммерческого использования[2]. По существу, в литературе проводится мысль, что именно этот вид массовой культуры доминировал в дореволюционном культурном пространстве городской России[3].

В приведенном толковании культурного процесса в дореволюционной России есть, однако, много противоречий. Прежде всего, сами успехи массовой городской культуры и ее роль в создании массового общества переоцениваются. Хотя средний уровень культурного развития крупных российских городов приближался к мировым показателям, однако в целом отмечалось довольно низкое качество культурной жизни населения Российской империи[4]. Важнейший показатель уровня массовой культуры – грамотность населения – по России к 1913 г. равнялся 40% (54% у мужчин и 26% у женщин). При этом речь шла, в сущности, о малограмотности, то есть умении только читать, в отличие от западных стран, где читать и писать умели 94–99% населения[5]. Относительно же высокие показа-

---

[1] *Яковкина Н.И.* История русской культуры XIX век. СПб., 2002. С. 284–285.

[2] *Березовая Л.Г., Берлякова Н.П.* История русской культуры. В двух частях. Часть 2. М., 2002. С. 205.

[3] Там же. С. 181, 205.

[4] *Пархоменко Т.А.* Культура России и просвещение народа во второй половине XIX – начале XX века. М., 2001. С. 114–115.

[5] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 386.

тели грамотности населения крупных городов лишь подчеркивали очаговый характер дореволюционной массовой культуры.

Трудно согласиться с самим определением «городская массовая культура», учитывая социальную неоднородность русского предреволюционного города, наличие в нем самом громадного пласта носителей традиционной культуры. Особенностью городской культурной среды дореволюционной (а во многом и послереволюционной) России был процесс постоянного вливания крестьян в городскую среду, окрестьянивания городского населения. Крестьяне составляли почти половину населения крупных городов[1]. Существовала значительная социальная отделенность крестьянского сословия в городах, далеко не столь быстро вписывавшегося в уклад городской жизни[2], по сравнению с тем, как это изображается в литературе культурцентристского подхода[3]. Существовавшая социальная неоднородность проявлялась и в «борьбе менталитетов», где традиция упорно боролась против современности[4]. Но и сложившиеся городские коллективы воспроизводили в специфических условиях промышленного предприятия самоуправляющиеся сельские общины. Городское сословие в России обладало многими общими с крестьянами жизненными ценностями – «спасение души», осуждение накопления богатства и т.п. Именно «окрестьянивание» города создавало условия для блокировки утверждения стандартов массовой культуры как коммерческой культуры. По существу же, городская культура, хотя и была продвинутой по сравнению с деревенской, состояла из ряда локальных культур, что и делает ее в целом еще культурой традиционного общества[5]. То же касается и армии как института, которому предназначена роль инструмента модернизации, однако она инкорпори-

---

[1] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1999. С. 317, 322, 341, 342.

[2] Там же. С. 323–326; *Свифт Э.* Развлекательная культура городских рабочих конца XIX – начала XX века// Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2001. С. 303.

[3] *Березовая Л.Г., Берлякова Н.П.* Указ. соч. С. 181, 185.

[4] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1999. С. 337–338; *Свифт Э.* Указ. соч. С. 304–306, 347.

[5] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 43.

рует традиционные ценности массы солдат, превращаясь в «крестьянское общество»[1].

Прежде чем дать анализ массовой культуры на фронте в годы Первой мировой войны, необходимо сделать краткий обзор итогов развития России по пути создания массового общества и массовой культуры. В справочной литературе указываются следующие направления и проявления массовой культуры: индустрия «субкультуры детства», массовая общеобразовательная школа, средства массовой информации, система национальной (государственной) идеологии и пропаганды, массовая социальная мифология, массовые политические движения, система организации и стимулирования массового потребительского спроса, индустрия формирования имиджа и «улучшения» физических данных индивида (массовое физкультурное движение и т.п.), индустрия досуга. По всем этим показателям дореволюционная Россия явно не дотягивала до стандартов массового общества. Так, хотя в стране дело просвещения и было широко поставлено, однако его общие успехи не были особо впечатляющими. В России до революции так и не был принят закон о всеобщем начальном образовании, главным образом – по политическим соображениям. В стране в 1913 г. на 1000 чел. приходилось только 59 учащихся начальных и средних общеобразовательных школ, по сравнению с 152–213 в развитых (и даже не очень – Австрия, Япония) индустриальных странах[2]. В стране не была развернута «скрытая учебная программа», по выражению О. Тоффлера. Это означало, что страна, основная часть ее населения, не освоила основ стандартизации. А именно от этих масс населения и зависела судьба фронта.

Хотя тираж некоторых газет достигал громадных размеров (до 600 тыс. у сытинского «Русского слова»), однако эта пресса была предназначена в основном для интеллигенции, мелкой буржуазии, чиновничества в крупных городах. Печать не была массовой, не затрагивала массы населения по простой причине: подавляющее большин-

[1] *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society// Journal of social history. Summer 1980. V. 13. 4. P. 565–576.

[2] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1999. С. 386.

ство его было неграмотно. Так, Россия значительно отставала от развитых стран по выпуску газет: в 1890 г. насчитывалось 667 наименований – по сравнению с 1840 в Великобритании, 4100 во Франции, 5500 в Германии и 16944 в США, то есть в 3–15 раз меньше, чем в развитых индустриальных странах. На душу же населения разрыв был еще больше: в России на 1890 г. число экземпляров журналов и газет разового тиража составляло на 1000 человек всего 10 по сравнению с 285 в Великобритании, 224 во Франции, 208 в Германии и 225 в США, то есть был в 20–30 раз меньше, чем в промышленно развитых странах. Ситуация мало изменилась к 1913 г.[1]

Следует подчеркнуть и отсутствие традиции использования печатного слова в русской истории. Просвещение на Западе сопровождалось широким развитием печати, а в России роль печати в просвещении была предписана указами и практикой их применения. Если в 1846 г. печатная машина в Англии могла печатать 20 тыс. копий в час, что являлось технологическим выражением индустриальной революции, то в России это нашло применение только лишь через 50 лет, а в объеме, адекватном для массовой культуры, стало применяться даже еще позже[2]. Лишь в конце XIX в. в России появилась газета «Копейка», аналог «Пенни-газет», появившихся в США в 1833 г. Правда, в 1905–1907 гг. печать проявила себя как «мать революции», по выражению П.А. Столыпина, однако обществу не удавалось сделать печать «отцом порядка», т.е. инструментом эволюционных, устойчивых преобразований.

В России до революции отсутствовала развернутая идеология. В качестве идеологической опоры поздней империи использовалась интерпретация политической доктрины православия, самодержавия, народности, «народного самодержавия», в ее последнем, столыпинском варианте, предусматривающем контролируемые правительством преобразования в значительном отрыве от ожиданий масс и с неприкосновенностью многих традиционных институ-

[1] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1999. С. 389–390.

[2] *Wilson S. L.R.* Mass media and mass culture: An introduction. N. Y., 1992. P. 29.

тов (помещичья деревня, самодержавие)[1]. До революции страна не продвинулась сколько-нибудь в опыте сотрудничества власти и общества, а тем более власти и народных масс. Такое проявление политической массовой культуры, немыслимое без интенсивной коммуникации между контрагентами массового общества, осталось совершенно неизвестным России перед войной, в отличие от Запада[2]. Не удалось никакой из политических сил организовать сколько-нибудь широкого движения, включая и патриотического, столь рьяно поддерживавшегося праволиберальными деятелями «веховского» направления, сплотившимися вокруг сборника «Великая Россия». Попытка ввести элементы военного образования в школе натолкнулись на противодействие деятелей «общественной педагогики», рассматривавшей милитаризацию образования как негуманную практику авторитарного правительства[3].

Анализ социокультурной ситуации в дореволюционной России обнаруживает совокупность разобщенных культурных миров – этнического и национального, деревенского и городского[4]. Проблема дореволюционной России заключалась в нерешенности прежде всего социальных вопросов, что и выводило идеологический, культурпропагандистский аспект культуры на первое место: социальные отношения настолько были осложнены, что трудно было забыться в «коммерческих грезах».

Мировая война выдвинула определенные условия существования общества. Чрезвычайно важной частью этого индустриального мира являлся человек, рабочий войны, одновременно являющийся комбатантом и членом гражданского общества. Для него война, военный опыт являлись всего лишь эпизодом в его собственной судьбе. Характер военных действий, втянутость в них широ-

[1] *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978. С. 30–37.

[2] *Horn J.* Op. cit. P. 2.

[3] Дж. Санборн попытки ввести военное образование молодежи в России считает доказательством существования нации, не выясняя, однако, насколько успешными они были // *Sanborn J. A.* Op. cit. P. 134–137.

[4] *Ларин Е.И.* Массовое сознание и массовая культура (на примере российского общества). Автореферат дисс.... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2000. С. 19.

ких масс населения приводят к повышению значимости морально-психологического фактора. Невидимость врага, исчезновение самой предметности военных действий, изменение характера «военного труда», фактор «чужой территории» в сочетании с сильными ощущениями, вызванными страхом и ожиданием смерти, переживаемыми индивидуально, в условиях отсутствия привычных общностей, создают глубокую потребность в идеологическом осознании самой необходимости продолжать военные действия. Новые психологические ощущения возникают у людей из различных слоев общества, которые связывают их со своими довоенными чаяниями и ожиданиями.

Война нового типа является временем демонстрации достижений культурных высот в области техники, изобретательства, самой организации военных действий, пропаганды как выражения господствующей идеологии. Возрастающая роль пропаганды предполагает наличие идеологии, приемлемой для населения, всех его групп, а с другой стороны – возникновение механизмов доведения этой идеологии до широких масс населения в виде развитой системы средств информации. Культура здесь является атрибутом массового общества, массовой культурой в ее однозначной форме. Участие в военных действиях на чужой территории предполагает определенную политику как в области пропаганды по отношению к местному населению, так и в отношении войск противника. Единство же идеологии во время войны на конкретной территории для определенной народности образует условие для функционирования нации, проверяющей способность отстоять свои ценности в индустриальной войне, являющиеся ценностями также и в мирное время.

Центральной проблемой массовой культуры России на фронтах Первой мировой войны являлось ее функционирование в условиях доминирования представителей традиционной культуры – солдат-крестьян. Особенно важную роль здесь играла печать как основной вид массовой культуры, который должен был обеспечить идеологическую функцию массовой культуры – пропаганду. В отличие от коммерческой массовой культуры, характеризую-

щейся в литературе как проявление эскапизма, пассивного действия, вообще пассивного восприятия действительности через развлечение, отвлечение, самообман[1], пропаганда как явление массовой культуры выполняла функцию активного воздействия на человека. Отличие культуры развлечения от культуры действия, воплощенная в пропаганде, состоит в том, что первая необходима всего лишь для релаксации личности в условиях современного напряженного индустриального производства, а вторая предполагает понимание необходимости защиты ценностей этого общества.

Пропаганда есть инструмент формирования национальной идентичности. Но это ставило вопрос как раз о ценностях, которые необходимо защищать. А для их защиты необходимо было сначала их завоевать, то есть осуществить социальные перемены, лежащие в основе обретения национальной идентичности. Пропаганда в значительной степени связана с национальным мифом, который формирует и структурирует пространство господства данной культуры, стремящейся к утверждению национальной и политической идентичности[2].

Механизм пропаганды через печать достаточно разработан в литературе. Его определяют обычно как процесс массовой коммуникации, представляемый в качестве культурного акта, включающего в себя проблему коммуникации культур и проблему культуры как коммуникации[3]. Выделяют указанные еще Г. Лассвелом основные пять вопросов, возникающих в процессе коммуникации: 1. Кто сообщает? (анализ управления); 2. Что сообщает? (анализ содержания); 3. По какому каналу? (анализ средства); 4. Кому? (анализ аудитории); 5. С каким успехом? (анализ эффекта). Основными структурными элементами, описывающими процесс функционирования информации в человеческом коллективе, являются: 1. отправитель (адресант, посылатель, экспедиент, коммуникатор);

[1] *Кукаркин А.В.* Указ. соч. Буржуазная массовая культура. Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М.,1985. С. 28–29, 67.

[2] *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 165–179.

[3] *Борев В.Ю., Коваленко А.В.* Культура и массовая коммуникация. М., 1986. С. 22, 23.

2. получатель (адресат, реципиент, коммуникант); 3. общение (контакт, связь); 4. код (шифр); 5. контекст; 6. сообщение (информация, послание, весть). Для описания процесса обмена сообщениями в данной работе будут использоваться сложившиеся естественно-научные и технические представления о наличии источника информации, передатчика, сигнала, принимаемого сигнала, шума, приемника, информации, получателя[1].

Источником информации в нашем случае является пропагандист, а реципиентом – масса. Суть пропаганды, как ее понимал В.И. Ленин, заключается в прояснении вопроса с максимальным количеством идей. Конечная цель пропаганды – возбудить желание непосредственного действия, что достигается агитацией, использующей одну идею или образ из арсенала пропаганды[2]. На самом деле путь коммуникации здесь значительно длиннее: длительная пропаганда (идеология) – кратковременная пропаганда непосредственно на фронте – агитация.

Первой проблемой, с которой неизбежно должны были столкнуться военные власти, была невозможность скорелировать пропаганду и идеологию. Неэффективность пропаганды обнаруживалась в невозможности «вычленить одну идею или образ» для непосредственной агитации. Это означало, что воинские приказы сами по себе просто не действовали. Ведь реализация идеологической функции невозможна без предоставления «массовому человеку» понятных для него и нужных идеологизаторам схем интерпретации, поскольку «массовое сознание» с содержательной стороны определяется как «социальная вера» в определенную картину мира и место человека в нем с присущими ей аксиологическими установками»[3]. В пропаганде есть стандартизированный (идеологический), то есть теоретический концепт. Он включает сложный комплекс политических, религиозных, социальных представлений, который в целом должен быть узнаваем (то есть, в сущно-

[1] *Борев В.Ю., Коваленко А.В.* Указ. соч. С. 63, 65.

[2] *Маргулис Н.* «Слово наше – это сила и оружие»: Литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских исследователей. М., 2002. С. 173.

[3] *Ларин Е.И.* Указ. соч. С. 12, 15.

сти, разделяем). Так, пропаганда на фронте имеет кратковременную цель – в данный момент возбудить ненависть, заставить идти в бой. Однако держится пропаганда на идеологии, которая имеет долговременную цель – в целом обеспечить лояльность населения по отношению к режиму. По существу, долговременная пропаганда (идеология) имеет в своей основе развернутую картину мира, в то время как кратковременная – свернутую. При этом «долговременный и кратковременный продукты должны коррелировать друг с другом»[1]. Кратковременная пропаганда требовала жертвенности от солдат. Но они считали свое пребывание на фронте временным. Вскоре выяснилось, что долговременные цели идеологии, заключавшиеся в том, что солдат должен осознать необходимость воевать до конца, – эти цели не соответствовали задачам пропаганды, поскольку не отвечали социальным ожиданиям солдат.

Каждое из этих звеньев является сложной системой, отнюдь не автоматически передающей и потребляющей продукт с определенным эффектом. Так, например, уже на стадии изготовления продукта возникает двойственность между интенцией автора и пропагандистским эффектом его продукта[2]. Чрезвычайно сложен аппарат канала коммуникации, представляющий цепь организаторских и технических усилий. Наконец, непростой является и группа реципиентов. Хотя ее и рассматривают как конечного потребителя, но на самом деле именно у реципиента самый долгий и неопределенный канал коммуникации. Он определяется его техническими (образовательными) возможностями, нравственными параметрами и, что самое важное, социальными установками, которые, в свою очередь, в тот предреволюционный момент были заданы социальными ожиданиями. Только при необходимом согласовании всех указанных компонентов этой коммуникационной цепи можно получить эффект воздействия.

Проблема организации печати для военного командования заключалась в слабой постановке этого дела до войны. Попытка создать систему органов военной печати была предпринята еще в годы русско-японской войны. Но

[1] *Почепцов Г.* Психологические войны. М.; Киев, 2002. С. 14.
[2] *Маргулис Н.* Указ. соч.

долгое время печать больше адресовалась к офицерскому составу, нежели к солдатам. Определенных требований к периодической печати для рядового состава не существовало. В некоторых изданиях образовательные материалы чередовались с серьезными статьями о боевой подготовке или воспитании. Такой разнобой объяснялся во многом отсутствием в русской армии воспитательных органов. Во время русско-японской войны появились газеты при штабах действующих армий, из них главным изданием был «Вестник Маньчжурской армии» с тиражом 1200–6000 экз., с периодичностью 2–3 номера в неделю. При этом с ними серьезно конкурировала революционная печать: на 1906 г. насчитывалось 33 нелегальных революционных печатных издания для солдат и матросов[1].

В начале Первой мировой войны был поставлен вопрос и о военной печати. В циркулярном распоряжении штаба ВГК № 1160 от 31 июля 1914 г. говорилось о «крайне желательном скорейшем снабжении войсковых частей газетами патриотического направления и бюллетенями о событиях на всех театрах военных действий – нашем и наших союзников, дабы все воинские чины до передовых частей включительно имели возможность быть осведомленными об общем положении дел»[2]. И впоследствии командующие фронтами придавали исключительно важное значение снабжению офицеров и нижних чинов, находящихся в передовых линиях, газетами патриотического направления[3].

В течение 1914–1915 гг. были созданы газеты при штабах фронтов: «Армейский вестник» при штабе Юго-Западного фронта, «Наш вестник» при штабе Северо-Западного фронта, «Вестник Кавказской армии». Фронтовые газеты печатались на 4–6 полосах и имели две части: официальную (сводки Главковерха, обзоры боевых действий, сообщения телеграфных агентств) и неофициальную (небольшие рассказы, зарисовки, письма,

---

[1] *Белогуров С.Б.* Военная периодическая печать в России начала XX века // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 81–83; Советская военная печать (исторический очерк). М., 1960. С. 3–4.

[2] *Потапов Н.М.* Печать и война. М.; Л., 1926. С. 45–46.

[3] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 20.

стихи). Дополнительно выходили иллюстрированные приложения, которые содержали фотографии отличившихся офицеров и солдат, снимки трофеев, карикатуры на военно-политическое руководство противника и т.п. Начиная с 1916 г. при штабах отдельных армий также были созданы газеты «Армейский листок» (штаб 2-й армии), «Последние армейские известия» (штаб 3-й армии), «Боевые новости» (штаб 5-й армии), «Вестник VI-ой армии» (впоследствии – «Дунайский вестник»), «Последние известия» (штаб 8-й армии), «Вестник армии» (штаб 9-й армии), «Боевые новости X армии», «Известия штаба» (штаб 11-й армии), «Боевые новости» (штаб 12-й армии). Всего в 1914– 1917 гг. в действующей армии издавалось 3 фронтовых, 13 армейских и 1 корпусная газета[1].

Однако тираж газет был небольшой. Наиболее распространенными являлись «Армейский вестник» (ЮЗФ) (до 15 экземпляров на полк с августа 1916 г.), «Наш вестник» и «Военная летопись». Фактически неизвестными в войсках были «Известия штаба» 11-й армии, «Боевые новости X армии», «Последние армейские известия» штаба III армии. На 18 января 1917 г. их комплекта не было даже в Ставке. На самом же деле во многих частях ни «Военная летопись», ни армейские газеты не были выписаны или приходили на 7–9-й, а порой и на 40-й день. Иногда тюки с газетами застревали при доставке из штабов фронтов в армии, не попадая по назначению[2].

Военные газеты носили крайне официозный характер – по типу губернских известий. В них обязательно сообщалось о перемещениях по службе старших офицеров, министров, официальные положения, даже указы (например, Министерства финансов о платежах), сведения о раненых, об отличиях, часто давалось слово священникам, помещались материалы о деятельности Земского и Городского всероссийских союзов. В газетах преоб-

[1] *Белогуров Б.С.* Указ. соч. С. 84; Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. С. 211–212; *Гужва Д.Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны. Новосибирск, 2009. С. 31

[2] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1337. Л. 115; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1203. Л. 10; Ф. 2134. Оп . 1. Д. 1311. Л. 105–110, 114; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 20, 49.

ладали сухие известия с фронтов, было мало объясняющих, собственно «пропагандистских» статей. Пропаганда пользовалась штампами, взятыми из другого времени. Противник изображался как «чужак»: болгарин – «славянин с душой турка», немец – жестокий, которому необходимо отомстить. В ГУГШе (Главном управлении Генерального штаба) понимали, что «газеты с официальной тенденциозной окраской недопустимы» и рекомендовали только отдельные газеты – как отвечающие необходимым требованиям. Полностью отсутствовали газеты для «инородцев» в армии, например, мусульманские, хотя солдаты-мусульмане выражали желание иметь такие газеты. Существовали у военных властей и трудности с непосредственным изготовлением материала. Власти не имели штатных военных корреспондентов. Газеты подготавливались в военно-цензурных отделениях. Была и проблема с техническим обеспечением. Порою власти не имели собственной типографии, но не могли в то же время заставить частные типографии бесплатно печатать известия[1].

Кроме военной (то есть силами фронтового командования) печати, на фронт проникали и газеты для армии, как правило, «патриотического направления», издававшиеся в крупных городах. Среди них самыми известными являлись «Военная летопись», распространявшаяся по приказу военных властей, «Оборона», издававшаяся с 1914 г., журналы «Дружеские речи», «Верность», «Воин и пахарь», «Военный сборник», «Историческая летопись», «Лукоморье». Проникали на фронт и отдельные материалы правой партийной печати – например, Союза Русского народа, материалы которого некоторые командующие армий считали необходимым тиражировать[2].

На фронте также издавались журналы Всероссийского Земского и Всероссийского Городского союзов, их Объединенного комитета по снабжению армии (Земгор), Центрального и некоторых местных (Московского и дру-

[1] Дунайский вестник. 1917. № 5; № 6 // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 151; РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 150. Л. 15об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1344. Л. 3; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1203. Л. 19–21; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1344. Л. 3; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 962. Л. 77; *Гужва Д.Г.* Указ. соч. С. 34–38.

[2] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1–1об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 110–112.

гих) военно-промышленных комитетов, Общедворянской организации, Российского общества Красного Креста[1]. Но эти издания издавались мизерными тиражами (1–1,5 тыс. экземпляров) и в армейской среде фактически не были известны.

Что же касается гражданской печати, то военные власти явно не желали ее присутствия на фронте. Но все же эта печать (например, «Киевская мысль», некоторые петроградские газеты) просачивалась на фронт и в основном была распространена в госпиталях вне театра военных действий. В связи с этим Главный штаб, опасаясь антиправительственной пропаганды в госпиталях, составил – от лица Военного Министерства – в декабре 1914 г. списки допущенных к чтению газет, журналов и т.п., дополнив их в марте 1915 г.. По существу, доступ на фронт гражданской печати жестко ограничивался, поскольку военные власти вообще считали необходимым держать армию вне политики. Нижним чинам прямо запрещалось читать газеты. «Дело армии – защита родины, а не политика, – указывал 10 февраля 1917 г. временный исполняющий дела Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего Клембовский главкому Юго-Западного фронта. – Вооруженные политиканы – источник кровавых междоусобий, а не залог порядка в стране». Вообще ОГК (Огенквар, особый отдел ГУГШ) всячески ограничивал число военных корреспондентов, урезал информацию для газет, вел пассивную по отношению к противнику политику, а не активную, как в Германии. По существу, власти отказались использовать гражданскую печать для влияния на солдатские массы, считая ее вообще непатриотической[2].

В целом военные власти пытались построить собственный вариант массовой пропаганды во время войны. Ее неудача стала очевидной зимой 1916–1917 гг. Многочисленные сообщения тех же военно-цензурных отделений об «угнетенном настроении» солдат, грозившем

---

[1] Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. С. 210–215.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 1–7, 29, 31–40, 77–89; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 319об.; Д. 4211. Л. 45–46; *Потапов Н.М.* Указ. соч. М.; Л., 1926. С. 19–20; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л.129–129об.

вылиться в эксцессы прямого неповиновения или бунты, подвигли военные и гражданские власти предпринять ряд шагов по активизации внутренней пропаганды «как противовес наблюдавшейся пропаганде, вредной с точки зрения государственного строя». Среди прочего предписывалось «организовать в войсковых частях и учреждениях планомерную борьбу с революционными идеями» – для подавления в зародыше грозного процесса упадка дисциплины в войсках и революционизирования войсковых чинов путем «бесед командиров частей с младшими офицерами, с унтер-офицерами и наиболее развитыми рядовыми». В конечном счете, это дело пропаганды предполагали возглавить не военные власти, которым в Петрограде вообще не доверяли. В декабре 1916 г. на совещании с участием председателя Совета Министров Б.В. Штюрмера, министра финансов П.Л. Барка и министра внутренних дел А.Д. Протопопова был выработан порядок снабжения армии книгами и газетами, определен состав книг в библиотеках и список допускаемых периодических изданий. 22 декабря 1916 г. МВД через Главное управление по делам печати запросило соответствующие средства в сумме 600 тыс. рублей. Через междуведомственное совещание «по рассмотрению проектов представлений гражданских ведомств в Совет Министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени» в заседании 25 января 1917 г. был выделен 1 млн рублей для снабжения действующей армии книгами и газетами. 600 тыс. рублей должно было пойти на выпуск газет для действующей армии. 300 тыс. – на снабжение действующей армии библиотечками. Остальные деньги шли на почтовые расходы. После Февральской революции этот кредит был переутвержден Временным правительством. Сущность организационных мероприятий Петрограда в отношении пропаганды видна из того, что в ГУГШе даже не знали ни о существовании организации по снабжению действующей армии газетами и книгами, ни о самом характере намечавшихся к высылке в армию газет и книг и поэтому отказались рассылать библиотеки, предлагая, чтобы этим занялось МВД. Литература в рамках этого

проекта стала поступать на фронт в марте 1917 г. Только на Кавказский фронт в марте 1917 г. было послано 616 пудов книг для бесплатной раздачи. Но на апрель 1917 г. было освоено чуть больше 180 тыс. руб. Однако вскоре выяснилось несоответствие присылаемых материалов новым революционным настроениям в армии. С фронта стали поступать требования уничтожить тиражи литературы. А с мая 1917 г. началось расформирование ГУГШ, и реализация проекта остановилась[1].

Зато со времени Февральской революции военные власти попытались реанимировать собственный проект военной пропаганды на фронте. Для этого весной 1917 г. при Огенкваре ГУГШ, а затем и при штабах фронтов и даже штабах нескольких армий были организованы Бюро печати для осведомления гражданской печати о ходе войны (впоследствии – военно-корреспондентские бюро). По сути, в этот момент реализовывалась попытка создания отношений между военными и гражданской печатью, подобных тем, что существовали в Германии. При этом военные пытались играть активную роль в освещении печатью событий на фронте, требуя, чтобы оценка в печати вполне совпадала с взглядами командного состава. Власти, правда, опасались, чтобы сами бюро печати не превратились в редакции газет[2]. Конструкцию предполагалось дополнить подчинением бюро печати политическим отделам при штабах войск и в целом политотделу при Военном министерстве[3]. Но этот эксперимент был прерван Октябрьской революцией.

Попытки собственными силами (до Февральской революции) или с использованием гражданской печати (при соответствующем контроле) решить проблему пропаганды на фронте можно в целом оценить как неудачные. Причина этого была, с одной стороны, в отсутствии традиции постановки печатного дела государством как сферы массовой культуры, а с другой – в неспособности властей

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4211. Л. 15–20об., 45–46; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6434. Л. 18–18об.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6434. Л. 233–234; ф. 2134. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1–2, 13.

[3] *Белогуров Б.С.* Указ. соч. С. 82.

к сотрудничеству с любыми альтернативными печатными органами. Куда более успешно было поставлено это дело в других странах – участницах Первой мировой войны. Во Франции, например, власти широко использовали гражданскую печать, контролируя ее пропагандистский ресурс через так называемый «Дом печати» и Центральное бюро печати в Париже[1]. В Германии большую роль в деле обороны играла, кроме националистических газет, социал-демократическая шовинистическая печать, представлявшая, в сущности, альтернативную массовую культуру, сложившуюся еще до войны.

Практически все данные об отношении солдат и офицеров русской армии к военной печати свидетельствуют о неудовлетворенности этой формой пропаганды на фронте в годы Первой мировой войны. Существуют многочисленные сведения о том, что солдаты использовали газеты не по назначению (например, для конвертов), порою ходатайствовали вообще об отмене выписки некоторых изданий, полагая, что «газеты не больше не меньше как соска для взрослых». С другой стороны, в письмах солдат было множество жалоб на то, что не издается для солдат ничего подобного «Маньчжурскому вестнику» в русско-японскую войну, что самих газет мало, а если и есть, то в них «ничего не пишут, кроме чепухи» или что «слишком мало и сухо», вообще мало газет, даже чтобы следить за действиями союзников, что газеты (например, «Русское слово») «врут». В одном из цензурных обзоров весной 1916 г. указывалось на знакомство солдат с газетами и отмечалось: «Но чтобы газетные статьи влияли коренным образом на образ мышления толщи войсковых масс, то этого незаметно»[2].

Что же именно не нравилось солдатам в газетах? Почему, в сущности, не работал даже имевшийся канал коммуникации? Да и что такое этот канал информации? Ведь в традиционном обществе, каким еще оставалась Россия до 1917 г., а также и русская армия, солдат-реци-

---

[1] АВПРИ. Ф. 323.оп. 617. Д. 65. Л. 24–25об.

[2] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 114об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 161; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 124; Ф. 2139. Оп1. Д. 1673. Л. 403; 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 508об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 2. М.: Л., 1927. С. 206. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 54.

пиент – это не какой-то готовый атомизированный, стандартизованный потребитель, а, в соответствии с традиционной культурой, человек в многочисленных социальных (клановых, семейных, территориальных) связях. Само прохождение сигнала поэтому намного продолжительнее, чем в коммуникативном процессе в современном обществе. Форма подачи, пути распространения коммуникативного продукта в условиях войны имеют чрезвычайно важное значение. При этом следует отметить общие эффекты страха или агрессии, которые владеют массой солдат-крестьян, оказавшихся в условиях чрезвычайно мощного стресса, порождаемого войной. В такой ситуации имеет место непредсказуемая реакция людей на угрозу опасности[1].

По всем этим параметрам в процессе коммуникации на фронте были свои особенности. Использование газетной периодики означало переход от устного к печатному тексту, что вело к возрастанию эстетизации сообщения, а форма и содержание его получили дополнительные значения: сама каллиграфия, повторяемость слов, потребность заменять их синонимами... Для анализа процесса коммуникации в условиях войны необходимо иметь в виду указываемые культурологами разные роли, которые играют в процессе коммуникации письменная и устная культура. Необходимо отметить невосприимчивость солдат-крестьян к газетной литературе, имеющей специфические свойства как литературы образованного человека. Техника чтения малограмотного, в своей массе, солдата отличалась от техники чтения образованного человека. Образованный человек при (быстром) чтении непосредственно схватывает конечную мысль автора (пропагандиста). Процесс коммуникации в данном случае имеет только технические сложности: непосредственная доставка сигнала (количество газет), его повторяемость (периодичность), снижение уровня «шума» (дезорганизация не столько в структуре сообщения, сколько в структуре восприятия). Техника чтения малограмотного солдата имеет

[1] *Ларин Е.И.* Указ. соч. С. 15; *Почепцов Г.* Психологические войны. М.; Киев, 2002. С.15.

существенные особенности. Солдат читает по складам[1], тем самым разбивая единый текст, в результате чего конечная (в сущности – центральная мысль) сообщения утрачивается. Поэтому текст как система символов разрушается, а имеющиеся в нем понятия опредмечиваются, носят осязаемый характер, столь характерный для традиционного сознания. Реципиент сталкивается уже не с текстом, а с набором понятий, в которых он пытается узнать (или вкладывает в них) свой смысл, определяемый его традиционалистским сознанием. В литературе есть описание чтения солдатами газет на фронте, когда они, дойдя до знакомых сюжетов («мир», «земля», «евреи») просто прекращали чтение и начинали их обсуждение, не связывая эти понятия с главной мыслью автора статьи. Таким образом, текст в результате особенностей передачи информации через канал, которым является сам реципиент, утрачивает свои свойства, работает в другом коммуникативном процессе, характерном для совершенно другого, традиционного общества. Кроме того, и само чтение происходит, как правило, принародно (хотя по смыслу коммуникативного процесса предназначено как раз для индивидуального потребления), блокируя тот вид коммуникации, который предполагался изначально, и усиливая другой, свойственный реципиенту, то есть солдату-крестьянину.. По существу же, чтение газеты провоцировало слухи, разговор, что и является коммуникативным процессом традиционного общества. Таким образом, солдаты, выступающие в данном случае как коммуникативные единицы, оказавшись в ситуации мировой войны, склоняются к неписьменной коммуникации.

Неписьменная коммуникация распространяется в виде разговора и в виде слухов. Разговор предполагает активизацию другого, нежели толпа, контингента – общины, чем и были для солдат-крестьян страты в войсковой еди-

[1] *Почепцов Г.* Психологические войны. М., Киев, 2002. С. 18, 31; *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2001. С. 393–401; *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. 229–240; *Борев В.Ю., Коваленко А.В.* Указ. соч. С. 300; РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 965. Л. 20–20об.

нице, включая полк – полковое братство. В кружках, где ведется разговор, происходит эффект внушения, влияния других, являясь, в сущности, средством коллективного внушения[1]. А в условиях посттравматической ситуации, вызванной в целом культурным шоком из-за воздействия войны нового типа на традиционное сознание солдат-крестьян, можно даже в некоторых случаях говорить об индуцированном психозе. Именно последнее является характерной особенностью слухов, рождающих такие массовые проявления психопатологии на фронте, как паника, ничем не обоснованное ожидание «скорого» мира, неповиновение, «видение» врага не впереди, а сзади, даже в своих начальниках, и т.п.

Для слуха, да и разговора, характерны следующие особенности. Зона молчания массовой коммуникации равна зоне распространения слуха, зона «говорения» слуха равна зоне молчания массовой коммуникации. То есть именно то, о чем пресса умалчивает, и составляет поле широкого обсуждения массы[2]. Слухи характеризуются обращенностью к получателю информации, обладают жизненным для него интересом и поэтому сопротивляются естественному затуханию, образуя устойчивый канал передачи информации. Создается система самотранслируемого сообщения, успешно конкурирующая с существующими средствами массовой информации.

Восприятие информации через слухи управляется удивлением и тайной. Цензоры отмечали фантастичность множества нелепых, по их мнению, слухов на фронте. Этим же объясняется феномен популярности большевистской партии, лично Ленина, так неожиданно и неизвестно откуда взявшегося лидера, персонифицировавшего солдатские социальные чаяния. Слухи оперировали, как правило, терминальными темами и событиями: солдаты ожидали и уверяли, что уже подписан («но не сообщают») мир, что война уже кончилась... или кончится в ближайшем будущем (называли сроки ее окончания), грозились скорой расправой с многочисленными врагами[3].

---

[1] *Московичи С.* Указ. соч. С. 229.

[2] *Почепцов Г.* Теория коммуникации. М., 2001. С. 395.

[3] Там же. С. 398–399; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 66об.

Отгородившись от массовой коммуникации (через печать), эта зона слухов становится зоной «говорения» в спрессованных обстоятельствах войны нового типа и направлена (по законам массовой культуры) на ликвидацию угрозы агрессии, с одной стороны, и на реализацию своих чаяний – с другой. В ситуации Первой мировой войны это вело к распространению антивоенных и революционных взглядов. Этому соответствовала и сама устная речь, по Ю.М. Лотману, ориентированная на будущее, в то время как письмо ориентировано на прошлое (то есть на защиту прошлых или существующих ценностей)[1]. В годы войны произошел разрыв между пропагандой и агитацией. Пропаганда отнюдь не представляла набора узнаваемых идей, которыми командованиие могло воспользоваться. Но солдаты просто не слушали приказов. Потому что действовала другая агитация – собственных надежд, чаяний и отчаяния.

Военные власти отдавали себе отчет в недейственности военной печати на фронте и в то же время в активизации антивоенной и даже революционной пропаганды, помешать распространению которой они пытались. В поисках выхода из создавшегося положения власти попытались прибегнуть к сотрудничеству с либеральными деятелями, сторонниками национал-либерального проекта «Великая Россия». Однако зародившаяся в МИДе идея организации пропагандистского издательства с привлечением П.Б. Струве, С.А. Котляревского и др., не осуществилась (хотя согласие либералов и было получено) из-за неприемлемого для властей политического направления даже столь умеренных деятелей[2].

Чтобы повлиять на массовое сознание солдат, военные власти встали на позиции того же традиционалистского сознания, пытаясь приноровить его к особенностям вой-

---

[1] *Почепцов Г.* Психологические войны. М., Киев, 2002. С. 18. Не случайно и соответствие этой формы фронтовой культуры футурологическому социальному проекту большевиков, отвечавшему всем социальным чаяниям солдатских масс, носителям революционного сознания. Это был уникальный случай использования *форм* архаического сознания для строительства современного общества.

[2] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 65. Л. 15–17; *Пайпс Р.* Струве: правый либерал 1905–1944. М., 2001. С. 278–279.

ны индустриального типа. Для этого в пропаганде акцент делался не на печать, а на брошюры, листовки, беседы с солдатами[1]. Распространение листовок для собственных солдат вообще является феноменом в годы Первой мировой войны. Получается, что русских солдат пропагандировали чуть ли не как противника. С января 1915 г. листовки стали носить конкретный характер, главным образом против ухода в плен. Среди прочего широко распространялись, например на Северо-Западном фронте, фиктивные письма нижним чинам в русскую армию против сдачи в плен. Их составление было поручено военно-цензурным отделениям, а распространение (десятками тысяч экземпляров) – агентам разведывательных отделений[2].

Такая «пропаганда», проходившая в строго конспиративном порядке и встречавшая немало возражений в командовании армий и дивизий, не могла удовлетворить военные власти. И в штабах фронтов, и в армии отдельными офицерами предлагались различные способы борьбы с распространяющейся пропагандой против «преждевременного мира», чтобы «поднять дух армии», пробудить «сознательное отношение к войне и к ее целям»[3]. Среди прочего планировалось войти в соглашение с государственными и частными патриотическими и религиозно-нравственными издательствами (Скобелевский комитет, комитет Фесенко, Комитет народных изданий, Трофейная комиссия, Чрезвычайная следственная комиссия и др.), расширить книжный склад при Ставке Военного протопресвитера, сосредоточить в Штабе ВГК рассмотрение всех изданий, предложенных для распространения среди нижних чинов, возобновить и расширить работу 8-го отделения ГУГШ (по воспитанию и образованию войск), после мобилизации прекратившего свою деятельность, объединить деятельность по изданию и снабжению патриотическими брошюрами 7-го отделения Главного Штаба и Эвакуационного отдела ГУГШ, вновь сосредоточить дела

[1] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 32.; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 957. Л. 5, 6.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6452. Л. 37–49; Ф. 2019. Л. 1. Д. 557. Л. 40, 47; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 832. Л. 3, 5–6.

[3] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 382 об.– 383.

по этим вопросам в 8-м отделении ГУГШ[1]. В результате дело свелось к усиленному распространению в 1916 г. многочисленных брошюр в десятках тысяч экземпляров, но не прямо на позициях, а по пути на фронт[2].

Большинство брошюр хотя и адресовались солдатам, но были предназначены в качестве материала для бесед офицеров и священников с солдатами. Огромную проблему для властей представляла пропаганда противника. При организации бесед с солдатами встал вопрос о соответствующем контингенте офицеров, способных быстро разбираться «в известных вопросах», что, признавали в верхах, «едва ли можно встретить у большинства прапорщиков, составляющих ныне главную массу офицеров в частях войск». В отдельных армиях (например, в 9-й) для таких бесед офицеры получали соответствующие инструкции у командующего. При беседах офицеров с солдатами ставилась задача «чтения книг и газет, рассказов, писания писем и простого даже обмена мыслями без углубления на скользкий путь политики внутренней». Однако такой подход упирался уже во все более обострявшуюся проблему доверия к офицерам со стороны солдат. Например, возникла проблема, как именно реагировать на поднимаемые в пропаганде противника вопросы о мире, поскольку в собственных изданиях поднимать этот же вопрос представлялось неудобным. В военном руководстве считали, что лучше вообще не давать солдату в руки подобный документ, поскольку «нельзя предусмотреть или предупредить его толкование официальной беседой»[3].

Кроме письменного и устного слова, для пропаганды на фронте попытались использовать кинематограф. Дело, однако, натолкнулось на организационные попытки взаимодействия между Георгиевским комитетом, Трофейной комиссией, Ставкой, ГУГШем и МИДом, и особенно кинофирмами (Дом Ханжонкова, например), которым военные власти не доверяли. Также закончились неудачей

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 129–129об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6435. Л. 25–26об.

[2] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1311. Л. 25, 97, 98, 102об., 103об.; Ф. 2031. Оп. Д. 1227. Л. 175–175 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1227. Л. 175–175об.

[3] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 965. Л. 1–2; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1227. Л. 273, 181; Д. 369. Л. 28; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 965. Л. 20–20об.

(чисто из-за технических проблем) попытки распространения открытых писем с портретами героев – георгиевских кавалеров – с кратким описанием подвига, а также и иллюстрированных изданий[1].

На фронте имели место и разные виды чисто развлекательной массовой культуры. Например, во 2-й Кронштадтской крепостной саперной роте устраивали бесплатный кинематограф, поскольку солдаты считали театр «единственным местом, где можно рассеяться и забыться». В 20-м Сибирском стрелковом полку организовали домашний театр с характерным названием «Кинь тоску». Военные власти не были против распространения такого рода развлечений в армии, но – «без ущерба для боевой готовности частей»[2]. В целом же ни идеологическая, ни развлекательная функции массовой культуры не были реализованы в полной мере на Русском фронте в годы войны.

Нельзя не отметить, что и газетная печать, и брошюры, и листовки, и беседы не в состоянии были преодолеть сопротивление этому каналу информации. Нереализованные социальные чаяния и являлись важнейшим тормозом для прохождения информации. Они блокировали всю информацию. Для солдат важны были только социальные проблемы. В ответ на просьбу «держать позицию» они говорили о дороговизне, социальном неравенстве на фронте и вне его, вообще о ненужности войны, нехватке хлеба и т.п.[3] В рубрику писем, носящих «преступный и социальный характер», попали и такие характерные строчки: «...Все пали духом и все это должно кончиться, потому что настроение не о войне, а мечтают все о другом, хотя газета и пишет, что война продолжится, но это все аристократия делает»[4]. Именно социальность, устремленность в будущее, терминальность превращали фантастические, в сущности, обещания революционных агитаторов в мощную для масс силу[5].

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6447. Л. 1–61; Д. 6452. Л. 1–84; Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 27, 35.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 554.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 55об., 63об., 66.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 12б.

[5] См. о технике такой пропаганды: *Московичи С.* Указ соч. С. 180.

Для солдат вся печать, а тем более газетная, воспринималась как искусственный язык, в то время как у них был естественный язык[1]. Солдаты так и писали в конце 1916 г. в «Армейский вестник» Юго-Западного фронта: «Пишете одну голую ложь да глупости а еще плохо понятно множество слов русскими буквами но на немецком языке»[2]. Это несоответствие языка пропаганды ожиданиям солдат-крестьян проявлялось и в приказах. В дореволюционной военной документации господствовал казенно-бюрократический стиль с его характерными стилевыми чертами: официальность, отсутствие эмоционально-образных средств, пространность (тяжеловесность) и сложность (витиеватость, запутанность). Для печати после революции характерно преобладание эмоционально-оценочных слов и словосочетаний, отражавших идеалы революции. В послереволюционной военной документации имело место резко эмоциональное определение врагов: «приспешники», «сатрапы», «акулы», «вампиры», «гидра», «поджигатели»[3].

Важнейшим недостатком печати и пропаганды было отсутствие воспитания ненависти. Русскому солдату, в сущности, лишенному этого чувства, ее пытались привить специально – нагнетанием шпиономании, особенно при Начальнике штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевиче[4]. Действительно, пропаганда в современной войне основывается на ненависти к противнику. Но для этого необходимо пройти школу социальной ненависти в процессе борьбы за социальные завоевания. А такой школы в дореволюционной России не существовало. Зато всеобщая ненависть к врагу стала возможной только в годы Великой Отечественной войны. В ее основе был язык, заимствованный из периода борьбы с настоящими или мнимыми «внутренними врагами».

Не удалось военным властям и организовать пропаганду и после Февраля. В ход шли уже и листовки, и ми-

---

[1] *Почепцов Г.* Психологические войны. М.; Киев, 2002. С. 17.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 54, 66об.

[3] *Жишов Э.Б.* Язык военно-революционных документов эпохи Великого октября (В сопоставлении с языком дореволюционной военной документации 1914-1917 гг.). Автореферат кандидата филологических наук. М., 1974. С. 12, 15–17.

[4] *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 65.

тинги, и буржуазная и эсеро-меньшевистская печать. Но время было безвозвратно упущено. Главная причина была в том, что недостаточно учитывались социальные требования, отсутствовали соответствующие формы пропаганды, оказывающие влияние на солдат. На фронте в революционные месяцы набирала обороты другая пропаганда, в основе которой была социальность, направленность на глубокие общественно-политические преобразования.

2.1. Религиозно-моральное обеспечение войны и проблема свободы совести в Первой мировой войне

Проблема морально-идеологического контроля в современной войне только недавно стала предметом рассмотрения. В некоторых работах, основанных на узком круге источников, делается вывод об утрате религиозных чувств среди солдатской массы в годы мировой войны[1]. Проблема характеристики религиозных чувств солдат упирается, однако, в недоступность массовых источников. Так, в просмотренных материалах Синода не удалось найти подробных отчетов священников о настроениях солдат. Документы же Музея религии (ГМИР), где могут быть такие материалы, или личные свидетельства людей, переживших войну, в настоящее время остаются малодоступными по ряду организационных причин. Больше работ написано о деятельности самой православной церкви. Здесь выделяются работы А.А. Кострикова, характеризующие в основном трудности религиозной пропаганды в годы революции[2]. Несколько неожиданно вопрос о свободе совести на Русском фронте в годы Мировой войны рассматривает Дж. Санборн. Он попытался осветить проблему отношения церкви и общества к отказникам от военной службы до войны, во время нее и после, уже в годы революции и Гражданской войны. Такой ракурс является выгодным как в плане обеспечения источниками, так и широкой постановкой проблемы, которая сводится к вопросу о формировании самого концепта мобилизации общества для «массового убийства» как способа сплочения нации,

[1] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 182–185.

[2] *Кострикова А.А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 145–198 .

«отправляющейся на войну»[1]. Так были ли предпосылки для формирования национального сознания как морального, по совести, права и обязанности каждого члена общества участвовать в «массовом убийстве»? Отказников можно считать референтной группой, через деятельность которой и отношение к ней общества можно попытаться ответить на вопрос о существовании среди граждан в годы войны морального долга поддерживать национальное существование с помощью оружия.

Эта проблема особенно обострилась с вхождением России в эпоху войн и революций, в условиях участившихся вооруженных внешних и внутренних конфликтов первых десятилетий XX в. Ее решение требовало организации и согласования усилий государства и общества по вопросам комплектования армии и идеологического обеспечения современной войны. Это включало в себя и решение вопроса о свободе совести в условиях существовавшей традиции сопротивления части населения военной службе вообще на основании народно-сектантского «разномыслия» и протеста, дополненного общественным движением неприятия войны по религиозным соображениям.

Важнейшей задачей царского правительства в решении проблемы мобилизации было приспособление к ней существовавшей идеологии. Христианская идеологема православия, однако, мало отвечала созданию воинственной идеи создания массовой армии. Ее уязвимость выявилась уже во время подготовки закона о всеобщей воинской повинности, когда власти были вынуждены сделать исключения из него для меннонитов, не принимавших саму идею воинской повинности по религиозным убеждениям. Это было вызвано необходимостью сохранения меннонитской общины для решения хозяйственных вопросов, важных для государства[2]. Однако вслед за этим еще ряд религиозных христианских (духоборы, евангельские христиане, баптисты и др.), а также религиозно-анархистских

[1] *Sanborn J. A.* Op. cit. P. 4.

[2] *Нелипович С.Г.* Альтернативная служба в России во время Первой мировой войны // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г. М.: РГГУ, 2001. С. 133–141.

групп (толстовцы, малеванцы и др.) поставили вопрос о несовместимости воинской повинности и религиозных убеждений. Ситуация стала обостряться с появлением гражданского пацифизма, в частности в рядах партии кадетов. Озабоченность властей вызывало и нарастание отказов от военной службы, исчислявшихся к началу XX в. десятками[1], что остро воспринималось на фоне нараставшего оппозиционного и революционного движения.

Власти осознавали проблему, но не могли найти ей решения. Не допуская отклонений от военной службы по религиозным убеждениям, они в то же время опасались разлагающего воздействия отказников на солдатскую массу. Отказников насильно посылали в дисциплинарные части и уже там судили по военным законам за неподчинение приказам. С 1896 г. отказников стали ссылать в Восточную Сибирь на 18 лет, то есть на весь срок службы, включая запас. После принятия закона о веротерпимости в 1905 г. отказников стали судить не за религиозные преступления, а по закону об «упорном отказе с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности», приговаривая на срок от 4 до 6 лет в каторжные работы или в исправительные арестантские отделения на тот же срок (ст. 125 Воинского устава о наказаниях). В 1911 г. в связи с угрозой большой войны власти стали (по ст. 127–1 Воинского устава о наказаниях) преследовать любые отказы от военной службы, избрав местом наказания для отказников дисциплинарные и исправительные военные части[2].

Проблема отказничества по религиозным убеждениям обсуждалась в Государственной Думе в 1912 г. в рамках подготовки нового закона о воинской повинности. Согласно поправке к статье 45 проекта закона, предложенной кадетом А.И. Шингаревым, использовавшим материалы толстовца К.С. Шохор-Троцкого[3], лица, не желающие проходить военную службу по религиозным убеждениям, имели право на прохождение такой службы в нестроевых

[1] См. подробную справку об отказах, составленную К.С. Шохор-Троцким: ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 11. Л. 10–17; *Sanborn Joshua A.* Op. cit. P. 183–184.

[2] ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21. Л. 41–42.

[3] ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 11. Л. 17; Д. 21. Л. 50.

частях или в гражданских ведомствах на альтернативной службе, по типу меннонитов. Аргументация кадетов в пользу закона основывалась на защите принципов гуманности, свободы совести и одновременно на уязвимости государственной идеологии в оправдании войны в христианском обществе. Насильственная мобилизация лиц, отвергающих убийство, объявлялась неприемлемой для христианского государства[1] и в то же время – «напрасной жестокостью», по выражению Шохор-Троцкого. Защиту закона о воинской повинности на основе православной концепции кадеты отвергали, поскольку российское государство было «далеко от заветов Христа». Кадетов поддержала и значительная часть октябристов, включая видного милитариста А.И. Гучкова. С их точки зрения, сведение всех антимилитаристов в особые отряды на военной службе или в гражданском ведомстве лишь оградит армию от ненадежного элемента. Этой же позиции придерживались в основном и в Военном министерстве[2].

Противники альтернативной службы в армии, в основном правые и некоторые представители военных кругов, исходили из защиты существовавшей модели военной службы, не учитывавшей свободу совести граждан. Правые утверждали, что принятие закона «откроет дырку» в законодательстве для любого рода антимилитаристов. Этим самым будет уничтожена воинская повинность, начнется «расстройство армии», массовый переход в секты[3]. Правые вообще видели в защитниках отказников от военной службы всего лишь, по словам Маркова 2-го, «врагов, предателей и изменников» России и российской государственности[4].

---

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.) СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 1160–1165, 1172–1173.

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) Спб.: Гос. тип., 1912. Стб. 372–376, 389.

[3] Там же. Стб. 387–390; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 1166, 1174, 1178–1179.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апре-

Поправка Шингарева не прошла 131 голосом «против» при 55 голосах «за»[1]. Но и поправка к законопроекту октябриста П.В. Каменского, предлагавшего двойной срок альтернативной службы по сравнению с действительной военной службой, также была отклонена 131 голосом против 88. Либералам удалось лишь принять «пожелание» Государственной думы Военному министерству разработать закон об отбывании воинской повинности лицам, «вероучение коих запрещает употреблять оружие для пролития крови»[2]. В 1912 г. Особой междуведомственной комиссией при ГУГШ был выработан соответствующий законопроект, по которому военная служба сроком в 4 года заменялась альтернативной службой сроком в 8 лет в рабочих командах лесного и других ведомств[3]. Однако законопроект так и не был предложен на рассмотрение законодательных учреждений. Как писал Шохор-Троцкий Шингареву, «"государственный страх" оказался сильнее голоса совести». По существу, накануне Первой мировой войны власти не сумели решить на законодательном уровне проблему мобилизации общества с учетом соблюдения свободы совести. Военные годы лишь усугубили этот вопрос.

Идеологическую задачу мобилизации общества власти были вынуждены решать с помощью немногих инструментов, главнейшим из которых являлось военное духовенство. Проблема состояла в том, чтобы сделать этот инструмент эффективным в первой для России массовой войне. Как институт военное духовенство имело ряд недостатков. Оно было малообразованным[4]. Авторитет свя-

ля 1912 г.). Спб.: Гос. тип., 1912. Стб. 376–377, 380–381.

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 1182.

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). Спб.: Гос. тип., 1912. Стб. 287–290, 386, 386–387, 395.

[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 42–44об.

[4] *Байдаков А.В.* Православное духовенство русской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX века). Дис... канд. истор. наук. М., 1995. С. 174–175; *Ивашко М.И.* Военное и морское духовенство России (XVIII – начало XX Военное Ведомство.): Историографическое исследование. М.: Издание Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского, 2005. С. 47; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 145–146.

щенника не только среди офицеров, но и у рядовых армии и флота был низок[1]. Материально священники были плохо обеспеченными[2]. Оставаясь в тени самодержавия, церковь мало и редко выступала с программами защиты патриотизма в мирное время даже в стенах Государственной думы[3].

И все же именно православная церковь во время войны взяла на себя миссию духовной мобилизации армии. Этот период истории Русской православной церкви связан с деятельностью протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского[4]. Являясь выдвиженцем главы амбициозной «военной партии» вел. кн. Николая Николаевича, Шавельский попытался превратить военное духовенство в мощное орудие воинственной пропаганды. Деятельность военного духовенства была значительно перестроена. Инициативу и расходы взяла на себя Ставка, оплачивавшая «командировки» священников местных епархий в армию. Данные главы военного духовенства и литература, основанная на них, показывают большой размах работы его ведомства в деле религиозно-патриотической пропаганды. Так, согласно воспоминаниям Г. Шавельского, количество военного духовенства возросло с 730 человек в мирное время до нескольких тысяч[5]. При Главном Штабе работала особая комиссия

---

[1] *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 156–157; *Ивашко М.И.* Указ. соч. С. 111, 113; *Бонч-Бруевич В.* Волнения в войсках и военные тюрьмы. М.: «Коммунист», 1919. С. 76–77; Вестник военного и морского духовенства (далее: ВВМД). 1914. № 15–16. С. 558–562; № 19. С. 662.

[2] *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 154–155; *Ивашко М.И.* Указ. соч. С. 52.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб.: Гос. тип., 1912. Стб. 362.

[4] *Кульчицкий А.М.* Военное духовенство и I Мировая война. Реформы отца Георгия Шавельского. Дипломная работа (Машинопись). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2000.

[5] *Шавельский Г.*, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 93; *Поляков Г.* Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. С. 281; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 144; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1972. Л. 98; *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 752–753; *Сенин А.С.* Армейское

для обсуждения вопросов о методах церковной работы в армии. Значительно расширились функции военного духовенства. Служение священника на войне включало подготовку части к бою, напутствие раненых, организацию библиотек, совершение обрядов погребения и т.д.[1]

Имеется, однако, немало данных о трудностях и проблемах религиозно-патриотической пропаганды в русской армии в годы войны. В течение войны ощущалась постоянная нехватка священников непосредственно в войсках. Так, согласно данным Полевой канцелярии Протопресвитера Военного и Морского Духовенства, на весну 1915 г. в армиях Юго-Западного фронта насчитывалось 476 священников, главным образом в госпиталях и военно-санитарных поездах, и всего лишь 104 непосредственно в войсках. На Кавказском фронте на лето 1916 г. было всего 202 священника – и только 92 в войсках. Да и сам Г. Шавельский писал в своих мемуарах лишь о том, что в армии в целом «перебывало» 5 тысяч священников в годы войны. Реально же в армии на начало 1917 г. было около 700 священников постоянного состава и около 3 тыс. призванных из епархий[2]. Особенно ощущалась нехватка духовных сил для воспитания в запасных батальонах во второй половине 1916 г.

Большие проблемы были с качеством военных священников. Основной их контингент назначался на основании указа Св. Синода от 26 октября 1914 г. тем епархиальным начальством, в епархиях которых формировались или должны были квартировать воинские части. Многие священники рассматривали для себя такие командировки как невыгодные, поскольку это отражалось на их доходах. Доходило до того, что священники в богатых приходах, назначенные на фронт, оставляли вместо себя знакомых

духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. №10. С.159–165.; *Фирсов С.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 550.

[1] ВВМД. 1914. № 20. С. 693–698; 1915. № 2. С. 39; № 22. С. 681; *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1929. С. 23, 88.

[2] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9451. Л. 35–52, 83; *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 39–40; *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 93.

священников с условием делиться церковными доходами. Порою местное церковное начальство сплавляло в армию «неугодных» пастырей», вообще священников без места – из оккупированных областей, священников-беженцев и т.п. Сами священники не рвались на фронт. Многие из них, назначаемые вместо убывших фронтовых, просто саботировали командировки на фронт, особенно в 1917 г.[1]

Проблемой для военного духовенства была и невозможность эффективно противостоять антивоенной пропаганде – как «неприятельских шпионов-агитаторов» на фронте, так и «сектантов» в тылу. Благочинный 83-й пехотной дивизии в 1916 г. сообщал Г. Шавельскому, что многие из священников на фронте «не обладают способностью говорить изустно, а печатного материала и вообще подходящей для сего литературы почти не имеется». Другие благочинные отмечали малое количество времени для бесед священников с солдатами, которые хотя и совершались, но – вечерами, урывками, после обстрелов. Редко удавалось совершать краткие богослужения по ротам и взводам. У священников все время уходило на службы, молебны, требы, погребения, молебствия по поводу раздачи наград, а не на беседы. В войсках вообще мало видели священников, которые обычно квартировали при штабе полка, а во время боя находились при перевязочном пункте[2]. В ходе солдатских волнений осени–зимы 1916–1917 гг. священники, даже имевшие боевой опыт, георгиевские кавалеры, участвовавшие в атаках, трусили и не могли наладить контакт с солдатами, отказывавшимися идти на позиции[3].

Вопрос о пропаганде в войсках крайне беспокоил и военные, и гражданские власти. Они были уверены, что именно антимилитаристская пропаганда «сектантов» является главной причиной волны уходов в плен, охватив-

---

[1] РГИА. 806. Оп. 5. Д. 9254. Л. 31; См. переписку о священниках храма лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии полка: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Л. 35, 46–47, 52, 64, 70–71; *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 147–153.

[2] *Шавельский Г.* Указ соч. С. 270; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9463. Л. 34; Д. 9904. Л. 111–114.

[3] О поведении во время солдатских волнений в 223-м Одоевском полку иеромонаха о. Пантелеймона, священника 221-го Рославльского полка, георгиевского кавалера см.: РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 9.

шей русскую армию в 1915 г. Во время войны противосектантская пропаганда получила второе дыхание. Теперь всех «сектантов» без разбора обвиняли в антирусской деятельности, ведущейся на деньги немцев с главной целью – подорвать православную веру[1]. В православной печати разъяснялось, что народу «истинно христианскому» противостоит немецкая вера, тайными распространителями которой внутри России являются «сектанты» (баптисты, адвентисты и т.п.)[2]. В связи с этим в начале 1915 г. было разослано через благочинных обращение к военному духовенству, чтобы они внимательно следили за попытками «сектантов» распространять среди воинов «свои вредные учения и принимали своевременно энергичные меры к прекращению их распространения». «Сектанты» обвинялись в ведении антимилитаристской пропаганды и во второй половине 1916 г. в связи с упадком духа в русской армии. В июле 1916 г. Департамент полиции МВД потребовал в секретном циркуляре, чтобы губернаторы и градоначальники усилили наблюдение за представителями «рационалистических сект» и пресекали пропаганду их «вероучения антимилитаристических идей». Одновременно Директор департамента духовных дел МВД просил Шавельского выявить центры такой пропаганды в войсках. В связи с этим были запрошены главные священники фронтов, а также благочинные армий, полковые и госпитальные священники. Однако главные священники всех фронтов дружно заявляли, что «сектантской пропаганды» на их фронтах «не замечено», за исключением тыловых районов в госпиталях общественных организаций и т.п. По их мнению, большинство рационалистических сект были не столько религиозными, сколько политиче-

[1] *Космодамианский Петр.* Штундобаптизм пред судом современных событий. Тамбов: Электро-типография губернского правления, 1915. С. 14, 30–33; *Афанасий, архимандрит.* Об отсутствии патриотизма у штундо-баптистов. Харьков: Епархиальная Типография, 1915. С. 9–13; *Иванов Д.Л.* О войне и воинском звании (критический разбор учения русских сектантов-рационалистов о войне и воинском звании). К миссионерской полемике. Петроград: Скворцов, 1915; *Кальнец М.А.* Война и сектанты. Одесса: Тип. Епарх. Дома, 1916.

[2] *Восторгов И.* Вражеский духовный авангард. «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантства. М.: Русская печатня, 1914. С. 1–4, 7.

скими. В руководстве же военного духовенства продолжали видеть главную причину антивоенных настроений именно в деятельности «сектантов». Согласно «Кратким правилам и указаниям для военных цензоров», при просмотре почтовых отправлений в Петроградской военной цензуре от 28 июля 1916 г. конфискации подлежали все библейские тексты, рукописные или напечатанные на всех языках, не исключая русского – с целью максимально ослабить влияние сектантов в армии. Чтобы активизировать пропагандистскую деятельность против антимилитаристов на фронте, в декабре 1916 г. в запасные части были прикомандированы Синодом специальные агитаторы из духовных и светских лиц как «обладающие даром красноречия», в частности – инспекторы некоторых духовных семинарий. Особенное внимание в инструкции для проповедников обращалось на необходимость «отпора сектантским лжеучениям». Для вящей убедительности некоторые академические миссионеры являлись слушателям не в рясе, а в военном мундире[1].

Главной проблемой проповеди на фронте были, однако, не успехи или недостатки пропаганды военного духовенства, а нехватка религиозного чувства у солдат, которым эта боевая православная философия была «позаоблака», как выразился в письме один солдат[2]. Другой солдат писал в декабре 1916 г.: «Я собираюсь эту зиму геройски здохнуть и переселиться в обетованный рай, который там устроили наши попы от создания мира для положившего жизнь за другов, попы эти непрестанно нам сулят в облаках Орла, а в руки суют бомбы да винтовки, идти смело и геройски погибнуть за Веру, царя и дорогое и обильное наше отечество». Были претензии к священникам и за то, что власти якобы стоят на стороне... Германии и «стараются спасти германский народ». «Где Бог? Что Он не наказывает виновных за такое преступление? Что молчат наши духовные пастыри и они сами наверно забыли свои

[1] РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10005. Л. 4–4об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 93–93об.; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10005. Л. 1–1об., 5–5об; 7–7об., 9–9об., 11–12об., 13, 16–17, 25–26об., 33–33об.; *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 270–271; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 504об.; Д. 1198. Л. 123об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 307.

заповеди», – вопрошал артиллерист 53-го артиллерийского паркового дивизиона в том же декабре 1916 г. Были претензии и к священникам, которые вообще не исполняют своих обязанностей на фронте. Солдат 8-го Сибирского стрелкового полка писал домой: «Поп хотя есть в полку, но лентяй и сидит при обозе и никакие силы небесные не заставят его поехать в штаб полка на позицию. И на что они здесь, ничего не делают, никогда не служат, а норовят все дальше от позиций». Позднее, уже в 1917 г., солдаты соглашались выступать на передовую, только если впереди полка выступят священник, командир полка, командир дивизии и старший врач[1]. Среди высказываний встречаются и полные разочарования в силе Бога, вплоть до богохульных. Солдат жаловался в письме домой: «Вот все отец говорил: "Бог да Бог", а пушки свое дело делают и Бога не спрашивают. Вот тут и верь чему – не знаешь»[2]. Сказывалась определенная потеря «лица Божия» и перед лицом военных жестокостей, когда, как признавался один солдат, «я колол без малейшего сострадания а с особой радостью и думаю Господь Бог не поставит мне во грех потому что как я так все мы кололи не людей, а зверей в образе людей»[3].

Ритм и темп современной войны явно не оставляли места сохранению набожности, уступая широко распространенным циничным взглядам[4]. В ходе войны совершались богохульные, в сущности, действия, например, сжигание крестов на братских могилах с объяснением: «На войне души беречь не велено»[5]. Подвергались атаке и сами нормы христианской морали, не соответствовавшие, с точки зрения солдат, условиям войны. Солдаты говорили: «Христос в небесах, а солдат в окопе на голой ж...»[6]; «Каки тебе заповеди на войне: затрещал пулемет – слова евангельские, загремели пушки – трубы архангельские»[7]; «Все наново переучиваю. Сказал господи, сын божий: "Не

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 83, 150, 284 об., 644.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 363.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 247об.
[4] *Войтоловский Л. Указ. соч.* М.; Л., 1928. Т. 1. С. 135.
[5] Там же. С. 71.
[6] То же. Л., 1927. Т. 2. С. 71.
[7] То же. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 118.

убий", – значит, бей, не жалей. Люби, мол, ближнего, как самого себя: значит – тяни у него корку последнюю. А не дает добром – руби топором»; «Сказано: словом нечистым не погань рта, – а тут пой про матушку песни похабные, на душе от того веселее, мол. Одно слово, расти себе зубы волчьи»[1]. Нечеловеческая война в глазах солдата освобождала его вообще от моральных устоев: «На то война: на смерть работаем»; «Тот не солдат, который на войне душу сберег»[2]. Надо полагать, что именно на войне начался тот массовой отход от религии, характерный для времени революции и после нее. Однако нельзя даже из приведенных разрозненных высказываний солдат, взятых из отчетов цензуры или из воспоминаний, фронтовых записок, построить какое-либо определенное их представление о религии на войне. Общий же взгляд на войну, как время ожесточения людских нравов, не может рассматриваться как научный вывод.

Военное духовенство во главе с Шавельским затеяло решить неразрешимую задачу: с помощью административных усилий, личной активности фронтовых священников, используя новейшие на то время достижения духовной пропаганды, мотивировать участие в войне громадной массы солдат русской армии, активно не приемлющих по самым разнообразным причинам идею тотальной мобилизации, самого пребывания на фронте в годы мировой войны. Церкви не удалось приспособить свою христианскую доктрину для военной агитации, сделать из солдат «христовых воинов». Многие священники так и не смогли справиться со «смущением» допустить христианам необходимость убивать[3]. Далеко не все священники могли овладеть тем интеллектуальным багажом, который предлагала на съездах военного духовенства и в литературе команда Шавельского[4]. Корпоративная отчужденность военного духовенства во время войны не только не была преодолена, но даже усилилась, став частью кризиса во-

---

[1] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 71.
[2] *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 128.
[3] ВВМД. 1914. № 19. С. 664.
[4] *Афанасий, архимандрит.* Указ. соч. С. 12.

енной иерархии[1]. Сама церковь подвергалась общественной критике за недостаточный вклад в дело обороны; от нее уже тогда требовали изъятия церковных ценностей в пользу больных и раненых[2]. Несмотря на героические усилия многих священников на фронте, высоко оцененные царем[3], военное духовенство не смогло долгое время поддерживать высокий морально-боевой дух войск, успешно бороться с массовым дезертирством и революционными настроениями среди солдат[4].

Проблемы с организацией религиозно-патриотической пропаганды посредством существовавших механизмов военного духовенства дали возможность отказникам по религиозным соображениям резко активизировать свою деятельность. Основным контингентом отказников были многочисленные христианские группы инославных вероисповеданий («сектанты»). Не все «сектанты» были против войны. Однако некоторые из них, стоявшие на рационалистических, анархических, антигосударственных позициях – малеванцы, духоборы, толстовцы, «духовные христиане» – занимали резко антивоенную позицию прямого отказа от военной службы[5]. Отказничество в годы Первой мировой войны явилось «звездным часом» этой религиозно-анархической ветви русского религиозно-общественного движения. Тысячи человек получили возможность «пострадать за Христа»[6]. Отказники основывали свои шаги учением Христа, не позволявшим убивать кого-либо,

---

[1] *Костриков А.А.* Указ. соч. С. 175–176. Одной из причин розни между священниками и офицерским составом были обличения офицеров в разврате и неверии. См.: Рапорт благочинного церквей Черноморского флота за 1914 г.: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9904. Л. 54–58, 62.

[2] *Рункевич С.Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Книга первая: Распоряжения и действия святейшего синода. В 1914–1915 гг. Пг.: Синод. тип., 1916. С. 329, 332–333, 335.

[3] ВВМД. 1915. № 22. С. 680.

[4] *Байрау Д.* Указ. соч. С. 766–767; *Мозговой С.А.* Военное духовенство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 208.

[5] *Бонч-Бруевич В.* Из мира сектантов. Сборник статей. М.: Госиздат, 1922. С. 234 –235, 242.

[6] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 312–314, 325–329; ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 122. Л. 1–1об.; РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 30, 34–36, 63–65.

даже врага[1]. Они не только проявляли готовность понести страдания за свои убеждения, но и стойко переносили всевозможного рода издевательства и мучения[2]. Как правило, на процессах отказников им давали по 12 лет каторги. Всего за время с момента объявления войны и до 1 апреля 1917 года было осуждено только военно-окружными судами 837 человек по статье 127–1[3]. Однако Г. Шавельский в январе 1917 г. писал в Ставку ВГК, что случаев открытого отказа браться за оружие в армии были «тысячи», не говоря уже о том, что на такое открытое противление войне отваживались далеко не все. Расхождение с официальными цифрами подсудных дел по отказу от военной службы Шавельский объяснял практикой войскового начальства не доводить дел до суда, а применять обычные дисциплинарные взыскания в своей части с последующим направлением таких сектантов в тыл, для обозной и санитарной службы[4].

Проповедь отказничества в годы войны являлась, по существу, единственной антивоенной деятельностью, реакция властей на которую была замедленной. Причиной этому была противоречивая православная идеологема оправдания войны. Как правило, отказники могли долго проводить свою открытую агитацию непосредственно в войсках, что с тревогой отмечали в Департаменте духовных дел Синода[5]. Проповедь отказников встречала явное сочувствие со стороны солдат, чего не было при отказах в конце XIX в.[6] Даже со стороны офицеров отказники часто чувствовали «предупредительное» отношение. Иногда единичный отказ от военной службы вновь прибывшего

---

[1] *Булгаков В.* Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. М.: Издание Издательской комиссии Москов. Совета Солдат. Депутатов, 1917. С. 75; РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 23; ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21. Л. 20–21.

[2] См. примеры такого поведения: ОР РГБ. Ф. 345. Картон 41. Д. 21.

[3] См.: *Кандидов Б.* Указ. соч. С. 151.

[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8072. Л. 2-4.

[5] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 325.

[6] ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 37об., 76; *Свенцицкий В., свящ.* Война и Церковь. Ростов-на-Дону, 1919. С. 4; *Попов Е.И.* Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. V. Tchertkoff, Purlegh, Essex, England, 1898. С. 40.

новобранца вел к цепочке отказов среди солдат и даже офицеров. Были случаи, когда отказ являлся поводом для демонстрации военнослужащими, включая офицеров, «антипоповских» настроений[1]. Отказники вообще мало встречали противодействия своим взглядам со стороны населения, общества, за исключением интеллигентных воинственных добровольцев[2]. Даже в военно-окружных судах среди состава судей отказники находили определенное сочувствие[3]. Деятельность отказников усилилась, по словам деятелей отказничества, накануне Февральской революции, в частности – в войсках Петроградского гарнизона[4]. Во всяком случае, И.М. Трегубов и другие антимилитаристы считали своей заслугой Февральскую революцию как форму мирного, «бескровного» протеста – в первую очередь против войны – в виде «военной забастовки»[5]. Трегубов приписывал сектантам-отказникам важную роль в подготовке петроградского восстания военного гарнизона. По его словам, именно они распропагандировали гвардейские полки Петрограда, что привело к их «братанию» с рабочими, а затем и к успеху всего «бескровного» восстания[6]. Февральская революция представала, таким образом, как апогей ненасильственной формы всеобщего неповиновения, которое является частью общеполитиче-

[1] ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 37об., 75, 87об.; Д. 48. Л. 22; Картон 57. Д. 20. Л. 21.

[2] ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 54. Д. 43. Л. 29об.

[3] *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры...» Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1989–1990. М.: Восточная литература, 1993. С. 154–155, 160–161.

[4] *Трегубов И.М.* Сектанты коммунисты // «Правда». 20 июля 1919 г. № 158 в кн.: Коммунисты и сектанты. М., 1919. С. 8; 7-й Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет (5–9 декабря 1919 года, в Москве). М.: Государственное издательство, 1920. С. 274–276.

[5] *Булгаков В.* Лев Толстой и наша современность (о путях к истинному возрождению). М.: Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого, 1919. С. 10; *Клибанов А.И.* Сектантство и строительство вооруженных сил Советской республики (1918-1921 гг.) // Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969. С. 199–200; *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* Указ. соч. С. 158–159.

[6] Речь И.М Трегубова на 2-м Пленуме международного крестьянского совета (Крестинтерна) в апреле 1920 г. // ГМИР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 102. Л. 4–5.

ской стачки, проповедовавшейся Трегубовым еще со времени Первой русской революции[1].

И все же было бы неправильно объяснять именно сопротивлением отказников нарастание антивоенных настроений в армии. В десятках тысяч выдержек писем с фронта, просмотренных цензурой, по всем фронтам русской армии насчитывается всего несколько случаев упоминаний личных настроений в духе отказничества. Но в этих делах не зарегистрированы случаи отказов в войсках и тем более влияние таких инцидентов на солдатскую массу[2]. Антимилитаристская деятельность отказников могла быть успешной только на волне антивоенных настроений солдат, что объяснялось целым комплексом причин социально-экономического, социокультурного, ментального порядка[3].

Революция 1917 г. предоставила новые возможности для деятельности отказников. После объявленной 17 марта 1917 г. амнистии лицам, пострадавшим по религиозным мотивам, власти захлестнул поток заявлений, в которых «свобода совести», «свобода религиозных убеждений» представала как свобода от любых общественных обязанностей, как типичный пример религиозно-нравственного анархизма. Новые власти, считавшие, что провозглашенные свободы будут способствовать патриотическим на-

---

[1] Согласно версии И.А. Гордеевой, именно под влиянием идей И.М. Трегубова священник Гапон организовал акцию 9 января 1905 г. См.: *Гордеева И.А.* Георгий Гапон, Иван Трегубов и идея всеобщей мирной стачки: к интеллектуальной истории политических проектов религиозной общественности // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается. Сборник статей. М.: РГГУ, 2005. С. 41–61.

[2] См. дела военно-цензурных отделений с докладами и выдержками из писем с фронта по Северному фронту: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1180–1185; по Западному фронту: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904; по Юго-Западному и Румынскому фронтам: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2933–2938, 3853, 3856, 3862, 3863, 3868.

[3] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 175–214; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 56–75; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М.: Институт Российской истории РАН, 2010. С. 3–8

строениям в продолжающейся войне, оказались в растерянности. Старая статья 127–1 Воинского устава о наказаниях продолжала действовать[1]. На местах большинству отказников, отпущенных из тюрем, было заявлено о необходимости явиться на военную службу. При этом военное начальство требовало разъяснения ситуации: оно не решалось предавать отказников суду и в то же время обвиняло их, что они «смущают» остальных солдат, «вносят беспорядок» в армию[2].

В этой ситуации активную деятельность развили толстовцы В.Г. Чертков и особенно К.С. Шохор-Троцкий. Уже в марте Шохор-Троцкий встретился с министром юстиции А.Ф. Керенским, договорившись о представлении правительству проекта закона об альтернативной службе. Шохор-Троцкий и Чертков посетили главного военного прокурора, генерала В.А. Апушкина, представив ему экземпляр соответствующего законопроекта. Получив указания об изменениях в проекте, они обязались в скором времени представить его новую версию в виде докладной записки в правительство[3]. Докладная записка содержала новации, не встречавшиеся даже в проекте А.И. Шингарева в Государственную думу. В записке предполагалось освобождение от военной службы лиц, отказывающихся служить в армии не только по религиозным, но и по нравственным мотивам. Сам отказ принимался как при поступлении в армию, так и во время нахождения в ней. Применение дисциплинарных мер к отказникам не допускалось. Отказникам предоставлялось право проходить службу в армии на нестроевых должностях. Для упорствующих в своем отказе назначалась экспертиза их религиозно-нравственных убеждений в особых Комитетах по распределению лиц, по совести не приемлющих военной службы. В случае прохождения экспертизы комитет направлял такого отказника для несения общественно-по-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 14–16об., 146–146об., 150; Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 10, 106; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 47, 73–76об., 12–13.

[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 2–8; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 5–8, 11–11об.

[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 52; ОР РГБ. Ф. 345. Картон. 41. Д. 13. Л. 62.

лезной службы (по помощи нуждающемуся населению, в лесных командах, работах по расчистке земель и т.п.). В 4-м пункте записки провозглашалось уважение к праву отказа от любой службы и возвращения «к трудовой деятельности». Следующие пункты записки предусматривали полное освобождение от службы в армии отказников, которые даже саму экспертизу в «комитетах по совести» считали неприемлемой. Правда, власти давали бы шанс таким людям испытать их анархические идеалы в местностях, где «слабое развитие государственности будет в большем соответствии с отрицанием такими лицами государственной формы, а условия жизни требуют приложения труда и силы духа», то есть на окраинах страны. В этом случае правительство обеспечивало бы таким лицам переезд и подъемные[1].

Такое видение свободы совести и убеждений со стороны радикалов-толстовцев оказалось серьезным испытанием для ряда деятелей Временного правительства, еще недавно стоявших на подобных позициях. Для разъяснения своих взглядов Шохор-Троцкий был приглашен в Главный штаб[2]. В результате всесторонних обсуждений с юристами Главного штаба и Главного военно-судебного управления (ГВСУ) был снят 4-й пункт записки, а ее основные положения были сведены к проекту Шингарева 1912 г. с добавлением экспертизы убеждений отказников в «комитетах по совести». Именно такой вариант докладной записки обсуждался в особом совещании, образованном при ГВСУ из представителей военного, морского и военно-судебного ведомств, профессуры и Министерства юстиции в заседании 8 мая 1917 г. Совещание хотя и отменило статью 127–1, однако не решилось принять весь законопроект, так же как и учреждение «комитетов по совести»[3]. Вопрос был передан для доклада Временному правительству, которое в своем заседании 28 мая отло-

[1] *Чертков В., Шохор-Троцкий К.* Докладная записка об отношении к отказывающимся по религиозным побуждениям от военной службы. М., 1917; РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 25–36, 44–50; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 59–67.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 125–125об.

[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 68–70; Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 17–19.

жило его рассмотрение до принятия общего закона о лицах, «по совести отказывающихся от участия в военной службе». Но одновременно правительство постановило предложить Военному ведомству воздержаться от привлечения отказников к ответственности. Циркуляр в этом же духе был разослан военным прокурорам всех военно-окружных судов[1]. Наконец, 15 июня Главный штаб издал приказ не увольнять из войск солдат, отказывающихся по своим религиозным убеждениям от несения военной службы, но при этом использовать их «в обстановке, исключающей ношение и употребление в дело оружия»[2]. На недоуменные вопросы с мест, продолжает ли действовать статья 127–1, ГВСУ разъясняло, что статья действует, но возбуждение дел по ней нежелательно – «как ввиду особых условий переживаемого момента, так и ввиду того обстоятельства, что статью эту в ближайшем будущем предположено изменить»[3].

Тем временем отказники, которых нельзя было ни изъять из армии, ни подвергнуть наказанию, продолжали вести откровенную агитацию, увеличивая число противников войны по убеждениям. На это указал 24 июня в своем письме Керенскому Верховный Главнокомандующий русской армией А.А. Брусилов, отказавшись приказом по армии ввести в действие постановление Главного штаба от 15 июня. Брусилов просил главу правительства о «самом тщательном и всестороннем» обсуждении вопроса[4]. Опираясь на решение Брусилова, МВД отмечало, что «хотя и необходимо обеспечивать, с одной стороны, полную свободу совести каждого гражданина в отношении исполнения им обязанностей по защите государства, однако надо вместе с этим противодействовать, с другой стороны, в интересах последнего антимилитаристическим течениям». Кроме того, в Главном штабе поставили под вопрос привилегии для отказников, утверждая, что закон должен быть для всех одинаков[5].

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 17; Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 83, 85–85об.
[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 41–41об.
[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1251. Л. 39–39об.
[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 48–48об.
[5] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 42–44об., 129–130об.

Нахлынувшие вскоре июльские события отодвинули саму возможность решения вопроса об альтернативной службе. Временное правительство затягивало решение этого вопроса, несмотря на настойчивые просьбы представителей отказников и военных властей на местах, оказавшихся перед неразрешимым противоречием[1]. Это противоречие заключалось в самом понимании деятелями революции 1917 г. безбрежной свободы в качестве главного стимула мобилизации общества в войне. Революционная же демократия, солдатско-матросская масса, вообще подавляющее большинство населения ценили только социально-политические преобразования, борьба за которые только начиналась, а мобилизация общества в мировой войне этому мешала. В целом деятелям революции 1917 г. не удалось решить проблему мобилизации общества на основе идеалов свободы совести и убеждений. Указанная проблема досталась в наследство большевикам, пытавшимся приспособить некоторые из идей анархо-пацифизма для дела строительства коммунизма[2], освободив членов некоторых религиозных групп от воинской службы[3]. В армиях же «белых» продолжалась линия использования православной идеологии для сплочения населения с оправданием насилия против «большевиков-безбожников»[4].

Таким образом, ни царскому правительству, опиравшемуся на консервативную идеологию и силовые методы,

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 183. Л. 65, 86–86об.; Ф. 801. Оп. 18. Д. 14. Л. 112–112об.

[2] См. рассуждения И.М. Трегубова о двух линиях в коммунизме, насильственной и ненасильственной, созидательной, использовавшей сектантов для строительства социализма, а также о всемирной «военной забастовке»: *Трегубов И.М.* Сектанты коммунисты // «Правда». 20 июля 1919 г. № 158 в кн.: Коммунисты и сектанты. М., 1919. С. 5; «Борьба с войной и с ее виновниками». Речь И.М Трегубова на 2-м Пленуме международного крестьянского совета (Крестинтерна) в апреле 1920 г. // ГМИР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 102. Л. 12.

[3] О феномене сотрудничества большевистских властей с сектантами-антимилитаристами см.: *Клибанов А.И.* Указ. соч.; *Эткинд А.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее: Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 275–319.

[4] *Свенцицкий В.* Указ. соч. Война и церковь. – Ростов-на-Дону, 1919. Однако в целом на территориях армий белых деятельность военного духовенства имела довольно скромные размеры: см. *Капков К.Г.* Указ. соч. С. 40–41.

ни Временному правительству, опиравшемуся на представления о силе «революционных» идей в вопросе о мобилизации общества, не удалось справиться с проблемой отказничества по религиозным соображениям.

Глава 4
Рождение солдата-гражданина

§1. Солдат и родной дом

Особенностью комбатанта, его каждодневных ощущений была нерасторжимость с тем, что было оставлено им внутри России: семья, дом, хозяйство. Цензура представляла это как связь фронта и тыла. Особенно это касалось благодарности фронта тылу за труд, которым обеспечивалось питание и снабжение армии. Фронт был постоянно озабочен поддержкой своей борьбы со стороны тыла, полагая, что тыл недостаточно много работает для победы. Солдатам был необходим вообще «дух свободный от забот, чтобы мы знали, что и внутри Государства есть лад и порядок», – вот типичное мышление русского комбатанта. Однако внутренние дела в России как раз не обеспечивали такого спокойствия. Это впервые ощущалось в весну 1916 г. Сам тыл являлся источником угнетенного настроения, что сообщило и фронту страх за общее неустройство в тылу. Все чаще солдаты заявляли, что весь смысл их борьбы – это обеспечение тыла, семьи, хозяйства, чтобы не было «разорения». Солдаты проявляли беспокойство, страшно боялись, чтобы «не произошло бы чего вредного для победы у вас там, в России». Для них обеспечение фронта вооружением было совершенно равно обеспечению семей, хозяйства предметами первой необходимости. Солдаты были готовы воевать и больше, «лишь бы только был порядок в России», подразумевая под этим социальное обеспечение своих семей и хозяйства. Впервые для победы армии стала необходимой выдержка тыла, чтобы «он стоял твердо, не поколебался, армия же свое дело сделает». Уже с лета 1916 г. в армии появились мрачные прогнозы о возможности выдержать до февраля 1917 г.[1]

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 246об., 135об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 271об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 125об.; Ф. 2067. Оп. 1.

С осени 1916 г. усталости фронта стали сопутствовать неурядицы в тылу, которые солдатам «отравляли чувство долга к родине». Все чаще подчеркивалось, что отношение бойцов к событиям, происходящим в тылу, «продолжает оставаться напряженным». С поздней осени 1916 г. события внутренней жизни России, включая и внутриполитическую ситуацию, стали непосредственно отзываться в армии, появилась напряженность, как писала цензура. На мышление солдат, озабоченных внутренним состоянием России, влияли и сообщения о трудностях, переживаемых противником, особенно Германией. И от своего тыла они требовали: выдержать, крепиться, бороться, нести тяготы и жертвы, не поднимать бучи в тылу армии, «оправдать свое назначение», и тогда «враг будет сломлен» и «Россия победит, выйдет обновленной и более сильной». Но одновременно именно из тыла ожидали бед, неудач, «чего-то печального для матушки России»[1].

Ситуация внутри России в начале 1917 г. порождала еще большее недовольство, «поселяла тревогу среди войск», «горе» среди солдат. «Страшно за будущее, страшно за идею и страшно за свою маленькую личную жизнь не так страшно было пуль и снарядов вражеских как этой разрухи, этой неуверенности завтрашним днем», – писал один из русских воинов, находясь под впечатлением февральских событий 1917 г., которые стали апогеем неустроенности тыла России[2].

Главным вопросом в письмах солдат-крестьян была дороговизна. Особенно резко эта тема была поднята с осени 1915 г. в связи с массовым призывом ратников ополчения 1 и 2 разрядов. Уже с октября 1915 г., по наблюдениям цензуры, стали широко распространяться «настроения не о войне». С этого же времени положение в деревне заняло главное внимание солдат-крестьян. В дальнейшем ухудшение экономического положения в России прямо отзывалось на настроении на фронте. Рост дороговизны

Д. 3856. Л. 84; Д. 2934. Л. 30об.; Д. 2935. Л. 173 об.–174; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 199; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285об.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 805; Д. 2937. Л. 414–414об., 399; Д. 3863. Л. 3, 212; 3863. Л. 53, 296–296об., 302, 41.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 240об., 406, 357, 463 об.–464.

зимой–весной 1915–1916 гг. вызывал беспокойство у 80% корреспондентов 7-й армии, огромное недовольство в запасных частях 6-й армии, состоявших сплошь из крестьян, у 70% солдат всего Юго-Западного фронта.

С начала весенних полевых работ резко усилилось недовольство дороговизной, что «особенно озабочивало... солдата»: об этом было до 60% писем из 12-й армии. Особенно сильно «вопросы дороговизны стали занимать внимание корреспондентов» в июле, «все сильнее и сильнее начинают внушать страх за будущее». По Юго-Западному фронту в это время заметно увеличивается количество писем о дороговизне, «толки о дороговизне ширятся и принимают значительные размеры». «Просто сумасшедшая дороговизна» – главная тема писем в это время и на Западном фронте. В августе уже «все внимание армии устремлено на дороговизну внутри России». Этому было посвящено почти каждое письмо из 8-й армии. В письмах солдат 1-й армии отмечаются постоянные жалобы на дороговизну и требования введения твердых цен. В августе–сентябре в 7-й армии жалобы на дороговизну являются уже всеобщими, а в 12-й армии – просто «вопль о все растущей страшной дороговизне» на товары первой необходимости. Еще чаще и острее тема дороговизны обсуждалась в солдатских письмах с началом осеннего социально-экономического кризиса в стране. Эта ситуация сохранялась до февраля 1917 г.[1]

Озабоченность дороговизной влияла на настроения солдат-крестьян. Военное начальство было встревожено «тыловым пессимизмом» солдат, вызванным возрастающей дороговизной при отсутствии решительных мер для борьбы с ней. «Жизнь фронта при таких условиях протекает нервно и в письмах чувствуется беспокойство и опасения за своих родных. Лица, побывавшие на родине, воочию убеждаются в том, что жизнь в тылу действительно тяжелая», – сообщалось в докладе по Особой армии. Особенно тревожными были сообщения о дороговизне из

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 9; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16об., 41 об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 31, 12об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 105; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 57, 117, 4, 123, 237; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 505; Д. 2935. Л. 39; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 150, 163об., 168об., 171об., 186об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 268об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 409, 430, 463, 481об.–482, 509об., 516, 274об.

городов. Беспокойство о дороговизне внутри России затронуло и строевых офицеров, особенно младших чинов, семьи которых из-за дороговизны поставлены в крайне тяжелые, неблагоприятные условия жизни. Росла тревога по поводу дороговизны и среди малодостаточных семей, особенно городских служащих, чиновников, семей военных, мещан, которые жаловались на все более тяжелые условия жизни и «жаждали скорейшего окончания войны». «Дороговизна жизни в тылу и оттого беспокойные взгляды назад, на свои семьи» отмечались в отчете цензуры по Юго-Западному фронту. Озабоченность дороговизной была одной из причин «настроений не о войне» или прямо мирных настроений. Военное руководство, в свою очередь, понимало, что дороговизна «весьма дурно отзывается на настроении всех чинов армии и оградиться от них цензурой нельзя». Дороговизна внутри страны озлобляет население, подчеркивалось в докладе Особой армии. К концу 1916 г. письма из городов были заполнены жалобами на дороговизну в городах, на многочасовое стояние в очередях («хвостах») и т.п.[1]

«Страшные картины» повсеместной дороговизны в тылу приносили в армию приезжавшие из отпусков: «Выходит, что там у вас нет хлеба, сахару, угля, дров, керосину, обуви. Да, картина безотрадная; так что и ехать к вам становится страшно», – писали солдаты на родину[2]. В связи с этим 26 февраля 1916 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев направил председателю Совета Министров Б.В. Штюрмеру письмо, в котором обращал внимание на то, что письма в армию о дороговизне отражаются на настроении армии. 16 мая письмо Штюрмеру о недовольстве в армии дороговизной направил главком армий Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин[3].

В армии в связи с дороговизной стали живо интересоваться вопросом цен, вообще мерами правительства вну-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 203, 209; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 336об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 223, 12об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 438; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484об., 516, 123об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 263; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 202об., 203.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 203.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 58–59; Д. 1184. Л. 131.

три России. Вскоре солдаты включились в обсуждение думских заседаний, на которых живо обсуждались вопросы дороговизны, мира, эффективности деятельности правительства. Для солдат тревога за близких и хозяйство стали неотделимыми от вопросов экономики и политики внутри страны. Именно таким образом – через интересы своего хозяйства, проблемы дороговизны – солдаты быстро приобщались к политике. В связи с этим сильно возрос интерес к деятельности законодательных учреждений – Государственной думы и Государственного совета, и особенно к их левым представителям[1].

Прежде всего, солдаты ощущали проблемы тыла через дороговизну, распространявшуюся на всю хозяйственную зону, включая и фронт. При этом фронтовая зона была подвержена даже большей дороговизне, так как здесь концентрировались большие ценности: реквизированные и добытые мародерством товары и продукты, деньги от пленных, деньги от различных закупочных государственных, армейских, общественных и частных организаций, продаваемое имущество беженцев и большой спрос именно с их стороны на продукты питания. Все эти ценности оказывали особое давление на рынок предметов первой необходимости, но особенно на рынок продовольственных товаров. Страдали от этого, однако, наиболее незащищенные армейские группы – прежде всего солдаты пехоты и рабочие роты. Дороговизна на фронте увеличивалась по мере усиления дороговизны внутри России. Уже зимой 1916 г. появилось громадное количество жалоб на дороговизну на фронте. К весне 1916 г. дороговизна возросла еще больше, «на всем цены утроились», – сообщали в письмах солдаты. Приблизительно с этого времени дороговизна стала «угнетать» одновременно и тыл, и фронт. Дороговизна стала сопровождаться практически полным отсутствием продуктов. К лету в некоторых частях стало доходить до отсутствия хлеба. Солдаты 3-й Кавказской инженерно-строительной дружины жаловались, что на 52 копейки в день не могут прожить – по сравнению с тем, как это можно было сделать дома. В письмах летом 1916 г.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 209; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335, 336об., 356.

так писали о недостатке хлеба: «Голодуем так, что едва ходим», «наши деньги ходят на половину» и т.п. Особенно страдали части в Галиции, Персии и других удаленных от России районов. Везде сообщали о задержке интендантского продовольственного обеспечения, так что получалось: «У кого деньги есть, тот сыт будет, а остальные как хотят»[1].

С осени проблема дороговизны на предметы первой необходимости стояла на первом месте. Все чаще солдатам приходилось питаться на собственные деньги, которых было слишком мало. Те солдаты, которые пытались каким-либо образом добыть деньги на войне, тратили их на себя же и ничего не могли выслать домой. Все чаще солдаты сравнивали свое тяжелое продовольственное положение с положением голодающего местного населения и поэтому проявляли особенную заботу о своих родных, терпевших такую же нужду[2].

Большое внимание к проблеме дороговизны внутри России было привлечено обострением этой проблемы на самом фронте. В сводках цензуры особенно подчеркивали дороговизну в столицах, по сравнению с провинцией. Дороговизной были озабочены и многие офицеры, в основном семейные. С весны 1916 г. рост цен вызывал уже поголовное недовольство. Здесь соединились и всеобщая озабоченность ценами на продукты, на предметы первой необходимости всех групп военных, семьи которых были из непроизводящих областей России, страдавших от роста цен, но также и всеобщая тревога за рост цен на наемных работников в сельском хозяйстве, что затрагивало интересы вообще всех солдат-крестьян. Даже в «патриотических» письмах, выражавших готовность к будущим жертвам, отмечался «гнет дороговизны жизни и раздражение». Важной причиной тревоги солдат были нараставшие жалобы членов их семей на фронт, где они искали защиту. Особенную тревогу выражали жители столичных регионов, в то время как, например, в Уральском и Донском ре-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26–29, 111; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 42, 37, 43, 119, 167; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 256, 263об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 692; Д. 3863. Л. 281, 92об., 354; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 345об.

гионах царило спокойствие. И все же проблема дороговизны не представлялась солдатам очень уж угрожающей, поскольку пока она касалась только тыла. Весной начались жалобы и на реквизиции скота. С весны 1916 г. появились сообщения, что дороговизна в тылу и на фронте угнетает всех, возник «общий ропот» на все возрастающую дороговизну. Особенно страдали районы непроизводящих областей, не говоря уже про столицы. Сообщения о «страшной дороговизне» все чаще сопровождались упоминаниями об отсутствии продуктов питания вообще, о «голоде большом». Весной 1916 г. солдаты еще не делали совсем уж мрачных выводов из обострявшейся дороговизны внутри России, списывая ее на злостный умысел части населения или на неспособность государства справиться с делом снабжения. Однако уже в это время появилась боязнь: «не произошло бы чего-нибудь вредного для победы у вас там, в России», «только не явились бы мясоедовы да сухомлиновы». Цензура сообщала, что дороговизна жизни в тылу производит тяжелое впечатление на чинов армии[1].

По мере роста дороговизны члены семей солдат стали чаще обращаться к фронтовикам с просьбой защитить их от «христопродавцев», «мародеров». Именно из России ставился вопрос о внутренней войне против «немецких ставленников» в лице русских купцов-мародеров, которые ведут «свою бескровную войну со всеми теми, чьи дети и родные проливают кровь за святую родину». Начавшееся Брусиловское наступление временно отодвинуло тревогу за трудное положение близких внутри России, хотя «беспокойство» по этому поводу продолжало сохраняться все лето 1916 г. Считалось, что известия с фронта облегчали страдания в России. Причем число таких писем с фронта постоянно увеличивалось. Успехи же русской армии летом 1916 г. давали в тылу повод надеяться, что после разгрома немцев «царь должен приняться за купцов» и других «мародеров тыла». В то же время к концу лета 1916 г. сама по себе дороговизна нарастала, что было связано также и с

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 3, 16–17, 23, 60об., 26–29, 39–39об., 41об., 47, 52об., 69, 74об., 100, 103, 102об.–103, 88, 113, 128, 157, 157об., 171, 174. 189об. 190, 904, 180; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 30об. 45об.

дороговизной на наемных работников. Уже в июле таких писем о повсеместной дороговизне, о «безвыходном положении» было получено на фронте чрезвычайно много. Подобные заключения стали появляться уже в докладах и отчетах по целым армиям и округам. Вопрос о влиянии дороговизны на армию затронул и высшее военное руководство. Начальник штаба Ставки М.В. Алексеев в своем письме в Военное министерство 30 августа 1916 г. констатировал, что этой проблемой обеспокоен в армии каждый чин, «оставивший на родине недостаточную и необеспеченную семью. Настроение для войны – неподходящее». Алексеев требовал в связи с этим от министра принятия «мер смелых, решительных и широко построенных»[1].

С августа 1916 г. все чаще вопрос о борьбе с дороговизной стал переводиться в плоскость прямой войны с домашними мародерами, «сахарными подлецами». В этой новой предполагавшейся войне помощь населению внутри России и должны были оказать солдаты. Теперь именно в этом должна была сказаться защита населения, борьба с подлинными врагами, требующая мужества и героизма. И это была война настоящая, с очевидным противником, она несла непосредственную пользу. Все чаще стали появляться призывы к расправе над богатыми. Именно фронтовики стали проектировать конкретное уничтожение внутренних врагов: «спекулянтов, купцов и прочих, забывших родину и действующих в руку врагов». От фронтовиков члены их семей ждали конкретной помощи хотя бы теми же предметами первой необходимости, так как полагали, что солдаты лучше обеспечены сахаром, чаем, мукой, мылом и т.п. – нередко благодаря деятельности Всероссийских союзов Земств и Городов. Солдаты часто посылали своим семьям продуктовые посылки, например, сахар[2].

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 203об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 281–281об., 197; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 206, 219об., 222; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 133; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 223; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 43–44; Д. 2934. Л. 413, 444; Д. 2935. Л. 41; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 228об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 28об.; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929. Л. 52–53.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 254; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 162, 306, 362–362об., 382, 591, 684, 756; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 257об.,

Какие же категории военных затрагивала дороговизна? Прежде всего она касалась всех солдат-крестьян, как богатых, так и бедных, страдавших от потери рабочих рук и из-за дороговизны наемных работников. Именно нехватка и дороговизна рабочих рук приводила к необходимости отпусков солдат, чтобы помочь убрать урожай (особенно осенью 1916 г.). Семьи всех солдат страдали не только из-за дороговизны на продукты вообще, но и из-за повышения производителями цен именно на продукты первой необходимости: керосин, соль, спички, сахар, а также на «мануфактуру», которую, в отличие от продовольствия, вообще было трудно достать – это был товар, чаще скрываемый с целью спекуляции. Особенно страдали те семьи, в которых не было работников, способных поддерживать хозяйство, и они надеялись только на пайки. Естественно, страдали семьи, живущие в непроизводящих районах, то есть в центральных и северных промышленных областях, включая столицы. Огромную нужду терпели офицеры, семьи которых жили исключительно на их жалованье, а также семьи из «интеллигентных классов». Вообще, все общество, все категории населения страдали от отсутствия регулирующих мер, применявшихся практически во всех воевавших странах. Об этом знали и писали в своих письмах солдаты, сравнивая порядки в социальной сфере в России и в Германии. Не надо забывать и интересы производящих областей, где многие семьи солдат-крестьян, вполне обеспеченных, как раз имели достаток и, в сущности, наживались на спекуляции, но были недовольны различными мерами правительства: реквизициями, борьбой со спекуляцией. Эти вопросы часто обсуждались в письмах таких зажиточных солдат[1]. Не надо забывать недовольство солдат полицией – именно потому, что она первая пыталась противодействовать спекуляции, которой занимались в основном женщины, часто те же солдатки. Мало того, в некоторых городах между солдатами-спекулянтами и их

260, 756; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 631об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 282, 287.

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296, 282, 296об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 399; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 209об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 632, 769об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 291; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 271, 582.

агентами-женщинами образовался негласный союз: солдаты добывали продукты, которыми женщины спекулировали.

С октября проблема дороговизны внутри страны стала самой обсуждаемой в армии, практически в каждом письме. Никакие денежные посылки из армии не могли исправить «омерзительное» положение в тылу с продовольствием. «Разврат», «гадость» – такими словами называли положение внутри России авторы писем в армию. Все чаще стали винить в этом саму войну, «проклятую бойню». С этого времени солдаты стали интересоваться и «забастовками» в столицах по поводу дороговизны. В армии стало нарастать озлобление против лиц, занимающихся спекуляцией, и властей, их не сдерживающих. Порою долг перед родиной представал теперь у солдат в виде оказания помощи «народной массе в борьбе со спекуляцией на все необходимое в жизни». Вал писем из тыла с жалобами на дороговизну был настолько мощным, что начальство ставило вопрос о запрещении выдавать такие письма солдатам. Но тогда это означало бы невыдачу трех четвертей писем; «неустройство тыла» порождало злобу среди солдат, которые воочию видели повышение цен от станции к станции на пути следования воинских эшелонов. Только в ноябре волна недовольства в армии дороговизной внутри страны несколько ослабла, однако это было следствием желания солдат вообще прекратить войну и заключить мир – как источник прекращения «неустройства тыла». То есть, по существу, вопрос о дороговизне жизни в тылу стал частью общего политического устройства. Но в целом, как отмечала цензура, «вопросы дороговизны и отпусков с неослабевающей силой беспокоят армию», принимая форму советов, проектов и способов, при помощи которых «многочисленные авторы предлагают излечить нашу матушку Русь от этой болезни, принимающей, по-видимому, форму хронической», – делали заключение более вдумчивые цензоры. В целом цензура отмечала продолжение пагубного влияния дороговизны внутри России на армию. «Заботы о близких отрицательно действуют», – говорилось в отчете по Юго-Западному фронту. В последние месяцы перед

революцией письма в армию были полны жалобами на «чудовищную дороговизну», в них сквозили усталость, апатия, недовольство «правящими сферами», желание скорейшего заключения мира как радикальной меры. В письмах из России писали о повсеместной дороговизне, «продовольственной разрухе», вообще о «внутренней неразберихе». В тыловых письмах в армию подчеркивалась необходимость после войны радикально решить проблемы социального устройства, как это было сделано в Англии и Франции, где вовремя сумели предупредить продовольственный кризис. Постоянно упоминалось в этих письмах о многочисленных беспорядках на продовольственной почве[1].

Главное значение проблемы дороговизны, неустройства тыла заключалось в том, что она полностью заменила собой собственно вопросы войны. «...Больше нас интересует теперь не война, так как она уже надоела, а наша внутренняя жизнь...», – писали солдаты, видя главную задачу в борьбе с «внутренним врагом». Если раньше солдаты обычно жаловались домашним на трудности жизни, то теперь, в сущности впервые за войну, осенью 1916 года, именно письма на фронт стали источником пессимизма и тревоги, все больше охватывавших всю армию. «Теперь, оказывается, всем солоно живется», – делали мрачный вывод солдаты. Это стало главной причиной, почему «армия начала внимательнее относиться к внутренним делам России». Последним болезненным актом, рассматривающимся как прямое посягательство на хозяйства солдат, стала продовольственная разверстка, начавшаяся зимой 1916–1917 гг.. Эти сообщения совпали с резким кризисом продовольственного снабжения ряда областей, включая столичные регионы, в необычайно снежную зиму 1917 г. Надо полагать, что эти события объединили всю армию в

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 805об., 808–808об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299об., 309; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 882; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 312; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 878об., 808об., 878об.–879, 925; Д. 2937. Л. 45, 61, 10, 109об., 375; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 323, 318об., 335, 336, 388об., 399; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 1об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 360; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2, 243, 341; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 360об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 89.

особом интересе к слухам о бунтах, прежде всего в городах. Представления о «конце света» в результате дороговизны, таким образом, лишь усугубили и без того «тяжелую настроенность» фронта, желавшего только конца войны и наступления мира: «Обидно воевать, когда внутри масса измен и произволов»[1].

Величайшим несчастьем для солдата-крестьянина был разрыв с семьей, домом. Собственно военную службу солдат проходил как некое поручение, долг перед родными, посылавшими его послужить царю, о чем по приходе домой солдат должен отдать отчет. Отрыв от семьи осознавался как отрыв от всего: от жены, от избы, от родителей. Солдат полагал, что и противник точно так же страдает, ничем не отличается. Собственно, смысл войны заключался даже не в смерти, которой еще можно было бы избежать, а в отрыве от семьи и родных. Земля, ландшафт, фауна («пташки вольные»), семья, родные, родители прежде всего – вот чего лишался солдат, уезжая на фронт. Именно в этой последовательности – через ландшафт, землю – он стремится всегда вернуться домой, полагая, что «пропали наши головы...За лугами за болотами...» Окопы же воспринимаются как свидетельство «отрезанности» от прошлого, привычного ландшафта. Окопы навещают только «медны коршуны», «псы железные». От этого «стонет пахарь, плачет лапотник», призывает «птаху вольную» лететь «во родиму милу сторону», чтобы «шепнуть» «старой матушке» о страданиях сына на «царском попеченьице». Немногочисленный фольклорный материал указывает на то, как «грызла ... сперва тоска по дому», как хотя и забываться стал дом, но все же продолжал являться в снах. От родителей солдат ждет, что они дадут ему волю и не дадут в обиду[2].

Совершенно очевидно, что и само понятие «родина» у солдата-крестьянина – это ландшафт, фауна, семья. То же суждение и в письмах: «Родина – это дом и близкие,

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 150–150об., 203об., 196об. 259об., 199об., 288об., 369, 262.

[2] *Симаков В.И.* Прапорщик. М., 1916. С. 9; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 61–62, 69, 70; *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 259; 1928. Том 1. С. 134–135; 1927. Т. 2. С. 79.

а не учебник Иловайского». Естественно, и переживается война как разрыв с тем, что привычно, прежде всего с «любимыми», что ощущается в каждой деревне. Солдата «Германия оставила без Шурочки». Виной иногда представляется не собственно война, а противник – «турки-азиаты», из-за которых, «из-за подлецов», «идем от маток и отцов». В войне «много горя, много слез / Наделал нам немецкий пес», именно и прежде всего тем, что «от отцов, от матерей – угнал бравых сыновей». По их вине солдатики уже «не люди»: их «и девочки не любят», «гонят с немцем воевать, /Отец с маткой гореват». Иногда в понятие семьи включаются и дети, которым следует также сказать «про муку про нашу»[1].

По мере затягивания военных действия тоска по дому нарастала, о чем говорили солдаты еще в августе 1915 г. Волна беженцев произвела тягостное впечатление на армию, усилив желание увидеть своих. В письмах поголовно пишут о семейных делах, отмечала цензура осенью 1915 г. Скука начала восприниматься именно как тоска по родным, по семье. И главной темой писем были родные, жена, хозяйство. В целом письма с тоской по семье и родным выражали одновременно и проявление заботы о хозяйстве, семейных неурядицах, дороговизне. И распространялись они с той же последовательностью: в основном ближе к осени 1916 г.[2]

Письма из дома были проникнуты заботами о близких, постоянными ласковыми напутствиями и благословениями с посылками крестиков и иконочек в картинках, а также особой сердечностью и предупредительностью в отношении фронтовиков. Большое место в письмах занимали выражения жалости к «несчастным невольникам, которых гонят до врага, зверя кровожадного, под пули и снаряды». Одна из главных тем таких писем – любовные дела. И вообще, семейные дела – как большой крестьянской, так

---

[1] *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 96; М., 1990. С. 11; Царская армия... С. 25; *Симаков. В.И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, казаков, рекрутчину, любовные и т.п. Пг., 1915. С. 8, 13; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 2. Л., 1927. С. 33.

[2] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 248; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 12а; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 79, 105, 100.

и малой семьи с проблемами, как писали цензоры, «семейно-хозяйственного характера». Скука в деревне, отсутствие молодежи были, с другой стороны, основными предметами писем в армию. С точки зрения солдат, такая обстановка в деревне и означала ее «гибель», «разорение», что дополнялось, как полагали солдаты, и разорением самого крестьянского хозяйства. Война в этом случае казалась бессмысленной, а служба – без пользы. Особенно жалобы на солдатское житье, с одной стороны, и на тягости деревенской жизни – с другой, учащались во время праздников, вызывая новые вопросы о конце войны и мире, когда, по мнению авторов таких писем, вся жизнь довоенная будет восстановлена полностью[1].

Крайне тревожил солдат еще один вопрос. Он касался «разложения семейных устоев». Прежде всего речь шла о кризисе малой семьи, встроенной в семью большую. Солдаты упрекали жен в изменах с пленными австрийцами, действительно часто занимавшими место солдат в качестве рабочей силы[2]. В письмах глухо писали и о домашних ссорах, когда «две бабы и не могут жить в ладу»[3]. Здесь речь шла скорее о кризисе патриархальной семьи, так как основной кормилицей становилась супруга фронтовика, получавшая за него паек и часто еще работавшая в хозяйстве или на приработках. По старым понятиям, такая сноха должна была все деньги передавать главе патриархальной семьи, то есть родителям мужа. Однако во время войны ее статус резко вырос, что и приводило к конфликтам между женщинами, представлявшими разные части большой патриархальной семьи.

Когда говорят о ностальгии на войне, то речь заходит о тоске именно по родине. Для русского солдата эта ностальгия неразрывно объединяла тоску по дому, по всей патриархальной семье и, естественно, хозяйству, то есть по всему тому, что объединяло эту семью, и в том числе его личную, малую семью – жену и детей. Есть определен-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 203, 246об.; Д. 905. Л. 28; Д. 904. Л. 282, 287; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 744; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299, 345об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 190, 224; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 356.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 110.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 289об.

ная цикличность в обострении такой ностальгии. Опыт ее переживания испытывали крестьяне во время отходничества, и цикл ее включал годовое отсутствие из дома, что определялось годовым сроком паспорта, а также годовым циклом рождения ребенка у женатого мужчины и восстановления семейных отношений после перерыва, вызванного рождением ребенка. Если по каким-либо причинам крестьянин-отходник не мог вовремя вернуться домой, то он либо заводил в городе «добавочную семью», или у него начиналась «тоска по дому». Подобная тоска начала проявляться у солдат уже с зимы 1916 г. Цензура отмечала, что «тоска по родине иногда берет верх». Главными темами писем становились вопросы о жизни, семье и заботы о ней, о поведении жен и родных, о домашних делах, об отпусках и т.п. Эта тоска особенно остро развивалась на фоне вынужденного безделья, в ожидании наступления и т.п., и уже зимой 1916 г. сопровождалась желанием скорейшего мира, означавшего, прежде всего, возврат на родину. Но особенно «тоска и отчаяние» стали захватывать массу солдат именно осенью 1916 г., после года пребывания вне дома крестьян-фронтовиков, в основной своей массе взятых на фронт именно осенью 1915 года. Письма этого времени полны выражения крайнего отчаяния, особенно остро переживавшегося в период, когда обычно заканчиваются сельскохозяйственные работы, то есть вообще заканчивается цикл семейной жизни, обычно начинавшийся именно осенью. Ситуация обострялась еще больше в связи с отсутствием отпусков. Запрет на отпуска представлялся солдатам в виде действия «какой-то враждебной к ним власти», которая «закрыла этот светлый луч надежды». И еще сильнее становилась вражда к офицерам, которые, по мнению солдат, сидят в тылу, «когда с ними в вагонах живут и жены, и родственницы и они наслаждаются прелестями супружеской жизни». Стоит ли говорить о тоске солдат, старых фронтовиков, по три года не видавших родных: «жить такой жизнью очень тяжело, изнервничались, измучились, истосковались, когда же все таки конец», – спрашивали старые фронтовики. В письмах в подавляющем большинстве говорилось о тоске именно по дому и

родным, а не о страхе перед смертью. Наоборот, встреча с родными давала силу легче встретить страдания и даже смерть. В этой ситуации, когда невыносимо обострялось желание увидеть «дорогую жену и дорогого сыночка», уже не важна была собственно цена: победа, поражение, мир, ранение... Солдату война казалась тюрьмой, неволей, в то время как семья, дом ассоциировались с «волей». «Сидим мы в окопах и смерть у нас на носу а мысль находится дома и голова гуляет по деревне», – писал солдат[1].

С наступлением осенних дождей скука в окопах и тоска по семье еще более усиливались. Цензура неизменно констатировала тяжелое, подавленное настроение солдат в связи с желанием повидать семью, не связывая, однако, это с нежеланием воевать вообще. Цензура объясняла такое настроение исключительно погодой, а также упорным сопротивлением противника, большими понесенными потерями. В письмах этого времени, как правило подлежавших уничтожению, высказывалось крайнее страдание: «Я страдаю здесь очень тяжко переносить за что я здесь страдаю так горько, а мои дети остаются несчастны, если моей смерти, то дети мои старцы и жена а я сижу под снарядами, а конца нет». Страдание за погибших или искалеченных товарищей, за семью, думы о доме – постоянный рефрен писем. Солдату казалось, что и «на душе окопы». «Жизнь разлучная» не давала никакой радости, никакого веселья: «На что мне жить, на что мне дорожить жизнью дучше идти к германцу и голову положить», – жаловался солдат-окопник.

Надоело солдату все, что не напоминало дом: и «скитальческая жизнь», и позиция, столь отличавшаяся от дома. Жизнь казалась грустной и туманной:

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь, –

чуть ли не самый популярный романс у солдат. Отрыв от семьи, неосуществимость желания ее увидеть, возмож-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 78об., 113, 124об., 125; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 183об.–184, 303, 374, 183, 303об., 279, 614.

но перед гибелью, означал для солдата одно – «ложить голову не знаю за кого и за что». «Все надоело», «скука», «тоска по дому, хозяйству» – продолжали оставаться основными темами солдатских писем и зимой 1916–1917 гг.[1]

Как и на всех фронтах Мировой войны, солдат возмущали «окопавшиеся», то есть избегнувшие по тем или иным причинам попадания на фронт. Возмущались фронтовики тем, что видели в ближнем тылу, который, по их мнению, был заполнен «людьми протекции», людьми корыстными и непорядочными, зачастую преследующими цели уклонения от войны и личной наживы. Солдаты резко осуждали тех, кто уклонялся от выполнения своего долга, устраиваясь на должности, приносящие освобождение от воинской повинности. Вызывало ярость, что это было доступно прежде всего богатым, которые поступали за деньги на всевозможные заводы военно-промышленного назначения, пристраивались к делу по снабжению армий, поступали во всевозможные организации по обслуживанию армии, в санитарные, инженерно-строительные, питательные отряды, попросту откупались и пристраивались к тыловой жизни. Особенно возмущало при этом еще и обогащение таких лиц, вообще всего тыла. Прежде всего это касалось лиц, обслуживавших армию. Отмечали вообще их «хроническую склонность» к корыстной наживе, цитировали их циничные заявления о том, «что только дурак не наживается при войне»[2].

Что касается воровства, то солдаты свидетельствовали о его обыденности, когда украсть какие-нибудь сельскохозяйственные детали могли любые люди, даже ближайшие соседи: «какое воровство идет, так просто чудо». Солдаты, возвращавшиеся из отпусков, говорили о «пляске воровства и прочих бесчинствах» в тылу, о «нравственном провале» всех, включая всех деятелей, и присяжных, и идейных, о потере человечности, «зверстве». Иногда появлялось желание, чтобы те, кто «внутри кладут в карман», «полежали целую ночь на снегу перед германскими окопами, то они бы

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 257, 314–315, 431–432об., 402об.; Д. 3863. Л. 22; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335, 354; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 163, 263, 263об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9–12, 26–29.

были совсем другие». Впрочем, встречались и требования к начальству, чтобы обратили внимание на эту «сплошную язву», где «развратничают, пьянствуют при беззаботности и бездеятельности, и наживают», и устранили эту «оскорбительную несправедливость и беззаконие», в то время как «мы здесь в окопах страдаем». Еще больше возмущало солдат отношение тыла к калекам, ехавшим на родину без гроша в кармане и без куска хлеба, без всякой жалости и уважения к этим несчастным героям, которые отдали всю свою силу и даже жизнь за благо родины. Возмущало солдат сплошное «веселье» «вольной публики», заполненность увеселительных мест, скупка в магазинах дорогих товаров, что после окопов казалось «жутким». Жизнь в тылу вообще представлялась фронтовикам сплошным «развлечением», «блаженством», которого лишены фронтовики: «здесь всегда грохот орудий и жизнь человеческая на волоске». «Вы обшиты и обмыты, у вас праздник с каждым днем», – с укором к тылу писали солдаты и, возможно, пели в песнях. Разница в положении между фронтом и тылом казалась особенно невыносимой в праздники[1].

Забота о крестьянском хозяйстве занимала большое место в письмах с фронта домой. Солдат, в сущности, воспринимал свое пребывание на фронте как временное явление, а сам себя – как глава семьи, находящийся в отлучке. Солдаты пытались наставлять жен, родственников в правильном ведении хозяйства, чтобы заводили специальные книги, куда следовало записывать расходы, плату за наем работников и т.п.[2] Весной главной темой писем были вопросы о продаже коровы, о семенах под будущий урожай[3], а осенью – об урожае, уборке хлебов и сена, продаже или приобретении скота и т.п.[4]. Сами солдаты выражали сильное желание помочь по дому, ведь «время идет горячее и когда вздумаешь про домашнее, то аж слезы из глаз сами катятся, а так как жаль,что время хорошее, да работать некому»[5]. Интерес к крестьянскому хозяйству по-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 61; Д. 2937. Л. 308; Д. 2935. Л. 291; Д. 3863. Л. 27, 293об.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 190.
[3] *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 11.
[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262.
[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 296.

догревался сообщениями о его выгодности во время усиливавшейся дороговизны, спроса на продукты питания, когда «деревня богатеет»[1]. Обостряли хозяйственные заботы у солдат-крестьян и наблюдения за разваливавшимся хозяйством таких же крестьян в Румынии, Галиции и на других занятых территориях[2].

Несмотря на благоприятные хозяйственные дела в деревне, солдаты все же говорили все чаще о «разорении деревни». Еще в августе 1915 г. некоторые из них говорили, что «дома все упустилось. Ежели еще год – все упадет»[3]. Однако в основном это касалось тоски по деревне, по родным[4].

Деревня постоянно держала солдат-фронтовиков в курсе сельскохозяйственных работ. Фронтовики же пытались руководить этими работами, советовали весной 1916 г. безбоязненно приступить к полевым работам, так как немцы уже не в состоянии будут наступать, даже наоборот – могут начать отступать. Деревня же, со своей стороны, рапортовала, что справилась с полевыми работами, несмотря на то, что работы выполнялись в основном женщинами. Деревня благодарила за помощь в работах приезжавших в отпуск солдат, а также общественные организации, земства. В целом деревня была довольна хорошим урожаем за некоторым исключением в ряде приволжских губерний[5].

С тревогой солдаты следили за хорошим урожаем, опасаясь новых мобилизаций, окончательно лишавших хозяйства работников. Успехи в сельском хозяйстве еще больше обостряли желание солдат самим в нем участвовать[6].

Боязнь утери, разорения своего хозяйства у солдат-крестьян особенно обострилась с объявлением в декабре 1916 г. продовольственной разверстки. Среди солдат стали распространяться слухи, что в Калужской и Тульской губерниях отбирают хлеб по 6 пудов с десятины: «Так что

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 293.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 293.
[3] *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 248.
[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 345об.
[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 160, 222об., 171об., 180; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 209об.
[6] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 247; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 482.

жизнь стала совсем не сладка», –заключали солдаты. Из Полтавской губернии в армию приходили сообщения, что казна хочет забрать весь остальной хлеб, который есть к продаже, оставляя на год 24 пуда на взрослого и 15 на малого. Опасаясь реквизиции, солдаты советовали «не давать ни одного фунта», прятать хлеб, зарыть в землю, но весь хлеб в казну не отдавать. В сущности, с фронта шли подстрекательства – сопротивляться продразверстке, требовать, чтобы за хлеб казна давала не меньше 7 рублей за пуд. Такие письма цензура передавала военному начальству для объяснения корреспондентам, что советы не давать хлеба казне и назначать очень высокую цену «есть поступок противогосударственный». Однако продолжавшаяся разверстка только усиливала слухи в армии, в частности – об отъеме денег путем «штемпелевания денег». В этом случае солдаты советовали забирать деньги из кассы домой и «не давать штемпелевать»[1].

Разорение деревни было для солдат главной бедой: обрабатывать некому и помочь тоже некому. Сами мобилизации да «ликвидации» рассматривались как стремление «обобрать нас с ног до головы». Солдат, посетивших во время отпусков деревню, поражали «у всех безнадежно-унылые лица», серая тоска в деревне, отсутствие сильных, здоровых молодых мужиков[2].

Жаловались солдаты и на неудовлетворенность семей пайковым довольствием, а также на задержку или неаккуратную выплату пайков[3].

§2. Гендерные основания морального кризиса русской армии

В военно-исторической антропологии гендерный аспект крайне редко затрагивается. Сексуальное поведение российского комбатанта, являющееся частью гендерных отношений, рассматривается только при характери-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 167об., 293, 267об., 357об., 293.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 84; Д. 2937. Л. 282; Д. 3863. Л. 398–398об.
[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111, 136, 283.

стике фронтовой морали, прежде всего женщин[1]. Вопрос же о влиянии сексуального опыта на поведение солдата на фронте и после войны не ставится, а повествование о сексуальной революции в России, ставшей частью социальной революции 1917 года, начинается сразу с описания «любви пчел трудовых»[2]. Не ставится и вопрос об особенностях такого поведения по сравнению с поведением российского комбатанта в других войнах. Впрочем, в литературе на этот счет существует мнение, что доминирующие психологические характеристики, проявляющиеся во фронтовом быту, универсальны вне зависимости от смены эпох, стран, народов и армий[3]. В западной историографии проблема сексуального поведения мужчин и женщин во время войны и на войне рассматривается сквозь призму характера современной войны. Война освобождает чувства от статусной иерархии семейной жизни, канализирует или блокирует сексуальную энергию во время наступления или обороны, превращает ее в перверсии, психические болезни и т.д.[4] Особенности сексуального поведения да и вообще психологического состояния русского солдата в Первую мировую войну в западной историографии не исследуются.

Целью данной главы является выяснение влияния сексуального опыта, полученного в Первой мировой войне, на социальное поведение русского солдата во время войны (то есть собственно в качестве комбатанта) и после нее (в качестве гражданина, прошедшего войну). Источниками послужили выдержки из писем солдат, отложившиеся в материалах военно-цензурных отделений (ВЦО) штабов

---

[1] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 160–170; *Сенявская Е.С.* 1941–1945: фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 100–102, 184, 186–188, 194–196; *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 93–94.

[2] *Райх В.* Сексуальная революция. СПб.; М., 1997. С. 210–219; *Waters E.* Family, Marriage and Relations Between the Sexes // Critical companion to the Russian Revolution 1914–1921. L.; Sydney; Auckland, 1997. P. 359–369.

[3] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 99–100.

[4] *Leed Eric.* No Man's Land: Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 45, 114, 156–161.

фронтов и армий, переписка военных властей на фронте, материалы фольклора, данные женских, медицинских, общественно-политических журналов того времени, послевоенных обследований и литературы, касающейся быта и гигиены населения.

Автор исходит в своем исследовании из представлений о Первой мировой войне как войне нового, главным образом технического, индустриального типа. Для последнего характерны: анонимность контрагентов производства (в данном случае – ратного труда); отчуждение людей от продуктов своего труда; отделение производственных функций от семейных, каковые главенствуют в крестьянском и вообще мелкотоварном производстве; возникновение запроса на интимные, дружеские и т.п. «человеческие» отношения, в рамках которых происходит самореализация человека индустриального, современного общества[1].

В историко-антропологическом подходе необходимо учитывать временное пребывание на современной, тотальной войне человека, имеющего свой довоенный социальный опыт и находящегося в процессе решения социальных проблем. Военный опыт индустриальной войны в России приобрели, по разным оценкам, от 15 до 20 млн мужчин (из 26 млн мужчин призывного возраста) – то есть самая активная, деятельная, перспективная часть населения России. На 80–90% состав русской армии определялся крестьянскими характеристиками, которые усиливались по мере призыва в армию (с осени 1915 г.) контингента, не проходившего действительную службу. Состав армии по возрасту и семейному положению за годы Первой мировой войны менялся: в начале войны молодых женатых солдат было 70%, а в 1917г. – всего 30%[2]. Эти характеристики определяли и довоенный социальный и сексуальный опыт русских солдат. Так, в качестве молодого неженатого человека солдат являлся членом большой семьи. Но и в качестве молодого женатого человека он или оста-

[1] *Райх В.* Указ. соч. С. 58, 111–115, 216–217; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) М., 1997. С. 8, 15–17.

[2] Рассчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 49; РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–8; д. 147. Л. 192–204; Д. 148. Л. 82–90; Д. 149. Л. 370–376, 410–445, 447–466.

вался в составе большой семьи, или только что выделился из нее. На рубеже веков количество больших крестьянских семей в Европейской России составляло 49,5% их общего числа. Но в них было сосредоточено большинство крестьянского населения. Можно констатировать именно накануне войны начало процесса формирования малой семьи, ее перехода в завершающую стадию (хотя ее отделение от большой семьи далеко не закончилось ещё и до 1917 г.)[1]. Именно это соображение является центральным в характеристике того социального и сексуального опыта, с которым солдат русской армии оказался на фронте мировой войны.

Особенностью большой семьи является ее формирование и функционирование на основе хозяйственных, а не личностных (любовных, сексуальных, родительских), как в современном обществе, отношений. То, что «любовь не являлась брачным фактором», подтверждается многочисленными фольклорными данными, описаниями быта крестьян[2]. Господство в крестьянской семье традиционалистских отношений, кроме ограничений, вызывавшихся хозяйственными и религиозными соображениями, сказывалось и в прямом вмешательстве в сексуальную жизнь молодой семьи со стороны родителей. Само сексуальное и репродуктивное поведение были слитны. Сексуальный опыт женатых мужчин можно характеризовать как неудовлетворенность, а их сексуальное поведение не было самодостаточным, не обладало внутренней ценностью[3]. Этот опыт диктовал и определенное отношение к женщинам до войны, характеризующееся в литературе как «компенсаторное насилие»[4], широко распространенное в деревне,

---

[1] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 227, 229, 243, 249, 266–269.

[2] *Щекин М.В.* Как жить по-новому. Кострома, 1925. С. 15–17; *Внуков Р.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел. 1929. С. 25; РГАЛИ. Ф. 1518 (фонд В.И. Симакова). Оп. 4. Д. 9. Л. 26, 27, 71, 94, 95, 121, 142, 150, 214; *Симаков В.И.* Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. Стб. 285–308.

[3] *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996. С. 171–173.

[4] *Трошин А.А.* Социальная деструкция как объект культурологического анализа. Автореферат дисс. к.ф.н. М., 1999. С. 20.

в том числе сексуальное[1]. Подчиненное по отношению к мужчинам положение женщин, а следовательно, косвенно, и сексуальный опыт, закреплялись как в обычном, так и в гражданском праве[2]. Отрицательный, негативный сексуальный опыт усугублялся таким же опытом и у женщин, рассматривавших замужество как наложничество[3].

Сексуальный опыт деревенской неженатой молодежи характеризовался стремлением молодых неженатых людей перевести свои любовные, вполне целомудренные отношения в брачные без каких-либо гарантий на успех[4]. Деревенская молодежь в полной мере испытывала на себе груз традиций, особенно остро переживая ограниченность свободы выбора брачного партнера[5].

Поскольку сексуальные отношения инкорпорированы в отношения социальные и производственные, то и сам сексуальный опыт будущих солдат-крестьян, составлявших подавляющую часть русской армии, можно рассматривать как часть опыта социального. Особенностью этого опыта была острая напряженность на семейно-сексуальном фронте. Имело место противоречие между глубоко личностными, то есть направленными на строительство семьи «по любви» («по мысли»), вне рамок большой семьи, стремлениями и практикой подавления этих настроений, проистекавших из особенностей крестьянского быта, всего традиционалистского уклада деревни. И до войны поведение женатого мужчины было противоречивым. Он одновременно стремился завести «добавку на стороне» и вести борьбу за права малой семьи в составе большой. Невозможность найти выход из этого противоречия вела к пьянству[6]. Еще более остро переживалась указанная проблема неженатой молодежью. Наложение конфликта отцов и детей на социально-экономические и политиче-

[1] РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 9. Л. 74, 122, 231.

[2] *Анчарова М.* Женская доля. М., 1917. С. 13; *Аншелес И.И.* Брак, семья и развод. М., 1925. С. 16.

[3] РГАЛИ. Ф. 1518 оп. 2. Д. 31. Л. 2 об.; оп. 4. Д. 7. Л. 124, 131,137, 178–187; д. 9. Л. 126, 189; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 309–372.

[4] *Голубых М.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 187.

[5] *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 245-282; *Голубых М.* Указ. соч. М.; Л, 1930. С. 212; Очерки быта деревенской молодежи. М., 1924. С. 47, 86–87.

[6] *Внуков Р.* Указ. соч. С. 14–16, 19–23.

ские противоречия приобретало потенциально взрывной характер и являлось особенностью всего общественного настроения сельской России эпохи войн и революций. В целом социальный опыт солдат-крестьян характеризовался участием молодых (на момент Первой мировой войны – женатых) людей в Первой русской революции, в крестьянском движении, и участием молодых (на момент войны – холостых) людей в «хулиганском движении», охватившем значительную часть Европейской России[1].

Первая мировая война оказала большое влияние на условия протекания семейно-сексуальных отношений в крестьянской среде. В то же время новый этап этих отношений сыграл важную роль в поведении солдата-крестьянина на фронте. При этом необходимо учитывать, что женатый солдат на войне являлся частью крестьянской семьи, на данный период разорванной, а холостой – членом будущей, потенциальной семьи. Длительность военных действий не просто разорвала семью, но поставила ее члена в ситуацию пересмотра своего семейного положения. Такая возможность всегда присутствовала у крестьянина, находящегося длительное время в разлуке с семьей, например при отходничестве, своеобразным аналогом которой являлась война.

Театр военных действий, а также внутренние районы, примыкавшие к нему, создавали огромное предложение в сфере интимных услуг. Прежде всего, это – женщины-окопницы, как прибывшие в течение 1914 – начала 1916 гг. по нарядам военного и местного начальства, так и беженки, нанятые на окопные работы[2]. Обычно в этот контингент попадали незамужние, вдовые, а также бездетные женщины, и, как правило, молодые[3]. Но были среди них и те, которые рассматривались местными начальниками, а порою и сельскими сходами, как лица развратного поведения и «поставлялись по нарядам» в первую очередь[4].

---

[1] *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 243–252; *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia. The Question of Hooliganism. 1905-1914 // Slavic Review. Vol. 37, № 2. June 1978. P. 228–240; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 553–570.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 298.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 268 об.

[4] Женский вестник. 1916. № 3. С 61–62; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. 133; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 120.

Следующей категорией были беженки, оставшиеся без мужчин и в большом количестве осевшие в течение 1914–1915 гг. на театре военных действий. Для их психологии была характерна зависимость от солдат, у которых они искали защиту себе и своим детям[1]. Представлявшие в этническом плане разношерстную группу (польки, украинки, латышки, русские), на окопных работах они разделялись на десятниц и работниц. Первые – образованные (курсистки, гимназистки), а также выделявшиеся внешними данными – считались «офицерскими», остальные – «солдатскими»[2]. Особую группу представляли беженки-подростки, являвшиеся легкой добычей отставших команд, дезертиров и т.п. полупреступного армейского контингента.

Значительную группу женщин, предоставлявших сексуальные услуги армии, представляли многочисленные проститутки на театре военных действий, особенно в оккупированных районах Австро-Венгрии[3]. Впрочем, Галиция и до войны была поставщиком проституток. С войной ситуация усложнилась[4]. Существенное место среди проституток в этом районе занимали австрийские подданные, скрывавшиеся под видом сестер милосердия или полковых дам в трауре[5]. Значительность спроса произвела при этом подвижку в этой группе, где на первое место стали выходить бывшие до этого в тени молодые, непрофессиональные проститутки. Особенно быстро росла детская (с 14 лет) проституция[6].

Видное место на театре военных действий занимали женщины авантюрного, неуравновешенного характера, приезжавшие на фронт в качестве сестер милосердия, как добровольцы, «волонтерки» от всевозможных государственных, общественных и благотворительных организаций[7]. Эти деятельницы на общественной ниве, не боявши-

---

[1] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 192–193, 253.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 355 об.
[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446 об.
[4] Русское общество защиты женщин в 1915 году. Пг, 1916. С. 48.
[5] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353.
[6] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 25.
[7] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 508об.; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 18.

еся брать на себя решение важных вопросов в сфере благотворительности, являли своим характером, стилем работы прообраз будущих комиссарш эпохи Гражданской войны и представляли, таким образом, дополнительный объект интереса со стороны мужчин.

Как и во время русско-японской войны, на театре военных действий появилось множество как законных, так и «гражданских» жен офицеров и солдат, порою живших всего в 4–5 км от позиций[1]. Особенно много их было из ближнего тыла[2]. Немало поблажек в этом деле получали офицеры, что вызывало дополнительные трения между ними и солдатами.

Совершенно новым, а главное, массовым явлением для войн стало предложение сексуальных услуг военным отпускникам или командировочным со стороны множества женщин-непроституток в городах, находящихся во внутренних районах России. В литературе того времени это трактовалось как «падение нравов». Современники замечали какую-то необычную тягу к военному мундиру как среди высших, так и низших классов, в частности, среди беженок, вдов, молодых женщин и девиц, отправлявшихся из деревень в города на фабрики и железную дорогу. В театрах, кино и других увеселительных учреждениях было много женщин в умопомрачительных нарядах. Модные женские журналы, почти ничего не сообщая о реальной войне, рекламировали траурные платья, некоторые из которых «могли служить и выходными»[3]. На улицах большого города в вечернее и ночное время видны были массы свободно промышляющих малолетних проституток. Проститутками были полны чайные, трактиры, гостиницы, кинематографы, кондитерские[4]. В некоторых городах, например в Одессе, проституция, особенно детская, приняла чрезвычайно большие размеры. И здесь подростки (12–15 лет) из числа христианок потеснили профессионалок из числа евреек. Сказывалось отсутствие надзора со

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 67; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393; Д. 3845. Л. 354–354об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393.

[3] См. например: Женщина. 1916. № 2. С. 12–13.

[4] Борьба с детской проституцией в Петрограде. Пг., 1916. С. 5.

стороны отцов и матерей, соблазны, дороговизна, вообще прибыльность ремесла[1]. Новая ситуация с предоставлением сексуальных услуг была зафиксирована и демографами, обратившими внимание на снижение общей рождаемости, но при этом на повышение рождаемости внебрачных детей[2]. Взрыв сексуальной активности населения тревожил особенно венерологов, отмечавших падение во время войны числа явных проституток и рост проституции скрытой, а как следствие этого – рост венерических заболеваний среди женщин даже достаточных классов, непроституток[3]. Среди причин указанного сексуального взрыва следует назвать и появление свободы сексуального выбора у женщин, обычно лишенных его на протяжении всей своей жизни.

В целом во время войны отмечен всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Суждения солдат о роли секса на войне были достаточно циничны: «Без бабы и без вина и война не нужна»[4]. В соответствии с этой моралью выстраивалось и сексуальное поведение. В ближнем тылу это выражалось в массовом «гулянье с бабами и девками» уже с осени 1914 г. Особенно широко это явление было развито в отдельных командах: автомобильных, мотоциклетных, артиллерийских, телефонных, среди летчиков, денщиков и т.п.[5] Цензура отмечала, например, что в Сибирском запасном саперном батальоне 6-й армии «мало работали, много гуляли с женщинами»[6]. В 14-й автомобильной роте письма отличались «особенной жизнерадостностью и веселым настроением» – и были они

---

[1] Российское общество защиты женщин в 1915 г. Пг., 1916. С. 61–62.

[2] Общественный врач. 1916. № 10. С. 547.

[3] *Иванов. В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 17; Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 69.

[4] *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.;Л., 1928. Т. 1. С. 171; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 39–40; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50 л. 12об.

[5] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446об.; ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353; Д. 1184. Л. 117об., 136об., 299об. –300; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 80, 196; Д. 3845. Л. 371–371об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 402–402об.; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 27; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 220.

[6] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 434.

«почти сплошь любовного содержания»[1]. Доходило дело и до разврата, в сущности – оргий. География достаточно откровенных описаний таких действий широка: Галиция, Буковина, Прибалтика, Франция (среди войск русского экспедиционного корпуса)[2]. Есть сведения и о насилии по отношению к женщинам. В письмах зимы 1914 г. отмечалось, что в малых городах Галиции, где стоит русская армия, идет целая «охота на них, и не разбираются ни с классом, ни с возрастом»[3]. Но и летом 1915 г. имели место насильственные эксцессы по отношению к австрийским женщинам-окопницам. Корреспондент отмечал при этом: «И это все наши солдаты, нисколько не лучше немцев»[4]. Ряд свидетельств такого поведения, включая насилия над малолетними девочками, относятся к казакам[5].

Широко участвовали в сексуальном общении и пехотинцы, главным образом – с женщинами-окопницами. Размах этого явления обнаружился на совещании губернаторов и губернских предводителей дворянства в прифронтовых губерниях в Ставке в мае 1916 г. Все участники совещания указывали на недопустимость привлечения на окопные работы девушек и женщин. По мнению предводителя Черниговского дворянства, наряды их на такие работы «вносили лишь разврат»[6]. На это же указывали новгородский, витебский, волынский и псковский губернаторы[7]. Черниговский губернатор выступал также против привлечения женщин к окопным работам как по моральным соображениям, так и «в интересах охраны хозяйственной жизни населения, которое всецело держится в настоящее время на женщинах»[8]. Полтавский губернатор указывал, что от этих мер происходит «разврат и вообще

---

[1] Там же. Л. 518.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 76; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 176; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 72об.; Д. 2935. Л. 33, 365; Д. 3845. Л. 282; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 168, 647об., 790об.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 612.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 33.

[5] РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 6об.-7; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 41.

[6] РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 136об.

[7] Там же. Л. 133, 133об., 171, 198.

[8] РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 204об.

угнетенное настроение»[1]. В результате совещание, а вместе с ним и военное командование пришли к решению об отказе использования женщин в окопных работах. Отказ этот повел к серьезным последствиям как в деле организации оборонительных работ, так и во всей социально-политической обстановке в стране. Для замены женского контингента на фронте власти сначала попытались использовать военнопленных, главным образом славянского происхождения. Но это было признано неудобным. Тогда было решено использовать рабочую силу из состава населения Средней Азии. Попытка реализации этого решения привела к известному восстанию населения в Средней Азии осенью 1916 г. Так нерешенность семейно-сексуальных проблем ударила по обороноспособности страны...

Сексуальное поведение русской армии во время войны видно и во всеобщем интересе солдат и офицеров к вопросам морали, женитьбы, секса на фронте и в тылу. У офицеров это проявлялось в чтении эротической литературы: Вербицкой, Куприна («Яма») и др.[2] Среди солдат получили распространение порнографические открытки и фотографии, которые в большом количестве пересылались из Франции[3]. Многие офицеры писали письма своим женам и подругам каждый день, нумеровали их (было за 300 писем и больше). Цензоры отмечали подробности таких писем, до которых «никакой Мопассан не додумывался». «Очевидно, что человек обезумел, выскочил из колеи. Такое состояние тянется, к сожалению, не день и не два, а недели и месяцы. Офицер, у которого раньше только и дум было, что война и боевая обстановка, вдруг обращается в плаксивого нытика, мечтающего только о том, чтобы война скорее кончилась и он мог бы вернуться опять в объятия своей любимой женушки», – отмечал в своем отчете цензор-журналист Н. Снесарев, прочитавший тысячи писем с фронта[4].

Не отставали в любовной переписке и солдаты. Выражения любви к женам занимали немаловажное место

---

[1] Там же. Л. 233–233об.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 135об., 331об.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 77об.; Ф. 2067. Оп. Д. 3863. Л. 289об.

[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9.

в переписке, в некоторых письмах являясь единственной темой. Писали солдаты и на сторону. В марте 1916 г. отмечена была активная переписка бойцов 12-й армии, включая и офицеров, с рижанками, а также с проститутками в публичном доме в Вольмаре. В этом же были замечены служащие 423-го Лужского пехотного полка, долго стоявшего в Таммерфорсе. При проверке весной 1916 г. 101-го просмотренного письма 58 оказались любовными. Выяснилось также, что части, стоявшие в Финляндии, широко этим занимались и вообще считали службу здесь «легкой»[1].

Общий ажиотаж на сексуальном фронте проявлялся и в том, что солдаты в своих записных книжках зачеркивали сведения о женитьбе, «чтобы лучше в любовных делах быть»[2]. На фронте распространялось множество самых нелепых слухов о женитьбе. Все это одновременно связано было с ожиданием мира. Один солдат сообщал в свою деревню в Волынской губернии в феврале 1916 г.: «Наш ротный нам объявил вот какие новости, что если война кончится, то после войны кто будет жив, то будет на каждого солдата припоручено по три девки, потому что заседание Думы признало, если война не кончится до мая месяца, то чтобы весь женский пол приделить по мужчинам»[3]. Приказы о порядке женитьбы дома[4] толковались как повод получить отпуск на 3 месяца. Некоторые солдаты бросились писать письма на село, чтобы подтвердили желание жениться, заверили у нотариуса или у священника, даже в редакции газет обращались с предложениями жениться[5]. Проблема женитьбы подогревалась и широкой практикой посещения женами, включая и гражданскими, солдат и офицеров в армии[6]. Многие офицеры и солдаты просто жили с женщинами, объявив себя неженатыми, и впоследствии обручались или женились[7]. Среди таких

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 80, 123, 61об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 8.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 135.

[4] Например: Приказ начальника штаба 3 армии по отделению дежурного генерала № 46205 от 29 марта 1915. Секретный // *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 38.

[5] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 377.

[6] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 146об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об., 354–354об.

[7] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 287.

«жен» были и «непорядочные»[1]. Власти же в этом вопросе проявляли непоследовательность: то они разрешали только офицерам и чиновникам выписывать на позиции своих жен, чем возбуждали недовольство солдат; то, как это было в 12-й армии, издавали приказ о немедленном выселении всех жен и родственников офицеров[2]; то следовало осенью 1916 г. высочайшее разрешение солдатам вступать в брак, что было истолковано именно как право на женитьбу на фронте или на многомесячный отпуск[3]. Влияли на такое поведение и сведения о том, как живут русские военнопленные с австрийками[4]. С 1917 г. в Галиции солдаты действующей армии женились на австрийках[5]. Особенно приветствовалось солдатами экспедиционного корпуса во Франции разрешение на браки[6]. Многие (в основном, правда, горожане) пользовались разрешением жениться, рассчитывая получить субсидии от французского правительства (около 1000 франков) и 2 месяца отпуска[7].

Сексуальная активность в русской армии ярко проявилась в резком возрастании количества венерических болезней у солдат и гражданского населения на театре военных действий. О массовых заболеваниях венерическими болезнями в войсках в Прибалтике сообщалось в докладах ВЦО (военные цензурные отделения) уже в марте 1916 г.[8] Позднее сведения, что масса солдат и офицеров в войсках Юго-Западного фронта «получили себе на конец», значительно увеличились[9]. Зимой 1917 г. в сводках цензуры по 7-й армии сообщалось, что «заболевание сифилисом принимает угрожающий характер»[10]. Распространение венерических болезней в действующей армии сравнивали с тифом[11].

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 53.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 207об.
[3] Там же. Л. 545об., 571.
[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 17об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 365.
[5] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 53.
[6] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 175об.
[7] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 621, 629.
[8] Там же. Л. 41об., 80, 347.
[9] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 191об.
[10] Там же. Л. 185об.
[11] Там же. Л. 342.

Одним из источников заражения венерическими болезнями в армии являлись уличные женщины-проститутки (польки, австрийки). Считалось, что они обязательно больны сифилисом или в любом случае все носят заразу. Проблема была в том, что у женщин болезнь протекает скрытно[1]. Другим массовым источником являлись женщины-окопницы, многие из которых и до приезда на фронт были заражены, а на работах считались зараженными поголовно[2]. Надо также иметь в виду вообще распространенность среди русского сельского населения бытового сифилиса[3]. А на фронте, где положение с гигиеной было еще хуже, опасность заражения значительно возрастала[4].

Имело место и сознательное желание некоторых солдат заразиться и таким образом получить отпуск домой[5]. Вообще, судя по выдержкам из писем и воспоминаниям, многие из заболевших не только не стыдились своей болезни, но даже гордились ею и продолжали свои сексуальные похождения. «Блядовать не перестаю, стараюсь употреблять, не считаясь с половыми болезнями», – сообщал в своем письме один из офицеров 33-го армейского корпуса[6]. Очевидно, с этого времени начинается поворот в общественном сознании в вопросах морали, который обычно сопровождает время перемен.

Рост венерических заболеваний вызывал тревогу и у гражданских властей. На вышеупомянутом совещании губернаторов в мае 1916 г. подчеркивалось, что многие деревни Новгородской губернии сплошь заражены сифи-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 295; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 372; *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 12, 18, 19.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 197об.

[3] *Энгельштейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара. 2000. С. 217–220, 231–234.

[4] О ситуации на фронте в этом отношении см., например: *Степной Николай.* Записки ополченца // *Степной Н.* Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. М., 1931. С. 185–186.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 283об.; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929. С. 315–316, 329.

[6] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 90об., 402об.; *Оськин Д.* Указ. соч. С. 315–316.

лисом[1]. Не могла пройти незамеченной волна эпидемии венерических болезней и специалистами-дерматологами и сифилидологами. В литературе отмечалось «резкое возрастание числа больных сифилисом»[2]. Во время самой войны считалось, что больных будет 250 тыс. на 10-миллионную армию, что уже признавалось очень серьезным[3]. На самом деле по общим показателям заболеваемости венерическими болезнями Россия в годы войны на порядок превысила «нормы» мирного времени и «догнала» Германию. По расчетам А. Шевелева, члена венерологической секции при Наркомздраве РСФСР, во время Первой мировой войны венерическими болезнями в России заболели 3,6 млн мужчин и 2,1 млн женщин. По отношению к населению в возрасте от 15 до 50 лет это составило 5,7% (по сравнению с 5,6% в Германии, 4,4% в США, 13,6% в Англии и 13,2% во Франции)[4]. Для России, страны с низкой сексуальной культурой, такие цифры следует считать чрезвычайно высокими.

Необходимость как-то разрядить ситуацию на лечебно-венерическом фронте вызвала взрыв активности ученых-химиков, врачей-терапевтов, массу споров среди деятелей «общественной медицины» по вопросу о допустимости применения новых медикаментов (арсола, бензарсана и др.) для лечения венерических больных[5]. Основываясь

---

[1] РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51.л. 133; д. 53. Л. 166 об., 233-233 об.

[2] *Богров С.Л.* К применению сальварсана фирмы В.К. Феррейн в Москве (Бензарсана) // Русский журнал кожных и венерических болезней. Т. XXXII. 1916. № 9–12. С. 95.

[3] *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // Врачебная газета. 1916. № 5. С. 73–74.

[4] *Шевелев А.* Венерические болезни и война 1914–1918 г.г. // Известия народного Комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 19. См. также очень неполные данные о венерических болезнях за 1913–1923 г.: Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М., 1926. С. XLVIII–L, 212–213.

[5] *Иванов В.В.* Арсол – русский сальварсан, изготовленный лабораторией И.И. Остромысленского в Москве, и результаты его применения для лечения сифилиса // Врачебная газета. 1916. № 17. С. 264–266; *Богров С.Л.* Указ. соч. С. 95; *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // Врачебная газета. 1916. № 5. С. 77; *Иванов. В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг.,

на «совершенно достоверных сведениях» о «массовом заражении» нижних чинов и местного населения, 71 член Государственной думы летом 1916 г. подняли вопрос о борьбе с венерическими болезнями в армии. Этот вопрос стал также предметом переписки Совета Министров и Главного Штаба[1]. Особенно активно поднимала вопрос борьбы с венерическими болезнями «общественная медицина» – деятели Пироговского общества русских врачей и Всероссийских земского и городского союзов[2].

В целом сексуальное поведение солдат русской армии определяется стремлением к релаксации, к снятию полового напряжения, чувственному наслаждению. Вместе с тем, учитывая небогатый довоенный сексуальный опыт солдат, можно говорить и об их сексуальном самоутверждении, причем не только молодых, но и взрослых. В то же время всплеск сексуальной активности в армии сопровождался негативным отношением к женщинам. Это выражалось в том, что на театре военных действий, то есть непосредственно среди личного состава, практически не было каких-либо выражений любви и верности своим женам или подругам, а также увлечения песнями и стихами о любви, что является, хотя и косвенным, доказательством пренебрежительного взгляда на женщину. Так, распространенными среди новобранцев были прощальные песни, в которых выражены пожелания убийства «милки», чтобы она «не сушила бы меня», или чтобы «с другим не задавалась, не порочила меня», или потому, что просто «она мне не нужна», «чтоб десяток не имела, не конфузила меня», а потому надо её бросить в колодец или в прорубь, потому что «отдадут меня в солдаты». В лучшем случае товарищей просили: «Не оставьте мою милую, покуда я служу», а также: «сберечь», «полюбить», «не бросить», «не забыть». Впрочем, и среди женщин не проявлялось особого ожидания верности со стороны мужа на войне. Вполне

1916. С. 16–18; Русский журнал кожных и венерических болезней. Т. XXXI. 1916. Март–апрель. С. 121–123.

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1217. Л. 110, 148.

[2] Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14–18 апреля 1916 г). М., 1917. Отдел I. С. 61–62; Врачебная газета. 1917. № 21. С. 380; № 31. С. 477.

естественным считалось, что он «оттуда приведет за собой германку»[1]. Отсутствие именно среди солдат примеров любовной лирики на Первой мировой войне можно рассматривать как феномен тотальной войны, особенно на фоне Великой Отечественной войны, где такая лирика неизменно сопровождала досуг солдата[2]. Имевшиеся же образцы любовной стихотворной лирики в годы Первой мировой характерны для городской, но не фронтовой культуры[3].

Но в русской армии отсутствовали и представления о женщине как о «боевой подруге». Это, в частности, проявлялось в резком осуждении фактически всех сестер милосердия. Однако такое явление было характерно только для Первой мировой войны и совершенно не встречалось в годы Великой Отечественной[4]. Обвинения сестер со стороны солдат сводились к тому, что они не занимались своим прямым делом, поскольку солдаты – «вшивые», а уделяли внимание в основном легкораненым офицерам[5]. Но главное обвинение касалось поведения сестер. Обвинения сестер в занятиях «проституцией» на фронте являются еще самыми корректными, хотя и наиболее многочисленными[6]. Их называли («сестры-шастерки»), сифилис на фронте стал «сестритом»[7]. И это, конечно, достаточно характеризует отношение солдат (да и части офицеров) к сестрам милосердия. Впрочем, определенные основания для обвинения сестер в «разврате» были. Так, в докладе ВЦО по 6-й армии от апреля 1916 г. говорилось о массе писем с описанием разврата среди сестер, «которые вместо исцеления раненых и больных воинов распространяют венери-

[1] РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 7. Л. 126; Д. 8. Л. 75; Д. 22. Л. 87; Д. 7. Л. 127; Д. 22. Л. 65, 103, 226.

[2] *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 18, 22–23, 25, 29–31, 41–42, 53, 57–58, 66, 68, 73–78, 94, 97–99, 102–106, 129–132, 141, 142, 145–147.

[3] *Иванов А.И., Щербинин П.П.* Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2001. С. 38–131.

[4] *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 38, 107, 108.

[5] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 221.

[6] РГВИА. Ф. 2000.оп. 3. Д. 5369. Л. 65–65об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21, 98; Д. 2934. Л. 31об., 32; Д. 2935. Л. 52об. –53; Д. 3863. Л. 209.

[7] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 205; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 303.

ческие болезни»[1]. О «любовных похождениях» медсестер, несмотря на уговоры старшего врача, сообщалось из 49-го запасного полка[2] и т.д. Собственно, упрекали солдаты сестер не только за «разврат», но и за то, что это происходит именно с офицерами, в то время как на раненых солдат «внимания не обращают»[3]. В одном полку даже избили сестру за роман с будущим прапорщиком[4]. Выдержки цензурированных писем содержат и признания самих сестер о собственных любовных похождениях с оправданием – что «косынка не клобук»[5]. Особенно много сообщений было о «разврате» среди сестер в санитарных поездах самых различных ведомств[6], причем указывалось, что каждый врач желал, чтобы в его поезде были уродливые сестры, а в другом – молодые и красивые[7]. Сообщалось и об оргиях на питательных пунктах[8]. В некоторых письмах саму символику – красный крест над учреждениями военно-санитарных организаций – сравнивали с символом «флирта и проституции», больше подходящим для публичных домов[9]. Цензоры обратили внимание и на совершенно не замечавшееся раньше явление: знакомые и родные уговаривали девушек и женщин не идти в сестры милосердия[10].

Было ли поведение сестер милосердия в Первой мировой войне чем-то в высшей степени непристойным и какое значение это имело для русского комбатанта? В письмах это поведение сравнивали с поведением в русско-японскую войну[11]. К сожалению, остается не исследованным поведение сестер милосердия, как и других женщин, в

---

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111 об.

[2] Там же. Л. 518; см. также: Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 51, 52 об.; Д. 3845; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 199.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 75; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 363об., 364; Д. 3845. Л. 288; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42об.

[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 74об.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 59об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 50об.

[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д 2932. Л. 21–21об., 98, 252об. –253, 334; Д. 2934. Л. 364об.; Ф 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 140об.

[7] *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 221.

[8] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 514.

[9] Там же. Л. 334.

[10] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 579; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 185. Л. 509; Д. 2932. Л. 458 об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42об.

[11] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 185. Л. 509об.

интимных ситуациях в Великую Отечественную войну, хотя их находилось тогда в армии около 800 тысяч человек. Отмечается, что, как правило, женщины становились любовницами офицеров, но «о римском падении нравов» и речи быть не могло[1]. Однако, как бы ни вели себя женщины, в литературе справедливо подчеркивается, что в Великую Отечественную не было осуждения женщины, боевой подруги, на фронте, зато осуждалась жена, изменившая мужу «с тыловой крысой»[2]. Для Первой мировой войны характерно как раз обратное явление: резкое порицание именно женщины на фронте. В этом порицании смешивались и недоступность женщин для солдат и одновременно их доступность для офицеров, начальства. Следующее стихотворение (и это при отсутствии любовной фронтовой лирики!) достаточно характерно:

Раньше сестер не бывало,
А лечили все равно.
Попросит солдат напиться,
Кричит: «Дело не мое!».
Капитан ведет под руку.
Тут и поп себе нашел.
Генерал сидит с сестрою
Кричит шоферу: «Пошел»!
Эх, вы, братцы, где же правда?
Ведь должна же быть она!
Посмотрите, бьет солдата
Милосердная сестра.
Беда, братцы, что же делать?
Плачут матери, отцы,
Плачут жены, плачут дети,
Что отцы их на войне[3].

---

[1] *Сенявская Е.С.* Женщина на войне глазами мужчин. (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 3. М., 1999. С. 217–219; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. С. 166.

[2] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. С. 167.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 251об.

В другом варианте этого стихотворения делается даже намек на измену сестер милосердия[1]. Менее резко, но достаточно пренебрежительно стихи-частушки рисуют сестру как представителя низшего класса, которой только война позволила занять это положение:

Раньше была прачка,
Звать ее Лукерья,
А теперь на фронте
Сестра милосердья[2].

В этом же ряду фронтовой женофобии смотрится отношение солдат к известиям о посылке на фронт женских батальонов смерти. Характерно при этом, что эти сообщения были встречены резкой критикой именно Советом крестьянских депутатов[3]. В резолюциях Совета присутствие женских батальонов рассматривалось как попытка «сделать из этого моду, устроить себе развлечение», в то время как на фронте потоками льется солдатская кровь. Женские «батальоны смерти нигде не встретили того отношения, на которое они рассчитывали, формируясь», – горестно заканчивала статью русская феминистка, упрекая Совет в «крестьянской узости»[4].

Но и к другим женщинам отношение в русской армии было негативным. Это касалось беженок, которых обвиняли в «разврате», хотя солдаты сами же в нем и участвовали. Возможен, правда, мотив конкуренции в отношении пленных австрийцев, имевших много денег, за что их доброжелательно встречали женщины, получавшие от них продукты[5].

Ситуация в прифронтовой полосе: разорение сельского хозяйства, дороговизна, принудительный труд крестьян, положение беженцев – обострила опасения у солдат-крестьян за положение их собственных семей. Прежде всего,

---

[1] Там же. Л. 250об.

[2] РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 79; см. вариант: *Степун Ф.* Указ. соч. СПб., 1995. С. 303.

[3] *А.Д.* Батальоны смерти и дело жизни // Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. 1917. 2 июля.

[4] *Анчарова М.* Батальоны смерти // «Женское дело». 1917. № 15. С. 1–2.

[5] *Степун Ф.* Указ. соч. С. 272.

их волновала проблема сохранения супружеской верности, хотя сами солдаты часто вступали в половые связи с женщинами на театре военных действий, нередко такими же солдатками, как и их жены. Солдаты высказывали опасение тем, как устроится семейная жизнь после войны, боялись, что она расстроится вдребезги. Цензор в обзоре писем по 8-й армии сообщал осенью 1915 г.: «В письмах своих как офицеры, так и солдаты уделяют главное место заботам о семьях и хозяйствах. Выражения любви к женам занимают тоже немаловажное место. В некоторых письмах, являясь единственной темой всего письма, заметно усилилась также ревность к женам, опасения измены их ввиду продолжительного отсутствия мужей на войне, это последнее чувство играет большую роль в утомлении войной». В отчете по 12-й армии за май–июнь 1916 г. отмечалось, что «за истекший период попадалось довольно значительное количество писем нижних чинов с резко выраженным беспокойством за поведение своих жен», что из деревни периодически поступают «крайне неблагоприятные сведения о распутном поведении солдатских жен». «Глубже всего затрагивает нашего солдата сознание, что нарушителем его семейного счастья являются зачастую даже не русские, а пленные – австриец или немец, которыми правительство пользуется для полевых работ»[1].

Подозрения солдат в неверности жен, в их связях с пленными внутри России имели некоторые основания. Так, надо учитывать, что во время войны пленные (славянского происхождения) широко применялись в сельскохозяйственных работах в имениях помещиков, составляя в них 15–30% всех работавших, где с ними могли контактировать солдатки[2]. (Не здесь ли был дополнительный мотив ненависти солдат к помещикам?) Есть сведения, что «все бабы безмужние с пленными австрийцами жили»[3]. В пред-

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 278.

[2] *Хрящева А.* Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. С. 18, 25.

[3] *Федорченко С.* Указ. соч. М., 1990. С. 316. См. также фольклорные данные о половых связях русских женщин с пленными австрийцами и немцами: РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 5. Л. 95; Д. 17. Л. 7; Д. 21. Л. 80; Д. 22. Л. 40, 44.

ставлениях же солдат эти факты обрастали массой подробностей и эмоциональной нагрузкой. В письмах с фронта и на фронт сообщалось, что жены «как с цепи сорвавшиеся развратничают с пленными австрияками вовсю, такое творится, что дома противно быть. Сифилис и другие болезни венерические процветают»[1]. Перенося на собственных жен представления если не прямо как о враге, то как о пособниках врага, солдаты-крестьяне требовали от начальства, местного духовенства «выступить со своей проповедью и усовестить баб»[2]. Вопрос этот даже был поднят военным начальством. Так, 3 августа 1916 г. командующий 5-й армией ген. В. Гурко послал министру внутренних дел А.А. Хвостову предложение «приказать подлежащим гражданским властям безотлагательно взыскать и провести меры для немедленного пресечения создающегося положения при использовании в деревнях военнопленных как рабочей силы»[3]. Даже протесты женщин в тылу в защиту своих прав порою вызывали у солдат недовольство «бабами, которые, коли их нет дома, думают вершить дела, от рук отбились, вздумали помогать немцам»[4].

Обвинения в разврате в деревне коснулись и девушек. В одном письме с фронта писали: «Некоторые дивчата хотят замуж выходить за австрийцев надо им морду набить и тогда прохладятся». Впрочем, фольклорные данные подтверждают половую распущенность в деревне в годы войны среди девушек. Резко порицая кризис всех моральных устоев в деревне, обвиняя в этом и незамужних девушек, вообще оставшуюся в деревне молодежь, пользовавшуюся определенной свободой в результате войны и даже требовавшую ее продолжения, солдаты-крестьяне, таким образом, расширяли понятие о внутреннем враге на весь семейно-социальный уклад в деревне. Налицо было вступление в завершающую стадию кризиса большой семьи, обозначившегося до

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. 274 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47 об., 62, 939об.; Д. 1184. Л. 18, 116, 164, 165, 168, 278; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22об. –23, 110об., 253; Д. 905. Л. 14об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 217об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104об.; *Федорченко С.* Указ. соч. М., 1990. С. 316.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284, 334–334об.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 295–295об.

[4] РГВИА. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 96об.

войны. Выражалось это в защите своей малой семьи, жены, отстаивании своих прав в семье большой. Как известно, война дала шанс выдвинуться на первые роли именно замужним женщинам: и из-за увеличившегося их веса в семейном труде, и из-за пайков, которые выделялись именно им, а не семье в целом, как это бывало, например, при поступлении доходов от отходничества. Правда, члены семьи пытались выплаты, получаемые за призванных в армию, перевести на счет всей семьи. «Из писем нижних чинов и их домашних видно, что право находящихся на службе лишать своих жен пособий служит причиной массовых интриг, с тем чтобы эти пособия попадали в руки других членов семьи», –отмечалось в сводке отчетов ВЦО по 11-й армии осенью 1915 г. Попытки же обделить жен вызывали возмущение у солдат, вплоть до угроз. «Если не будут выдавать /пособия/, то сами знаете, мы тебе, и Земскому Начальнику покажем, сумеем и вашу кровь пролить, мы возьмем свое и душу Вашу вон», – писал один из крестьян волостному старшине. Столь же яростно защищали солдаты своих жен и в вопросе сбора податей. С фронта шли угрозы, чтобы не заставляли солдаток уплачивать долгов, «а то соберутся солдатки и побьют головы тем, кто придет грабить, и правы будут – никакого суда не будет». Остро реагировали солдаты и на сообщения о столкновениях женщин с полицией в городах. Слухи о том, что «городовые побили в Москве 1000 баб через дороговизну», что московские улицы завалены трупами женщин, распространились с быстротой молнии по всему фронту. «Опишите все подробно, если опасаетесь цензуры, пишите стенограммой или азбукой морзе», – просили солдаты в письмах на родину подтвердить эти сообщения. Озабоченность вызывали и слухи о «наборе по деревням девок и баб, имеющих не больше двух детей»[1].

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 412; РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 226; Д. 23. Л. 8, 22; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 168, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128; *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 83; *Языков А.* Общественная помощь призванным и их семьям // Труды Костромского научного общества. Вып. 5. Кострома, 1916. С. 5; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 96; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 143; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1934. Л. 71; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 49об., 50об., 51об.–52. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 545.

Защита малой семьи перед лицом большой («Пусть пожрут друг друга как гады за то, что нас на муку послали») сопровождалась стремлением переменить свой семейный статус, по-другому определить свою половую роль в семье, построить семью на «человеческих» началах. «Все теперь такое будет по-иному, – мечтали солдаты. – Не мила стала, другую бери. И так до трех раз. А коли и в третий раз не мила, больше в брак не позволят. Значит, через гнилой глаз смотришь, коли все не в угоду». Что же касается солдат молодых, холостых, то надо полагать, что речь шла о стремлении построить семью на подобных началах, источником которых являлись настоящие чувства, примеры которых в переписке есть[1].

Итак, сексуальный опыт, полученный российским комбатантом на Первой мировой, породил новые сексуальные ожидания солдат, повлиял на формирование новых сексуальных представлений. Их сущность – четкое отграничение индивидуального хозяйства от сферы экономики, обретение личностного, интимного мира. Связанность же сексуальности и семьи как таковой вылилась в стремление изменить свой семейный статус и вырваться из патриархальной, «большой» семьи. Это можно было сделать только на путях широкого социального реформаторства. Но как же тогда трактовать, с одной стороны, стремление к сексуальному самоутверждению, которому война предоставила такие большие возможности, с негативным отношением к женщинам на фронте? Некоторые психоаналитики такие амбивалентные чувства – между явным стремлением к обнаружению сексуальных влечений и осуждением, стремлением их подавить – предлагают рассматривать как раздвоенность все еще остававшегося консервативным мышления солдат-крестьян[2]. Это противоречие было ликвидировано с началом революции, сломавшей общественно-политический строй, являвшийся частью системы, блокировавшей сексуальную энергию и

---

[1] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 70; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 146об.; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 18об.; Д. 1184. Л. 284, 334; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 802об.–803.

[2] *Райх В.* Указ. соч. С. 119–121.

направившей ее на формирование малой семьи в рамках большого индустриального производства. Начавшаяся именно со времени Первой мировой войны сексуальная революция несла в себе, таким образом, мощный заряд реформаторства в сфере семейных отношений. Для бойца это означало необходимость покинуть фронт, заняться мирным строительством. Его возвращение на поле боя состоялось в годы Великой Отечественной войны, но уже в качестве члена современного общества с господством малой семьи в деревне и в городе и, следовательно, выходом на первое место чисто человеческих (в том числе – сексуально-любовных) отношений. Это нашло выражение в культе женщины-подруги, ставшем одним из важных элементов патриотического мышления советского солдата, рабочего войны социалистического образца.

Рождению солдата-гражданина, его социально-психологической детерминации способствовал поиск врагов, круг которых был крайне велик. Среди многочисленных врагов солдат выделялись представители профессий, за которыми угадывалось владение тайными нитями современной войны: знаменитые купцы, банковские деятели («Колупаи Колупаевичи») и инженеры, работающие на заводах в государственной обороне. От них, как казалось, исходят токи спекуляции – нажива на спекуляциях сахаром, на военных заказах. К ним примыкали интенданты, зауряд-чиновники, которые «все сплошь воры, писарье, обозные герои» и т.д. – всех их полагалось «на площадях повесить»[1]. Куда чаще имел место поиск врага прямо в социальной плоскости. В основном его видели в людях, ответственных за дороговизну: «немцах, торгашах и прочих проходимцах», «спекулянтах вместе с жидами», «хищниках-спекулянтах», «прохвостах-купцах», грабителях-спекулянтах, «мародерье», во всех тех, «которые уничтожают и прячут товары, а остатки продают по завышенным ценам», в тех, «кто наживается, когда есть которые голодают», в то время как «кто-то работает, бьется, страдает, другие наживаются, роскошествуют». Первоначально солдаты обратили внимание на деятельность тыла, обслужи-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 418, 418об.; Д. 2937. Л. 49об.–50

вающего армию. Солдаты были уверены, что именно здесь коренится «хроническая склонность» к корыстной наживе. Эту склонность они распространяли вообще на «деятелей тыла», которые наживались, по их мнению, за счет солдат, что подтверждалось плохим обеспечением солдат едой и обмундированием. Указывались и конкретные категории людей, ответственных за дороговизну: купцы, которые «проторговались, а с нас шкуру дерут»; спекулянты проклятые и мерзавцы железнодорожники, прячущие вагоны и не могущие разыскать их – с целью поднять цены на продукты или, наоборот, с умыслом погубить продукты; «инженеры» и «банковские деятели», которых «повесить надо»; «капиталисты», которые «под шум войны» «зарабатывают миллионы..., устраивают синдикаты, и все это им проходит безнаказанно». Но все же больше всего на виду оказалась деятельность купцов, прячущих, как были уверены солдаты, сахар, муку, дрова и т.д., повышающих таким образом цены на предметы первой необходимости и наживавших «бессовестные проценты». Солдаты, не стесняясь, в письмах называли их изменниками, кровопийцами, слугами антихриста, «сволочью купеческой»[1].

По мнению солдат, богатые купцы наживались на родственниках, вообще на всех жителях внутренней России. С осени поступали многочисленные гневные письма солдат о деятельности «тыловых спекулянтов», угрозы расправиться с «домашними мародерами» после войны. В критике купцов, торговцев солдат поддерживали и офицеры, также ощущавшие последствия всеобщей дороговизны – как сами они на фронте, так и члены их семей в городах. В течение осени 1916 г. во многих письмах сквозило сильное озлобление против недобросовестности торговцев, «сдирающих три шкуры с обывателей». Все чаще в таких письмах ставился вопрос о причинах дороговизны, о роли войны или недостаточной работы властей в создавшемся

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 123, 123об., 139, 179об, .200; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 227об., 542 об.–543, 575об., 509об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 43об., 362, 382; Д. 2937. Л. 26об., 116, 362, 381; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об., 326, 9–12; *Федорченко С.З.* Указ. соч. Киев, 1917. С. 134; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 255–256; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 150об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об., 305об., 110, 136; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 49, 203.

положении. При этом в части писем наряду с торговцами, прятавшими товары первой необъходимости, критике подвергались и крестьяне, также сделавшие большие запасы хлеба. То есть, в сущности, понятие «торгашества» стало толковаться расширительно, тем самым расширяя и область неурядицы, где, по мнению фронтовиков, следовало навести порядок. С осени 1916 г. солдаты связывали безнаказанность купцов с бездействием властей[1].

Солдаты все чаще ставили вопрос о заинтересованности именно торговцев в продолжении войны, связывая, таким образом, вопрос о дороговизне с продолжением войны. С точки зрения солдат, купцы были прямыми предателями, изменниками родины, наживавшимися на несчастьях других, уклонявшимися от воинской службы, использовавшими дело защиты родины для личного обогащения, вообще ведущими настоящую войну против своих граждан[2].

В сущности, ранжирование врагов происходило по степени их причастности к главному вопросу – о дороговизне, то есть о жизни их хозяйств внутри России, а не собственно на фронте. В этом смысле, конечно, можно сказать, что развал армии пришел извне. Дело, однако, в том, что армия не сумела противостоять такому развалу, следовательно, состояние армии, проблемы дисциплины, мотивации комбатанта к участию в войне выходят на первый план. В конце концов, проблемы внутренние были везде. Однако они не были такими острыми, как в России. С другой стороны, армия в целом являлась надежным институтом, где трудности войны могли преодолевать целой системой мероприятий: пропагандой, дисциплиной, мотивацией и т.п. В России же два обстоятельства: отсутствие порядка внутри России и отсутствие достаточно надежных механизмов в самой армии по нейтрализации неблагоприятных известнй из России – и привели к коллапсу. Причины же самого коллапса следует искать именно на Северном фронте (и в какой-то мере на Западном фронте): здесь тяготы оборонительных работ и позиционной войны обострялись втя-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 49.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 272; Д. 2937. Л. 116.

нутостью армии в гражданские неурядицы, чего на Юго-Западном фронте практически не было.

Для солдат важной характеристикой их врагов было стремление к наживе. Врагами заведомо объявляли «прохвостов-толстосумов», хищников, «двуногих акул», которые «вздувают цены, чтобы больше карманы набить, а из других жилы вытянуть». Желание наживы противопоставлялось делу защиты родины. Солдаты буквально воспринимали наживавшихся на дороговизне как мародеров, то есть, в сущности, как таких же врагов. Их возмущали «шайки мародеров и кулаков в тылу», которые пользовались «этим несчастным временем и здирают шкуру на всем». Они требовали от правительства расправы с купцами или готовы были сами расправиться с ними[1]

Среди внутренних врагов определенное место занимали помещики и вообще владельцы земли, вечные враги крестьян. В помещиках видели одних из виновников войны: «войну затеяли господа и крупные помещики». За помещиков «бедные солдаты» «вынужденны кровь проливать и ложить свои головы не зная за что». Помещики имели целью «извести солдат-крестьян, чтобы всю землю богатеи и помещики захватили». Даже на фронте солдаты-крестьяне отмечали солидарность командиров и помещиков фронтовой полосы. Во время стоянок командиры, часто сами помещики, заботились о хозяйстве прифронтовых помещиков, выставляли охрану и т.п., в отличие от хозяйств «бедного мужика», позволяя растаскивать изгородь на дрова, топтать огород и нести убытки. И сама война велась для пользы помещиков, а когда она кончится – «опять помещикам иди в рабство». Даже саму реквизицию, проводившуюся в основном силами земства, то есть теми же помещиками, солдаты понимали как возвращение крепостного права: «Паны усе забирают... хотят заделать апять нас паньскими». По понятиям солдат-крестьян, помещики объединились с другими «богатеями», наживающимися на войне, в то время как «наши мужички-дурачки все долги отбывают», да еще уклоняются от военной службы: «сидят по заводам», в то время как «в

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 281об.; Д. 2935. Л. 271; Д. 3863. Л. 272об.; Д. 2937. Л. 203; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287.

бедного солдата нет земли, а надо защищать панскую землю». Порою антипомещичьи настроения солдат вызывали беспокойство военного начальства. Но в целом это – не частая тема солдатских писем, между прочим, даже во время революции. Скорее, солдаты-крестьяне не выделяли специально помещиков из всей массы собирательного образа внутреннего врага: «богатых», «богатеев», «толстозадых», «негодяев», «домашних мародеров», которые «с нами ни слова совместного не найдут. Как бы не с одной родины», имеющие целью наживу, когда «бедным разорение как физически, так и материально» и которых вообще «сейчас верх», «набивают карман и молят Бога чтобы еще с годик протянулась война а то не добил еще до миллиона»[1].

После революции враждебность к помещикам проявилась в захвате их земель, что можно было осуществить только путем прекращения войны. Начав расправы в Прибалтике с немецкими баронами, вполне соединявшими в глазах крестьян социальный и этнический образ врага, в сущности, естественно продолжив и расширев фронт борьбы с врагом, солдаты с энтузиазмом теперь уже поддерживали лозунги «бросать фронт и идти домой», «удавить помещиков и дворян», захватывать помещичьи поля, мешать им засевать, что еще больше способствовало дезертирству, слому армейской машины и т.п.[2]

«Окопавшиеся» известны в любой войне, но особенно проявили себя в мировых войнах, всеобщих по определению, требующих воинской службы от каждого гражданина. В армии нарастало раздражение против одежды членов общественных организаций, «земгусаров», как иногда их называли. Защитный цвет одежды так называемых «защитников», фланирующих по улицам и кутящих в ресторанах, возмущал окопников. Вызывали недовольство сол-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 144; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 895; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 282–282об; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 895; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 110об., 122, 144, 218об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 349; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 512об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 11–12; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 150об., 156об.; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 196; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 329; Д. 3863. Л. 11–12; Д. 3856. Л. 86об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 362об.; Д. 3863. Л. 86.

[2] Революционное движение в русской армии. М., 1968. С. 83; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 52об., 54об.

дат пораженческие настроения в тылу. Но особенно доставалось «окопавшимся», спрятавшимся от войны. От них хотели «потребовать объяснений» по окончании войны. Постоянным основанием для ненависти к «окопавшимся» была их принадлежность к богатым, которые избегают войны, скрываясь на заводах, получая таким образом отсрочку от армии. Но по существу, под богатыми понимались все, кто был в состоянии заплатить за уклонение от армии в виде работы на оборону внутри России. Особенно возмущало фронтовиков, что «окопавшиеся» еще и пируют, пьют шампанское, закусывая разными деликатесами, разъезжая в автомобилях, которых не хватает армии, и кричат громко «ура» за победу и за наши «бесподобные войска»[1].

Вызывали недовольство и крестьяне, оставшиеся в деревне, главным образом – старших возрастов. «Товарищи в деревне большие деньги накопили», – сетовали солдаты-крестьяне. Отсюда такой живой интерес к призыву ратников второго разряда, в чем, очевидно, солдаты-крестьяне видели справедливость по отношению к ним, поскольку именно эта категория военнообязанных, имевшая льготы по призыву, получала возможность обогащаться во время войны. Отсюда и недовольство притеснениями семей призванных как раз со стороны оставшихся в селе. Также стремлением к социальной справедливости объяснялось и отрицательное отношение солдат-крестьян к дезертирам в 1917 г., пополнявшим ряды сельчан и противостоявшим таким образом семьям запасных. Внутренними врагами солдаты на фронте считали и тех, кто сбежал в плен. Большое недовольство вызывало поведение беженцев в прифронтовой полосе, которые причиняли ущерб сельскому хозяйству.[2]

Таким образом, солдат-крестьянин испытывал двойственное отношение к деревне. С одной стороны, он пере-

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 63; Д. 2937. Л. 160–160об.; Д. 3863. Л. 11-12; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 160–160об.; Д. 3863. Л. 11–12, 303–303об.

[2] Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 210; Ф. 2048. Оп.1. Д. 904. Л. 16об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 361об.; Д. 3863. Л. 691об.; Д. 2931. Л. 171об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 16 об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 106об.

живал угрозу семье не меньше, чем угрозу своему хозяйству. В то же время он желал перемен в деревне: «Пусть пожрут друг друга как гады за то, что нас на муку послали»[1]. Активное отстаивание женщинами в тылу своих прав также вызывало недовольство солдат-крестьян «бабами, которые, коли их нет дома, думают вершить дела, от рук отбились, вздумали помогать немцам»[2]. То есть солдаты переносили на собственных жен представления если не прямо как о враге, то как о пособниках врага[3].

Похожими на отношения к женам были чувства фронтовиков к молодежи. С точки зрения фронтовиков, в среде фабричной молодежи царила сильная распущенность нравов. Но распущенность нравов, хотя и в меньшей степени, наблюдалась и среди деревенской молодежи ряда губерний – Саратовской, Поволжской, Бессарабии. Возмущало, что молодежь, в сущности, пользуется свободой нравов в отсутствие старших возрастов. Особенно возмущали хулиганские песни типа: «наш Белый Царек, повоюй еще годок»[4].

Таким образом, порицая кризис всех моральных устоев в деревне, солдаты-крестьяне таким образом распространяли понятие о внутреннем враге на весь семейно-социальный уклад в деревне[5].

Итак, внутренний враг, в сущности, не представлял какого-либо конкретного, только одного социального пласта, а определялся всем многообразным кругом представителей сил, которым именно война нового типа дала возможность осуществить свои намерения. Война разбудила те потенции, которые уже имелись в русском социуме. В целом смысл всех новых условий жизни социума был враждебен крестьянскому традиционному миру, ча-

---

[1] *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 70.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 96об.

[3] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47 об.; Д. 1184. Л. 18; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22об.–23, 110об., 253; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 116, 164, 165, 168, 278; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 14 об.; *Федорченко С.З.* Указ. соч. М., 1990. С. 316; РГВИА. Ф1. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 434.

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128, 152.

[5] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 168, 284, 295–295 об., 284, 334, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 181; Д. 2937. Л. 434.

стью которого являлись солдаты-крестьяне. Частично эти условия втягивали крестьянское хозяйство в общенародный хозяйственный организм, работавший в особых условиях во время войны. И солдат-крестьянин ощущал себя здесь жертвой объективных процессов, направленных, по сути, на подрыв крестьянского хозяйства. В основном эти процессы солдат-крестьянин ощущал как чуждые его собственному хозяйству. С другой стороны, солдат-крестьянин испытывал колоссальный дискомфорт в ощущении своей причастности к семье, к которой он одновременно тяготел и которую стремился перестроить. Солдат-крестьянин, таким образом, являлся одновременно и объектом, и субъектом кризиса хозяйственно-семейных отношений в годы войны.

Количество врагов, их типы, роль и значимость изменялись по мере ухудшения социально-экономической ситуации внутри России и морально-психологического климата на фронте. Одними из первых таких врагов оказались беженцы. Уже с осени в письмах из армии отмечалось, что стихийная волна беженцев производила огромное и тягостное впечатление на войска, что наплыв беженцев во внутренние губернии способствовал только дороговизне жизни и распространению болезней среди населения. Постоянно раздавались жалобы на беженцев, часто причиняющих ущерб хозяевам соседних с театром военных действий губерний – Витебской, Смоленской, Минской, Псковской[1].

Другим примером «социализации» образа врага являлось отношение к евреям, «жидам», которые часто, наравне с немцами, объявлялись главными виновниками дороговизны («жидовской спекуляции»). Впрочем, в данном случае образ внутреннего врага и ранее имел распространение среди части населения, что широко эксплуатировалось в черносотенной печати. Но теперь этот образ приобретал черты пособника внешнего врага. Это нашло выражение в обвинениях евреев в шпионаже, что пыталось использовать военное начальство, особенно в период руководства армией Николая Николаевича и Н.Н. Янушкевича, а

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2, 16–7, 60–60об.

также в осуждении планов об ограничении и даже отмене черты еврейской оседлости, поскольку это означало бы «полное порабощение евреями». Впрочем, волна официального антисемитизма, подкрепляемая массовыми репрессиями против евреев, спала в 1916 г. Причиной этому был как раз выход на первое место социальной подкладки в отношении к внутреннему врагу. Мало того, сама революция и мир нередко воспринимались как борьба против еврейского засилья, которое сменилось немецким[1].

Образ внутреннего врага, однако, не исчерпывался социально-экономическими понятиями. «Мы» и «они» отнюдь нельзя было развести по разные стороны баррикад в соответствии с «классовой» принадлежностью. Так, солдаты высказывали неудовольствие по поводу забастовок и в результате – потери рабочими заработка из-за «нескольких недовольных вольнодумцев»[2]. А после Февральской революции солдаты-крестьяне были недовольны рабочими с их требованиями восьмичасового рабочего дня[3].

Недовольство солдат распространялось и на полковых священников, которые «в одну дудку играют» с офицерами, а к солдатам относятся, как к «навозу»[4]. Священникам, «духовным пастырям», предъявлялись упреки в том, что они забыли все заповеди, не «стараются спасти свою родину и свой народ, а стараются спасти германский народ», оставляют солдат на мучения и т.п.[5].

Гораздо меньше, чем к правительству и властям, было претензий у солдат-крестьян к царской чете. Нами зафиксирована всего одна корреспонденция до революции 1917 г., которую с трудом можно назвать антимонархической и в которой речь идет о том, что «царя нет, так как у нас над нами глумятся»[6]. Все остальные корреспонденции – о

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 34, 123об., 191–191об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 278об., 382; Д. 2937. Л. 473; Д. 3863. Л. 249; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 141об., 541об.; Д. 1673. Л. 213, 282об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. 1927. Т. 2. С. 173, 183, 265–267; РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 187об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 52об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 575–575об.; Ф. 2031. Оп1. Д. 1181. Л. 341.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 79–80.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 150.

[6] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 512об.

том, что царь продался немцам или о его ответственности за войну («царь, пока уродом не сделает, с позиции не отпустит») – относятся к времени самой Февральской революции[1]. Весьма условно к антимонархической пропаганде можно отнести сетования на «законы заемных царей, что сдавили баранов в кулак»[2]. Это ставит под сомнение утверждения в литературе о распространении антимонархических настроений солдат-крестьян накануне революции. Так, например, О. Чаадаева. утверждала, что еще до Февральской революции «без остатка разваливались привычные, навязанные солдату поповщиной и школой принципы монархизма и безусловного уважения к личности самого монарха. Николай II становится самой ненавистной фигурой в солдатской среде. Солдаты в письмах не только весьма непочтительно говорят о царе, но лично ему адресуют письма, наполненные ругательствами по его адресу». При этом автор ссылалась на фактически единственное высказывание, носившее действительно антимонархический характер, однако направленное из Самары, а не с фронта, хотя и отложившееся в военной цензуре[3]. У современных же авторов представления солдат о роли царя в тяготах войны растворяются в мнениях «общества», «народа», «масс» и т.п. Влияние же этих представлений на солдатское сознание до Февральской революции остается недоказанным[4]. Не может рассматриваться в качестве аргумента ссылка на шутку типа: «Царь с Егорием, а царица с Григорием»[5], – поскольку неясна степень распространения таких суждений именно на фронте. Также к антимонархической выходке рядового 5-го Киевского гренадерского полка Якова Горбаня, имевшей, однако, хулиганский характер, можно отнести надпись на фотокарточке в деревню с изображением царя, генералов Рузского, Янушкевича и великого князя Н.Н., сделанную автором письма: «Открыточка с наших врагов, видите, то шайка

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 762об.; Царская армия... С. 32; *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 57.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 592–592об.

[3] Царская армия... С. 108; *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 64.

[4] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 47–51.

[5] *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 51.

срисована[1]. В некоторых письмах выражены сомнения в необходимости давать царю денег на войну. В других письмах делались неясные намеки на царскую фамилию, живущую в хороших условиях в Петрограде, в то время как солдаты не могут воевать в тяжелых условиях на фронте. Скорее к царю обращались с пожеланиями «скрутить акул», в случае если до него дойдет такая несправедливость. И уже совсем смутно, фактически без осуждения, подчеркивалось, что царь не мирится, «спрашивает за что Германия на нас воюет» и т.п.[2]

Только лишь после революции появились прямые антицаристские, антимамановские настроения. Солдаты говорили и писали о Николае II и его «своре», о царице, «на которую народ молился, а она оказалась самой грязной женщиной в мире»[3]. В марте 1917 г. солдаты называли царя, всех Романовых предателями[4]. Пели частушки:

Надавали мы царю
За плохие свойства,
На митингах говорю
С большим удовольствием[5].

Очень немногие жалели царя, в большинстве же случаев высказывали по этому поводу свою неподдельную радость, «подчас облекая это в совершенно ненужную форму злорадства и грубой иронии»[6], – указывала цензура. Однако в какой мере здесь представлена мода на революцию, на антицаризм и подлинные антицаристские настроения, совершенно неясно. Таких высказываний очень мало, а свержение царя солдаты увязывали с началом процесса явного ухода с войны, крушением старого порядка, в основном армейского строя и т.п. Что же касается личности царя, его семьи, то в солдатских высказываниях даже после революции намного меньше негативных суждений, чем это было в печати, особенно в радикальной. Лишь по

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ соч. С. 25.
[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 68; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 346; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 381; Д. 3863. Л. 150.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 327об.
[4] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205.
[5] РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 142.
[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 392.

мере развития революции царский режим все больше ассоциировался с «буржуазной» войной и т.п.

Но правительство для солдат было тем же начальством, неспособным или не желающим принять меры против купцов, потому что «не смотрят, какова жизнь бедных», «правители ничего не делают»: «Думается вправе мы требовать, чтобы правители заботились о наших семьях и дали бы нам хоть с этой стороны душевный покой, а они в два года войны ничего не сумели наладить, учились бы у французов и англичан», и уж они точно виноваты в том, что «отнимают у крестьян хлеб», или – приобретя для народа внутреннего врага в немецких колонистах, дали им наделы земли и, таким образом, допустили до «управления русским народом», к тому же и «себе карман набивают». Словом, в самом правительстве солдаты не видели какую-то враждебную силу, направленную против их интересов. Скорее эта сила государева бездействовала и этим приносила вред. По мнению солдат, правительство просто «дурное, захотели мужиков истребить», как «германец газами нас душит как собак; все равно наверное Россию задумали уничтожить»[1]. Так правительство было поставлено на одну доску с германцами. Таким образом проявилось непонимание и неприятие солдатами характера современной войны.

Среди начальства лишь городовые, стражники и жандармы вызывали резкое и неизменное неприятие со стороны солдат. Сказывалось, видно, положение вообще полиции во время войны, призванной бороться против спекуляции в городах, обеспечивать выполнение повинностей солдатскими семьями, которые солдаты-крестьяне считали несправедливыми, а полицию – просто инструментом ненавистного «тыла», к тому же и самих наживающихся, путем взяток и т. п. на войне[2]. В то же время полиция и жандармерия прямо были подключены к решению про-

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287об., Л. 115. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 465 об.–466, Л. 276об.; Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 293; Царская армия... С. 31, 32; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 512об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 153; Д. 2936. Л. 67; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 111.

блемы подавления, недопущения массовых движений «на почве вздорожания съестных припасов продуктов повседневной необходимости». В циркулярах требовалось принимать «сильнейшие меры» и, если нужно, призывать для содействия войска, всячески активизировать деятельность как городских полицейских команд, так и уездной полицейской стражи в рамках «полной солидарности» действий чинов общей полиции с местными военными властями по заранее выработанному ими плану, усилить осведомительную деятельность местных органов жандармского надзора и чинов полиции о настроениях населения, о возможности возникновения беспорядков и т.д.[1]

Возмущало то, что полиция никак не защищала социальные интересы семей призванных, то есть не боролась против внутреннего врага. А вместе с тем она не подлежала и призыву в армию, что солдаты считали несправедливым. Солдаты предлагали «забирать полицию, из каковой можно было бы составить великолепную армию. Раз они здесь герои, то они и там проявили бы свою храбрость. А на их место поставить тех несчастных солдатиков, что уже по несколько раз раненые»[2]. К осени 1916 г. враждебность к полиции крайне усилилась. Считали, что она и от войны избавлена, «и тут ей первое место и первый отборный сытый кусок»[3]. По мере усиления дезертирства именно полиция стала ярым врагом всего бродяжного солдатского элемента. Ненависть против полиции отражала и антивоенные настроения, и социальные представления о причинах войны: «Я даром не хочу воевать. У меня земли нет, ныхай воюе тот, кто мае землю. Я не дурак, свою голову ложить не буду задаром...»[4].

Солдаты были уверены, что полицейские, урядники вымогают деньги у их семей. «Мы здесь проливаем кровь, кровью окропляем землю, грудью отстаиваем каждую пядь земли, штыками выбиваем противника, а там в тылу полицейские чины-урядники, пользуясь беззащитностью

---

[1] Циркуляр тов. Министра МВД А. Степанова № 70990 от 27 июня 1916 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 85–86.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 808об.–809.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 49.
[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 809.

моих родителей стариков, вымогают деньги под видом телесного наказания и заставляют моего отца – старика, которому 67 лет, по целым дням работать», – так реагировали солдаты на сведения о привлечении гражданского населения к оборонным работам. Полиция, применявшая, как считалось, несправедливо, силу против семей воинов, в этом случае представала как очевидный вооруженный враг[1].

К концу 1916 г. солдаты выступали против всех агентов правительства, ответственных за внутренний порядок: против стражников на селе, против городовых в городах, против жандармов, осуществлявших розыск и наведение порядка по пути следования поездов, где чаще всего с ними встречались солдаты. Пробуждали ненависть и слухи о многочисленных протестах гражданского, особенно городского населения. Главными участниками этих акций протеста были семьи, жены призванных на войну, и подавлять их должны были как раз силы правопорядка. «Кого они оберегают в России? – спрашивали солдаты в письмах в армейские газеты. – Только бьют наших жон да берут взятки». Предполагалось, что полиция не только «грабит» семьи солдат, но готовится расправиться и с самими солдатами, как только они прибудут домой. Недовольство полицией, сельскими стражниками вызывало у солдат стремление конкретно ответить, защитить свои семьи. Солдаты просили в своих письмах родным перечислить все обиды, штрафы, наказания, которые их семьи терпели от стражников[2].

Солдаты были возмущены большими, как они полагали, окладами жандармов и вообще увеличением их количества[3]. Действительно, некоторые сохранившиеся свидетельства армейских жандармов говорят об их материальных преимуществах перед остальными солдатами в начале 1917 г., то есть во время всеобщего недовольства обеспечением солдат. Так, Михаил Гутников, жандарм 11-го армейского 2-го жандармского полуэскадрона, хвалился своему

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 300.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 67; Д. 2937. Л. 115; Д. 3863. Л. 337.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 405; Д. 3863. Л. 199об.

родственнику, что он ходит в баню два раза в неделю, ему бесплатно меняют белье, «харчи очень хорошие, сахару дают 4 ф., мыла 1 ф., табаку 10 пачек» и т.д.[1] Власти сами начали линию на разоблачение внутренних врагов. Сначала это были Ренненкампф, обвиненный чуть ли не в предательстве во время поражения армии в Восточно-Прусской операции. Затем – Сухомлинов, дело по разоблачению которого приобрело широкое звучание благодаря либеральной прессе и стало известно самым широким армейским кругам. Так, уже в мае 1915 г., после ареста Сухомлинова, который «погубил русскую армию», требовали повесить его и боялись, что его оправдают. Предполагалось, что такие же решительные меры власти будут принимать против купцов, «расправляться с мародерами» и т.п. В определенном смысле, власти сами выпестовали образ врага, сначала сделав ими евреев, затем генералов-предателей, затем богатых промышленников, связанных с властными кругами, наконец, уже всех групп буржуазии. Отставки в правительстве, министерская чехарда давали солдатам повод делать свои комментарии, постепенно формулировать «общественное мнение». Так, например, увольнение министра иностранных дел Сазонова нашло живой отклик в армии – с оттенком сожаления и досады. «Грустно, если эта отставка нарушит налаженную хорошо машину; сколько жертв. И теперь, когда мы накануне успеха», – писали в письмах солдаты. Постоянные перестановки в правительстве приводили солдат к выводу, что «порядка все нет, только все дорожает и дорожает...» Однако настойчивее всего требовали от правительства прекратить дороговизну. Такие требования стали раздаваться все громче со времени осеннего социально-политического кризиса в октябре 1916 г. Неспособность правительства справиться с дороговизной расценивалась в письмах солдат-крестьян как право «народа» самим навести порядок в экономике. Солдатам было трудно поверить в то, «чтобы правительство относилось равнодушно к нуждам населения». Все сильнее становилось недовольство в армии «высшими сферами» из-за их неумения урегулировать продоволь-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 293.

ственный вопрос и из-за того, что население «в полную эксплуатацию спекулянтов». «До каких пор будет продолжаться этот вопиющий грабеж кучки эксплуататоров-вампиров?» – эти вопросы сопровождались недоумением: «Где же власть и почему она не наденет узды на эту шайку негодяев?» В целом к ноябрю в армии сформировался прочный интерес к делам внутренней политики[1].

Агенты контрразведывательных отделений фронтовых округов докладывали о широком круге вопросов внутренней политики, волновавших как войска, так и население: о прекращении войны, о начале мирных переговоров, о продовольственном вопросе, о заседаниях Государственного Совета и Государственной думы, о конфликте государственной власти с законодательными учреждениями, о запрещении съездов общественных организаций. Звучала критика премьер-министра Трепова, министра внутренних дел Протопопова, критиковалось назначение министром иностранных дел бывшего премьер-министра Штюрмера, резко порицались «темные силы» в верхах, то есть деятельность личного секретаря Штюрмера – Манасевича-Мануйлова, освобождение из-под стражи известного спекулянта Рубинштейна, выражалась радость по поводу убийства Распутина и т.д.[2]

С ноября усилилось возмущение правителями, которые не заботятся о солдатских семьях, не обеспечивают «душевный покой» солдат. В письмах с фронта были постоянные укоры правительству в неумении наладить мероприятия, регулирующие цены, как это было сделано в других воевавших странах. Посыпались обвинения в адрес администрации в том, что она не обращает внимания на то, как «дерут» обывателя, что она даже ладит с торговцами или умышленно бездействует. «Нас хотят истребить, а остальных взять в свои руки» –таково было мнение солдат о властях. В декабре появились высказывания о «немецкой измене в верхах», в войсках уже открыто об-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 31; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 287, 219, 221об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 809; Д. 2937. Л. 49, 101об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 308об; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 158об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 324.

[2] РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 269. Л. 12–15об.

суждали вопросы высшей политики, отставку Штюрмера и т.п. В армии живо обсуждали также речь Милюкова в Государственной думе, читали литографические речи лидеров думской оппозиции – Милюкова, Чхеидзе, письма Гучкова Алексееву и т.п. В целом цензура отмечала критическое отношение к правительству, попадались даже такие фразы: «Проклятое правительство крепко забрало в руки весь народ». Все чаще раздавались обвинения правительства в измене, что «не стараются спасти свою родину и свой народ, а стараются спасти германский народ»[1].

Особенно широко обсуждалось в армии убийство Распутина. Среди офицерства этот акт вызвал радость: «Одной темной силой стало меньше». Для солдат же убийство одного «негодяя» ничего не меняло в их положении: «Солдат тысячами каждый день убивают – это ничего». В то же время следует подчеркнуть, что солдатам малопонятен был и правительственный курс, и вся шумиха, поднятая в либеральной печати. Для них главным было само ослабление власти, которая потеряла нити управления, а следовательно, не делает главного: не проявляет заботы о них самих и их ближних. Это привело к тому, что надежды на улучшение положения сместились от правительства к Государственной думе. Крайне редко встречались высказывания, которые можно было бы трактовать как проявления классового сознания. Так, в одном письме говорилось: «Наше проклятое правительство заливает землю потоками крестьянской и рабочей крови... Сколько жизней преждевременно угасло! ... Сколько пролито братской крови!... За что?... неужели не ударит час возмездия?:.. Будем верить. что должное свершится...»[2].

Все это в целом породило в сознании солдата-крестьянина чувство вражды к большому кругу сил, угрожавших ему, его крестьянскому миру. Эти силы были многообразны и до революции 1917 г. определялись понятием «они», а чаще – тыл вообще: «тыловые мародеры», кото-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 465об.–466; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 360об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 219об.; Д. 2937. Л. 466; Д. 3863. Л. 221; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 362; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 39, 95, 150, 96, 221; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 336об., 359.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 212, 250, 204, 218, 226, 41, 204, 243об., 396; Д. 2935. Л. 174–174об.

рые «обирают сирот и вдов, и без того обиженных», все вообще в тылу, поскольку они «наживаются», спекулируют, развратничают, причем в одинаковой степени и город, и деревня вообще не поддерживают фронт, где все плохо, в то время как солдаты должны их защищать, тех, которые вообще за войну: «Така сволочь паршива, сидит дома и открывает войну», пока «мы тут страдаем и воюем». Всего на одной странице цензурной сводки была представлена значительная палитра столкновений интересов различных групп населения. При этом одновременно солдаты возмущались тем, что «торговцы наживают бессовестные проценты», что «они даже рады и желают продолжения войны. Именно во время народного бедствия стараются выжать соки у бедняков», «все одержимы каким-то духом наживы, взяточничества, развернулись все дурные страсти», но при этом сами старались запастись хлебом как можно больше: «...больше хлеба купи, пока еще мужики продают, а то к весне не найдешь и по 5 руб. за пуд». По мнению одного офицера, возникла ситуация, когда «грабится вся Россия, грабят все друг друга: купец – крестьянина и покупателя, крестьянин – обывателя, чиновник – всех нуждающихся в его услугах, министр – казну и весь народ». Участник военно-полевых судов в революции 1905–1907 гг. констатировал: «Если бы меня посадили теперь судить кого-нибудь и подписать приговор “на виселицу”, я растерялся бы. Всех надо повесить, начиная от Сухомлинова, который теперь притворяется сумасшедшим, и оканчивая тем мужиком, который говорит: “зачем мне копать картошку, если мне не позволяют взять за нее на базаре столько, сколько я хочу”»[1]. По существу, уже до 1917 г. возникла ситуация «войны всех против всех», где, однако, у солдата-крестьянина было больше всего врагов и права воевать внутри России.

Объект ненависти солдат-крестьян не был постоянным. Прежде всего, они стремились заменить начальство,

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 384об.; Д. 2935. Л. 362об.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 1. Л., 1928. С. 170–171; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 676об.; Царская армия... С. 97; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 362об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304–305; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 30об.

неспособное разобраться с «купцами-изменниками»: «Если бы позволили нам мы раздобыли бы у них и хлеб, и чай, и сахар»[1]. В то же время солдатами-крестьянами владели, очевидно, и чувства общесоциальной справедливости, которую необходимо, по их мнению, восстановить: «Все солдаты говорят, что если и замирится война, то не пойдут сразу по домам и не положат своих ружей, пока не ублаготворят всех людей, кто в чем нуждается»[2]. Но в понятие социальной справедливости входило и наведение порядка в собственных семьях, например, – «переменить всех жен»[3], «разобраться с родственниками»[4].

Очевидно, что именно военный опыт сказался на стремлении разобраться с внутренним врагом. Это отразилось и в самой лексике последовавшей (уже в годы революции) борьбы с внутренним врагом: «реквизиция, конфискация, предатели в тылу, тыловые мародеры, интернирование, концлагеря и даже отпуск под честное слово» – мера, применявшаяся во время войны по отношению к военнопленным-славянам (то есть враги – но «свои»).

Понятно, что во время революции весь комплекс ненависти к внутреннему врагу обнажился, причем сам враг не поменялся. Для окопных – это просто «тыл», враги фронтовых солдат – это «буржуазия», под которой подразумевались, в сущности, все те, кто препятствует солдатам-крестьянам как в восстановлении их довоенного статуса, так и в его изменении, ставшем возможным в связи с военным опытом. Во время революции усилилась радикальность, решительность армейских масс. Теперь «внутреннему врагу» ставился ультиматум: «Мы окопники самое большее терпим до осени, а тогда берегись тыл и враги фронтовых солдат, пока терпят, а когда сорвутся, то как саранча все сметет и уничтожит армия, если только не послушают ее голоса»[5]. В сущности, революция начала процесс перевода военного опыта в социальное творчество. Внутренний враг

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 204; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 362–362об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 594.

[3] *Федорченко С.З.* Народ на войне. Гранки // РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 146об.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 168об.

[5] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 357.

стал, таким образом, важнейшим фактором, угрожающим тем ценностям, которые необходимо добыть и защитить.

Внутренний враг не просто уравнивался в этой новой ситуации с внешним. В то время как солдаты сражались с внешним врагом, их семьи противостояли врагу внутреннему – пособнику врага внешнего[1]. Борьба с внутренним врагом признавалась даже более актуальным и серьезным делом[2]. Имелось в виду, что разбить его нелегко, в то время как «не враг герман нам страшен, его наши бьют»[3]. В то же время самого стремления заменить внешнего врага на внутреннего не наблюдается. Корреспонденты из солдат-крестьян постоянно писали, что борьба против внутренних врагов – это лишь дополнение борьбы с врагом внешним, это, так сказать, дополнительная важная военная операция. Собирались бить буржуев, «погнать тыльных солдат на позиции» и т.п.[4]

Внутренний враг не просто вызывал недовольство. Еще с зимы 1915–1916 гг. встречались такие настроения: «Бог даст, останемся живы, разобьем все на свете всех панов после войны довольно им пить кровь нашу, мы погибаем, а они все пуза кохают»[5]. Однако внешний враг ставился пока на первое место, а внутренний – на второе. С ним предполагалось разобраться после войны[6].

В одном из писем приведен характерный для крестьянской ментальности взгляд на проблему внутреннего врага. Протестуя против случайного, по мнению корреспондента, убийства человека на войне, он заключал: «Убить нужно того человека, который живет в России праздно и обирает бедный народ»[7]. Тем самым подчеркивалось, что взгляд должен быть направлен не на абстрактного человека как на врага, а на определенного – так полагали солдаты-крестьяне. С другой стороны, готовность разобраться

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 377об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 574; Ф. 2031. оп. 1. Д. 1181. Л. 178.

[3] Там же.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 763об.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 357.

[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 384об.; Д. 2935. Л. 362 об.; Д. 3863. Л. 149 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 510; Д. 1184. Л. 575 об.

[7] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 134об.

с внутренним врагом носила порой пассивный характер: «Получат и они, проклятые крокодилы, которые жиреют в такое время, потеряв свой человеческий образ, свою мзду в свое время отольются волку овечьи слезы», – писал один солдат[1].

Но по мере усиления социально-экономической напряженности росло возмущение и озлобление, «негодование» и «громовая критика» против «бесстыдства» спекулянтов[2]. В письмах все чаще высказывалось мнение, что «жить нет возможности, если правительство не примет меры против купцов»[3], и усиливалось стремление отстоять свои права в деревне:

Надо мной чего ругаться,
Я царев без голоса,
А ты дай домой добраться,
Не отдам ни волоса[4].

С лета 1916 г. раздается все больше призывов «негодяев купцов» «не судить, а прямо бы вешать»[5], «покорить внутреннего врага», то есть «спекуляцию богатых людей»[6].

С осени 1916 г. корреспонденция с фронта, явно подогреваемая недовольством в тылу против дороговизны, стала носить уже «угрожающий характер всеобщего недовольства»[7]. Череда беспорядков в тылу, а также убийство Распутина[8] способствовали постепенному переводу возмущения в прямую готовность к решительным действиям.

Современники говорили о гнетущей атмосфере, сложившейся в обществе в конце 1916 – начале 1917 гг., и подобные настроения затронули и армию. Автор письма из 242-го пехотного Луковского полка писал: «Чувствуешь, что-то твориться в России не ладно... Я жду чего то печаль-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 465.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 81аоб., 179об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 268об.; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200, 218, 226об.
[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 287об., 326.
[4] *Федорченко С. З.* Ук. соч. М., 1990. С. 50.
[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 362.
[6] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484об.
[7] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 484об.
[8] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1486. Л. 252.

ного для матушки России»[1]. Автор другого письма сообщал: «Всем надоела война... недовольство растет с каждым днем. Оно переходит в глухое рассуждение» – и делал вывод: «Мы стоим на пороге великих событий»[2]. Подобные мрачные письма цензура уничтожала. Другой автор письма, с Румынского фронта, сообщал, что «эта жизнь надоела, что вера не имеется, что когда избавимся от нее». А вот еще одна выдержка из письма с фронта: «Стало вдруг как-то душно и хочется новой струи жизни и воздуха, которым раньше дышали»[3]. Автор другого письма, видя «сокрушительную жизнь», «картину смерти и крови», констатировал: «У человека зародилась злоба и искра злобы не угасает, в которую подливают еще масла»[4].

На фронте стали распространяться представления, что не только война вообще, а всё «надоело» и «осточертело» и что «пора уже кончать»[5]. Господствовали мрачные настроения в связи с тем, что все происходящее отравляет жизнь армии, подрывает ее дух и может привести к самым неожиданным результатам, так как в недалеком будущем «терпение лопнет»[6]. Теперь уже речь шла даже не о страданиях от переходов или задержке в выдаче пищи. Теперь звучали угрозы: «Какая здесь есть справедливость, но нет же подлецы они заплатят за это»[7]. Корреспонденты констатировали в войсках «настроение и ту угнетенную скуку среди этих несчастных людей, от которых только и слышишь одни проклятия и недовольство... Вся эта атмосфера пропитана какой-то злобой, и кажется, что вот-вот будет взрыв»[8]. Начались и прямые угрозы и призывы к действию против внутреннего врага. Большинство из них, в сущности, предвещали социальную революцию. В связи с этим сравнивали ситуацию с той, что была перед Первой русской революцией: «Ничего кончится война и всей этой сволочи не сдобровать народ сведет с ними счеты... хотя

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 41.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 18.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 16.
[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 363–363об.
[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 417.
[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 412.
[7] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 298.
[8] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 158об.

конечно это будет ужаснее, перед чем побледнеют 904–5 года». В одном из писем с фронта даже указывалась последовательность возможных беспорядков: «Понемногу и теперь начинают громить: в Баку, Тифлисе, Екатеринодаре и т.д. Начинают с купцов, перейдут дальше к фабрикантам, а там... додумаются и до первопричин. Уверен, что социальная революция начнется в побежденной Германии, которую империализм втянул в эту ужасную войну, раз начнет Германия, то вряд ли устоят остальные»[1]. Как видно, зерна большевизма были посеяны еще до 1917 г. Идея бунта шла изнутри, затем утверждалась на фронте. Корреспонденты были уверены, что «ударит час возмездия... Будем верить, что должное свершится»[2]. Многие солдаты делали вывод о возможности бунта, так как «приходится есть черный хлеб или сухари с водой»[3], и ожидали «восстания наших братьев»[4]. Солдаты прямо угрожали: «Молчим до конца войны. Уладятся внешние дела, возьмемся за внутренние устройства»[5]. И выражали готовность поддержать тыл в его противоборстве с «мародерами»: «Если бы в России мирному жителю стало очень плохо, солдат пришел бы ему на помощь»[6]. Именно в таких высказываниях кроется зерно национального единения в борьбе за общие социальные ценности. Находились солдаты, которые писали угрозы непосредственно в фронтовые издания, требуя: «Довольно воевать, пора окончить кровопролития». В другом анонимном письме солдаты «из боевых окопов» писали в редакцию того же «Армейского вестника»: «Помните одно что недалеко то время что мы сведем с вами наши счеты и вы жестоко поплатитесь за ваши на родные прегрешения»[7].

Среди таких писем были и прямо антивоенные, отвергающие необходимость продолжения войны, которая «будет способствовать дальнейшему поголовному истре-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 435.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 174–174об.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 917.
[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 27об.–28.
[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299об.
[6] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 335.
[7] Письма в «Армейский вестник» // Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 55–55об., 66–66об.

блению народов России». При этом автор письма уточнял, что он не «защитник России, а патриот»: «Сердце мое беспрестанно щемит что Россия проиграла войну и отдала почти 5-ю часть своей земли неприятелю, но кто виноват этому если не правительство, об этом конечно, вы сами знаете, кто виноват, в победу теперь может верить только идиот»[1]. Противопоставление патриотизма, направленного на решение проблем социального устройства, идее защиты Родины является важным показателем зрелости сознания солдат-граждан. При этом отказ от защиты Родины носит даже вспомогательный характер в утверждении патриотизма внутреннего: «Скоро скоро мы повернем орудию против России довольно страдать. Станем вопервых бить свое начальство а сами вплен будем здаваться вьедино пропадать живому»[2], – грозились солдаты-окопники. И далее: если солдаты сами не возьмутся за»дело» и не «повыбьют усих панов», то они пропали навеки[3].

§3. Моральный кризис в русской армии

Моральный кризис в русской армии имел ряд аспектов: пожелания мира от победного до «во что бы то ни стало»; крайняя усталость до безразличия; готовность к бунтам в армии; отказы воевать. Так, слухи, ожидания мира, даже сепаратного, распространялись в русской армии с первых же месяцев начала войны. Слухи о сепаратном мире уже с этого времени связывались с «немецкой партией» в Петрограде во главе с царицей Александрой Федоровной, которой противопоставлялась «военная партия» во главе с Верховным главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем. В ноябре 1914 г. с фронта продолжали поступать сообщения о желании «скорого мира» у «всех» солдат и офицеров, письма которых подвергались цензуре. Отмечались «антивоенные» настроения: «Ну, что о мире пишут?», «А как насчет мира?» и т.п. Особенно от-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 234а. –234боб.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 33–34.
[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 349.

мечалось, что старые солдаты – против войны. Надо полагать, потеря бодрости, усталость, мирные настроения, распространившиеся в армии особенно в ноябре – начале декабря 1914 г., недовольство «патриотической» печатью, вообще военными настроениями – главным образом в Москве и Петрограде – являлись следствием усталости от тяжелых боев в Польше в это время. Это же явилось и причиной множества случаев сдачи в плен, в том числе всеобщего желания попасть «в плен друг к другу»[1]. Всего за 1914 г. зарегистрировано 7 сообщений о пожеланиях мира и т.п.

Зимой и весной 1915 г. разговоры о мире в армейской среде продолжались, в частности среди призванных на войну. Всего за тот же срок, до июня 1915 г., что и за первые 5 месяцев войны, зарегистрировано почти столько же (6) случаев выражения мирных пожеланий, ожиданий и т.п., хотя и не столь категоричных. Правда, подобных высказываний стало меньше, зато сдач в плен намного больше. Ненамного больше стало выражений пожеланий мира и за лето 1915 г., то есть за время напряженных боев в дни «великого отступления»: за июль – 8, а за август – 10, всего за лето 19. Увеличение же таких сведений за июль и август в принципе сопоставимо с количеством таких сообщений за время тяжелых боев в Польше осенью 1914 г. Объяснение некоторого повышения количества сведений о желании мира цензура видела в необходимости повидать родных в период «когда идет уборка хлеба», тоской по дому и т.п. Таких писем – с «мирной тенденцией», с пожеланиями скорейшего окончания войны – было по Юго-Западному фронту до 20–30% , хотя и отмечалось, что эти письма в основном из тыла. Вместе с тем есть сведения, что как раз за это время количество «мирных» сообщений уменьшилось, «солдаты забыли думать о мире»[2], что

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 435; Д. 561. Л. 45, 56, 136, 189, 143, 189, 190об.

[2] Начальник канцелярии главного управления снабжений Юго-Западного фронта – генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта от 9 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 59; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 60.; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 1. Л., 1928. С. 8, 296–297; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 18, 20, 20, 35; Д. 2935. Л. 4, 71об.–72; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 281.

объясняется ситуацией тяжелой борьбы, привычной для солдат-крестьян тяжелой работы именно в конце лета, что на фронте соответствовало вполне понятному, в этом смысле оправдываемому ратному труду.

Особенно жаждали мира солдаты кадровой армии, то есть взятые в армию еще до начала войны. Именно они считали, что «за эти два года уже, кажется, довольно бы воевать, и так трудно жить стало, все дорого и работать некому», и т.п. Количество сообщений об ожидании мира увеличилось именно к сентябрю, то есть ко времени окончания крестьянских работ. Это и вызвало большое количество писем. Однако вряд ли что-то изменилось в солдатском сознании: скорее это была отложенная реакция на тяжелые условия летней компании, результатом которой было поражение. Вообще впечатление такое, что все ожидали мира именно потому, что было поражение: сменилось командование, пора домой...[1]

В сентябре резкое усиление антивоенных настроений демонстрировали авторы писем с фронта. В армии желали: «Даст нам Бог всепаратный мир». А из России эти настроения подогревались страстным желанием увидеть ратников, что совпадало с периодом отдыха в крестьянских семьях после тяжелых летних работ. В этом случае цензура оценила, как тревожные, сообщения о желании конца войны, мира «во что бы то ни стало». Это, конечно, противоречило официальной позиции, в соответствии с которой война должна закончиться только после безусловной победы. Но в целом за сентябрь – октябрь пожеланий мира было немного: 5 за сентябрь и 3 за октябрь. Сказывалось затишье, приемлемость своего положения на войне в условиях начавшейся позиционной войны, трудности которой были еще впереди и пока неизвестны. Несколько настораживающим было, однако, количество писем с «жаждой мира» из некоторых армий (4-й) – 7% по сравнению с 10% патриотических. Цензура отчитывалась, что, несмотря на то, что «мира хотят», но таких писем «в общем-то немного». Для ноября 1915 г. характерно просто желание мира, всего 7 высказываний типа: «Мы просим Бога, чтобы хоть

[1] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 467об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 193–193об., 207.

поскорее прекратил войну, а то надоело сидеть в окопах кормить вшей»[1].

Зато на декабрь таких высказываний приходится в три раза больше – 21. Возможно, здесь сказалось затишье на Рождество и Новый год, что само по себе ставило вопрос о мире, который, казалось, уже просто на пороге. Мир виделся совершенно достижимым, даже почти уже наступившим. Солдаты так и говорили: «Боев нема уже полтора месяца стоим стрелять не приказывают. Уже мир есть, только не объясняют»[2]. Всего за это время, по данным цензуры как армий, так и некоторых военных округов, за мир выступали 11% корреспондентов при 33% «патриотических» писем[3]. При этом солдаты соглашались на мир «лишь только почетный, дабы Россия стала более великой, более сильной», отмечала цензура. Правда, продолжали встречаться и письма с пожеланием мира без победы. Большое значение в прекращении или в уменьшении толков о мире имела позиция царя. Так, на Юго-Западном фронте, когда под Новый год получили телеграмму царя о необходимости продолжения войны, такие толки прекратились. И после посещения царем ряда армий Западного фронта в декабре 1915 г. «старательно обходимый» вопрос о мире совершенно перестал встречаться в письмах[4].

Однако в 1916 г. нарастание слухов, толков, разговоров, вообще ожидание мира продолжалось и в целом повторилась картина 1915г., но с некоторым ослаблением весной – летом и постоянным усилением к осени, достигнув пика в декабре 1916 г. Так, за январь отмечено 17 цензурных сообщений об ожидании мира в армии. В некоторых частях 7-й армии цензура констатировала резкое усиление упадка настроения: «Скорей бы кончилась эта война». При разговорах о мире солдаты стали разделять тех, кто активно же-

---

[1] *Войтоловский Л.* 1927. т. 2. с. 171. 281; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 22об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 40; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 584об., 585об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 12; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6, 31; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 2; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 114.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 158, 170об.; Д. 3845. Л. 362об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 158, 170об., 225; Д. 3845. Л. 362об., 368об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 52.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 368об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 261; 2932. Л. 211об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 68об.

лает продолжения войны (то есть те, кто не на позиции), и остальных – это «все», кто «только и желает одного мира». Власти были озабочены продолжением разговоров о мире, констатировали: «Дух пал: жажда мира разлагает» – и планировали в связи с этим даже создать особый патриотический орган печати. Но и в феврале 1916 г. мирное настроение продолжалось, хотя подобных сообщений зарегистрировано всего 10. Солдаты мечтали о «кусочке мира, больше бы ничего не надо», «предсказывали», что мир наступит в ноябре. «Слово мир стало чаще фигурировать», – констатировала цензура Юго-Западного фронта. Следует отметить, что часто слово мир являлось просто знаком угнетенного настроения в связи с тем, что «надоела война»[1]. То есть «мир» ожидался не как планируемый, конкретный мир, а просто как прекращение тягот войны.

С марта 1916 г. количество слухов, пожеланий мира увеличилось, в результате в сводках цензуры появилась специальная рубрика «о мире». Всего сообщений о мире за март немного – 7, однако они отражали больший охват солдат, поддерживавших «мирные настроения». «Стало уже часто у солдата на языке слово “мир”», – цитировала цензура слова одного солдата. Пишут о мире очень много, говорилось в сводке цензуры по Юго-Западному фронту в конце марта. Например, в 7-й армии такие высказывания были в 29% писем. Вопрос о мире затрагивается попрежнему довольно часто, сообщала цензура 2-й армии. Именно с этого времени цензоры активно подчеркивали, что хотя «все за мир», но только через победу, называя это «здоровой философией»[2].

В течение апреля высказывания с пожеланиями мира значительно усилились, хотя всего их зафиксировано 10 за месяц, однако их тон говорит о значительном усилении таких надежд, что выражалось в словах цензора «мира жаждут». Даже применяемые цензором оговорки, что «толков о мире» нет, а есть только желание мира почти

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 308; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 52; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 362; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 39об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 292об., 293, 309; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 390.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 422об.; Д. 2932. Л. 436; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 88; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 442–442об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 127, 152; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 418об.

в каждом письме и что мир подразумевает обязательную победу. не могли скрыть нараставших ожиданий мира в войсках. Опять высказывалась уверенность, что мир наступит или в октябре, или непременно зимой, о чем якобы свидетельствовало и желание мира противниками – такой вывод русские солдаты делали исходя из активной пропаганды враждебных войск, что и противник «тоже просит мира, и так что они как заметно не хочут воевать уже». Для смягчения мирных настроений цензура подчеркивала, что мир ожидался только после победы над врагом[1].

В мае, по данным цензуры, количество высказываний о мире значительно увеличилось – цензурой зарегистрировано 27. «Ждем и не можем дождаться одного слова в 3 буквы мир и тогда бы все братья скричали ура», – писали солдаты. «В общем же итоге весы склоняются в сторону мира», – констатировала цензура Казатинского почтового пункта. Это было связано как с перенесенными зимой страданиями позиционной войны, так и с волной братаний, являвшейся в глазах солдат подтверждением мирных настроений и у противника и доказательством «простоты» наступления мира в виде реального замирения и даже братания. Вновь появились «предсказания» о наступлении мира в октябре. Сообщения о мире стали поступать на фоне слухов о том, что «везде бунтуются»[2].

Однако и в это время мир мыслился для большинства солдат «через победу», чего ожидали и от предстоявшего весенне-летнего наступления. Как и следовало ожидать, как только в конце мая началось наступление (Брусиловский прорыв), толки о мире в некоторых армиях (например, в 11-й) сразу прекратились. Та же тенденция к прекращению «мирных» разговоров имела место и в июне, за это время было зарегистрировано только 7 высказываний, в которых речь шла об ожидаемом мире вследствие успеха в последних боях. Однако уже в конце июня в связи с упорством боев среди солдат опять началось обсуждение вопроса о

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 82, 54, 122; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. 41об., 31об., 49, 55об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 793об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 6; Д. 3856. Л. 118об.; Д. 2934. Л. 9об.; Д. 3856. Л. 118об., 122, 136; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 79.

мире. Надо полагать, только упорство боев в июле и августе не позволяло широко разрастаться разговорам о войне на фронте. В некоторых случаях, возможно после неудач в боях, отдельные высказывания свидетельствовали о крайней степени напряжения, страданий, конец которым и виделся в мире. Вновь идут «назначения даты мира»: в конце осени, в сентябре или в октябре и/или просто «к осени». «Желание мира громадное», – констатировала цензура уже в середине июля. Мира ждали именно к осени – та большая часть солдат-крестьян, взятых в армию осенью 1915 г. С их точки зрения, закончился необходимый призыв их в армию с сидением на позициях зимой 1915–1916 гг. и участием в летних боях. По понятиям солдат-крестьян, это означало конец их «отхода» от собственно крестьянского труда и, следовательно, должно наступить время вернуться домой, то есть мир: долг выполнили, в боях поучаствовали, потрудились – пора и мириться. Да и для солдат-срочников, взятых в начале войны, её продолжение означало воевать 3-й год, что было непереносимым. Сильные аргументы для заключения «почетного мира» солдаты видели во вступлении в войну Румынии. Похожая ситуация была и в сентябре, когда таких писем о мире было уже 15% в некоторых частях 12-й армии на Северном фронте, при этом значительная часть корреспондентов мечтала о мире «во что бы то ни стало»[1]. Впрочем, и тогда еще не было представления о мире как о выходе из войны, это все еще связывалось с возможным успехом в наступлении.

Значительное усиление толков о мире произошло в октябре, особенно во второй половине месяца. Всего за это время цензурой отмечено удвоение (25) количества сообщений о мирных настроениях. В результате цензура констатировала, что «кривая» настроения временно уклонилась книзу, потому что, кроме тяжелого, невыносимого положения солдат, не менее тяжелым оказалось положение их семей, которые голодали . В то же время стало

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 186, 189; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 2–2об., 6, 257об.–258; Д. 2935. Л. 64, 113, 109об., 122, 260, 264; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 228об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 265; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 467об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 252, 262об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 22об.; Д. 1184. Л. 585об.

ясно , кто именно за войну, «кому опасность не грозит». Солдаты проклинали тех, «кто затеял эту войну». То есть впервые мир стал рассматриваться не как замирение с врагом, а как возможность разобраться с внутренними врагами.. Максимум, на что соглашались солдаты: «держать будим а наступать ни будим». Мало того, писали: «Пока сами мира не сделаем, то и не ожидайте, пропадет весь народ». Именно в это время стали слышны голоса пацифистов, принципиальных противников войны[1].

В ноябре устремленность солдат к миру сохранялась и даже несколько увеличилась (32 зарегистрированных сообщения). В целом цензура констатировала, что вопрос о мире затрагивается в письмах довольно часто, хотя достижение его ставится в зависимость от победы. При этом сообщалось, что значительное число авторов писем желают мира «во что бы то ни стало». Желание мира теперь все больше сочеталось с интересом к внутренним делам в России, включая перестановки в правительстве, заседания Государственной думы и Государственного совета, решения продовольственного вопроса и т.п. То есть мир все больше трактовался как возможность решить в благоприятном духе именно эти внутренние дела. Множество корреспондентов ожидали мира в декабре.

Однако подлинный взрыв мирных настроений произошел в декабре. В этом месяце зарегистрировано 75 сообщений о мире. Цензура констатировала «сильное тяготение к миру». Здесь сыграли большую роль обсуждение германских предложений о мире и ответных акций союзников, приказа Николая II от 12 декабря 1916 г. – как в печати, так и среди солдат. Согласно сводкам цензуры некоторых военных округов, в половине солдатских писем поднимался вопрос о мире. Большинство разговоров о мире протекало на фоне слухов о кризисе внутри России, о бунтах, забастовках и т.п.[2]

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 211; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 45, 46об.; Д. 2956. Л. 234об.; Д. 2935. Л. 794; Д. 2937. Л. 53, 115; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 307об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 116об.–117; Д. 2935. Л. 801об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329об., 353, 354, 359; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 91, 166об., 159, 200, 206, 236; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны, 1914 – февраль

Мир понимался, в сущности, как активное включение солдат в социальную жизнь, чтобы «разделить нам молодую жизнь». Не следует переоценивать антивоенные настроения. Цензура настаивала, что все же большая часть армии против мира. В подобного рода воинственных высказываниях нет недостатка: «Не время еще об этом говорить», «Приказ победить, наконец надо же разбить Германию и компанию». Требовали мира «только прочного». В одном из писем давался такой ответ на «мирные» предложения противника: «На предложенный германский мир, унижонный и непрочный, не христианский – союзники ответили: нет. Да разве можно, когда Германия, забрав все руды железа, будет опять ковать свой кулак»[1].

В действительности, только от 25 до 50% армии высказывались в той или иной форме за мир. Цензура утверждала, что часть армии, желающая мира «во что бы то ни стало», является явным меньшинством. Власти, однако, тревожило, что активизация антивоенных настроений происходила на фоне уменьшения бодрых писем. С другой стороны, активная часть, выступавшая за мир, уже начинала выдвигать это требование как мира «во что бы то ни стало». В любом случае цензоры вынуждены были констатировать явный раскол в армии: одна половина писем содержала в себе несомненные признаки утомления войной и тяжестью походной жизни, другая представлялась в совершенно ином виде. По словам цензоров, «там преобладает бодрый дух, готовность жертвовать собой и вести борьбу до полного разгрома врагов. 4 буквы слова “Миръ” в глазах солдат значат куда больше, чем все 4 степени Георгиевской награды». И только на 1917 год оставалась еще надежда, которая, может быть, «принесет нам блестящую победу над коварным врагом и скорое успешное окончание войны»[2].

В январе 1917 г. цензура отметила значительное уменьшение высказываний о мире, якобы думать о мире в войсках перестали, увеличилось количество бодрых писем.

1917 . М., 1966. С. 274; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 79.

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 426; Д. 3863. Л. 87. 203, 206, 206об.РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 206об., 212об., 213об.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 202об., 224, 202об., 229, 225, 179.

Так, например, во 2-м Сибирском корпусе остановился рост количества бодрых писем, составивших около 8–13%. При этом уменьшилось количество писем о мире «во что бы то ни стало». Однако необходимо учитывать фактическое введение первональной офицерской цензуры, что, возможно, и уменьшило количество «мирных» писем. Хотя продолжали поступать тревожные сведения о согласии заключить мир без победы: «не будет очень большой позор, когда не победим мы врага и... не заставим его замолчать навсегда». В то же время в цензуре констатировали: «настроение бодрое, хорошее, но хочется домой».

С другой стороны, необходимо отметить рост реальных проявлений «мирных» тенденций в виде прямых отказов воевать, наступать и т.п. Распространялись идеи не вообще о мире, а о прямом его заключении, поскольку «сами кровь лили, сами и помиримся, а не на бумагах разных»[1].

Еще меньше писем о мире зафиксировано за февраль, что также можно рассматривать как переход от слов к делу, как реальное создание условий, приближающих мир. Солдаты писали: «Избавимся от гнета этой ужасной проклятой войны», «...а миру ждали, ждали так и не дождались, должно быть все еще не напились крови человеческой, время уже кончать, четвертый год...», желали «встретить в скором времени счастливый и великоторжественный день кончины войны и положения душевных жертв»[2].

В марте, уже после совершения революции, цензура отмечала: «Резко перестали интересоваться войной». Мир стал восприниматься как еще одна свобода наравне с политической свободой. Теперь вопросы о мире солдаты свободно обсуждали с противником, обычно в ходе братаний[3].

С апреля, при регистрации всего 7 сообщений, мир, а точнее, его реальное достижение стало ассоциироваться с революцией, которая только одна и может гарантировать и обеспечить мир. И наоборот, все, кто за войну, это контрреволюционеры, буржуи и т.п. Мир одновременно делал-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 279об., 284; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 247; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 142об.–143.

[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 205. Л. 221; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 344, 355.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 38; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 584, 584, 408об.

ся самими солдатами в виде братаний и даже расправы со своей артиллерией, которая пыталась помешать общению русских солдат с противником[1].

Для понимания причин участия русской армии в Февральской революции большое значение имеет анализ ее морального кризиса, история которого началась с самого начала войны. Уже в первые месяцы наблюдались психологические срывы в настроении войск. Как правило, такие известия приходили из частей, укомплектованных резервистами. Так, военнослужащий 101-го пехотного запасного батальона писал в Одессу в ноябре 1914 г.: «Лиза. Наш батальон уезжает неизвестно куда... В казарме плач. Бьют койки и сундуки. Не пиши больше»[2]. Обычно цензура подобные письма задерживала. В других письмах также сообщалось о случаях угнетенного настроения, членовредительства, «внезапного умопомешательства» в результате впечатлений от тяжелых боев[3].

Однако после первых месяцев маневренной войны положение с точки зрения психологического настроя армии вроде бы выправилось (а возможно, такой вывод является лишь следствием отсутствия цензурных материалов). Зимой 1915 г. цензура насчитывала только в 0,3% писем критику действий и событий, желание мира как конца страдания[4]. Во всяком случае, еще весной 1916 года настроение, например в 4-й армии, описывалось как «отличное», «полное отсутствия какого-либо уныния» и т.п.[5]. В то же время сохранилось немало сведений об упадке духа солдат в некоторых частях: «Каждый ходит задуманный и измученный ежедневно плачится масса жертв, конца войны не видно, жизнь солдата хуже ржавой жестянки» и т.п.[6] О тревожных явлениях падения духа в армии свидетельствовала и записка начальника штаба Ставки ген. М.В. Алексеева главкому армий Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилову от

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 652; Д. 3868. Л. 244; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 67, 54.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 38.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. 207; *Ляховъ М.Н.*. Указ. соч. С. 30–31

[4] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47об.

[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. 39об.

[6] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 56.

3 мая 1916 г., то есть накануне «Брусиловского прорыва». Обобщение писем офицеров, а также сведений из госпиталей от офицеров и нижних чинов заставило командование сосредоточиться на «духовные недочетах, при наличии которых нельзя рассчитывать на упрочение нравственных устоев в войсках». Алексеев отмечал «повсеместное, растущее с каждым днем отрицательное явление, в корне надламывающее духовную мощь армии», что «войскам не хватает той уверенности своих начальников, того обаяния личности вождей, на котором прежде всего зиждется духовная мощь армии». Ставился вопрос об отсутствии популярности воинских начальников, «духовного единения старших начальников со своими войсками», о том, что старшие начальники не считаются с обстановкой современного боя, не входят в положение войск и потому возлагают на них задачи явно невыполнимые или ставят части в явно невыгодные сравнительно с противником условия борьбы». Пехота «в самых сильных и резких выражениях» жаловалась, что «ее систематически и безжалостно посылают на верный расстрел атаковать сильно укрепленные позиции с недостаточной артподготовкой». «Войска не страшатся гибели... Но войска не мирятся с ненужной гибелью своих братьев», – подчеркивалось в записке. В ней подчеркивалось также, что войска выступали против «бесконечных и безнадежных атак», обнаруживая, таким образом, признаки морального кризиса, подобного тому, какой разразился во французской армии летом 1917 г., когда войска выступали не против самой войны, а против бессмысленных и безрезультатных атак. «Безвредные в начале войны, не имевшие теперешней силы и столь повсеместного распространения толки ныне приобрели такую силу и значение, что с ними приходится серьезно считаться, иначе они могут привести к страшному бедствию. Нервное настроение офицеров, несколько улегшееся в конце прошлого года, вспыхнуло с новой силой после декабрьских и мартовских неудач», – подчеркивал начальник штаба Ставки. Брусилов в целом согласился с запиской: «много правды», но полагал, что «излечить от этой беды может только победа. Другого средства нет»[1]. Но даже

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 161. Л. 326–330об.

и во время Брусиловского прорыва продолжали поступать весьма негативные оценки духа армии. Они касались главным образом ее состава: засилье «молодых парнишек», отсутствие солдатской выдержки и понимания, слабость офицерских кадров. Автор делал вывод: «Государство наше до февраля 1917 года еще выдержит»[1].

Летом 1916 г. поступали противоречивые сообщения о настроениях в войсках, от констатации его как «бодрого и часто приподнятого и не оставляющего желать лучшего» до заметок о «повышенном отношении к личной безопасности». Характерной для этого периода была такая оценка настроения: «Очень было переносить тяжело, но духом не пали». Однако уже через месяц, в сентябре, пошли крайне тревожные сообщения о серьезном упадке настроения: «Теперь как то все русские солдаты упали духом», уже «ничего нет и ничего хорошего не ожидаю», – писали солдаты. «Одним словом теперь не бои, а ад кромешный», – говорили солдаты в конце летних и начале осенних боев. «Веселого нет... Пора окончить, пора дать вздохнуть свободно и оправиться вольным жителям...сами не стальные». С октября цензура все чаще отмечала наличие просто панических писем, свидетельствовавших о крайнем упадке духа: «Все прямо-таки потеряли веру в будущую жизнь», «...Настроение у всех угнетенное. Отсутствует вера в победу», – писали солдаты, неизменно подчеркивая всеобщность подобных настроений: «Потерял веру» «в окончание этого безобразия называемого войной», «Затеяли войну... все пропало», «Отечество продано... жертвы напрасны»[2].

Но и в ноябре цензура продолжала отмечать «спад настроения», «все чаще и чаще попадаются письма усталости, уныния, а подчас и раздражения». Цитировались такие строчки солдатского письма: «Теперь все от начальника до солдата упали духом. То и дело видишь плачущих солдат и офицеров после чтения писем с родины»; «Слухи все какие-то идут нехорошие, очень нехорошие. Так что дух у солдат падает и падает»; «А что касается нашего терпения, то оно уже потеряно»; «Настроение угнетающее и к

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 285об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 262; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 749; Д. 2937. 3об., 99об., 40, 38, 27об.–28, 115.

победе не ведет и точно сомнительно, чтобы за нами осталась победа»; «Воюют только бедные "бараны"»[1].

Уже в декабре 1916 г. цензура прямо констатировала, что в целых армиях, в том числе в Особой армии, настроение «понижено». «Теперь реже встречаются письма с ярко выраженным боевым воодушевлением или проникнутые неукротимой ненавистью к врагу. Вообще же о войне стараются не писать, говоря, что "все переписал", или что "надоело","наскучило", "когда все это кончится", а то и ссылаясь на запрещение касаться в письмах темы войны». В сравнительно большой части писем вообще умалчивалось о войне. Цензура полагала, что дело в погоде и наступившем затишье, имея в виду прекращение широкомасштабных операций. В конце 1916 г. власти особенно беспокоили даже не негативные настроения, а безразличные. Действительно, такие настроения распространились с октября 1916 г. наряду с суицидальными настроениями, ожиданием «конца» или бунта. Цензура отмечала уже индифферентное отношение к своему делу, и «это обстоятельство, казалось бы, надо рассматривать как крайнюю меру уныния», – делал вывод цензор. Накануне Февральской революции апатия, неудовлетворенность войной и т.п. продолжали распространяться[2]. Нарастали явно упаднические настроения, ожидания чего-то худшего, к чему были все или безразличны, или готовы: «Нет надежды на лучшее и теперь в ожидании другого (как бы это тяжело не было) конца...» Солдат угнетала неизвестность, казалось, что «время остановилось». А в начале 1917 г. армию охватили крайне пессимистические настроения: «Наш солдат в последние дни мрачно смотрит вперед», « налицо страстное желание конца, зародилось уже отчаяние», зародилась и не угасает «искра злобы», в которую «подливают еще масла». «Скоро ли конец всем этим мучениям?» – спрашивали упавшие духом солдаты[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200об.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 328; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 917; Д. 2937. Л. 419; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 234аоб.; Д. 3863. Л. 303–303об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 16, 146, 303–303об., 362об., 363–363об.

§4. Анатомия солдатского бунта

Неповиновение начальству, скрытые и прямые бунты были характерны для русской армии в течение всей войны, хотя их пик пришелся на конец 1916 – начало 1917 гг. Так, известно о волнениях призывников при мобилизации запасных уже с осени 1914 г.[1] В Харькове, в запасном батальоне, в котором было много шахтовых рабочих, в том же 1914 г. произошли большие беспорядки[2]. Корреспонденты сообщали с фронта о частых фактах убийства командиров, как правило за дурное обращение с солдатами или за трусость во время боя[3]. Командиры оправдывали применение насилия на фронте трусостью самих солдат, массовыми сдачами в плен и т.п.[4]

Однако уже осенью 1915 г. в вооруженных силах начались прямые бунты против офицеров и командования. Первыми выступили моряки на Гангуте в октябре 1915 г. В это же время контрразведывательное отделение отмечало на Западном фронте нежелание солдат ходить в атаки[5].

Волнения в армии происходили и в тылу. 7 ноября часть 18-го пластунского батальона Кубанского войска, расположенного в г. Батуме, разобрав винтовки, двинулась из казарм к 329-му госпиталю с целью освободить находившегося там приговоренного в этот день крепостным судом за членовредительство на позиции к смертной казни пластуна 1-го батальона Артемия Соловьева. Дело было улажено только после вмешательства коменданта Михайловской крепости В.П. Ляхова[6].

Ряд сведений о волнениях в войсках приводились германской печатью, согласно которой в конце декабря 1915 г. имели место волнения в Хотине в Туркестанских полках, которые якобы отказывались идти на позицию. Волнения усмиряли казаки. В январе 1916 г., согласно этим же дан-

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 11–13.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2904. Л. 99.
[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. 618.
[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. 618 об.; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 15.
[5] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 95–96, 100.
[6] Революционное движение в армии... С. 137–139

ным, произошли волнения призывников в Орле, Калуге, Туле[1].

В некоторых случаях обычные акты непослушания стали сопровождаться прямым неповиновением солдат с использованием силы и даже оружия. Так, 16 февраля 1916 г. во время следования поезда с маршевикам на станции Долинская Харьково-Николаевской железной дороги солдаты в ответ на стрельбу конвоя по убегавшим подняли бунт. Солдаты 45-го пехотного запасного батальона бросились к офицерскому вагону, вырывая винтовки из рук сопровождающих эшелон унтер-офицеров и избивая их. Раздавались также угрозы офицеру, стрелявшему из револьвера, а потому и всем остальным офицерам. По приказанию начальника войск Елисаветградского гарнизона было назначено дознание[2].

С весны 1916 г. имели место случаи открытого нападения на офицеров. 16 марта 1916 г. ратник 1-го пехотного запасного полка А.Ф. Бобров зарезал подпрапорщика полка ударом ножа в грудь за то, что тот «строго относился ко всем»[3]. Случаи неповиновения начальству с применением насилия имели место летом 1916 г. Например, в июне 1916г. произошло восстание 9-го Финляндского стрелкового полка, в ходе которого солдаты 7-й роты, напившись, начали драку с офицерами, закончившуюся стрельбой и последующим судом[4].

Впрочем, бунтарские настроения подогревались слухами, которые шли или изнутри России, где уже начинались волнения в городах, или даже из Германии[5]. И лишь с октября 1916 г. настроение на фронте настолько ухудшилось, что в письмах появились сообщения о возможном взрыве в самое ближайшее время[6]. Представляется, что бои октября – ноября 1916 г. на Северном, Западном и частично Юго-Западном фронтах обусловили начало того морального кризиса армии, который закончился

---

[1] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 852. Л. 8, 28об.

[2] Революционное движение в армии... С. 153–154.

[3] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 32.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 253об.

[5] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 435.

[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. 1486. Л. 223об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 917.

восстанием Петроградского гарнизона. Важнейшими особенностями этих боев были, с одной стороны, предельная напряженность, практически невозможность взять немецкие окопы, а с другой стороны – сломались традиционные отношения солдат и офицеров, когда последним все чаще приходилось просить, уговаривать солдат при организации наступлений[1]. По всей видимости, такая потеря контроля над частями, определенная неуверенность в солдатах, а значит, в успехе дела, создалась еще летом 1916 г., когда командование стало терять веру в успех наступлений, на что указывал в своем докладе командующий 5-й армией ген. Р.Д. Радко-Дмитриев в июле 1916 г.[2] Таким образом, солдатская масса получила рычаги давления на командование, выдвигая определенные условия своего участия в наступлении – начиная от довольствия и кончая политическими требованиями.

Более серьезными представлялись попытки отказа идти в атаку 2 октября 48-го Сибирского стрелкового полка (12-й Сибирской стрелковой дивизии, входившей в 7-й Сибирский армейский корпус). Серьезных волнений удалось избежать, быстро предав военно-полевому суду одного из виновных – со смертным приговором. Начальство также накануне атаки предприняло активные меры, мобилизующие солдат 48-го и отчасти 47-го Сибирских стрелковых полков. Через неделю власти столкнулись с отказом выйти на работы в 85-м и 87-м полках. При этом начальник 22-й пехотной дивизии, в которую входил полк, предполагал наличие массового брожения среди нижних чинов не только 22-й дивизии, но и других частей 1-го армейского корпуса, в частности – гвардии и стрелков Куринского полка. Здесь солдаты отказывались сами работать и не допускали к работам другие части под угрозой расстрела[3]. Отдельные инциденты имели место и в других частях. Так, солдат 186-го пехотного Аслаундзского полка Янкель Юхвиц призы-

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 104.
[2] РГФИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 83. Л. 408.
[3] Там же. С. 204–206.

вал сдаваться в плен, «так как в этом случае скорее окончится война». Он обзывал «дураками» всех офицеров и нижних чинов, которые воюют. Юхвиц был приговорен к смертной казни[1].

Первые волнения, однако, произошли в частях, так или иначе связанных (главным образом совместными работами) с городскими рабочими. В Петрограде в октябре произошло выступление солдат 181-го пехотного запасного полка с активной поддержкой рабочих. С другой стороны, в то же время, 9–10 октября 1916 г., рабочие пытались привлечь к участию в демонстрации солдат. В результате во время забастовки рабочих солдаты разогнали полицию. Отдельные инциденты имели место и в других частях.

Власти были обеспокоены и совместными волнениями солдат и рабочих, связанных общими работами. Так, в Петрограде в октябре произошло выступление солдат 181-го пехотного запасного полка, которое активно поддержали рабочие завода «Новый Лесснер». И в этом случае солдаты могли наблюдать весьма эффективную тактику «снятия» – когда рабочие бастующих заводов заставляют бастовать рабочих других заводов. Проявилось и единство солдат и рабочих в ненависти к полиции, не допускавшей спекуляцию – главный мотив связи рабочих с солдатами[2].

Волнения продолжались и на фронте. В конце октября вспыхнуло восстание 406-го пехотного Щигровского полка в связи с попытками начальства силой заставить солдат вновь идти в бой после безуспешной атаки, приведшей к большим потерям[3]. В то же время произошли беспорядки в Гвардейском корпусе[4]. Но наиболее крупным в октябре 1916 г. было восстание на пересыльном пункте в Гомеле, где собрались представители самых различных частей, ранее замешанных в беспорядках (как матросы упомянутого Гангута), а также дезертиры, «бродяжничавшие»

---

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 73. 87, 89, 90.
[2] Революционное движение в армии... С. 207.
[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 256.
[4] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 100.

и «штрафные» солдаты[1]. Восстание распространилось и на караульную команду 40-го Донского казачьего полка[2]. Начались яростные схватки солдат пересыльного пункта с местной полицией, всегда ненавидимой солдатами. В результате солдатская толпа захватила гауптвахту, винтовки караульных, освободила арестованных, разгромила канцелярию судной части, даже попыталась «снять» солдат 143-го тылового этапа и направилась к другим частям, квартировавшим в Гомеле, в частности к 224-й роте 43-го рабочего батальона. Затем восставшие проникли на вокзал в надежде получить оружие для невооруженных нижних чинов. Только когда в распоряжение начальника пункта прибыли свежие части, власти рассеяли восставших и произвели массовые аресты среди солдат. Однако, спустя несколько дней, 26 октября 1916 г., в Гомеле вновь имело место крупное столкновение солдат и матросов с полицией, производившей обыски в домах близ пересыльного пункта. Солдаты и матросы, вооружившись палками и камнями, с криками «Ура, бей полицию!» кинулись на полицейский наряд. Солдаты вторично освободили арестованных и разгромили канцелярию судной части. Прибывшие войска подавили выступление солдат и матросов. По делу о восстаниях на Гомельском распределительном пункте было расстреляно 11 человек[3]. В целом восстание отличалось агрессивностью, противоначальнической направленностью, что, впрочем, объяснялось полупреступным кон-

---

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 95–96, 100; Приказ главкома армий Западного фронта ген. А.А. Эверта от 8 ноября 1916 г. // *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 90–91; Революционное движение в армии... С. 212–216.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 96–98.

[3] Приказ главкома армий Западного фронта ген. А.А. Эверта от 8 ноября 1916 г. // *М. Ахун.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 91–92; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 100.

тингентом на пересыльном пункте – это были дезертиры, бродяжничавшие солдаты или даже прямо этапированные по различным воинским преступлениям.

В сущности, подобное же восстание произошло 25–26 октября на другом распределительном пункте – в Кременчуге. Вновь тысячные толпы дезертиров, этапированных, бывших больных, вообще задержанных военными властями громили магазины, пытались выпустить арестованных из тюрем и с гауптвахты, даже сделали попытку сжечь канцелярию пункта. Во время волнений обнаружилась ненадежность частей, принявших участие в подавлении беспорядков, в результате чего гарнизонное начальство не рискнуло применить оружие до прихода подкрепления. Во время следствия выявилась огромная степень разложения дисциплины на пункте: пьянство, непослушание начальникам и т.п. Некоторые команды распределительного пункта, и в особенности артиллерийского арсенала, представляли «что-то невероятное. В этих частях отсутствовали начальники и офицеры, соответствующие требованиям настоящего исключительного времени, отсутствовала дисциплина, внутренний порядок, правильность ежедневных занятий, надзор» и т.д. События в Кременчуге встревожили начальство Юго-Западного фронта. К следствию было привлечено 2,5 тысячи человек в качестве свидетелей, и свыше 60 человек были преданы военно-полевому суду[1].

Неспокойно было в октябре и в войсках 12-й армии на Северном фронте. Так, в 9-м стрелковом полку 3-й Сибирской дивизии неизвестный солдат рассказывал о том, что полковые артиллеристы и соседний 10-й Сибирский полк решили при наступлении не стрелять. В той же дивизии распространялось такое обращение: «Наши стрелки! Мы слышали, что хотят наступать 10-го или 16-го. Не ходите!» Одновременно в полку была обнаружена прокламация с призывом повернуть оружие против «поработителей». «Товарищи, – говорилось в ней, – довольно воевать, долой кровопролитную войну, беритесь за оружие, идите войной на купцов и всю шайку кровосос-

[1] Революционное движение в армии... С. 220–227.

ных царских разбойников. Долой войну, долой кровавое правительство, да здравствует мир!» В 11-м полку, как и ранее в 9-м, действовал неуловимый агитатор, предупреждавший солдат о наступлении[1]. Эта пропаганда впоследствии сказалась в волнениях войск 12-й армии в декабре 1916 г.

Резкая вспышка волнений, главным образом отказов идти в наступление, произошла в ноябре на Юго-Западном фронте. 15 ноября случились волнения в четырех взводах одной из рот 44-го пехотного Камчатского полка, где солдаты заявили о нежелании иметь ротным командиром вновь назначенного на эту должность офицера, который ранее командовал ротой и, по словам солдат, «относился к ним строго и несправедливо»[2]. 16 ноября 1916 г. в 9-й армии, в 409-м пехотном Новохоперском полку, произошло ослабление дисциплины после прибытия в полк новых пополнений из 258-го запасного батальона. Во время разбивки по подразделениям солдаты стояли расставив ноги, разговаривали после команды «смирно!» В ротах начались разговоры о тяжести военной службы, о бесцельности войны и т.п. Брожение и позже отмечалось среди пополнений, солдаты которых открыто выражали неудовольствие по поводу войны, не повиновались начальству, убегали в плен (за несколько дней 100 «без вести пропавших»). Вскоре начались отказы нижних чинов идти в атаку, если не будут лучше кормить и одевать. В результате только под угрозой прибегнуть к силе оружия офицерам удалось выполнить приказ. Однако начались различные формы уклонения от атаки: уходы с позиции, бегство из части и т.п. Полагая невозможным оставлять такую часть на боевой линии, комкор приказал произвести смену полка с одновременным назначением строжайшего расследования и военно-полевого суда над виновными. По приговору военно-полевого суда, сформированного приказом командира 2-го армейского корпуса, из числа нижних чинов 409-го полка, преданных суду 3 декабря, были приговорены: 3 – к смертной казни, 16 – в каторжные ра-

[1] *Казаков М.И.* Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 208–209.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 30–31.

боты, остальные 32 человека – на разные сроки. 5 декабря приговор был приведен в исполнение[1].

Практически в то же время, 16 ноября, на Юго-Западном фронте, в окопах , занятых раньше 12-й ротой 482-го пехотного Жиздринского полка, были найдены антивоенные листовки с призывом отказываться от наступления[2]. 17 ноября 1916 г. на Юго-Западном фронте 1-й и 4-й батальоны 326-го пехотного Белгорайского полка Юго-Западного фронта открыто отказались идти в наступление. Выступление отличалось стойкостью, сопровождалось требованиями выдачи сапог и предоставления отдыха от постоянного пребывания на позиции. Офицеры, подойдя в четыре часа утра к окопам, услышали из темноты голоса солдат, кричавших хором: «В атаку не пойдем!», «Мы девять месяцев на позициях, устали!», «Смены, отдыху!» и т. п.[3] Солдаты соглашались защищать позиции «до последней капли крови», но в атаку не желали идти, «хотя бы нас из пушек расстреляли»[4]. По словам фельдфебелей и взводных командиров, кричали все нижние чины рот, но заметить отдельных лиц было невозможно – вследствие темноты и тесноты в окопах. Когда офицеры подходили к группе кричавших, крики замолкали, но из более отдаленных рядов слышались по адресу офицеров угрозы: «Не ходите, ваше благородие, а то расстреляем!» – и раздавалось щелканье затворов. Но даже когда через несколько часов солдаты полка под влиянием уговоров и запугивания начальства согласились идти в атаку, она была фактически сорвана, так как нарушила все построения – в результате сбоя, вызванного сменой батальонов.

---

[1] Командующий 9-й армией ген. П.А. Лечицкий – главкому армий Юго-Западного фронта от 16 декабря 1916 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 86–87; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 104–105.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 91–93.

[3] Обвинительный акт по делу о командовавшем 326-м пехотным Белгорайским полком генерал-майоре Н.К. Чижевском, 8 января 1917 года // *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 92–93.

[4] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 102–103.

Под прикрытием темноты, пользуясь тем, что невозможно было узнать лиц, солдаты кричали скопом, запугивали офицеров. Деятельность офицеров была парализована темнотой, незнанием личного состава, отсутствием управленческого звена в самой солдатской среде. Главными подстрекателями волнений являлся контингент из новых пополнений, присланных в начале ноября. Эти солдаты были плохо обучены, недисциплинированны и выражали неудовольствие, что их, вместо 6-й дивизии, где они служили раньше, отправили в чужую дивизию. По словам командира полка Чижевского, нижние чины последних пополнений «поражали взглядами на войну и, чтобы не сказать более, полным к ней равнодушием». На состояние полка повлияли и постоянные оборонительные работы, хотя полк с 1 по 14 ноября находился в резерве. Нервный срыв был обусловлен и длительным ожиданием, что было вызвано путаницей в приказах о начале атаки: она намечалась на 15 ноября, но реально началась 17 ноября. Во время волнений проявилась нерешительность начальства полка, его командира генерал-майора Чижевского, который, получив личный доклад от командира 1-го батальона полковника Багрецова, что в ротах этого батальона среди нижних чинов идет глухой ропот и нижние чины кричат, что «в атаку не пойдут», не принял никаких решительных мер, чтобы заставить нижние чины исполнить свой долг, а приказал лишь полковнику Багрецову привести людей в порядок и, сам оставшись в землянке, распорядился послать в боевую линию вместо 1-го батальона – 3-й, причем действия полка оказались неудачными. В попытках найти виновных начальство обвинило командира полка генерал-майора Чижевского в том, что он лично не принял мер к восстановлению порядка и дисциплины в части. В конечном счете все свалили на молодой состав полка, но 19 ноября Чижевский был отстранен от командования полка «по несоответствию», а затем его дело было передано в корпусной суд при штабе 8-й армии[1]. При этом пол-

[1] Ахун М. К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 92–94.

ки, участвовавшие в «забастовке» (по выражению солдат), сняли с позиции и заменили другими, а сами полки были «изолированы»[1]. Вскоре волнения перекинулись и на другие полки 82-й дивизии, в частности на 325-й пехотный Царевский полк, где были выдвинуты те же требования: улучшение пищи и обмундирования. В полку был явный моральный кризис: «Стало всюду плохо, стали появляться разные нехватки и недостачи, а с этим стало иссякать человеческое терпение и изнашиваться наши железные нервы... Нет уже того, чем каждый твердо дышал и высоко держал голову: все ходят с опущенными головами, все от мала до велика стали сознавать свое бессилие, к которому привели нас те, которые руководят или вернее руководили судьбой Великой России», – писал солдат этого полка.

Волнения Белгорайского полка и соседних с ним полков произвели сильное впечатление на армию, оставив по себе много сообщений цензуры и породив мифы, в частности о том, как «попрятались офицеры и как отказались расстреливать», потому что «некому»[2].

В эти же дни на Юго-Западном фронте произошли волнения солдат 7-го стрелкового полка. 18 ноября 3-й и 4-й батальоны отказались идти в наступление у высоты 1222. Во время передышки, пользуясь отсутствием ротных командиров, нижние чины 3-й, 4-й, 5-й и 7-й рот подняли шум с выкриками: «В атаку не пойдем, на что нам горы, защищать позицию будем, но дальше не пойдем!» Роты отказались выполнять поставленную им задачу, мотивируя свой отказ нежеланием «драться за румынского короля», воевать в горах в столь трудных условиях, и роптали на отсутствие пищи и на то, что «не скоро хоронят убитых». После расследования один солдат был подвергнут телесному наказанию, а остальные преданы полковому военно-полевому суду. Приговором суда один оправдан, один осужден на 2,5 года в исправительном арестантском отделении, а четверо приговорены к смертной казни через расстрел. Приговор был приведен в исполнение 1 декабря 1916 г. При этом

[1] *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 102–103.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. д. 3868. Л. 36–36об.

командир батальона капитан Порембский за бездействие и растерянность был отрешен начдивом от командования батальоном. Командир 7-го стрелкового полка полковник Заболотный за свою нераспорядительность, нерешительность, отсутствие энергии и настойчивости удален начальником дивизии от командования полком. Начальнику 20-й стрелковой дивизии командир корпуса приказал принять меры к правильному снабжению нижних чинов всем необходимым. Подобные же волнения коснулись 15-го пехотного Шлиссельбургского полка, точнее, его сторожевого охранения, которое вообще все ушло в плен. Причинами были отсутствие сапог, плохая пища, то, что «третий год воюют и все надоело и что если будут такие же условия дальше, то и остальные уйдут в плен»[1].

В декабре 1916 г. моральный кризис на фронте обострился до крайней степени. Солдаты писали: «Теперь в окопах не хотят идти в наступление стоят никуда и прямо ждут бунта и Бог его знает, что будет дальше. Он согласился мириться, а наш никак не хочет». В некоторых частях обнаружились противоречия в офицерской среде, выход из которого часть офицеров искала в «разрушении старого мира, устроенного на песке». В ряде полков произошли конфликты из-за недостатка пищи, например в 63-м пехотном Углицком полку, где солдаты демонстративно не стали брать из котла суп, говоря, что «раз нет каши, то не надо и супу»[2]. В середине декабря отказался идти в атаку 500-й пехотный Ингульский полк. Солдаты 3 раза отказались подниматься в бой[3].

В конце декабря на Северном фронте произошли крупные волнения во втором Сибирском корпусе в районе Рижского плацдарма. Следствие об этом продолжалось вплоть до осени 1917 г.[4] Здесь из трех групп войск, участво-

[1] РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 91. Л. 85–85об., 86–87; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 72–73.

[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 77, 124–125, 153об.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 151об.

[4] Из доклада начальника Главного военно-судного управления В.А. Апушкина военному министру А. Ф. Керенскому. 27 сентября 1917 года // *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 94.

вавших в операции, в двух – Олайской (2-й Сибирский корпус) и Одингской (6-й Сибирский корпус) – вспыхнули волнения[1]. Эти группы составляли значительную часть Северного фронта и являлись в значительной степени самостоятельной единицей, на которую возлагались большие надежды в предполагавшемся наступлении[2]. При этом у 12-й армии было явное превосходство над противником[3]. Однако в районе Олая, на участке 2-го Сибирского стрелкового корпуса, события приняли совершенно неожиданный оборот: в войсках 12-й армии уже шло глухое брожение на политической почве. Войска рижского района считались наиболее революционно настроенными. На совещании в Ставке 17–18 декабря Главнокомандующий армиями фронта отмечал: «Рига и Двинск – несчастье Северного фронта, особенно Рига». Брусилов вспоминал: «Это два распропагандированных гнезда; люди отказывались идти в атаку; были случаи возмущения; одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры, расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц»[4]. Командование старалось затушить волнения. Так, например, 7-й Сибирский стрелковый корпус под предлогом разложения дисциплины был переброшен на Румынский фронт. Однако продолжалась пропаганда среди солдат 15-го, 16-го (4-й Сибирской стрелковой дивизии) и 17-го, 18-го и 19-го (5-й стрелковой дивизии) Сибирских стрелковых полков 2-го Сибирского стрелкового корпуса. В этих частях распространялось письмо под названием «К товарищам и всем солдатам» – с призывом заявить начальству, что они «свои позиции держать будут, а в наступление не пойдут, так как не желают зря проливать кровь за продажное начальство». Возбуждению солдат способствовали также слухи о начавшихся в войсках волнениях. Самые серьезные волнения произошли в 17-м

[1] История первой мировой войны. 1914– 1918. Т. 2. М., 1975. С. 304–309.

[2] Стратегический очерк. Т. 6. С. 122–123.

[3] Там же. С. 125.

[4] *Зайончковский А.М.* Первая мировая война СПб.: Полигон, 2002. С. 626–627; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 105.

Сибирском стрелковом полку. Уже в середине декабря в полку появились анонимные письма и воззвания, призывающие не идти в наступление. 19 декабря в полку был найден плакат с таким же призывом. 20 декабря среди солдат 2-й роты пошли разговоры, что отказались идти в бой две дивизии на правом фланге фронта, а на левом – один из полков. 21 декабря 9-я рота оказалась идти в окопы. 1-я рота и рота 4-го батальона отказались от обеда, приготовленного из чечевицы. Днем 22 декабря в одном из батальонов полка развернулась открытая агитация против наступления. Из взвода во взвод ходили агитаторы и убеждали солдат отказаться от атаки, приносили и читали вслух «письма» и «записки» с этим же призывом. Некоторые из этих писем начинались словами: «Дорогие братцы по службе и по крови! Вот уже третий год, как мы льем кровь, проданную немцам»[1]. В тот же день агитация распространилась на 19-й Сибирский стрелковый полк.

Данные события важны в контексте подготовки наступления русской армии в рижском районе. 23 декабря 12-я армии начала наступление (Митавская операция) с целью расширения плацдарма на левом берегу Двины и развития в дальнейшем операции в направлении на Митаву. Комкор генерал И.К Гандурин еще 21 декабря отдал приказ по 2-му Сибирскому стрелковому корпусу начать наступление 23 декабря. Предполагалось, что Олайская ударная группа и 16-я Сибирская стрелковая дивизия (при 1-м Сибирском корпусе) начнут наступление и захватят к рассвету первую линию окопов противника. В связи с этим вечером 23 декабря в 1-м батальоне 17-го Сибирского стрелкового полка делались приготовления к выступлению[2]. Именно в это время 1-й батальон полка выступил с открытым протестом против наступления. В течение ночи комбат и комроты старались уговорить, убедить солдат «обратиться к исполнению долга», но в ответ из рядов раздавались восклицания: «Обороняться будем, а наступать не пойдем», «Кругом измена! Посылать людей среди белого дня!..», «Будет то же, что в мартовских и июльских боях!», «Везде

[1] *Казаков М.И.* Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 207–208.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 106–107.

у нас продажное немецкое начальство!», «Нас везде грабят, дома семьи голодают, у бедных последнее отбирают, а у богатых все оставляют!», «Рига уже продана. Почему до сих пор нет ответственных министров, а то нас на каждом шагу продают?», «Почему до сих пор сидят в тылу жандармы, городовые и всякая...?», «Терпеть больше нет сил!»[1]

Солдаты всех четырех рот в полном вооружении вышли из землянок и сложили халаты у землянки командира батальона, демонстрируя свой отказ повиноваться начальству. Вызванный из штаба полка по телефону командир батальона штабс-капитан Лесник послал в землянки командиров рот, которые обрушились на солдат с угрозами и руганью. Но это не помогло. Тогда Лесник приказал 1-й роте построиться без оружия, но солдаты вышли из землянок с винтовками в руках. Угрозы командира батальона не возымели действия. 1-я рота категорически отказалась идти в наступление. Такой же ответ дали остальные три роты. Вскоре в батальон прибыл командир полка Бороздин. Он тоже хотел бранью заставить солдат повиноваться и даже поднял руку на одного из них, но воздержался от кулачной расправы, услышав возмущенные голоса. После этого Бороздин отправился для доклада в штаб дивизии, где царила тревожная атмосфера: опасались распространения волнений на другие части (в частности, на 15-й Сибирский стрелковый полк), расправы над офицерами и т.п.

Те же претензии были предъявлены утром 24 декабря командиру корпуса генералу Гандурину: «Мы вперед не пойдем, но ни одной пяди не уступим немцам». В тот же день 3-я рота была изолирована от других частей, разоружена и превращена в рабочий батальон. Параллельно шло дознание о волнениях в полку. 24 стрелка были преданы военно-полевому суду. При этом среди офицеров, входивших в состав военно-полевого суда, имели место серьезные разногласия, в результате чего некоторые из подсуди-

[1] *Ахун М.* К двадцатилетию великой пролетарской революции СССР. Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы) // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 94–95; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 106–108.

мых были оправданы[1]. Пришлось вмешаться в судебное разбирательство лично комкору. Генерал Гандурин обвинил офицеров полка в трусости, чем вызвал еще большее недовольство, смятение, даже нервный срыв у некоторых офицеров – вплоть до плача, попыток вызвать генерала на дуэль. В результате суда, состоявшегося 31 декабря, из 167 человек виновными были признаны 24 солдата. Командарм также отрешил от командования полком полковника Бороздина «по несоответствию». Ротные командиры были переведены младшими офицерами в другие части; унтер-офицеров и ефрейторов разжаловали и перевели в другие роты, а солдаты трех рот: 1-й, 2-й и 4-й –были распределены по другим полкам армии[2].

Серьезные волнения произошли и в 55-м Сибирском стрелковом полку. 22 декабря вечером полк получил приказ о наступлении. Однако за 40 минут до его начала 15-я рота отказалась идти в атаку. Ее отвели в резерв, а 23 декабря в 54-м полку был задержан солдат 3-й роты 55-го полка, который призывал товарищей не ходить в наступление. На следующий день отказались идти в атаку солдаты 5-й и 7-й рот 55-го полка, вследствие чего в бой были введены только два батальона. Солдаты отказывались штурмовать немецкие окопы, ссылаясь на то, что во время декабрьских боев нередко не взрывались гранаты из-за негодных капсюлей, а винтовки часто портились, к тому не было лестниц, и солдатам приходилось подставлять друг другу спины, чтобы преодолевать отвесную насыпь немецкого бруствера. При этом командир полка полковник Н.И.Попов не принял жестких мер, чтобы пресечь неповиновение, потому что опасался, что оно распространится на другие роты – и прямо перед лицом противника. Попов даже не доложил вовремя по начальству об этих событиях. Следствие в 55-м Сибирском полку проводил начальник 14-й дивизии генерал Довбор-Мусницкий. Он вызывал к себе солдат 5-й и 7-й рот поодиночке и допрашивал их. Оружие у них перед этим отбиралось. Угрозами

[1] *Казаков М.И.* Указ. соч. С. 209; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 110; *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 13.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 110; *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 13.

и посулами генерал сумел выявить «зачинщиков» и недовольных – 9 стрелков 7-й роты и 4-х стрелков 5-й роты. Довбор-Мусницкий решил расстрелять их без суда. Для исполнения приговора было отобрано 15 солдат 5-й и 7-й рот. Их изолировали от других, угрожали расстрелом и избивали до тех пор, пока они не дали согласия стрелять. 25 декабря 13 стрелков 5-й и 7-й рот были расстреляны своими же товарищами. Расстрелянные были уроженцами преимущественно Пермской, Томской, Владимирской и Петроградской губерний. Впоследствии в 55-м полку были арестованы еще 68 человек «подозрительных». Из них 61человек были преданы военно-полевому суду, который 37 человек приговорил к расстрелу.

Солдаты были расстреляны 5 января 1917 г. в деревне Егансон[1]. Впоследствии командир 57-го Сибирского полка оценивал события в полку как «близкие к природе событий, перевернувших до основания весь наш государственный строй». Волнения перекинулись и на другие полки 14-й Сибирской стрелковой дивизии – 56-й Сибирский стрелковый полк (6-я и 8-я роты), а также на полки 3-й Сибирской дивизии, оставленные в ближайших резервах, в которых часть солдат разбежались, побросав патроны.

События в районе Олая отразились на ходе операции соседней 14-й Сибирской дивизии. Лишившись поддержки со стороны 2-го Сибирского корпуса, полки этой дивизии также восстали и начали откатываться в исходное положение. В результате наступление 2-го Сибирского корпуса в районе Олая не состоялось. Известие о восстании разнеслось по фронту немедленно и на время парализовало порыв атаковавших войск[2]. Тем самым было фактически сорвано наступление 23 декабря, на которое русское верховное командование возлагало большие надежды, предполагая захватить инициативу общего наступления на Германском фронте в свои руки[3]. Операция Северного фронта не привела к необходимому результату. 29–31 декабря, немцы подтянули резервы и принудили русских

[1] *Казаков М.И.* Указ. соч. С. 208.
[2] Там же. С. 208.
[3] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 626–627. *Черепанов А.И.* Указ. соч. С. 14–15.

отойти назад[1]. Среди причин, остановивших общее наступление, были продолжавшиеся волнения, охватившие вскоре и район Юго-Западного фронта в его северной части. Волнения происходили в частях 1-го армейского корпуса и 34-го армейского корпусов Особой армии[2].

В начале 1917 г. волнения возникали и в других полках. Такой случай имел место в Ревеле в 472-м пехотном Масальском полку, где рядовой А.И. Иванов покушался на жизнь фельдфебеля Шкребтиенко, ударив его штыком в грудь. В это же время в 7-м Сибирском саперном батальоне наблюдалось распространение социал-демократических листовок. Впрочем, распространитель листовок на следствии высказывал, в сущности, обычные для солдат-крестьян взгляды: о необходимости вернуться домой для землепашества, о том, что власть повсюду «немецкая», что кругом «истребление народа»и т.п. Происходили спорадические конфликты на бытовой почве между солдатами и офицерами, например – избиение офицера толпой солдат в 174-м пехотном Роменском полку. Имели место и инциденты в 81-й пехотной дивизии, когда генерал-лейтенант Чистяков заметил солдата, разговаривавшего с местными крестьянами по поводу «измены», и отхлестал его плеткой, что вызвало волнения среди солдат. Происходили кровавые разборки даже между офицерами. Так, в начале 1917 г. прапорщик убил командира 103-й маршевой роты Юрченко. Сохранились глухие упоминания о продолжении отказов идти в бой в частях 1-го и 2-го Сибирских армейских корпусов и 14-й Сибирской стрелковой дивизии[3].

Более серьезными, чем вспышки недовольства, представлялись командованию прямые отказы идти в наступление или даже на передовую. Так, в начале 1917 г. отказались идти в наступление солдаты 408-го пехотного Кузнецкого полка[4]. Есть сведения и об отказе выступать в

---

[1] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / Сост. А.М. Зайончковский. М., Высший военный редакционный совет, 1923. С. 129.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 111.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3868. Л. 79.

[4] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 252.

частях 102-й пехотной дивизии[1]. Тогда же, в начале 1917 г., в Марселе имел место бунт солдат Особой пехотной бригады, посланной во Францию, – при высадке в Марселе они взбунтовались и убили одного из батальонных командиров[2].

Наиболее громкий резонанс получили волнения в Одоевском полку 56-й дивизии 34-го корпуса Особой армии Юго-Западного фронта. Формально эти волнения заключались в отказе всего одного батальона выйти 18 января на позицию, что, однако, сорвало выход на позицию всех остальных батальонов полка. Эти волнения привлекли особое внимание начальства Юго-Западного фронта, после них осталось наибольшее количество документов. Такой эффект казался даже удивительным, поскольку касался, в сущности, одного полка и не имел какого-либо влияния на оперативную обстановку на фронте в целом или даже на его участке, как это было с волнениями сибирских частей на Северном фронте в декабре 1916 г. Причина такого внимания к событиям в полку заключалась, надо полагать, в том, что это были первые серьезные волнения не в момент наступления, а в момент обычной смены полков на позиции в частях Юго-Западного фронта, где, по сравнению с Северным фронтом, ранее не отмечалось сколько-нибудь серьезных инцидентов, связанных с нарушением дисциплины в войсках. Это был знак, что волнения начали распространяться на весь Русский фронт в целом, что стало серьезной угрозой для стабильности всей армии. Негативный эффект от волнений усиливали их казавшаяся неожиданность и неясность вызвавших их причин[3].

Материалы следствия о волнениях в 223-м пехотном Одоевском полку показывают, как наложились друг на друга особенности позиционной войны на русском театре военных действий, боевые и бытовые условия, а также менталитет солдат – его обращенность на решение внутрен-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 347об.; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 34.

[2] *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 118.

[3] Показания командира 223-го пехотного Одоевского полка полковника Ивашиненко // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 11–12.

них проблем в России. В самом «бунте» Одоевского полка 18–20 января проявился весь спектр причин, обусловивших нарастание бунтарских настроений в царской армии перед Февральской революцией. Одоевский полк входил в 56-ю пехотную дивизию, входившую в 34-й армейский корпус, являвшийся частью Особой армии. Эта 56-я дивизия, состоявшая из пехотных 221-го Рославльского, 222-го Красненского, 223-го Одоевского и 224-го Юхновского полков, никогда не пользовалась хорошей репутацией в боевом отношении[1]. Осенью 1916 г. полк в составе дивизии занимал позиции на западном берегу р. Стоход, правого притока р. Принять (бассейн Днепра), в районе Кухарского леса между Ковелем и Сарнами[2]. Эти позиции являли образец несоответствия требованиям позиционной войны. Позиция 56-й дивизии, составлявшая 24 версты[3], была ненормально растянута и расположена в такой местности, где во время оттепели грунт оползает, благодаря чему сообщение с тылом делалось крайне затруднительным, а стенки окопов осыпались и требовали постоянного подновления обшивки[4]. На позиции не существовало второй укрепленной линии, следовательно, весь удар принимался выдвинутыми вперед частями, которым было негде ни укрыться от огня, ни тем более отдохнуть. Такая ситуация диктовалась природными условиями позиции. Но в этом случае, согласно инструкциям, считалось, что нельзя обороняться на тех случайных местах, на которых войска остановились по окончании активных действий; что необходимо выбрать основную главную линию обороны и, если нужно, отойти на нее, оставив на выдвинутых местах сторожевое охранение. В случае полной непригодности для обороны этих выдвинутых позиций их следует бросить. Именно эти предложения командира полка, что выдвинутые окопы оборонять нельзя, были игнорированы начальником дивизии и командиром корпуса, вторая позиция не была построена, оставались неизменными распоряжения оборонять первую, и единствен-

[1] Показания командира 34-го корпуса Шатилова В.П. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 40.

[2] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Опись. Предисловие.

[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 41.

[4] Показания комдива 153-й пехотной дивизия Макаева И.З. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93.

ную, линию. Корпусное командование было вообще против передвижки линии, что так характерно для позиционных построений на Русском фронте, продвижение вперед вызывало напрасные жертвы на протяжении всей осени 1916 г. и особенно сказалось в боях 3 декабря, когда немцы легко заняли окопы полка, уведя в плен две роты солдат[1]. В результате – «легкая победа немцев, а у нас потеря нескольких сот людей» во время боя 3 декабря 1916 г.

Но такое положение было характерно для всего левофлангового участка обороны 34-го корпуса, что делало его оборону почти невозможной. Позиция полка имела и свои дополнительные особенности. Окопы, атакованные немцами, были отделены от остальной позиции мокрой лощиной, простреливаемой с севера и северо-запада пулеметами противника. Гарнизон этих окопов был систематически угнетаем огнем противника. Окопы, выстроенные в песчаном грунте, ежедневно разрушались минами противника и постепенно заваливались, были не в рост человека, так что ходить по ним приходилось согнувшись. Жалкие землянки – конурки на 4–5 человек, покрытые накатом, – служили жилищем для большей части гарнизона. Гарнизон окопов ежедневно нес большие потери. Сообщение с окопами было не только крайне затруднительно во время обстрела, но порой совершенно невозможно. Командир полка находил, что этот участок следовало бы вообще бросить и отойти за лощину, что дало бы полку сокращение фронта и не дало бы немцам никаких существенных выгод[2]. В тактическом отношении левый батальонный участок командир полка называл предательским и ловушкой, в связи с чем просил высшее командование разрешить отойти на 2-ю линию обороны, но высшее командование, ни разу не посетившее этот участок, не посчиталось с его просьбами и приказало продвигаться вперед[3].

Ситуация на участке корпуса, занимавшемся 56-й дивизией, усугублялась длительным ее нахождением на по-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3об.–4.

[2] Приказ по Особой армии № 327/73 от 9 декабря 1916 г. (По отделу генерал-квартирмейстера) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8–8об.

[3] Показания полковника Ивашиненко // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3.

зиции, в то время как рядом в резерве войска стояли по 2 месяца – вообще без боевой службы. Например, бригада 5-го корпуса стояла в армейском резерве – в нескольких верстах от 34-го армейского корпуса, как раз за 56-й дивизией. 56-я дивизия непрерывно несла боевую службу за весь корпус. На момент начала волнений три полка из четырех уже 3 месяца находились на позиции, причем один из них – уже три недели в окопах. Но и солдаты полка, находившегося в резерве, работали на укреплении позиции. За это время не было возможности побывать на богослужении, устроить какие-то праздники, отдых и т.п. Из-за высокого уровня подпочвенной влаги грунт не позволял достаточно углубляться, а ходы сообщения, наполняясь водой, делались почти непроходимыми. Все эти обстоятельства требовали усиленной работы по укреплению позиций, вследствие чего частям, находящимся в резерве, не хватало времени для занятий, а ночные работы, когда офицер не имел возможности наблюдать за каждым, способствовали упадку дисциплины[1].

Сбой позиционного строительства, невыгодность самой позиции дополнялись и серьезными недостатками в руководстве обороной участка Одоевского полка. Так, после боя 3 декабря, приведшего к крупным потерям, проверка выявила ряд ошибок в организации обслуживания позиционной линии. У командира батальона, понесшего наибольшие потери, кроме телефонистов, никаких помощников не было; не было и наблюдательного пункта ни для комбата, ни даже для комполка, что свидетельствовало об отсутствии вообще порядка несения службы в окопах. Уже в первый час боя телефонная связь с ротами прекратилась и батальонный командир был отрезан от полка, то есть не было надежной связи в полку, отсутствовали и другие сигнальные системы оповещения о ходе боя. Выяснилось плохое исполнение полевого устава и службы в бою. Офицеры не знали соседних участков, ходов сообщения. Уничтоженные в самом начале артиллерийской подготовки передовые артиллерийские наблюдательные пункты не были восстановлены, а контуженные наблюдатели не были заменены. Это привело к полному сбою в подготовке контратаки, хотя времени для этого было достаточно. В результате немцы свободно прошли открытое пространство и заняли окопы. Проверка выявила серьез-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 40об., 41, 93.

ные недостатки и на более высоком, дивизионном уровне. Выяснилось, что 3 декабря штаб 56-й дивизии не руководил боем, спокойно ждали, что сделают младшие командиры. Во время боя комкор лично будил начальника штаба 56-й дивизии, так как тот был у себя на квартире, а не у телефона на оперативном участке, т.е. за боем не следил. А начальник дивизии вообще не принимал участия в руководстве боем[1].

Сложность боевой позиции полка приводила к многочисленным потерям – начиная с осени 1916 г. Так, еще во время боя в д. Воли-Садовской 19 сентября полк понес «чудовищные потери», по выражению командира полка Ивашиненко, как в офицерском, так и в солдатском составе; особенно много погибло офицеров[2]. Но и далее полк нес огромные еженедельные потери от огня противника. На позиции у Вульски Парской полк стойко отбивался от попыток немцев сбить его с занятой позиции. Обычные еженедельные потери одоевцев выражались 8–15 человеками в сутки, что было куда больше, чем в соседних по дивизии полках[3]. Так, во время боев 18–19 сентября на поле сражения осталось 450 человек, а с ранеными полк потерял 1950 человек[4]. Во время боев 3 декабря только без вести пропавших было 415, а всего потери полка составили 587 чел. Во время боев 13 декабря потери убитыми, ранеными, контуженными и без вести пропавшими составили 160 чел[5]. Практически все потери полка за декабрь его командир считал совершенно напрасными, вызванными неудачной позицией и отказом начальства разрешить полковому командованию пересмотреть позиционное строение полкового участка. К началу января в полку сложилась крайне сложная ситуация. Полк потерял почти всех офицеров, старых осталось по три человека на батальон. Пополнение же вызывало сомнение в его надежности и опасение за

---

[1] Приказ по Особой армии 9 декабря 1916 года. № 327/73. (По отделу генерал-квартирмейстера) // Ф. РГВИА. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8.–10.

[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 3, 28, 34.

[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3.

[4] Справка о потерях Одоевского полка // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 21.

[5] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 78–78об.

единство полка при вхождении в его состав нового контингента[1]. Всего за период с 4 ноября по 24 декабря в состав полка было влито 12 новых рот из пополнения с общим количеством 2715 человек[2]. Одновременно из маршевых рот было влито в полк 884 человека беглых, задержанных на разных этапах, а также 19 человек подсудимых матросов. Порою эти люди были уроженцами одной местности, их к тому же назначали в одну роту, как это было, например, с приисковыми рабочими из Сибири, составившими основу 1-го батальона, особенно 4-й роты. Люди эти даже среди товарищей получили прозвище «каторжников». Все это не могло не добавить особенной стойкости и упорства этих частей во время волнений[3]. Эти ошибки были вызваны самой ситуацией: роты вливали целиком, не было времени дробить их, назначать новых начальников. Все говорили, что лучше иметь три батальона крепко спаянных, нежели четыре слабых, разреженных, с чем нельзя было не согласиться, полагал комполка. Обманчивым было и первое впечатление от пополнений: одоевцы на построениях с комполка уверяли, что «все костями лягут, но будут биться с немцами до полной победы. Отвечали криками ура, но что скрывалось за этим криком, сказать было трудно», – вспоминал потом, уже на следствии, комполка Ивашиненко[4]. Это первое благоприятное впечатление сохранялось даже после поступления негативных сообщений из ряда частей. Во время приема пополнений, в ходе непрекращавшихся стычек с неприятелем («поисков») и оборонительных работ – при отсутствии старых кадровых офицеров, – полковое начальство не сумело должным образом отреагировать на тревожные симптомы[5]. На самом же деле пополнения внесли серьезную дезорганизацию во всю систему полкового управления. Так, комполка даже не знал офицеров в лицо, а тем более солдат[6]. С другой стороны, офицерам были незнакомы» начальники из нижних

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 3об., 4об., 28, 145.
[2] Показания начальника штаба 56-й пехотной дивизии ген. Г.Е. Мандрыки // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 56об.
[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 41об., 43об.
[4] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об.
[5] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 6об.
[6] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 26об.

чинов, и тем более солдаты[1]. Впрочем, и весь офицерский состав всей 56-й дивизии был крайне ослаблен. В полках на роту приходилось по 1–2 офицера[2]. Вообще в частях полка не было спайки ни между солдатами, ни между офицерами и нижними чинами[3]. В этой ситуации крайне необходимым был отвод полка в резерв – для отдыха и для спайки пополнений. А между тем такого отдыха не было: даже вне смены, то есть не на позиции, части постоянно вели окопные работы. В связи с этим комполка просил начальство хотя бы в течение двух недель не назначать окопных работ[4]. Отдыха, однако, требовали и остальные полки дивизии, так как на ней «отыгрался весь корпус»[5]. Комполка был уверен, что полк получит хотя бы на одну неделю отдых в резерве, и уже отдал определенные распоряжения – о прививках, помывке в банях и т.п.[6]

В то же время ситуация в полку, как и во всей дивизии, отягощалась ухудшением продовольственного и вещевого снабжения. В конце декабря 1916 г. нижним чинам почти поголовно крайне не нравилась чечевица, которую они называли «пуговками»; общая их просьба была – чтобы как можно скорее выдали им теплые штаны. Кроме того, очень многие говорили, что при тяжелой работе было бы лучше полностью получать хлеб и сахар, так как за деньги этих продуктов нигде достать нельзя. Подобные объяснения ситуации не устраняли «большого огорчения» довольствием[7]. Офицерский быт полка, как, впрочем, и всей 56-й дивизии, тоже имел много недостатков. Размещались офицеры, за весьма малыми исключениями, в землянках, которые в окопах батальонного и даже полкового резерва устроены были плохо, без полов, света было мало, печи скверные. Питались офицеры, как правило, не в офицерской столовой, а там, где придется: в батальонах и при раз-

[1] Показание командира 1-го батальона 223-го пехотного Одоевского полка штабс-капитана П.П. Нечаева // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 29об.

[2] Приказ по Особой армии № 132/14 от 7 февраля 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 111об.

[3] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 6об.

[4] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4об.

[5] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4об.

[6] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5.

[7] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93.

личных командах, причем, за неимением продуктов и при невозможности приобрести их вне расположения полка, пища была более чем скромная и не отличалась разнообразием. Иногда еда доставлялась офицерам в окопы денщиками – за несколько верст. Плохое расквартирование и отсутствие офицерских собраний, а также продолжительность пребывания в окопах исключали всякую возможность каких бы то ни было развлечений. Нижние чины тем более не могли рассчитывать на приличные бытовые условия. Землянки как в окопах, так и в полковом резерве были малы, лишены дневного света и совсем не освещались в темное время суток; за небольшими исключениями, имелись печи – камины, сделанные в земле. В батальонных резервах, расположенных неподалеку от штаба полка, землянки имели кирпичные печи, по вечерам освещались небольшими керосиновыми ночниками, но днем в них было темно. Нары в основном были земляные, редко из жердей, прикрытые соломой, ельником или матами. В небольших землянках люди спали на соломе и на матах без нар. Землянки в большинстве случаев без дверей, вход же завешивался палаточными полотенцами. Примитивным устройством землянок объяснялось большое количество охрипших и кашляющих людей в полках. Лавочек в полках не было. Бани имелись только в деревнях Корсыни и Духче и строились в лесу у м. Яновка; в местах же расположения полковых резервов бань не было, вследствие чего люди месяцами не мылись[1].

Прошедший буквально накануне волнений 17 января опрос солдат в ходе инспекторского осмотра временным комдивом К. Макаевым не выявил особенного недовольства. Только отдельные солдаты жаловались на рваные шаровары и просили, чтобы землянки на позиции освещались керосином[2]. Мало того, на запросы высшего командования комполка неизменно отвечал, что «настроение полка блестящее». Однако уже после Февральской революции комполка вспомнил на следствии и другие обстоятельства, предшествовавшие волнениям. Они касались тревожных известий из России. Около 12 декабря 1916 г.

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 111об.–12.
[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 30.

стали поступать «печальные, тревожные вести», что там, в России, не все благополучно. Прибывшие в полки из отпусков солдаты уверяли, что полиция вооружается пулеметами; эти вести заставляли воинов беспокоиться об участи своих семейств. Газеты толковали о «темных силах», распространялась речь Милюкова, произнесённая при открытии Государственной думы. Офицеры были уверены, что главной вдохновительницей «темных сил» была царица Александра Федоровна. Увольнение Штюрмера, фамилию которого редко произносили без брезгливого оттенка, замена его Протопоповым только подтвердили то, что высказал лидер кадетов Милюков. В то же самое время газеты сообщали, что Германия предлагает мирные переговоры. Солдаты покупали газеты на ближайших станциях, жадно читали, они привозились солдатами в части и обсуждались. Комполка свидетельствовал, что в его полку ходит масса слухов о «каких-то, где-то происходящих репрессиях». Возможно, у него самого или в полковом штабе, а возможно, и в солдатской среде «создавалось невыносимое, кошмарно-тягостное состояние», причиной которого была политика правительства, «предававшего Родину», «игравшего в руку немцам», «продававшего наши успехи, истинных борцов, бойцов за благо Родины». Все эти опасения, тревоги вылились в требованиях во время волнений в полку. Чувствуя напряженность ситуации как в полку, так и в стране, комполка просил офицеров «стоять возможно ближе к солдату, завоевать его доверие к себе, убеждать солдат не верить слухам о пулеметах, о полиции, обучающейся стрельбе из них; просил убеждать солдат стоять твердо на одной мысли: победа должна быть на нашей стороне, биться, как бились и ранее, до победного конца войны». Подобные беседы комполка провел с частями за день до волнений[1].

Накануне волнений в полку сложилась тревожная обстановка. Уже с конца декабря 1916 г. выдвигалось требование смены полка с позиции, чувствовалось негативное, угнетенное настроение в полку и в дивизии[2]. Так, при смене Одоевского полка 14 декабря 222-м пехотным

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4–7.
[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 56 об., 145.

Красненским полком красненцы сначала отказывались идти на позиции, кричали, что одоевцы «строят только офицерские собрания, а позиций не укрепляют», что обидело солдат Одоевского полка. Реакция как полкового, так и дивизионного начальства на этот инцидент была вялой: назначенное расследование было вскоре прекращено, никто наказан не был[1]. В самом Одоевском полку в конце декабря также были случаи неповиновения, когда нижние чины 3-й роты 1-го батальона, из состава пополнения, самовольно ушли с работы[2]. И вновь ни полковое, ни дивизионное начальство никак не отреагировали на этот случай явного нарушения воинской дисциплины. Буквально через несколько дней, 1 января 1917 г., 1-я рота 1-го батальона оказала неповиновение командиру. Между тем напряженная обстановка на позиции, нехватка и усталость офицерского корпуса привели к серьезным сбоям в системе смены полка с позиции и, наоборот, заступления на нее. Так, 6 января солдаты 2-го батальона высказывали «не то удивление, не то некоторое недовольство» тем, что их батальон до сих пор не сменяется, чем оспаривалось, в сущности, распоряжение комполка дождаться очередного «поиска» противника. Но комполка узнал об этом инциденте только 14 января. Еще более показательным являлся инцидент 9 января, когда комполка разрешил одновременно не сменяться 3-му батальону и не настоял на уходе на позицию 1-го батальона. Своими двусмысленными и путаными приказами он дал повод солдатам 1-го батальона истолковать эту ситуацию как победу их нежелания идти на позицию. И этот случай тоже оказался без всякого разбора полкового и дивизионного командования, хотя в этом эпизоде были опасно соединены проявившиеся бунтарские настроения с нерешительностью командования в столь важном вопросе, как смена боевой позиции. Случаи неповиновения без последовавшего наказания были и в других полках 56-й дивизии. Например, когда командир 224-го пехотного Юхновского полка подал рапорт об оскорблении нижними чинами ротного командира, суд оправдал

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5, 45–45об.

[2] Показания командира 609-го пехотного полка // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 100.

обвиняемого, а ротный командир за неправильный доклад командиру полка был смещен с должности[1].

Вопрос о смене позиции стал особенно накаляться в первой половине января 1917 г. Был давно известен порядок смены в течение месяца: 21 день на позиции и 7 – в резерве. Это было прямо противоположно соотношению дней, проводимых на позиции и в резерве в армиях союзников: 4–7 дней на позиции и остальные дни в резерве. Полковое начальство явно теряло контроль над ситуацией. Да и командиры других полков уже сами просили заменить дивизию, дать отдых. В связи с этим командир Одоевского полка 9 января написал письмо генералу Балуеву, командиру 34-го корпуса с просьбой о смене дивизии. Такое же прошение было подано и главкому армий Юго-Западного фронта ген. Брусилову. Ивашиненко был уверен, что при создавшемся положении активные действия немыслимы, просил отвести полк в глубокий резерв, имея в виду даже не отдых, а спайку полка, в котором тот крайне нуждался[2].

Между тем на фоне усталости от позиции ситуация в Одоевском полку ухудшалась. Сама смена с позиции расстроилась и касалась не полка в целом, а его отдельных батальонов, что вызвало протесты: солдаты считали, что они идут на позицию вместо других. Теперь почти все смены на позиции проходили на фоне уговоров, протестов, жалоб, что сапоги худые, что пища плохая, что дают одну чечевицу, и кто-то однажды крикнул: «Думу надо разогнать!» И вновь никаких разборов в полку не было. 10 января возвратившиеся с позиции подразделения отказывались идти на работы. Эту путаницу с заступлением на позицию комполка пытался исправить общим полковым выходом на передовую линию, назначенным на 18 января после недели отдыха – с 11 по 18 января. Но уже с 11 января, то есть как только полк ушел с позиции в резерв, началось брожение. По мере приближения дня выхода на позицию обстановка накалялась все больше. Но теперь речь шла не о нежелании отдельных батальонов Одоевского полка идти на позицию, а об общем дивизионном сговоре нескольких пол-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об.–6об., 10, 28, 57, 93об.
[2] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10об., 30.

ков – вообще не занимать передовые рубежи. Так, представители 224-го пехотного Юхновского полка, стоявшие 11–18 января на позиции, приходили к представителям одоевцев со словами: «Не идите нам на смену, а мы будем требовать смены, тогда сменят весь корпус». Эти уговоры усилились с вечера 17 января. В сущности, между одоевцами и юхновцами произошло соглашение о совместном выступлении против выхода на позиции. Вечером 17 января , когда стемнело, представители 1-го батальона начали приходить в роту по 2–3 человека и говорили: «Не ходите на позиции, если завтра пойдете, то стрелять будем», – и т.д. Такое же предупреждение остальных рот со стороны агитаторов происходило перед ужином 18 января – непосредственно перед выходом на позиции[1].

Непосредственно волнения произошли вечером 18 января – в момент попытки выхода Одоевского полка на позицию. Когда вечером комполка Ивашиненко приказал выстроиться побатальонно и идти на позицию, в адрес солдат построившейся 1-й роты из соседних рот 1-го батальона, стоявшего в лесу, стали раздаваться угрозы: «Назад, не пойдете на позицию, смена, будем стрелять». Послышалось щелканье затворов, свист, 1-я и 2-я роты вернулись назад. В результате 4-я рота смешалась с 1-й и 2-й, а потом и весь батальон смешался и двинулся к месту расположения 2-го батальона. При этом было слышно щелканье затворов и видно, что 4-я рота 1-го батальона «гонит» людей. Попытки построить батальоны ни к чему не приводили. В этой ситуации полковник Ивашиненко пошел на отчаянный шаг: он сам встал впереди полка со знаменем, сопровождаемый только знаменным взводом. Но к этому взводу со стороны 9-й и 10-й рот стали подбегать со словами: «Не ходите, стрелять будем». Ни слова командира полка не зажигали души солдат, ни музыка не одушевляла их сердца. Когда раздался государственный гимн, комполка услыхал: «Ну, затянули похоронный!» И люди остановились, а командир полка в результате остал-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5об.84, 8585об. 145об.; Показания комдива 56-й пехотной дивизии ген. Е.А. Российского // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 51; РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 27, 5об., 7об., 30об.

ся один со знаменем. Все роты разошлись по землянкам, спрятанным в темноте в лесу. При следующих попытках 19 и 20 января выстроить роты и направить их на позицию к ним вновь приходили посланцы из 1-го и 4-го батальонов с угрозами, в результате чего ни одна рота так и не была выведена на передовую. При этом не помогли уговоры ни специально назначенного для расследования волнений генерала Огородникова, которого солдаты встретили градом выстрелов вверх, что вызвало у него явное замешательство, ни уговоры георгиевского кавалера, священника 221-го пехотного Рославльского полка о. Пантелеймона, не раз водившего роты в атаки, а теперь также явно сиспугавшегося[1].

В требованиях тех, кто отказывался идти на позицию, довольно трудно обнаружить определенную идеологию. Так, солдаты постоянно кричали: «Служить хотим, в бой хоть сейчас, но на позицию не пойдем». Командующему корпусом генералу Российскому объясняли: «Мы не бунтовщики, мы верные защитники Родины». На вопрос, чего же именно они хотят, слышались неистовые крики: «Смена корпусу, долой правительство!» Сами одоевцы были крайне обижены, когда их назвали «бунтарями». Они заявляли комдиву Российскому, что никогда не уступят земли русской немцу, что как один пойдут вперед, если немец вздумает наступать на юхновцев 18–20 января. Очевидны были убежденность, упорство солдат в своих представлениях. Даже когда удавалось убедить некоторые роты все же выйти на позицию, то стоило небольшой кучке «прибежавших откуда-то из леса» крикнуть: «Смену корпусу!» – наступал какой-то «гипноз», по выражению комполка Ивашиненко, и вся рота дружно им вторила. Это неприятие рациональных аргументов поражало и начальника дивизии, и начальника корпуса, и специально присланного для расследования волнений генерала Огородникова. Солдаты проявляли пассивную агрессию, постоянно распространяя слухи, что поставили пулемет на офицерском

[1] Начальник штаба 56-й пехотной дивизии – командиру 34 армейского корпуса от 18 января 1917 г. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 5; Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 7; РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 29, 7–7об, 26, 31, 8об.–9.

собрании, чтобы стрелять по людям, которые пойдут на позиции[1].

Во время волнений в отдельно взятой дивизии отчетливо обнаружился глубокий кризис царской армии в конце ее существования. На первое место в солдатских бунтах, заняв самую радикальную позицию, вышло пополнение. Правда, данное пополнение в значительной степени состояло из рабочих сибирских приисков, соединивших в своем протесте и известную «вольность» сибиряков, и настроения тыловой России, отягощенной испытаниями войны, а также, возможно, и менталитет рабочих. Особенностью поведения пополнений являлась их деморализаторская тактика по отношению ко всем остальным подразделениям полка, что, в общем, характерно для тактики «снятия» бастующими рабочих других предприятий, продолжавших работать. В данном случае роты пополнения «снимали» роты смешанного состава, принуждая их присоединиться к протесту. Как только некоторые роты собирались выступать на позиции, солдаты из пополнений открывали стрельбу, угрожали расстрелом, в результате роты возвращались на место или разбегались. При этом формально именно роты пополнений меньше всего имели оснований требовать смены, поскольку находились на фронте всего несколько недель. Однако было нечто внутри остальных рот, что заставляло пассивно или более или менее активно поддерживать действия радикально настроенных солдат и, в сущности, подчиняться им. В результате маршевики полностью подавили какое-либо влияние «кадровиков» и офицеров, подчинив себе остальную массу солдат. «Кадровики», то есть старые, а не запасные солдаты, в сущности, были готовы идти на позиции, а некоторые даже «рвались» на передовую, но всегда были останавливаемы маршевиками – или даже прятались от них в землянках. Некоторые офицеры предлагали вызвать казаков и пулеметы, так как «кадровиков» было мало и не на кого было рассчитывать. Полное подчинение маршевикам выказал и унтер-офицерский состав – или не контролируя ситуацию в подразделениях, или даже принимая участие

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 42об., 8, 10об., 9, 27об.

в волнениях, выступая в числе самых активных агитаторов и зачинщиков. Таким образом, можно констатировать разложение, явную неработоспособность существовавшей строевой, дисциплинарной структуры, уступившей место разделению солдат на группы «кадровиков», запасных и молодых составов, при подавлении первых, пассивности (или скрытой поддержке волнений) вторых и активности третьих. Во время волнений оказался совершенно не действенным, утратившим какое-либо влияние на солдатскую массу офицерский состав. Сами офицеры, состоявшие в основном из молодых, 21–22 лет, прапорщиков, не участвовавших в боях, не контролировали ситуацию, не имели помощников в массе солдат, которых даже не знали в лицо. По отношению же к временным начальникам из состава нижних чинов солдаты не церемонились: гнали их в солдатскую толпу, а одного несколько раз ударили прикладом. Отношение к прапорщикам было пренебрежительное, угрожающее – даже со стороны унтер-офицеров. Офицеры вообще были запуганы постоянно шнырявшими «агитаторами» и выстрелами вверх, сами опасались нападения, никаких мер не принимали, чтобы привести к повиновению свои роты. Чтобы узнать настроения солдат, некоторые офицеры были вынуждены переодеться в солдатскую форму.[1].

Волнения в полку отличала высокая степень организации, сплоченность, коллективизм. Одоевцы прямо подчеркивали свою дисциплинированность, чего раньше, а в особенности среди пополнения, не наблюдалось. Всех объединяла одна общая «дорогая идея». В волнениях Одоевского полка проявились и черты солдатского бунтарства. Так, для солдатских волнений вообще характерны действие «скопом», в темноте, анонимность, чему помогало расположение землянок в лесу и в темноте. Еще 18 января у солдат, по-видимому, был предварительный план, во всяком случае – сговор нескольких батальонов. Невыход на позицию выглядел как боязнь конкретной роты начать движение под угрозой быть расстрелянной другими ротами. Если же другие роты начинали строиться, то их под-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 8, 10об., 11–11об., 8, 10об., 29об., 30, 145, 26об., 29об., 27, 27об., 145.

держивали из других батальонов и т.д. Одоевцы всю ночь наблюдали, чтобы другие не выходили на позицию. Лес был окружен бунтовавшими солдатами, из него постоянно доносились выстрелы, крики, в результате строившиеся подразделения вновь разбегались в панике по землянкам. Начальство не могло организовать выход ни полка, ни батальонов, ни рот, ни даже отдельных звеньев. Особенно сильно бунтовавшие роты «разбуянились физически и нравственно» ночью 19-го января. Полковое командование не в состоянии было проникнуть за выставленные солдатские пикеты. А если это удавалось, то солдаты сразу прекращали разговор, замолкали и расходились, так что на месте никого не оказывалось. По многочисленным показаниям офицеров, солдаты, особенно маршевики, были хорошо организованы. Уже ночью 18 января 1-й батальон, в котором маршевиков было больше всего, выставил по всему лесу заставы, ввел правильное патрулирование, вообще выказал умелую крепкую организацию, какой офицеры не достигали даже при боевой обстановке. Было организовано тщательное наблюдение за остальными подразделениями, которые офицеры пытались вывести из зоны волнений. В этом случае бунтующие солдаты сразу открывали огонь вверх, а другие в паническом страхе бросались в землянки. В следственном деле много данных за то, что у одоевцев была крепкая связь с другими полками дивизии. Так, еще накануне волнений из Юхновского 224-го полка убеждали одоевцев не сменяться: «Надо целый корпус сменять, а если вы нас смените, то мы вас не сменим». Во время самих волнений юхновцы готовы были поддержать одоевцев, заявляя, что вообще очистят позицию или, в случае принятия против одоевцев репрессивных мер, уйдут в плен, за реку Стоход. Поддержку одоевцам, по всей вероятности, собирались оказать и часть солдат соседнего 221-го пехотного Рославльского полка. Когда Рославльский полк в начале марта 1917 г. получил «ни за что ни про что» 100 медалей, то все поняли, что это награда за то, что полк официально не присоединился к выступлению одоевцев, вернее, не был в нем замечен. Поддержку одоевцам оказывали и солдаты 222-го Красненского полка. Еще нака-

нуне восстания они их всячески подбадривали, а во время волнения, стоя в дивизионном резерве, в Кухарском лесу, несомненно сочувствовали выступлению одоевцев. Именно этим, то есть опасностью распространения волнений на всю дивизию, а возможно, и на весь корпус, объяснялись постоянные попытки начальства силой подавить волнения, для чего были вызваны две сотни казаков 58-го Донского полка, конвойная сотня и полицейская команда. Этим объясняются и «зверства» нового комдива, генерала С.З. Потапова, который стремился выбить из 56-й дивизии бунтарский дух, держать дивизию в ежовых рукавицах, неоднократно приказывал полку становиться на колени и петь гимн и молиться за Царя. По словам комполка, многие офицеры говорили, что суровый режим, в который был поставлен Одоевский полк генералом Потаповым, убивал окончательно дух полка, и они опасались, как бы не началось поголовное самоубийство, в особенности офицеров. И все же начальство не решилось ввести репрессии против одоевцев, пытаясь предотвратить распространение волнений на остальную дивизию[1].

Даже казнь пяти солдат по приговору военно-полевого суда сопровождалась необычными обстоятельствами. Приговоренные просили не привязывать их к столбам, так как они умирают «за общее дело». Из-за этого после выстрелов они падали на землю, и их достреливали. Казненные стояли мужественно, и это давало повод думать, что протест одоевцев – это не простой бунт, вызванный какими бы то ни было экономическими требованиями, но преследующий исключительно цели политического свойства, полагал командир полка, правда, уже после Февральской революции. Даже после казни ощущалось со стороны однополчан давление на солдат, участвовавших в расстреле,. Расстрел породил среди солдат новые разговоры: «Зачем вы расстреливали товарищей, с которыми из одного котла ели?», «Сначала надо хорошо кормить, а затем выгонять на работу», «Следует расстрелять начальство, а затем уже нижних чинов», «Расстреляли, наверно, невинных, вот наша жизнь какая». Для предотвращения

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10об., 29об., 98об., 37об.–38, 8об., 98, 11–11об., 8, 83, 82, 9, 11–11об., 43, 10об.–11, 7об.–8.

дальнейших волнений начальник штаба 5-й армии выделил 7 нижних чинов в качестве тайных агентов «для выяснения агитаторов и размеров ведущейся пропаганды»[1]. Тем самым делу был придан чрезвычайно серьезный оборот на самых верхних ступенях фронтовой иерархии царской армии.

Волнения в Одоевском полку были последними крупными волнениями в царской армии накануне Февральской революции. Анализ причин и распространения этих и других волнений позволяет сделать ряд выводов из солдатского бунта, в котором задействованы были как минимум две стороны: военное командование, допустившее само возникновение и не обеспечившее быстрого его пресечения, а также солдатская масса, сумевшая сорганизоваться для предъявления своих требований и защитить их в открытом акте солдатского неповиновения.. Прежде всего следует отметить нерешительность командиров, включая командиров дивизии, их неспособность погасить беспорядки, хотя они были полностью осведомлены об их нарастании. Это говорит о возникшем параличе дисциплины в войсках. Начальство во время бунта, по сути, боялось применить силу, как правило, просто переформировывало части, а репрессий применяло чрезвычайно мало. Командиры на местах, вплоть до начальников дивизий, во время волнений взывали к верховному командованию, предлагая им вмешаться в решение вопроса, тем самым выводя конфликт на самые верхи – до командования фронтами. Во время волнений обнаружилась слабость унтер-офицерского состава, полное отсутствие посреднических звеньев, на которые могли бы опираться офицеры: ни старые кадровые солдаты, ни унтер-офицеры, ни младший командный состав отделений и рот, ни священники не смогли вмешаться или хотя бы смягчить конфликт, а тем более его пресечь. Частью слабости исполнительской дисциплины офицерского состава было фактическое незнание командирами даже многих офицеров, а офицера-

[1] РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10; *Ахун М.И., Петров В.А.* Указ. соч. С. 117; начальник КРО штаба Особой армии – командиру 223-го пехотного Одоевского полка от 21 января 1917 г. Совершенно секретно. Лично в собственные руки // РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 156.

ми – подчиненных из унтер-офицерского состава и тем более из нижних чинов. И наоборот, бунтари, солдатская масса имела немало возможностей обеспечить удовлетворение своих требований. Обычно волнения начинались после прихода новых пополнений, то есть армия, питавшаяся пополнениями, заведомо инфицировалась бациллами недовольства и непослушания. Иногда эти пополнения отличались особым менталитетом: это рабочие или жители регионов, где было больше индивидуальных свобод, например из Сибири или Дальнего Востока, отличавшиеся известным вольномыслием и свободой действий. Но главная антидисциплинарная сила пополнений заключалась в существовании в их среде значительной группы дезертиров, взятых из запасных полков, где они набрались или обменялись опытом уклонения от службы на позиции. Именно там они и оказались крепко спаянными, имели время сорганизоваться, договориться – или о сдаче в плен, или об акции невыхода на боевую позицию. В сущности, такие акции проходили безнаказанно, если не считать нескольких расстрелянных по приговорам военно-полевого суда. Таким образом, почва для будущих волнений никак не была ликвидирована, о чем военное командование, конечно, знало. Перевоспитание, дисциплинирование тыла становилось на первое место, что крайне тревожило начальство даже после прекращения активной фазы антивоенных протестов на фронте накануне Февраля. Особенностью указанных волнений являлась их нацеленность на распространение: начинаясь в одном полку, волнения, как правило, затрагивали остальные части, даже путем их «снятия».

Участники волнений применяли беспроигрышную тактику, используя бреши в дисциплинарных мероприятиях военного командования. Солдаты действовали «скопом», анонимно и скрытно, как правило, в условиях темноты (учитывая время атак или выхода на позицию), находясь в лесу, в землянках, то есть используя отдаленность от начальства, уединенность и т.п. Участники волнений проявляли поразительный коллективизм, всегда стояли друг за друга, проявляли упорство, никого из зачинщиков, своих товарищей, не выдавали. Во время волнений солдаты проявили организованность, которая могла возникнуть в результате совместного пребывания или на фронте, или в тылу – в запасных батальонах, в так называемых «первич-

ных группах». Волнения солдат отличались решимостью, сопровождались запугиванием остальных групп солдат, не участвовавших в бунтах, а также запугиванием офицеров. Таким образом, уже во время волнений накануне 1917 г. были опробованы те формы и методы антивоенных выступлений, а также защиты своих интересов, которые потом были широко использованы во время революции в 1917 г.

Солдатские волнения конца 1916 – начала 1917 г. имели большое значение в подготовке Февральской революции. Волнения разыгрались на самых значимых для этого периода войны направлениях: на Северном и Юго-Западном фронтах. В первом случае они являлись, в сущности, важнейшей причиной неудачи наступления в декабре 1916 г. А во втором случае, хотя они и разыгрались в период обычных «поисков» на русско-германском участке, однако стали серьезной угрозой для планирования не только операций, но даже успешной обороны позиций всей Особой армии. Несмотря на то, что в волнениях приняли участие только отдельные полки, однако стала явной возможность быстрого распространения бунта на другие полки и даже целые дивизии, а возможно и корпуса. Главная же опасность превращения волнений в фактор дестабилизации всей русской армии, вообще Русского фронта, по сравнению с «моральным кризисом» во Франции летом 1917 г., как известно, не приведшему к кризису всего англо-французского фронта, состояла в более сильной связи армейских волнений с волнениями внутри России, в наличии движений, за которыми последовала и армия[1].

Думается, именно эти опасения сделали возможным известное поведение верховного командования во время отречения царя, опасавшегося распространения восстания Петроградского гарнизона на остальную армию.

---

[1] *Pedroncini G.* Les mutineries de 1917. P., Presses universitaires de France, 1967. P. 310–311. Ситуация на французском фронте отличалась от ситуации на русском фронте тем, что во Франции волнениям противостояла английская армия, которая была более стойкой, чем русская, где вообще было трудно определить абсолютно надежные участки.

Заключение

Итогом анализа военного опыта русской армии в Первой мировой войне явились следующие положения. В ходе Первой мировой войны Россия в рамках Русского фронта не только приняла вызов со стороны крупнейших военных держав, но и значительную часть времени могла поддерживать противостояние с ними, став таким образом важнейшей частью мирового военного конфликта, итог которого мог бы выглядеть совершенно иначе. Россия, в сущности, использовала последовательно, а в определенный период, летом 1916 г., одновременно два типа военных действий: маневренную войну и позиционную. Пришлось выдержать и наступательную стратегию, и «стратегию истощения». Участие в мировой войне стало основным фактором вхождения России в эпоху современности.

Этот опыт модернизации испытала прежде всего русская армия. Армия России и до войны в значительной степени находилась под влиянием современности, имела довоенный социальный опыт различных контингентов воинов, последовательно входивших в войну по мере углубления конфликта. При этом все большее влияние в армии имели группы, менее всего испытавшие опыт современности: ополченцы второй очереди, не имевшие опыта пребывания в действующей армии мирного времени, и новобранцы. Группы же, в наибольшей степени воспринявшие опыт современности (кадровая армия, офицерство), постоянно уменьшались, а группы с незавершенным опытом – к 1917 г. все больше преобладали. Нарастало несоответствие наличного состава русской армии характеру современной войны.

Главным содержанием военного опыта, испытанного русской армией, явились боевые и военно-трудовые практики в виде строительства оборонительной полосы, ее обеспечения и военных действий (ратного труда). Опыт стро-

ительства и эксплуатации масштабной урбанизированной в своей основе военно-хозяйственной полосы (фронта) стал крупным достижением России – наряду с такими достижениями страны до революции, как строительство Сибирской железнодорожной магистрали или создание новой промышленной базы в Донбассе, и явился важным фактором влияния на социум. Фронт представлял собой особую военно-хозяйственную среду временного характера, оказавшую, однако, громадное влияние как на стратегию и тактику военных действий, так и на формирование новых устремлений человека, сформированного во время войны. Военный опыт, таким образом, с точки зрения новой локальной истории, представал как опыт сверхбыстрого (то есть намного быстрее и масштабнее модернизации в России на рубеже веков) вхождения крупной социальной группы (фронтовики) в зону современности, что было обусловлено практикой индустриальной войны. Фронтовая культура, вместившая в себя военный опыт, создала и условия для проведения новых социальных практик уже после войны, как продолжение бывшего довоенного социального опыта, обогащенного военным опытом. Военный опыт, таким образом, определил и направление будущих социальных практик.

Особенности строительства, эксплуатации, трудовых практик, сырьевого обеспечения ратного труда потребовали громадного напряжения русской армии: солдат, офицеров, администраторов, служащих, обслуживавших эту полосу. Тяготы современной войны трудно было выдержать при наличии имевшихся ресурсов, данного человеческого контингента, традиций ратного труда, привычных форм трудовой дисциплины. Военное противостояние привело к глубокой трансформации социальных представлений групп, сформированных в значительной степени в традиционных ценностях, прежде всего солдат-крестьян. В ходе войны обнаружилось несоответствие большинства этих представлений реалиям войны. Это касалось даже таких проверенных столетиями, привычных для ментальности русской армии качеств, как выносливость, полковое братство, сезонность ратного труда, ритм военных действий с

привычным сезонным распорядком труда и отдыха солдат-крестьян. Были поставлены под вопрос такие традиционные ценности, как полезность, временная и пространственная обозначенность, привычные представления о противнике.

Еще менее прочным для противостояния в современной войне оказался ресурс пропаганды, военно-религиозного обеспечения военных действий, что проявилось в феномене широко распространенных в армии антивоенных настроений, представленных в успешной деятельности такой референтной группы, как пацифисты-отказники. Дала серьезный сбой и система военной иерархии – как подготовленное еще до войны кадровое офицерство, так и формация офицеров военного времени, выпавшая из общей цепи субординации между кадровым офицерством, прямым начальством и солдатами. Полковое братство, являвшееся одной из основ боеспособности русской армии, утрачивалось перед лицом быстро изменявшегося состава солдат и офицеров. Крупным, важнейшим изъяном, не позволившим пресечь негативные процессы в армии, являлись дисциплинарные практики, не соответствующие ситуации большой войны. Армия, страдавшая от недостатка исполнительской дисциплины, начиная от начальников и кончая солдатом, не была обеспечена правовыми реформами в годы войны, системой судопроизводства. Начальствующий состав не сумел обеспечить выполнение даже имевшихся законов. Русская армия испытала взрыв преступности, являвшейся в значительной степени продолжением нарастания преступности в России как раз в начале XX в. Впитав в себя миллионные массы мужского населения страны, часто подверженного криминальным тенденциям, особенно в годы Первой русской революции, а также хулиганству, процветавшему в среде молодежи, главного контингента армии перед Февральской революцией, русская армия, вообще театр военных действий, представляли в годы войны всю гамму криминализации– в виде дезертирства, ухода в плен, мародерства, пьянства, хулиганства, половых преступлений и т.п. Очевидно, что война являлась важнейшим виктимизирующим факто-

ром накануне «красной смуты». Таков был негативный эффект военного опыта на гражданскую жизнь России в годы Первой мировой войны.

Несмотря на указанные негативные аспекты военного опыта в русской армии, вообще на Русском фронте в годы войны, этот же опыт привел к формированию установок солдата, позволивших ему совместить выход из войны с началом процесса борьбы за социальные преобразования. В работе подчеркивается связь фронта и тыла на почве защиты гражданского населения от социальных невзгод периода войны. Втягивание крестьянского хозяйства в экономику мировой войны позволило выйти из пределов чисто крестьянской ментальности, определить курс солдата-крестьянина на включение его в социально-политические процессы. Армия была не только источником революционного кризиса накануне Февраля, но и, в лице нарождающегося солдата-гражданина, активно включалась в решение социально-политических вопросов, что делало ее главным, центральным инструментом решения назревшего кризиса.

Большое значение в смене установок солдата-гражданина сыграл моральный кризис армии, постоянно нараставший в 1916 г., особенно к началу 1917 г. Его мощь по сравнению с моральным кризисом, поразившим армии западных стран – участниц войны, заключался в том, что он не мог быть урегулирован идеологическими, административными, дисциплинарными мерами, с одной стороны, а с другой – его исход виделся естественным в общей смене политического режима, что не было характерно для других стран.

Важное значение для смысла, дальнейшей судьбы, для направленности действий солдата-гражданина имели обстоятельства, формы, методы солдатского «бунта». Сами бунты были порождены не просто угнетенным настроением в армии, а совпали с активизацией социальных протестов внутри страны, и в этом смысле ими были спровоцированы. Солдатские волнения были также следствием и резкого ухудшения состава армии – полного доминирования солдат-ополченцев и новобранцев и утраты контро-

ля над рядом частей со стороны кадровых солдат, а также унтер-офицерского и офицерского состава. Большую роль сыграло и окопное товарищество, которое в условиях Русского фронта объединило солдат в борьбе не с внешним, а с внутренним врагом. Наконец, солдатский бунт выглядел вполне осмысленным, хорошо организованным, а главное – проходил, в сущности, в одних и тех же формах по всему фронту, что и сделало эту сторону морального кризиса крайне опасной, так как со стороны военного начальства не были приняты какие-либо меры. Именно опасения перехода морального кризиса в прямой коллапс армии и сыграли главную роль в таком быстром принятии Февральской революции военным командованием, потому что в ней виделся тогда новый мощный источник активизации оборонительных усилий страны.

Полученный военный опыт сыграл значительную роль во время революции 1917 г. – как в ходе создания социально-политических проектов, так и в формировании системы символов и отношения к различным формам бытия – от похорон до праздников. Важнейшим результатом обретения военного опыта в годы Первой мировой войны явилось рождение солдата-гражданина. В отличие от «человека с ружьем», «солдат-гражданин» получил представление о своем месте в системе социально-политических отношений, обрел противников в виде многочисленных врагов, что было представлено в известном понятии «буржуй», и тем самым разорвал общий круг традиционных отношений, связывавших его с конкретным местом, встал перед проблемой решения общенациональных задач. Это еще не означало создания «нации», поскольку отсутствовали ее главные признаки: единство в понимании социальных ценностей, которые необходимо было защищать, система политических и идейных символов, отсутствовала материальная база функционирования современного общества, то есть народное хозяйство, системы образования, победившая идеологии и т.п. Однако именно на окончательном этапе войны был запущен механизм глубоких социальных перемен в обществе, начало которым было положено в глубоко революционных, в сущности своей инно-

вационных, и в этом смысле модернизаторских, действиях по разрушению всей системы традиционных отношений, включая общину, патриархальную семью, архаическую политическую систему, идеологию, само мировоззрение.

Этот военный опыт был использован не только в революции и гражданской войне, но и в годы социалистического строительства. Главные его направления: изменение социально-семейного статуса крестьянина, ликвидация традиционных отношений в деревне; создание общества социального обеспечения как гарантия от социальных тягот военного времени; вообще рождение человека-гражданина, наметившего путь для социальных перемен.

Большое значение имел и опыт ведения современной войны для военного руководства в виде социальной памяти конкретной группы, так сказать, профессиональной памяти. Этот опыт не пропал, а наоборот, был востребован в годы следующего глобального мирового конфликта, в котором и было суждено солдату-гражданину превратиться в представителя советской родины. Большинство мер, связанных с организующими мероприятиями в столь огромной стране, еще длительное время обладавшей инерцией традиционалистского сопротивления инновациям, были востребованы в ходе Великой Отечественной войны. Таким образом, военный опыт на Русском фронте в годы Первой мировой войны сыграл важнейшую роль в начале глобальных социально-политических преобразований, строительства современного общества в России в первые десятилетия XX в., в создании условий для защиты этих завоеваний в главном военном испытании – Великой Отечественной войне.

Указатель имен

А

Абаканович Н.В. 105
Александра Федоровна, императрица 403
Алексеев В.В. 11, 65
Алексеев М.В. 24, 86, 215, 216, 295, 307, 421, 425-429, 435, 436, 438, 444, 448, 464, 467, 470, 480, 481, 487, 600, 604, 656, 673, 674
Алексеева Е.В. 65
Алмазова Н.Я. 35
Альман Артур 473
Андрианов П. 127, 129
Анисков В. Т. 31
Антонов А.И. 619
Анфимов В.Я. 410
Анчарова М. 620, 635
Аншелес И.И. 620
Апушкин В.А. 592, 687
Аранович А.В. 279-281, 294
Асауленко Игнат 536
Афанасий, архимандрит 584, 587
Ахун М.И. 211, 215, 217, 311, 461, 463, 467, 604, 650, 677, 678, 680, 681, 683-691, 693, 694, 711

Б

Баженов Н.Н. 350
Базанов С.Н. 211
Байдаков А.В. 580
Байрау Д. 11, 581, 588
Балуев П.С. 84, 93, 529, 704
Баранчиков А. 544
Баринов Е.Х. 509
Барк П.Л. 565
Бахурин Ю.А. 211, 459, 211
Башнел И. 36-39, 41
Беккер Н.М. 382, 383
Белогуров С.Б. 561, 562, 566
Беляев М.А. 449, 471
Бердяев А.Ф. 498, 499
Березовая Л.Г. 552, 553
Берлякова Н.П. 552
Бескровный Л.Г. 17, 22, 55
Бинштok В.И. 279
Бирман Б.Н. 408
Блиох И.С. 141
Блументаль Ф.Л. 546
Бобров А.Ф. 678
Бобровский Б.П. 106, 462
Богров С.Л. 630
Бонч-Бруевич В.Д. 581, 588, 595
Бонч-Бруевич М.Д. 182, 213, 279, 281, 443, 491, 500, 501, 505, 532
Борев В.Ю. 558, 559, 569
Бороздин 690, 691

Брусилов А.А. 57, 58, 77, 78, 80, 85, 86, 90, 97, 111, 148, 158, 257, 301, 418, 432, 442, 447, 448, 454, 532, 548, 594, 673, 674, 688, 704
Булгаков В. 589, 590
Булдаков В.П. 11, 15, 278, 280, 281, 341, 390, 410, 467, 591, 649
Булыгина Т.А. 12, 64
Бурмистрова Т.Ю. 15
Бусыгина Н.П. 370

В

Вайсман Н. 58
Варшавец 538
Вашетко Н.П. 343
Вебер М. 43
Вебер Э. 39, 40, 47
Вид В.Д. 352, 354, 367, 369, 370, 376, 379, 387-390, 392-394, 397, 399
Вильгельм II 133
Витте С.Ю. 35, 49
Внуков Р. 60, 619, 620
Войтоловский Л. 169, 176, 186, 187, 191, 192, 200, 203, 204, 242, 245, 247, 304, 331, 390, 392, 394, 567, 575, 586, 587, 608, 609, 615, 622, 624, 627, 632, 633, 648, 657, 664, 666
Волков 382
Волков С.В. 300, 301-304
Восторгов И. 584
Вырубов Н.А. 345

Г

Гаврилов Л.М. 24, 33
Гаккебуш В.М. 344
Гандурин И.Г. 689-691
Ганнушкин П.Б. 350, 364, 365, 410
Гаркавенко Д.А. 26-29
Гвайрт Н. 417
Геллнер Э. 11, 553
Георгий Михайлович, великий князь 165, 199
Гервер А.В. 347, 348, 355, 356, 359, 373, 375, 390, 393, 397
Гернет М.Н. 415
Головин Н.Н. 17, 20, 22, 24, 25, 30, 33, 52-55, 62, 279, 280, 303, 304, 475, 479
Голубев В.А. 15, 238
Голубых М. 620
Гордеев Ю.Н. 66, 93, 96, 97, 101, 108
Гордеева И.А. 591
Горемыкин И.Л. 427-429
Громовой Л. 362
Громыко М.М. 219, 220
Гужва Д.Г. 562, 563
Гулевич А.А. 94, 141
Гуревич А.Я. 371
Гурко В.И. 282, 440, 441, 455-457, 637
Гутников Михаил. 653
Гутор А.Е. 429, 430, 440
Гучков А.И. 579, 656
Гэтрелл П. 91

Д

Даль В. 170, 171
Данилов Н.А. 538, 549
Данилов Ю.Н. 427, 428
Данилова В.П. 169
Данилова Л.В. 169, 175
Даршкевич Л.О. 370
Джонсон Р. 41
Джунковский В.Ф. 425, 426, 468, 485
Дитерихс М.К. 253, 427, 428
Днепровский Александр. 474
Добророльский С.А. 19
Добротворский М.Н. 345, 347, 350, 407
Довбор-Мусницкий И.Р. 691, 692
Домбровский Э.И. 498, 499
Дураков А.Т. 308
Дьяконов П.П. 508, 509
Дюркгейм Э. 13
Дякин В.С. 556

Е

Ермольев С. 399

Ж

Жданов В. 265
Жишов Э.Б. 575

З

Заболотный 687
Зайончковский А.М. 345, 581, 688, 692, 693
Замбржицкий В. 70-73, 75-77, 83, 107, 108
Захаров М. 100, 101, 106
Земцова А.Т. 452
Зенкевич П.И. 35
Зидер Р. 618
Зомбарт В. 43
Зубков К.И. 65
Зырянов П.Н. 50, 51, 58-60, 621

И

Иванов А.И. 632, 693
Иванов В.В. 18, 36, 54, 624, 629, 630
Иванов Д.Л. 584
Иванов Н.И. 24, 163, 205, 418, 419, 422, 426, 432, 436, 439, 441, 449, 454, 461, 463, 467, 468, 484, 504, 525, 526, 548
Иванов Ф.И. 341–344, 346, 350, 353, 354, 357, 408
Иванов-Смоленский А.Г. 408
Ивашиненко 694, 696, 698, 699, 704–706
Ивашко М.И. 580, 581
Игнатьев А.А. 102
Икономэйкис И.Г. 42
Ионин Л.Г. 558
Иорданский Н. 47
Исаков Г. 502, 503

К

Кавтарадзе А.Г. 304
Казаков М.И. 683, 689, 691 692

Калишевский В.А. 66, 73–77, 83, 108
Кальнец М.А. 584
Каминский Л.С. 279
Кандидов Б. 582, 589
Капков К.Г. 582, 595
Каплан Г.И. 343, 350, 352, 367, 369, 371, 376, 379, 381, 387–391, 393, 394, 397, 404, 411
Караулов М.А. 527, 528
Карпенко С.В. 15
Катаев В. 61
Керсновский А.А. 66, 303
Кин Р. 42
Кириченко 459
Китаев-Смык Л.А. 13, 192, 350, 352, 354, 357, 359, 360, 364, 366, 367, 376, 414
Клембовский В.Н. 216, 301, 315, 564
Клибанов А.И. 590, 595
Кобыляцкий И. 510
Коваленко А.В. 558, 559, 569
Козлов Н. 105
Колоницкий Б.И. 15
Кондзеровский П.К. 183, 213, 301, 315, 532
Кондратович К.А. 87, 296, 315
Кондратьев Н.Д. 279–281
Корелин А.П. 41
Космодамианский Петр 584
Костриков А.А. 576, 580, 581, 583, 588
Котляревский С.А. 571
Кочаков Б.М. 303, 304
Кривошеев Г.Ф. 17, 21, 22
Кудряшов А.И. 497–501, 508
Кукаркин А.В. 558
Куропаткин А.Н. 88, 141, 165, 216, 421, 434–436, 515, 516, 542, 600
Кутузов В.В. 24, 33

Л

Ларин Е.И. 556, 559, 568
Левенберг П. 364
Левинский 547
Ленин В.И. 27, 210, 222, 223, 559, 570
Лесник 690
Лечицкий П.А. 432, 442, 527, 684
Литвинов А.И. 212
Логунов А.П. 15
Лотман Ю.М. 571
Любавский М.К. 65
Людтке А. 12, 13
Люстрицкий В.В. 348, 397
Ляхов В.П. 677
Ляхов М.Н. 194, 205, 248, 251–253, 505, 507, 510, 511, 525, 673

М

Маврин А.М. 541
Макаев И.З. 695
Макаев К. 701
Макаренко С.А. 454, 526, 527
Макаров В.Е. 356
Маки Д. 49

Маклаков Н.А. 449, 450
Максимов С.В. 219
Маловичко С.И. 12, 64
Манакин В. 25
Манасевич-Мануйлов И.Ф. 655
Мандрыка Г.Е. 214, 699
Маргулис Н. 559, 560
Маркович Д. 43
Маркс К. 13
Маркузе Г. 13
Медков В.М. 619
Менделеев Д.И. 53
Мертон Р.К. 13
Милюков П.Н. 656
Милютин Д.А. 37
Миронов Б.Н. 12, 29, 32, 35, 41–47, 53, 60, 110, 221, 415, 479, 552–555, 619
Михневич Н.П. 141
Мовчин Н. 467, 475
Мозговой С.А. 588
Морозов 503
Московичи С. 569, 570, 574
Мун Д. 39, 40, 48, 49

Н

Нагорная О.С. 22
Нарский И.В. 11, 22, 61, 111, 112, 174, 230, 235, 341
Нелипович С.Н. 15, 111, 577
Неттинг А. 41
Нечаев П.П. 700
Нешкин М.С. 15, 99
Никитин М.П. 345, 346, 526
Николай II 78, 102,183, 215, 307, 400, 402, 448, 649, 650, 670
Николай Николаевич, великий князь 164, 200, 211, 325, 403, 525, 527, 581, 647, 663
Новиков В.Н. 508

О

Огородников Ф.Е. 706
Одишелидзе Я.И. 201, 549, 550
Оликов С. 467
Оппель В.А. 497, 505, 508, 511
Осипов В.К. 408
Останин А.А. 509
Оськин Д. 197, 629

П

Пайпс Р. 571
Паллот Дж. 49
Панский А. 345
Пантелеймон о. 583, 706
Пархоменко Т.А. 552
Пасыпкин Е.А. 66, 73–77, 83, 108
Переслегин С.Б. 66
Петрила И. 403
Петров В.А. 211, 215, 217, 311, 461, 463, 467, 604, 650, 677, 678, 680, 681, 683, 684, 686–691, 693, 694, 711
Плампер Я. 235, 341
Плеве П.А. 301, 434, 463, 464
Побережников И.В. 11, 65

Погибко Н.И. 405
Поляков Г. 581
Попелишев В.Е. 127, 129, 130
Попов Е.И. 589
Попов Н.И. 691
Попов Н.Ф. 497
Попов Ю.В. 352, 354, 367, 369, 370, 376, 379, 387, 388, 390, 392–394, 397, 399
Порембский 687
Поршнева О.С. 11, 341, 576, 591
Потапов Н.М. 546, 561, 564
Потапов С.З. 710
Почепцов Г. 560, 568–571, 575
Преображенский И.В. 126, 127, 130
Преображенский С.А. 342, 344–346, 348, 376, 393, 404
Прозоров Л. 341, 343, 344, 348, 354
Протасов Л.Г. 18, 26–29, 31
Пустовойтенко М.С. 547
Пушкарев Л.Н. 203, 632
Пушкарева Н.Л. 12, 13

Р

Равкин И.Г. 410
Рагоза А.Ф. 427, 428
Радко-Дмитриев Р.Д. 90, 94, 185, 186, 214, 217, 461, 516, 679
Райх В. 617, 618, 639
Распутин Г.Е. 325, 655, 656, 660
Рашковская М.А. 590
Рашковский Е.Б. 590
Редигер А. 52, 54, 55
Репина Л.П. 12
Родзянко М.В. 295, 436, 444, 475
Рожков А.Ю. 31, 314
Рокфеллер Дж.Д. 277
Ромодановский П.О. 509
Российский Е.А. 705, 706
Роткирх Фон-Трак. 78
Рубашев С.М. 512
Рубинштейн Д.Л. 655
Ружицкий А.С. 167
Рузский Н.В. 89, 182, 301, 310, 452, 471, 486, 490, 493, 500, 649
Рункевич С.Г. 588

С

Савенко Ю.С. 370
Савин Григорий 536
Сазонов Л.И. 23, 654
Санборн Дж. 40, 495, 513, 556, 576
Сахаров В.В. 456
Свенцицкий В. 589, 595
Свидерский-Малярчук С.С. 212
Свионтецкий И.О. 498, 499, 510
Свифт Э. 553
Свядощ А.М. 348
Сегалов Т.Е. 345
Семенова О. 41, 48
Сенин А.С. 581

Сенявская Е.С. 12, 13, 238, 341, 343, 617, 634
Серени С. 48
Сиверс Н.Н. 216
Симаков В.И. 126, 127, 131–133, 135, 136, 171, 176, 200, 209, 305, 608, 609, 619–621
Симмонс П. 15, 474
Смирнов В. 209, 638
Снессарев Н.В. 57
Снитко Н. 66
Соколовский К.К. 498, 499, 503, 508
Соловьев Артемий 677
Степанов А. 652
Степанов А.И. 17, 21
Степной Николай 629
Степун Ф. 179, 186, 305, 397, 632, 635
Столыпин П.А. 49, 51, 555
Строков А.А. 11, 25
Струве П.Б. 141, 571
Студенцов Н.И. 408
Сулейман Н. 97, 99, 103–105, 108
Суханов С.А. 345
Сухомлинов В.А. 272, 654
Сэдок Б. Дж. 343, 350, 352, 367, 369, 371, 376, 379, 381, 387–391, 393, 394, 397, 404, 411

Т

Тоффлер О. 554
Трегубов И.М. 590, 591, 595
Тропынин П. 381
Трошин А.А. 619

У

Урланис Б.Ц. 17, 21
Ушаков Г.К. 414

Ф

Фатеев А.В. 273
Федоров С.П. 497, 505, 508, 511
Федорченко С.З. 169, 176–178, 197, 202, 247, 321, 330–332, 392, 393, 397, 399, 587, 608, 609, 624, 625, 636, 637, 639, 641, 644, 646, 658, 660
Фельдт В. 100
Фельштинский Ю. 218, 222
Фесенко Е.И. 572
Фирсов С. 582
Фомичев И. 510
Фонотов А.Г. 5, 11
Франк С. 415
Френкин М. 218, 222
Фриндлендер К. 341
Фромм Э. 13, 411
Фрунзе М.В. 66
Фуко М. 321, 495, 496
Фурманов Д. 204, 505

Х

Хабалов С.С. 492, 493
Хвостов А.А. 637
Хвостов А.Н. 533, 534
Хелл Д. 13, 370, 371, 376, 383, 385, 387–390, 393, 397, 398

Хениган У. 414
Хетагуров К. 376
Хмелевская Ю.Ю. 223
Хрящева А. 33, 336

Ц

Цабель С.А. 66, 67

Ч

Чаадаева О. 215, 649
Чадина О.Н. 509
Черепанов А.И. 107, 108, 221, 304, 306, 614, 691, 692
Чернуха А.А. 362
Чернышев Тихон 510
Чижевский Н.К. 684, 685
Чистяков 693
Чугунов С.А. 346
Чурин А.Е. 310, 438, 443
Чхеидзе Н.С. 656

Ш

Шабанов В.М. 99
Шавельский Г.И. 581–585, 587, 589
Шатилов В.П. 695
Шатковская Т.В. 48
Шевелев А. 630
Шибков А.И. 497–501, 505, 507, 508, 510
Шигалин Г.И. 11
Шингарев А.И. 578, 580, 592, 593
Шишкевич М.И. 427, 428
Шкребтиенко 693
Шохор-Троцкий К.С. 578–580, 592, 593
Штомпка П. 11, 13
Штукатуров 162, 171, 175, 176, 198, 284
Штюрмер Б.В. 565, 600, 655, 656, 702
Шуман Д. 111, 112, 230

Щ

Щекин М.В. 60, 619
Щербинин П.П. 632

Э

Эверт А.Е. 69, 84, 89, 427, 429, 435, 449, 453, 454, 458, 462, 470, 548, 681
Эйни Д. 50
Эклоф Б. 47
Эльснер Е.Ф. 506
Энгельгардт А.И. 188
Энгельс Ф. 13, 629
Энгельстейн Л. 629
Эриксон Э. 36
Эрисман Ф.Ф. 405
Эткинд А. 595

Ю

Юнг А.В. 413, 414
Юнгер Э. 6, 12, 65, 171, 330
Юрченко 693
Юрьева Л.Н. 13, 344, 348, 350, 352, 353, 360, 362, 364, 365, 371, 393, 411
Юхвиц Янкель 679, 680

Я

Языков А. 638
Яковкина Н.И. 552
Яковлев В.В. 66–69
Янушкевич Н.Н. 205, 418, 426, 448–450, 460, 468, 469, 484, 504, 521, 525–527, 575, 647, 649
Ясперс К. 354, 409

A

Ashworth T. 223

B

Bater J. H. 41
Burbank J. A. 48
Bushnell Y. 39, 41, 300, 554

C

Carrington Ch. 352
Comaroff J.L. 163

E

Economakis E.G. 42
Eklof B. 47

F

Ferro M. 211
Frank S. P. 51, 58, 60

G

Gatrell P. 91

H

Horn J. 11, 496, 556

J

Jukes G. 21, 23

K

Korelin A.P. 41

L

Leed E.J. 13, 169, 203, 211, 340, 352, 353, 414
Lehning J. R. 40
Lincoln W. B. 40

M

McKean R.B. 39, 42, 49, 51
Moon D. 39–42, 47–49, 51 52

N

Neuberger J. 60

O

Osborne E.B. 203

P

Pallot J. 49
Pedroncini G. 713
Popkins G. 48

S

Sanborn J.A. 40, 496, 515, 556, 577, 578
Seregny S.J. 40, 48
Shumann D. 112, 230
Sirotkina I. 341
Stern P.C. 163

T

Twarog S. 35

W

Waters E. 617
Wcislo F.W. 49
Weber E. 40
Weissman N.B. 58, 60, 621
Wildman A. 467
Wilson S.L.R. 555

Y

Yaney G.T. 50

Указатель воинских формирований, частей, учреждений и военно-общественных организаций

1-я армия 79, 117, 120, 201, 205, 212, 419, 427, 448, 464, 549, 550
2-я армия 105, 118, 121, 158, 164, 177, 217, 418, 419, 424, 453, 454, 460, 461, 503, 562, 667
3-я армия 118, 121, 234, 316, 333, 419, 424, 431, 434, 461, 547, 562, 627
4-я армия 118, 121, 295, 297, 419, 422-424, 427-429, 447, 449, 463, 462, 547, 548, 673
5-я армия 61, 70, 79, 118-120, 123, 314, 434, 438, 453, 463, 488, 541, 562, 679, 711
6-я армия 79, 118, 120, 173, 453, 521, 562, 599, 623, 632, 637
7-я армия 79, 122, 123, 173, 184, 245, 303, 336, 427, 544, 599, 628, 666, 667
8-я армия 85, 118, 119, 122, 150, 163, 182, 245, 337, 418, 419, 422-424, 431, 442, 447, 449, 450, 453, 454, 456, 458, 535, 547, 548, 562, 599, 636, 685
9-я армия 81, 115, 122, 124, 173, 419, 423, 432, 440, 442, 547, 562, 573, 683, 684
10-я армия 117, 118, 121, 184, 228, 295, 297, 419, 424, 426, 533, 562
11-я армия 84, 105, 123, 122, 190, 258, 262, 336, 337, 419, 423, 426, 445, 456, 465, 544, 547, 562, 638
12-я армия 58, 79, 88, 90, 94, 118-121, 185, 186, 217, 301, 310, 443, 453, 473, 477, 531-533, 535, 536, 539, 562, 599, 627, 628, 636, 669, 683, 689, 688
Особая армия 71, 84, 85, 89, 93, 123, 124, 144, 185, 190, 244, 262, 282, 306, 339, 516, 518, 599, 600, 693, 694-696, 698, 700, 713
Кавказская армия 147, 159, 427

1-й армейский корпус 282, 679
2-й армейский корпус 122, 418, 683

4-й армейский корпус 314
5-й армейский корпус 318, 529, 697
6-й армейский корпус 337, 416-418, 440, 441, 460
7-й армейский корпус 429, 431, 440
8-й армейский корпус 535
12-й армейский корпус 535
14-й армейский корпус 427, 435, 564, 565
18-й армейский корпус 419, 443, 465
21-й армейский корпус 693
22-й армейский корпус 171, 431, 433, 442, 446, 455
24-й армейский корпус 419, 443
25-й армейский корпус 428, 435
34-й армейский корпус 517, 518, 693-697, 704, 706
35-й армейский корпус 156
36-й армейский корпус 234
40-й армейский корпус 173
43-й армейский корпус 94, 167
45-й армейский корпус 337
48-й армейский корпус 123

Гвардейский корпус 680
Гренадерский корпус 434

1-й Сибирский армейский корпус 689, 693
2-й Сибирский армейский корпус 672, 687-689, 692, 693
5-й Сибирский армейский корпус 167, 337
6-й Сибирский армейский корпус 167, 536
7-й Сибирский армейский корпус 214, 679, 688

1-й Кавказский армейский корпус 81
2-й Кавказский армейский корпус 81
4-й Кавказский армейский корпус 81
5-й Кавказский армейский корпус 81
6-й Кавказский армейский корпус 81

1-й Туркестанский армейский корпус 427, 429
2-й Туркестанский армейский корпус 81

2-й кавалерийский корпус 403, 426
3-й кавалерийский корпус 426, 431

4-й кавалерийский корпус 431
5-й кавалерийский корпус 535

35-й корпусной отряд 541

13-я пехотная дивизия 422, 462
16-я пехотная дивизия 465
18-я пехотная дивизия 419
20-я пехотная дивизия 444
22-я пехотная дивизия 679
34-я пехотная дивизия 454
37-я пехотная дивизия 419, 441
42-я пехотная дивизия 382
56-я пехотная дивизия 517, 518, 695-709
69-я пехотная дивизия 465
76-я пехотная дивизия 446
81-я пехотная дивизия 693
82-я пехотная дивизия 686
83-я пехотная дивизия 583
102-я пехотная дивизия 694
108-я пехотная дивизия 488

3-я Сибирская стрелковая дивизия 682, 692
4-я Сибирская стрелковая дивизия 688
5-я Сибирская стрелковая дивизия 688
12-я Сибирская стрелковая дивизия 679
14-я Сибирская стрелковая дивизия 214, 691, 692
16-я Сибирская стрелковая дивизия 689
20-й Сибирская стрелковая дивизия 687

Особая пехотная бригада 694
1-я артиллерийская бригада 153
28-я артиллерийская бригада 215
33-я артиллерийская бригада 403
42-я артиллерийская бригада 403, 419-420
73-я артиллерийская бригада 273
3-я артиллерийская парковая бригада 531

Л-гв. Павловский полк 157, 221-222
2-й лейб-гусарский Павлоградский полк 423

3-й гренадерский Перновский полк 502
5-й гренадерский Киевский полк 649
7-й гренадерский Самогитский полк 428

5-й гусарский Александрийский полк 535
9-й гусарский Киевский полк 164
11-й гусарский Изюмский полк 163

2-й пехотный Софийский полк 418
8-й пехотный Эстляндский полк 417, 460
12-й пехотный Великолуцкий полк 262
15-й пехотный Шлиссельбургский полк 687
17-й пехотный Архангелогородский полк 163
19-й пехотный Костромской полк 436-437
25-й пехотный Смоленский полк 221
35-й пехотный Брянский полк 425, 510
41-й пехотный Селенгинский полк 215, 219, 420
42-й пехотный Якутский полк 421
43-й пехотный Охотский полк 426
44-й пехотный Камчатский полк 165, 683
49-й пехотный Брестский полк 424, 463
54-й пехотный Минский полк 101
62-й пехотный Суздальский полк 286
63-й пехотный Углицкий полк 687
64-й пехотный Казанский полк 465
76-й пехотный Кубанский полк 420
79-й пехотный Куринский полк 419, 444, 679
84-й пехотный Ширванский полк 419
100-й пехотный Островский полк 421
104-й пехотный Устюжский полк 460
106-й пехотный Уфимский полк 424
114-й пехотный Новоторжский полк 215
126-й пехотный Рыльский полк 419
127-й пехотный Путивльский полк 419
128-й пехотный Старооскольский полк 419
137-й пехотный Нежинский полк 418, 535
143-й пехотный Дорогобужский полк 143, 215
146-й пехотный Царицынский полк 419
155-й пехотный Кубинский полк 34, 428
163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк 548

164-й пехотный Закатальский полк 419, 421
170-й пехотный Молодечненский полк 286
173-й пехотный Каменецкий полк 528
174-й пехотный Роменский полк 693
182-й пехотный Гроховский полк 294
186-й пехотный Аслаундзский полк 679
188-й пехотный Карский полк 510
195-й пехотный Оровайский полк 419
199-й пехотный Кронштадтский полк 222
221-й пехотный Рославльский полк 583, 695, 706, 709
222-й пехотный Красненский полк 417, 695, 703, 709
223-й пехотный Одоевский полк 583, 695-711
224-й пехотный Юхновский полк 695, 703, 705, 709
235-й пехотный Белебеевский полк 212
239-й пехотный Константиноградский полк 215
241-й пехотный Седлецкий полк 417
242-й пехотный Луковский полк 660
249-й пехотный Дунайский полк 212
257-й пехотный Евпаторийский полк 424
270-й пехотный Гатчинский полк 273, 382
274-й пехотный Изюмский полк 465
277-й пехотный Переяславский полк 215
278-й пехотный Кромский полк 153
280-й пехотный Сурский полк 426, 464
284-й пехотный Венгровского полк 543
292-й пехотный Малоархангельский полк 294
301-й пехотный Бобруйский полк 212, 417, 446
321-й пехотный Окский полк 215, 436
322-й пехотный Солигаличский полк 419
325-й пехотный Царевский полк 686
326-й пехотный Белгорайский полк 684, 686
328-й пехотный Новоузенский полк 419, 420
336-й пехотный Челябинский полк 417
403-й пехотный Вольский полк 215
406-й пехотный Щигровский полк 680
407-й пехотный Саранский полк 543
408-й пехотный Кузнецкий полк 693
409-й пехотный Новохоперский полк 420, 683
410-й пехотный Усманский полк 420
411-й пехотный Сумский полк 420

412-й пехотный Славянский полк 34
419-й пехотный Славянский полк 424
429-й пехотный Рижский полк 34
430-й пехотный Валкский полк 34
431-й пехотный Тихвинский полк 34
432-й пехотный Валдайский полк 34
433-й пехотный Новгородский полк 34
434-й пехотный Череповецкий полк 34
449-й пехотный Харьковский полк 531
472-й пехотный Масальский полк 693
479-й пехотный Кадниковский полк 215
482-й пехотный Жиздринский полк 215, 684
500-й пехотный Ингульский полк 215, 687
663-й пехотный Язловецкий полк 222

1-й пехотный запасной полк 678
25-й пехотный запасной полк 544
49-й пехотный запасной полк 633
50-й пехотный запасной полк 308
56-й пехотный запасной полк 294
181-й пехотный запасной полк 678, 680

1-й Сибирский стрелковый полк 510
3-й Сибирский стрелковый полк 425
8-й Сибирский стрелковый полк 586
9-й Сибирский стрелковый полк 682
10-й Сибирский стрелковый полк 682
11-й Сибирский стрелковый полк 683
15-й Сибирский стрелковый полк 688, 690
16-й Сибирский стрелковый полк 688
17-й Сибирский стрелковый полк 688-689
18-й Сибирский стрелковый полк 688
19-й Сибирский стрелковый полк 544, 688, 689
20-й Сибирский стрелковый полк 574
24-й Сибирский стрелковый полк 421
33-й Сибирский стрелковый полк 419
45-й Сибирский стрелковый полк 215, 420
47-й Сибирский стрелковый полк 421
48-й Сибирский стрелковый полк 217, 679
53-й Сибирский стрелковый полк 214

54-й Сибирский стрелковый полк 691
55-й Сибирский стрелковый полк 213, 214, 691
56-й Сибирский стрелковый полк 106, 692
57-й Сибирский стрелковый полк 692

4-й Финляндский стрелковый полк 464
5-й Финляндский стрелковый полк 424
9-й Финляндский стрелковый полк 678
15-й Финляндский стрелковый полк 153

8-й Кавказский стрелковый полк 421

5-й Донской казачий полк 294
40-й Донской казачий полк 681
51-й Донской казачий полк 399
58-й Донской казачий полк 710

Запасной батальон л.-гв. Павловского полка 285
45-й пехотный запасной батальон 678
47-й пехотный запасной батальон 542
49-й пехотный запасной батальон 633
101-й пехотный запасной батальон 673
179-й пехотный запасной батальон 472
241-й пехотный запасной батальон 503
258-й пехотный запасной батальон 683
268-й пехотный запасной батальон 503
273-й пехотный запасной батальон 382
272-й пехотный запасной батальон 291, 294
323-й пехотный запасной батальон 501
36-й рабочий батальон 503
43-й рабочий батальон 681
7-й Сибирский саперный батальон 693
Сибирский саперный батальон 624
4-й Сибирский железнодорожный батальон 215
18-й пластунский батальон Кубанского войска 677

163-я пешая Вологодская дружина 462
383-я пешая Ковенская дружина 462
420-я пешая Полтавская дружина 538

44-я батарея 28-й артиллерийской бригады 215
Новогеоргиевская крепостная артиллерия 381

1-я Кронштадтская крепостная минная рота 536
2-я Кронштадтская крепостная саперная рота 574
103-я маршевая рота 693

2-й жандармский полуэскадрон 11-й армии 653
Гомельский распределительный пункт 489, 536
Кременчугский распределительный пункт 474, 682
Елисаветградский гарнизон 678
101-й Минский этап 489
143-й тыловой этап 681

Варшавский военный округ 497
Двинский военный округ 121, 123, 474, 477, 486, 501, 510, 519, 521, 522, 537, 538, 540, 541
Киевский военный округ 123, 283, 336, 497, 520, 522, 522-524, 538, 543
Минский военный округ 121
Московский военный округ 291, 470, 518, 530
Одесский военный округ 28, 119, 292, 336, 337, 543
Петроградский военный округ 473, 477, 486, 492, 493, 497

Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС) 318, 511, 562, 563, 568, 604
Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) 318, 319, 562, 563, 604, 631.
Объединенный комитет по снабжению армии ВЗС и ВСГ (Земгор) 563
Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) 563-564
Московский военно-промышленный комитет (МВПК) 563-564
Общедворянская организации помощи больным и раненым воинам 564
Российское общество Красного Креста (РОКК) 564

Научное издание

Асташов, Александр Борисович

Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Раткина Александра*
Корректор *Ирина Башлай*
Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*
Художественный редактор *Леонид Янович*
Обложка *Антонина Байдина*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
http://www.novhron.info

Подписано к печати 12. 02. 2014
Формат 60x90/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. – 46,25
Тираж 550 экз. Заказ № 208

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 811826

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1» 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева,15
Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87 Сайт.: www.volga-print.ru

В книге на большом архивном материале в свете новейших исторических подходов анализируются особенности Русского фронта в годы Первой мировой войны в географическо-пространственном и хозяйственном отношениях, социальный состав армии, боевой опыт, фронтовая повседневность, тяготы военной службы, психопатология воюющего человека, пропаганда и религиозное обеспечение войны, дисциплинарные практики, преступность, вопросы личной жизни на фронте, моральный кризис и бунтарство в русской армии. Военный опыт русской армии рассматривается как важнейшее условие революции 1917 г. и последующей модернизации России.

издательство **новый хронограф** http://www.novhron.info